ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

ИСПОЛИН СОВРЕМЕННОЙ ФЭНТЕЗИ

Майкл
МУРКОК

Элрик из Мелнибонэ

КНИГА О ВЕЛИКИХ ДЕЯНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА МЕЛНИБОНЭ

ЭКСМО

Майкл
МУРКОК

Элрик из Мелнибонэ

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Майкл
МУРКОК
Эльрик
из
Мелнибонэ

Майкл
МУРКОК

Элрик из Мелнибонэ

•

Крепость Жемчужины

•

Скиталец по морям судьбы

•

Грезящий город

•

Когда боги смеются

•

Поющая цитадель

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

Майкл

МУРКОК

Элрик из Мелнибонэ

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
М 91

Michael Moorcock

Elric of Melnibone © Michael Moorcock 1972
The Fortress of the Pearl © Michael Moorcock 1989
The Sailor on the Seas of Fate © Michael Moorcock 1976
The Dreaming City © 1961 by Michael Moorcock
While the Gods Laugh © 1961 by Michael Moorcock
The Singing Citadel © 1967 by Michael Moorcock

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Карты выполнены *И. Жмайловой* и *Ю. Каташинской*

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна, организатора интернет-сайта «Танелорн: всё о Майкле Муркоке» (http://moorcock.narod.ru), за деятельное участие в подготовке настоящего издания

Муркок М.
М 91 Элрик из Мелнибонэ: Фантастические произведения / Майкл Муркок; [пер. с англ. Г. Крылова]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 672 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-24776-9

Майкл Муркок — создатель первого «антигероя» в традиционной героической фэнтези. Его Элрик, император Мелнибонэ, островного государства, когда-то повелевавшего всеми народами земли, по популярности не уступает таким знаменитым литературным героям, как Конан-варвар из Киммерии, принц Корвин из «Хроник Амбера» Роджера Желязны и дон Румата Эсторский из повести братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Все романы об Элрике из Мелнибонэ, представленные в этом издании, даются в новом переводе Григория Крылова.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-24776-9

© Перевод. Г. Крылов, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Уважаемый читатель!

Об Элрике часто говорят как об антигерое, но я предпочитаю думать о нем все же как о герое. Когда я рос, мои любимые персонажи (Уильям, Тарзан, Морд Эм'ли, Зенит Альбинос, Джо Марч, сыщики агентства «Континенталь») казались мне борцами за свободу и самобытность, которые вынуждены полагаться на собственную систему ценностей и собственную сообразительность, но в определенные жизненные моменты готовые на серьезные, чтобы не сказать вынужденные, жертвы ради общественных интересов. Есть некий уровень, на котором герой становится довольно нелепой фигурой, и нередко это объясняется тем, что у него никогда не возникает сомнения в справедливости устройства общества, в котором он живет. Джон Уэйн всегда отдавал предпочтение старомодному патернализму, каким бы индивидуалистом он себя ни объявлял.

Позднее меня очень заинтересовали книги, где исследуются мифы, делающие героя привлекательным (например, «Лорд Джим»), и тогда я понял, что существует опять-таки некий уровень, на котором героизм может использоваться как пропагандистское оружие, имеющее целью, скажем, подвигнуть молодых женщин пожертвовать своим будущим в неравных браках или молодых мужчин — своими жизнями в несправедливых войнах.

«Отчужденный» герой или героиня нередко способны отойти в сторонку и сообразить, что же происходит на самом деле.

Литературные произведения, где они выступают как протагонисты, позволяют им (часто при ничтожных шансах на успех) совершать отчаянные поступки и идти на риск, на какой пошло бы большинство из нас, будь у нас их возможности или друзья. В реальной жизни такие возможности приобретаются лишь в результате групповых действий и всенародного голосования, но нам всем знакомы примеры локального героизма, мужества отдельных личностей в опасных обстоятельствах.

Я не вижу ничего плохого в героях, которые отражают лучшие наши представления о том, каким нужно быть и как поступать. Я все еще не стыжусь своей любви к моим героям, которые скептически относятся к власти и ее заявлениям.

Я начал писать истории об Элрике в середине 1950-х. Они развивались постепенно, и нередко это происходило в результате моей переписки с Джоном Которном, который присылал мне свои идеи в виде рисунков, и наконец в 1959 году меня попросили написать серию для журнала Теда Карнелла «Сайенс фэнтези».

Элрик был задуман как сознательное противопоставление существовавшим тогда тенденциям «мачо». Впервые он появился в «Грезящем городе», и лишь позднее я вернулся к нему и описал более ранние его приключения. В Элрике, как я уже отметил однажды, отразились черты той личности, какой я был, когда впервые писал о нем. Его конфликты и поиски имеют много общего с моими конфликтами и поисками (в известной мере и до сего дня).

Элрик был моим героем-первенцем, переросшим свое детство, и именно с ним я больше, чем с кем-либо другим, отождествляю себя. Хотя я и расставил его приключения в том порядке, в котором вы найдете их в этой книге, и внес незначительные исправления в текст, стилистических изменений книга, как какая-нибудь дворняжка, практически не претерпела и, пережив несколько литературных периодов, продолжает, я надеюсь, с изрядным удовольствием выполнять поставленную перед ней задачу.

Свою благодарность Энтони Скину (Мсье Зенит), Флетчеру Прэтту («Колодец единорога»), Джеймсу Бранчу Кейбелу («Юрген»), Лорду Дансени, Фрицу Лейберу, Полу Андерсону, а также «Замку Отранто», «Айвенго», «Мельмоту-скитальцу» и другим книгам и авторам я уже выражал. Первая книга Элрика появилась в 1963 году и была посвящена моей матери. Это издание я с большой благодарностью посвящаю Джону Дэйви, оказавшему мне огромную помощь.

Ваш
Майкл Муркок

ЭЛРИК
ЭПОХА МОЛОДЫХ КОРОЛЕВСТВ
ВЗДЫХАЮЩАЯ ПУСТЫНЯ
К ФУМУ И ЙЕШПОТУМ КАЛАЙ
ЭШМИР
Элвер
Танелорн
Зубчатые Столбы
Кварцхасаат
ИЛМИОРА
Илмар
Карлаак
ПЛАЧУЩАЯ ПУСТОШЬ
НА ОКАРУ И ЧАНГШАЙ
Бакшаан
Троосский лес
Горджан
Ригнарием
Надсокор
Джадмар
Старый Громмар
ВИЛЬМИР
ВИЛЬМИРСКИЙ ПРОЛИВ
Крепость Заката
о. Пурпурных городов
Мений
МИИРРН
ТАРКЕШ
Нио
Банарва
БЛЕДНОЕ МОРЕ
ДХАРИДЖОР
Громурва
долина Ксаньяу
Нихрейн
Секвалорис
Наггессер
ДЖАРКОР
Дхакос
ПРОЛИВ ХАОСА
о. Пан Тан
Хвамгаарл
Токора
ШАЗААР
Туманные топи
о. Мелнибонэ
Афлитейн
Зубы Змеи
Имррир
БЕЗМОЛВНЫЕ ЗЕМЛИ
МОРЕ ДРАКОНОВ
Чародейский остров
Р'лин К'рен А'а
Рамасаз
КИПЯЩЕЕ МОРЕ
Ашанелун
ОИН
Дхоз-кам
р. Ар
ЙУ
К КАНЕЛУНУ И КРАЮ МИРА
Трепесаз
Расхил
ФИЛКХАР
Чалал
р. Ча
АРГИМИЛИАР
ПИКАРАЙД
р. Схлант
Стагасаз
Йосаз
р. Забра-Трепек
Алорасаз
ЛОРМИР

Элрик из Мелнибонэ

Полу Андерсону за «Сломанный меч» и «Три сердца и три льва». Покойному Флетчеру Прэтту за «Колодец единорога». Покойному Бертольду Брехту за «Трехгрошовую оперу». По неясным причинам я считаю эти книги главными среди всех других, оказавших определяющее влияние на первые истории про Элрика.

Пролог

Это история про Элрика тех времен, когда его еще не называли Женоубийцей, а Мелнибонэ не пал окончательно. Это история соперничества Элрика со своим кузеном Йиркуном и любви Элрика к Симорил, сестре Йиркуна, незадолго до того, как это соперничество и эта любовь привели к гибели в огне Имррира, Грезящего города, разграбленного пиратами из Молодых королевств. Это история двух Черных Мечей, Буревестника и Утешителя,— история о том, как они были обретены и какую роль сыграли в судьбе Элрика и всего Мелнибонэ; судьбе, которой суждено было определить судьбу еще большую — судьбу мира. Это история тех времен, когда Элрик был королем, которому подчинялись драконы в воздухе и корабли на воде — и все люди той получеловеческой расы, что десять тысяч лет правила миром.

Это история трагедии — история Мелнибонэ, острова Драконов. Это рассказ о жестоких чувствах и непомерных притязаниях. Это история колдовства и измены, высоких идеалов и низменных наслаждений, агонии, горчайшей любви и нежнейшей ненависти. Это история Элрика из Мелнибонэ. Большую ее часть Элрик вспоминал как кошмарный сон.

Хроника Черного Меча

Часть первая

В островном королевстве Мелнибонэ все еще соблюдаются старые обряды, хотя вот уже пять сотен лет звезда этого народа идет к закату и он поддерживает свой образ жизни лишь за счет торговли с Молодыми королевствами, а также благодаря тому, что город Имррир стал местом встреч купцов со всего мира. Нужны ли эти обряды сегодня, можно ли от них отказаться и избежать гибельной судьбы? Тот, кто стремится занять место императора Элрика, предпочитает думать, что нельзя. Он утверждает, что Элрик, отказавшись чтить все эти обряды (хотя Элрик почитает многие из них), станет причиной падения Мелнибонэ. И вот перед нами начинает разворачиваться трагедия, которая завершится много лет спустя и ускорит гибель этого мира.

Глава первая

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОРОЛЬ: ДВОР ПЫТАЕТСЯ ЕГО РАЗВЕСЕЛИТЬ

Цвета выбеленного черепа его кожа, а волосы, что струятся ниже плеч, молочной белизны. С узкого лица смотрят миндалевидные глаза — малиновые и грустные. Из рукавов желтого одеяния выглядывают тонкие руки, также цвета кости — они покоятся на подлокотниках трона, вырезанного из огромного рубина.

В малиновых глазах беспокойство, и время от времени одна рука поднимается, чтобы поправить легкий шлем на белых волосах; шлем сделан из какого-то темно-зеленого сплава и искусно отлит в виде готового взлететь дракона. А на палец руки, рассеянно поглаживающей корону, надет перстень с редким камнем Акториосом, и сердцевина камня неторопливо движется и меняет форму — словно это некий живой дым, которому так же неспокойно в драгоценной тюрьме, как и молодому альбиносу на Рубиновом троне.

Он смотрит вдоль длинного пролета кварцевых ступеней вниз, туда, где его придворные танцуют с такой манерностью и таким змеиным изяществом, что их можно принять за призраков. Он размышляет о сути нравственности, и уже одно это отдаляет правителя от подавляющего большинства его подданных, ведь народ этот — не люди.

Это народ Мелнибонэ, острова Драконов, который властвовал над миром десять тысяч лет и чья власть закончилась менее пятисот лет назад. Народ этот жесток и умен, а «нравственность» для них — это всего лишь уважение к традициям, насчитывающим сотню веков.

Молодому человеку — четыреста двадцать восьмому в родовой линии, идущей от первого императора-чародея Мелнибонэ,— их представления кажутся не только высокомерными, но и глупыми. Ведь очевидно, что остров Драконов потерял почти всю свою мощь, еще сто-двести лет — и само его существование будет поставлено под угрозу: назревает прямое столкновение с набирающими силу человеческими народами, которых в Мелнибонэ снисходительно называют Молодыми королевствами. Пиратские флоты уже предпринимали неудачные набеги на Имррир Прекрасный, Грезящий город — столицу Мелнибонэ, острова Драконов.

Но даже ближайшие друзья императора отказываются обсуждать с ним возможное падение Мелнибонэ. Они выражают недовольство, когда он заговаривает об этом, считая его доводы не только немыслимыми, но и противоречащими хорошему вкусу.

Вот поэтому император и размышляет в одиночестве. Он досадует, что его отец, Садрик Восемьдесят шестой, не оставил

больше детей и поэтому более достойный монарх не может занять место на Рубиновом троне. Вот уже год, как Садрик ушел в мир иной — и, по слухам, с радостью встретил смерть. Всю жизнь Садрик оставался верен своей супруге — императрица умерла при родах единственного болезненного младенца. А Садрик, чье чувство к своей жене столь сильно отличалось от того, что свойственно людям, так и не смог оправиться. Его не смог утешить и собственный сын, единственное напоминание о жене и ее невольный убийца. Принца выходили волшебными снадобьями, пением заклинаний, настоями редких трав, силы его поддерживались всеми способами, известными королям-чародеям Мелнибонэ. И он выжил — и живет до сих пор — единственно благодаря колдовству, потому что, слабый от природы, без своих лекарств он и руки не способен поднять большую часть суток.

Если молодой император и находит какое-то преимущество в своей слабости, так только в том, что он волей-неволей много читает. Ему еще не исполнилось и пятнадцати, когда он прочел все книги в библиотеке отца, и некоторые из них — не по одному разу. Его колдовские силы, основу которых заложил Садрик, теперь превышают силы любого из его предков во многих поколениях. Он обладает глубокими познаниями о мире за пределами Мелнибонэ, хотя пока еще почти не соприкасался с ним напрямую. Если бы он пожелал, то мог бы вернуть прежнюю мощь острову Драконов и править как полновластный тиран не только своей землей, но и Молодыми королевствами. Но чтение научило его сомневаться в пользе силы, сомневаться в том, что он вообще должен применять власть, которой обладает. Причиной этой его обостренной «нравственности» — которую он сам едва понимает — стало чтение. Вот почему он — загадка для своих подданных, а для некоторых даже и угроза, ведь он думает и действует не так, как, по их представлениям, должен думать и действовать истинный мелнибониец (а тем более император). Его кузен Йиркун, например, не раз выражал сильные сомнения в праве последнего императора властвовать над народом Мелнибонэ.

«Этот хилый книжник погубит нас всех»,— сказал он как-то раз Дивиму Твару, магистру Драконьих пещер.

Дивим Твар был одним из немногих друзей императора, а потому он сообщил ему об этом разговоре, однако юноша посчитал замечание кузена «всего лишь мелкой изменой», тогда как любой из его предков наградил бы за подобные мысли медленной и жестокой публичной казнью.

Положение императора в еще большей степени осложняется тем, что Йиркун, почти не скрывающий своего желания занять трон, приходится братом Симорил — девушке, которую альбинос считает своим самым близким другом и которая со временем станет его императрицей.

На мозаичном полу принц Йиркун в великолепных шелках и мехах, в драгоценностях и парче танцует с сотней женщин поочередно — все они, по слухам, были его любовницами, одновременно или по очереди. Его темное лицо, одновременно красивое и мрачное, обрамлено длинными черными волосами, завитыми и умасленными, смотрит он, как всегда, язвительно, а выглядит высокомерно. Тяжелый парчовый плащ раскручивается то в одну, то в другую сторону, с силой ударяя других танцующих. Он носит этот плащ словно доспехи, а может быть, и оружие. Многие придворные относятся к принцу Йиркуну с трепетом и почтением. Его высокомерие кое-кому не нравится, но они предпочитают об этом помалкивать, потому что Йиркун весьма сведущ в колдовстве. Кроме того, его поведение соответствует представлениям двора о том, как должна себя вести знатная персона, и именно такое поведение придворные бы хотели видеть у своего императора.

Император все это знает. Он и сам бы не прочь угодить двору, который пытается оказать ему почтение своими танцами и своим остроумием, но не может заставить себя принять участие в том, что, по его мнению, представляет собой утомительную и раздражающую последовательность ритуальных движений. В этом смысле он, пожалуй, высокомернее Йиркуна, который всего лишь неотесанный невежа.

С галерей все громче доносятся звуки музыки — это пение рабов, специально обученных и прооперированных таким образом, чтобы каждый из них мог петь одну-единственную ноту, но зато безупречно. Даже молодого императора трогает злове-

щая гармония их голосов, почти не напоминающих человеческие.

«Почему их боль рождает такую великолепную красоту? — спрашивает он себя.— Или любая красота рождается из боли? Может, это и есть великая тайна искусства — и человеческого, и мелнибонийского?»

Император Элрик закрывает глаза.

В зале внизу возникает какое-то движение. Ворота открываются, придворные, прекратив танец, расступаются и низко кланяются вошедшим воинам. Воины облачены в голубые одежды, их шлемы имеют необычную форму, а длинные копья с широкими наконечниками украшены сверкающими лентами. В центре между ними — молодая женщина, чье синее платье гармонирует с цветом одежды солдат; на ее обнаженных руках пять или шесть золотых браслетов с бриллиантами и сапфирами. В ее волосы вплетены нити с бриллиантами и сапфирами. В отличие от большинства женщин двора, на ее лице нет ни следа традиционной косметики. Элрик улыбается. Это Симорил. Воины — ее личная церемониальная гвардия, которая по традиции должна сопровождать Симорил к императору. Они поднимаются по ступенькам, ведущим к Рубиновому трону. Элрик встает и протягивает ей навстречу руки.

— Симорил. Я было подумал, что ты сегодня решила не удостаивать двор своим присутствием.

Она возвращает ему улыбку.

— Мой император, оказалось, что меня сегодня тянет поболтать.

Элрик ей благодарен. Она знает, что ему скучно, а еще она знает, что принадлежит к числу тех немногих обитателей Мелнибонэ, с которыми ему интересно говорить. Если бы обычай допускал это, он предложил бы Симорил место на троне, но ей можно сесть лишь на верхней ступеньке у трона.

— Пожалуйста, сядь, милая Симорил.

Он снова садится на трон и наклоняется поближе к ней, а она усаживается на ступеньке и заглядывает в его глаза. На ее лице выражение радости и нежности. Она начинает говорить вполголоса, а ее гвардейцы отступают и смешиваются с личными гвардейцами императора. Ее слова слышит только Элрик.

— Мой господин, ты не хочешь прогуляться завтра со мной в дикий уголок острова?

— Есть дела, которыми мне нужно будет заняться...— Однако его явно привлекло это предложение. Он уже несколько недель не выезжал из города. Обычно в таких прогулках их эскорт следовал на некотором расстоянии за ними.

— Срочные дела?

Он пожимает плечами.

— Какие в Мелнибонэ могут быть срочные дела? За десять тысяч лет большинство проблем уже решилось само собой.— Его улыбка скорее напоминает ухмылку ученика, который собирается сбежать с уроков.— Договорились. Мы поедем рано утром, когда все еще будут спать.

— Воздух за стенами Имррира будет чистым и свежим, солнце — теплым и ласковым, а небо — голубым и безоблачным.

Элрик смеется.

— Я смотрю, тебе пришлось немало поколдовать для этого.

Симорил опускает глаза, словно изучая рисунок мраморных плит.

— Ну, разве что чуть-чуть. У меня есть друзья среди слабейших элементалей...

Протянув руку, Элрик касается ее прекрасных темных волос.

— Йиркун знает?

— Нет.

Принц Йиркун запретил сестре заниматься магией. Друзья принца принадлежат к темным сверхъестественным существам, и он знает, что иметь с ними дело опасно. На этом основании он делает вывод, что опасно любое колдовство. А еще ему ненавистна мысль о том, что другие могут быть равны ему по силе. Может быть, именно это он и ненавидит в Элрике больше всего.

— Будем надеяться, что всему Мелнибонэ завтра понадобится хорошая погода,— говорит Элрик.

Симорил недоуменно смотрит на него. Как истинной мелнибонийке, ей и в голову не приходит, что ее колдовство может кому-то принести вред. Поведя плечами, она легонько прикасается к руке своего императора.

— Это чувство «вины»...— говорит она.— Эти метания совести... Наверное, мой разум слишком примитивен — я не могу их понять.

— Должен признаться, я тоже не всегда понимаю. Никакого практического применения им нет. И тем не менее некоторые наши предки предсказывали, что природа нашей земли изменится — и духовно, и физически. Может быть, мои странные немелнибонийские мысли — признаки приближения этих перемен...

Музыка усиливается. Музыка затихает. Придворные продолжают танец, но глаза их устремлены на Элрика и Симорил, сидящих на возвышении. Когда же Элрик объявит Симорил своей императрицей? И возобновит ли император традицию, отмененную Садриком: приносить в жертву Владыкам Хаоса двенадцать невест и их женихов, чтобы обеспечить хороший брак правителей Мелнибонэ? Ведь совершенно очевидно, что именно отказ Садрика от этой традиции и стал причиной его несчастий и смерти его жены, из-за этого сын у него родился больным и само продолжение династии поставлено под угрозу. Элрик должен бояться повторения роковой участи своего отца. Но некоторые утверждают, что нынешний император тоже намерен пренебречь этим обычаем, а это ставит под угрозу не только его жену, но и существование самого Мелнибонэ и всего, что оно собой воплощает. Те, кто так говорит, как правило, состоят в хороших отношениях с принцем Йиркуном.

Принц продолжает свой танец, будто не замечая ни перешептывания придворных, ни тихой беседы сестры с его кузеном, восседающим на Рубиновом троне... правда, сидит Элрик на краешке трона, забыв об императорском достоинстве; правда, ему ничуть не свойственна жестокая и надменная гордыня, одолевавшая в прошлом чуть ли не каждого императора Мелнибонэ; правда, он болтает дружески, словно забыв, что двор танцует для его удовольствия.

А затем принц Йиркун внезапно замирает, не завершив пируэта, и поднимает свои темные глаза на императора. Из угла зала Дивим Твар наблюдает за театрально застывшим Йиркуном. Повелитель Драконьих пещер хмурится, рука его тянется к поясу, но на балах ношение мечей запрещено. Дивим Твар внимательно и напряженно смотрит на принца Йиркуна, когда этот высокий аристократ начинает подниматься по ступенькам к Рубиновому трону. Много глаз следит за кузеном императора, и теперь уже почти никто не танцует, хотя музыка и становится громче — хозяева музыкальных рабов подстегивают их, чтобы они вкладывали в пение еще больше усердия.

Элрик поднимает глаза и видит, что Йиркун стоит ступенькой ниже той, на которой сидит Симорил. Йиркун совершает поклон — не без некоторого оскорбительного вызова.

— Я прошу внимания императора,— говорит он.

Глава вторая

АРИСТОКРАТ-ВЫСКОЧКА: ОН БРОСАЕТ ВЫЗОВ СВОЕМУ КУЗЕНУ

— Ну и как тебе нравится бал, кузен? — спросил Элрик, понимая, что мелодраматический жест Йиркуна имел целью застать его врасплох и, если возможно, унизить.— Тебе такая музыка по вкусу?

Йиркун опустил глаза, а его губы сложились в едва заметную ухмылку.

— Мне все по вкусу, мой господин. А тебе? Ты чем-то недоволен? Ты не хочешь танцевать со всеми?

Элрик поднес бледный палец к подбородку и заглянул в полуприкрытые глаза Йиркуна.

— Мне нравится танец, кузен. Разве нельзя получать удовольствие от удовольствия других?

Йиркун, казалось, искренне удивился. Его глаза раскрылись и встретили взгляд Элрика. Слегка вздрогнув, Элрик отвел глаза и плавным жестом указал в сторону музыкальных хоров.

— А может, удовольствие мне доставляет боль других. Не переживай за меня, кузен. Я доволен. Я — доволен. Ты можешь продолжать танец, зная, что твой император получает удовольствие от бала.

Но Йиркуна не так-то легко сбить с толку.

— Чтобы подданные не ушли в печали и расстройстве, оттого что они не смогли угодить своему правителю, император должен показать, что он доволен...

— Позволь мне напомнить тебе, кузен,— тихо сказал Элрик,— что у императора нет обязательств перед своими подданными. Кроме одного — править ими. А их долг — подчиняться. Такова традиция Мелнибонэ.

Йиркун не ожидал, что Элрик воспользуется таким аргументом, но ответ у него уже был готов.

— Я согласен, мой господин. Долг императора править своими подданными. Может быть, именно поэтому многие из них не наслаждаются этим балом так, как могли бы.

— Я не понимаю тебя, кузен.

Симорил поднялась и встала, сцепив руки, на ступеньке выше брата. Она была напряжена и взволнована, язвительный тон брата, его надменность обеспокоили ее.

— Йиркун...— сказала она.

Лишь сейчас он обратил на нее внимание.

— Сестра, я вижу, ты делишь с императором нежелание танцевать.

— Йиркун,— начала она,— ты заходишь слишком далеко. Император терпелив, но...

— Терпелив? А может, он просто ко всему равнодушен? Может, ему безразличны традиции нашего великого народа? Может, он презирает то, чем гордится этот народ?

По ступенькам поднимался Дивим Твар. Он тоже понял, что Йиркун выбрал этот момент для проверки прочности власти Элрика.

Симорил взволнованно сказала:

— Йиркун, если ты проживешь...

— Мне не нужна жизнь, если погибнет душа Мелнибонэ. А защита души нашего народа — обязанность императора. Но

что произойдет, если у нас появится император, который окажется не в состоянии выполнить эту свою обязанность? Если наш император окажется слаб? Если нашему императору будет безразлично величие острова Драконов и его народа?

— Это гипотетический вопрос, кузен.— Самообладание вернулось к Элрику, в его голосе была слышна ледяная неторопливость.— Такой император никогда еще не восходил на Рубиновый трон и никогда не взойдет.

Дивим Твар приблизился к Йиркуну и тронул его за плечо.

— Принц, если тебе дорога твоя честь и твоя жизнь...

Элрик поднял руку.

— В этом нет необходимости, Дивим Твар. Принц Йиркун просто развлекает нас интеллектуальным разговором. Ему показалось, что музыка и танцы утомили меня — хотя на самом деле это не так,— и он решил развлечь нас. И тебе это несомненно удалось, принц Йиркун.— Последнее предложение Элрик произнес покровительственным тоном.

Йиркуна от гнева бросило в краску, и он прикусил губу.

— Продолжай, мой дорогой кузен,— сказал Элрик.— Мне любопытно. Развивай свою аргументацию.

Йиркун оглянулся, словно ища поддержки. Но все его сторонники находились далеко — в зале. А поблизости были только друзья Элрика — Дивим Твар и Симорил. И тем не менее Йиркун знал, что его сторонники слышат каждое слово, и если он не найдет достойного ответа, то потеряет перед ними лицо. Элрик чувствовал, что Йиркун предпочел бы закончить этот разговор и продолжить противостояние в другом месте и в другое время, но это было невозможно. У самого Элрика не было никакого желания продолжать эту глупую перепалку. Что ни говори, а она была ничуть не лучше, чем ссора двух маленьких девочек, которые не могут решить, кто из них будет первой играть с рабынями. Он решил поставить точку.

Йиркун начал:

— Тогда позволь мне предположить, что у физически слабого императора может оказаться и слабая воля и он не сможет править, как...

И тут Элрик поднял руку.

— Ты сказал достаточно, мой дорогой кузен. Более чем достаточно. Ты утомляешь себя этим разговором, тогда как мог бы в это время беззаботно танцевать. Меня тронула твоя озабоченность. Но теперь и меня начинает одолевать усталость.— Элрик дал знак своему старому слуге Скрюченному, который стоял среди воинов на тронном возвышении чуть поодаль.— Скрюченный! Мой плащ.

Элрик встал.

— Я еще раз благодарю тебя за заботу, кузен.— Потом он обратился ко всему двору: — Мне было весело. А теперь я ухожу.

Скрюченный принес плащ из меха белой лисы и накинул его на плечи своего господина. Скрюченный был очень стар и ростом гораздо выше Элрика, несмотря на сгорбленную спину и узловатые, словно ветви старого дерева, руки и ноги.

Элрик пересек тронное возвышение и вышел в коридор, ведущий в его покои.

Йиркун кипел. Он повернулся на тронном возвышении и подался вперед, словно собираясь обратиться с речью к наблюдавшим за ним придворным. Некоторые, не входившие в число его сторонников, откровенно улыбались. Сжав кулаки, Йиркун вперился в насмешников тяжелым взглядом. Он сверкнул глазами на Дивима Твара и разжал тонкие губы, собираясь что-то произнести. Дивим Твар спокойно выдержал его взгляд, ожидая начала речи.

Тогда Йиркун тряхнул головой, откидывая назад волосы — завитые и намасленные. И — засмеялся.

Резкий звук наполнил зал. Музыка прекратилась. Смех продолжался.

Йиркун сделал шаг назад, ближе к трону. Он завернулся в свой плащ — его тело целиком исчезло под тяжелой тканью.

Симорил шагнула к нему.

— Йиркун, пожалуйста...

Он движением плеча оттолкнул ее.

Йиркун медленно подошел к Рубиновому престолу. Стало ясно, что он собирается сесть на трон, что по законам Мелнибонэ было самым страшным из преступлений. Бросившись вперед, Симорил схватила его за руку.

Смех Йиркуна стал еще громче.

— Они хотят видеть Йиркуна на Рубиновом троне,— сказал он своей сестре. Та в ужасе оглянулась на Дивима Твара, на лице которого застыло жесткое, сердитое выражение.

Дивим Твар подал знак гвардейцам — и внезапно между Йиркуном и троном возникли две шеренги воинов в латах.

Йиркун бросил гневный взгляд на повелителя Драконьих пещер.

— Твое счастье, если ты погибнешь вместе со своим господином,— прошипел он.

— Этот почетный караул проводит тебя из зала,— спокойно сказал Дивим Твар.— Твой сегодняшний разговор был для всех нас хорошим развлечением, принц Йиркун.

Йиркун помедлил, оглянулся, напряженность его позы вдруг исчезла. Он пожал плечами.

— Времени еще достаточно. Если Элрик не отречется, он будет смещен.

Гибкое тело Симорил напряглось, глаза горели. Она сказала брату:

— Если хоть волос упадет с головы Элрика, я сама убью тебя, Йиркун.

Он поднял брови и улыбнулся. Казалось, что в этот миг он ненавидит сестру даже больше, чем кузена.

— Свой верностью этому выродку ты предопределила свою судьбу, Симорил. Ты скорее умрешь, чем продолжишь его род. Я не позволю примешивать к крови нашего дома его кровь. Да что там примешивать — марать его кровью нашу. Ты лучше подумай о своей собственной жизни, сестра, прежде чем угрожать мне.

Он опрометью бросился вниз по ступеням, расталкивая тех, кто подошел поздравить его. Он знал, что потерпел поражение, и шепоток лизоблюдов только еще больше раздражал его.

Огромные двери с грохотом захлопнулись. Йиркун исчез из зала.

Дивим Твар поднял обе руки.

— Танцуйте, господа. Наслаждайтесь всем, что есть в зале. Так вы больше всего угодите императору.

Но было ясно, что танцы на сегодня закончились. Придворные погрузились в разговоры, возбужденно обсуждая случившееся.

Дивим Твар повернулся к Симорил.

— Принцесса Симорил, Элрик не хочет признать опасность. Амбиции Йиркуна могут всех нас привести к гибели.

— Включая и Йиркуна,— вздохнула Симорил.

— Да, включая и Йиркуна. Но, Симорил, как нам избежать этого, если Элрик не разрешает арестовать твоего брата?

— Он считает, что таким, как Йиркун, нужно позволить говорить то, что им нравится. Это часть его философии. Я ее почти не понимаю, владыка драконов, но она согласуется со всем его мировоззрением. Если он уничтожит Йиркуна, то тем самым уничтожит и принципы своей логики. Так, по крайней мере, он мне пытался объяснить.

Дивим Твар вздохнул и нахмурился. Он не мог понять Элрика и побаивался, как бы ему самому в один прекрасный день не пришлось принять точку зрения Йиркуна. Доводы принца, по крайней мере, были относительно ясны и понятны. Он слишком хорошо знал характер Элрика и даже мысли не допускал, что тот действует таким образом из слабости или апатии. Парадокс состоял в том, что Элрик спокойно относился к предательству Йиркуна именно потому, что был силен и мог уничтожить Йиркуна в любую секунду. А характер Йиркуна подталкивал его к тому, чтобы испытывать силу Элрика, потому что он инстинктивно чувствовал — если Элрик даст слабину и прикажет его убить, это будет означать, что он, Йиркун, победил.

Ситуация была непростой, и Дивим Твар всей душой хотел не быть впутанным в ее перипетии. Но его преданность королевскому дому Мелнибонэ была сильна, а его личная преданность Элрику — неколебима. Он подумывал, не организовать ли тайное убийство Йиркуна, но знал, что такой план почти наверняка обречен на неудачу. Будучи опытным колдуном, Йиркун несомненно дознается о том, что готовится покушение на его жизнь.

— Принцесса Симорил,— сказал Дивим Твар,— я могу только молиться о том, чтобы твой брат захлебнулся в собственной ненависти.

— Я буду молиться вместе с тобой, повелитель Драконьих пещер.

Они вместе вышли из зала.

Глава третья

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА: МИГ СПОКОЙСТВИЯ

Первые лучи солнца коснулись башен Имррира, и те засверкали в вышине. Множество башен, и у каждой был свой оттенок — тысячи разных цветов. Розовые и нежно-желтые, алые и светло-зеленые, розовато-лиловые, коричневые, оранжевые, голубоватые, белые, зернисто-золотые — все они были прекрасны в солнечном свете. Два всадника выехали из ворот Грезящего города и направились по зеленой траве к сосновому лесу, где среди массивных стволов словно бы еще таились тени минувшей ночи. Суетились белки, пробирались в свои норы лисы, пели птицы, а лесные цветы раскрывали свои бутоны, наполняя воздух сладкими ароматами. Лениво жужжали просыпающиеся насекомые. Контраст между жизнью в городе и этой неторопливой природой был колоссален и, казалось, отражал контрасты, существовавшие в сознании по крайней мере одного из всадников, который теперь спешился и, по колено утопая в ковре голубых цветов, вел своего коня. Другой всадник, девушка, остановила своего коня, но спешиваться не стала. Она склонилась к луке высокого мелнибонийского седла и улыбнулась мужчине, своему любимому.

— Элрик, ты хочешь остановиться так близко к городу?

Он улыбнулся ей через плечо.

— Ненадолго. Мы так поспешно бежали. Мне нужно собраться с мыслями, прежде чем ехать дальше.

— Как ты спал прошлой ночью?

— Неплохо, Симорил. Может быть, я даже видел сны, но забыл их... понимаешь, когда я проснулся, во мне осталось предчувствие чего-то... Хотя, возможно, это последствия неприятного разговора с Йиркуном.

— Ты думаешь, он собирается применить против тебя свое колдовство?

Элрик пожал плечами.

— Если бы он планировал что-нибудь серьезное, я бы почувствовал это. А он знает мои силы. Сомневаюсь, что он осмелится прибегнуть к магии.

— У него есть причины считать, что ты не будешь использовать колдовство. Он столько времени проверял твой характер, нет ли теперь опасности, что он станет проверять твое искусство? Не начнет ли он испытывать твои колдовские способности, как испытывал твое терпение?

Элрик нахмурился.

— Да, я полагаю, такая опасность существует. Но мне кажется, что думать об этом еще рано.

— Он не успокоится, пока не погубит тебя, Элрик.

— Или не погибнет сам, Симорил.— Элрик нагнулся и сорвал цветок. Он улыбнулся.— Твой брат не приемлет компромиссов, ведь так? Как же все-таки слабые ненавидят слабость.

Симорил поняла смысл сказанного. Она спешилась и подошла к нему. Ее тонкое платье было почти того же оттенка, что и полевые цветы, сквозь которые она шла. Элрик протянул ей цветок, и она взяла его, коснувшись лепестков красивыми губами.

— А сильные ненавидят силу, моя любовь. Йиркун — мой родственник, и тем не менее я даю тебе этот совет — используй свою силу против него.

— Убить его я не могу. У меня нет такого права.— На лице Элрика появилось знакомое ей задумчивое выражение.

— Ты мог бы изгнать его.

— Разве для мелнибонийца изгнание не равносильно смерти?

— Ты ведь и сам собирался посетить Молодые королевства.

Элрик горько рассмеялся.

— Может быть, я не настоящий мелнибониец. Йиркун ведь так и говорит, а другие с ним соглашаются.

— Он тебя ненавидит, потому что ты склонен предаваться размышлениям. Твой отец был склонен предаваться размышлениям, но никто не говорил, что он плохой император.

— Мой отец решил, что лучше не воплощать в жизнь плоды своих размышлений. Он правил так, как и должен править император. Должен признать, Йиркун тоже правил бы так,

как подобает править императору. И у него есть шанс вернуть величие Мелнибонэ. Если бы он стал императором, то тут же начались бы завоевательные войны ради восстановления империи в ее первоначальных границах. Он вновь распространил бы нашу власть на всю землю. И именно этого желает большинство моих подданных. Вправе ли я идти против их желаний?

— Ты вправе поступать, как считаешь нужным, ведь ты император. Все, кто тебе предан, думают так же, как и я.

— Может быть, их преданность неправомерна. Может быть, Йиркун прав, и я не оправдаю их преданности, и по моей вине рок обрушится на остров Драконов.— Его задумчивые малиновые глаза встретились с ее взглядом.— Может быть, лучше было бы, если бы я умер, покинув чрево матери. Тогда императором стал бы Йиркун. Я помешал его судьбе.

— Судьбе нельзя помешать. То, что случилось, должно было случиться, потому что этого захотела судьба, если только она существует и если наши действия не являются всего лишь ответом на действия других.

Элрик глубоко вздохнул и посмотрел на нее с ироничным выражением на лице.

— Если верить традициям Мелнибонэ, то твоя логика заводит тебя в ересь, Симорил. Может быть, тебе лучше забыть дружбу со мной.

Она рассмеялась.

— Ты начинаешь говорить, как мой брат. Уж не испытываешь ли ты мою любовь к тебе, мой господин?

Он запрыгнул в седло.

— Нет, Симорил, но я бы посоветовал тебе самой испытать свою любовь, потому что я предчувствую — наша любовь чревата трагедией.

Садясь в седло, она улыбнулась и покачала головой.

— Ты во всем видишь рок. Почему ты не можешь принять те дары, что были тебе даны? Они ведь достаточно многочисленны.

— Да, с этим я согласен.

Услышав стук копыт, они обернулись и увидели невдалеке всадников в желтых доспехах, скакавших нестройной группой.

Это была их стража, от которой они решили скрыться, желая побыть вдвоем.

— Вперед! — воскликнул Элрик.— Через лес и за холм — там они нас никогда не найдут.

Они пришпорили коней и поскакали через пронизанный солнечными лучами лес, а потом вверх по склону холма, потом, перевалив через его гребень,— вниз и дальше по долине, поросшей нойделем, чьи сочные ядовитые плоды отливали пурпурно-синим, цветом ночи, которую не мог рассеять даже дневной свет. В Мелнибонэ было много таких ягод и растений, и некоторым из них Элрик был обязан своей жизнью. Другие использовались для колдовских отваров, и их высеивали предки Элрика поколение за поколением. Теперь лишь немногие мелнибонийцы покидали город ради этих растений, но уже не сеяли их, а лишь собирали. В большей части острова теперь никто не бывал, кроме рабов, собиравших корни и плоды кустарников, благодаря которым можно было видеть чудовищные и великолепные сны — главное удовольствие мелнибонийских аристократов. Этот народ всегда был подвержен настроениям и интересовался только собой, за что Имррир и назвали Грезящим городом. Даже самый последний раб жевал ягоды, которые приносили ему забвение,— рабами, таким образом, было легко управлять, потому что они скоро попадали в зависимость от своих грез. И только один Элрик не прибегал к ним, потому что ему требовалось множество других средств просто для поддержания жизни.

Одетые в желтое стражники остались позади, а Элрик и Симорил пересекли долину, где росли кусты нойделя, и теперь пустили коней неторопливым шагом. Скоро они оказались у скал, а потом вышли к морю.

Море ярко и лениво поблескивало, омывая выбеленные берега под скалами. Морские птицы кружили в ясном небе, а их далекие крики лишь подчеркивали ощущение покоя, снизошедшее теперь на Элрика и Симорил. Влюбленные в молчании направились по крутой тропинке к берегу, где привязали коней, а потом пошли по песку; ветер, дувший с востока, играл их волосами — его, белыми, и ее, черными как смоль.

Они нашли большую сухую пещеру, которая улавливала звуки моря и отвечала им шелестящим эхом, и в ее тени, сняв шелковые одежды, предались любви. Потом они лежали в объятиях друг друга, а день тем временем вступил в свои права, ветерок стих. Потом они купались, и небеса слушали их смех.

Когда они высохли и начали одеваться, горизонт потемнел, и Элрик сказал:

— До возвращения в Имррир мы опять промокнем Как бы мы ни мчались, буря догонит нас.

— Может, переждем в пещере? — предложила она, подойдя и прижавшись к нему своим нежным телом.

— Нет,— сказал он.— Мне пора возвращаться — в Имррире остались отвары, без которых мое тело утратит силу. Еще час-другой, и я начну слабеть. Ты ведь уже видела меня ослабевшим, Симорил.

Она погладила его лицо, в глазах ее светилось сочувствие.

— Да, я видела тебя ослабевшим, Элрик. Идем за лошадьми.

Когда они подошли к лошадям, небо над их головами уже посерело, а на востоке его затянула кипящая чернота. Они услышали гром, а потом небо пронзила молния. Море колотилось о берег, словно небеса заразили его своим безумием. Лошади храпели и били копытами в песок — домой, домой! Не успели Элрик и Симорил усесться в седла, а крупные капли дождя уже падали им на головы, расползались по плащам.

Они во весь опор поскакали назад в Имррир, а вокруг них сверкали молнии и, как свирепый великан, грохотал гром, словно какой-то великий древний Владыка Хаоса пытался незваным гостем явиться в земное царство.

Симорил взглянула на бледное лицо Элрика, освещенное на мгновение вспышкой небесного огня, и почувствовала ледяной холод, пронзивший ее насквозь. Но этот холод не имел никакого отношения к ветру или дождю — ей в это мгновение показалось, что кроткий книгочей, которого она любила, вдруг под воздействием стихий превратился в злобного демона, в монстра, ничем не напоминающего представителя их расы Малиновые глаза Элрика горели адским пламенем на мертвенно-бледном лице, ветер трепал его волосы, стоявшие дыбом, слов-

но плюмаж зловещего шлема, и в неверном отблеске молний казалось, что рот императора перекосила жуткая смесь гнева и агонии.

И вдруг Симорил все поняла.

В глубине сердца она знала теперь, что сегодняшняя утренняя прогулка была для них последним мирным мгновением, которое уже никогда не повторится. Эта буря была знаком самих богов — предупреждением о грядущих бурях.

Она снова взглянула на своего любимого. Элрик смеялся. Он запрокинул голову, и теплый дождь хлестал его прямо по лицу, вода лилась в открытый рот. Он смеялся беззаботным, легким смехом счастливого ребенка.

Симорил тоже попыталась было смеяться, но тут же отвернулась, чтобы Элрик не увидел ее лица,— она заплакала.

Она продолжала плакать, когда на горизонте появился Иррир — черные причудливые очертания на ярком фоне еще не тронутого бурей запада.

Глава четвертая

ПЛЕННИКИ: У НИХ ВЫВЕДЫВАЮТ ТАЙНЫ

Всадники в желтых доспехах увидели Элрика и Симорил, когда те приблизились к самым малым из восточных ворот.

— Наконец-то они нас нашли,— улыбнулся сквозь дождь Элрик.— Правда, поздновато, да, Симорил?

Симорил, все еще погруженная в свои мысли о неумолимой судьбе, просто кивнула и попыталась улыбнуться в ответ.

Элрик счел это проявлением разочарования — ничем другим — и крикнул охранникам:

— Эй, скоро мы все просохнем!

Но капитан стражников с озабоченным видом подъехал к Элрику и сообщил:

— Мой повелитель, твое присутствие необходимо в башне Моншанджика, там задержаны шпионы.

— Шпионы?

— Да, мой повелитель.— Лицо стражника было бледным. Вода стекала с шлема, и его тонкий плащ потемнел от влаги.

Он едва сдерживал своего коня, который рвался вперед, норовя обогнать коня императора и разбрызгивая воду из луж, образовавшихся на разбитой дороге.— Их схватили этим утром в лабиринте. Судя по их клетчатой одежде, это варвары с юга. Их пока не убили, чтобы император сам мог их допросить.

Элрик махнул рукой.

— Тогда веди, капитан. Посмотрим, что за храбрые глупцы, отважившиеся войти в морской лабиринт Мелнибонэ.

Башня Моншанджика была названа по имени колдуна-архитектора, который тысячу лет назад построил морской лабиринт. Этот лабиринт был единственным путем в огромную гавань Иррира, и секреты его тщательно охранялись, потому что он лучше всего защищал город от внезапного нападения. Лабиринт был сложным, и корабли по нему могли проводить только хорошо подготовленные лоцманы. До сооружения лабиринта гавань представляла собой внутреннюю лагуну, заполненную морской водой, которая поступала через систему естественных пещер в нависавшей скале, отделявшей лагуну от океана. В лабиринте было пять различных проходов, и каждый из лоцманов знал только один. В наружной стене скалы имелось пять входов. Перед ними и ждали корабли Молодых королевств, пока к ним на палубу не поднимется лоцман. Тогда ворота одного из входов открывались, всем, кто находился на борту, завязывали глаза и отправляли вниз, за исключением командира гребцов и кормчего. Правда, на них тоже надевали тяжелые стальные шлемы, и они ничего не могли видеть и делать, кроме как подчиняться сложным распоряжениям лоцмана. Если же корабль из Молодых королевств, не сумев выполнить какую-либо из команд, разбивался о скалы, в Мелнибонэ не очень расстраивались — все, кто оставался в живых, становились рабами. Все, кто желал торговать с Грезящим городом, понимали, что рискуют, но каждый месяц к острову прибывали десятки кораблей, готовых подвергнуть себя опасностям лабиринта и обменять свои жалкие товары на роскошные изделия Мелнибонэ.

Башня Моншанджика стояла над гаванью и массивной дамбой, доходившей до середины лагуны. Эта башня, окрашен-

ная в цвет морской волны, была довольно приземистой в сравнении с другими башнями Имррира, хотя и оставалась при этом красивым конусным сооружением с широкими окнами, из которых открывался вид на всю гавань. В башне Моншанджика совершались все торговые сделки, а в ее подвальных этажах содержались пленники — нарушители каких-либо из тьмы правил, регулировавших работу гавани. Простившись с Симорил, которая вместе со стражниками направилась во дворец, Элрик въехал в башню через огромную арку в ее основании — врассыпную бросились купцы, которые ждали разрешения начать торговлю; весь нижний этаж был занят матросами, купцами и мелнибонийскими чиновниками, ответственными за торговлю, хотя сами товары выставлялись не здесь. Тысячи голосов, обсуждавших тысячи всевозможных условий сделок, эхом разносились по помещению, но при появлении Элрика они смолкли. Император со своей стражей величественно проехал через еще одну темную арку в другом конце зала. За аркой начинался пандус, который, извиваясь змеей, уходил вниз, в чрево башни.

Вниз по этому пандусу устремились всадники, минуя рабов, слуг и чиновников, которые поспешно расступались и низко кланялись, узнав императора. Туннель освещали огромные факелы, они чадили, дымили и отбрасывали пляшущие тени на ровные обсидиановые стены. Воздух здесь был прохладный и сырой, потому что вода омывала наружные стены под причалами Имррира. Император ехал все дальше, а пандус уходил все ниже в блестящую породу. Потом им навстречу поднялась волна тепла, и впереди показался мерцающий свет. Вскоре они оказались в камере, наполненной дымом и запахом страха. С низкого потолка свисали цепи, и на восьми из них были подвешены за ноги четыре человека. Одежды были с них сорваны, но их тела были облачены в кровавые покровы: кровь вытекала из небольших ранок, а сами ранки, точные и глубокие, были нанесены художником, который стоял тут же со скальпелем в руке, любуясь своей работой.

Художник был высок и очень худ и в своей белой, покрытой пятнами одежде напоминал скелет. Губы у него были тонкие, глаза — щелочки, пальцы тонкие, волосы тонкие, и скальпель, который он держал в руке, тоже был тонок, почти невидим, кроме тех мгновений, когда на него падал луч света от пламени, вырывающегося из ямы в дальнем углу камеры. Художника звали доктор Остряк, а его искусство было скорее искусством исполнителя, чем творца (хотя он не без некоторой доли убедительности и доказывал обратное): он обладал талантом добывания тайн из тех, кто владел ими. Доктор Остряк был главным дознавателем Мелнибонэ. Он посмотрел лукавым взглядом на вошедшего Элрика, держа скальпель двумя тонкими пальцами правой руки. Доктор Остряк замер в ожидании, почти как танцор, а потом поклонился в пояс.

— Мой добрый император! — Голос у него был тонок. Он исходил из его тонкой глотки, словно рвался наружу, и слышавшие его оставались в недоумении: слышали ли они вообще какие-нибудь слова — так быстро они произносились и исчезали.

— Доктор, это те самые южане, что были схвачены сегодня утром?

— Они самые, мой повелитель.— Еще один лукавый поклон.— К твоему удовольствию.

Элрик холодно оглядел пленников. Он не испытывал к ним сострадания. Они были шпионами, а значит, сами виновны в своем нынешнем положении. Они знали, что с ними случится, если их поймают. Но один из них был мальчишкой, а другая — женщиной, хотя они так корчились в своих цепях, что догадаться об этом сразу было затруднительно. Он почувствовал укол жалости. И тут женщина, выплюнув в него остатки зубов, прошипела:

— Демон!

Элрик отступил назад и сказал:

— Они тебе уже сказали, что делали в нашем лабиринте?

— Они все еще дразнят меня намеками. У них прекрасный драматический дар. Я его вполне оценил. Я бы сказал, что они прибыли сюда, чтобы составить карту лабиринта, которой потом могли бы воспользоваться нападающие. Детали они пока скрывают. Но такова игра, и мы все знаем, как в нее нужно играть.

— И когда они скажут тебе правду, доктор Остряк?

— Очень скоро, мой господин.

— Хорошо бы знать, следует ли нам ждать нападения. Чем скорее мы узнаем, тем меньше времени потеряем на отражение атаки. Ты согласен, доктор?

— Согласен, повелитель.

— Отлично.— Элрик испытывал раздражение таким поворотом событий — ему испортили удовольствие от прогулки, вынудив сразу же заняться делами.

Доктор Остряк вернулся к своим обязанностям и, протянув свободную руку, умело ухватил гениталии одного из пленников-мужчин. Сверкнул скальпель. Раздался стон. Доктор Остряк бросил что-то в огонь. Элрик сел в приготовленное для него кресло. Ритуалы, сопутствующие сбору информации, вызывали у него скорее скуку, чем отвращение, а сопровождающие их крики, звон цепей, тонкое бормотание доктора Остряка — все это понемногу сводило на нет то хорошее настроение, в котором он пребывал до того, как вошел в камеру. Но таковы были его королевские обязанности — присутствовать при подобных ритуалах и оставаться здесь до тех пор, пока ему не будет предоставлена вся необходимая информация и он не поздравит с этим своего главного дознавателя. После чего император прикажет готовиться к отражению нападения. Но и это еще не все — после этого ему, возможно, всю ночь придется совещаться с полководцами и адмиралами, выслушивать их аргументы, решать, как лучше расположить войска и корабли. С трудом скрывая зевоту, Элрик откинулся к спинке кресла и смотрел, как ловко доктор Остряк орудует пальцами, скальпелем, клещами, щипцами и пинцетами. Скоро он начал размышлять о других делах — о философских вопросах, ответы на которые он до сих пор не смог найти.

Дело было вовсе не в том, что Элрик был лишен жалости, просто он всегда оставался мелнибонийцем. Он с детства привык к подобным зрелищам. Он не мог бы спасти пленников, даже если бы захотел, ведь тем самым он нарушил бы все традиции острова Драконов. Да и лучшего способа для предотвращения возможной угрозы действительно не было. Он научился заглушать в себе чувства, противоречащие его долгу императора. Если бы был какой-нибудь смысл в освобождении четырех пленников, которые сейчас корчились к удовольствию доктора Остряка, то он бы освободил их — но смысла в этом не было никакого, и четверка удивилась бы, обойдись здесь с ними иначе. Если речь заходила о нравственных решениях, то Элрик в общем и целом руководствовался соображениями практическими. Решения принимались исходя из того, какие действия он может предпринять. В данном случае он не мог предпринять никаких действий. Такой образ действий стал его второй натурой. Желание его состояло не в том, чтобы преобразовать Мелнибонэ, а в том, чтобы преобразовать себя; и не в том, чтобы предпринимать какие-либо действия, а в том, чтобы знать, как наилучшим образом реагировать на действия других. В данной ситуации принять решение было легко. Шпион являлся агрессором. От агрессора защищаются всеми средствами. Доктор Остряк использовал все имеющиеся в его распоряжении средства.

— Мой повелитель?

Элрик рассеянно поднял взгляд.

— Теперь мы знаем все, мой повелитель.— Тонкий голос доктора Остряка разносился по камере.

Четыре цепи были уже пусты, и рабы собирали что-то с пола и швыряли в огонь. Два остававшихся бесформенных комка напоминали Элрику куски мяса, тщательно приготовленные шеф-поваром. Один из комков все еще подрагивал, другой не двигался.

Доктор Остряк сунул свои инструменты в плоский футляр, пристегнутый к его поясу. Белые одеяния главного дознавателя были почти целиком покрыты пятнами.

— Похоже, что перед этими здесь побывали и другие шпионы,— сказал своему господину доктор Остряк.— Эти же пришли только для того, чтобы еще раз проверить маршрут. Даже если они не вернутся вовремя, варвары все равно предпримут атаку.

— Но они будут знать, что мы готовы встретить их? — спросил Элрик.

— Возможно, что и нет, мой повелитель. Среди купцов и моряков из Молодых королевств был пущен слух, что в лабиринте были обнаружены и заколоты четверо шпионов — их хо-

тели задержать, но они бросились наутек, и пришлось убить их на месте.

— Понимаю.— Элрик нахмурился.— Тогда лучше всего нам будет приготовить ловушку для нападающих.

— Да, мой повелитель.

— Тебе известно, какой из маршрутов они выбрали?

— Да, мой повелитель.

Элрик повернулся к одному из стражников.

— Послать гонцов ко всем нашим полководцам и адмиралам. Который теперь час?

— Только что миновал час заката, мой господин.

— Пусть они соберутся у Рубинового трона через два часа после заката.

Элрик устало поднялся.

— Ты, как всегда, хорошо поработал, доктор Остряк.

Худой художник поклонился — словно бы сложился вдвое. Его ответом был тонкий и вкрадчивый вздох.

Глава пятая

СРАЖЕНИЕ: КОРОЛЬ ДЕМОНСТРИРУЕТ СВОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Йиркун прибыл первым — он был во всеоружии, а сопровождали его два внушительного вида стражника, каждый из которых нес по одному из цветистых военных знамен принца.

— Мой император! — Крик Йиркуна был исполнен гордыни и презрения.— Позволь мне командовать войсками. Это тебя избавит по крайней мере от одной из забот, которыми ты столь перегружен.

Элрик нетерпеливо ответил:

— Ты очень заботлив, принц Йиркун, но можешь за меня не опасаться. Командовать войсками и народом Мелнибонэ буду я сам, потому что это обязанность императора.

Йиркун нахмурился и отошел в сторону — в зале появился Дивим Твар, повелитель Драконьих пещер. С ним не было никаких стражников, а одевался он, судя по всему, в спешке. Шлем он держал под рукой.

— Мой император, я принес сообщение о драконах...

— Благодарю тебя, Дивим Твар, но тебе придется подождать, пока не прибудут все командиры, чтобы ты мог сообщить эту новость и им тоже.

Дивим Твар поклонился и занял место по другую сторону — напротив принца Йиркуна.

Воины прибывали один за другим, и наконец у подножия ступенек, ведущих к Рубиновому трону, на котором восседал Элрик, собрались все полководцы Мелнибонэ. На Элрике все еще были те одежды, в которых он отправился на прогулку сегодня утром. У него не было времени переодеться: он до последнего мгновения был занят изучением карт лабиринта — карт, которые мог читать только он и которые в мирное время были спрятаны с помощью колдовства от любого, кто попытался бы их найти.

— Южане хотят разграбить сокровища Имррира и перебить всех нас,— начал Элрик.— Они полагают, что нашли проход через наш морской лабиринт. К Мелнибонэ приближается флот из сотни кораблей. Завтра он будет ждать за горизонтом наступления темноты, а потом приблизится и войдет в лабиринт. Они рассчитывают в полночь войти в гавань и до рассвета захватить спящий город. Возможно ли такое, спрашиваю я.

— Нет! — в один голос ответили все собравшиеся.

— Нет.— Элрик улыбнулся.— Так, может, получим удовольствие от той маленькой войны, что они нам предлагают?

Как и всегда, первым закричал Йиркун.

— Отправимся же немедленно им навстречу с драконами и боевыми барками. Будем преследовать врага до их земли и возвратим им их войну. Нападем на них и сожжем их города! Победим их и обеспечим себе безопасность!

Снова заговорил Дивим Твар.

— Никаких драконов,— сказал он.

— Что? — взвился Йиркун.— Что?

— Никаких драконов, принц. Их не разбудить. Они спят в своих пещерах в изнеможении после того, как ими воспользовались по твоему требованию.

— По моему?

— Ты использовал их в сражении против вилмирских пиратов. Я тебе говорил, что их нужно поберечь для более крупных дел. Но ты выпустил их против пиратов, чтобы сжечь эти жалкие лодчонки. А теперь драконы спят.

Йиркун нахмурился. Он бросил взгляд на Элрика.

— Я не думал...

Элрик поднял руку.

— Нам не следует будить драконов до того времени, когда в них действительно возникнет нужда. Это нападение флота южан — игрушки. Но мы сохраним наши силы, если дождемся подходящего момента. Пусть они думают, что мы не готовы. Пусть они войдут в лабиринт. Как только вся эта сотня будет в лабиринте, мы заблокируем все входы и выходы. Они окажутся в ловушке и будут разгромлены.

Йиркун раздраженно бегал глазами по полу, явно желая найти какой-нибудь изъян в этом плане. Высокий старый адмирал Магум Колим в своих латах цвета морской волны сделал шаг вперед и поклонился.

— Золотые боевые барки Имррира готовы защитить наш город, мой господин. Однако, чтобы вывести их на позицию, понадобится время. И я сомневаюсь, что всех их удастся разместить в лабиринте.

— Тогда часть нужно сейчас же вывести в открытое море и спрятать вдоль побережья, чтобы они расправились с теми, кто избегнет гибели в лабиринте и попытается бежать,— приказал Элрик.

— Прекрасный план, мой господин.— Магум Колим поклонился и, сделав шаг назад, исчез среди других полководцев.

Обсуждение продолжалось еще какое-то время, наконец все вопросы были решены и военные собрались уже было уходить, но тут снова возопил принц Йиркун.

— Я повторяю мое предложение императору. Его жизнь слишком дорога, чтобы рисковать ею в сражении. Моя же ничего не стоит. Позволь мне командовать воинами на суше и на море, чтобы император мог оставаться в своем дворце и не волновался за исход битвы: она будет выиграна, а южане — уничтожены. Может быть, император хочет дочитать какую-нибудь из своих книг?

Элрик улыбнулся.

— Я еще раз благодарю тебя за заботу, принц Йиркун. Но император должен тренировать не только ум, но и тело. Завтра я сам буду командовать воинами.

Прибыв в свои покои, Элрик обнаружил, что Скрюченный уже подготовил его тяжелые черные доспехи. Эта броня служила сотням императоров Мелнибонэ и была выкована с помощью колдовства, отчего имела прочность, не знающую себе равных в земных пределах. Ходили слухи, что она может выдержать даже удар мифических рунных клинков — Буревестника и Утешителя, которыми сражались самые коварные из множества коварнейших мелнибонийских правителей, прежде чем этим оружием завладели Владыки Высших Миров и навечно спрятали там, где даже сами Владыки редко отваживались появляться.

Лицо Скрюченного светилось, когда он своими длинными узловатыми пальцами прикасался к латам, к прекрасно сбалансированному оружию. Он поднял свое покрытое шрамами лицо навстречу озабоченному лицу Элрика.

— О, мой господин! Мой король! Скоро ты узнаешь радость сражения!

— О да, Скрюченный. И будем надеяться, это будет настоящая радость.

— Я научил тебя всем приемам — искусству удара мечом, искусству стрельбы из лука, искусству сражаться копьем, как в седле, так и пешим. И ты хорошо учился, что бы там ни говорили о твоей слабости. Только один во всем Мелнибонэ может сравниться с тобой в искусстве владения мечом.

— Принц Йиркун, возможно, более искусный воин,— задумчиво сказал Элрик.— Разве нет?

— Я же сказал «только один», мой повелитель.

— И этот один и есть Йиркун. Что ж, когда-нибудь настанет день, и мы проверим это в деле. Я искупаюсь, прежде чем облачаться во все это железо.

— Лучше бы тебе поспешить, господин. Судя по тому, что я слышал, дел у тебя немало.

— А после купания еще и посплю.— Элрик улыбнулся, видя испуг на лице своего старого друга.— Так будет лучше. Ведь я не

могу лично направлять барки на их боевые позиции. Я должен буду командовать всей битвой, а потому будет лучше, если я отдохну.

— Если ты считаешь, что это для пользы дела, повелитель, то так тому и быть.

— А ты удивлен. Тебе не терпится увидеть, как я облачусь во все это железо и стану расхаживать в нем, надменный, как сам Ариох...

Рука Скрюченного взметнулась ко рту, словно эти слова произнес не его хозяин, а он и тут же пожелал остановить их. Его глаза расширились.

Элрик рассмеялся.

— Ты думаешь, я говорю кощунственные речи? Ну, я говорил кое-что и похуже, а ничего дурного со мной не случилось. На Мелнибонэ, Скрюченный, демоны подчиняются императорам, а не наоборот.

— Как тебе будет угодно, мой господин.

— Это истина,— сказал Элрик и вышел из комнаты, сзывая рабов. Военная лихорадка охватила его — он ликовал.

Наконец он облачился в доспехи: массивная кираса, кожаная куртка на подкладке, длинные поножи, кольчужные рукавицы. В руке он держал пятифутовый палаш, который, согласно легенде, принадлежал человеческому герою по имени Обек. На палубе, опираясь о золотые перильца мостика, стоял его огромный щит с нарисованным на нем пикирующим драконом. Голову Элрика украшал шлем — черный шлем с головой дракона, венчающей вершину, и крыльями дракона, отходящими от головы вверх и назад, и хвостом дракона на задней части. Шлем снаружи был черным, но внутри виднелась бледная тень, с которой смотрели два малиновых глаза, а с боков выбивались пряди молочно-белых волос, похожие на дым, струящийся из окон горящего здания. А когда шлем поворачивался в слабом свете, исходящем из фонаря, который висел у основания главной мачты, очертания белой тени становились резче — точеные, красивые черты, прямой нос, изогнутые губы, миндалевидные глаза. Император Элрик Мелнибонийский вглядывался во мрак лабиринта, в котором уже были слышны первые

звуки, издаваемые приближающимися морскими разбойниками.

Он стоял на высоком мостике огромного золотого боевого барка, который, как и все остальные суда такого рода, напоминал плывущий зиккурат, оснащенный мачтами, парусами, веслами и катапультами. Этот барк назывался «Сын Пьярая» и был флагманом флота. Рядом с Элриком стоял гранд-адмирал Магум Колим. Как и Дивим Твар, адмирал был одним из немногих близких друзей Элрика. Он знал Элрика со дня его рождения и помогал ему узнать все, что можно было узнать о командовании боевыми кораблями и о сражениях флотов. Хотя Магум Колим про себя иногда и думал, что Элрик слишком большой книгочей и слишком уж любит предаваться размышлениям, чтобы властвовать в Мелнибонэ, но он признавал право Элрика на власть и, слыша разговоры Йиркуна и ему подобных, приходил в ярость. На флагманском барке был и принц Йиркун, хотя в настоящее мгновение и находился внизу, осматривая корабельные катапульты.

«Сын Пьярая» стоял на якоре в огромном гроте — одном из сотен, вырубленных в скалах лабиринта при его строительстве и имевших одно назначение: служить местом засады для боевых кораблей. Здесь было достаточно высоты для мачт и пространства для работы веслами. Каждый из золотых боевых барков был оснащен несколькими рядами весел, каждый ряд для двадцати-тридцати гребцов. Число весельных рядов составляло четыре, пять или шесть (как на «Сыне Пьярая»). Барки могли иметь до трех независимых рулевых систем — носовых и кормовых. Облаченные в золотую броню, эти корабли были практически неуязвимы и, несмотря на большие размеры, двигались быстро и легко маневрировали, когда того требовали обстоятельства. Они уже не первый раз поджидали врагов в засаде — и не в последний (хотя в следующий раз обстоятельства будут совсем не похожими на нынешние).

Боевые барки Мелнибонэ нынче редко можно было увидеть в открытых морях, но когда-то они бороздили моря, как зловещие плавучие золотые горы, и там, где они появлялись, поселялся ужас. В те времена флот был больше и включал сотни судов. Сейчас их оставалось менее сорока. Но и этого ко-

личества было достаточно. И теперь в туманной темноте они поджидали врага.

Прислушиваясь к ударам волн о борта барка, Элрик сожалел, что не придумал плана получше. Он не сомневался, что и этот сработает, но испытывал горькое чувство, оттого что будет погублено немало жизней — как мелнибонийских, так и варварских. Лучше было бы придумать что-нибудь такое, что отпугнуло бы варваров, чтобы не нужно было сражаться с ними в лабиринте. Флот южан был не первый, кто польстился на сказочные богатства Имррира. Южане были не первыми, кто тешил себя верой, что, мол, мелнибонийцы, не отважившиеся теперь покидать пределы Грезящего города, утратили свою былую силу и не могут защитить свои сокровища. И потому южан необходимо уничтожить, чтобы все получили недвусмысленный урок. Мелнибонэ по-прежнему было сильным королевством. По мнению Йиркуна, оно было достаточно сильно, чтобы восстановить свое прежнее владычество над миром,— сильно если не воинской силой, то колдовством.

— Тихо! — Адмирал Магум Колим подался вперед.— Кажется, это был звук весла.

Элрик кивнул.

— Похоже.

Теперь они слышали ритмичные всплески — это ряды весел погружались в воду и делали гребки; слышался и скрип дерева. Южане приближались. «Сын Пьярая» находился ближе всего к входу в лабиринт, и он первым должен был выйти из засады, но только после того, как последний корабль южан пройдет мимо. Адмирал Магум Колим протянул руку и загасил фонарь, а потом быстро и бесшумно спустился вниз предупредить команду о приближении южан.

Незадолго перед этим Йиркун с помощью колдовских заклинаний вызвал особого рода туман, который скрывал от взора врагов золотые барки, но не ухудшал видимость с мелнибонийских кораблей. И вот теперь Элрик увидел факелы впереди — это налетчики осторожно двигались по лабиринту. На расстоянии в несколько минут от них прошел десяток галер. Адмирал Магум Колим вернулся на мостик к Элрику, с ним появился и принц Йиркун. На Йиркуне тоже был шлем в виде

дракона, хотя и не такой великолепный, как на Элрике — Элрик был одним из немногих живущих на Мелнибонэ владык драконов. Йиркун ухмылялся в темноте в предвкушении предстоящей бойни.

«Жаль, что Йиркун выбрал именно этот барк»,— подумал Элрик. Но Йиркун был вправе находиться на флагманском корабле, и Элрик не мог отказать ему в этом.

Мимо них прошло уже полсотни кораблей.

Йиркун нетерпеливо прохаживался по мостику, бряцая доспехами. Его рука в кольчужной рукавице держала рукоятку палаша.

«Уже скоро,— повторял он про себя.— Уже скоро!»

И вот, когда последнее судно южан прошло мимо них, застонал поднимаемый якорь и погрузились в воду весла «Сына Пьярая». Корабль из грота устремился в канал. Он врезался во вражескую галеру и раскроил ее на две части.

Команда варваров дико завопила. Люди разбегались в разные стороны. На остатках палубы бешено плясали факелы — люди старались остаться на плаву, не упасть в темные, холодные воды канала. Несколько отважных пик царапнули борта мелнибонийского флагмана, который продирался сквозь размолотые останки вражеского судна. Но лучники Имррира стреляли точно, и оставшиеся в живых варвары были убиты.

Звук этого скоротечного столкновения стал сигналом для других барок. Они в боевом порядке вышли из своих укрытий в высоких скальных стенах, а изумленным варварам, вероятно, показалось, что эти огромные золотые корабли появились прямо из монолита скал — корабли-призраки, полные демонов, которые обрушились на них дождем пик, стрел и горящих головешек. Теперь весь извилистый канал был обуян хаосом сражения, его наполняли боевые кличи, эхом отдававшиеся от стен, скрежет стали о сталь напоминал дикое шипение какой-то чудовищной змеи, расчлененной на сто кусков высокими, неуязвимыми судами мелнибонийцев. Казалось, золотые барки без всякого страха надвигаются на врага, их таранящий металл устремлялся к деревянным палубам и бортам и словно бы притягивал вражеские суда, чтобы легче было их уничтожить.

Но южане были отважны и, хотя и оказались захвачены врасплох, скоро оправились. Три их галеры устремились на «Сына Пьярая», поняв, что это флагманский корабль. Горящие стрелы взметнулись в воздух и упали на деревянную палубу, которая не была защищена золотой броней. Стрелы несли воинам огненную смерть, а там, где они падали на палубу, занимался пожар.

Элрик поднял над головой щит, и в него ударились две стрелы, срикошетили и, по-прежнему горя, упали вниз. Элрик следом за стрелами перепрыгнул через перила на самую широкую и незащищенную палубу, на которой грудились воины, готовясь отразить нападение галер. Послышался звук стреляющих катапульт, и черноту прорезали три шара голубого огня — зажигательные ядра, упавшие в воду рядом с галерами. Последовал новый залп, и один из клубов пламени, попав в мачту дальней галеры, рухнул на палубу, по которой тут же побежали огненные языки. Абордажные крючья вцепились в борта галеры и подтащили ее к барку.

Элрик был среди первых, кто оказался на палубе вражеского корабля. Он ринулся туда, где увидел капитана южан, облаченного в грубые разноцветные доспехи под таким же разноцветным плащом. Капитан, державший обеими руками огромный меч, криком понукал своих людей, призывая их сопротивляться «мелнибонийским собакам».

Элрик приблизился к мостику, и тут на него бросились три варвара, вооруженные кривыми мечами и прикрывающиеся небольшими продолговатыми щитами. Их лица были искажены страхом, но тем не менее пираты были исполнены решимости сражаться до конца, словно не сомневались в своей близкой гибели, но намеревались дорого продать свои жизни. Перекинув перевязь своего щита поближе к плечу, Элрик двумя руками ухватил палаш и атаковал моряков — одного он сбил с ног кромкой своего щита, а другому размозжил ключицу. Третий варвар отпрыгнул в сторону и сунул свой кривой меч в лицо Элрику. Элрик едва увернулся, но острое лезвие все же царапнуло ему щеку, из которой появились капельки крови. Элрик взмахнул палашом, как косой, и тот, глубоко войдя в бок варвара, почти рассек его надвое. Еще мгновение тот продолжал сражаться, не в силах поверить, что уже мертв, но, когда Элрик высвободил палаш, глаза варвара закрылись и он упал. Тот, кто получил удар щитом Элрика, теперь пытался встать на ноги, но тут Элрик повернулся, увидел его и вонзил клинок ему в череп. Теперь путь к мостику был свободен. Элрик начал подниматься по трапу, отметив про себя, что капитан его видит и ждет наверху.

Элрик поднял щит, чтобы отразить первый удар капитана. Сквозь царящий вокруг шум он слышал, что человек кричит ему:

— Умри, ты, белолицый демон! Умри! Тебе больше нет места на земле!

Эти слова едва не отвлекли Элрика от необходимости защищаться. Ему показалось, что в них есть зерно истины. Возможно, ему и в самом деле больше не было места на земле. Может быть, именно поэтому Мелнибонэ медленно умирало, именно поэтому рождалось все меньше детей, именно поэтому и драконы прекратили размножаться. Он дал капитану возможность еще раз нанести удар по щиту, а потом под его прикрытием бросился в ноги варвару. Но капитан предвидел это движение и отскочил назад. Это дало Элрику время, чтобы подняться во весь рост и встать лицом к лицу с капитаном.

Лицо варвара было таким же бледным, как и у Элрика, по нему струился пот. Дышал он тяжело, а в глазах его застыли смертная тоска и дикий страх.

— Почему вы не оставите нас в покое, варвар? — услышал Элрик собственный голос.— Мы не делаем вам ничего плохого. Когда мелнибонийцы в последний раз нападали на Молодые королевства?

— Вы делаете нам плохо уже одним своим существованием, бледнолицый. Вашим колдовством. Вашими традициями. Вашим высокомерием.

— Так вы поэтому приплыли сюда? Причина вашего нападения в том, что мы вызываем у вас отвращение? Или вы хотите поживиться нашими богатствами? Признай, капитан, в Мелнибонэ вас привела алчность.

— По крайней мере, алчность — честное качество, понятное. Но в вас нет ничего человеческого. Еще хуже: вы не бо-

ги, хотя и ведете себя так, будто вы — боги. Ваше время кончилось, и вы должны быть стерты с лица земли, ваш город — уничтожен, а ваше колдовство — предано забвению.

Элрик кивнул.

— Возможно, ты и прав, капитан.

— Я прав. Наши святые так говорят. Наши ясновидцы предвидят ваше падение. Это падение вызовут сами Владыки Хаоса, которым вы служите.

— Владыки Хаоса потеряли интерес к делам Мелнибонэ. Они лишили нас своей поддержки почти тысячу лет назад.— Элрик внимательно смотрел на капитана, выверяя расстояние между ним и собой.— Может быть, именно поэтому ослабели и мы сами. А может быть, мы просто устали от своей силы.

— Как бы то ни было,— сказал капитан, отирая капли пота со лба,— ваше время истекло. Вы должны быть раз и навсегда уничтожены.— И тут он застонал, потому что палаш Элрика вошел в его тело ниже разноцветного нагрудника и пронзил желудок и легкие.

Опустившись на колено, Элрик начал извлекать свой длинный палаш, глядя в лицо варвару, на котором теперь появилось выражение умиротворенности.

— Это несправедливо, бледнолицый. Мы едва успели сказать друг другу несколько слов, а ты прервал разговор. Ты отличный боец. Чтоб тебе вечно мучиться в Высшем Аду. Прощай.

Элрик не знал, зачем он это сделал, но, когда капитан рухнул лицом вниз, он дважды ударил клинком по его шее, и голова, отделившись от туловища, покатилась по мостику и упала вниз — в холодные, глубокие воды.

И тут из-за спины Элрика появился Йиркун все с той же ухмылкой на лице.

— Ты сражался яростно и умело, мой повелитель. Этот мертвец был прав.

— Прав? — Элрик вперил гневный взгляд в кузена.— Прав?

— Да, в том, что касалось его мнения о твоем воинском искусстве.

Йиркун, хмыкнув, отправился руководить боем — его люди добивали последних оставшихся в живых варваров.

Элрик не знал, почему он отказывался ненавидеть Йиркуна прежде. Но теперь он и в самом деле ненавидел его. В это мгновение он бы с удовольствием прикончил своего кузена. Ему казалось, что Йиркун заглянул в самую его, Элрика, душу и испытал презрение к тому, что там увидел.

Внезапно альбиноса переполнило чувство гневной тоски, он всем сердцем в это мгновение жалел, что он мелнибониец, что он император и что Йиркун вообще явился на этот свет.

Глава шестая

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ· УМЫШЛЕННОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Словно огромные великаны, плыли золотые боевые барки над разметенными в щепы вражескими кораблями. Несколько кораблей еще горели, несколько — тонули, но большинство уже лежало в неизмеримых глубинах канала. Тени горящих кораблей плясали на скальных стенах — словно призраки бойни посылали свое последнее «прости», прежде чем отправиться в морские глубины, где, согласно легендам, все еще властвовал Владыка Хаоса, снаряжавший души всех погибших в морских сражениях в команды своих призрачных кораблей. А может быть, их ждала не столь тяжелая судьба — может быть, они становились слугами Страаши, повелителя водных элементалей, который властвовал в верхних слоях океана.

Но некоторым удалось бежать. Каким-то образом моряки-южане сумели прорваться по каналу мимо мощных боевых барков, и теперь они, видимо, уже достигли открытого моря. Такое сообщение поступило на флагман, где на мостике снова стояли вместе Элрик, Магум Колим и принц Йиркун, обозревая произведенное ими разрушение.

— Мы должны пуститься за ними в погоню и уничтожить,— сказал Йиркун. Он сильно вспотел, его темное лицо лоснилось, глаза лихорадочно сверкали.— Мы должны преследовать их.

Элрик пожал плечами. Он чувствовал слабость. Он не взял с собой запаса снадобья, чтобы пополнить свои силы, и теперь жаждал вернуться в Имррир и отдохнуть. Он устал от крово-

пролития, устал от Йиркуна, но больше всего устал от себя. Ненависть, которую он испытывал к своему кузену, еще больше истощала его, и он ненавидел свою ненависть. Это было хуже всего.

— Нет,— сказал он.— Пусть уходят.

— Пусть уходят? Безнаказанными? Очнись, мой император! Это не по-нашему! — Принц Йиркун повернулся к престарелому адмиралу.— Разве это по-нашему, адмирал Магум Колим?

Магум Колим пожал плечами. Он тоже устал, но в глубине души был согласен с принцем Йиркуном. Враг Мелнибонэ должен понести наказание за то, что хотя бы помыслил о нападении на Грезящий город. И тем не менее он сказал:

— Это должен решить император.

— Пусть они уходят,— повторил Элрик. Он тяжело оперся о поручень.— Пусть они принесут это известие в свои варварские земли. Пусть они расскажут там, как их победили владыки драконов. Это известие распространится повсюду. И уверен, после этого они надолго оставят нас в покое.

— В Молодых королевствах полно дураков,— ответил Йиркун.— Они не поверят этому известию. Они всегда будут пиратами. Наилучший способ предупредить их — сделать так, чтобы ни один южанин не остался живым или свободным.

Элрик глубоко вздохнул, пытаясь преодолеть слабость, которая грозила свалить его с ног.

— Принц Йиркун, ты испытываешь мое терпение...

— Но, мой император, я думаю только о благе Мелнибонэ. Ведь ты же не хочешь, чтобы твой народ решил, что ты слаб, что ты боишься сразиться с пятью кораблями южан.

Тут гнев Элрика придал ему сил.

— Кто скажет, что Элрик слаб? Может быть, ты, Йиркун? — Он знал, что следующее его заявление лишено всякого смысла, но не смог сдержаться.— Хорошо, мы отправимся в погоню за этими жалкими лодчонками и потопим их. И давайте поспешим. Я устал от всего этого.

В глазах Йиркуна, отправившегося отдавать приказания, сверкнул зловещий огонек.

Небо из черного стало серым, когда мелнибонийский флот достиг открытого моря и взял курс на юг — к Кипящему морю и лежащему за ним континенту. Корабли варваров не смогли бы преодолеть Кипящего моря — считалось, что ни один корабль смертных не сможет этого сделать,— они бы просто обогнули эти воды. Но корабли варваров и не имели ни малейшего шанса добраться до границы Кипящего моря, потому что огромные боевые барки были очень быстроходны. Рабов, сидевших за веслами, опаивали специальным отваром, который увеличивал их силы на срок до десяти часов, после чего они погибали. А вдобавок поднятые паруса поймали ветер. Эти корабли напоминали золотые горы, мчащиеся по морю. Секрет их создания был утерян мелнибонийцами, которые забыли немало из того, что знали их предки. Легко было понять, почему жители Молодых королевств ненавидят Мелнибонэ со всеми его изобретениями, ведь эти барки, несущиеся за появившимися уже на горизонте галерами, и в самом деле принадлежали более древним и чужим временам.

Впереди шел «Сын Пьярая», катапульты которого были взведены задолго до того, как кто-либо из команды увидел врага. Рабы, истекая потом, заправили в катапульты губительные зажигательные ядра, размещая их в бронзовых чашах с помощью длинных ложкообразных щипцов. Эти щипцы поблескивали в предрассветном мраке.

Теперь рабы поднялись по ступенькам к мостику, неся вино и еду на платиновых подносах для трех владык драконов, которые находились там с самого начала преследования. Сил есть у Элрика не было, но он ухватил высокий кубок с желтым вином и опустошил его. Вино было крепким и немного восстановило его силы. Ему налили еще один кубок, и он так же быстро осушил и второй. Он вглядывался вперед. Уже почти рассвело, на горизонте появилась алая полоска света.

— При появлении солнечного диска,— сказал Элрик,— выпускайте зажигательные ядра.

— Я отдам приказ,— сказал Магум Колим, вытирая губы и откладывая мясную косточку.

Он оставил мостик. Элрик слышал, как удаляются его шаги. И сразу же альбинос почувствовал себя в окружении врагов.

Во время его спора с принцем Йиркуном поведение Магума Колима показалось ему странным. Элрик попытался стряхнуть с себя эти глупые мысли. Но его усталость, неуверенность в себе, открытое издевательство кузена — все это усилило его ощущение одиночества, ему казалось, что он остался совсем без друзей. Ведь даже Симорил и Дивим Твар были в конечном счете мелнибонийцами и не могли понять те мотивы, которыми он руководствовался. Может быть, ему стоит отказаться от всего мелнибонийского и отправиться странствовать по миру безымянным солдатом удачи, служа тому, кому понадобятся его услуги.

Над черной линией далекой воды показался тускловатый полукруг красного солнца. Последовал звук выстрелов катапульт с передней палубы флагмана, потом раздался удаляющийся резкий свист, словно десяток метеоритов пронзили над головой небеса. Это в направлении пяти галер, находившихся теперь на расстоянии не более чем тридцати корабельных корпусов, полетели зажигательные ядра.

Элрик увидел, как загорелись две галеры, но три оставшиеся начали маневрировать, избегая зажигательных ядер, которые падали в море и рассыпались искрами, прежде чем, не прекращая гореть, уйти на глубину.

Подготовили новые ядра, и Элрик услышал, как Йиркун кричит с другой стороны мостика, понукая рабов. Теперь убегающие галеры сменили тактику, явно понимая, что скоро с ними будет покончено; они развернулись и направились на «Сына Пьярая» — так же поступали в лабиринте и другие корабли. Дело было не только в их отваге, которая восхищала Элрика, но и в искусстве маневрирования и быстроте, с которой они приняли это логически обоснованное, хотя и безнадежное решение.

Солнце находилось за кормой развернувшихся южан. Три силуэта храбрых кораблей приближались к мелнибонийскому флагману, а море заиграло алым цветом, словно предвещая кровопролитие.

Флагман дал еще один залп зажигательными ядрами. Передняя галера попыталась уйти от удара, но два огненных шара упали прямо на ее палубу, и скоро весь корабль был охвачен

огнем. Горящие моряки прыгали в воду. Горящие моряки обстреливали флагман из луков. Горящие моряки выпадали из своих боевых порядков. Горящие моряки умирали, но горящий корабль шел вперед — кто-то закрепил руль, направив галеру прямо на «Сына Пьярая». Она врезалась в золотой борт боевого барка, и несколько языков пламени попало на палубу флагмана, где стояли основные катапульты. Загорелся котел, в котором находился воспламенитель, и к нему сразу же со всех концов бросились моряки — сбивать пламя. Элрик усмехнулся, увидев сделанное варварами. Может быть, этот корабль намеренно подставился под зажигательные ядра. Теперь большая часть команды была занята тушением пожара, а корабли южан тем временем приблизились, забросили на флагман абордажные крюки и бросились в атаку.

— Эй, на палубе,— закричал с большим опозданием Элрик.— Варвары атакуют!

Йиркун, оценив ситуацию, кинулся вниз с мостика.

— Оставайся здесь, мой король,— крикнул он Элрику на бегу.— Ты слишком слаб, чтобы сражаться.

Элрик собрал остатки сил и поплелся следом за кузеном на помощь защитникам корабля.

Варвары дрались не за свою жизнь — они знали, что их судьба решена. Они сражались из чувства доблести. Они хотели захватить один из мелнибонийских кораблей и погибнуть вместе с ним, и, конечно же, этим кораблем должен быть вражеский флагман. Презирать такого противника было трудно. Они знали, что даже если захватят флагман, другие барки скоро расправятся с ними.

Но другие корабли отстали от флагмана. Прежде чем они успеют подойти, многим придется расстаться с жизнью.

На нижней палубе Элрик оказался перед двумя высокими варварами. У каждого был кривой меч и маленький продолговатый щит. Он бросился вперед, но доспехи сковывали его движения, его собственные щит и меч были так тяжелы, что он едва мог их поднять. Два меча почти одновременно ударили по его шлему. Он отпрянул назад и ухватил одного из нападавших за руку, другого ударил своим щитом. Кривой меч лязгнул по его доспеху, и он потерял равновесие.

Вокруг поднимались удушающие клубы дыма, жар пламени опалял воинов, схватка была в самом разгаре. Он рывком развернулся и почувствовал, как его палаш глубоко входит в плоть. Один из его противников упал с булькающим звуком, кровь хлынула у него изо рта и носа. Другой сделал обманное движение, и Элрик, отступив назад, споткнулся о тело убитого им человека и упал, выставив перед собой палаш, который держал в руке. И когда торжествующий варвар прыгнул вперед, намереваясь прикончить альбиноса, Элрик, направив на него острие своего палаша, пронзил врага. Мертвец свалился на Элрика, но тот не почувствовал падения тела — он почти потерял сознание. Уже не в первый раз его больная кровь, не подкрепленная снадобьем, предавала его.

Он почувствовал соль во рту и поначалу подумал, что это кровь. Но это была соленая вода. Волна, окатив палубу, привела его в чувство. Он попытался выбраться из-под мертвого тела и тут услышал знакомый голос. Он повернул голову и поднял глаза.

Перед ним стоял ухмыляющийся принц Йиркун. Он явно радовался тому положению, в котором оказался Элрик. Черный маслянистый дым все еще клубился вокруг, но звуки сражения стихли.

— Мы... мы победили, кузен? — спросил Элрик, превозмогая боль.

— Да. Все варвары мертвы. Мы поворачиваем к Имрриру.

Элрик облегченно вздохнул. Если он не доберется до запасов своего снадобья, то скоро умрет.

Облегчение, отразившееся на его лице, было настолько очевидным, что Йиркун рассмеялся.

— Хорошо, что сражение не затянулось, мой господин, а то мы бы остались без своего императора.

— Помоги мне, кузен.— Элрику очень не хотелось просить о помощи принца Йиркуна, но выбора у него не было. Он протянул свою руку.— Я вполне в силах осмотреть корабль.

Йиркун сделал шаг, словно для того, чтобы взять его за руку, но вдруг остановился все с той же ухмылкой на лице.

— Но, мой господин, я возражаю. Когда корабль снова повернет на восток, ты уже будешь мертв.

— Чепуха. Даже без моих лекарств я проживу достаточно долго, правда мне трудно двигаться. Помоги мне, Йиркун, я тебе приказываю.

— Ты мне не можешь приказывать, Элрик. Видишь ли, теперь император я.

— Остерегись, кузен. Я, возможно, и не обращу внимания на твое предательство, но другие не пройдут мимо. А потому я буду вынужден...

Йиркун перепрыгнул через тело Элрика и подошел к борту. Здесь на засовах была установлена секция фальшборта, которую убирали, когда опускался трап. Йиркун медленно сдвинул засовы и швырнул ее в океан.

Элрик предпринимал все более отчаянные усилия освободиться из-под мертвого тела, но он едва мог двигаться.

Йиркун же, напротив, казалось, приобрел неимоверную силу. Он нагнулся и легко отшвырнул в сторону тело варвара.

— Йиркун,— сказал Элрик,— ты поступаешь неблагоразумно.

— Я никогда не был чересчур осторожен, кузен, и ты это прекрасно знаешь.— Йиркун поставил ногу в сапоге на грудь Элрику и начал толкать его. Элрик заскользил к проему в борту. Он видел, как черное море волнуется внизу.— Прощай, Элрик. Теперь на Рубиновый трон воссядет истинный мелнибониец. И, кто знает, может быть, сделает Симорил своей королевой? Такое случалось...

Элрик почувствовал, как перекатывается за борт, почувствовал, как падает, почувствовал, как ударяется о воду, почувствовал, как доспехи тянут его вниз. Последние слова Йиркуна отдавались в ушах Элрика, как настойчивые удары волн о борт боевого барка.

Часть вторая

Еще меньше, чем всегда, уверенный в своей судьбе, король-альбинос вынужден воспользоваться своим колдовским искусством; он сознательно прибегает к действиям, которые сделают его жизнь не такой, как ему хотелось бы. Все проблемы должны быть решены. Он должен начать властвовать. Он должен стать жестоким. Но даже и теперь он столкнется с препятствиями.

Глава первая

ПЕЩЕРЫ МОРСКОГО КОРОЛЯ

Элрик быстро погружался, отчаянно пытаясь сохранить последние остатки воздуха. Сил плыть у него не было, а вес доспехов не давал ему ни малейшей надежды подняться на поверхность и быть замеченным Магумом Колимом или кем-то другим, кто еще оставался верен ему.

Рев в его ушах постепенно сменился на шепот, отчего у него возникло впечатление, будто с ним разговаривают еле слышные голоса, голоса водных элементалей, с которыми у него во времена его юности возникло что-то вроде дружбы. Боль в его легких стихла, красный туман рассеялся в глазах Элрика, и ему показалось, что он видит лицо своего отца Садрика, лицо Симорил, промелькнуло и лицо Йиркуна. Йиркун — глупец, он хоть и гордился тем, что он мелнибониец, но вот мелнибонийской изощренности у него не было. Он был груб и прямолинеен, как некоторые варвары из Молодых королевств,

которых он так презирал. И тут Элрик почувствовал чуть ли не благодарность к своему кузену. Жизнь была кончена. Противоречия, раздиравшие императорский ум, больше не беспокоили Элрика. Его страхи, его мучения, его ненависть и любовь — все оставалось в прошлом, а впереди было только забвение. Когда последние глотки воздуха покинули его тело, он целиком отдался во власть моря, во власть Страаши, повелителя водных элементалей, когда-то союзника народа Мелнибонэ. И тут он вспомнил старое заклинание, которым пользовались его предки, когда им нужно было вызвать Страаша. Это заклинание само собой возникло в его умирающем мозгу.

О, древних вод морская гладь,
Ты нас вскормила, словно мать
Родившись в предначальной мгле,
Последней будешь на земле

О моря князь, отец отцов,
Явись на зов, явись на зов!
Соль — кровь твоя, и эта соль —
Как соль в крови людской

Страаша, владыка вод, король морей,
Явись на зов скорей
Враги у нас одни с тобой
Хотят победы над судьбой
И гибели морей!*

Эти слова или имели какой-то старый символический смысл, или относились к какому-то событию в мелнибонийской истории, о котором не читал даже Элрик. Эти слова почти ничего не значили для него, и тем не менее они продолжали повторяться, по мере того как его тело погружалось все глубже в зеленые воды. И даже когда чернота овладела им и его легкие наполнились водой, эти слова продолжали тихонько звучать в закоулках его мозга. Странно, что он и после смерти все еще слышал их напев.

Казалось, прошло немало времени, прежде чем его глаза открылись и увидели бурлящую воду и огромные нечеткие силуэты, скользящие к нему. Похоже, смерть не торопилась, и

* Перевод Р Адрианова

он грезил. У того, кто плыл первым, была бирюзовая борода, бледно-зеленая кожа, словно сделанная из морской воды, и когда он заговорил, то голос напомнил Элрику шум прибоя. Владыка вод улыбнулся Элрику.

— Страаша ответил на твой зов, смертный. Наши судьбы связаны. Как я могу тебе помочь, а помогая тебе, помочь и себе?

Рот Элрика был полон воды, но все же он, похоже, может говорить (а это лишний раз подтверждало, что он видит сон).

Он сказал:

— Король Страаша. Картины в башне Д'а'рпутны — в библиотеке. Я видел их, когда был мальчиком. Король Страаша.

Морской король вытянул вперед свои зеленоватые руки.

— Да. Ты звал меня. Тебе нужна помощь. Мы чтим наш древний договор с вашим народом.

— Нет, я не собирался звать тебя. Этот зов сам возник в моем умирающем мозгу. Я счастлив, что утонул, король Страаша.

— Это невозможно. Если твой разум позвал нас, это значит, что ты хочешь жить. Мы поможем тебе.— Борода короля Страаши струилась в потоке, а его глубокие зеленые глаза смотрели на альбиноса мягко, чуть ли не с нежностью.

Элрик снова закрыл глаза.

— Мне это снится,— сказал он.— Я тешу себя пустыми надеждами.— Он чувствовал воду в своих легких и знал, что больше не дышит. Поэтому было совершенно ясно, что он мертв.— Но если ты и в самом деле настоящий старый друг и хочешь помочь мне, то вернешь меня в Мелнибонэ, чтобы я мог разобраться с узурпатором Йиркуном и спасти Симорил, пока еще не поздно. Единственное, что меня тревожит,— это мучения, которые достанутся на долю Симорил, если ее брат станет императором Мелнибонэ.

— Это все, о чем ты просишь у водных элементалей? — Казалось, что король Страаша чуть ли не разочарован.

— Я не прошу тебя об этом. Я только озвучиваю то, что мог бы пожелать, если бы все это было по-настоящему и я мог говорить. А теперь я умру.

— Это невозможно, принц Элрик, потому что наши судьбы и в самом деле переплетены, и я знаю, что твоя судьба не в том, чтобы сейчас умереть. Поэтому я помогу тебе, как ты и попросил.

Элрика удивляла четкость деталей его видения. Он сказал себе: «Каким жестоким мучениям я себя подвергаю. Все, мне пора признать, что я умер...»

— Ты не можешь умереть. Не сейчас.

Рука морского короля легко подняла его и понесла по петляющим, слегка затененным коридорам вдоль нежно-розовых коралловых стен, где воды уже не было. Элрик почувствовал, что вода исчезла из его легких и он может дышать. Неужели он и в самом деле попал в легендарное измерение народа элементалей — измерение, где этот народ обитает и которое частично пересекается с земным?

Они остановились в огромной куполообразной пещере, которая отливала розовым и голубым перламутром. Морской король положил Элрика на пол пещеры, который, казалось, был усеян мелким белым песком. Но это был не песок, потому что он спружинил под телом Элрика.

Когда король Страаша шевельнулся, раздался звук, какой слышен, когда приливная волна шуршит в береговой гальке. Морской король прошел по белому песку к большому трону цвета молочно-белого агата. Он сел на трон и, подперев голову зеленым кулаком, стал разглядывать Элрика — вопросительно и в то же время сочувственно.

Элрик физически был все еще очень слаб, но зато теперь мог дышать. Словно морская вода наполнила его, а выходя наружу, очистила. Голова у него была ясной. И сейчас он вовсе не был уверен, что спит.

— Но я так и не понимаю, почему ты меня спас, король Страаша,— устало сказал он, лежа на песке.

— Мелодия. Мы услышали ее и пришли. Вот и все.

— Да, но колдовство не бывает таким простым. Нужны напевы, символы, всякого рода ритуалы. Раньше всегда было так.

— Возможно, ритуалы не всегда обязательны, если нужда так насущна, как была у тебя, когда ты позвал нас. Хотя ты

и сказал, что хочешь умереть, было видно, что это не искреннее твое желание, иначе зов не был бы так отчетлив и не достиг бы нас так быстро. Забудь теперь обо всем этом. Когда ты отдохнешь, мы сделаем все, о чем ты просил.

Элрик, превозмогая боль, сел.

— Ты говорил о «переплетающихся судьбах». Значит, тебе известна моя судьба?

— Я думаю, отчасти известна. Наш мир стареет. Когда-то элементали были сильны в твоей плоскости, и народ Мелнибонэ разделял с ними эту силу. Но теперь наши силы слабеют — как и ваши. Что-то меняется. Есть намеки на то, что Владыки Высших Миров снова проявляют интерес к вашему миру. Возможно, они боятся того, что народы Молодых королевств забыли про них. Возможно, народы Молодых королевств угрожают наступлением новой эры, в которой богам и существам вроде меня больше не будет места. Я подозреваю, что в Высших Мирах испытывают некоторое беспокойство.

— И больше тебе ничего не известно?

Король Страаша поднял голову и заглянул в глаза Элрику.

— Больше я тебе ничего не могу сказать, сын моих старых друзей, вот только, пожалуй, что ты будешь счастливее, если полностью предашься своей судьбе, когда поймешь, в чем она состоит.

Элрик вздохнул.

— Кажется, я знаю, о чем ты говоришь, король Страаша. Я постараюсь последовать твоему совету.

— А теперь, когда ты отдохнул, пора возвращаться.

Морской король поднялся со своего трона из молочно-белого агата и, подплыв к Элрику, поднял его в сильных зеленых руках.

— Мы еще встретимся до конца твоей жизни, Элрик. Я надеюсь, что смогу еще раз помочь тебе. Наши братья — элементали воздуха и огня — тоже будут рады помочь тебе. Помни зверей — и они могут послужить тебе. Подозревать их в корысти не стоит. Но опасайся богов, Элрик. Опасайся Владык Высших Миров и помни, что за их помощь и дары непременно придется платить.

Это были последние слова морского короля, услышанные Элриком, прежде чем он вместе с королем снова устремился по извилистым туннелям иного мира — с такой скоростью, что альбинос уже не мог различить деталей, а временами даже не представлял, находятся ли они все еще в царстве короля Страаши или уже вернулись в морские глубины его собственного мира.

Глава вторая

НОВЫЙ ИМПЕРАТОР И ИМПЕРАТОР ВЕРНУВШИЙСЯ

Странного цвета облака заполнили небо, огромное тяжелое солнце висело в вышине, а океан был черен под золотыми барками, устремившимися к дому впереди потрепанного флагмана. Сам флагман двигался медленно, с мертвыми рабами на веслах, порванными парусами на мачтах, прокопченными дымом моряками на палубах и новым императором на мостике. Из всех возвращавшихся ликовал один только новый император, и уж он-то ликовал по-настоящему. На главной мачте флагмана теперь полоскалось его — а не Элрика — знамя, поскольку он не терял времени и провозгласил Элрика убитым, а себя — правителем Мелнибонэ.

Для Йиркуна особый оттенок неба был знаком перемен, возвращения к прежним традициям и прежней власти острова Драконов. Когда он отдавал приказы, в голосе его слышалось удовольствие, и адмирал Магум Колим, который всегда не без подозрения относился к Элрику, но теперь был вынужден подчиняться Йиркуну, спрашивал себя: не лучше ли будет обойтись с Йиркуном таким же образом, каким (у адмирала были на сей счет свои соображения) тот обошелся с Элриком.

Дивим Твар стоял, опершись на борт своего собственного судна — «Удовольствия Терхали»,— и тоже посматривал на небо, хотя и не видел в нем предзнаменований судьбы. Не видел же он их потому, что оплакивал Элрика и прикидывал, как ему отомстить принцу Йиркуну, если выяснится, что Йиркун убил своего кузена, дабы завладеть Рубиновым троном.

На горизонте показалось Мелнибонэ — нагромождение скал, черный монстр, присевший на корточки в море и зовущий своих детей вернуться назад, к изощренным наслаждениям Грезящего города. Огромные утесы приблизились, центральные ворота лабиринта открылись, вода принялась волноваться и плескаться, когда золотые барки, разрезая ее своими золотыми носами, вошли внутрь и исчезли во влажном мраке туннеля. На поверхности воды все еще плавали обломки кораблей — следы вчерашней схватки; время от времени в свете факелов мелькали распухшие тела мертвецов.

Боевые барки безучастно двигались по этим бренным останкам, но на них не царило веселье — они везли известие о гибели в бою их прежнего императора (Йиркун рассказал им, что случилось). В течение следующей ночи — а всего в течение семи ночей — улицы Мелнибонэ будут наполнены Диким танцем. Отвары и специальные напитки никому не дадут уснуть, потому что во время траура по умершему императору сон запрещен как старым, так и молодым. Владыки драконов, обнаженные, будут бродить по городу и брать любую приглянувшуюся им молодую женщину, чтобы наполнить ее своим семенем, потому что такова была традиция: если умирает император, то знать Мелнибонэ должна произвести как можно больше детей аристократической крови. Музыкальные рабы будут завывать с вершин всех башен. Другие рабы будут убиты, а некоторые — съедены. Это был жуткий танец, танец скорби, и отнимал он не меньше жизней, чем создавал. Одна из башен будет разрушена, а одна возведена за эти же семь дней, и новая башня будет названа в честь Элрика VIII, императора-альбиноса, который погиб в море, защищая Мелнибонэ от пиратов с юга.

Погиб в море, а тело его взято волнами. Это было плохим предзнаменованием, так как означало, что Элрик отправился служить Пьяраю — Щупальценосному нашептывателю невероятных тайн, Владыке Хаоса, который управлял флотом Хаоса — погибшими кораблями с погибшими моряками, навечно попавшими к нему в рабство. А такая судьба не подобает тому, в ком течет кровь правителей Мелнибонэ.

«Да, но траур будет долгим»,— думал Дивим Твар.

Он любил Элрика, хотя и не одобрял иногда его методов управления островом Драконов. Он сегодня тайно отправится в Драконьи пещеры и проведет все дни траура со спящими драконами — единственными, кого он любил теперь, после смерти Элрика. А еще Дивим Твар подумал о Симорил, которая ждет возвращения Элрика.

Корабли окутались сумерками приближающегося вечера. Факелы и фонари уже горели на набережной Имррира, которая была пуста, если не считать небольшой группки, стоявшей вокруг колесницы, подогнанной к самому концу центрального причала. Дул холодный ветер. Дивим Твар знал, что это Симорил со своей охраной ждет возвращения флота. Хотя флагман вошел в лабиринт последним, остальным кораблям пришлось ждать — «Сына Пьярая» подвели к причалу первым. Если бы не традиция, то Дивим Твар покинул бы свой корабль, чтобы поговорить с Симорил, проводить ее с набережной и рассказать все, что ему было известно об обстоятельствах смерти Элрика. Но это было невозможно. Еще до того, как «Удовольствие Терхали» бросила якорь, с «Сына Пьярая» был спущен трап, и император Йиркун, которого распирала гордыня, сошел вниз, воздев руки и торжественно приветствуя таким образом свою сестру, продолжавшую обшаривать взглядом палубу корабля в поисках своего возлюбленного альбиноса.

Внезапно Симорил поняла, что Элрик мертв и что Йиркун каким-то образом причастен к его гибели. Либо Йиркун не пришел на помощь к Элрику, на которого набросились южане, либо сам убил Элрика. Она знала своего брата и сразу же догадалась, что означает выражение его лица. Он был доволен собой, когда ему удавалось то или иное предательство. Гнев загорелся в ее наполненных слезами глазах. Она откинула назад голову и закричала, обращаясь к непостоянным зловещим небесам:

— О! Йиркун погубил его!

Охранники вздрогнули от испуга. Их капитан заботливо сказал:

— Госпожа?

— Элрик мертв, и убил его мой брат. Капитан, арестуй принца Йиркуна. Убей его, капитан!

Капитан с несчастным видом взялся за рукоять своего меча. Молодой воин, более порывистый, вытащил свой меч и прошептал:

— Я убью его, госпожа, если таково твое желание.

Этот молодой воин любил Симорил беззаветно и бескорыстно.

Капитан бросил на воина предостерегающий взгляд, но тот был слеп к предостережениям. Два других стражника тоже извлекли из ножен мечи, когда Йиркун, завернувшись в красный плащ, в шлеме с драконами, поблескивающем в свете факелов, раздуваемых ветром, выступил вперед и воскликнул:

— Теперь Йиркун — император!

— Нет! — закричала сестра Йиркуна.— Элрик! Элрик! Где ты?

— Он служит своему новому хозяину, Пьяраю из Хаоса. Его мертвые руки держат весло корабля Хаоса, сестра. Его мертвые глаза ничего не видят. Его мертвые уши слышат только удары бичей Пьярая, а его мертвая плоть не чувствует ничего, кроме неземной боли. Элрик в своих доспехах ушел на дно моря.

— Убийца! Предатель! — Симорил зарыдала.

Капитан, который был не чужд практичности, вполголоса сказал своим воинам:

— Вложите мечи в ножны и приветствуйте нового императора.

Не подчинился только молодой охранник, который любил Симорил.

— Но ведь он же убил императора! Так сказала госпожа Симорил!

— Ну и что? Теперь он император. Встань на колени, или через минуту ты будешь мертв.

Молодой воин с криком бросился на Йиркуна, который отступил, пытаясь высвободить руки из складок плаща. Он не ожидал нападения.

Но вперед выскочил капитан с уже обнаженным мечом и пронзил юношу — тот, удивленно открыв рот, повернулся назад и упал к ногам Йиркуна.

Этот поступок капитана свидетельствовал о том, что Йиркун теперь и в самом деле обладает властью, и он, ухмыльнувшись, бросил взгляд на поверженное тело. Капитан опустился на колено, не выпуская из рук окровавленный меч.

— Мой император,— сказал он.

— Ты продемонстрировал свою преданность, капитан.

— Я предан Рубиновому трону.

— Именно.

Симорил дрожала от скорби и гнева — но гнев ее был бессилен.

Теперь она знала, что друзей у нее нет.

Император Йиркун, смерив Симорил плотоядным взглядом, подошел к ней. Он протянул руку и потрепал ее по шее, щеке, губам. Потом его рука упала, задев ее грудь.

— Сестра,— сказал он,— теперь ты полностью принадлежишь мне.

И Симорил тоже упала к его ногам — она потеряла сознание.

— Поднимите ее,— сказал Йиркун охранникам.— Отнесите ее в башню, и пусть она никуда оттуда не выходит. Два стражника должны находиться при ней постоянно, и даже в самые интимные моменты они должны наблюдать за ней, потому что она может замыслить предательство против Рубинового трона.

Капитан поклонился и дал знак своим людям выполнять приказ императора.

— Да, мой господин, будет исполнено.

Йиркун оглянулся на тело молодого воина.

— А этого скормите сегодня ее рабам, чтобы он и после смерти послужил ей.— Он улыбнулся.

Капитан тоже улыбнулся, оценив шутку. Как хорошо, думал он, что в Мелнибонэ снова будет править настоящий император. Император, который умеет себя вести, император, который знает, как обращаться с врагами, который принимает рабскую, не знающую сомнений преданность как должное. Капитану казалось, что впереди у Мелнибонэ прекрасные боевые времена. Золотые боевые барки и воины Имррира смогут снова отправиться в поход, чтобы варвары из Молодых королевств вечно жили, как им подобает, в восхитительном страхе. Он уже представлял себе, как поживится богатствами Лормира, Аргимилиара и Пикарайда, а может быть, Илмиоры и

Джадмара. Его даже могут назначить губернатором какой-нибудь провинции, скажем, острова Пурпурных городов. Ах, какие роскошные мучения припасены у него для этих выскочек — морских владык, в особенности для графа Смиоргана Лысого, который уже сейчас пытался соперничать с Мелнибонэ, сделав свой остров второй торговой столицей мира! Провожая бесчувственную Симорил в башню, капитан поглядывал на ее тело и чувствовал, как его одолевает похоть. Йиркун отблагодарит его за преданность, в этом он не сомневался. Несмотря на холодный ветер, капитан даже вспотел в предвкушении будущего. Он сам будет охранять Симорил. Уж он-то вовсю насладится этим.

Йиркун во главе своей армии прошествовал к башне Д'а'рпутны — башне императоров, в которой находился Рубиновый трон. Он решил обойтись без носилок, которые были поданы ему, и шел пешком, чтобы насладиться каждым мгновением своего торжества. Он приблизился к башне, возвышавшейся над другими в самом центре Имррира, как приближаются к возлюбленной. Он приблизился к башне, изощряя свои ощущения неторопливостью, потому что знал: теперь она принадлежит ему.

Он оглянулся. За ним маршировала его армия. Ее вели Магум Колим и Дивим Твар. Вдоль петляющих улиц стояли люди и низко кланялись ему. Рабы падали ниц. Даже вьючных животных ставили на колени при его приближении. Йиркун почти ощущал вкус власти, как можно ощущать вкус сочного плода. Он глубоко вдыхал воздух. Даже воздух принадлежал ему. Весь Имррир принадлежал ему. Все Мелнибонэ. А скоро весь мир будет у его ног — и уж тогда-то он будет править. Ах, как он будет править! Снова великий ужас воцарится на земле, ужас, который охватит всех! Император Йиркун, от ликования почти ничего не видя вокруг, вошел в башню. Он помедлил у огромных дверей тронного зала. Он дал знак открыть двери, и, когда они распахнулись, он стал вкушать вид зала по крохотным кусочкам, растягивая наслаждение. Стены, знамена, трофеи, галереи — все это теперь принадлежало ему. Тронный зал сейчас был пуст, но скоро он наполнится светом, и

праздником, и настоящими мелнибонийскими развлечениями. Давно уже запах крови не услащал воздуха в этом зале. Его глаза медленно обшаривали ступеньку за ступенькой у подножия Рубинового трона. Но прежде чем Йиркун взглянул на трон, он услышал, как ахнул за спиной Дивим Твар. Тогда он резко перевел взгляд на Рубиновый трон, и челюсть его отвисла. Глаза Йиркуна в недоумении расширились.

— Иллюзия!

— Призрак,— не без удовлетворения сказал Дивим Твар.

— Ересь! — крикнул император Йиркун, делая нетвердые шаги вперед и указывая пальцем на фигуру в плаще и капюшоне, восседающую на Рубиновом троне.— Трон мой! Мой!

Фигура ничего не ответила.

— Мой! Исчезни! Этот трон принадлежит Йиркуну. Теперь Йиркун император! Кто ты такой? Почему ты встал на моем пути?

Капюшон упал на плечи, и все увидели белое лицо в копне струящихся молочно-белых волос. Малиновые глаза холодно смотрели на вопящую фигуру, которая, спотыкаясь, двигалась к трону.

— Ты мертв, Элрик! Я знаю, что ты мертв!

Призрак ничего не ответил, но едва заметная улыбка коснулась его белых губ.

— Ты *не мог* выжить. Ты утонул. Ты не можешь вернуться. Твоя душа принадлежит Пьяраю!

— В море есть и другие владыки,— сказала фигура на Рубиновом троне.— Почему ты убил меня, кузен?

Вместо вероломного Йиркуна теперь в зале стоял другой Йиркун — испуганный, неуверенный.

— Потому что я должен править в Мелнибонэ. Потому что ты был недостаточно силен, недостаточно жесток, ты и пошутить по-мелнибонийски никогда не умел...

— А разве это плохая шутка, кузен?

— Исчезни! Исчезни! Исчезни! Никакое привидение меня не испугает! В Мелнибонэ не может править мертвый император!

— Это мы увидим,— сказал Элрик, давая знак Дивиму Твару и его воинам.

Глава третья

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

— А теперь я буду править так, как ты того хотел, кузен.— Элрик смотрел, как воины Дивима Твара, окружив и схватив за руки несостоявшегося узурпатора, отбирают у него оружие.

Йиркун дышал, как загнанный волк. Он сверкал глазами и крутил головой, надеясь, что кто-нибудь из воинов поддержит его, но они смотрели либо нейтрально, либо не скрывая презрения.

— И ты, принц Йиркун, первым почувствуешь все блага моего нового правления. Ты доволен?

Йиркун опустил голову. Теперь его пробрала дрожь. Элрик рассмеялся.

— Что же ты молчишь, кузен?

— Пусть Ариох и все герцоги Ада вечно мучают тебя,— прорычал Йиркун. Он откинул назад голову, глаза его безумно вращались в орбитах, губы искривились.— Ариох! Ариох! Предай проклятию этого слабого альбиноса! Ариох! Уничтожь его, или ты увидишь, как падет Мелнибонэ!

Элрик продолжал смеяться.

— Ариох не слышит тебя. Хаос сейчас слаб. Нужно колдовство посильнее твоего, чтобы Владыки Хаоса вернулись на землю и помогли тебе, как помогали нашим предкам. А теперь, Йиркун, скажи мне, где госпожа Симорил.

Но Йиркун опять погрузился в упрямое молчание.

— Она в своей башне, мой император,— сказал Магум Колим.

— Ее повел туда один из прихвостней Йиркуна,— сказал Дивим Твар,— капитан стражи Симорил. Он убил воина, который хотел защитить свою госпожу от Йиркуна. Возможно, принцесса Симорил в этот момент в опасности, мой господин.

— Быстро ступай в башню. Возьми с собой отряд. Приведи сюда Симорил и капитана ее стражи.

— А что делать с Йиркуном, мой господин? — спросил Дивим Твар.

— Он останется здесь, пока не вернется его сестра.

Дивим Твар поклонился и, отобрав несколько воинов, вышел из тронного зала. Все отметили, что шаг Дивима Твара стал легче, а выражение лица — не таким мрачным, как в тот миг, когда он следом за принцем Йиркуном приближался к тронному залу.

Йиркун поднял голову и оглядел двор. На какое-то мгновение он стал похож на неразумное и озадаченное дитя. Весь гнев и вся ненависть исчезли, и Элрик даже испытал что-то вроде сочувствия к своему кузену. Но на сей раз он подавил в себе это чувство.

— Довольствуйся тем, кузен, что в течение нескольких часов ты был владыкой всего Мелнибонэ.

Йиркун произнес тихим, недоуменным голосом:

— Как тебе удалось спастись? У тебя не было ни времени, ни сил на колдовство. Ты едва мог двигаться, а твои доспехи должны были утащить тебя на дно, ты не мог не утонуть. Это несправедливо, Элрик. Ты должен был утонуть.

Элрик пожал плечами.

— У меня есть друзья в море. Они, в отличие от тебя, признают мою королевскую кровь и мое право властвовать.

Йиркун попытался скрыть удивление. Явно его уважение к Элрику выросло — как и его ненависть к императору-альбиносу.

— Друзья?

— Да,— сказал Элрик с едва заметной улыбкой.

— А я... я думал, ты дал обет не использовать свое колдовское искусство.

— Но ведь ты думал, что такой обет не подобает мелнибонийскому монарху, да? Что ж, я с тобой согласен. Как видишь, Йиркун, в конечном счете победа осталась за тобой.

Йиркун в упор взглянул на Элрика, словно пытаясь понять тайное значение его слов.

— Ты вернешь Владык Хаоса?

— Ни один, даже самый сильный колдун не может призвать Владык Хаоса, так же как Владык Закона, если они сами не пожелают быть призванными. Ты это знаешь. Ты должен это знать, Йиркун. Разве ты сам не пытался? А Ариох так и не при-

шел, разве нет? Разве он принес тебе тот дар, о котором ты просил,— два Черных Меча?

— Ты знаешь об этом?

— Я не знал. Догадывался. Теперь знаю.

Йиркун попытался что-то сказать, но гнев переполнял его так, что слова не подчинялись ему. Вместо этого он издал сдавленный рык и несколько мгновений пытался вырваться из рук державших его стражников.

Дивим Твар вернулся с Симорил. Девушка была еще бледна, но улыбалась. Она вбежала в тронный зал.

— Элрик!

— Симорил! Тебе никто не причинил вреда?

Симорил бросила взгляд на поникшего капитана стражников, которого тоже привели в тронный зал. На ее тонком лице появилось отвращение. Потом она отрицательно покачала головой.

— Нет, мне никто не причинил вреда.

Капитан стражников дрожал от ужаса. Он умоляющим взглядом смотрел на Йиркуна, словно его сотоварищ по пленению мог ему чем-то помочь. Но Йиркун продолжал разглядывать пол.

— Подведите этого поближе.— Элрик показал на капитана стражников.

Того подтащили к подножию ступенек, ведущих к Рубиновому трону. Капитан застонал.

— Ты жалкий предатель,— сказал Элрик.— У Йиркуна по крайней мере хватило мужества попытаться убить меня. И у него были весьма честолюбивые помыслы. А твое честолюбие состояло в том, чтобы стать его прихвостнем. И поэтому ты предал свою госпожу и убил одного из своих людей. Как тебя зовут?

Слова капитану давались с трудом, но наконец он пробормотал:

— Меня зовут Валгарик. А что я мог сделать? Я служу Рубиновому трону, кто бы на нем ни сидел.

— Значит, предатель заявляет, что руководствовался преданностью. Но я так не думаю.

— Так оно и было, мой господин. Так оно и было,— заскулил капитан. Он упал на колени.— Убей меня легко. Не наказывай меня.

Элрик хотел было выполнить просьбу капитана, но тут он взглянул на Йиркуна, а потом вспомнил выражение на лице Симорил, когда та смотрела на своего стражника. Он чувствовал важность момента и знал, что на примере капитана Валгарика должен теперь преподать всем урок. Поэтому он покачал головой.

— Нет, я накажу тебя. Сегодня ты умрешь здесь по традициям Мелнибонэ, когда мои придворные будут праздновать новую эру моего правления.

Валгарик заплакал. Потом он взял себя в руки, прекратил рыдания и поднялся на ноги — как настоящий мелнибониец. Он низко поклонился и сделал шаг назад, предаваясь в руки стражи.

— Я должен подумать, как ты разделишь судьбу с тем, кому хотел служить,— сказал Элрик.— Как ты убил молодого воина, который хотел остаться верным Симорил?

— Мечом. Я пронзил его. Это был чистый удар. Один.

— А что стало с телом?

— Принц Йиркун приказал мне скормить его рабам принцессы Симорил.

— Понимаю. Что ж, принц Йиркун, ты можешь сегодня присоединиться к нашему пиршеству, пока капитан Валгарик будет развлекать нас своей смертью.

Лицо Йиркуна стало бледнее лица Элрика.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Тебе будут подавать кусочки плоти капитана Валгарика, которые доктор Остряк будет вырезать из его тела. Ты сможешь давать указания, как бы тебе хотелось приготовить мясо капитана. Мы бы не хотели, чтобы ты ел его сырым.

Даже Дивим Твар был удивлен решением Элрика. Оно, конечно же, было в духе Мелнибонэ и иронично усовершенствовало идею самого Йиркуна, но не отвечало характеру Элрика, того Элрика, которого он знал до сегодняшнего дня.

Услышав о своей участи, капитан Валгарик испустил полный ужаса вопль и уставился на принца Йиркуна, словно тот

уже вкушал его плоть. Йиркун попытался отвернуться, плечи его дрожали.

— И это будет только начало,— сказал Элрик.— Пир начнется в полночь. А до этого времени заточите Йиркуна в его башне.

После того как принца Йиркуна и капитана Валгарика увели, Дивим Твар и принцесса Симорил подошли к Элрику, который откинулся на спинку своего огромного трона, глядя в никуда.

— Остроумная пытка,— сказал Дивим Твар.

— Они оба заслужили это,— добавила Симорил.

— Да,— пробормотал Элрик.— Именно так и поступил бы мой отец. Именно так поступил бы и Йиркун, окажись он на моем месте. Я всего лишь следую традициям. Я больше не делаю вида, что принадлежу себе. Я останусь здесь до своей смерти — в ловушке Рубинового трона и буду служить ему, как, по словам Валгарика, служил он.

— А ты не мог бы убить их быстро? — спросила Симорил.— Ты знаешь, что я прошу не потому, что он мой брат. Я ненавижу его как никого другого. Но если ты продолжишь так себя вести, это может погубить тебя.

— Ну и что? Значит, я буду уничтожен. Пусть я стану всего лишь бездумным продолжением моих предков. Марионетка призраков и воспоминаний, которую дергают за веревочки, уходящие назад во времени на десять тысяч лет.

— Может быть, тебе нужно сначала выспаться...— предложил Дивим Твар.

— Я чувствую, что после этого не буду спать много ночей. Но твой брат не умрет, Симорил. После наказания — когда он отведает мяса капитана Валгарика — он будет отправлен в ссылку. Он в одиночестве отправится в Молодые королевства. Но ему не будет позволено взять с собой его колдовские книги. Он должен будет выжить в землях варваров, предоставленный сам себе. Я полагаю, это не слишком суровое наказание.

— Оно слишком мягкое,— возразила Симорил.— Лучше его убить. Пошли к нему воинов, чтобы у него не было времени замыслить какой-нибудь заговор.

— Я не боюсь его заговоров.— Элрик устало поднялся.— А теперь мне хотелось бы, чтобы вы оба оставили меня и вернулись за час до начала праздника. Я должен подумать.

— Я вернусь в свою башню и подготовлюсь к вечеру,— сказала Симорил. Она поцеловала Элрика в бледный лоб. Он поднял глаза, светившиеся любовью и нежностью, протянул руку и прикоснулся к ее волосам и щеке.— Помни, что я тебя люблю, Элрик,— сказала она.

— Я прикажу, чтобы тебя проводили домой,— сказал ей Дивим Твар.— И ты должна выбрать нового командира для своей стражи. Позволь мне помочь тебе в этом.

— Я буду тебе благодарна, Дивим Твар.

Они оставили Элрика, который замер на Рубиновом троне, уставясь в пустоту. Рука, которую он время от времени поднимал к своей бледной голове, немного подрагивала, а его странные малиновые глаза с болью смотрели на мир.

Немного позже он поднялся с Рубинового трона и медленно, склонив голову, пошел в свои покои — стражники потянулись следом. Он помедлил у дверей, за которыми по ступенькам можно было подняться в библиотеку. Он инстинктивно искал утешения и забвения в знаниях, но в этот миг вдруг испытал прилив ненависти к своим книгам и свиткам. Уж слишком они были озабочены такими понятиями, как «нравственность» или «справедливость». Он винил их в том, что теперь, когда он принял решение вести себя, как то подобает мелнибонийскому монарху, чувство вины и отчаяние переполняли его. Поэтому он прошел мимо дверей библиотеки в свои покои — но и здесь ему было не по себе. Обстановка в покоях царила аскетичная, не соответствующая тем представлениям о роскоши, что были свойственны всем мелнибонийцам (за исключением разве что его отца), которым доставляло удовольствие сочетание ярких красок и причудливых форм. Он все здесь изменит — и сделает это как можно скорее. Он подчинится тем призракам, которые овладели им.

Какое-то время Элрик бродил из комнаты в комнату, пытаясь заглушить в себе голос, который требовал, чтобы он проявил милосердие к Валгарику и Йиркуну, хотя бы убил их обо-

их сразу, а еще лучше — отправил в ссылку. Но изменить это решение было уже невозможно.

Наконец он опустился в кресло у окна, из которого открывался вид на весь город. По небу все еще бежали беспокойные облака, но теперь сквозь них пробивалась луна, похожая на желтый глаз какого-то полумертвого зверя. Казалось, она смотрела на него с какой-то торжествующей иронией, словно радуясь поражению его совести. Элрик уронил голову на руки.

Пришло время, и слуги сообщили ему, что придворные уже собираются на праздничный пир. Он позволил слугам одеть себя в желтое парадное одеяние и водрузить ему на голову корону, после чего вернулся в тронный зал, где его встретили громкими приветствиями, гораздо более сердечными, чем все, что ему доводилось слышать прежде. Приняв приветствия, он сел на Рубиновый трон и бросил взгляд на столы, которыми теперь был заставлен зал. Перед ним тоже поставили стол и два дополнительных сиденья — для Дивима Твара и Симорил, которые должны сесть рядом с ним. Но Дивима Твара и Симорил еще не было, не привели и предателя Валгарика. А где же Йиркун? Они уже должны были находиться в центре зала — Валгарик в цепях, и Йиркун рядом с ним за столом. Здесь уже был доктор Остряк — он разогревал свою жаровню, на которой стояли сковородки, проверял и подтачивал ножи. В зале стоял возбужденный шум — придворные ожидали потехи. Уже принесли еду, хотя никто не мог к ней притронуться, пока не начнет есть император.

Элрик дал знак командиру своей стражи.

— Принцесса Симорил и господин Дивим Твар еще не прибыли в башню?

— Нет, мой господин.

Симорил опаздывала редко, а Дивим Твар — никогда. Элрик нахмурился. Может быть, они не были в восторге от предстоящего развлечения?

— А что узники?

— За ними послали, мой господин.

Доктор Остряк поднял нетерпеливый взгляд — его тонкие губы растянулись в предвкушении предстоящего развлечения.

И тут поверх гула голосов, стоявшего в зале, Элрик услышал звук. Это было что-то вроде стона, разносившегося по всей башне. Он наклонил голову и прислушался.

Двери тронного зала распахнулись, и появился Дивим Твар. Он тяжело дышал и был весь в крови. Одежда его была разорвана, на теле зияли раны. А следом за ним в зал ворвался туман — бурлящий туман темно-пурпурного и ядовитого синего цвета; этот-то туман и издавал стоны.

Элрик вскочил с трона и, отшвырнув в сторону стол, бросился по ступеням к своему другу. Стенающий туман пробирался в тронный зал глубже, словно пытаясь добраться до Дивима Твара.

Элрик обнял друга.

— Дивим Твар! Что это за колдовство?

На лице Дивима Твара застыло выражение ужаса, губы его словно свело судорогой; наконец он произнес:

— Это колдовство Йиркуна. Он вызвал стонущий туман, чтобы тот помог ему бежать. Я попытался преследовать Йиркуна за городом, но туман поглотил меня, и я потерял разум. Я шел в башню к Йиркуну, чтобы доставить его сюда вместе с Валгариком, но колдовство уже совершилось.

— А Симорил? Где она?

— Он забрал ее, Элрик. Она с ним. С ним также Валгарик и еще сотня воинов, которые тайно оставались преданы ему.

— Значит, мы должны снарядить за ним погоню. Мы скоро схватим его.

— Против стонущего тумана мы бессильны. Он наступает.

Туман и в самом деле начал обволакивать их. Элрик попытался рассеять его, размахивая руками, но он собрался вокруг него плотной массой. Печальный стон наполнял уши Элрика, а жуткие цвета слепили ему глаза. Он попытался прорваться сквозь туман, но тот окружал его со всех сторон. И теперь ему показалось, что за стонами он слышит слова: «Элрик слаб. Элрик глуп. Элрик должен умереть!»

— Прекрати! — крикнул он.

Он столкнулся с кем-то и упал на колени. Он начал отползать в сторону, отчаянно пытаясь вырваться из тумана. Теперь в тумане стали вырисовываться лица — страшные лица, ничего

ужаснее он в жизни не видел, даже в своих ночных кошмарах.

— Симорил! — закричал он.— Симорил!

И одно из этих лиц стало лицом Симорил — Симорил, которая насмехалась и издевалась над ним, потом ее лицо начало постепенно стареть, и наконец он увидел грязную старуху, а потом — череп с лоскутами полусгнившей плоти. Он закрыл глаза, но этот образ не исчез.

«Симорил! — шептали голоса.— *Симорил!»*

Отчаяние овладевало Элриком, и он слабел от этого. Он позвал Дивима Твара, но услышал только насмешливое эхо — такое же отозвалось ему, когда он назвал имя Симорил. Он сомкнул уста, закрыл глаза и, продолжая ползти, попытался освободиться от стонущего тумана. Но прежде чем стоны сделались всхлипами, а всхлипы стали слабыми отзвуками, прошли, казалось, часы. Элрик попытался подняться и открыл глаза, чтобы увидеть, как рассеивается туман, но его ноги подогнулись, и он рухнул на первую из ступенек, ведущих к Рубиновому трону. Он еще раз не последовал совету Симорил, как поступить с ее братом, и ей снова грозила опасность. Последняя мысль Элрика была проста:

«Я не гожусь для жизни».

Глава четвертая

ВЫЗВАТЬ ВЛАДЫКУ ХАОСА

Как только Элрик пришел в себя после удара, от которого лишился сознания, а оттого потерял еще больше времени, он послал за Дивимом Тваром. Он с нетерпением ждал новостей, но Дивим Твар ничего не мог сообщить ему. Йиркун призвал себе на помощь колдовские силы, и те помогли ему бежать.

— Наверно, у него были какие-то магические способы покинуть остров, потому что он бежал не на корабле,— сказал Дивим Твар.

— Ты должен снарядить погоню,— сказал Элрик.— Пошли тысячи отрядов, если понадобится. Пошли всех мелнибонийцев. Попытайся разбудить драконов, чтобы можно было воспользоваться ими. Подготовь боевые барки. Отправь наших людей во все уголки мира, но найди Симорил.

— Я уже сделал все это,— сказал Дивим Твар.— Вот только Симорил я пока не нашел.

Прошел месяц. Воины Имррира прочесали Молодые королевства в поисках своих соотечественников, вставших на путь измены.

«Я заботился больше о себе, чем о Симорил, и называл это нравственностью,— подумал альбинос.— Я подвергал испытанию свою обидчивость, а не свою совесть».

Прошел второй месяц, и драконы Имррира наводнили небеса на юге и на востоке, на западе и на севере, но, хотя они и перелетали через горы, моря, леса и долины и невольно сеяли панику во многих городах, нигде не нашли и следа Йиркуна и его отряда.

«Ведь в конечном счете человека судят по его делам,— подумал Элрик.— Я взвесил все, что я делал,— не то, что собирался сделать, и не то, что мне хотелось бы сделать, и вот выяснилось: все, что я сделал, было глупо, разрушительно и не имело никакого смысла. Йиркун был прав, презирая меня, а я именно за это воспылал к нему ненавистью».

Пришел четвертый месяц; корабли Имррира стояли в дальних портах, а моряки Имррира спрашивали других странников и землепроходцев, не знают ли те что-нибудь про Йиркуна. Но колдовство Йиркуна было сильным, и никто его не видел (или не помнил, что видел).

«Теперь я должен попытаться понять скрытое значение всех этих мыслей»,— сказал сам себе Элрик.

Самые быстрые из воинов устало возвращались домой со своими бесполезными новостями. И когда вера исчезла и надежда умерла, Элрик исполнился решимости. Он обрел силы — как душевные, так и физические. Он экспериментировал с новыми снадобьями, которые должны были увеличить запас его жизненной силы. Он проводил много времени в библиотеке, хотя теперь всем книгам предпочитал одни колдовские, перечитывая их снова и снова.

Эти книги были написаны на мелнибонийском высоком наречии — древнем колдовском языке, с помощью которого

предки Элрика общались со сверхъестественными силами, которых они вызывали к себе. И наконец-то Элрик остался доволен — он понял эти книги до конца, хотя то, что он читал, временами грозило приостановить выбранный им образ действий.

А оставшись доволен (опасность неправильного понимания скрытого смысла того, что было написано в этих книгах, грозила катастрофой), он принял снадобья и проспал три дня.

И теперь Элрик был готов. Он выгнал всех рабов и слуг из своих покоев. Он поставил стражников у дверей, приказав им не впускать никого, каким бы срочным ни было дело. Он освободил один из больших залов от всего, оставив там единственную колдовскую книгу, которую поместил в самом центре. Потом он сел рядом с книгой и принялся думать.

Просидев более пяти часов, Элрик взял кисть и сосуд с чернилами и начал рисовать на стенах и полу сложные символы. Некоторые из них имели такую замысловатую форму, что словно бы исчезали под углом к поверхности, на которой были изображены. Покончив с этим, Элрик улегся в самом центре нарисованной им огромной руны — к полу лицом, положив одну руку на колдовскую книгу, а другую (с Актериосом на ней) вытянул в сторону ладонью вниз. Луна была полной. Ее лучи падали прямо на голову Элрика, превращая его волосы в серебро.

И началось *призывание.*

Элрик направил свой разум в петляющие туннели логики, сквозь бескрайние долины идей, через горы символов и бесконечные миры смежных истин. Он направлял свой разум все дальше и дальше, а с ним посылал слова, слетавшие с его перекошенных губ,— слова, которые мало кто из его современников был способен понять, хотя от одного их звука кровь застыла бы у них в жилах. Тело его наливалось тяжестью, по мере того как он заставлял его оставаться в начальном положении, а время от времени с его губ срывался стон. И постоянно снова и снова повторялись одни и те же слова.

Одним из этих слов было имя.

«Ариох».

Ариох, демон-покровитель предков Элрика, один из самых могущественных герцогов Ада, которого звали Рыцарем Мечей, Повелителем Семи Бездн, Владыкой Высшего Ада и еще множеством других имен.

— Ариох!

Именно Ариоха призывал Йиркун, прося у Владыки Хаоса проклятия на голову Элрика. Именно Ариоха пытался призвать себе на помощь Йиркун, покушаясь на Рубиновый трон. Именно Ариох был известен как хранитель двух Черных Мечей — мечей внеземного происхождения, источника бесконечной силы, которой когда-то владели императоры Мелнибонэ.

— Ариох! Я вызываю тебя.

Ритмические и бессвязные руны вырывались из горла Элрика. Его разум достиг сфер, в которых обитал Ариох. Теперь он искал самого Ариоха.

— Ариох, тебя зовет Элрик из Мелнибонэ.

Элрик узрел глаз, уставившийся на него. Этот глаз поплыл и присоединился к другому. Теперь на него взирали два глаза.

— Ариох! Мой господин! Помоги мне!

Глаза моргнули и исчезли.

— Ариох! Приди ко мне! Приди ко мне! Помоги мне, и я буду служить тебе.

Очертания, ничуть не похожие на человеческие, материализовались, и наконец черная голова без лица уставилась на Элрика. За головой мерцал ореол красных огней.

Потом и это исчезло.

Элрик в изнеможении позволил рассеяться возникшему было образу. Его разум скользил сквозь измерения, возвращаясь назад. Его губы больше не распевали руны и имена. Он молча лежал в изнеможении на полу зала, не в силах шевельнуться.

Он не сомневался — у него ничего не вышло.

Послышался какой-то тихий звук. Превозмогая боль, он с трудом поднял голову.

В зал залетела муха. Она жужжала то здесь, то там, словно бы следуя линиям рун, совсем недавно нарисованных Элриком.

Муха замирала то на одной руне, то на другой.

«Наверное, она влетела в окно»,— подумал Элрик.

Эта помеха раздражала его — и в то же время притягивала внимание.

Муха села на лоб Элрика. Большая черная муха — жужжание ее было до неприличия громким. Она потерла друг о дружку передние лапки и, словно бы проявляя особый интерес к этому бледному лицу, поползла по нему. Элрик вздрогнул, но прогнать муху у него не было сил. Когда она снова появилась в поле его зрения, он скосил на нее глаза. Когда он ее не видел, он чувствовал ее мохнатые лапки на своей коже. Потом она поднялась в воздух и, пролетев немного с прежним громким жужжанием, уселась вблизи носа Элрика. И тут Элрик увидел глаза насекомого. Это были те самые глаза — или не глаза? — которые он видел в ином измерении.

Он начал понимать, что это не какая-то обычная муха. У нее были черты, отдаленно напоминающие человеческие.

Муха улыбалась ему.

Своей осипшей глоткой и сухими губами он смог произнести одно-единственное слово:

— Ариох?

И тут муха обернулась прекрасным юношей. Прекрасный юноша заговорил прекрасным голосом — мягким, сочувственным, но в то же время мужественным. Его одежды словно были сделаны из жидких драгоценных камней, но они не слепили Элрика, потому что из них не исходило никакого света. На его поясе висел узкий меч, но шлема на явившемся не было, а вокруг головы мерцал красный огонь. Глаза у него были мудрые, глаза у него были старые, а если смотреть внимательно, то в них можно было увидеть древнее и абсолютное зло.

— Элрик.

Больше юноша ничего не сказал, но и это вдохнуло силы в альбиноса, и он смог подняться на колени.

— Элрик.

Теперь Элрик смог встать. Он был полон сил.

Юноша был выше Элрика. Он смотрел на императора Мелнибонэ сверху вниз и улыбался той же улыбкой, которой улыбалась муха.

— Ты единственный в этом мире, кто годится на то, чтобы служить Ариоху. Давно меня не приглашали в это измерение, но теперь, придя сюда, я помогу тебе, Элрик. Я стану твоим покровителем. Я буду защищать тебя, я дам тебе силы и источник силы, хотя хозяином буду я, а ты — рабом.

— Как я должен служить тебе, Владыка Ариох? — спросил Элрик, которому пришлось сделать чудовищное усилие над собой, потому что его наполнил ужас при мысли о скрытом содержании слов демона.

— Сейчас ты будешь служить мне, служа себе. Но придет время, и я призову тебя, чтобы ты послужил мне особым образом. А пока я почти ничего не прошу у тебя, кроме клятвы в том, что ты не откажешься мне служить.

Элрик задумался.

— Ты должен дать эту клятву,— рассудительно сказал Ариох,— иначе я не смогу помочь тебе с твоим кузеном Йиркуном и с его сестрой Симорил.

— Клянусь служить тебе,— сказал Элрик. Тело его наполнил ликующий огонь, и он, задрожав от радости, упал на колени.

— Теперь я могу сказать тебе, что время от времени ты можешь обращаться ко мне за помощью, и я приду, если твоя нужда и в самом деле будет отчаянной. Я появлюсь в том виде, какой будет наиболее соответствовать моменту, или вообще вне всякой формы, если это опять же будет соответствовать моменту. А сейчас, прежде чем я удалюсь, ты можешь задать мне еще один вопрос.

— Мне нужны ответы на два вопроса.

— На твой первый вопрос я не могу ответить. И не отвечу. Ты должен признать, что поклялся служить мне. Я не скажу тебе, что тебя ждет в будущем. Но тебе нечего бояться, если ты будешь хорошо служить мне.

— Тогда вот мой второй вопрос. Где принц Йиркун?

— Принц Йиркун на юге, в земле варваров. Колдовством, превосходством в оружии и знаниях он покорил два небольших народа, один из которых называется Оин, а другой — Ю. Он уже сегодня готовит войска Оина и Ю к походу на Мелнибонэ, ведь он знает, что твои силы рассеяны по всей земле — в поисках его.

— Как он спрятался?

— Он не прятался. Он завладел Зеркалом Памяти — волшебным устройством, которое он нашел при помощью колдовства. Тот, кто взглянет в это Зеркало, теряет память. В этом зеркале миллионы воспоминаний тех людей, которые заглядывали в него. И любого, кто отважится отправиться в Оин или в Ю или зайдет морем в столицу (а она у обоих государств одна), заставляют заглянуть в Зеркало, и он забывает о том, что видел в тех землях принца Йиркуна и его людей. Это наилучший способ оставаться необнаруженным.

— Верно.— Элрик нахмурил брови.— Поэтому было бы разумно уничтожить Зеркало. Но что случится после этого?

Ариох поднял свою красивую руку.

— Хотя я ответил больше чем на один вопрос (правда, все остальные были частью первого вопроса), дальше отвечать я не буду. Возможно, в твоих интересах уничтожить Зеркало, но лучше, если бы ты придумал другие способы противостоять его воздействию, потому что — напоминаю тебе — оно содержит много воспоминаний, и некоторые из них находились в заточении не одну тысячу лет. А теперь мне пора. Пора и тебе — отправляйся в страны Оин и Ю, которые лежат на расстоянии нескольких месяцев пути отсюда — следуй на юг, они расположены гораздо южнее Лормира. Лучше всего туда добраться на Корабле, что плавает по суше и по морю. Прощай, Элрик.

Прежде чем исчезнуть, муха несколько мгновений жужжала на стене.

Элрик ринулся из зала, призывая своих рабов.

Глава пятая

КОРАБЛЬ, ЧТО ПЛАВАЕТ ПО СУШЕ И ПО МОРЮ

— Сколько еще драконов спит в пещерах? — Эрик шагал туда-сюда по галерее, выходящей окнами на город.

Наступило утро, но солнце не смогло пробиться сквозь плотные тучи, низко висевшие над башнями Спящего города. Жизнь Имррира на улицах внизу текла как обычно, вот только воинов было мало — большинство еще не вернулись домой из бесплодных поисков и, наверное, долго еще не вернутся.

Дивим Твар стоял у перил галереи и невидящим взглядом смотрел на улицы. Усталое лицо, сложенные на груди руки — он словно пытался сохранить остаток сил.

— Вероятно, два. Разбудить их будет непросто, а если это и удастся, вряд ли они будут нам полезны. О каком это «Корабле, что плавает по суше и по морю» говорил Ариох?

— Я читал о нем — в Серебряной книге и других фолиантах. Это волшебный корабль. На нем плавал один мелнибонийский герой, когда Мелнибонэ еще не было империей. Но я не знаю, где он находится и существует ли он вообще.

— А кто знает? — Дивим Твар распрямился и повернулся спиной к улице.

— Ариох,— пожал плечами Элрик.— Но он мне не скажет.

— А твои друзья — водные элементали? Разве они не обещали помогать тебе? И кому, как не им, знать про корабли?

Элрик нахмурился, морщины, появившиеся некоторое время назад на его лице, стали заметнее.

— Да, Страаша, может, и знает. Но я не хочу еще раз прибегать к его помощи. Водные элементали не обладают такой силой, как Владыки Хаоса. Их возможности ограниченны, а кроме того, они капризны, как и свойственно стихиям. Более того, Дивим Твар, мне не хотелось бы использовать колдовство, если только в этом нет абсолютной необходимости...

— Ты чародей, Элрик. И ты недавно доказал свое высокое искусство в этой области — воспользовался самым сильным колдовством и смог вызвать Владыку Хаоса. Почему же ты сомневаешься? Я бы посоветовал тебе, мой господин, поразмыслить над своей логикой, и тогда ты поймешь, что она непоследовательна. Ты решил воспользоваться колдовством, чтобы найти принца Йиркуна. Жребий уже брошен. Было бы разумно воспользоваться колдовством еще раз.

— Ты не можешь себе представить, каких душевных и физических усилий это требует...

— Могу, мой господин. Я твой друг и не хочу, чтобы ты испытывал боль,— но тем не менее...

— Есть и еще одно препятствие, Дивим Твар: моя физическая слабость,— напомнил своему другу Элрик.— Сколько я еще смогу пользоваться этими сверхсильными снадобьями, которые поддерживают меня теперь? Да, они дают мне силы, но при этом истощают меня. Я могу умереть, прежде чем найду Симорил.

— Я виноват, мой повелитель.

Но Элрик подошел к Дивиму Твару и положил свою белую руку на его желтоватого цвета плащ.

— Но что мне терять? Пожалуй, ты прав. Я трус — колеблюсь, когда речь идет о жизни Симорил. Я повторяю свои глупости — те самые глупости, которые и стали причиной этой беды. Я сделаю то, о чем ты говоришь. Ты пойдешь со мной на берег?

— Да, мой император.

Дивим Твар начал чувствовать, как груз, лежавший на совести Элрика, давит и на него. Для мелнибонийца это было необычное чувство, и Дивим Твар понял, что оно ему не нравится.

В последний раз Элрик был здесь, когда они с Симорил были счастливы. Казалось, это было так давно. Как же он был глуп, когда верил в долговечность этого счастья. Он направил своего белого жеребца к скалам и морю за ними. Моросил дождь. Зима на Мелнибонэ быстро вступала в свои права.

Они оставили коней у скал, чтобы их не испугало колдовство Элрика, и спустились к берегу. Дождь падал в море. Над водой — не далее чем в пяти корабельных корпусах от береговой черты — висел туман. Стояла мертвая тишина, и Дивиму Твару подумалось, что, оказавшись между высокими черными скалами сзади и стеной тумана впереди, они вошли в безмолвный мир царства мертвых, где легко можно встретить печальные души тех, кто, по легенде, совершил самоубийство, медленно уничтожая свое тело по частям. Звук их шагов по прибрежной гальке был громок, но его сразу же заглушал туман, который жадно поглощал его — словно питался этим звуком, поддерживая таким образом в себе жизнь.

— Сейчас,— пробормотал Элрик. Он, казалось, не замечал мрачного, гнетущего пейзажа.— Сейчас я должен вспомнить руну, которая так легко, сама собой пришла мне на память всего несколько месяцев назад.

Оставив Дивима Твара, он подошел к месту, где холодная вода плескалась у берега. Здесь он медленно сел, скрестив ноги. Его невидящие глаза устремились в туман.

Дивиму Твару показалось, что альбинос, сев на берегу, уменьшился в размерах. Он стал похож на беспомощного ребенка, и сердце Дивима Твара сострадало Элрику, как могло сострадать отважному, измученному мальчику. Дивим Твар уже готов был предложить Элрику отказаться от колдовства и искать страны Оин и Ю обычными средствами.

Но Элрик уже поднимал голову, как это делает собака, собирающаяся завыть на луну. С его губ стали срываться странные, пугающие слова, и Дивим Твар понял, что, даже если он попытается сейчас заговорить, Элрик его не услышит.

Дивим Твар и сам был немного знаком с высоким наречием (его, как и всякого знатного мелнибонийца, учили этому языку), но слова ничего ему не говорили, потому что Элрик использовал специальные интонации и ударения, которые придавали словам особый и тайный смысл. К тому же он распевал их голосом, то понижавшимся до глухого баса, то повышавшимся до визга. Слушать такие звуки, производимые смертным, было неприятно, и теперь Дивим Твар понимал, почему Элрик не хочет прибегать к волшебству. Повелитель Драконьих пещер, хотя и был типичным мелнибонийцем, почувствовал желание отойти назад шага на два-три, а то и вернуться на вершину скалы и наблюдать за Элриком оттуда. Ему пришлось взять себя в руки, чтобы остаться на месте и смотреть, как продолжается призывание.

Пение рун продолжалось довольно долго. Дождь все сильнее барабанил по прибрежной гальке, покрывшейся теперь глянцем. Он свирепо лупил спокойное, темное море, хлестал беловолосую голову поющего и вызывал дрожь у Дивима Твара, который плотнее запахнул свой плащ.

— Страаша... Страаша... Страаша...

Слова смешивались со звуком дождя. Они были почти не похожи на слова, скорее — звуки, которые может производить дождь, или язык, на котором говорит море.

— Страаша...

И опять у Дивима Твара возникло желание оставить свое место, но теперь он хотел подойти к Элрику, сказать ему, чтобы он остановился и взвесил другие возможности добраться до земель Оин и Ю.

— Страаша!

В это крике слышалась скрытая агония.

— Страаша!

Дивим Твар готов был уже позвать Элрика — но вдруг почувствовал, что не может сделать это.

— Страаша!

Фигура со скрещенными ногами раскачивалась. Крик летел зовом ветра сквозь пещеры времени.

— Страаша!

Дивиму Твару стало очевидно, что руна по каким-то причинам не действует и Элрик безрезультатно тратит свои силы.

Но повелитель Драконьих пещер ничего не мог поделать. Язык его не двигался. Ноги, казалось, вросли в землю.

Он посмотрел на туман. Тот вроде бы приблизился к берегу и заискрился странным зеленоватым светом.

Вода вдруг взволновалась. Море ринулось на берег. Зашуршала галька. Туман отступил. В воздухе замелькали неясные огоньки, и Дивиму Твару показалось, что он увидел туманный силуэт огромной фигуры, появляющейся из моря. И тут он понял, что пение Элрика прекратилось.

— Король Страаша,— начал Элрик, и теперь его голос стал почти нормальным,— ты пришел. Я благодарю тебя.

Силуэт заговорил — его голос напомнил Дивиму Твару звук неторопливых, тяжелых волн, перекатывающихся под дружеским солнцем.

— Мы, элементали, озабочены, Элрик. До нас дошел слух, что ты пригласил в свой мир Владыку Хаоса, а стихии никогда не любили Владык Хаоса. Но я знаю, ты сделал это, потому что такова твоя судьба, и мы не питаем к тебе вражды.

— Это было вынужденное решение, король Страаша. Ничего другого мне не оставалось. Если ты поэтому не склонен помогать мне, я тебя пойму и больше не стану тебя беспокоить.

— Я помогу тебе, хотя помогать тебе теперь стало труднее. Но не из-за того, что должно произойти в ближайшем будущем, а из-за того, что грядет через много лет. А теперь побыстрее скажи мне, как мы, водные элементали, можем послужить тебе?

— Тебе известно, где находится Корабль, что плавает по суше и по морю? Мне необходимо его найти, потому что я должен исполнить обет и найти свою возлюбленную Симорил.

— Я хорошо знаю этот корабль — он принадлежит мне. На него предъявляет права и Гроум, но этот корабль мой. По справедливости он мой.

— Гроум Земной?

— Гроум Земель под корнями. Гроум, владыка почвы и всего, что живет в ней. Мой брат Гроум. Давным-давно, когда мы, элементали, еще не вели счет времени, мы с Гроумом построили этот корабль, чтобы можно было путешествовать между царствами Воды и Земли — как мы пожелаем. Но мы поссорились (будь мы прокляты за эту глупость) и начали драться. А это означало землетрясения, приливные волны, извержения вулканов, тайфуны и сражения, в которых участвовали все стихии. В результате возникли новые континенты, а старые погрузились под воду. Мы дрались уже не в первый раз, но тот был последний. И наконец, чтобы не уничтожить друг друга окончательно, мы примирились. Я отдал Грому часть моих владений, а он отдал мне Корабль, что плавает по суше и по морю. Но отдавал он его не очень охотно, а потому этот корабль плавает по морям лучше, чем по суше. Гроум, если у него появляется такая возможность, препятствует ходу корабля. И все же, если этот корабль тебе нужен, ты можешь взять его.

— Я благодарю тебя, король Страаша. Где мне его найти?

— Он придет к тебе. А теперь я устал — чем больше удаляюсь я от моего царства, тем труднее мне поддерживать мою смертную оболочку. Прощай, Элрик. И будь осторожен. Ты сильнее, чем ты думаешь, и многие будут пытаться использовать твою силу в своих интересах.

— Где мне ждать Корабля, что плавает по суше и по морю? Здесь?

— *Нет.*— Голос морского короля растворялся вместе с его силуэтом. Туда, где только что были его очертания и зеленые огоньки, пополз серый туман. Море снова успокоилось.— *Жди. Жди в своей башне... Он придет...*

Несколько малых волн накатились на берег, и все приобрело такой вид, словно короля водных элементалей никогда и не было здесь. Дивим Твар потер глаза. Медленно приблизившись к тому месту, где все еще сидел Элрик, он осторожно наклонился и протянул альбиносу руку. Элрик поднял на него удивленный взгляд.

— Дивим Твар? Сколько времени прошло?

— Несколько часов, Элрик. Скоро настанет ночь. Уже почти стемнело. Нам нужно поторопиться назад в Имррир.

Элрик с помощью Дивима Твара поднялся на неверных ногах.

— Да,— рассеянно пробормотал он,— морской король сказал...

— Я слышал слова морского короля, Элрик. Я слышал его совет и его предупреждение. Ты должен запомнить и то и другое. Мне не очень-то нравится идея с этим волшебным кораблем. Как и большинство вещей, имеющих колдовское происхождение, этот корабль наделен не только добродетелями, но и пороками. Это как двусторонний клинок, которым ты собираешься поразить врага и который поражает тебя...

— Там, где есть колдовство, этого следует ожидать. Ведь это ты, мой друг, настоял, чтобы я прибегнул к нему.

— Да,— сказал Дивим Твар себе под нос; он шел первым по тропинке, ведущей вверх по скале, туда, где стояли их лошади.— Да, я не забыл этого, мой король.

Элрик слабо улыбнулся и прикоснулся к руке Дивима Твара.

— Не переживай. Призывание завершилось, и теперь у нас есть судно, которое быстро доставит нас к принцу Йиркуну в земли Оин и Ю.

— Будем надеяться.— Дивим Твар в душе сомневался, даст ли им какие-нибудь преимущества Корабль, что плавает по суше и по морю. Они добрались до лошадей, и он принялся стряхивать воду с боков своего чалого коня.— Я сожалею, что мы еще раз впустую растратили силы драконов. С отрядом этих созданий мы бы вмиг расправились с принцем Йиркуном. Вот было бы здорово еще раз вместе, бок о бок подняться в воздух, как мы делали это прежде.

— Мы займемся этим, когда покончим с Йиркуном и привезем домой Симорил,— сказал Элрик, устало забрасывая свое тело в седло на белом жеребце.— Ты протрубишь в драконий рог, наши братья драконы услышат зов, а потом мы с тобой споем «Песню драконьих владык». Мы оседлаем Огнеклыка и Мягколапа, и наши стрекала засверкают огнем. Это будет похоже на прежние времена Мелнибонэ, но мы не станем говорить, что свобода и власть — это одно и то же, а позволим Молодым королевствам жить так, как они хотят, и будем уверены, что и они не станут вмешиваться в нашу жизнь.

Дивим Твар натянул поводья. Его одолевали мрачные мысли.

— Будем молиться, мой господин, чтобы этот день настал. Но я не могу прогнать навязчивую мысль: мне кажется, что дни Имррира сочтены и моя собственная жизнь близится к закату...

— Чепуха, Дивим Твар. Ты переживешь меня. В этом нет никаких сомнений, хотя ты и старше меня.

Они поскакали сквозь сгущающиеся сумерки. Дивим Твар сказал:

— У меня двое сыновей. Ты знаешь об этом, Элрик?

— Ты никогда не говорил о них.

— Их родили мне прежние мои любовницы.

— Я рад за тебя.

— Они превосходные мелнибонийцы.

— К чему ты говоришь об этом, Дивим Твар? — Элрик заглянул в лицо своего друга, пытаясь прочесть его выражение.

— К тому, что я люблю их и хочу, чтобы они наслаждались жизнью на острове Драконов.

— Почему бы и нет?

— Не знаю.— Дивим Твар в упор посмотрел на Элрика.— Я хочу сказать, что судьба моих сыновей в твоих руках, Элрик.

— В моих?

— Из того, что я услышал от элементаля воды, я понял, что от твоего решения зависит судьба острова Драконов. Я прошу тебя помнить о моих сыновьях, Элрик.

— Я буду помнить о них, Дивим Твар. Я уверен, из них получатся прекрасные владыки драконов, а один из них унаследует твою должность повелителя Драконьих пещер.

— Кажется, ты не понял меня, мой господин император.

Элрик посмотрел на своего друга и покачал головой.

— Я понял тебя, мой старый друг. Но я думаю, ты слишком сурово судишь меня, если считаешь, что я могу сделать что-либо во вред Мелнибонэ и всему, что оно собой представляет.

— Тогда прости меня.— Дивим Твар опустил голову. Но выражение его глаз не изменилось.

Добравшись до дома, они переоделись, выпили горячего вина и поели приправленной пряностями пищи. Элрик, невзирая на всю свою усталость, испытывал душевный подъем, какого не знал уже много месяцев. Но за этим внешним его настроением, которое побуждало его говорить весело и двигаться энергично, крылось что-то еще. Дивим Твар полагал, что перспективы их явно улучшились и скоро они вступят в борьбу с Йиркуном. Но впереди их подстерегали неведомые опасности и, вполне вероятно, огромные трудности. Однако он из чувства дружбы к Элрику не хотел портить ему настроение. Напротив, он был рад тому, что Элрик, казалось, пришел в хорошее расположение духа. Они принялись обсуждать, что нужно им взять с собой в путешествие к таинственным землям Ю и Оина, высказывали предположения о вместимости Корабля, который может плыть по суше и по воде,— сколько воинов смогут они взять на борт, сколько провизии.

Отправляясь в свою спальню, Элрик уже не волочил устало ноги, как это было свойственно ему в последнее время, и Дивим Твар, пожелав ему спокойной ночи, еще раз испытал то же, что поразило его на берегу, когда Элрик начинал свою руну. Возможно, он не случайно вспомнил сегодня своих сыновей в разговоре с Элриком, вызвавшим у него чуть ли не отеческое чувство — чувство, словно Элрик был мальчиком, с

нетерпением предвкушавшим какое-то удовольствие, которое, возможно, вовсе и не принесет ему ожидаемой радости.

Дивим Твар постарался прогнать эти мысли и тоже отправился спать. Элрик сам виноват в деле с Йиркуном и Симорил, но Дивим Твар спрашивал себя, не лежит ли и на нем часть вины в случившемся. Возможно, ему нужно было быть настойчивее со своим советом, убедительнее, пытаться больше влиять на молодого императора. Но потом он совсем по-мелнибонийски прогнал эти сомнения и вопросы как совершенно бессмысленные. Было только одно правило: ищи удовольствия, где только можешь. Но неужели мелнибонийцы всегда следовали этому правилу? Внезапно Дивиму Твару пришла в голову мысль: а что, если у Элрика не больная, а регрессивная кровь? Может быть, Элрик — реинкарнация одного из своих далеких предков? Всегда ли мелнибонийцам было свойственно думать только о себе и своих собственных наслаждениях?

И опять Дивим Твар прогнал от себя это предположение. Какой прок от всех этих размышлений? Мир — это мир. Мелнибониец — это мелнибониец.

Прежде чем лечь, он зашел к обеим своим возлюбленным, разбудил их и потребовал, чтобы они показали ему его сыновей — Дивима Слорма и Дивима Мава. И когда привели его сыновей, с заспанными глазами, недоумевающих, он долго смотрел на них, прежде чем отослать назад. Он им ничего не сказал, но часто морщил лоб, тер лицо и тряс головой, а когда их увели, сказал Ниопал и Сарамал, своим возлюбленным, которые недоумевали не меньше его отпрысков:

— Отведите их завтра в Драконьи пещеры, пусть начинают учиться.

— Так рано, Дивим Твар? — спросила Ниопал.

— Да, боюсь, что времени осталось мало.

Он не стал распространяться на этот счет, потому что не мог. Просто такое было у него предчувствие. Но это чувство быстро превращалось в наваждение.

Утром Дивим Твар вернулся в башню Элрика и нашел императора в галерее над городом; Элрик мерил ее шагами и нетерпеливо спрашивал, не появился ли у берега какой-нибудь

корабль. Слуги убедительно отвечали, что если бы император мог описать этот корабль, то они бы знали, что именно им высматривать. Но Элрик не мог назвать ни одной приметы — лишь то, что корабль может появиться и не на море вовсе, а на суше. На нем было его военное облачение, и Дивим Твар сразу же понял, что Элрик значительно увеличил порции снадобья, которое укрепляло его кровь. Малиновые глаза сверкали, речь была быстрой, а когда Элрик делал даже самый малый жест, молочно-белые руки двигались с неестественной скоростью.

— Ты сегодня здоров, мой господин? — спросил повелитель Драконьих пещер.

— Я прекрасно себя чувствую, благодарю, Дивим Твар,— усмехнулся Элрик.— Хотя я бы чувствовал себя лучше, если бы здесь появился Корабль, что плавает по суше и по морю.— Он подошел к перилам и оперся на них. Взгляд его скользнул сначала по водной глади, а потом по суше — в пространство далеко за башнями и городскими стенами.— Где же он может быть? Жаль, что король Страаша не пожелал уточнить.

— Я согласен с тобой.— Дивим Твар, не успев позавтракать дома, угощался разнообразными яствами, стоявшими на столе. Было очевидно, что Элрик не прикоснулся к еде.

Дивим Твар спросил у себя, не подействовали ли такие большие количества снадобья на мозг его старого друга. Не исключено, что Элриком начало овладевать безумие, вызванное его связью с мощными колдовскими силами, его тревогой за Симорил, его ненавистью к Йиркуну.

— Не лучше ли тебе отдохнуть и подождать, пока не появится корабль? — тихо предложил Дивим Твар, вытирая губы.

— Да, в этом есть смысл,— согласился Элрик.— Но я не могу. Меня словно толкают какие-то силы, я спешу встретиться с Йиркуном, отомстить ему, снова соединиться с Симорил.

— Я тебя понимаю. И тем не менее...

Смех Элрика прозвучал громко и резко.

— Ты печешься о моем здоровье прямо как Скрюченный. Две няньки мне не нужны, повелитель Драконьих пещер.

Дивим Твар через силу улыбнулся.

— Ты прав. Что ж, я просто боюсь, что волшебный корабль... Что это там? — Он ткнул пальцем в направлении дальнего леса.— Там какое-то движение. Словно гуляет ветер. Но никакого ветра сегодня нет.

Элрик проследил за направлением его взгляда.

— Ты прав. Интересно...

И тут они увидели, как что-то появилось из леса, словно бы рассекая землю. Это что-то сверкало белым, синим и черным. Оно приближалось.

— Парус,— сказал Дивим Твар.— Кажется, это твой корабль, мой повелитель.

— Да,— прошептал Элрик, подавшись вперед.— Мой корабль. Готовься, Дивим Твар. После полудня мы покинем Имррир.

Глава шестая

КОРОЛЬ ГРОУМ

Корабль был высок, строен и красив. Его перила, мачты, фальшборты украшала тонкая резьба, которая явно была не по плечу смертному резчику. Хотя дерево, послужившее материалом для изготовления корабля, покрашено не было, оно отливало естественной синевой, чернотой и зеленью, а также сочным дымчато-красным цветом. Корабельная оснастка цветом напоминала морские водоросли, а в досках полированной палубы виднелись прожилки, похожие на корни деревьев. Паруса на трех конусных мачтах были плотные, легкие и белые, как облака в погожий летний день. Корабль являл собою все, что было в природе приятного для глаза, немногие могли бы, глядя на него, не испытывать удовольствия, какое испытываешь, сталкиваясь с совершенством. Иными словами, корабль излучал гармонию — Элрик и представить себе не мог лучшего корабля, на котором можно было бы выступить против принца Йиркуна и опасностей далеких земель Оин и Ю.

Корабль плавно двигался по суше, как по поверхности воды, и земля расходилась под ним кильватерными струями, словно бы мгновенно превращаясь в воду. Это превращение проис-

ходило со всем, чего касался киль и что было вокруг, но по мере движения корабля земля возвращалась в свое прежнее твердое состояние. Вот почему деревья в лесу расступались, пропуская корабль, направляющийся в Имррир.

Корабль, что плавает по суше и по морю, был невелик. Он был гораздо меньше любого мелнибонийского боевого барка и лишь немногим больше галер, на которых приходили южане. Но по изяществу, по изгибам, по горделивой осанке ничто не могло с ним сравниться.

Трап уже был спущен, и корабль готов к походу. Элрик, уперев руки в бока, разглядывал дар короля Страаши. От ворот городских стен рабы несли провизию и оружие, поднимали их по трапу. А Дивим Твар тем временем собирал имррирских воинов, назначал им звания и задания на этот поход. Воинов было немного. Только половина из имевшихся сил могла отправиться в плавание, а другая половина должна была остаться под командой Магума Колима для защиты города. После того как слух о каре, постигшей пиратов, разошелся по варварским землям, вряд ли кто решится предпринять сколь-нибудь крупную атаку на Имррир, но меры предосторожности принять было необходимо, в особенности еще и потому, что принц Йиркун поклялся захватить Имррир. А еще по какой-то странной причине, которую не смог разгадать ни один зевака, Дивим Твар созвал добровольцев-ветеранов, получивших ранения в прежних битвах, и составил из них — не годных для дальнего похода, как полагали зеваки,— специальный отряд. Но поскольку пользы от них при защите города не было никакой, то они с таким же успехом могли отправиться в поход с Элриком. Этих ветеранов первыми и провели на борт.

Последним поднялся по трапу Элрик. Он шел медленно, тяжело — величавый воин в черных доспехах. Взойдя на палубу, он повернулся, отсалютовал городу и приказал поднять трап.

Дивим Твар ждал его на полуюте. Повелитель Драконьих пещер, сняв кольчужную рукавицу, провел голой рукой по странно окрашенному дереву перил.

— Этот корабль строился не для сражений, Элрик,— сказал он.— Мне бы не хотелось увидеть, как он будет поврежден в бою.

— Как он может быть поврежден? — беззаботно спросил Элрик. Имррирцы тем временем вскарабкались на мачты и начали ставить паруса.— Неужели ты думаешь, что Страаша допустит это? Или Гроум? Не тревожься, Дивим Твар, за Корабль, что плавает по суше и по морю. Тревожься только за нас самих и за успех нашей экспедиции. А теперь давай-ка посмотрим на карты. Помнишь, Страаша предупреждал нас о своем брате Гроуме? Я предлагаю двигаться по морю, где только возможно, и зайти вот сюда,— он показал на карте порт на западном побережье Лормира,— выверить дальнейшее направление и узнать, что можно, о землях Оин и Ю и том, как они защищены.

— Немногие отваживались заходить дальше Лормира. Говорят, что Край Мира лежит на южных границах этой страны.— Дивим Твар нахмурился.— Как ты думаешь, не может весь этот поход оказаться ловушкой? Ловушкой Ариоха? Что, если он в сговоре с принцем Йиркуном, а нас обманом заманили в этот поход, который закончится нашей гибелью?

— Я думал об этом,— сказал Элрик.— Но выхода у нас нет. Мы должны довериться Ариоху.

— Пожалуй что так,— иронически улыбнулся Дивим Твар.— Я сейчас подумал вот еще о чем. Как тронется с места этот корабль? Я не видел у него якорей, а о приливных течениях на суше мне ничего не известно. Ты видишь, как ветер наполняет паруса? А что дальше?

Паруса и в самом деле наполнились ветром, мачты слегка поскрипывали от напряжения.

Элрик пожал плечами и вытянул руки.

— Я думаю, мы просто должны дать кораблю команду,— предположил он.— Корабль, мы готовы к походу.

Элрик не без удовольствия смотрел на Дивима Твара — у того на лице появилось недоуменное выражение, когда корабль, накренившись, начал двигаться. Он шел ровно, как по спокойному морю, и Дивим Твар инстинктивно ухватился за перила и закричал:

— Мы сейчас врежемся в городскую стену!

Элрик быстро подошел к большому рычагу в центре полуюта — это рычаг был горизонтально прикреплен к храповику,

который, в свою очередь, был связан с валом. Это явно был механизм управления кормилом. Элрик ухватился за рычаг, как хватаются за весло, и повернул его на одну или две зарубки. Корабль тут же отреагировал — он изменил направление, но курс его все равно лежал на стену. Элрик дернул рычаг в другую сторону, и корабль наклонился, словно протестуя, развернулся в другую сторону и поплыл через остров. Элрик удовлетворенно засмеялся.

— Ну, Дивим Твар, видишь, как это просто. Нужно было только немного подумать!

— И тем не менее,— неуверенно сказал Дивим Твар,— я бы предпочел путешествовать на драконах. Они-то хоть звери, и их можно понять. А тут колдовство — оно меня беспокоит.

— Такие слова не подобают благородному мелнибонийцу! — прокричал Элрик, перекрывая шум ветра, скрип корабельной оснастки, хлопанье огромных белых парусов.

— А может, и нет,— сказал Дивим Твар.— Может, это объясняет, почему я стою здесь рядом с тобой, мой господин.

Элрик бросил на своего друга недоуменный взгляд, а потом спустился вниз — найти рулевого, которого можно было бы поставить у штурвала корабля.

Корабль резво двигался по скалистым хребтам, поднимался по поросшим утесником склонам, он срезал путь, двигаясь по лесу, а потом величественно плыл по травянистым полям. Корабль двигался, как низко парящий ястреб, который держится над самой землей, но перемещается в поисках добычи с невероятной скоростью и точностью, выправляя курс едва заметным движением крыла. Воины Имррира собрались на палубе. Разинув рты, они отмечали продвижение корабля по суше, и многих пришлось загонять на места у парусов и на другие посты. Казалось, единственный из команды, кто не удивлялся этому чуду, был огромный воин, которого назначили боцманом. Он вел себя так, как если бы находился на борту своего боевого барка — невозмутимо исполнял свои обязанности, требуя, чтобы все делалось, как полагается — по-морящки. А вот рулевой, которого выбрал Элрик, напротив, пребывал в легкой панике, с недоверием относясь к кораблю, ко-

торым управлял. По его виду было понятно, что он чувствует: корабль в любую минуту может удариться о скалу или запутаться в зарослях сосен. Он все время облизывал губы и, невзирая на свежий ветер, отирал пот со лба, а дыхание его вырывалось изо рта клубами пара. И тем не менее он был хорошим рулевым и постепенно приспособился к управлению кораблем, хотя его движения и оставались в силу необходимости более быстрыми, чем на обычном корабле, потому что времени на размышления у него не было и решения нужно было принимать немедленно — корабль двигался по суше со скоростью, от которой захватывало дыхание. Они перемещались быстрее скачущего коня, даже быстрее любимых драконов Дивима Твара. И в то же время эта скорость наполняла их сердца восторгом, о чем свидетельствовало выражение на лицах имррирцев.

Довольный смех Элрика разносился по кораблю, заражая весельем всех членов команды.

— Ну, если сейчас Гроум пытается замедлить наше движение, то я даже представить себе не могу, с какой скоростью мы будем двигаться по воде,— сказал он Дивиму Твару.

Настроение Дивима Твара немного изменилось к лучшему. Его длинные волосы струились по ветру, обрамляя улыбающееся лицо, обращенное к его другу.

— Да, пожалуй, нас снесет с палубы, и мы все упадем в море.

И вдруг, словно отвечая на их слова, корабль начал дергаться и одновременно раскачиваться из стороны в сторону — он как будто попал в мощные поперечные потоки. Рулевой побледнел и вцепился в рычаг, пытаясь снова подчинить его себе. Раздался короткий ужасающий вопль, и один из моряков свалился с самой высокой реи на палубу, в мгновение ока превратившись в мешок с костями. Потом корабль дернулся еще раз-другой, и помехи остались позади — они продолжили плавное движение.

Элрик посмотрел на тело упавшего моряка. Внезапно все его веселье как рукой сняло, и он ухватился за перила руками в черных кольчужных рукавицах. Его крепкие зубы заскрипели, яростно засверкали малиновые глаза, а губы скривились

в иронической усмешке: «Какой же я глупец! Какой же я глупец — искушаю богов!»

Хотя теперь корабль двигался почти так же ровно, как прежде, что-то, казалось, мешало ему, словно слуги Гроума цеплялись за днище, как раки могут цепляться за днище в море. И Элрик ощутил что-то в воздухе, что-то в шуршании деревьев, мимо которых они неслись, что-то в колебаниях травы, кустов и цветов, по которым они двигались, что-то в громаде скал, в крутизне горных склонов. Он понял: это присутствие Гроума Земного — Гроума Земли под корнями, Гроума, который хотел единолично владеть тем, чем когда-то они владели вместе с братом Страашей, тем, что когда-то они соорудили в знак своего союза и из-за чего поссорились. Гроум желал вернуть себе Корабль, что может плавать по суше и по морю. И Элрик, глядя на черную землю, почувствовал, как ужас охватывает его.

Глава седьмая

ЧЕГО ПОЖЕЛАЛ БОГ ЗЕМЛИ

Наконец, хотя земля и цеплялась за их киль, они добрались до моря, соскользнули в воду и понеслись, с каждым мгновением набирая скорость. Вскоре Мелнибонэ скрылось из виду, и они увидели густые облака пара, которые всегда висели над Кипящим морем. Элрик решил, что, пусть у них и волшебное судно, рисковать, заходя в эти воды, не стоит, и потому корабль повернули и направили к берегу Лормира, самого спокойного и миролюбивого из Молодых королевств,— точнее, к порту Рамасаз на западном побережье Лормира. Если бы варвары-южане, с которыми мелнибонийцы недавно сражались, были из Лормира, то Элрик направил бы корабль в какой-нибудь другой порт, но те варвары явно пришли с юго-востока — с дальней оконечности континента за Пикарайдом. Лормирцы, которыми правил толстый и осторожный король Фадан, вряд ли присоединились бы к налету, не будь гарантирован полный его успех. Медленно войдя в порт Рамасаза, Элрик отдал приказ причалить корабль, как обычное судно. Однако

корабль привлек внимание своей красотой, к тому же обитатели города были удивлены, увидев на борту мелнибонийцев. Хотя мелнибонийцев в Молодых королевствах не любили, но в то же время их и побаивались. Вот почему, по крайней мере внешне, Элрик и его люди были встречены с подобающим уважением, а на постоялых дворах, куда они заходили, им подавали неплохую еду и вино.

В самой большой из прибрежных гостиниц, называвшейся «Плыви в мир и возвращайся домой», Элрик познакомился с говорливым хозяином, который прежде был удачливым рыбаком и хорошо знал южные земли. Он, конечно же, знал Оин и Ю, но не питал к ним ни малейшего уважения.

— Ты полагаешь, что они готовятся к войне, мой господин? — Он поднял брови, глядя на Элрика, и тут же его лицо исчезло за кубком с вином. Отерев губы, он потряс рыжей головой.— Значит, они собираются воевать с воробьями. Оин и Ю — это даже и не настоящие страны. У них на двоих есть всего один полуприличный город — Дхоз-Кам. Половина на одном берегу реки Ар, половина — на другом. А в остальной части Оина и Ю обитают только земледельцы — невежественные и суеверные, они прозябают в нищете. Из них никакие воины никогда не получатся.

— А ты ничего не слышал о предателе-мелнибонийце, который завоевал Оин и Ю и стал готовить из этих землепашцев воинов? — Дивим Твар наклонился к стойке рядом с Элриком. Он привередливо сделал глоток из толстостенного кубка вина.— Его зовут принц Йиркун.

— Так это его вы ищете? — заинтересовался хозяин гостиницы.— Владыки драконов поссорились?

— Это наше дело,— высокомерно ответил Элрик.

— Никто не спорит, мои господа.

— А тебе что-нибудь известно о зеркале, которое похищает воспоминания? — спросил Дивим Твар.

— Волшебное Зеркало! — Хозяин гостиницы откинул назад голову и от всего сердца рассмеялся.— Да я думаю, что во всех землях Оин и Ю нет ни одного порядочного зеркала! Нет, мои господа, я думаю, вы ошибаетесь, если ждете нападения из тех краев!

— Ты несомненно прав,— сказал Элрик, глядя в свой кубок с вином, к которому он так и не прикоснулся.— Но нам бы хотелось самим убедиться. К тому же это в интересах Лормира, если мы найдем то, что ищем, и соответственно предупредим вас.

— За Лормир можете не опасаться. Мы быстро подавим любую глупую попытку развязать войну из тех краев. Но если вы хотите убедиться сами, то плывите вдоль берега три дня, пока не увидите большую бухту. В эту бухту впадает река Ар, а на берегах Ара стоит Дхоз-Кам — дрянной городишко, в особенности для столицы двух народов. Его обитатели погрязли в воровстве, грязи и болезнях, но, к счастью, они ужасно ленивы, а потому неприятностей от них ждать не приходится, в особенности если держишь свой меч наготове. Проведя в Дхоз-Каме всего один час, вы поймете, что этот народ никому не может угрожать, если только они не подойдут к вам настолько близко, что вы подхватите какую-нибудь смертельную заразу! — И хозяин гостиницы снова рассмеялся собственному остроумию. Когда смех перестал его сотрясать, он добавил: — А может быть, вы опасаетесь их флота? Он состоит из дюжины ужасно грязных рыбацких лодок, причем большинство из них не годится для выхода в море, а потому они отваживаются ловить рыбку только на мелководье.

Элрик оттолкнул от себя кубок с вином.

— Мы благодарим тебя, хозяин.— Он положил на прилавок мелнибонийскую серебряную монету.

— У меня вряд ли найдется сдача,— сказал хитроватый хозяин гостиницы.

— Оставь ее себе целиком,— сказал ему Элрик.

— Благодарю вас, господа. Вы не останетесь на ночь в моем заведении? Я могу вам предложить наилучшие в Рамасазе постели.

— Пожалуй, нет,— ответил Элрик.— Мы проведем ночь на борту нашего корабля, чтобы тронуться в путь с рассветом.

Хозяин проводил мелнибонийцев взглядом. Он инстинктивно попробовал серебряную монету на зуб — вкус ему показался странным, и он, вытащив монету изо рта, принялся ее разглядывать, переворачивать то одной, то другой стороной.

Уж не ядовито ли мелнибонийское серебро для простых смертных? Лучше, пожалуй, не рисковать, решил он. Хозяин сунул монетку в свой кошелек и взял два кубка, оставшиеся после мелнибонийцев. Хотя он и не любил лишних трат, но решил, что лучше будет выкинуть эти сосуды — вдруг на них осталась какая-нибудь зараза.

Корабль, что плавает по суше и по морю, достиг нужной бухты к полудню следующего дня и остановился недалеко от берега, скрытый от города коротким полуостровом, поросшим густой, почти тропической растительностью. Элрик и Дивим Твар по мелководью вброд добрались до берега и вошли в лес. Они решили, что осторожность не помешает и лучше им не обнаруживать себя, пока они не убедятся, что презрительные слова хозяина гостиницы о Дхоз-Каме отвечают действительности. У оконечности полуострова находилась довольно высокая гора, на которой возвышались несколько рослых деревьев.

Элрик и Дивим Твар мечами расчистили себе путь через подлесок к вершине. Оказавшись наверху под деревьями, они выбрали наиболее подходящие, чтобы вскарабкаться на них. Ствол одного дерева вначале шел прямо, а затем изгибался. Элрик вложил в ножны меч, обхватил ствол руками и подтянулся — еще и еще раз. Так он добрался до веток, которые могли выдержать его вес. Дивим Твар вскарабкался на другое дерево, росшее рядом. Наконец им открылся вид на бухту и на город Дхоз-Кам, который и в самом деле отвечал описанию хозяина гостиницы. Городок был с низенькими домишками, мрачный и явно бедный. Несомненно, именно поэтому Йиркун и выбрал его — страны Оин и Ю легко было покорить даже горсткой хорошо подготовленных имррирцев с помощью нескольких колдовских союзников Йиркуна. И верно, немногие захотели бы завоевывать эти земли, поскольку богатств здесь явно никаких не было, а их географическое положение не играло никакой стратегической роли.

Лучшего места для укрытия Йиркуну было не найти. Но вот что касается флота Дхоз-Кама, то тут хозяин гостиницы ошибался. Даже отсюда Элрик и Дивим Твар смогли насчи-

тать не менее тридцати довольно мощных боевых кораблей в гавани, а в реке на якорях стояли, кажется, и другие. Но мелнибонийцев интересовали не столько корабли, сколько нечто сиявшее и сверкавшее над городом. Оно было водружено на огромные столбы, на столбах покоился вал, а на валу было смонтировано огромное круглое зеркало в раме. Сооружение явно не было творением рук смертного, как и корабль, который доставил сюда мелнибонийцев. Не было сомнений — перед ними находилось Зеркало Памяти, и любой, попадавший в гавань, покидая ее, мгновенно лишался воспоминаний о том, что он здесь видел.

— Мне кажется, мой повелитель,— сказал Дивим Твар со своего места в нескольких ярдах от Элрика,— что нам не стоит плыть прямо в гавань Дхоз-Кама. Если мы там окажемся, нам будет грозить опасность. Я думаю, сейчас мы можем без всякого вреда для себя смотреть на это Зеркало, потому что оно не направлено на нас. Но обрати внимание — там есть механизмы, которые могут поворачивать его в любом направлении, кроме одного. Его невозможно повернуть вглубь страны, в земли за городом. И в этом нет необходимости, потому что никто, кроме местных жителей, не придет оттуда, никто не попадет в Оин и Ю через пустыню, лежащую за этими землями.

— Кажется, я понял твою мысль, Дивим Твар. Ты предлагаешь воспользоваться особыми свойствами нашего корабля и...

— И попасть в Дхоз-Кам по суше. Мы нападем неожиданно и в полной мере используем наших ветеранов. Мы будем двигаться быстро, не вступая в бой с новыми союзниками принца Йиркуна, а направляя все силы на поиски самого принца и всех остальных предателей. Как ты думаешь, Элрик, сможем мы ворваться в город, захватить Йиркуна, спасти Симорил, а потом убраться тем же манером?

— Поскольку людей для лобовой атаки у нас слишком мало, то нам не остается ничего другого, хотя это и очень опасно. Мы потеряем преимущество неожиданности после того, как атакуем, и если первая попытка окажется неудачной, повторить ее будет гораздо труднее. Альтернатива — потихоньку пробраться в город в надежде найти Йиркуна и Симорил, не

ввязываясь в бой, но, поскольку в этом случае мы лишаем себя нашего главного оружия — корабля, я думаю, что нужно действовать по твоему плану. Развернем корабль на сушу и будем надеяться, что на сей раз Гроум найдет нас не сразу — я все еще беспокоюсь, не попытается ли он вернуть корабль в свое владение.

И альбинос принялся спускаться.

Оказавшись снова на полуюте прекрасного корабля, Элрик отдал команду рулевому повернуть в глубь континента. Корабль под половиной парусов легко двинулся по воде, а потом, преодолев крутой берег, пошел по земле, деревья и цветущие кустарники расступались перед ним. Вскоре они оказались среди буйной зелени джунглей. Испуганные птицы с криками взмывали в воздух, мелкие зверьки застывали в изумлении, взирая с деревьев на корабль, который плавает по суше и по воде. Некоторые из них теряли равновесие и чуть ли не падали, завидев великолепный корабль, спокойно передвигающийся по лесу, лишь иногда огибая самые могучие из деревьев.

Так они пробрались в глубь страны под названием Оин, лежавшей к северу от реки Ар, по которой проходила граница между Оином и страной, называемой Ю, с общей для обеих столицей.

Страна Оин представляла собой по большей части джунгли и скудные поля, на которых вели свое хозяйство землепашцы, боявшиеся заходить в чащи, хотя именно там они и могли найти богатство.

Корабль резво шел по джунглям и полям, и вскоре они увидели впереди сверкание большой реки. Дивим Твар, взглянув на весьма приблизительную карту, которую они раздобыли в Рамасазе, предложил снова повернуть к югу и подойти к Дхоз-Каму, описав большой полукруг. Элрик согласился, и корабль начал закладывать поворот.

И в это время земля снова вздыбилась. На этот раз огромные волны поросшей травой земли стали расходиться вокруг корабля, меняя окружающий пейзаж. Бешеная килевая и бортовая качка принялась трепать корабль. Еще двое членов команды свалились с рей и погибли, ударившись о палубу. Боц-

ман громко выкрикивал команды, хотя вся эта земляная буря и происходила в полной тишине, а тишина делала ситуацию еще более зловещей. Боцман скомандовал своим людям привязаться к реям, а тем, кому нечем привязаться,— немедленно спускаться вниз.

Элрик, обмотавшись шарфом вокруг пояса, привязал себя к фальшборту. Дивим Твар в тех же целях воспользовался длинным поясным ремнем. Но их все равно швыряло во всех направлениях, они часто падали с ног, когда корабль кренило то туда, то сюда, и Элрику казалось, что все кости в его теле переломаны, что на коже не осталось ни одного живого места. И корабль трещал, протестовал, грозил развалиться под ударами дыбящейся земли.

— Это дело рук Гроума? — выдохнул Дивим Твар.— Или это колдовство Йиркуна?

Элрик покачал головой.

— Нет, это не Йиркун, это Гроум. И я не знаю, как утихомирить его. Гроум хоть и думает меньше всех Королей Стихий, но зато, возможно, самый сильный из них.

— Но, делая это, он явно нарушает договор со своим братом.

— Нет, не думаю. Король Страаша предупреждал нас об этом. Нам остается только надеяться, что Гроум израсходует всю свою силу, а корабль уцелеет, как он может уцелеть во время шторма на море.

— Это похуже любого шторма, Элрик!

Элрик согласно кивнул, но ничего не ответил, потому что палуба наклонилась под невероятным углом, и ему пришлось вцепиться в перила, чтобы не свалиться вниз.

И тут наступил конец тишине.

Они услышал рев и урчание, напоминавшие смех.

— Король Гроум! — закричал Элрик.— Король Гроум. Оставь нас! Мы не сделали тебе ничего плохого!

Но смех становился еще громче, а весь корабль задрожал, когда земля вокруг него поднялась, а потом обрушилась. Деревья, горы и скалы сначала устремились к кораблю, грозя поглотить его, а потом возвратились на свои места. Гроум явно хотел заполучить свой корабль в целости и сохранности.

— Гроум, смертные ни в чем не провинились перед тобой! — снова закричал Элрик.— Оставь нас! Проси нас о любой услуге, но и нам даруй свою услугу в ответ.

Элрик выкрикивал все, что приходило ему в голову. Вообще-то он и не надеялся, что бог земли услышит его, да и не рассчитывал, что король Гроум захочет слушать, даже если у него и был слух. Но ничего другого не оставалось.

— Гроум! Гроум! Гроум! Послушай меня!

В ответ раздавался еще более громкий смех, отчего Элрик дрожал, как в ознобе. И с каждым раскатом смеха земля то дыбилась выше, то опадала ниже, и корабль начал вращаться, делая круг за кругом, пока Элрик полностью не потерял ориентацию.

— Король Гроум! Король Гроум! Ты погубишь тех, кто не принес тебе ни малейшего вреда.

И тут земля понемногу прекратила дыбиться, корабль замер, а перед ним появилась исполинская коричневая фигура. Цвет этой бородатой фигуры, похожей на огромный корявый дуб, отвечал цвету земли. Волосы у него были цвета листвы, глаза — цвета золотой руды, зубы — цвета гранита, ноги были подобны корням, кожа вместо волосков словно была покрыта зелеными побегами, от него исходил крепкий запах затхлости, и был это Гроум, король Земных Элементалей. Он вдохнул воздух, нахмурился и сердито сказал низким, могучим, сиплым голосом:

— Мне нужен мой корабль.

— Мы не можем отдать его тебе, король Гроум,— сказал Элрик.

Раздражение в голосе Гроума стало еще заметнее.

— Мне нужен мой корабль,— медленно произнес он.— Он мне нужен. Он мой.

— Какая тебе от него польза, король Гроум?

— Польза? Он мой.

Гроум топнул ногой, и по земле побежали круги.

Элрик в отчаянии сказал:

— Это корабль твоего брата, король Гроум. Это корабль короля Страаши. Он отдал тебе часть своего царства, а ты оставил ему этот корабль. Таков был договор.

— Я ничего не знаю о договоре. Этот корабль мой.

— Ты знаешь, что если ты возьмешь этот корабль, король Страаша заберет у тебя земли, которые он тебе дал.

— Мне нужен мой корабль.— Огромная фигура переступила с ноги на ногу, и с нее посыпались комья земли, с отчетливым звуком ударяясь о дерн или о палубу.

— Чтобы получить его, ты должен убить нас,— сказал Элрик.

— Убить? Гроум не убивает смертных. Он ничего не убивает. Гроум строит. Гроум возвращает к жизни.

— Ты уже убил троих из нас,— ответил альбинос.— Три человека погибли, потому что ты устроил земляную бурю.

Огромные брови Гроума сошлись, он поскреб свой огромный лоб, отчего раздалось громкое шуршание.

— Гроум не убивает,— повторил он.

— Король Гроум,— возразил Элрик,— убил троих.

Гроум захрипел в ответ:

— Но мне нужен мой корабль.

— Корабль дал нам на время твой брат. Мы не можем отдать этот корабль тебе. И кроме того, он нам нужен для одной цели, для одной благородной, на мой взгляд, цели. Мы...

— Я не знаю никаких целей. Мне нет дела до всех вас. Мне нужен мой корабль. Мой брат не должен был давать его вам. Я о нем почти забыл. Но теперь, когда вспомнил, я хочу, чтобы он принадлежал мне.

— А ты не примешь чего-нибудь вместо корабля, король Гроум? — неожиданно спросил Дивим Твар.— Какой-нибудь другой дар?

Гроум отрицательно покачал своей жуткой головой.

— Что мне может дать смертный? Наоборот, смертные сами все время что-нибудь берут у меня. Они похищают мои кости, мою кровь, мою плоть. Вы мне можете отдать все то, что взяли у меня существа вашей породы?

— Неужели нет ничего, что бы тебе было нужно? — сказал Элрик.

Гроум закрыл глаза.

— Драгоценные металлы, алмазы? — подсказал Дивим Твар.— У нас их много в Мелнибонэ.

— У меня у самого их хватает,— сказал король Гроум.

Элрик в отчаянии пожал плечами.

— Как можем мы торговаться с богом, Дивим Твар? — Он горько улыбнулся.— Чего может желать Владыка Почвы? Больше солнца, больше дождя? Но мы не в силах дать ему это.

— Я из грубоватых богов,— сказал Гроум,— если только я и в самом деле бог. Но я не хотел убивать ваших товарищей. Мне пришла в голову одна мысль. Отдайте мне тела погибших. Похороните их в моей земле.

Сердце Элрика радостно забилось.

— Это все, о чем ты просишь у нас?

— Мне кажется, что это немало.

— И за это ты позволишь нам двигаться дальше?

— Позволю, но только по воде,— проворчал Гроум.— Не вижу причин, почему я должен пропускать вас по моей земле. Вы можете добраться вон до той реки, но с этого момента корабль будет обладать только теми свойствами, которыми его одарил мой брат Страаша. Его киль больше никогда не коснется моих владений.

— Но, король Гроум, нам нужен этот корабль. У нас важное дело. Нам нужно добраться до того города.— Элрик указал в направлении Дхоз-Кама.

— Вы можете добраться до реки, но после этого корабль сможет плавать только по воде. А теперь дайте мне то, что я прошу.

Элрик крикнул боцману, который, казалось, впервые был изумлен происходящим:

— Принести тела.

Тела вынесли наверх. Гроум протянул одну из своих огромных землистых рук и подобрал мертвецов.

— Я благодарю вас,— прорычал он.— Прощайте.

И Гроум начал медленно погружаться в землю, его огромное тело постепенно, атом за атомом уходило вниз и наконец было целиком поглощено землей.

И тогда корабль снова тронулся, медленно направляясь к реке — в последнее свое короткое путешествие по суше.

— Значит, наши планы меняются,— сказал Элрик.

Дивим Твар с горечью во взгляде смотрел на сверкающую реку.

— Да, из этого теперь ничего не получится. Мне не хотелось говорить тебе об этом, Элрик, но боюсь, у нас нет другого выхода — ты должен опять прибегнуть к колдовству, чтобы у нас появился хоть какой-то шанс на успех.

Элрик вздохнул.

— Боюсь, что так,— сказал он.

Глава восьмая

ГОРОД И ЗЕРКАЛО

Принц Йиркун был доволен. Его план прекрасно сработал. Принц смотрел сквозь высокую ограду, окружавшую плоскую крышу его трехэтажного дома, одного из лучших в Дхоз-Каме. Взгляд Йиркуна был устремлен на гавань, где стоял его великолепный плененный флот. Любой корабль, приходивший в гавань Дхоз-Кама, если он был не под флагом какой-либо сильной державы, легко переходил во владение принца, после того как его команда заглядывала в огромное зеркало, смонтированное на столбах над городом. Эти столбы построили демоны, а принц Йиркун заплатил им за работу душами всех тех жителей Оина и Ю, которые сопротивлялись ему. Оставалось воплотить в жизнь последний его честолюбивый замысел, после чего он со своими новыми сторонниками возьмет курс на Мелнибонэ...

Он повернулся к своей сестре. Симорил лежала на деревянной скамье, устремив невидящий взгляд в небеса. Одета она была в обтрепанные остатки платья, которое было на ней в тот день, когда Йиркун похитил ее из башни.

— Посмотри на наш флот, Симорил! Золотые барки разбросаны по всему свету, и мы беспрепятственно сможем добраться до Имррира и провозгласить свою власть над ним. Элрик теперь не сможет защититься от нападения. Он так легко попался в мою ловушку. Он глуп. И ты тоже глупа, что влюбилась в него!

Симорил ничего не ответила. Все эти месяцы Йиркун примешивал к ее еде и питью специальные снадобья, от которых

она погрузилась в апатию, вполне сравнимую с состоянием Элрика, когда тот оставался без своих лекарств. От экспериментов с колдовскими силами Йиркун похудел, словно бы запаршивел, глаза у него запали. Он прекратил заботиться о своей внешности. А у Симорил вид был опустошенный, загнанный, но вся ее красота сохранилась. Словно бы захолустность Дхоз-Кама повлияла на них обоих, но только по-разному.

— Не опасайся за свое будущее, моя сестра,— продолжил Йиркун. Он усмехнулся.— Ты все же будешь императрицей и воссядешь рядом с императором на Рубиновом троне. Только императором буду я, а Элрик умрет на вечные времена, вот только я буду более изобретательным, чем он, в том, что касается способа его смерти.

Голос Симорил звучал безразлично и как бы издалека. Она даже не повернула головы:

— Ты безумен, Йиркун.

— Безумен? Брось, сестра, истинные мелнибонийцы так не говорят. Мы никого не судим как безумного или не безумного. Мы — такие, какие есть. Что мы делаем, то и делаем. Ты просто слишком много времени провела в Молодых королевствах и перенимаешь их привычки. Но с этим скоро будет покончено. Мы вернемся на остров Драконов, и ты забудешь это, как если бы сама заглянула в Зеркало Памяти.

Он вскинул вверх нервный взгляд, словно надеясь, что сейчас и перед ним появится Зеркало.

Симорил закрыла глаза. Дыхание ее было тяжелым и очень медленным. Она сносила этот кошмар стоически, будучи уверена, что Элрик в конце концов спасет ее. Только эта надежда и удерживала ее от самоубийства. Если бы эта надежда исчезла, она немедленно покончила бы с собой, с Йиркуном и со всеми этими ужасами.

— Разве я тебе не говорил вчера, что добился успеха? Я вызвал демонов, Симорил. Очень могущественных демонов. Я научился у них всему, чего еще не знал. Я наконец-то открыл врата Теней. Скоро я пройду через них и там найду то, что ищу. Я стану сильнейшим из смертных на земле. Разве я не говорил тебе это?

Он говорил об этом несколько раз сегодняшним утром, но Симорил не обратила тогда внимания на его слова — не больше, чем теперь. Она устала и чувствовала сонливость. Медленно, словно напоминая себе о чем-то, она произнесла:

— Я тебя ненавижу, Йиркун.

— Но скоро ты меня полюбишь, Симорил. Скоро.

— Придет Элрик...

— Элрик! Он сидит без толку в своей башне в ожидании новостей, которых никто ему не принесет, кроме меня.

— Элрик придет,— сказала она.

Йиркун издал рычание. Оинианка с некрасивым лицом принесла ему утреннюю порцию вина. Йиркун схватил сосуд и пригубил вино, но тут же выплюнул его на оинианку. Девушка пригнулась. Йиркун взял кружку и вылил ее содержимое на белый песок, покрывавший крышу.

— Вот водянистая кровь Элрика. Точно так же я выпущу ее!

Но Симорил снова не слушала его. Она пыталась вспомнить своего любовника альбиноса и те немногие счастливые дни, что они провели вместе, начиная с самого их детства.

Йиркун швырнул пустую кружку в голову девушки — но та ловко увернулась, повторяя обычный свой ответ на все нападки и оскорбления Йиркуна:

— Спасибо, повелитель демонов! Спасибо, повелитель демонов!

Йиркун рассмеялся.

— Вот именно, повелитель демонов. Твои соплеменники правильно меня называют, потому что в моей власти больше демонов, чем воинов. Мои силы возрастают с каждым днем.

Оинианка поспешила прочь — принести еще вина, потому что знала — через мгновение он потребует еще. Йиркун пересек крышу, чтобы сквозь прутья ограды еще раз увидеть доказательство своей силы. Однако, глядя на корабли, он услышал звуки какого-то смятения, доносившиеся с другой стороны. Неужели жители Ю и Оина поссорились между собой? А где их имррирские центурионы? Где капитан Валгарик?

Он стрелой метнулся мимо Симорил, которая казалась спящей, и выглянул на улицу с другой стороны крыши.

— Пожар? — пробормотал он.— Пожар?

Улицы и правда были охвачены огнем. Но огонь был необычный. Казалось, огненные шары скачут по улицам, поджигая соломенные крыши, двери, все, что может гореть, словно вражеская армия предавала огню захваченный город.

Йиркун нахмурился, решив было, что он проявил неосторожность и какие-то его чары обернулись против него же, но потом он перевел взгляд на горящие дома у реки и увидел там необычный корабль — корабль удивительной красоты, который казался скорее творением природы, чем рук смертного. И тогда он понял, что на них совершено нападение. Но кто решил атаковать Дхоз-Кам? Грабить здесь было нечего. Имррирцы? Невозможно...

Элрик? Невозможно.

— Никакой это не Элрик,— прорычал он.— Зеркало. Нужно повернуть его на нападающих.

— И на себя, брат? — Симорил через силу поднялась, опираясь о стол. Она улыбалась.— Ты был слишком самоуверен, Йиркун. Это Элрик.

— Элрик?! Чушь! Просто какие-нибудь варвары, что живут в глубине континента. Когда они окажутся в центре города, мы сможем использовать против них Зеркало Памяти.— Он подбежал к двери-люку, ведущей в дом.— Капитан Валгарик! Валгарик, где ты?

В комнате внизу появился Валгарик. По его лицу катился пот. Его рука в перчатке сжимала меч, хотя, судя по его виду, он еще не принимал участия в схватке.

— Подготовь Зеркало, Валгарик. Поверни его на нападающих.

— Но мой господин, мы можем...

— Поторопись. Делай, что я говорю. Скоро эти варвары вместе с их кораблем встанут в наши ряды.

— Варвары, мой господин? Разве элементали огня подчиняются варварам? Мы сражаемся с духами огня. Их нельзя убить, как нельзя убить и сам огонь.

— Огонь можно убить водой,— напомнил принц Йиркун своему подчиненному.— Водой, капитан Валгарик. Ты что, забыл?

— Но, принц Йиркун, мы пытались погасить этих духов водой, но вода не выливалась из наших ведер. На стороне нападающих какой-то сильный колдун. И ему помогают духи огня и воды.

— Ты спятил, капитан Валгарик,— твердо сказал Йиркун.— Спятил. Приготовь Зеркало, я больше не хочу слушать эти глупости.

Валгарик облизнул сухие губы.

— Слушаюсь, мой господин.— Он поклонился и пошел исполнять приказание своего хозяина.

Йиркун подошел к ограде и посмотрел сквозь нее. Теперь на улицах появились нападающие — им противостояли его собственные воины, однако дым ухудшал видимость и Йиркун не мог разобрать, кто эти пришельцы.

— Порадуйтесь пока своей жалкой победе,— усмехнулся Йиркун,— потому что скоро Зеркало отберет ваш разум и вы станете моими рабами.

— Это Элрик,— спокойно сказала Симорил.— Элрик пришел отомстить тебе, брат.

Йиркун хихикнул.

— Ты так думаешь? Ты так думаешь? Ну, если это и так, то он меня не найдет. У меня есть средства избежать встречи с ним, а тебя он найдет в состоянии, которое ему вовсе не понравится. Оно принесет ему сильные мучения. Но это не Элрик. Это какой-то неотесанный шаман из степей, что лежат на востоке отсюда. Скоро он будет в моей власти.

Симорил тоже смотрела на улицу сквозь ограды.

— Элрик,— сказала она.— Я вижу его шлем.

— Что? — Йиркун оттолкнул ее в сторону.

Там, на улицах, имррирцы сражались с имррирцами, теперь сомнений уже не осталось. И воины Йиркуна — имррирцы, оинианцы, юанцы — отступали. А во главе наступающих был виден черный драконий шлем, какой мог принадлежать только одному мелнибонийцу. Это был шлем Элрика. И это был меч Элрика — когда-то он принадлежал графу Обеку из Маладора. Этот меч поднимался и падал, и в лучах утреннего солнца на его лезвии сверкала кровь.

На мгновение Йиркуна охватила паника. Он простонал: «Элрик! Элрик! Элрик! Мы все время недооцениваем друг друга! Что же это за проклятие лежит на нас?»

Теперь Симорил гордо держала голову, лицо ее оживилось.

— Я же тебе говорила, что он придет, брат!

Йиркун вихрем налетел на нее.

— Да, он пришел, но Зеркало лишит его разума, и он станет моим рабом. Он будет верить всему, что я втисну в его череп. Это даже еще лучше, чем я планировал.— Он поднял глаза, а потом закрыл их ладонями, поняв, *что* он сделал.— Быстро... вниз... в дом... Зеркало начинает поворачиваться! — Послышался скрежет шестерен и цепей — жуткое Зеркало поворачивалось в сторону улиц.— Скоро Элрик и его люди пополнят мои войска. Ах, какая же в этом изумительная ирония! — Йиркун торопил сестру и, когда она спустилась по ступеням, закрыл люк, ведущий наверх.— Сам Элрик будет участвовать в нападении на Имррир. Он будет сражаться с соплеменниками. Он сам себя свергнет с Рубинового трона.

— Ты что же, думаешь, Элрик не предвидел угрозы Зеркала Памяти? — не без издевки спросила Симорил.

— Предвидел — да, но сопротивляться ему он не в силах. Чтобы сражаться, он должен видеть. Он должен либо дать себя рассечь пополам, либо смотреть во все глаза. Никто, имеющий глаза, не избежит воздействия Зеркала.— Он оглядел скудно обставленную комнату.— Где Валгарик? Где этот трус?

В комнату вбежал Валгарик.

— Зеркало поворачивают, мой господин. Но оно повлияет и на наших воинов. Я боюсь...

— Тогда прекрати бояться. Что с того, что наши попадут под его чары? Мы сможем вложить в их разум то, что им нужно знать. То же самое мы проделаем с нашими поверженными врагами. Что-то ты слишком уж беспокоишься, капитан Валгарик.

— Но их ведет Элрик...

— А у Элрика такие же глаза, как у всех, хотя они и похожи на алые камни. Он получит то же, что и его воины.

На улицах вокруг дома принца Йиркуна Элрик, Дивим Твар и их воины теснили деморализованного противника. Нападающие не потеряли почти никого, тогда как многие оинианцы и юанцы лежали мертвыми на улицах рядом со своими поверженными имррирскими командирами. Элементали огня, которых не без труда призвал себе на помощь Элрик, начали понемногу рассеиваться, потому что им дорого стоило длительное пребывание в том мире, куда их вызвал Элрик. Однако необходимое преимущество было уже завоевано, и вопрос о том, кто выйдет из схватки победителем, был решен: в городе горели сотни домов, поджигая собой другие, и без вмешательства защитников пожар грозил уничтожить весь этот жалкий городишко. Корабли в гавани тоже горели.

Дивим Твар первым заметил, что Зеркало начало поворачиваться в сторону улиц. Он поднял палец, потом повернулся, затрубил в своей рог и приказал пустить вперед воинов, которые до сих пор участия в схватке не принимали.

— Теперь вы должны вести нас! — крикнул он, опуская шлем на лицо. Глазницы шлема были заделаны, и свет через них не проникал.

Элрик тоже медленно опустил свой шлем. Теперь он ничего не видел — но звук сражения не стихал: ветераны, приплывшие из Мелнибонэ, заняли место воинов, отступивших теперь назад. Глазницы шлемов вышедших вперед имррирцев заделаны не были.

Элрик молился, чтобы их план удался.

Йиркун, осторожно выглядывая через дыру в плотном занавесе, недовольно сказал:

— Валгарик! Они продолжают драться. Почему? Разве Зеркало не повернуто?

— Должно быть повернуто, мой господин.

— Тогда посмотри сам — имррирцы продолжают прорываться сквозь ряды наших защитников, а наши воины подпадают под влияние Зеркала. Что случилось, Валгарик? Что произошло?

Валгарик втянул воздух через сжатые зубы — он восхищенно смотрел, как дерутся имррирцы.

— Они слепы,— сказал он.— Они дерутся по слуху, осязанию и обонянию. Они слепы, мой император, и они ведут Элрика и его воинов, которые ничего не видят через свои шлемы.

— Слепы? — В голосе Йиркуна слышалось недоумение, он отказывался понять происходящее.— Слепы?

— Да. Слепые воины, потерявшие зрение в прошлых сражениях, но оставшиеся хорошими бойцами. Вот как Элрик обманул наше Зеркало, мой господин.

— Нет! Нет! — Йиркун сильно ударил капитана по спине, и тот отпрянул в сторону.— Элрик не мог этого придумать. Он не наделен хитростью. Эти мысли внушают ему какие-то коварные демоны.

— Возможно, мой господин. Но разве есть демоны сильнее тех, что помогают тебе?

— Нет,— сказал Йиркун.— Таких нет. Ах, если бы я мог вызвать их теперь! Но я израсходовал все силы, открывая врата Теней. Я должен был предвидеть это... Я не мог это предвидеть... Ах, Элрик, я все равно уничтожу тебя, когда рунные мечи станут моими! — Тут Йиркун нахмурился.— Но как он сумел подготовиться? Какой демон?.. Если только он не вызвал самого Ариоха. Но у него нет сил вызвать Ариоха. Я сам не мог его вызвать...

И тут — словно в ответ — Йиркун услышал боевую песню Элрика, раздавшуюся с ближайшей улицы. И эта песня ответила на его вопрос.

— Ариох, Ариох! Кровь и души для моего повелителя Ариоха!

— Тогда я должен заполучить рунные мечи. Я должен пройти через врата Теней. Там у меня будут союзники — сверхъестественные силы, которые легко разберутся с Элриком, если в этом возникнет необходимость... Но мне нужно время...— бормотал себе под нос Йиркун, меряя шагами комнату.

Валгарик продолжал наблюдать за сражением.

— Они приближаются,— сказал капитан.

Симорил улыбнулась.

— Приближаются, Йиркун? Так кто же глуп теперь? Элрик или все же ты?

— Замолчи! Я думаю. Я думаю...— Йиркун мял пальцами губы.

Вдруг его глаза загорелись, и он коварным взглядом смерил Симорил, а потом повернулся к капитану Валгарику.

— Валгарик, ты должен уничтожить Зеркало Памяти.

— Уничтожить? Но это же наше единственное оружие, мой господин.

— Именно... но теперь от него никакой пользы.

— Никакой.

— Уничтожь его, и оно снова послужит нам.— Йиркун указал своим длинным пальцем в направлении двери.— Иди и уничтожь Зеркало.

— Но принц Йиркун... император... я хочу сказать, разве мы не лишимся нашего единственного оружия?

— Делай, что тебе говорят, Валгарик! Или погибни!

— Но как я его уничтожу, мой господин?

— Своим мечом. Ты должен забраться по столбу *сзади* Зеркала. А потом, не глядя в него, ударь по нему мечом и разбей. Оно легко разобьется. Ты ведь знаешь о тех мерах предосторожности, что я был вынужден всегда предпринимать, чтобы случайно его не разбить.

— И это все, что я должен сделать?

— Да. А после этого ты свободен... Можешь бежать или делать, что тебе заблагорассудится.

— И мы не пойдем в поход на Мелнибонэ?

— Конечно нет. Я придумал другой способ захватить остров Драконов.

Валгарик пожал плечами. По выражению его лица было видно, что он никогда особо не верил заверениям Йиркуна. Но ему не оставалось ничего другого — только следовать за Йиркуном: ведь, окажись он в руках Элрика, его ждала бы страшная казнь. Опустив плечи, капитан отправился выполнять приказ принца.

— А теперь, Симорил...— Йиркун ухмылялся, как хорек, ухватив сестру за нежные плечи.— А теперь я подготовлю тебя к встрече с твоим возлюбленным Элриком.

Один из слепых воинов воскликнул:

— Мой господин, они больше не сопротивляются! Они просто стоят, хоть разрубай их на части. Почему так?

— Зеркало лишило их памяти,— сказал Элрик, обернувшись на звук его голоса.— Теперь веди нас в дом — там, я надеюсь, Зеркало не сможет нам повредить.

Наконец они оказались внутри. Сняв свой шлем, Элрик подумал, что они находятся на каком-то складе. К счастью, помещение было достаточно велико — в нем поместился весь их отряд. Когда все вошли внутрь, Элрик приказал закрыть двери, и они стали обсуждать план дальнейших действий.

— Мы должны найти Йиркуна,— сказал Дивим Твар.— Давайте допросим одного из этих воинов...

— В этом мало проку, мой друг,— напомнил ему Элрик.— Они лишились воспоминаний. Сейчас они не помнят даже, кто они такие. Подойди к тем ставням — там Зеркало не действует, и посмотри, не увидишь ли дом, который мог бы занимать мой кузен.

Дивим Твар быстро подошел к ставням и осторожно выглянул наружу.

— Там есть один дом — он больше, чем остальные, и я вижу какое-то движение внутри. Похоже на перегруппировку оставшихся в живых воинов. Не исключено, что это опорный пункт Йиркуна. Его можно взять без труда.

Элрик подошел к нему.

— Да, согласен. Там мы найдем Йиркуна. Но мы должны поспешить, чтобы он не убил Симорил. Мы должны сообразить, как быстрее всего добраться до этого дома. Нужно сказать нашим слепым воинам, сколько улиц, сколько домов мы должны пройти до него.

— Что это за странный звук? — Один из слепых воинов поднял голову.— Похоже на далекий удар гонга.

— Я тоже слышу,— сказал другой слепец.

Теперь его услышал и Элрик. Зловещий звук. Его источник был где-то в воздухе над ними. Он доносился сверху.

— Зеркало! — Дивим Твар поднял вверх глаза.— Может быть, у Зеркала есть какие-то свойства, которые мы не предусмотрели?

— Возможно...— Элрик пытался вспомнить, что говорил ему Ариох. Но Ариох говорил полунамеками. Он ни словом не обмолвился об этом жутком, мощном звуке, этом звоне, похожем на металлический лязг, словно...— Он разбил Зеркало! — сказал Элрик.— Но для чего?

Что-то стояло за этим, стучалось в его мозг, словно этот звук сам был одушевленным существом.

— Может, Йиркун убит, а с ним погибает и его колдовство,— начал было Дивим Твар, но тут же, застонав, умолк.

Звук становился громче, интенсивнее, отдаваясь болью в ушах.

И теперь Элрик понял. Он закрыл уши руками в кольчужных рукавицах. Воспоминания из Зеркала. Они хлынули в его мозг. Зеркало было разбито и теперь выпускало из себя все воспоминания, накопленные им за столетия, а может и за миллионы лет. Многие из этих воспоминаний принадлежали вовсе не смертным. Многие из них были воспоминаниями животных и разумных существ, существовавших задолго до появления Мелнибонэ. И эти воспоминания искали места в мозгу Элрика, в черепах всех имррирцев, в черепах тех несчастных, что стояли на улицах, издавая жалобные крики, разносившиеся по городу, в черепе капитана Валгарика, предателя, который потерял равновесие на громадной опоре и полетел с огромной высоты вниз вместе с осколками Зеркала.

Но Элрик не слышал крика капитана Валгарика, не слышал, как его тело ударилось сначала о крышу, а потом свалилось на землю, где осталось лежать под разбившимся Зеркалом.

Элрик лежал на каменном полу склада, корчась, как и его товарищи, стараясь выкинуть из головы миллионы воспоминаний, не принадлежавших ему,— воспоминаний о любви, ненависти, о странных событиях и обычных событиях, о войнах и путешествиях, о лицах родственников, которые не были его родственниками, о мужчинах, женщинах, детях, животных, кораблях и городах, о сражениях, о страсти, о страхах и желаниях — все эти воспоминания боролись за место в его переполненном мозгу, угрожая выдавить из его головы его собственные воспоминания, а значит, лишить его личности. Корчась на полу и зажимая уши руками, альбинос твердил одно-единственное слово и с одной только мыслью — не потерять себя: «Элрик. Элрик. Элрик».

И постепенно, с усилием, которое от него потребовалось только раз, когда он вызывал Ариоха в плоскость Земли, ему удалось вытеснить все эти чуждые воспоминания, сохранив собственные. Голоса в голове умолкли, и только тогда он смог убрать от ушей дрожащие руки. После этого Элрик встал и огляделся.

Более двух третей его воинов были мертвы, слепы или ранены. Здоровяк боцман погиб, он лежал с широко открытыми глазами, на его губах замер крик, правая его глазница зияла рваным мясом и кровоточила в том месте, где он пытался вырвать себе глаз. Все тела лежали в неестественном положении, глаза у всех были открыты (если только у них были глаза), на многих видны были раны, которые они нанесли сами себе, другие лежали в собственной блевотине, третьи размозжили себе головы о стену. Дивим Твар был жив, но скорчился в углу, бормоча что-то себе под нос, и Элрику показалось, что его друг сошел с ума. Некоторые из других выживших и в самом деле потеряли разум, но вели себя тихо, никому не угрожали. Только пятеро, включая Элрика, казалось, сумели воспротивиться чужим воспоминаниям и сохранить рассудок. Элрик, перешагивая через тела, понял, что большинство из них умерли от разрыва сердца.

— Дивим Твар? — Элрик положил руку на плечо своего друга.— Дивим Твар?

Дивим Твар убрал руки, поднял голову и заглянул в глаза Элрику. В глазах Дивима Твара читался опыт прошедших тысячелетий, но они светились и иронией.

— Я жив, Элрик.

— Нас осталось мало.

Немного позже они вышли из склада — ведь Зеркала можно было больше не опасаться. Улицы были усеяны мертвецами, воспринявшими воспоминания Зеркала. Скорчившиеся тела протягивали к ним руки. Мертвые губы шептали беззвучные

мольбы о помощи. Элрик, проходя мимо, старался не смотреть на них, но желание отомстить кузену стало в нем теперь еще сильнее.

Наконец они достигли дома. Дверь была открыта, а пол внутри усеян мертвыми телами. Но никаких следов принца Йиркуна не было.

Элрик и Дивим Твар повели немногих оставшихся в живых имррирцев вверх, мимо застывших в умоляющих позах тел. Наконец они оказались на верхнем этаже дома.

И здесь они увидели Симорил.

Она, обнаженная, лежала на кушетке. На ее теле были начертаны руны, и эти руны сами по себе были непристойны. Она с трудом подняла веки и поначалу не узнала вошедших. Элрик ринулся к ней, прижал ее к себе. Ее тело было до странности холодно.

— Он... меня... усыпил...— сказала Симорил.— Колдовской сон, и только он может вывести меня из этого сна...— Она зевнула.— Я сумела продержаться лишь напряжением воли... ждала Элрика...

— Элрик здесь,— нежно сказал ее возлюбленный.— Я Элрик, Симорил.

— Элрик? — Она расслабилась в его объятиях.— Ты должен найти Йиркуна... только он сможет... разбудить меня...

— Куда он делся? — На лице Элрика появилось жесткое выражение. Его малиновые глаза пылали от ярости.— Куда?

— Ушел на поиски двух Черных Мечей — рунных мечей наших предков. Утешителя...

— И Буревестника,— мрачно сказал Элрик.— Эти мечи прокляты. Но куда он пошел, Симорил? Как ему удалось бежать?

— Через... через... через... врата Теней... он прибег к колдовству... он заключил самый ужасный союз с демонами, чтобы пройти через эти врата... В другой комнате...

Симорил уснула, но выражение ее лица явно было умиротворенным.

Элрик смотрел, как Дивим Твар с мечом в руке пересек комнату и распахнул дверь. Из соседнего помещения, погруженного в темноту, потянуло жуткой вонью. В дальнем его углу что-то мерцало.

— Да, это колдовство,— сказал Элрик.— Йиркун обыграл меня. Он колдовством отыскал врата Теней и прошел через них в один из низших миров. В какой — мне неведомо, ведь их великое множество. Ах, Ариох, я многое бы отдал, чтобы последовать за моим кузеном!

— Так следуй же за ним! — раздался сверху полный иронии голос.

Поначалу альбинос подумал, что это чье-то чужое воспоминание все еще продолжает искать себе место в его голове, но он тут же понял, что с ним говорит Ариох.

— Пусть уйдут твои спутники, чтобы я мог поговорить с тобой наедине,— сказал Ариох.

Элрик заколебался. Он хотел остаться наедине, но не с Ариохом. Он хотел остаться с Симорил, потому что с трудом сдерживал рыдания. Слезы уже наполнили его малиновые глаза.

— То, что я сейчас скажу, поможет тебе разбудить Симорил,— сказал голос.— Более того, это поможет тебе победить Йиркуна и отомстить ему. Возможно, это даже сделает тебя сильнейшим из смертных.

Элрик посмотрел на Дивима Твара.

— Оставьте меня все на некоторое время.

— Конечно,— сказал Дивим Твар и, выведя воинов из комнаты, закрыл дверь.

Ариох появился, опираясь спиной о ту же дверь. Он и на сей раз принял обличье и манеры красивого молодого человека. Он дружески и открыто улыбался, и только древние глаза не соответствовали его внешности.

— Пора тебе самому отправиться на поиски Черных Мечей, Элрик,— сказал Ариох.— Иначе Йиркун первый доберется до них. А с рунными мечами Йиркун будет так силен, что сможет уничтожить половину мира и даже глазом не моргнет. Поэтому-то твой кузен и решился подвергнуться опасностям иного мира за вратами Теней. Если Йиркун заполучит эти мечи, то придет конец тебе, Симорил, Молодым королевствам и, вполне возможно, уничтожено будет и Мелнибонэ. Я помогу тебе войти в иной мир в поисках рунных мечей-близнецов.

Элрик задумчиво сказал:

— Меня часто предупреждали об опасностях, сопровождающих поиски этих мечей. Но еще большая опасность — владеть

ими. Мне кажется, что лучше будет воспользоваться каким-нибудь иным способом, мой господин Ариох.

— Другого способа нет. Йиркун жаждет завладеть мечами, хотя тебя они и не интересуют. С Утешителем в одной руке и Буревестником в другой он будет неуязвим, потому что они дают своему владельцу огромную силу. Огромную силу.— Ариох помолчал немного.— Ты должен сделать то, что я говорю. Это ради твоего же блага.

— И твоего, господин Ариох?

— Да, и моего. Я не совсем уж бескорыстен.

Элрик потряс головой.

— Я запутался. В этом деле было слишком много сверхъестественного. Я подозреваю, что боги манипулируют нами..

— Боги служат только тем, кто готов служить им. А еще боги служат судьбе.

— Мне это не по душе. Остановить Йиркуна — это одно, пойти по его честолюбивым следам и завладеть мечами — это другое.

— Это твоя судьба.

— А могу я изменить судьбу?

Ариох отрицательно покачал головой.

— Не больше, чем я.

Элрик погладил волосы спящей Симорил.

— Я ее люблю. Кроме нее, мне ничего не нужно.

— Ты ее не разбудишь, если Йиркун найдет мечи раньше тебя.

— А как мне найти мечи?

— Войди во врата Теней — я открыл их для тебя, хотя Йиркун думает, что они закрыты. Там ты должен будешь найти Туннель Под Болотом, который ведет к Пульсирующей пещере. В ней-то и хранятся рунные мечи. Они лежат там с тех самых пор, как твои предки отказались от них...

— Почему отказались?

— Твоим предкам не хватило мужества.

— Мужества для чего?

— Для того чтобы заглянуть себе в душу.

— Ты говоришь загадками, мой господин Ариох.

— Таковы традиции Владык Высших Миров. Поторопись. Даже я не могу долго держать открытыми врата Теней.

— Хорошо. Я пойду.

И Ариох исчез.

Элрик охрипшим голосом позвал Дивима Твара, который сразу же вошел в комнату.

— Элрик? Что здесь произошло? Что-нибудь с Симорил? Ты выглядишь как...

— Я пойду следом за Йиркуном. Пойду один, Дивим Твар. Ты с оставшимися воинами должен добраться до Мелнибонэ сам. Возьми с собой Симорил. Если я не вернусь спустя приемлемое время, ты должен будешь провозгласить ее императрицей. Если она все еще будет спать, ты должен будешь править как регент до ее пробуждения.

Дивим Твар тихо спросил:

— Ты знаешь, что делаешь?

Элрик отрицательно покачал головой.

— Нет, Дивим Твар, не знаю.

Он встал и направился в другую комнату, где его ждали врата Теней.

Часть третья

И теперь уже не повернешь назад. Судьба Элрика выкована и предопределена с такой же неумолимостью, с какой выкованы и предопределены были судьбы адских мечей миллионы лет назад. Был ли в его жизни момент, когда он мог свернуть с пути, ведущего к отчаянию, проклятию и гибели? Или таков был его рок с самого рождения? Рок, действующий через тысячи перерождений и не знающий ничего, кроме скорби и борьбы, одиночества и сожаления, рок вечного воителя за неизвестное дело?

Глава первая

ЧЕРЕЗ ВРАТА ТЕНЕЙ

Элрик шагнул в тень и оказался в мире теней. Он повернулся, но тень, через которую он вошел, рассеялась и исчезла. В руке альбинос сжимал старый меч Обека, на нем были черный шлем и черные доспехи, и только это было знакомо ему, потому что все вокруг лежало в темени и мраке, словно находилось в огромной пещере, стены которой, хотя и оставались невидимы, придавливали к земле и угнетали. И Элрик пожалел, что, поддавшись панике и усталости, дал себя уговорить, подчинился своему демону-покровителю Ариоху и прошел через врата Теней. Но жалеть о содеянном было бессмысленно, и он выкинул эти мысли из головы.

Йиркуна нигде не было видно. Либо кузен Элрика ускакал на коне, либо — что было более вероятно — он вошел в этот мир под несколько иным углом (потому что было известно, что все плоскости вращаются друг относительно друга) и таким образом оказался или ближе к их цели, или дальше от нее. Воздух был пропитан запахом моря, и альбиносу казалось, что его ноздри забиты солью — словно он шел по дну моря и дышал морской водой. Возможно, этим объяснялись и малая видимость во всех направлениях, и большое количество теней, и сходство неба с занавесом, словно бы укрывавшим своды пещеры. Элрик вложил меч в ножны — никакой опасности в настоящий момент не предвиделось, и медленно повернулся, пытаясь успокоить дыхание.

Кажется, в направлении, которое он определил как восточное, виднелись неровные хребты гор, а на западе — лес. Определить расстояние и направление более или менее точно в отсутствие солнца, звезд или луны было невозможно. Он стоял в каменистой долине, над которой свистел холодный ленивый ветер, дергающий его за плащ, словно желая завладеть этим одеянием. Он увидел несколько кривых деревьев без листьев — они стояли шагах в ста от него. Кроме них да еще какой-то здоровенной бесформенной каменной глыбы вдалеке за ними, в этой неприветливой долине ничего не было. Казалось, этот мир лишен всякой жизни, потому что когда-то здесь сошлись в битве Закон и Хаос, ничего не оставив после себя. Сколько было еще таких миров, как этот? — спрашивал себя Элрик. Императора вдруг охватило жуткое предчувствие, касающееся его судьбы и судьбы его богатого — не в пример этому — мира. Но он тут же прогнал от себя эти мысли и направился к деревьям и каменной глыбе за ними.

Он добрался до деревьев и прошел мимо них. Его плащ чуть коснулся одной из веток, и она тут же превратилась в прах, который унесло ветром. Элрик запахнул на себе плащ.

Приближаясь к камню, он услышал звук, вроде бы исходивший от этой глыбы. Он замедлил шаги и положил ладонь на рукоять меча.

Звук продолжался — тихий, ритмичный звук. Элрик сквозь мрак тщательно разглядывал камень, пытаясь обнаружить ис-

точник звука. Внезапно этот звук прекратился, а на смену ему пришел другой — мягкое шарканье, поступь ног, а потом тишина. Элрик сделал шаг назад и вытащил меч Обека. Первый звук издавал спящий человек. Второй — человек, идущий и возможно готовый напасть на Элрика или защищаться.

Альбинос сказал:

— Я Элрик Мелнибонийский. Я чужой в этих краях.

И тут он услышал почти одновременно пение отпущенной тетивы и свист стрелы, пролетевшей рядом с его шлемом. Элрик метнулся в сторону в поисках укрытия, но никаких укрытий здесь не было, кроме камня, за которым прятался лучник.

И тут из-за камня раздался голос. Он звучал твердо и сурово:

— Я не желаю тебе вреда — лишь демонстрирую мое умение на тот случай, если ты желаешь вреда мне. Я достаточно пообщался с демонами в этом мире, а у тебя вид самого опасного из всех, белолицый.

— Я смертный,— ответил Элрик, выпрямляясь. Он решил, что уж если ему суждено умереть, то он должен встретить смерть с достоинством.

— Ты назвал Мелнибонэ. Я слышал об этом месте. Это остров демонов.

— Значит, ты слышал о Мелнибонэ слишком мало. Я — смертный, как и все мои соплеменники. Только невежественные люди считают, что мы демоны.

— Я вовсе не невежественный, друг мой. Я воин-жрец из Фума. Я был рожден в этой касте наследником всех ее знаний, и до недавнего времени моими покровителями были сами Владыки Хаоса. Но потом я отказался служить им, и они сослали меня сюда. Возможно, у тебя такая же судьба, ведь народ Мелнибонэ служит Хаосу, да?

— Да. И я знаю про Фум, это страна лежит на Неведомом Востоке — за Плачущей пустошью, за Вздыхающей пустыней, дальше самого Элвера. Это одно из старейших Молодых королевств.

— Ты прав, хотя я не согласен с тем, что восток неведомый. Он неведом только дикарям с запада. Значит тебе, похоже, и в самом деле суждено разделить мою ссылку.

— Я здесь не в ссылке. Я в поиске. Когда мои поиски завершатся, я вернусь в мой мир.

— Ты сказал — вернусь? Весьма интересно, мой бледный друг. Я полагал, что возвращение невозможно.

— Не исключено, что так оно и есть, а меня просто обманули. И если твоих сил не хватило, чтобы найти путь в другой мир, может, и моих сил для этого будет недостаточно.

— Сил? Нет у меня никаких сил, после того как я прекратил служить Хаосу. Итак, друг, ты хочешь драться со мной?

— В этом измерении есть только один, с кем я хочу драться, и это не ты, воин-жрец из Фума.— Элрик вложил свой меч в ножны.

И тут же из-за камня появился тот, чей голос он слышал; стрелу с алым оперением он упрятал в алый колчан.

— Меня зовут Ракхир,— сказал человек.— А еще меня называют Красный Лучник, потому что я, как ты видишь, ношу алую одежду. Воины-жрецы из Фума с давних времен выбирают себе какой-то один цвет. Это единственная традиция, верность которой я все еще сохраняю.

На нем были алая куртка, алые штаны, алые ботинки и алая шапочка с алым пером. Лук у него был алого цвета, а рукоятка его меча отливала рубиново-красным оттенком. Лицо его — худое, с орлиным носом — было словно вырезано из кости, лишенной плоти, сухую коричневую кожу бороздили морщины. Он был высок, худ, но на его руках и торсе перекатывались сильные мышцы. Глаза светились иронией, а губы кривились в подобии улыбки, хотя, судя по лицу, его полная приключений жизнь давало ему мало поводов для радости.

— Странное место ты выбрал для поисков,— сказал Красный Лучник. Он стоял, уперев руки в бока и оглядывая Элрика с головы до ног.— Но я готов заключить с тобой договор, если это тебя интересует.

— Что ж, и я готов заключить с тобой договор, если условия мне подойдут, потому что ты, кажется, знаешь об этом мире гораздо больше, чем я.

— Понимаешь, ты должен найти здесь что-то и убраться, тогда как мне здесь вообще ничего не нужно, а убраться отсю-

да я тоже хочу. Если я помогу тебе в твоих поисках, ты возьмешь меня с собой, когда будешь возвращаться в наш мир?

— Похоже, такой договор справедлив, но я не могу обещать то, что не в моих силах. Я могу только сказать, что если смогу взять тебя в наше измерение до окончания моих поисков или после, то непременно сделаю это.

— Резонно,— сказал Ракхир Красный Лучник.— А теперь скажи мне, что ты ищешь.

— Я ищу два меча, выкованных тысячи лет назад бессмертными. Ими пользовались мои предки, но потом отказались от них и спрятали в этом измерении. Эти мечи большие, тяжелые и черные, и на них начертаны тайные руны. Мне было сказано, что я найду их в Пульсирующей пещере, куда можно добраться Туннелем Под Болотом. Ты слышал что-нибудь об этих местах?

— Нет, не слышал. И о двух мечах я тоже ничего не слышал.— Ракхир потер свой костлявый подбородок.— Хотя я помню, что в одной из Книг Фума было что-то написано об этом, и то, что я прочел, мне сильно не понравилось.

— Это легендарные мечи. О них написано во многих книгах, и почти всегда сведения эти очень загадочны. Говорят, есть один фолиант, в котором изложена история этих мечей и всех, кто владел ими, и всех, кто еще будет ими владеть. Это извечная книга, в которой написано обо всех временах. Ее называют Хроникой Черного Меча, и говорят, что в ней люди могут прочитать о своей судьбе.

— Об этой книге я тоже ничего не знаю. Она не входит в число Книг Фума. Боюсь, друг мой Элрик, что нам придется отправиться в город Амирон и задать твои вопросы его обитателям.

— В этом мире есть город?

— Да. Я в нем останавливался ненадолго, потому что предпочитаю дикую природу. Но с другом я, пожалуй, смогу выдержать там и подольше.

— А почему Амирон тебе не по вкусу?

— Потому что его обитатели несчастны. Они самые горемычные и многострадальные люди, потому что все они — ссыльные, или беженцы, или заблудившиеся между мирами

путешественники, которым не суждено найти дорогу назад. Никто не живет в Амироне по своему выбору.

— Воистину город проклятых.

— Да, так бы сказал поэт.— Ракхир иронически подмигнул Элрику.— Но мне иногда кажется, что все города таковы.

— А какова природа того мира, где мы находимся? Насколько я могу судить, здесь не видно ни планет, ни луны, ни солнца. А воздух здесь как в большой пещере.

— Существует теория, что это некая сфера в толще камня. Другие говорят, что этот мир находится в будущем нашей Земли — в будущем, где умерла Вселенная. Я слышал тысячи теорий за то короткое время, что провел в Амироне. И все они, мне кажется, имеют право на существование. Все они кажутся справедливыми. А почему бы нет? Есть и такие, кто считает, что все — ложь. И наоборот, все с таким же успехом может быть истиной.

Теперь наступила очередь Элрика иронизировать.

— Из тебя философ ничуть не хуже лучника, Ракхир из Фума.

Ракхир рассмеялся.

— Как тебе будет угодно! Именно такой образ мысли ослабил мою преданность Хаосу и привел к моему нынешнему положению. Я слышал, есть город, который называется Танелорн — его иногда можно обнаружить на меняющихся окраинах Вздыхающей пустыни. Если я когда-нибудь вернусь в наш мир, друг мой Элрик, то найду этот город, потому что слышал: там можно обрести покой. Там все споры о природе истины считаются бессмысленными. Люди в Танелорне довольствуются тем, что просто живут.

— Им можно позавидовать,— сказал Элрик.

Ракхир вздохнул.

— Да, но, возможно, и там меня ждет разочарование. Лучше уж легендам оставаться легендами, а любые попытки воплотить их в реальность пусть будут обречены на провал. Идем, Амирон расположен вон там, и он, к несчастью, очень похож на все города в самых разных мирах.

Два высоких человека, оба по-своему изгнанники, начали свой путь по этой мрачной и необитаемой пустоши.

Глава вторая

В ГОРОДЕ АМИРОНЕ

На горизонте появился город Амирон — Элрик никогда не видел такого места прежде. В сравнении с Амироном Дхоз-Кам мог показаться чистым и ухоженным городком. Город лежал под скалистым плато в узкой долине, над которой постоянно висел дым — грязное, потрепанное покрывало, призванное скрыть это место от людей и богов.

Дома представляли собой наполовину развалившиеся сооружения, были и полные развалины, а рядом с ними стояли сараи или шатры. Смесь архитектурных стилей (некоторые были знакомы Элрику, другие — нет) была такова, что альбинос не увидел и двух одинаковых сооружений. Тут были хибарки и замки, коттеджи, башни и форты, простые квадратные дома и деревянные хижины, украшенные резьбой. Другие представляли собой нагромождение камней с неровным отверстием вместо двери. Но ни у одного из этих сооружений не было приятного для глаза вида, да и не могло быть — под этими вечно мрачными небесами.

Здесь и там горели красные огни, отчего дым становился еще гуще. Когда Элрик и Ракхир достигли окраин города, им в нос ударил сильный запах с огромным разнообразием оттенков.

— Основным качеством большинства обитателей Амирона является не гордыня, а высокомерие,— сказал Ракхир, сморщив ястребиный нос.— Если только у них вообще остались какие-либо черты характера.

Элрик пробирался через мусор. По тесным зданиям двигались тени.

— Здесь нет какой-нибудь гостиницы, где можно было бы спросить о Туннеле Под Болотом?

— Нет тут никаких гостиниц. Обитатели города живут только для себя.

— Ну, а городская площадь, куда сходятся горожане?

— У города нет центра. Каждый житель или группа жителей строят собственное жилье там, где им заблагорассудится или где есть место, а попадают они сюда из самых разных миров и из самых разных веков, отсюда вся эта неразбериха, запустение и древность многих жилищ. Отсюда эта грязь, отсутствие надежды, упадок большинства горожан.

— А на что они живут?

— Они живут за счет друг друга. Торгуют с демонами, которые время от времени заглядывают в Амирон...

— С демонами?

— Да. А самые смелые охотятся на крыс, которые обитают в пещерах под городом.

— А что это за демоны?

— Такие существа, в основном слабейшие из слуг Хаоса, которым требуется то, что можно найти в Амироне: одну-другую украденную душу, например ребенка (хотя здесь мало рождается детей). Ты и сам можешь представить, зачем они наведываются сюда, если тебе известно, что обычно демонам нужно от колдунов.

— Да, могу себе представить. Значит, Хаос может приходить в этот мир и уходить отсюда по своему желанию?

— Не уверен, что все обстоит так просто. Но демонам, конечно, легче попасть сюда, чем в нашу плоскость.

— А ты видел этих демонов?

— Да, обычные твари. Грубые, глупые и сильные — многие из них прежде были людьми, но потом заключили сделку с Хаосом. А теперь это физические и умственные калеки в образе демонов.

Элрику пришлись не по душе слова Ракхира.

— Так это что же — судьба тех, кто заключает сделки с Хаосом? — спросил он.

— Тебе, мелнибониец, это должно быть ведомо. Я знаю, что в Фуме такого почти не случается. Но кажется, что чем выше ставки, тем менее заметны изменения, которые претерпевает человек, когда Хаос соглашается вступить с ним в договор.

Элрик вздохнул.

— И у кого же мы спросим про Туннель Под Болотом?

— Тут был один старик...— начал было Ракхир, но в этот момент у него за спиной раздалось хрюканье, и он замолчал.

Из тьмы материализовалась физиономия с клыками. Физиономия хрюкнула еще раз.

— Кто ты? — спросил Элрик, держа наготове руку у меча.

— Свинья,— сказало лицо с клыками.

Элрик не понял — то ли его обозвали, то ли существо просто представилось.

Из темноты возникли еще два клыкастых лица.

— Свинья,— сказало одно.

— Свинья,— сказало другое.

— Змея,— сказал голос за Элриком и Ракхиром.

Элрик повернулся, а Ракхир продолжал разглядывать свиней. Перед альбиносом стоял высокий молодой человек. Там, где у него должна была быть голова, извивались тела приблизительно дюжины довольно крупных змей. Голова каждой смотрела на Элрика. Мелькали змеиные языки, пасти одновременно открылись и произнесли:

— Змея.

— Нечто,— сказал другой голос.

Элрик бросил взгляд в том направлении, у него вырвался стон, и он, чувствуя, как его одолевает тошнота, вытащил из ножен меч.

И тут свиньи, змея и нечто набросились на них.

Ракхир покончил с одной из свиней, не успела она сделать и трех шагов. Он снял лук с плеча, натянул тетиву, наложив на нее стрелу с красным оперением, и выстрелил — и все это за считанные мгновения. Он успел пристрелить еще одну свинью, а потом бросил лук и вытащил меч. Встав спиной друг к другу, они с Элриком приготовились защищаться от нападавших на них демонов. Змея была довольно опасна с ее дюжиной голов, которые шипели и щелкали налитыми ядом зубами. Нечто постоянно меняло свои очертания: сначала появилась рука, потом лицо — все это из бесформенной, дыбящейся плоти, которая неумолимо надвигалась на них.

— Нечто! — прокричало это существо.

Два меча сверкнули перед альбиносом, который разбирался с последней свиньей — он неточно нанес удар, попав свинье не в сердце, а в легкие. Свинья сделала шаг назад и упала на землю в лужу грязи. Несколько мгновений она еще корчилась, но потом замерла. Нечто извлекло откуда-то пику, и Элрик с трудом отбил удар своим мечом. Ракхир тем временем вступил в схватку со змеей — два демона наступали, желая покончить со своими противниками. Половина голов змеи корчилась на земле, а Элрику удалось отсечь руку твари, но у демона оставались три другие. Казалось, этот демон — не одно существо, а несколько. Элрик вдруг подумал: а что, если и его вследствие всех этих сделок с Ариохом ждет такая же судьба — стать демоном, бесформенным чудовищем. Но разве он уже не стал отчасти чудовищем? Разве его люди и теперь не принимают за демона?

Эти мысли придали ему сил. Он, размахивая мечом, воскликнул:

— Элрик!

И его противник откликнулся:

— Нечто! — Он тоже желал утвердиться в том, чем считал себя.

Еще один взмах меча Обека, и еще одна рука упала на землю. Следующий удар копьем был отражен, появился еще один меч и обрушился на шлем Элрика. Удар был столь силен, что альбинос, потеряв равновесие, отлетел назад — на Ракхира, который отступал от змеи, чьи четыре головы грозили вот-вот ужалить его. Альбинос взмахнул мечом, и щупальце, державшее меч, отделилось от тела, но тут же снова вернулось к нему. Элрика снова замутило. Он вонзил свой меч в эту массу плоти, которая закричала:

— Нечто! Нечто! Нечто!

Элрик ударил еще раз, в ответ возникли четыре меча и две пики, которые попытались отразить клинок Обека.

— Нечто!

— Это дело рук Йиркуна,— крикнул Элрик.— Нет никаких сомнений. Он узнал, что я отправился за ним, и теперь пытается нас остановить с помощью своих союзников демонов.— Он сжал зубы и заговорил сквозь них: — Если только один из этих не есть Йиркун собственной персоной! Эй, нечто, ты не мой кузен Йиркун?

— Нечто...— Голос прозвучал чуть ли не жалобно.

Оружие сверкнуло, раздался лязг металла о металл, но нечто уже атаковало Элрика не так яростно, как прежде.

— А может, ты какой-нибудь другой старый друг?

— Нечто...

Элрик снова вонзил свой меч в массу плоти. На его доспехи брызнула густая, маслянистая кровь. Альбинос не мог понять, почему сопротивление демона вдруг так ослабло.

— Давай же! — раздался голос над головой Элрика.— Быстрее!

Элрик поднял взгляд и увидел красное лицо, рыжую бороду, размахивающие руки.

— Не смотри на меня, ты, глупец! Давай — бей!

И альбинос, ухватив меч двумя руками, вонзил клинок в бесформенную фигуру, которая застонала и едва слышно прошептала:

— Фрэнк...— и испустила дух.

Ракхир в этот момент с остервенением набросился на змею, вонзив свой клинок в грудь под двумя оставшимися головами — он попал прямо в сердце, и юное тело этого демона тоже испустило дух.

В этот момент с разрушенной арки спрыгнул седоволосый человек. Он смеялся.

— Ниун еще не разучился колдовать — даже здесь, да? Я слышал, как тот длинный наставлял своих друзей-демонов, как им лучше напасть на вас. Мне показалось несправедливым — пятеро против двух, и вот я сидел на стене и лишал многорукого демона сил. Значит, я еще кое-что могу. Все еще могу. Теперь у меня есть сила — или немалая часть моей прежней силы,— и я чувствую себя гораздо лучше, чем на протяжении многих, многих лун. Если только такая вещь, как луна, существует.

— Этот демон сказал: «Фрэнк»,— нахмурившись, произнес Элрик.— Как по-твоему, это имя? Его прежнее имя?

— Возможно,— сказал старый Ниун.— Возможно. Несчастное существо. Но оно мертво. Вы двое не амиронцы, хотя тебя, красный, я уже видел здесь прежде.

— А я видел тебя,— с улыбкой сказал Ракхир. Он отер кровь змеи со своего клинка, используя для этой цели одну из змеиных голов.— Ты Ниун, Знавший Все.

— Да, знавший все. А теперь знающий очень мало. Скоро я забуду все окончательно, и тогда это кончится. Тогда я смогу вернуться из этой ужасной ссылки. Такое соглашение я за-

ключил с Орландом, хранителем Посоха. Я был глупцом, желавшим знать все, и мое любопытство привело меня к приключению, связанному с этим Орландом. Орланд показал мне ошибку моего выбора и послал сюда, чтобы я забыл. К несчастью, как вы уже заметили, я все еще помню кое-что из прежнего. Я знаю, что вы ищете Черные Мечи. Я знаю, что ты — Элрик из Мелнибонэ. И я знаю, что будет с тобой.

— Ты знаешь мою судьбу? — с волнением спросил Элрик.— Расскажи мне о ней, Ниун, Знавший Все.

Ниун открыл было рот, словно собираясь заговорить, но потом решительно сомкнул уста.

— Нет,— сказал он.— Я забыл.

— Нет.— Элрик протянул руку, словно хотел схватить старика.— Нет! Ты помнишь! Я же вижу, что помнишь!

— Я забыл.— Ниун опустил голову.

Ракхир прикоснулся к руке Элрика.

— Он забыл, Элрик.

Мелнибониец кивнул.

— Ладно.

Спустя какое-то время он сказал:

— А ты не помнишь, где находится Туннель Под Болотом?

— Помню. Это болото совсем недалеко от Амирона. Идите в ту сторону. Там увидите монумент в виде орла из черного мрамора. У основания этого монумента и находится вход в туннель.— Ниун, словно попугай, повторил сказанное, но когда поднял лицо, взгляд у него прояснился.— Что я сказал тебе только что?

— Ты только что объяснил, как добраться до входа в Туннель Под Болотом.

— Правда? — Ниун хлопнул старческими ладонями.— Замечательно. Теперь я уже и это забыл. А вы кто такие?

— Мы те, кого лучше всего забыть,— сказал Ракхир с мягкой улыбкой.— Прощай, Ниун, и спасибо тебе.

— Спасибо за что?

— За то, что помнишь, и за то, что забыл.

Они прошли по жалкому городу Амирону, оставив позади счастливого старого колдуна. Из окон или дверей на них по-

сматривали старые лица, а они старались вдыхать как можно меньше этого грязного воздуха.

— Кажется, из всех обитателей этого заброшенного места я завидую одному только Ниуну,— сказал Ракхир.

— А мне жаль его,— сказал Элрик.

— Почему?

— Я подумал, что, когда он забудет все, он вполне может забыть и о том, что ему позволено покинуть Амирон.

Ракхир рассмеялся и ударил альбиноса по спине, облаченной в черные доспехи.

— Ты мрачный спутник, Элрик. Неужели все твои мысли так безнадежны?

— Боюсь, что они склоняются в этом направлении,— сказал Элрик, и на его лице появилось какое-то подобие улыбки.

Глава третья

ТУННЕЛЬ ПОД БОЛОТОМ

И двинулись они по этому печальному и мрачному миру, пока наконец не достигли болота.

Болото было черным. На кочках росла черная остролистная трава. Там было холодно и сыро. Темный туман лежал почти над самой землей, а в тумане иногда возникали какие-то приземистые силуэты. Из тумана поднимался какой-то черный предмет, который мог быть только тем монументом, о котором говорил Ниун.

— Монумент,— сказал Ракхир. Он остановился и оперся на свой лук.— Он далеко в глубине болота, а как до него добраться, непонятно. Как ты думаешь, это разрешимая проблема, друг Элрик?

Элрик осторожно поставил ногу на болотистую почву и почувствовал, как холодная топь засасывает его. Не без труда вытащил он ногу.

— Здесь должна быть тропинка,— сказал Ракхир, поковыряв в костлявом носу.— Иначе как бы туда мог попасть твой кузен?

Элрик оглянулся через плечо на Красного Лучника и пожал плечами.

— Кто знает? Может, с ним были колдовские помощники, которым пройти по болоту не составляет труда.

И тут Элрик опустился на влажный камень. От резкого запаха соли с болота на него нахлынула слабость. Действие снадобий, которые он принял, перед тем как пройти во врата Теней, заканчивалось.

Ракхир подошел к альбиносу и встал рядом с ним. Он улыбнулся, и в улыбке его читалось сочувствие.

— Ну что ж, господин колдун, а ты не можешь вызвать таких же помощников?

Элрик отрицательно покачал головой.

— Я почти ничего не знаю о том, как вызывать малых демонов. У Йиркуна есть его колдовские книги, его любимые заклинания, его обращения к миру демонов. Если мы хотим добраться до того монумента, нам придется прибегнуть к обычным способам, воин-жрец из Фума.

Ракхир извлек из недр своего одеяния красный платок и высморкался. После этого он протянул руку, помог Элрику подняться на ноги, и вместе они пошли вдоль края болота, не выпуская из виду черный монумент.

Наконец они нашли путь. Но это была не природная тропинка, а своего рода мраморные мостки, уходящие во мрак трясины. Эта мраморная тропинка была скользкой, покрытой липкой ряской.

— Я бы сказал, что это ложная тропинка — обманка, которая приведет нас к смерти,— сказал Ракхир. Они с Элриком стояли у начала этой тропинки, уходящей вглубь болота.— Но нам уже нечего терять.

— Идем,— сказал Элрик, осторожно шагнув на мостки. В руке у него было некое подобие факела — связка потрескивающего тростника, который давал неприятный желтый свет и много зеленоватого дыма. Но это было лучше, чем ничего.

Ракхир, прежде чем сделать очередной шаг, проверял почву луком, при этом он насвистывал легонькую, незатейливую мелодию. Его соплеменник признал бы в этой мелодии «Пес-

ню сына героя Высшего Ада, готового пожертвовать своей жизнью», популярную в Фуме, особенно среди воинов-жрецов.

Элрика эта мелодия раздражала и отвлекала, но он ничего не сказал, потому что все свое внимание сосредоточил на том, чтобы не упасть со скользкой поверхности мостков. Те раскачивались так, будто плавали на поверхности трясины.

Они уже прошли половину пути до монумента, чьи очертания были теперь хорошо различимы: огромный орел распростер крылья, нацелившись мощными когтями и клювом на жертву. Орел был сделан из того же черного мрамора, которым вымощена была неустойчивая тропинка под их ногами. Элрику этот монумент напомнил надгробный памятник. Может быть, здесь был похоронен какой-то древний герой? Или это надгробье было сооружено как хранилище Черных Мечей, их тюрьма,— чтобы они никогда больше не смогли попасть в мир и похищать там человеческие души?

Мостки зашатались под их ногами еще сильнее. Элрик пытался сохранить равновесие, но ему для этого приходилось переминаться с ноги на ногу. Факел в его руке бешено дергался. Наконец Элрик поскользнулся и свалился с мостков в болото, сразу увязнув по колено.

Он начал погружаться все глубже и глубже.

Однако он не выпустил из рук факела и в его свете различал одетого в красное лучника, вглядывавшегося вперед.

— Элрик?

— Я здесь, Ракхир.

— Ты тонешь?

— Да, похоже, болото вознамерилось поглотить меня.

— Ты можешь лечь?

— Лечь — могу, но мои ноги уже засосало.— Элрик попытался пошевелиться в трясине, которая затягивала его. Что-то метнулось перед его лицом, издавая приглушенное бормотание. Элрик изо всех сил старался сдержать страх, который грозил поглотить его.— Я думаю, ты должен оставить меня, друг Ракхир.

— Что? И потерять надежду выбраться из этого мира? Ты, вероятно, слишком хорошо обо мне думаешь — я эгоист, друг Элрик. Держи.

Ракхир осторожно опустился на мостки и протянул Элрику руку. Оба они теперь были покрыты липкой грязью, оба дрожали от холода. Ракхир тянулся к Элрику, а Элрик — к Ракхиру, пытаясь дотянуться до его руки, но это было невозможно. И с каждой секундой Элрик погружался все глубже и глубже в трясину болота.

Тогда Ракхир снял с себя лук и протянул один его конец альбиносу.

— Хватайся за лук, Элрик. Можешь?

Растягивая каждую косточку и мышцу своего тела, Элрик все же сумел ухватиться за лук.

— А теперь я должен... Ой! — Ракхир, тащивший за лук, поскользнулся на мостках, которые теперь раскачивались, как безумные. Он выбросил руку, чтобы ухватиться за край мостков с другой стороны, не выпуская лук из другой руки.— Поторопись, Элрик! Скорее!

Элрик, превозмогая боль, изо всех сил пытался вылезти из болота. Мостки по-прежнему безумно раскачивались, и лицо Ракхира теперь было чуть ли не бледнее лица Элрика — Ракхир отчаянно пытался удержаться за мостки и не выпустить из рук лука. Но альбинос, весь в грязи трясине, сумел подобраться к мосткам и вылез на них. Факел продолжал гореть в его руке, а сам Элрик, лежа на мостках, тяжело дышал.

Ракхир тоже ловил ртом воздух, но при этом он смеялся.

— Ну и рыбу я поймал! — сказал он.— Самую большую, готов побиться об заклад.

— Я благодарен тебе, Ракхир Красный Лучник. Я благодарен тебе, воин-жрец из Фума. Я обязан тебе жизнью,— сказал Элрик спустя какое-то время.— И я клянусь тебе, закончатся ли мои поиски удачей или нет, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты вернулся через врата Теней в тот мир, к которому мы оба принадлежим.

Ракхир пожал плечами и ухмыльнулся.

— Я предлагаю продолжить наш путь на четвереньках. Хоть это и может показаться не очень достойным, но зато это безопаснее. И ползти осталось уже недолго.

Элрик согласился.

Прошло не очень много времени в этой не знающей времени темноте, и они достигли поросшего мхом островка, на котором стоял монумент — огромный и тяжелый, он высился над ними, уходя во мрак небес или под мрачный свод пещеры. А у основания монумента они увидели низкую дверь, ведущую в туннель. И дверь эта была открыта.

— Ловушка? — спросил Ракхир.

— Или Йиркун решил, что мы нашли смерть в Амироне? — сказал Элрик, стараясь стряхнуть с себя тину и слизь. Он тяжело вздохнул.— Давай войдем, а там будь что будет.

Они вошли.

И оказались в небольшой комнате. Элрик в слабом свете факела разглядел еще одну дверь. В остальном стены были ровные, вырубленные в слабо мерцающем черном мраморе. В комнате висела тишина.

Они молча подошли к следующей двери, за которой обнаружились ступеньки, ведущие вниз и вниз — в полную черноту.

Они долго спускались, по-прежнему не говоря ни слова, и наконец достигли дна, где увидели перед собой вход в узкий туннель неправильной формы, отчего он больше походил на творение природы, чем разума. Со сводов капала влага, и размеренный звук падающих на пол капель напоминал биение сердца — звук, который эхом разносился по туннелю, в самые его глубины.

— Это явно туннель,— сказал Красный Лучник.— И он, безусловно, проходит под болотом.

Элрик чувствовал, что и Ракхир не горит желанием входить в туннель. Он стоял, высоко подняв свой факел, прислушиваясь к звуку капель и пытаясь распознать тот другой звук, слабое эхо которого доносилось из глубин туннеля.

И тогда он заставил себя шагнуть вперед, почти бегом ринулся в туннель. Его уши внезапно наполнились ревом, который то ли звучал в его голове, то ли доносился от какого-то источника в туннеле. Он слышал за собой шаги Ракхира. Элрик обнажил свой меч — меч погибшего героя Обека — и услышал звук собственного дыхания, эхом отдававшегося от стен туннеля, который теперь полнился самыми разными звуками.

Альбиноса била дрожь, но он не останавливался.

В туннеле было тепло. Пол под ногами Элрика напоминал губку, запах морской воды становился все сильнее. Потом он увидел, что стены туннеля стали ровнее, что они ритмично колеблются. Он услышал позади изумленный вздох Ракхира — лучник тоже обратил внимание на необычные свойства туннеля.

— Похоже на плоть,— пробормотал воин-жрец из Фума.— Живую плоть.

Элрик не смог ответить. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы заставлять себя двигаться вперед. Его охватил ужас. Все его тело дрожало. Пот градом катил с него, а ноги грозили в любое мгновение подогнуться под ним. Рука его так ослабела, что он едва мог удержать свой меч. И в его памяти мелькали какие-то образы — образы, с которыми не хотел мириться его разум. Был ли он здесь раньше? Дрожь его нарастала, желудок едва ли не выворачивался наизнанку — но Элрик продолжал двигаться вперед, выставив перед собой факел.

И теперь мягкий непрерывный бренчащий звук стал громче, и он увидел впереди — в самом конце туннеля — небольшое, почти круглое отверстие. Он остановился, раскачиваясь.

— Туннель заканчивается,— прошептал Элрик.— Дальше пути нет.

Малое отверстие пульсировало мягкими ровными биениями.

— Пульсирующая пещера... Именно ее мы и должны увидеть в конце Туннеля Под Болотом. Вероятно, это и есть вход...

— Он слишком мал — в него не войти,— резонно ответил Ракхир.

— Нет...

Элрик на нетвердых ногах приблизился к отверстию. Он вложил меч в ножны и отдал факел Ракхиру. Тот и слова не успел сказать, как Элрик головой вперед ринулся в отверстие, словно ввинчиваясь в него. Стены хода раздались перед ним, а потом снова сомкнулись. Ракхир остался по другую сторону.

Элрик медленно поднялся на ноги. Слабый розоватый свет исходил от стен, а впереди альбинос увидел еще один вход — чуть больше, чем тот, через который он проник сюда. Воздух был теплый, густой и соленый. Элрик почти задыхался в нем.

В голове у него стучало, все тело болело, и он едва мог действовать или думать — только продвигаться вперед. На подгибающихся ногах он бросился к следующему входу, слыша, как непрестанные приглушенные пульсации в его ушах становятся все громче и громче.

— Элрик!

За ним стоял Ракхир — бледный, вспотевший. Он оставил факел и последовал за мелнибонийцем.

Элрик облизнул сухие губы и попытался заговорить.

Ракхир подошел ближе.

— Ракхир, ты не должен здесь находиться,— хрипло произнес Элрик.

— Я же говорил, что буду помогать тебе.

— Да, но...

— Вот я и помогаю.

Сил спорить у Элрика не было, поэтому он кивнул и руками стал раздвигать мягкие стены второго отверстия. Оно вело в пещеру, стены которой дрожали и пульсировали, а в ее середине прямо в воздухе без всякой опоры висели два меча. Два великолепных, неотличимых друг от друга огромных черных меча.

Между мечами с выражением вожделения и жадности на лице стоял принц Йиркун Мелнибонийский. Он тянулся к мечам, губы его шевелились, но слов слышно не было. И сам Элрик, войдя в помещение и замерев на дрожащем полу, смог произнести одно только слово:

— Нет!

Йиркун услыхал это слово. Он повернулся с выражением ужаса на лице. Он зарычал, увидев Элрика, и тоже произнес одно слово, которое было одновременно и воплем ненависти:

— Нет!

Элрик с трудом вытащил из ножен клинок Обека. Но меч оказался слишком тяжел, и альбинос не смог удержать его на весу — острие уперлось в пол. Теперь Элрик стоял, бессильно опустив руки. Он тяжело дышал, втягивая в легкие густой воздух, перед глазами у него все расплывалось. Йиркун превратился в тень. Четко видны были только два меча, неподвижно висевшие в центре этой круглой камеры. Элрик почувствовал, как вошел и встал рядом с ним Ракхир.

— Йиркун,— сказал наконец Элрик,— эти мечи мои.

Йиркун с улыбкой потянулся к мечам. От них, казалось, исходили какой-то особенный стонущий звук и слабое черное свечение. Элрик, охваченный ужасом, видел выгравированные на мечах руны.

Ракхир наложил стрелу на лук, натянул до самого плеча тетиву, целясь прямо в сердце принца Йиркуна.

— Если он должен умереть, только скажи мне, Элрик.

— Убей его,— ответил Элрик.

Ракхир отпустил тетиву.

Движение стрелы было очень, очень медленным — она пролетела половину расстояния между лучником и целью и повисла в воздухе.

Йиркун повернул к ним лицо, на котором застыла жуткая ухмылка.

— Оружие смертных здесь бессильно,— сказал он.

Элрик повернулся к Ракхиру.

— Кажется, он прав. И твоя жизнь здесь в опасности, Ракхир. Уходи...

Ракхир посмотрел на него недоуменным взглядом.

— Нет, я должен остаться и помогать тебе.

Элрик покачал головой.

— Ты мне не сможешь помочь. А если останешься, то погибнешь. Уходи.

Красный Лучник неохотно снял тетиву с лука, скользнул подозрительным взглядом по двум мечам, а потом протиснулся через выход и исчез.

— А теперь, Йиркун,— сказал Элрик, роняя меч Обека на пол,— мы должны уладить наш спор. Ты и я.

Глава четвертая

ДВА ЧЕРНЫХ МЕЧА

А затем рунные мечи Утешитель и Буревестник покинули места, на которых находились так долго.

Буревестник оказался в правой руке Элрика, Утешитель — в правой руке Йиркуна.

Эти двое стояли по разным концам Пульсирующей пещеры — сначала они долго смотрели друг на друга, потом на мечи в своих руках.

Мечи пели. Их голоса были тихими, но вполне отчетливыми. Элрик легко поднял огромный клинок, повернул его туда-сюда, восхищаясь этой зловещей красотой.

— Буревестник,— сказал он. Его охватил страх. Ему показалось, будто он родился заново, а вместе с ним появился на свет и этот рунный меч. Ощущение было такое, словно они никогда и не расставались.— Буревестник.

И меч в ответ издал приятный стон и еще удобнее устроился в его руке.

— Буревестник! — прокричал Элрик и прыгнул на своего кузена.— Буревестник!

И он был полон страха — невыносимого страха. И этот страх вызвал в нем какую-то безумную радость, дьявольское желание драться и убить своего кузена, вонзить меч глубоко в сердце Йиркуна. Отомстить. Пролить его кровь. Отправить в ад его душу.

А потом, перекрывая звенящие голоса мечей и пульсирующую дробь пещеры, раздался крик Йиркуна.

— Утешитель!

И Утешитель встретил удар Буревестника и, отразив его, нанес ответный — но Элрик отскочил в сторону и обрушил Буревестник на своего врага сверху и сбоку, отбросив на мгновение назад Йиркуна с его Утешителем. Но и следующий удар Буревестника был встречен. И следующий. Если силы противников были равны, то равны были и силы мечей, которым, казалось, передалась ненависть их владельцев.

Лязг металла о металл превратился в безумную песню мечей. Это была ликующая песня, словно они радовались тому, что снова наконец-то ведут бой — пусть и друг против друга.

Элрик едва видел своего кузена, принца Йиркуна, лишь изредка перед ним мелькало его темное безумное лицо. Все внимание Элрика было целиком поглощено Черными Мечами, потому что ему казалось, будто мечи сражаются между собой за приз в виде жизни одного из противников — а может, и обоих. Вражда Элрика и Йиркуна меркла в сравнении с вражде

дой мечей, словно бы наслаждавшихся возможностью сойтись в схватке после многих тысяч лет бездействия.

И это наблюдение навело Элрика — который теперь сражался не только за жизнь, но и за душу — на мысль о характере его ненависти к Йиркуну.

Да, он убьет Йиркуна, но не по воле другой силы. Не для того, чтобы доставить удовольствие этим зловещим мечам.

Острие Утешителя мелькнуло перед его глазами, но Буревестник снова отразил удар.

Элрик больше не сражался со своим кузеном. Он сражался с волей двух Черных Мечей.

Буревестник рванулся к открывшемуся на мгновение горлу Йиркуна. Элрик ухватился за меч и оттащил его назад, сохранив жизнь кузену. Буревестник жалобно застонал, как собака, которой не дали укусить забравшегося в дом чужака.

Стиснув зубы, Элрик процедил:

— Я не твоя марионетка, рунный меч. Если мы должны быть вместе, то пусть наше единство будет основано на взаимопонимании.

Меч, казалось, заколебался, потерял бдительность, и Элрик с трудом отразил неистовую атаку Утешителя, который словно почувствовал свое преимущество.

Элрик вдруг ощутил, что энергия потекла через его правую руку, наполняя тело силой. Это мог сделать только меч. Теперь ему не нужны были его снадобья, теперь он никогда больше не будет испытывать приступы слабости. В бою он будет побеждать, в мирное время — править, как могущественный властелин. Он сможет путешествовать один, не опасаясь за свою жизнь. Меч словно бы напоминал ему обо всем этом, отражая одновременно атаку Утешителя.

Но что меч потребует взамен?

Элрик знал. Меч сказал ему об этом без всяких слов. Рунному клинку необходимо сражаться, потому что таков был смысл его существования. Буревестнику нужно было убивать, потому что это давало ему энергию — жизни и души людей, демонов, даже богов.

На мгновение Элрик замер в нерешительности, и в этот момент его кузен издал пронзительный крик и устремился на не-

го. Утешитель скользнул по шлему, отбросив альбиноса назад. Тот упал и увидел, как Йиркун перехватил свой стонущий Черный Меч двумя руками, чтобы вонзить его в тело своего кузена.

И Элрик понял, что не может смириться с такой судьбой — чтобы его душа была взята Утешителем, чтобы его силы питали принца Йиркуна. Он стремительно откатился в сторону, поднялся на одно колено, повернулся и поднял Буревестник одной рукой в кольчужной рукавице за клинок, а другой — за рукоятку, чтобы отразить сильнейший удар принца Йиркуна.

Два Черных Меча взвизгнули, словно от боли, задрожали, излучая черноватое сияние, которым они истекали, как истекает кровью человек, пронзенный множеством стрел. Элрика, по-прежнему стоявшего на коленях, отбросило в сторону от этого сияния. Он хватал ртом воздух и обшаривал глазами пещеру в поисках исчезнувшего из виду Йиркуна.

Элрик услышал, как Буревестник снова заговорил с ним. Если Элрик не хочет умереть от Утешителя, то он должен согласиться на сделку, которую предлагает ему Черный Меч.

— Йиркун не должен умереть! — сказал Элрик.— Я не стану его убивать, чтобы доставить тебе удовольствие!

И тут из черного свечения возник Йиркун, он рычал, как безумный, размахивая мечом.

И опять Буревестник ринулся к незащищенному месту на теле Йиркуна, и опять Элрик удержал его, и Йиркун получил лишь царапину.

Буревестник бился в руке альбиноса.

Элрик сказал:

— Ты не будешь моим хозяином.

И Буревестник словно бы понял, успокоился, как бы смирился. И Элрик рассмеялся, решив, что теперь рунный меч в его власти и с этого момента будет подчиняться ему.

— Мы разоружим Йиркуна,— сказал Элрик.— Мы не будем его убивать.

Альбинос поднялся на ноги.

Буревестник двигался молниеносно, словно острие рапиры. Он отражал удары, делал ложные движения, нападал. Йиркун, который только что чувствовал себя победителем, с рычанием отступал, торжествующая ухмылка исчезла с его мрачного лица.

Теперь Буревестник действовал заодно с Элриком. Он совершал выпады, нужные Элрику. И Йиркун, и Утешитель были словно обескуражены таким поворотом событий. Утешитель, казалось, кричал в недоумении, не в силах понять поведения брата. Альбинос нанес удар по правой руке своего кузена — пронзил одежду, пронзил плоть, пронзил сухожилия, пронзил кость. Хлынула кровь, рука Йиркуна покрылась красным, кровь залила рукоятку меча. Скользкая кровь ослабила хватку принца — он уже не мог, как прежде, держать свой рунный меч. Он взял его в обе руки, но все равно не мог удерживать его крепко.

Элрик тоже взял Буревестник обеими руками. Неземная сила наполнила его тело. Сильнейшим ударом обрушил он Буревестник на Утешителя в том месте, где лезвие переходило в рукоять. Рунный меч выпал из рук Йиркуна и заскользил по полу Пульсирующей пещеры.

Элрик улыбнулся. Он подчинил волю своего меча своей воле, а кроме того, сумел победить меч-близнец.

Утешитель ударился о стену Пульсирующей пещеры и замер на несколько мгновений.

Словно бы стон вырвался из потерпевшего поражение меча. Высокий вопль наполнил Пульсирующую пещеру. Чернота затопила призрачный розовый свет и погасила его.

Когда свет вернулся, Элрик увидел лежащие у его ног ножны. Ножны были черные — той же зловещей работы, что и рунный меч. Элрик увидел Йиркуна. Принц стоял, рыдая, на коленях, глаза его рыскали по стенам пещеры в поисках Утешителя. Он с испугом взглянул на Элрика, понимая, что сейчас должен умереть.

— Утешитель? — безнадежно позвал Йиркун. Он знал, что его последний час наступил.

Утешитель исчез из Пульсирующей пещеры.

— Твоего меча нет,— спокойно сказал Элрик.

Йиркун заскулил и пополз ко входу в пещеру. Но вход сузился до размера монетки. Йиркун зарыдал.

Буревестник дрожал, он жаждал заполучить душу Йиркуна. Элрик ссутулился.

Йиркун торопливо заговорил:

— Не убивай меня, Элрик. Только не этим рунным мечом. Я сделаю все, что ты скажешь. Я готов умереть любым другим способом.

Элрик сказал:

— Мы жертвы заговора, кузен, игры, разыгранной богами, демонами и одушевленными мечами. Они хотят, чтобы один из нас умер. Я подозреваю, что они больше хотят твоей смерти, чем моей. И по этой причине я не убью тебя здесь.

Он подобрал ножны и убрал в них Буревестник — тот моментально успокоился. Элрик снял свои прежние ножны и оглянулся в поисках меча Обека, но и его нигде не было. Альбинос отбросил старые ножны и пристегнул новые к поясу. Он положил левую ладонь на рукоять Буревестника и не без жалости посмотрел на существо, которое было его кузеном.

— Ты червяк, Йиркун. Но твоя ли это вина?

Йиркун недоуменно посмотрел на него.

— Любопытно: если бы ты получил все, что хотел, то перестал бы быть червем?

Йиркун поднялся на колени. В его глазах блеснул лучик надежды.

Элрик улыбнулся и глубоко вздохнул.

— Ну что ж, посмотрим,— сказал он.— Ты должен разбудить Симорил.

— Я подчиняюсь тебе, Элрик,— сказал Йиркун смиренным тоном.— Я разбужу ее. Вот только...

— Ты не можешь разрушить эти чары?

— Нам не выйти из Пульсирующей пещеры. Время ушло...

— Как это?

— Я не знал, что ты последуешь за мной, и думал, что потом смогу без труда прикончить тебя. Но теперь время прошло. Вход можно удерживать открытым только малое время. Он пропускает любого, кто пожелает войти в Пульсирующую пещеру, но никого не выпускает, когда действие колдовства заканчивается. Я потратил столько сил, чтобы узнать это колдовство.

— Ты растратил всего себя на пустяки,— сказал Элрик.

Он подошел ко входу и заглянул в него. С другой стороны ждал Ракхир. Лицо Красного Лучника выражало беспокойство.

Элрик сказал ему:

— Воин-жрец из Фума, похоже, мы с моим кузеном оказались здесь в ловушке. Пещера не выпускает нас.— Элрик потрогал рукой теплое влажное вещество, из которого состояла стена. Она подалась лишь чуть-чуть.— Ты можешь либо присоединиться к нам, либо вернуться назад. Если присоединишься к нам, то разделишь нашу судьбу.

— Но если я вернусь, то моя судьба тоже будет не лучше,— сказал Ракхир.— Есть у вас хоть какие-то шансы?

— Всего один,— ответил Элрик.— Я могу вызвать моего покровителя.

— Владыку Хаоса? — Лицо Ракхира перекосила гримаса.

— Именно,— сказал Элрик.— Я вызову Ариоха.

— Ариоха? Ну что ж, ему нет дела до беглеца из Фума.

— Так что ты выбираешь?

Ракхир сделал шаг вперед — Элрик отошел назад. В отверстии сначала появилась голова Ракхира, потом его плечи, а потом и весь он целиком. Вход за ним тут же сомкнулся. Ракхир выпрямился и, отвязав тетиву от лука, расправил ее рукой.

— Я согласился разделить твою судьбу — поставить на карту все, лишь бы выбраться из этого измерения,— сказал Красный Лучник. Он с удивлением посмотрел на Йиркуна.— Твой враг все еще жив?

— Да.

— Ты воистину милосерден.

— Возможно. Или упрям. Я не хочу убивать его только за то, что какие-то потусторонние силы сделали его в своей игре пешкой, которую я должен убить, если одержу победу. Я еще не полностью принадлежу Владыкам Высших Миров, и никогда не буду принадлежать, пока во мне остается хоть капля воли, чтобы противиться им.

Ракхир ухмыльнулся.

— Я разделяю твой взгляд на мир, хотя и не уверен в том, что он отражает истинное положение вещей. Я смотрю, ты за-

владел одним из этих Черных Мечей. А нельзя ли им прорубиться наружу?

— Нет,— сказал Йиркун со своего места у стены.— Вещество, из которого сделаны эти стены, не поддается никакому воздействию.

— Я поверю тебе,— сказал Элрик,— потому что не собираюсь часто пользоваться этим мечом. Сначала я должен научиться управлять им.

— Значит, придется вызвать Ариоха,— вздохнул Ракхир.

— Если только это возможно,— сказал Элрик.

— Он наверняка уничтожит меня,— сказал Ракхир, глядя на Элрика в надежде, что альбинос опровергнет это утверждение.

Вид у Элрика был мрачный.

— Возможно, мне удастся заключить с ним сделку. А еще это будет проверкой.

Элрик повернулся спиной к Йиркуну и Ракхиру. Сосредоточившись, он послал мысленнный зов сквозь огромные расстояния и сложные лабиринты и воскликнул:

— Ариох! Ариох! Помоги мне, Ариох!

Он почувствовал, что что-то слушает его.

— Ариох!

Что-то шевельнулось в тех местах, куда направлялась его мысль.

— Ариох...

И Ариох услышал его. Элрик знал, что это Ариох.

Ракхир испустил испуганный крик. Взвизгнул в страхе и Йиркун. Элрик повернулся и увидел: у дальней стены появилось что-то отвратительное. Оно было черно и грязно, оно пускало слюни, и его форма была невыносимо зловещей. Неужели это был Ариох? Как такое возможно? Ведь прежде он был прекрасен. Но возможно, подумал Элрик, такова истинная внешность Владыки Хаоса. В этом мире, в этой пещере Ариох не мог ввести в заблуждение тех, кто смотрел на него.

Но вдруг эта форма исчезла, и вместо нее появился прекрасный юноша с древними глазами — он смотрел на трех смертных.

— Ты завоевал меч, Элрик,— сказал Ариох, не обращая внимания на остальных.— Поздравляю. И ты пощадил жизнь своего кузена. Почему?

— Причин несколько,— ответил Элрик.— Но, скажем, он должен оставаться живым, чтобы разбудить Симорил.

Лицо Ариоха помрачнело на мгновение, загадочная улыбка пробежала по нему, и Элрик понял, что избежал ловушки. Если бы он убил Йиркуна, разбудить Симорил было бы невозможно.

— А что делает с тобой этот маленький предатель? — Ариох холодно глянул на Ракхира, который изо всех сил старался не спасовать перед Владыкой Хаоса и не отвел взгляда.

— Он мой друг,— сказал Элрик.— Я заключил с ним договор: если он поможет мне найти Черный Меч, то я возьму его с собой в наш мир.

— Это невозможно. Ракхир сослан сюда. Таково его наказание.

— Он вернется со мной,— сказал Элрик. Он ослабил крепление ножен и, вытащив из них Буревестник, выставил меч перед собой.— Или я не возьму этот меч. И тогда мы все втроем останемся здесь навсегда.

— Это неразумно, Элрик. Подумай о своих обязанностях.

— Я уже подумал. Таково мое решение.

На спокойном лице Ариоха появилось гневное выражение.

— Ты должен взять с собой этот меч. Такова твоя судьба.

— Это ты говоришь. Но я знаю, что этот меч может принадлежать только мне. Он не может принадлежать тебе, Ариох, иначе ты бы уже давно завладел им. Только я или другой смертный вроде меня может вынести его из Пульсирующей пещеры. Разве не так?

— Ты умен, Элрик из Мелнибонэ,— с ироническим восхищением сказал Ариох.— Ты вполне подходишь для того, чтобы служить Хаосу. Отлично. Пусть этот предатель отправляется с тобой. Но пусть он поостережется. Владыки Хаоса мстительны...

Ракхир сиплым голосом произнес:

— Я слышал об этом, владыка Ариох.

Ариох не обратил внимания на слова лучника.

— В конечном счете, судьба этого типа из Фума не имеет никакого значения. А если ты хочешь пощадить жизнь своего кузена — так тому и быть. Это ничего не решает. У судьбы может быть несколько лишних нитей в ее пряже, но цель при этом останется неизменной.

— Хорошо,— сказал Элрик.— Выведи нас отсюда.

— Куда?

— В Мелнибонэ, если ты не возражаешь.

Улыбаясь почти ласково, Ариох посмотрел на Элрика и потрепал его по щеке мягкой рукой.

— Ты, несомненно, самый милый из моих рабов,— сказал Владыка Хаоса, внезапно вырастая вдвое.

Раздалось журчание. Послышался звук, напоминающий рев моря. Элрик ощутил приступ жуткой тошноты. В мгновение ока все трое оказались в большом тронном зале Имррира. В зале было пусто, только в одном углу клубилась какая-то черная тень — но и она вскоре исчезла.

Ракхир пересек зал и осторожно уселся на нижней из ступенек, ведущих к Рубиновому трону. Йиркун и Элрик не двинулись с места — они смотрели в глаза друг другу. Потом Элрик рассмеялся и похлопал по ножнам, в которых покоился меч.

— А теперь, кузен, ты должен выполнить свое обещание. И тогда я тебе сделаю одно предложение.

— Мы как на рынке,— сказал Ракхир. Он сидел, подперев голову локтем и изучая перо на своей алой шапке.— Сплошные сделки.

Глава пятая

МИЛОСЕРДИЕ БЛЕДНОГО КОРОЛЯ

Йиркун отступил от постели своей сестры. Вид у него был усталый, лицо осунулось.

— Готово,— произнес он безжизненным голосом. Затем отвернулся и через окно бросил взгляд на башни Имррира, на гавань, где стояли на якорях золотые боевые барки и корабль, подаренный королем Страашей Элрику.— Она сейчас проснется,— рассеянно проговорил Йиркун.

Дивим Твар и Ракхир Красный Лучник вопросительно смотрели на Элрика, который стоял на коленях подле кровати и смотрел в лицо Симорил. На ее лице появилось умиротворенное выражение, и на одно страшное мгновение ему показалось, что принц Йиркун обманул его и убил Симорил. Но потом ее веки дрогнули, глаза открылись, и она улыбнулась, увидев его.

— Элрик? Сны... Ты в безопасности?

— В безопасности, Симорил. Как и ты.

— А Йиркун?..

— Он разбудил тебя.

— Но ты поклялся убить его...

— Я был околдован, как и ты. Мой ум пребывал в смятении. Я до сих пор еще не во всем разобрался. Но Йиркун теперь стал другим. Я победил его. Он не оспаривает моей власти. Он больше не стремится на Рубиновый трон.

— Ты милосерден, Элрик.— Она откинула волосы с лица.

Элрик обменялся взглядами с Ракхиром.

— Возможно, мной движет не милосердие,— сказал Элрик.— Возможно, это просто чувство дружбы к Йиркуну.

— Дружбы? Но не можешь же ты питать дружеские чувства к...

— Мы оба смертные. Мы оба жертвы игры, разыгранной Владыками Высших Миров. Я должен проявлять сострадание к своим соплеменникам — поэтому-то я перестал ненавидеть Йиркуна.

— Это и есть милосердие,— сказала Симорил.

Йиркун направился к двери.

— Позволь мне уйти, мой император.

Элрику показалось, что он увидел странный блеск в глазах своего поверженного кузена. Но, возможно, это были только униженность или отчаяние. Элрик кивнул. Йиркун вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Дивим Твар сказал:

— Не доверяй Йиркуну, Элрик. Он предаст тебя еще раз.— На лице повелителя Драконьих пещер появилось обеспокоенное выражение.

— Нет,— сказал Элрик.— Если он и не боится меня, то боится меча, которым я владею.

— И ты тоже должен бояться этого меча,— сказал Дивим Твар.

— Нет,— ответил Элрик.— Я хозяин этого меча.

Дивим Твар хотел было возразить, но лишь грустно покачал головой, кивнул и вышел вместе с Ракхиром Красным Лучником, оставив Элрика и Симорил наедине.

Симорил обняла Элрика. Они поцеловались. Они заплакали.

В Мелнибонэ целую неделю продолжался праздник. Теперь уже почти все корабли, воины и драконы вернулись домой. Вернулся домой и Элрик, так убедительно доказав свое право властвовать, что население приняло все его причуды — из которых самой странной представлялось его «милосердие».

В тронном зале устроили бал, и это был самый роскошный бал на памяти придворных. Элрик танцевал с Симорил, принимал участие во всем, что происходило. Только Йиркун не танцевал, предпочитая оставаться в тихом уголке под галереей с музыкальными рабами. Никто из гостей не обращал на него внимания. Ракхир Красный Лучник танцевал с разными мелнибонийскими дамами и всем им назначал свидания — ведь он теперь был в Мелнибонэ героем. Танцевал и Дивим Твар, хотя в его глазах, как только они останавливались на принце Йиркуне, появлялось задумчивое выражение.

А потом, когда гости угощались, Элрик заговорил с Симорил. Они оба сидели на подмостках Рубинового трона.

— Ты хочешь стать императрицей, Симорил?

— Ты же знаешь, что я выйду за тебя, Элрик. Мы оба знали это уже много лет назад.

— Значит, ты станешь моей женой?

— Да.— Она рассмеялась, думая, что он шутит.

— А ты готова не быть императрицей? По крайней мере, в течение года?

— Что ты имеешь в виду, мой господин?

— Я должен буду на год уехать из Мелнибонэ. То, что я узнал за последние месяцы, вынуждает меня отправиться в

Молодые королевства, посмотреть, как ведут свои дела другие народы. Потому что я уверен: если мы хотим, чтобы Мелнибонэ продолжало существовать, оно должно измениться. Мелнибонэ может стать огромной доброй силой в этом мире, потому что оно еще не утратило своего влияния.

— Доброй силой? — Симорил была удивлена, и еще в ее голосе слышалась тревога.— Мелнибонэ никогда не выступало за добро или зло — только за себя и удовлетворение своих желаний.

— Я должен изменить это.

— Ты собираешься переделать все?

— Я собираюсь отправиться в путешествие по миру, а потом посмотреть, есть ли смысл в таком решении. Владыки Высших Миров вынашивают честолюбивые намерения, связанные с нашим миром. И хотя они и предоставили мне недавно помощь, я опасаюсь их. Я бы хотел понять, могут ли люди сами управляться со своими делами.

— Значит, ты уезжаешь? — В ее глазах появились слезы.— Когда?

— Завтра... вместе с Ракхиром. Мы возьмем корабль короля Страаши и направимся на остров Пурпурных городов, где у Ракхира есть друзья. Ты хочешь отправиться со мной?

— Не могу себе представить... Не могу. Ах, Элрик, зачем отказываться от счастья, которым мы владеем теперь?

— Затем, что это счастье будет недолгим, пока мы не разберемся, кто мы такие.

Она нахмурилась.

— Что ж, значит, ты должен разобраться в этом,— медленно сказала она.— Но ты должен сделать это один, потому что у меня нет такого желания. Ты должен сам отправиться в земли варваров.

— И ты не хочешь сопровождать меня?

— Это невозможно. Я... я мелнибонийка.— Она вздохнула.— Я люблю тебя, Элрик.

— И я тебя люблю, Симорил.

— Значит, мы поженимся, когда ты вернешься. Через год.

Элрик был исполнен печали, но он знал, что его решение правильно. Если он не уедет, им скоро овладеет беспокойство

и он будет смотреть на Симорил как на врага, который заманил его в ловушку.

— До моего возвращения ты должна будешь править как императрица,— сказал он.

— Нет, Элрик, я не могу принять на себя такую ответственность.

— Тогда кто?.. Дивим Твар?..

— Я знаю Дивима Твара. Ему не по силам такая власть. Может быть, Магум Колим?..

— Нет.

— Тогда скажи ты, Элрик.

Элрик обвел взглядом тронный зал внизу. Он остановился на одинокой фигуре под галереей музыкальных рабов. Элрик иронически улыбнулся и сказал:

— Тогда это должен быть Йиркун.

Симорил пришла в ужас.

— Нет, Элрик, он будет злоупотреблять властью...

— Теперь не будет. И это справедливо. Он единственный, кто хотел стать императором. И теперь он может властвовать как император целый год до моего возвращения. Если он будет править хорошо, то, может быть, я по возвращении отрекусь в его пользу. Если же он будет править плохо, то таким образом раз и навсегда будет доказано, что все его амбиции ничего не стоят.

— Элрик,— сказала Симорил.— Я люблю тебя. Но ты глупец... ты преступник, если ты еще раз поверишь Йиркуну.

— Нет,— мягко возразил он.— Я не глупец. Я всего лишь Элрик. И с этим я ничего не могу поделать, Симорил.

— И это тот Элрик, которого я люблю! — зарыдала Симорил.— Но Элрик обречен. Если ты не останешься, обречены мы все.

— Я не могу остаться. Потому что люблю тебя, Симорил.

Она встала. Она плакала. Она была потрясена.

— А я — Симорил,— сказала она.— Ты погубишь нас обоих.— Ее голос смягчился, она погладила волосы Элрика.— Ты уничтожишь нас, Элрик.

— Нет,— ответил он.— Я построю кое-что получше. Я открою новое. Когда я вернусь, мы поженимся. Мы будем жить долго и счастливо, Симорил.

И вот Элрик изрек три неправды. Первая — о его кузене Йиркуне. Вторая — о Черном Мече. Третья — о Симорил. И эти три неправды определили судьбу Элрика — ведь именно в том, что для нас важнее всего, мы лжем открыто и с глубокой убежденностью.

Эпилог

Был порт, что звался Мений, и был он самым спокойным и дружественным из всех портов Пурпурных городов. Как и другие города на острове, он был построен в основном из пурпурного камня, который и дал городам название. Крыши домов были красными, и множество разных кораблей под яркими парусами стояли в гавани, которая открылась взглядам Элрика и Ракхира Красного Лучника, когда они ранним утром приблизились к берегу. Увидели они и нескольких моряков, торопившихся к своим судам.

Прекрасный корабль короля Страаши бросил якорь на некотором расстоянии за пределами волнолома гавани. На маленькой лодке доплыли они до берега и оглянулись на свой корабль. Они плыли без команды, сами по себе, и корабль хорошо слушался их.

— Итак, я должен найти легендарный Танелорн и обрести покой,— сказал Ракхир, и в голосе его слышалась изрядная доля самоиронии. Он потянулся и зевнул — лук затанцевал на его спине.

Элрик был одет просто, как любой солдат удачи из Молодых королевств. Вид у него был подтянутый и энергичный, альбинос улыбался солнцу. Единственной примечательной вещью у него был рунный клинок на боку. Пока этот меч был при нем, Элрику требовалось гораздо меньше снадобий, чтобы поддерживать в нем жизнь.

— А я должен искать знания в тех местах, что помечены на моей карте,— сказал Элрик.— Я должен учиться и к концу года привезти свои знания в Мелнибонэ. Жаль, что Симорил нет со мной, но я ее понимаю.

— Ты вернешься? — спросил Ракхир.— Вернешься, когда год истечет?

— Она притянет меня назад! — рассмеялся Элрик.— Единственное, чего я боюсь, так это как бы не дать слабину и не вернуться до завершения моих поисков.

— Я хотел бы сопровождать тебя,— сказал Ракхир,— потому что я посетил многие страны и мог бы стать тебе хорошим проводником — не хуже, чем был в потустороннем мире. Но я поклялся найти Танелорн, хотя, насколько мне известно, никакого Танелорна на самом деле нет.

— Я надеюсь, ты найдешь его, воин-жрец из Фума,— сказал Элрик.

— Я уже никогда не буду воином-жрецом,— сказал Ракхир. Вдруг его глаза расширились.— Смотри — твой корабль!

Элрик оглянулся и увидел, как корабль, называвшийся когда-то Кораблем, что плавает по суше и по морю, медленно уходит под воду. Король Страаша забирал его себе.

— Элементали — мои друзья,— сказал он.— Но я боюсь, их могущество слабеет, как слабеет и Мелнибонэ. Хотя обитатели Молодых королевств и считают, что мы, мелнибонийцы,— воплощение зла, у нас много общего с духами Воздуха, Земли, Огня и Воды.

Мачты корабля скрылись под водой, и Ракхир сказал:

— Я завидую, что у тебя такие друзья, Элрик. Ты можешь доверять им.

— Да.

Ракхир посмотрел на рунный меч, висевший у бедра Элрика.

— Но лучше бы тебе не верить больше никому,— добавил он.

Элрик рассмеялся.

— Не опасайся за меня, Ракхир. Я сам себе хозяин — по крайней мере на год. К тому же я теперь хозяин этого меча.

Меч, казалось, шевельнулся у него на боку, и Элрик, положив ладонь на рукоять меча, похлопал Ракхира по спине и рассмеялся, встряхнув головой так, что его белые волосы разметались по ветру. А потом он поднял свои необычные темно-красные глаза к небесам и сказал:

— Когда я вернусь в Мелнибонэ, я буду совсем другим.

Крепость Жемчужины

Дэйву Тейту посвящается

И когда Элрик сказал три неправды Симорил, своей невесте, и назначил своего честолюбивого кузена Йиркуна регентом на Рубиновом троне Мелнибонэ, и когда он простился с Ракхиром Красным Лучником, он направил свои стопы в неизведанные земли искать там знаний, которые — он считал — помогут ему править в Мелнибонэ так, как никто не правил в нем прежде.

Но Элрик не взял в расчет, что судьба уже решила за него: он должен был познать и пережить то, что оставит на нем неизгладимый след. Еще до встречи со слепым капитаном и Кораблем, что плывет морями судьбы, его душе и всем его идеалистическим взглядам на мир грозила опасность.

Он задержался в Юфих-Сормеере из-за дела, которое было связано с непониманием, возникшим между четырьмя неземными волшебниками,— они по-дружески и без задней мысли едва не уничтожили Молодые королевства, прежде чем те послужили конечной цели Равновесия. А в Филкхаре он пережил сердечное приключение, о котором ни разу потом не рассказал никому. Он учился, платя за это ценой силы своей и боли, которые приносило обладание Черным Мечом.

Но лишь в городе посреди пустыни — городе по имени Кварцхасаат — началось его приключение, которое способствовало определению судьбы Элрика на грядущие годы...

Хроника Черного Меча

Часть первая

Кто тот безумец, что сквозь крик
В ночной кошмарный сон проник,
Природу Хаоса постиг,
Любовь отринул, бросил дом
И променял, судьбой влеком,
На боль покоя миг?

Хроника Черного Меча
(Перевод Р. Адрианова)

Глава первая

ОБРЕЧЕННЫЙ ВЛАДЫКА ПРОЩАЕТСЯ С ЖИЗНЬЮ

Это произошло в окруженном пустыней Кварцхасаате, месте, куда стремятся многие караваны, но достигают которого лишь единицы. Элрик, наследственный император Мелнибонэ, последний в десятитысячелетней династии, способный с помощью колдовских знаний вызвать к жизни запредельные силы, лежал, готовясь принять смерть. Снадобья и травы, которые обычно поддерживали в нем жизнь, закончились в последние дни его долгого пути по южной оконечности Вздыхающей пустыни, и он не смог найти замены для них в этом городе-крепости, который был больше знаменит своими сокровищами, чем благами жизни.

Принц-альбинос медленно, вяло протянул свои пальцы к свету, блеснувшему на кровавого цвета камне Кольца коро-

лей, последнего символа его древних обязанностей. Потом он уронил руку. Наверное, у него мелькнула надежда, что Акториос вдохнет в него жизнь. Но камень был бесполезен, пока у Элрика не хватало энергии повелевать скрытыми в нем силами. И потом, у него не было особого желания вызывать сюда демонов. Он по собственной глупости попал в Кварцхасаат; ему не за что было мстить жителям этого города.

Хотя у них-то были причины ненавидеть его; правда, жители пустынного города не подозревали о его истинном происхождении.

Когда-то Кварцхасаат властвовал над землей, обильной реками и прекрасными долинами, его леса зеленели, его поля приносили богатые урожаи. Но все это было более двух тысяч лет назад, до того, как колдовство, неосторожно использованное Кварцхасаатом в войне против Мелнибонэ, стало грозить Имрриру. Кварцхасаат потерпел поражение. Он был поглощен огромными массами песка, которые нахлынули на него, как прилив, оставив только столицу с ее традициями, которые со временем стали главной причиной ее продолжающегося существования.

Поскольку Кварцхасаат всегда стоял на этом месте, его граждане полагали, что он должен сохраниться любой ценой. Хотя город жил без цели и смысла, его власти все же чувствовали, что обязаны продлевать существование города всеми средствами, какие были в их распоряжении. Четырнадцать раз вражеские армии пытались пересечь Вздыхающую пустыню, чтобы поживиться сказочными сокровищами Кварцхасаата. Четырнадцать раз они становились жертвами пустыни.

А тем временем основным наваждением города (некоторые сказали бы «основным промыслом») стали коварные интриги между его правителями. Республика, хотя и только по названию, и центр огромной континентальной империи, хотя и полностью покрытой песком, Кварцхасаат находился под управлением Совета Семи, известного под странным названием Шестеро и Еще Один. Этот совет контролировал большую часть городского богатства и большую часть его дел. Прочая городская знать, мужчины и женщины, которые предпочли не слу-

жить Семикратии, хотя и имели немалое влияние, но вместе с тем не владели никакими атрибутами власти.

Как узнал Элрик, одной из таких теневых фигур была Нарфис, баронесса Куваира, которая жила в простой, но прекрасной вилле на южной окраине города. Главным объектом внимания этой особы был ее известный соперник — старый герцог Рал, покровитель лучших художников Кварцхасаата. Его дворец стоял на северных высотах и, несмотря на всю свою показную аляповатость, был довольно красив. Как узнал Элрик, эти двое избирали каждый по три члена совета, тогда как седьмой, всегда безымянный и называемый просто Шестикратор (он и управлял шестеркой), обеспечивал сохранение равновесия, потому что мог своим голосом решать вопрос в пользу то одной, то другой стороны. Многие соперничающие городские фигуры более всего желали получить доступ к уху Шестикратора — даже баронесса Нарфис и герцог Рал.

Элрика не интересовали закулисные интриги Кварцхасаата, как не интересовали его интриги и в Мелнибонэ,— он прибыл сюда из любопытства и из-за того, что Кварцхасаат был единственным городом на огромной территории, лежащей к северу от безымянных гор, которые разделяют Вздыхающую пустыню и Плачущую пустошь.

Элрик пошевелился на соломенном тюфяке и подумал не без иронии, что его могут похоронить здесь, и никто из местных так никогда и не узнает, что в их земле лежит наследственный правитель самого большого врага Кварцхасаата. Он спрашивал себя: неужели боги припасли для него именно такую судьбу, а те величественные перспективы, которые виделись ему в сонных грезах, всего лишь шутка.

В спешке и в некотором смятении оставив Филкхар, он сел на первый корабль, уходивший из Расхила. Корабль этот доставил его в Джадмар, где Элрик, отдавая себе отчет в том, что делает, поддался на обман старого илмиорского пьяницы, продавшего ему карту, на которую был нанесен легендарный Танелорн. Как и предчувствовал альбинос, карта оказалась фальшивкой — она увела его далеко от обитаемых мест. Он решил было пересечь горы, чтобы добраться до Карлаака через Плачущую пустошь, но, сверившись со своей собственной

картой — более надежным мелнибонийским источником, обнаружил, что гораздо ближе Карлаака находится Кварцхасаат. Направившись на север на полудохлом от голода и жары жеребце, он нашел только высохшие русла рек и истощенные оазисы, потому что в мудрости своей для похода через пустыню выбрал время горячих ветров. Ему не удалось найти сказочный Танелорн, и казалось, ему уже не удастся добраться и до другого города, который в сказаниях его народа был не менее легендарен.

Для них это было своеобычно — мелнибонийские хроники демонстрировали только мимолетный интерес к поверженному противнику,— но Элрик помнил, что собственное колдовство Кварцхасаата и стало одной из причин гибели этой империи, хотя и грозило ее врагам-получеловекам. Как ему помнилось, все дело было в неправильно помещенной руне, произнесенной Фофеаном Далсом, герцогом-колдуном, предком ныне живущего герцога Рала, в заклинании, которое должно было привести к потоплению мелнибонийской армии в песке и возникновению вала по границам империи. Элрику еще предстояло узнать, как это происшествие толковалось в сегодняшнем Кварцхасаате. Возможно, они сочинили мифы и легенды, объясняющие поражение города злыми истечениями с острова Драконов.

Элрик размышлял о том, как собственная одержимость мифом привела его к почти неминуемой гибели.

«Мои ошибочные расчеты,— сказал он, обратив свои безжизненные малиновые глаза к Акториосу,— говорили, будто у меня есть что-то общее с предками этих людей».

Милях в сорока от павшего коня Элрика нашел мальчик, искавший камни и драгоценности, что время от времени оказывались на поверхности после песчаных бурь, которые были постоянным явлением в этой части пустыни и в известной мере помогали городу выжить. Этими же бурями объяснялась и удивительная высота великолепных стен Кварцхасаата.

Будь Элрик в лучшем состоянии, он бы не преминул насладиться монументальной красотой города. Эта красота покоилась на эстетических представлениях, оттачивавшихся столетиями, и отсутствии внешних влияний. Хотя множество не-

правильной формы зиккуратов и дворцов имели гигантские размеры, в них не было ничего уродливого или вульгарного. Они обладали какой-то воздушностью, особенной легкостью стиля, отчего казались (со всеми их цветами: красным — терракоты, поблескивающим серебром — гранита, белым — штукатурки, насыщенными синим и зеленым) словно бы по волшебству сделанными из самого воздуха. Их душистые сады теснились на удивительно сложных террасах, их фонтаны и каналы, питающиеся из глубоких скважин, издавали спокойное журчание и разносили благоуханные ароматы по старинным вымощенным улочкам и широким, с высаженными деревьями аллеям. И вся эта влага, которую можно было бы направить на выращивание урожаев, использовалась только для того, чтобы сохранять внешний вид Кварцхасаата таким, каким он был во времена своего имперского величия; при этом вода ценилась больше драгоценностей, ее использование регламентировалось, а похищение строжайше наказывалось по закону.

В обиталище же Элрика не было и тени великолепия — раскладная кровать, солома на полу из плитняка, единственное высокое окно, простая глиняная кружка и кувшин с небольшим количеством солоноватой воды, за которую он отдал свой последний изумруд. Доступ к бесплатной воде иностранцам был запрещен, а вода, поступающая в продажу, стоила чрезвычайно дорого. Вода Элрика наверняка была украдена из общественного фонтана. Об установленных законом наказаниях за такого рода воровство предпочитали не говорить даже в узком семейном кругу.

Элрику были нужны редкие травы, чтобы подкрепить его больную кровь, но даже если бы они здесь и продавались, то теперь ему были не по карману, в котором оставалось всего несколько золотых монет. В Карлааке это было бы целым состоянием, но они ничего не стоили в городе, где золото использовали для облицовки водоводов и сточных канав. Походы по улицам выматывали и угнетали Элрика.

Раз в день мальчик, нашедший Элрика в пустыне и приведший его в эту комнату, посещал альбиноса. Мальчик разглядывал его, словно Элрик был каким-то занятным насекомым или пойманным грызуном. Мальчика звали Анай, и, хотя он

и говорил на всемирном языке, в основу которого был положен мелнибонийский, акцент у него был такой сильный, что нередко Элрик не понимал ни слова.

Элрик еще раз попытался поднять руку, но она тут же упала. В это утро он смирился с тем неопровержимым фактом, что никогда не увидит свою возлюбленную Симорил и никогда больше не воссядет на Рубиновый трон. Он испытал сожаление, но какое-то отчужденное, словно речь шла не о нем — болезнь странным образом наполняла его сердце ликованием

— Я думал продать тебя...

Элрик, мигая, вглядывался в полумрак комнаты — в тот дальний ее угол, куда не проникало солнце. Он узнал голос, но видел лишь неясный силуэт у двери.

— ...но, похоже, на ярмарке, что будет через неделю, я смогу предложить только твое тело и оставшиеся вещи.

Это говорил Анай, которого такая перспектива удручала не меньше, чем Элрика.

— Конечно, ты все еще большая редкость. У тебя лицо, как у наших древних врагов, вот только кожа почему-то белее кости. Я раньше никогда таких не видал.

— Мне жаль, что я не оправдываю твоих надежд.— Элрик с трудом приподнялся на локте. Он полагал, что было бы неблагоразумно говорить здесь о его истинном происхождении, и представился наемником из Надсокора, города нищих, который был известен тем, что давал приют любому отребью.

— Я даже было подумал, что ты — волшебник и вознаградишь меня каким-нибудь тайным знанием, с помощью которого я стану богатым и, возможно, войду в Шестерку. А еще я тебя представлял духом пустыни, который наделил бы меня каким-нибудь полезным умением. Но я, похоже, только попусту потратил на тебя воду. Ты всего лишь больной наемник. У тебя что, вообще нет ничего? Ну, например, какой-нибудь безделушки, которая может быть ценной? — Взгляд мальчика остановился на длинном и тонком предмете, завернутом в материю и стоявшем в изголовье кровати Элрика.

— Это вовсе не сокровище, приятель,— мрачно сообщил мальчику Элрик.— О том, кто им владеет, можно сказать, что он несет проклятие, которое нельзя снять.

Он улыбнулся, представив себе мальчика, который пытается найти покупателя для Черного Меча. Меч, завернутый в драный кусок плаща, время от времени испускал что-то вроде тихого шепотка, как слабоумный, пытающийся восстановить дар речи.

— Ведь это оружие, да? — спросил Анай. Его живые голубые глаза казались огромными на тонком загорелом лице.

— Да,— ответил Элрик.— Это меч.

— Древний? — Мальчик засунул руку под свой полосатый коричневый халат и поскреб коросту у себя на плече.

— Точно сказано.— Элрика забавляло происходящее, но даже такой короткий разговор был для него утомителен.

— И сколько ему лет? — Анай шагнул вперед и теперь был хорошо виден Элрику в лучах солнца. У него был вид существа, идеально приспособившегося обитать среди рыжеватых камней и темного песка Вздыхающей пустыни.

— Может быть, десять тысяч.— Испуганное выражение на лице мальчика помогло Элрику на мгновение забыть о собственном почти неминуемом близком конце — так, по крайней мере, ему показалось.— А может, и больше.

— Ну, тогда это огромная редкость! Знатные дамы и господа Кварцхасаата ценят редкости. А среди Шестерки есть любители, которые собирают такие вещи. Например, его честь владетель Унихт Шлура. У него даже есть доспехи илмиорской армии. И каждый из этих доспехов находится на мумифицированном теле настоящего воина. А у госпожи Талит есть коллекция из тысячи военных предметов — и все разные. Позволь мне, господин наемник, взять этот меч, и я найду покупателя. И тогда я поищу тебе твои травы.

— И тогда я поправлюсь, и ты сможешь выручить за меня хорошую цену, так? — Элрик забавлялся все больше.

На лице Аная появилось абсолютно невинное выражение.

— Нет-нет, господин. Тогда ты станешь сильным, и я ничего не смогу с тобой сделать. Я просто возьму с тебя комиссионные за твой первый договор.

Элрик чувствовал симпатию к мальчику. Он помолчал, собирая силы для следующих слов.

— Ты полагаешь, что я смогу найти работу здесь, в Кварцхасаате?

— Конечно же,— ухмыльнулся мальчик.— Ты сможешь стать телохранителем кого-нибудь из Шестерки или у кого-нибудь из их приближенных. У тебя очень необычная внешность — возьмут сразу. Я ведь тебе уже говорил, что наши правители — жуткие интриганы и заговорщики.

— Это обнадеживает.— Элрик перевел дыхание.— Видимо, я смогу жить достойной и полной жизнью здесь, в Кварцхасаате.— Он попытался заглянуть в сверкающие глаза мальчика, но тот отвернул голову, и теперь солнечный свет падал только на часть его тела.— Но, судя по всему, травы, о которых я тебе говорил, растут только в далеком Кване, а это несколько дней пути, у подножия Зубчатых Столбов. Я умру еще до того, как самый быстрый скороход пройдет половину пути до Квана. Ты пытаешься утешить меня, мальчик? Или у тебя менее благородные мотивы?

— Я сказал тебе, господин, где растут эти травы. Но может быть, кто-то уже собрал урожай в Кване и вернулся?

— Тебе известен такой аптекарь? Но сколько он попросит за столь ценное лекарство? И почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Потому что раньше я об этом не знал.— Анай устроился в относительной прохладе у двери.— После нашего последнего разговора я навел справки. Я простой мальчик, мой господин, а не ученый и, уж конечно, пока еще не прорицатель. Но я умею скрыть свое невежество и подать его как знание. Я, может, и невежественный, мой добрый господин, но вовсе не глупый.

— Я разделяю это твое мнение о тебе, любезный Анай.

— Тогда я возьму меч и найду на него покупателя? — Он снова вышел на свет и протянул руку к мечу.

Элрик откинулся назад, покачал головой и улыбнулся.

— Я тоже, юный Анай, невежествен. Но, в отличие от тебя, я, похоже, еще и глуп.

— Знания дают силу,— сказал Анай.— А став сильным, я, может быть, попаду в окружение баронессы Нарфис. Я мог бы стать капитаном ее стражи. А может, и благородным!

— Я не сомневаюсь, настанет день и ты будешь гораздо больше, чем то или другое.— Элрик вдохнул застоявшийся воздух. Тело его затряслось, легкие словно обожгло огнем.— Поступай как знаешь, хотя я и сомневаюсь, что Буревестник подчинится тебе.

— Так я могу попробовать?

— Попробуй.— Превозмогая боль, Элрик дергаными движениями переместился на край кровати и освободил от тряпья огромный меч.

Испещренный рунами, неясно поблескивающими на черном клинке, сверкающий металл которого был украшен древней и тонкой резьбой — то таинственным и непонятным рисунком, то изображениями драконов и демонов, сошедшихся в схватке, Буревестник определенно являл собой неземное оружие.

Мальчик открыл рот и отпрянул, словно жалея о том, что предложил такую сделку.

— Он живой?

Элрик смотрел на свой меч со смешанным чувством — отвращением и чем-то родственным чувственной любви.

— Некоторые сказали бы, что он наделен разумом и волей. Другие — что это демон в чужом обличье. Некоторые считают, что в нем обитают души всех смертных, преданных проклятию, и не находят оттуда выхода, как когда-то не нашел выхода огромный дракон, обитающий в другой рукояти,— не в той, что сейчас на этом мече.— К собственной едва ощутимой досаде, он вдруг понял, что получает удовольствие от растущего изумления мальчика.— Разве тебе никогда раньше не приходилось видеть творение Хаоса, мастер Анай? Или того, кто обручен с подобной вещью? Возможно, ее раба? — Он окунул свою длинную белую руку в грязную воду и, поднеся ее ко рту, смочил губы. Его красные глаза поблескивали, как гаснущие угли.— Во время моих странствий я слышал разговоры о том, что этим мечом когда-то сражался сам Ариох — он рассекал им стены между мирами. Другие, умирая от удара этим мечом, называют его живым существом. Есть теория, которая утверждает, что он единственный представитель целого народа, живущий в нашем измерении. Но если он пожелает, то может призвать к себе миллионы братьев. Ты слышишь, как он говорит, мастер Анай? Понравится ли этот голос случайному покупателю на рынке, очарует ли его? — С бледных губ сорвался звук, который нельзя было назвать смехом, но в нем явно слышалась какая-то ирония отчаяния.

Анай поспешно вернулся на солнечный свет. Он откашлялся.

— Ты сказал, что у него есть имя?

— Я называл этот меч Буревестником, но народы Молодых королевств иногда называют его иначе — и не только меч, но и меня. Это имя — Похититель Душ. Он и вправду выпил немало душ.

— Ты — похититель снов! — Анай не мог оторвать глаз от клинка.— Почему ты никому не служишь?

— Я не знаю условий и не знаю, кто наймет «похитителя снов».— Элрик посмотрел на мальчика в ожидании дальнейших объяснений.

Но взор мальчика был прикован к мечу.

— А мою душу он выпьет?

— Если я захочу. Чтобы в мою кровь вернулась жизнь, мне нужно только позволить Буревестнику убить тебя и, может, еще нескольких, и тогда он передаст мне свою энергию. И тогда я, несомненно, смог бы найти коня и уехать отсюда. Возможно, в Кван.

И теперь голос Черного Меча стал громче, словно тот одобрял слова Элрика.

— О, Гамек Идианит! — Анай поднялся на ноги, готовый, если будет нужно, улизнуть в любой момент.— Это похоже на легенду о стенах Масс'абуна. Говорят, что те, кто повинен в нашей изоляции, владели такими мечами. Да, у их вождей были точно такие мечи. Об этом рассказывают учителя в школах. Я ходил в школу. Ах, какие страшные истории! — Мальчик нахмурился.

Элрик испытал угрызения совести — не нужно было пугать парнишку.

— Мой юный Анай, я не принадлежу к тем, кто сохраняет свою жизнь за счет людей, не причинивших им никакого

вреда. Частично поэтому я и попал в нынешнюю свою переделку. Ты спас мою жизнь, дитя. Я ни за что не убью тебя.

— О господин, ты человек опасный! — Мальчик в испуге сказал это на языке еще более древнем, чем мелнибонийский, и Элрик узнал его, поскольку изучал как подспорье в своих исследованиях.

— Откуда ты знаешь этот язык — опиш?

Испуганное выражение на лице мальчика сменилось удивленным.

— Его здесь, в Кварцхасаате, называют уличным брехом. Тайный язык воров. Но, я думаю, на нем говорят в Надсокоре.

— Да, это так. В Надсокоре говорят на нем.— Элрика снова заинтриговал это незначительный поворот событий. Он потянулся к мальчику, чтобы успокоить его.

Увидев это движение, Анай дернул головой и произвел горловой звук. Попытка Элрика приободрить мальчика явно не увенчалась успехом. Не сказав больше ни слова, Анай покинул комнату — его босые ноги быстро зашлепали по коридору, а потом растворились в звуке улицы.

Элрик, решив, что Анай исчез навсегда, ощутил приступ грусти. Теперь он жалел только об одном — что он никогда не воссоединится с Симорил и не вернется в Мелнибонэ, чтобы сдержать свое обещание и жениться на ней. Он понял, что владение Рубиновым троном никогда не привлекало его, но еще он знал, что править Мелнибонэ — его долг. Может быть, он специально выбрал себе такую судьбу, чтобы избежать этой ответственности.

Элрик знал, что, хотя его кровь и испорчена странной болезнью, это кровь его предков, и отказаться от того, что принадлежало ему по праву рождения, было нелегко. Он надеялся, что своим правлением сумеет превратить Мелнибонэ из эгоистичного, жестокого и упаднического обломка презираемой всеми империи в обновленную державу. Державу, способную принести мир и справедливость всей вселенной, представив пример просвещенности, которому, к своему благу, смогут последовать другие.

Он легко бы расстался с Черным Мечом за возможность вернуться к Симорил. Но про себя он знал, что это невыполнимо. Черный Меч был не только его средством добывания хлеба насущного и защиты от врагов. Владея Черным Мечом, он становился заложником обязательств его предков перед Хаосом, а он не мог себе представить, чтобы Владыка Ариох позволил ему пренебречь этими обязательствами. Каждый раз, когда он начинал задумываться об этих вещах, об этих намеках на более высокую судьбу, его мысли путались, а потому он предпочитал не вдаваться в эти вопросы.

«Что ж, может быть, приняв смерть, я разорву эти обязательства и обману старых скверных друзей Мелнибонэ».

Его дыхание становилось все реже, и легкие уже не так обжигало. Напротив, он ощутил в них прохладу. Он попытался было встать и добраться до грубого деревянного стола, на котором лежали его скудные припасы. Но кровь так медленно двигалась в его жилах, что он смог только поднять голову и издалека посмотреть на черствый хлеб и вино со вкусом уксуса, на сморщенные куски засохшего мяса, о происхождении которого он счел за лучшее не думать. Он не мог подняться. Он не мог заставить себя пошевелиться. Он принял приближение смерти если не хладнокровно, то по крайней мере с известным достоинством. Погружаясь в усталое небытие, он вспомнил о своем решении покинуть Мелнибонэ, о тревоге своей кузины Симорил, о тайном блеске в глазах своего честолюбивого кузена Йиркуна, об обещании, которое он дал Ракхиру, воину-жрецу из Фума, отправившемуся на поиски Танелорна.

Интересно, спрашивал себя Элрик, оказались ли поиски Ракхира Красного Лучника более успешными, или он упокоился где-нибудь в другой части огромной пустыни и его алые одеяния истрепал этот вечно дышащий ветер, а его плоть иссохла на костях. Элрик всей душой надеялся, что Ракхиру удалось найти мифический город и тот покой, что обещали его стены. Потом он почувствовал, как растет его тоска по Симорил, и ему показалось, что он плачет.

Некоторое время назад он подумывал — не вызвать ли ему Ариоха, его покровителя, Герцога Хаоса, чтобы тот спас его, но эта мысль вызывала в его душе глубокий протест. Он опасался, что, воспользовавшись помощью Ариоха еще раз, по-

теряет больше, чем жизнь. Каждый раз, когда этот могущественный дух помогал ему, еще больше укреплялось их соглашение, сколь очевидное, столь и загадочное. Впрочем, все эти его внутренние борения не имели никакого практического значения. В последнее время Ариох демонстрировал все большее нежелание приходить к нему на помощь. Возможно, Йиркун во всех смыслах подменил его, Элрика...

Эта мысль вернула Элрика к его боли, к его тоске по Симорил. Он снова попытался подняться. Положение солнца на небе изменилось. Ему показалось, что он видит перед собой Симорил. Потом она превратилась в одно из воплощений Ариоха. Неужели Герцог Хаоса даже сейчас играет с ним?

Элрик перевел свой взгляд на меч, который словно бы шевельнулся в своей шелковой тряпке и прошептал какое-то предупреждение, а возможно, угрозу.

Элрик медленно отвернул голову.

— Симорил? — Он уставился на столб света, льющегося в комнату из окна, перевел взгляд на необъятное небо пустыни. Теперь ему показалось, что он видит в нем какие-то фигуры, тени, имевшие очертания то ли людей, то ли зверей, то ли демонов. Очертания эти становились все отчетливее и стали напоминать его друзей. Он снова увидел Симорил. В отчаянии Элрик простонал: «Моя любовь».

Он увидел Ракхира, Дивима Твара, даже Йиркуна. Он звал их всех.

Услышав звуки собственного надтреснутого голоса, он понял, что бредит, что оставшаяся в нем энергия рассеивается в фантазиях, что его тело исчерпало свои силы и смерть близка.

Элрик прикоснулся к своему лбу, почувствовал капли пота на нем. Он подумал, сколько могла бы стоить каждая капелька на открытом рынке. Ему эта мысль показалась забавной. Сможет ли он выделить столько пота, чтобы хватило купить ему воды или хотя бы немного вина? А может, такая вот выработка влаги противоречила странным водным законам Кварцхасаата?

Он снова скользнул взглядом по столбу света, и ему показалось, что он увидел людей: вероятно, городские стражники

пришли обследовать его обиталище и проверить, есть ли у него лицензия на производство пота.

Потом ему показалось, что ветер пустыни, который всегда был где-то рядом, проскользнул в комнату, принеся с собой небольшую компанию элементалей, возможно, ту группу, которая доставит его в конечный пункт его пути. Он испытал облегчение. Он улыбнулся. У него было несколько причин радоваться тому, что его борьба подходит к концу. Может быть, он скоро воссоединится с Симорил.

Скоро? Какое значение имеет время в царстве, где нет ни начала, ни конца? Может, он должен дождаться вечности, прежде чем воссоединиться с Симорил? Или просто мимолетного мгновения? Или он никогда не увидит ее? Может быть, впереди у него теперь только ничто, пустота? Или его душа вселится в какое-нибудь другое тело, возможно, такое же больное, как нынешнее, и ему снова придется решать нерешаемые задачи, снова оказаться один на один перед страшными нравственными и физическими проблемами, которые преследовали его с того самого дня, как кончилась его юность?

Разум Элрика уносился все дальше и дальше от логических рассуждений — так тонущая мышь, которую уносит все дальше и дальше от берега, перед концом, несущим забвение, начинает бороться еще отчаяннее. Он смеялся, он лил слезы. Он бредил и иногда засыпал, а жизнь тем временем уходила из него вместе с парами, поднимающимися над его странной, костяного цвета телесной плотью. Любой посторонний увидел бы в нем какое-то уродливое, больное животное, никак не принадлежащее к роду человеческому, агонизирующее перед смертью на грубом ложе.

Наступила темнота, а с ней пришли люди из его прошлого. Он снова увидел волшебников, учивших его искусству колдовства. Он увидел свою странную мать, которую никогда не знал, и не менее странного отца. Он увидел жестоких друзей своего детства, от которых он понемногу отвращался после всех изощренных и жутких развлечений Мелнибонэ. Он увидел пещеры, тайные места острова Драконов, стройные башни и нарочито замысловатые дворцы его получеловеческого народа, чьи предки лишь отчасти принадлежали этому миру и воз-

никли как красивые чудовища, чтобы побеждать и властвовать. А потом ими овладела невыносимая усталость, которая теперь стала ему куда понятнее, и они пришли к упадку и погрузились в самосозерцание и мрачные фантазии. Он закричал, потому что перед его мысленным взором предстала Симорил — ее тело, бессильное, как и его собственное, а на нем, кривясь в жутком сладострастии, творил самые грязные мерзости Йиркун. И тогда он опять захотел жить, вернуться в Мелнибонэ, спасти ту, которую он любил так сильно, что и себе не мог признаться в силе своей страсти. Но это было не в его силах. Он знал (теперь его сознание прояснилось, и он видел через окно только темно-синее небо), что скоро умрет, и никто не сможет спасти ту, жениться на которой он поклялся когда-то.

К утру бред прошел, и Элрик понял, что от смерти его отделяют один-два часа. Он открыл затуманенные глаза, увидел столб света — теперь мягкий и золотой, не такой яркий и прямой, как вчера, а отраженный от сверкающих стен дворца, рядом с которым стояла его лачуга.

Внезапно почувствовав что-то холодное на своих потрескавшихся губах, он дернул головой и попытался дотянуться до своего меча, так как ему показалось, что к нему приставили клинок — возможно, с намерением перерезать ему горло.

— Буревестник...

Голос Элрика был едва слышен, а рука — так слаба, что он не смог поднять ее, не говоря уже о том, чтобы удержать шепчущий меч. Он закашлялся и тут понял, что ему в рот вливают какую-то влагу. Это была не та грязноватая дрянь, которую он купил на свой последний изумруд, а что-то свежее и чистое. Он пил, изо всех сил пытаясь разглядеть, что перед ним, и наконец увидел блеск серебра, золотистую мягкую руку, изысканную парчу, насмешливое лицо, незнакомое ему.

Он снова закашлялся. Эта жидкость не была обычной водой. Неужели мальчик нашел какого-нибудь доброхота-аптекаря? Питье по вкусу напоминало его собственное снадобье. Он глубоко и неровно вздохнул и с осторожным любопытством уставился на человека, который воскресил его — пусть и на короткое время. Его спаситель, ненадолго отсрочивший его

смерть, улыбался и двигался с изысканной элегантностью в своих тяжелых не по сезону одеждах.

— Доброе утро тебе, господин вор. Надеюсь, что не оскорбляю тебя этим именем. Полагаю, что ты из Надсокора, где с гордостью практикуют самые разные формы грабежа?

Элрик, осознавая уязвимость своего положения, предпочел не возражать. Принц-альбинос неторопливо кивнул. Кости его все еще болели.

Высокий, чисто выбритый человек заткнул сосуд пробкой.

— Этот мальчик, Анай, говорит, что у тебя есть меч на продажу?

— Возможно.— Будучи уверен, что его выздоровление теперь дело времени, Элрик продолжал действовать осмотрительно.— Хотя осмелюсь предположить, что большинство пожалело бы о таком приобретении...

— Но твой меч никак не свидетельствует о твоем основном занятии, да? Ты, я вижу, остался без своего жезла с крючком. Обменял его на воду, так я полагаю? — На лице незнакомца — выражение человека, знающего, о чем он говорит.

Элрик решил не возражать своему посетителю. Перед ним снова блеснул лучик надежды. Выпитая жидкость вернула ему живость мысли, а с ней и часть прежней силы.

— Да,— сказал он, оценивая своего гостя.— Возможно.

— Итак, что мы имеем? Ты расписываешься в собственной некомпетентности? Так работает компания «Похитители из Надсокора»? Ты куда как умнее, чем кажешься, да? — Последнее он произнес на том же диалекте, которым днем раньше воспользовался Анай.

И тут Элрик понял, что этот богатый кварцхасаатец сформировал свое мнение о его, Элрика, положении и способностях, и хотя это мнение никак не отвечало действительности, но вполне могло послужить его спасению, Элрик с еще большей осмотрительностью сказал:

— Ты хочешь купить мои услуги? Мое особое искусство? Мое и, возможно, моего меча?

Человек напустил на себя беззаботный вид.

— Скажем, так.— Но по всему было видно, что за этой своей беззаботностью он пытается скрыть нечто важное.— Меня

просили сообщить тебе, что над Бронзовым шатром скоро должна взойти Кровавая луна.

— Понимаю.— Элрик сделал вид, что на него эта бессмыслица произвела впечатление.— Значит, мы должны действовать быстро.

— Так считает мой хозяин. Эти слова мне ничего не говорят, но для тебя они имеют смысл. Мне было приказано предложить тебе второй глоток, если ты ответишь положительно. Держи.— Улыбка на его лице стала шире, и он протянул Элрику сосуд со снадобьем. Элрик сделал жадный глоток и почувствовал, что еще больше сил вернулось к нему. Боль в костях постепенно проходила.

— Твой хозяин хочет поручить мне кражу? Ему нужно похитить нечто такое, что не по силам кварцхасаатским ворам?

— Нет, господин, ты говоришь напрямик, и я пока не могу тебе верить.— Он взял сосуд из рук Элрика.— Меня зовут Раафи аз-Кееме, и я служу одному из великих людей этой империи. Если я не ошибаюсь, у него есть поручение для тебя. Мы здесь наслышаны об искусстве надсокорцев и уже некоторое время питаем надежду, что кто-нибудь из вашего народа забредет в наши края. Ты собирался украсть что-нибудь у нас? Этого еще никому не удавалось. Лучше уж укради *для* нас.

— Неплохой совет, я бы сказал.— Элрик приподнялся на своей кровати и спустил ноги на пол. Силы его под воздействием снадобья все прибывали.— Может быть, теперь ты расскажешь мне в общих чертах о поручении? — Он потянулся к сосуду, но Раафи аз-Кееме спрятал его в рукав.

— Не торопись,— сказал кварцхасаатец.— Сначала мы должны немного поговорить о твоем прошлом. Мальчик сказал, что ты крадешь кое-что получше драгоценностей — души? Верно?

Элрик почувствовал тревогу и подозрительно посмотрел на человека, сохранявшего на лице вежливое выражение.

— Некоторым образом...

— Хорошо. Мой хозяин желает воспользоваться твоими услугами. Если дело увенчается успехом, ты получишь целый кувшин этого эликсира. Тебе хватит, чтобы добраться до Молодых королевств или в любое место, куда пожелаешь.

— Ты предлагаешь мне жизнь, господин,— медленно сказал Элрик,— и за это я готов заплатить соответствующую цену.

— Я вижу в тебе купеческую жилку, господин. Я уверен, мы сможем заключить хорошую сделку. Ты пойдешь со мной сейчас, куда я скажу?

Улыбаясь, Элрик взял двумя руками Буревестник и перебросил свое тело через кровать. Он сел спиной к стене и источнику света. Положив меч себе на колени, он сделал шутливый жест рукой, изображая королевское гостеприимство.

— Возможно, мой дорогой господин Раафи аз-Кееме предпочтет здесь выслушать то, что могу предложить я?

Богато одетый кварцхасаатец решительно покачал головой.

— Нет-нет. Ты, несомненно, сжился с этой вонью и вонью своего тела, но поверь мне, она не очень-то приятна для тех, кто к ней не привык.

Элрик рассмеялся, соглашаясь со своим гостем. Он поднялся на ноги, пристегнул ножны к поясу и вложил в них шепчущий меч.

— Так что же, веди, мой господин. Должен признаться, мне любопытно выяснить, что же это за опасная миссия, которую не рискнул выполнить ни один из местных даже за то вознаграждение, которое может предложить один из знатнейших людей Кварцхасаата.

Про себя он уже заключил сделку: так легко расставаться с жизнью Элрик больше не собирался. Уж по меньшей мере, такого обязательства перед Симорил у него не было.

Глава вторая

ЖЕМЧУЖИНА В СЕРДЦЕ МИРА

В комнате, которую пронзали пыльные косые столбы мягкого солнечного света, проникавшего сквозь массивную решетку, вмонтированную в крышу дворца, именуемого Гошасиз (его мудреная архитектура была слегка подпорчена кое-чем более зловещим, чем время), господин Гхо Фхаази угощал своего гостя новыми дозами таинственного эликсира и блюдами,

которые в Кварцхасаате ценились не меньше роскошной меблировки.

Вымывшись и сменив одежду, Элрик почувствовал новый прилив энергии, темно-синие и темно-зеленые тона шелка подчеркивали белизну его кожи и длинных тонких волос. Рунный меч в ножнах был прислонен к резному подлокотнику его кресла, и Элрик был готов вытащить его и воспользоваться им, если эта аудиенция окажется хорошо продуманной ловушкой.

Господин Гхо Фхаази был причесан и одет по последней моде. Его черные волосы и борода были заплетены в колечки, длинные усы — заострены и нафабрены, густые брови, нависающие над бледно-зелеными глазами, выбелены, а кожа искусственным образом отбелена так, что напоминала кожу самого альбиноса. Губы были выкрашены в ярко-красный цвет. Он сидел за дальним концом стола, который был чуть наклонен к его гостю. Сидел он спиной к свету, так что напоминал судью на заседании суда.

Элрик почувствовал нарочитость этой обстановки, но она ничуть не обескуражила его. Господин Гхо выглядел довольно молодо — где-то на тридцать с небольшим,— и голос у него звучал приятно, разве что немного высоковато. Он в каком-то неловком приступе гостеприимства показывал пухленькими пальцами на стоявшие между ними блюда с фигами и финиками в листьях мяты, с саранчой в меду, подталкивал к Элрику серебряные рюмочки с эликсиром. Его движения выдавали, что он выполняет действия, которые обычно отводит своим слугам.

— Мой дорогой друг. Еще. Ешь еще.— Он не был уверен в Элрике, почти побаивался его, и альбиносу стало понятно, что дело, по которому он здесь находился, довольно срочное. Господин Гхо пока не сделал ему никаких предложений, и курьер, посланный им в хибарку, тоже ничего не сказал на сей счет.— Может быть, есть какое-то твое любимое блюдо, которого ты здесь не видишь?

Элрик поднес желтую салфетку к губам.

— Я тебе благодарен, господин Гхо. Я не ел так хорошо с того самого дня, когда оставил земли Молодых королевств.

— Вот оно что. Я слышал, что те края обильны едой.

— Обильны, как обилен алмазами Кварцхасаат. А ты не был в землях Молодых королевств?

— Нам, жителям Кварцхасаата, незачем путешествовать,— сказал господин Гхо с некоторым удивлением.— В чужих землях нет ничего такого, что мы могли бы себе пожелать.

Элрик подумал, что народ господина Гхо имеет немало общего с народом Мелнибонэ. Он протянул руку, чтобы взять еще одну фигу. Медленно пережевывая ее и наслаждаясь вкусом, он откровенно разглядывал господина Гхо.

— Но как же ты тогда узнал о Надсокоре?

— Сами мы не путешествуем, но путешественники, естественно, наведываются к нам. Некоторые из них с караванами направляются в Карлаак или другие места. Время от времени они привозят сюда рабов. Они рассказывают нам такие удивительные небылицы.— Он снисходительно рассмеялся.— Но в том, что они говорят, есть, несомненно, и доля истины. Вот хотя бы похитители снов. Если в других краях во всем, что касается их происхождения, они малоразговорчивы и уклончивы, то в Надсокоре, где рады ворам любого рода, им, наоборот, скрывать нечего. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сделать очевидный вывод...

— В особенности если владеешь лишь обрывками сведений о других землях и народах,— улыбнулся Элрик.

Господин Гхо не почувствовал сарказма в словах альбиноса, а может, просто не пожелал обратить на него внимания.

— Надсокор — твой родной город или ты прибился к нему? — спросил он.

— Скорее, он мой временный дом,— ответил Элрик.

— Ты немного похож на мелнибонийца, а их жадность и привела нас к нашему нынешнему положению,— сообщил ему господин Гхо.— Среди твоих предков не было никого из Мелнибонэ?

— Не было — на сей счет у меня нет сомнений.— Элрик спрашивал себя, почему господин Гхо не смог сделать очевидного вывода.— Вы по-прежнему ненавидите народ острова Драконов за то, что они сделали?

— Ты имеешь в виду их происки против нашей империи? Видимо, да. Но остров Драконов давно уже ушел под воду, став жертвой нашей колдовской мести, а вместе с ним и их жалкая империя. С какой стати мы будем переживать из-за народа, который был наказан за все, им содеянное, и бесславно канул в небытие?

— И в самом деле.— Элрик понял, что Кварцхасаат так настойчиво пытался забыть о своем поражении и оправдать свое бездействие, что в своих легендах похоронил целый народ. Поэтому-то он и не мог быть мелнибонийцем — ведь Мелнибонэ более не существовало. По крайней мере, на сей счет он мог не беспокоиться. Более того, этих людей настолько не интересовал остальной мир и его обитатели, что господин Гхо Фхаази больше не проявлял интереса к Элрику. Кварцхасаатец решил для себя, кто такой Элрик и откуда, и этим удовлетворился. Альбинос задумался о способности человеческого ума создавать фантазии, а потом с абсолютной уверенностью отстаивать их как реальность.

Теперь главное затруднение Элрика состояло в том, что он не очень-то хорошо разбирался в тонкостях профессии, которую ему приписывали, и не знал, что хочет поручить ему господин Гхо.

Кварцхасаатец опустил руки в сосуд с ароматизированной водой и ополоснул свою бороду, нарочито расплескав жидкость на геометрические фигуры мозаичного пола.

— Мой слуга сообщил мне, что ты узнал слова,— сказал он, вытираясь тонким полотенцем. И опять Элрику стало ясно, что обычно это делали за него рабы, но на сей раз он решил отобедать один на один с Элриком, чтобы их разговор никто не услышал.— Вообще-то слова пророчества немного другие. Они тебе известны?

— Нет,— не задумываясь, ответил Элрик. Он спрашивал себя, что будет, если господин Гхо поймет, что Элрик — самозванец.

— Когда Кровавая луна подожжет Бронзовый шатер, откроется путь к Жемчужине.

— Да,— сказал Элрик.— Именно так.

— А кочевники сообщают нам, что Кровавая луна взойдет над горами меньше чем через неделю. И будет светить над Водами Жемчужины.

— Правильно,— сказал Элрик.

— А это значит, что обязательно откроется и путь к Крепости.

Элрик серьезно кивнул, словно подтверждая слова Гхо.

— И человек вроде тебя, кто владеет потусторонним и непотусторонним знанием, кто может переходить из реальности в нереальность, который знает пути на границе яви и сна, способен прорваться сквозь защиту, победить стражников и украсть Жемчужину.— Господин Гхо говорил возбужденным голосом, в котором слышалось сладострастие и жадность.

— Это верно,— сказал император Мелнибонэ.

Господин Гхо принял сдержанность Элрика за рассудительность.

— Так ты украдешь для меня Жемчужину, господин вор?

Элрик подумал, прежде чем ответить.

— Я думаю, такая кража сопряжена с немалой опасностью.

— Конечно. Конечно. Наш народ убежден, что только один из ваших может проникнуть в Крепость, я уж не говорю о том, чтобы добраться до Жемчужины.

— А где находится Крепость Жемчужины?

— Я полагаю, в Сердце Мира.

Элрик нахмурился.

— Да и сама эта драгоценность,— нетерпеливо сказал господин Гхо,— известна под названием Жемчужина в Сердце Мира, разве нет?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать,— ответил Элрик, противясь желанию поскрести затылок. Вместо этого он выпил еще одну порцию замечательного эликсира, хотя его все больше беспокоили как речи господина Гхо, так и тот факт, что светлая жидкость столь привлекала его.— Но наверняка есть и какие-то другие подробности...

— Я полагал, что такие вещи входят в круг твоей компетенции, господин вор. Естественно, ты должен направиться к оазису Серебряного Цветка. В это время кочевники устраи-

вают свое очередное сборище. Некоторое значение, без всяких сомнений, имеет и Кровавая луна. Скорее всего, от оазиса Серебряного Цветка тебе и откроется путь. Об оазисе этом тебе, конечно, известно.

— К сожалению, у меня нет карты,— чуть запнувшись, ответил Элрик.

— Карта тебе будет предоставлена. Ты когда-нибудь ходил Красной дорогой?

— Я уже говорил, что в вашей империи я оказался впервые, господин Гхо.

— Но в вашей истории и географии должны быть сведения о нас!

— К сожалению, мы народ невежественный, мой господин. Мы в Молодых королевствах все еще пребываем под чарами коварного Мелнибонэ, а потому не имели возможности воспользоваться благами просвещения.

Господин Гхо поднял свои ненатуральные брови.

— Да,— сказал он.— Так оно и должно быть. Ну что ж, господин вор, мы дадим тебе карту. Но найти Красную дорогу не составляет труда — она ведет из Кварцхасаата в оазис Серебряного Цветка, а за ним лежат только горы, которые кочевники называют Зубчатыми Столбами. Тебя они интересовать не должны, разве что через них пролегает дорога к Жемчужине. Это тайная дорога, и ее нет на обычных картах — в этом ты убедишься. По крайней мере, ее нет на наших картах. А наши библиотеки самые хорошие в мире.

Элрик настолько исполнился решимости извлечь максимум из представившейся ему передышки, что был готов и дальше продолжать эту комедию, пока он не уберется из Кварцхасаата и не направит свои стопы в сторону Молодых королевств.

— И я надеюсь, ты предоставишь мне коня?

— Наилучшего. А жезл с крючком тебе не понадобится? Или это просто отличительный знак твоей профессии?

— Я найду себе другой.

Господин Гхо запустил руку в свою необычную бороду.

— Как скажешь, господин вор.

Элрик решил переменить тему.

— Но ты ничего не сказал о том, какова будет оплата за мои услуги.— Он осушил свой кубок, и господин Гхо неумелой рукой снова наполнил его.

— Что вы обычно просите за свои услуги? — спросил кварцхасаатец.

— Дело-то уж больно непривычное.— Ситуация продолжала забавлять Элрика.— Ты ведь понимаешь, что лишь очень немногие смогли достичь моего уровня мастерства или моего положения, а уж в Кварцхасаате из них могли оказаться вообще единицы...

— Если ты принесешь мне эту Жемчужину, господин вор, то получишь богатство, каким в Молодых королевствах владеют лишь самые влиятельные люди. Я предоставлю тебе все, чем только владеет благородный кварцхасаатец,— одежду, драгоценности, дворец, рабов. А если ты пожелаешь продолжить свои странствия, то получишь караван, на который сможешь купить целый народ в Молодых королевствах. Ты сможешь стать там князем, а то и королем.

— Неплохая перспектива,— иронически сказал альбинос.

— Добавь к этому то, что ты уже получил, и ты должен будешь признать, что вознаграждение очень неплохое.

— Да, очень щедрое.— Элрик нахмурился, обводя взглядом зал с его драпировками, богатой отделкой, мозаикой из драгоценных камней, его изящно выделанными карнизами и колоннами. Он намеревался поторговаться еще, поскольку полагал, что именно этого от него и ждут.

— Но если бы я имел представление о том, что эта Жемчужина значит для тебя, господин Гхо, и что ты сможешь купить на нее здесь, то, признай, цена, которую ты предлагаешь, могла бы показаться и не такой уж высокой.

Теперь ненадолго задумался господин Гхо Фхаази.

— На эту Жемчужину я смогу купить во дворце Совета Шести место, которое скоро освободится. Безымянная Седьмая оценила место в эту Жемчужину. Вот почему я должен заполучить ее как можно скорее. Я уже обещал. Ты об этом догадался. У меня есть конкуренты, но Жемчужину никто не сможет предложить.

— А конкуренты знают о твоем обещании?

— Слухи об этом, конечно, ходят. Но я бы попросил тебя помалкивать о задании, которое ты от меня получил...

— И ты не боишься, что кто-нибудь другой в городе даст мне лучшую цену?

— О да, найдутся такие, кто предложит тебе больше, если у тебя хватит корысти и ты обманешь меня. Но они не смогут предложить тебе того, что предлагаю я, господин вор.— И рот господина Гхо Фхаази расплылся в жуткой ухмылке.

— Это почему? — Элрик вдруг почувствовал, что оказался в ловушке, и инстинктивно потянулся к Буревестнику.

— У них нет этого.

Господин Гхо пододвинул альбиносу сосуд с напитком, и Элрик с удивлением увидел, что осушил уже целых два. Он наполнил свой кубок и принялся неторопливо пить. Он прозревал истину и боялся ее.

«Что может по редкости сравниться с Жемчужиной?» Альбинос отставил в сторону кубок. Он понял, что нашел ответ.

Господин Гхо внимательно смотрел на него.

— Я думаю, ты понимаешь.— Господин Гхо снова улыбнулся.

— Да.— Элрик почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри — страх потряс его, и к этому страху примешивался гнев.

— Я полагаю, эликсир...

— Ну, приготовить его довольно просто. Это, конечно же, яд — снадобье, которое пожирает того, кто его пьет, давая только видимость жизненной силы. Когда в человеке не останется никакой пищи для этого снадобья, наступит смерть, что всегда неприятно. Ах, в каких развалин превращало это снадобье мужчин и женщин, которые всего несколькими днями ранее полагали, что у них хватит сил властвовать над миром! — Господин Гхо начал смеяться, маленькие колечки плясали на его лице и голове.— Но и умирая, они просили еще и еще того самого зелья, которое убило их. Разве в этом нет насмешки судьбы, господин вор? Ты спрашиваешь, что так же ценно, как и Жемчужина? Ну, теперь тебе должен быть понятен ответ. Жизнь — разве нет?

— Значит, я умираю. Зачем же я тогда стану служить тебе?

— Потому что у этого зелья, конечно же, есть противоядие. Оно пополняет запасы того, чем питается зелье. Это противоядие не вызывает привыкания у того, кто им пользуется, оно лишь возвращает ему прежние силы — причем всего за несколько дней. К тому же оно вытесняет потребность в яде. Так что, господин вор, мое предложение было отнюдь не пустой болтовней. Я могу дать тебе достаточно эликсира, чтобы ты смог завершить свою миссию, а если ты вернешься сюда вовремя, то получишь противоядие. Так что тебе есть ради чего стараться.

Элрик выпрямился в кресле и положил ладонь на рукоятку Черного Меча.

— Я уже говорил твоему посланнику, что моя жизнь имеет для меня ограниченную цену. Для меня есть вещи и подороже.

— Я это понял,— сказал господин Гхо Фхаази с жестокой радостью в голосе.— И я уважаю твои принципы, господин вор. Ты ясно их изложил. Но ты не должен забывать и о другой жизни, разве нет? О жизни своего сообщника.

— У меня нет сообщников, господин.

— Неужели? Неужели у тебя нет сообщников? Идем-ка со мной.

Элрик, хотя и не доверял кварцхасаатцу, все же последовал за ним, когда тот надменно направился к огромному искривленному проходу в конце зала. На его поясе снова ворчал и шевелился, как недоверчивый пес, Буревестник.

Коридоры дворца, выстланные зеленым, коричневым и желтым мрамором (что создавало ощущение лесной прохлады) и пахнущие самыми изысканными цветами, вели их мимо комнат слуг, клеток со зверями, аквариумов с рыбами и рептилиями, мимо гарема и оружейной палаты. Наконец они подошли к деревянной двери, охраняемой двумя воинами в совершенно не подходящих для боя вычурных доспехах Кварцхасаата. Их бороды были умаслены и уложены в немыслимо гротесковые формы. При приближении господина Гхо они взяли на караул, пристукнув своими украшенными гравировкой алебардами.

— Откройте дверь,— приказал Гхо.

Один из воинов вытащил из-под нагрудника массивный ключ и вставил его в замок. Дверь открылась, и за ней оказался уютный дворик с неработающим фонтаном, маленькой крытой аркадой и несколькими жилыми помещениями в дальнем конце.

— Где ты? Где ты, малыш? Покажись! А ну-ка, быстро! — Господин Гхо проявлял нетерпение.

Раздался металлический звон, и из дверей появилась фигура. В одной руке она держала фрукт, в другой — концы двух цепей; передвигалась фигура с трудом, потому что звенья были прикреплены к металлической ленте, закрепленной у нее на поясе.

— Ах, господин,— сказала фигура Элрику,— мне от тебя не польза, а сплошные убытки.

Элрик улыбнулся мрачной улыбкой.

— А может, ты это заслужил? — Он теперь не скрывал гнева.— Это не я заточил тебя, Анай. Я думаю, на самом деле ты сам сделал такой выбор. Ты попытался заключить сделку с силой, которая не соблюдает приличий.

Господина Гхо это ничуть не тронуло.

— Он обратился к слуге Раафи аз-Кееме,— сказал он, не без интереса глядя на мальчика,— и предложил твои услуги. Он сообщил, что действует как твой агент.

— Так оно и было,— согласился Элрик. Теперь в его улыбке читалось сочувствие к Анаю, на долю которого выпали такие неприятности.— Но ведь это никак не противоречит вашим законам?

— Конечно нет. Он продемонстрировал необыкновенную предприимчивость.

— Зачем же ты тогда держишь его здесь?

— Это вопрос целесообразности. Ты это понимаешь, господин вор.

— При других обстоятельствах я бы решил, что это небольшая подлость,— осторожно сказал Элрик.— Но я знаю, что ты, господин Гхо, человек благородный. Ты не будешь удерживать мальчика только для того, чтобы влиять на меня. Это ниже твоего достоинства.

— Я надеюсь, что я человек благородный, мой господин. Но в нынешние времена не все благородные люди города считают себя связанными старым кодексом чести. Тем более когда ставки так высоки. Ты это понимаешь, хотя сам ты и не благородных кровей. Или, может быть, все же благородных?

— В Надсокоре меня считают таким,— тихо сказал Элрик.

— Да, конечно же. В Надсокоре.— Господин Гхо указал на Аная, который неуверенно улыбался, переводя взгляд с одного на другого и не вникая в суть разговора.— И я не сомневаюсь, что в Надсокоре, если в этом есть необходимость, непременно берут заложника.

— Но это несправедливо, мой господин.— Голос Элрика дрожал от гнева, и ему приходилось сдерживаться, потому что его правая рука сама тянулась к Черному Мечу на левом бедре.— Если я погибну на пути к цели, то мальчик умрет, как если бы я попытался бежать.

— Да, это так, мой дорогой вор. Но, видишь ли, я надеюсь, что ты вернешься. Если же нет... что ж, мальчик будет полезен мне, мертвый или живой.

Анай больше не улыбался. В его глазах читался ужас.

— О, добрые господа!

— Но с него и волосок не упадет.— Господин Гхо положил холодную напудренную руку на плечо Элрика.— Потому что ты вернешься с Жемчужиной, что находится в Сердце Мира. Разве не так?

Элрик глубоко вдыхал воздух, пытаясь сдержать свой гнев. Он почувствовал, как в его сердце возникла некая потребность, которую он не смог сразу опознать. Была ли это жажда крови? Хотел ли он вытащить из ножен Черный Меч и выпустить душу из этого подлого интригана?

Он заговорил ровным голосом:

— Мой господин, если ты отпустишь мальчика, я уверяю тебя, что приложу все усилия... Я клянусь...

— Мой добрый вор, в Кварцхасаате полно мужчин и женщин, которые готовы дать самые страшные клятвы и делают это, я уверен, вполне искренно. Они будут давать какие угодно клятвы, будут клясться всем, что для них свято. Но изменись обстоятельства, и они забудут о своих обещаниях. И я

считаю полезным иметь некоторый залог, чтобы напоминать им об их обязательствах. Ты же понимаешь, насколько высоки ставки. Сказать по правде, выше не бывает. Место в Совете.

Последнее предложение он произнес подчеркнуто без малейшей иронии. Господин Гхо Фхаази не видел ничего в жизни важнее этого.

Логика этого человека вызывала у Элрика отвращение, а провинциализм господина Гхо — презрение. Элрик повернулся спиной к господину Гхо. Он обратился к мальчишке:

— Как видишь, Анай, неудачи преследуют тех, кто связывается со мной. Я тебя об этом предупреждал. И тем не менее я сделаю все, чтобы вернуться и спасти тебя.— Следующее предложение он произнес на воровском жаргоне: — А ты не доверяй этому грязному типу и, если удастся, беги при первой возможности.

— Здесь запрещается говорить на языке улицы! — воскликнул, внезапно встревожившись, господин Гхо.— Или вы оба немедленно умрете! — Он, в отличие от своего посланника, явно не понимал этого языка.

— Я тебе не советую угрожать мне, господин Гхо.— Элрик положил ладонь на рукоять своего меча.

Кварцхасаатец рассмеялся.

— Что? Ах, какая воинственность! Неужели ты не понимаешь, что эликсир, который ты пьешь, уже убивает тебя? У тебя осталось всего три недели — а потом без противоядия ты погибнешь. Разве ты не чувствуешь, как тебя уже снедает эта жажда? Если бы этот эликсир был безвреден, то мы бы все пили его и стали богами!

Элрик не был уверен — то ли его разум, то ли тело ощутили боль. Он понял, что, как ни сильно его желание убить кварцхасаатца, но потребность в снадобье сильнее. Даже на волосок от смерти, когда его собственные снадобья кончились, он не желал ничего с такой страстью. Все его тело дрожало, но он, как мог, пытался овладеть собой. В голосе его слышался лед.

— Это уже не небольшая подлость, господин Гхо. Поздравляю тебя. Ты человек самого жестокого и омерзительного коварства. Неужели все, кто служит в Совете, такие же негодяи?

Господин Гхо развеселился еще больше.

— Это недостойно тебя, господин вор. Я всего лишь пытаюсь временно приобщить тебя к моим интересам.— Он снова хмыкнул.— Я лишь обеспечиваю, чтобы на этот промежуток времени твои интересы стали моими. Что в этом такого плохого? Я считаю неподобающим для профессионального мошенника оскорблять благородного кварцхасаатца только за то, что он умеет хорошо провернуть сделку.

Ненависть к этому человеку, выросшая из первоначальной антипатии, грозила поглотить Элрика. Но теперь он немного успокоился, сумев овладеть своими эмоциями.

— Значит, ты хочешь сказать, что я твой раб, господин Гхо?

— Если тебе угодно. По крайней мере, пока ты не принесешь мне Жемчужину из Сердца Мира.

— А если я принесу тебе эту Жемчужину, то могу ли я быть уверенным, что ты дашь мне противоядие?

Господин Гхо пожал плечами.

— Ну, это уж ты сам решай. Ты умный человек, хотя и иностранец, и если ты дожил до сего дня, то благодаря своему уму, я в этом уверен. Однако не заблуждайся. Это снадобье готовится только для меня, и больше ты ни у кого не найдешь такого рецепта. Так что лучше держись условий, о которых мы договорились, господин вор, и ты уедешь отсюда богачом, в целости и сохранности, вместе со своим маленьким другом.

Настроение Элрика снова изменилось в сторону мрачного юмора. Теперь, когда силы вернулись к нему, пусть и искусственным образом, он мог причинить немало вреда господину Гхо да и всему городу. Буревестник, словно читая его мысли, шевельнулся у его бедра, и господин Гхо скользнул встревоженным взглядом по длинному рунному клинку.

Но Элрик не хотел умирать, не желал он и смерти Анаю. Он решил выждать, сделать вид, что он и в самом деле служит господину Гхо и его амбициям, а тем временем узнать, если возможно, побольше о природе этого снадобья, которого он так жаждал. Может быть, этот эликсир и не убивает вовсе. Может быть, это снадобье широко распространено в Кварцхасаате, и противоядие имеется у многих горожан. Но друзей у не-

го здесь, кроме Аная, не было, и даже конкуренты господина Гхо не были готовы помочь ему против общего врага.

— А что, если мне безразлична судьба мальчика? — сказал Элрик.

— Ну, я думаю, я неплохо узнал твой характер, господин вор. Ты похож на кочевников. А кочевники похожи на людей из Молодых королевств. Они неестественно высоко ценят жизни тех, с кем связаны. И питают слабость к сентиментальной привязанности.

Элрик не мог не почувствовать иронию ситуации — ведь мелнибонийцы тоже считали себя выше таких чувств, и он был одним из немногих, кого волновала судьба не только членов своей семьи. По этой-то причине он и находился сейчас здесь. Элрик подумал, что судьба преподает ему странный урок. Он вздохнул. Он надеялся выйти из этого приключения живым.

— Если с мальчиком что-нибудь случится за время моего отсутствия, господин Гхо,— хоть что-нибудь — твоя судьба будет в тысячу раз хуже, чем та, что ты задумал для него. Или для меня! — Он смерил кварцхасаатца ненавидящим взглядом. Его глаза пылали адским огнем.

Господин Гхо вздрогнул, а потом улыбнулся, пряча свой страх.

— Нет, нет, нет! — Он нахмурил брови.— Ты не смеешь мне грозить! Я тебе объяснил условия. Я не привык к такому обращению, господин вор, я тебя предупреждаю.

Элрик рассмеялся, но огонь в его глазах не погас.

— Я тебя приучу ко всему, к чему ты приучил других людей, господин Гхо. Что бы ни случилось. Ты меня понял? С этого мальчика и волосок не должен упасть!

— Я тебе уже сказал...

— А я тебя предупредил.— Веки Элрика закрыли его страшные глаза, словно он закрыл дверь в царство Хаоса, но господин Гхо все же осмотрительно отступил назад. Голос Элрика напоминал холодную сталь.— Всеми своими силами я обрушусь на тебя. Ничто не сможет остановить этой мести. Ни твое богатство. Ни сама смерть.

Когда господин Гхо попытался улыбнуться на этот раз, у него ничего не получилось.

Анай внезапно ухмыльнулся, как тот счастливый ребенок, каким он был до всех этих событий. Он явно поверил словам Элрика.

Альбинос двинулся на господина Гхо, как голодный тигр, но потом словно споткнулся и резко вдохнул воздух. Эликсир явно терял свою силу или требовал от него большего — этого Элрик не мог сказать. Ничего подобного он прежде не чувствовал. Он жаждал еще порции. В груди и животе у него начались боли, словно крысы грызли его изнутри.

И тогда господин Гхо заговорил по-прежнему:

— Откажись служить мне, и твоя смерть неизбежна. Я бы посоветовал тебе быть повежливее, господин вор.

Элрик собрался с силами и ответил с достоинством:

— Я хочу, чтобы ты знал, господин Гхо Фхаази: если ты не выполнишь хоть одно из условий нашей сделки, я сдержу клятву и принесу такие несчастья тебе и твоему городу, что ты проклянешь тот день, когда услышал мое имя. А узнаешь ты, кто я такой, господин Гхо Фхаази, лишь перед своей смертью, когда с тобой будет подыхать весь твой город, это обиталище ублюдков.

Кварцхасаатец хотел было ответить что-то, но проглотил слова и лишь сказал:

— У тебя есть три недели.

Собрав остатки сил, Элрик вытащил Буревестник из ножен. Черный металл пульсировал, черный свет струился из него, руны, начертанные на металле, корчились и плясали, и по двору разнеслась жуткая песня предвкушения, а ее отголоски дошли до старых башен и минаретов Кварцхасаата.

— Этот меч пьет души, господин Гхо. Он может выпить сейчас твою, и это придаст мне больше сил, чем любое снадобье. Но сейчас у тебя есть надо мной небольшое преимущество. Я принимаю условия твоей сделки. Но если ты солжешь...

— Я никогда не лгу! — Господин Гхо укрылся за неработающим фонтаном.— Нет, господин вор, я никогда не лгу! Ты должен делать, что я говорю. Принеси мне Жемчужину из Сердца Мира, и я дам тебе все те богатства, что обещал, вместе с твоей жизнью и жизнью этого мальчика!

Черный Меч зарычал, явно требуя душу кварцхасаатца здесь и сейчас.

Анай с воплем скрылся в маленькой комнатке.

— Я отправлюсь утром.— Элрик неохотно вложил меч в ножны.— Ты скажешь мне, какими воротами города я должен воспользоваться, чтобы выйти на Красную дорогу, к оазису Серебряного Цветка. И мне нужен твой честный совет — как наилучшим образом дозировать этот отравленный эликсир.

— Идем.— В голосе господина Гхо слышалась торопливая услужливость.— В зале есть еще. Он ждет тебя. Я вовсе не желаю испортить нашу встречу невоспитанностью.

Элрик облизнул губы, которые все сильнее ощущали неприятную сухость. Он помедлил и взглянул на дверной проем, в котором виднелось лицо мальчика.

— Идем, господин вор.— Господин Гхо снова коснулся пальцами руки Элрика.— В зале. Там есть эликсир. Ты его жаждешь, правда?

Так оно и было, но Элрик позволил своей ненависти пересилить жажду. Он позвал:

— Анай! Юный Анай!

Мальчик выглянул во двор.

— Да, господин.

— Я тебе клянусь, что по моей вине ничего плохого с тобой не случится. И этот грязный ублюдок теперь понял, что если он каким-то образом повредит тебе, пока меня не будет, он умрет в самых страшных муках. Но ты, мальчик, должен все же помнить то, что я тебе сказал, потому что я не знаю, чем закончится это приключение.— И Элрик добавил на жаргоне: — Может быть, моей смертью.

— Я тебя понял,— сказал Анай на том же языке.— Но я тебя прошу не умирать. Я в этом кровно заинтересован.

— Хватит! — Господин Гхо прошествовал по двору, давая знак Элрику следовать за ним.— Идем. Я дам тебе все, что нужно, чтобы найти Крепость Жемчужины.

— А я буду тебе признателен, если ты не позволишь мне умереть. Я буду самым благодарным мальчиком, господин,— сказал Анай, и дверь закрылась.

Глава третья

НА КРАСНОЙ ДОРОГЕ

И вот на следующее утро Элрик из Мелнибонэ оставил древний Кварцхасаат, не зная, чего он ищет и где это найти. Ему было известно только, что по Красной дороге он должен добраться до оазиса Серебряного Цветка и найти там Бронзовый шатер, где он узнает как добраться до Жемчужины в Сердце Мира. А если его таинственные поиски закончатся ничем, то по меньшей мере ему придется проститься с жизнью.

Никаких дополнительных уточнений господин Гхо Фхаази ему не предоставил, и Элрик понимал, что амбициозный политик сказал ему все, что знает.

«Когда Кровавая луна подожжет Бронзовый шатер, откроется путь к Жемчужине».

Не зная кварцхасаатских легенд или истории и почти не ориентируясь в географии этой страны, Элрик решил следовать карте, которую дал ему господин Гхо. Это было довольно просто. На ней была изображена дорога протяженностью не менее ста миль между Кварцхасаатом и оазисом со странным именем. За оазисом располагались Зубчатые Столбы — цепь невысоких гор. Бронзовый шатер на карте отсутствовал, о Жемчужине никаких сведений тоже не было.

Господин Гхо считал, что кочевники осведомлены лучше, но не мог гарантировать, что они пожелают говорить с Элриком. Он надеялся, что, поняв, кто он такой, и получив немного золота, которым снабдил его господин Гхо для их ублажения, они проникнутся расположением к нему. Однако на самом деле он ничего не знал ни о внутренних районах пустыни, ни о народе, ее населяющем. Ему было известно только, что господин Гхо презирал кочевников, считал их недоразвитыми и возражал против допуска их в город для торговли. Элрик рассчитывал, что кочевники воспитаны лучше, чем те, кто продолжал считать весь этот континент своим.

Красная дорога оправдывала свое название — темная, как высушенная кровь, она прорезала пустыню. Ее высокие обочины наводили на мысль, что когда-то в этих берегах текла ре-

ка, по сторонам которой первоначально и был построен Кварцхасаат. Через каждые несколько миль берега опускались, и во все стороны открывалась огромная пустыня — океан гонимых ветром волнующихся дюн, чей голос был здесь едва слышен, но все же напоминал вздохи какого-нибудь заточенного любовника.

Солнце медленно поднялось на яркое сине-фиолетовое небо, похожее на театральную декорацию, и Элрик мысленно поблагодарил Раафи аз-Кееме, который предоставил ему одежду, какую носили местные: белый капюшон, свободная белая куртка и штаны, белая полотняная обувка до колен и подобие забрала для защиты глаз. Его конь, мощное, но стройное животное, выносливое и способное развивать большую скорость, тоже был закутан в полотно, защищавшее его от солнца и песка, что все время поднимался ветром над пустыней. На Красной дороге явно были видны следы проводившихся здесь работ по очистке ее от песка, который сгребали к высоким берегам, отчего те все больше напоминали стены.

Ненависть Элрика к господину Гхо и его неприятие сложившейся ситуации ничуть не уменьшились. Не утратил он и своей решимости остаться живым, спасти Аная, вернуться в Мелнибонэ и воссоединиться с Симорил. Эликсир господина Гхо, как тот и говорил, вызывал привыкание, и у Элрика в седельных мешках были два больших сосуда с этим снадобьем. Теперь Элрик верил, что этот эликсир и в самом деле убьет его и противоядие есть только у господина Гхо. Эта вера усиливала его решимость отомстить кварцхасаатцу, как только представится такая возможность.

Казалось, что у Красной дороги не будет конца. Небеса подрагивали от жары, по мере того как солнце забиралось все выше. И Элрик, который вообще-то не одобрял пустых сожалений, вдруг поймал себя на том, что клянет себя в собственной глупости — не нужно было ему покупать эту карту у моряка-илмиорца и отправляться в пустыню, совсем к этому не подготовившись.

— Звать на помощь богов сейчас было бы глупо,— сказал он вслух, обращаясь к пустыне.— Боюсь, что их помощь будет мне нужнее, когда я доберусь до Крепости Жемчужины.

Он знал, что его чувство отвращения к самому себе не только стало причиной многих его глупостей, но и до сих пор определяет его действия. Без этого чувства в голове у него было бы яснее и он вернее смог бы предугадать коварные замыслы господина Гхо.

Он даже сейчас не был уверен в собственном чутье. В последний час он чувствовал, что за ним наблюдают, но на Красной дороге никого не было видно. Он несколько раз резко оглядывался или поворачивал коня, чтобы проскакать несколько ярдов назад. Но на дороге, кроме него, никого не было, как и в начале его путешествия.

— Может быть, этот проклятый эликсир воздействует на мои чувства? — произнес он, потрепав пыльную холку своего коня.

В этом месте высокие стены дороги опустились, став похожими на небольшую насыпь по обеим сторонам. Он натянул поводья, потому что ему привиделось движение, не похожее на течение сыпучего песка. Множество маленьких, похожих на обезьянок фигурок на длинных ногах бежало по пустыне Он вглядывался в них изо всех сил, но они вскоре исчезли. Появились другие, более крупные существа Эти двигались медленнее и каким-то удивительным манером — они, казалось, ползли по поверхности песка, а над ними клубилось какое-то темное облако, смещавшееся вместе с ними по пустыне.

Так Элрик понял, что по крайней мере эта часть Вздыхающей пустыни только кажется безжизненной. Он надеялся, что замеченные им существа не питаются ему подобными

И снова у него возникло ощущение чьего-то присутствия сзади, и, резко повернувшись, он вроде бы увидел, как мелькнуло что-то желтое, может, плащ, но тут же исчезло за поворотом дороги. У него возникло искушение остановиться, отдохнуть часок-другой, а потом отправиться дальше, но ему нужно было как можно скорее добраться до оазиса Серебряного Цветка. У него было слишком мало времени, чтобы добыть Жемчужину и успеть вернуться с нею в Кварцхасаат.

Он потянул носом воздух Ветерок принес новый запах. Ощущение было такое, будто где-то жгут кухонные отходы, таким резким и пряным был этот запах. Он вгляделся и уви-

дел невдалеке слабый дымок. Неужели кочевники подходят так близко к Кварцхасаату? Он считал, что они держатся не ближе чем миль за сто или больше от города, если только у них нет каких-нибудь особых причин. А если у них здесь лагерь, то почему они не расположились ближе к дороге? О грабителях ему ничего не говорили, поэтому он не опасался нападения. Он продолжил путь, но любопытство снедало его.

Стены снова поднялись и перекрыли ему обзор, но запах дыма стал сильнее, потом еще сильнее и скоро сделался невыносимым. Он почувствовал, что вонь забивает ему легкие. Глаза у него начали слезиться. Запах был отвратительный, словно сжигали истлевшие тела.

Стены опять понизились, и наконец он снова смог увидеть пустыню за ними. Приблизительно в миле от себя, насколько он мог судить, он увидел около двадцати струек дыма. Теперь они были темнее, а над ними плясали и крутились другие облачка. Он начал подозревать, что наткнулся на племя, которое и в пути, на своих фургонах, не гасило кухонных огней. Но ему трудно было представить, какие фургоны могут передвигаться по такому песку. И опять он спросил себя, почему они не двигаются по Красной дороге.

Хотя у него и возникло желание выяснить, что же там происходит, он знал — съезжать с дороги было бы большой глупостью. Он может снова заблудиться и оказаться в ситуации еще похуже той, в которой оказался, когда его нашел Анай в другом конце Кварцхасаата.

Он собрался было спешиться и дать отдохнуть голове и глазам, как вдруг ближайшая к нему стена стала двигаться и трястись, в ней появились крупные трещины. Жуткий запах горения теперь был еще ближе, и Элрик кашлем прочистил горло от этой вони. Но тут его конь заупрямился, перестал слушаться поводьев и остановился.

Внезапно на дорогу перед ним высыпала стайка каких-то существ, появившихся из только что образовавшихся нор в стенах. Их-то он и принял раньше за маленьких людей. Теперь он понял, что это какие-то крысы, передвигающиеся на длинных задних ногах. Передние ноги у них были короткими, и они прижимали их к груди. У них были удлиненные серые

морды и полные маленьких острых зубов рты. Огромные уши делали их похожими на каких-то летающих существ, пытающихся оторваться от земли.

Раздался страшный грохот и треск. Черный дым ослепил Элрика, и его конь встал на дыбы. Он увидел, как из разорванного берега возникает какая-то фигура — массивное, телесного цвета существо на дюжине ног. Оно, клацая клыками, бросилось на крыс, которые, видимо, служили ему пищей. Элрик перестал понукать коня и оглянулся, чтобы получше разглядеть существо, которое, как он полагал раньше, могло существовать только в древние времена. Он читал о них, но думал, что все они давно вымерли. Они назывались огненными жуками. По какой-то причуде природы эти гигантские жуки своими тяжелыми панцирями выделяли маслянистое вещество, загоравшееся под воздействием солнца у них на спинах, и иногда на прочных панцирях одновременно горело по двадцать огоньков, которые гасли, лишь когда жук в период размножения закапывался глубоко под землю. Именно эти дымки он и видел вдалеке.

Огненные жуки вышли на охоту.

Теперь они двигались с сумасшедшей скоростью. Не менее дюжины гигантских насекомых выскочили на дорогу, и Элрик с ужасом понял, что он со своим конем сейчас окажется в кольце, которым жуки охватывают людей-крыс. Он знал, что в пылу охоты жуки не разбирают, кто попадает в их лапы, и его совершенно случайно может сожрать тварь, которая в обычное время для представителей его племени не опасна.

Конь продолжал вставать на дыбы и ржать, и опустился на все четыре ноги, только когда Элрик сумел совладать с ним. Элрик вытащил меч, сожалея о том, что даже эта волшебная сталь будет бесполезна против розовато-серых панцирей, фонтанировавших огнем. Буревестник почти не заряжался энергией от таких тварей. Элрик мог только надеяться на удачный удар, который позволит ему раскроить панцирь одной из них и вырваться из кольца, прежде чем оно сомкнется окончательно.

Он рубанул своим боевым мечом и отсек раскачивающийся усик одного из насекомых. Жук даже внимания на это не

обратил — он продолжал нестись с прежней скоростью. Элрик издал боевой клич, рубанул мечом еще раз и высек огонь. Горячее масло хлынуло в воздух, когда он попал по спине жука, снова не причинив ему заметного вреда. Ржание коня и свист меча слились в один звук. Элрик слышал и собственные крики, когда он в поисках пути к отступлению поворачивал коня то в одну, то в другую сторону и повсюду под ногами видел людей-крыс, которые в ужасе сбились в кучу, не в состоянии зарыться в утоптанный песок дороги. Руки и ноги Элрика, полотно, укрывавшее его коня до самых колен, были забрызганы кровью. На материи светились маленькие огненные точки, прожигая в ней дыры. В кольце нигде не было щели, куда мог бы проскочить всадник.

Элрик решил направить коня по спинам огромных насекомых, хотя панцири на вид и казались скользкими. Но другого выхода не было. Он уже хотел подстегнуть коня, когда услышал в воздухе вокруг характерное жужжание и увидел, что все пространство заполнилось мухами. Он понял, что это мухи-падальщицы, которые всегда следуют за огненными жуками, питаясь остатками трапезы этих огромных насекомых. Теперь мухи начали садиться на него и его коня, усиливая ужас Элрика. Он принялся размахивать руками, отбиваться от них, но они образовали на его одежде плотную чешую, покрыв ею всего Элрика без остатка. От мушиного жужжания тошнило, оно оглушало, а их тела почти ослепили его.

Конь снова заржал и споткнулся. Элрик напрягал глаза, вглядываясь вперед. Одних только мух и дыма было достаточно, чтобы покончить с ним и конем. Мухи набились ему в рот и ноздри. Он плотно закрыл рот, пытаясь стряхнуть с себя этих тварей, выплевывал их на дорогу, туда, где визжали, умирая, маленькие люди-крысы.

Он услышал еще какой-то слабый звук, и мухи вдруг стали подниматься с него. Слезящимися глазами он увидел, что жуки начали все разом двигаться в одну сторону, разомкнув кольцо и образовав открытое пространство, куда он мог направить коня. Он, не раздумывая, пришпорил своего скакуна, развернув его к образовавшемуся разрыву, еще не будучи уверен, что ему удалось вырваться. Возможно, думал Элрик, он сейчас просто окажется в более широком кругу огненных жуков, потому что шума и дыма ничуть не убавилось.

Выплюнув еще несколько мух изо рта, он поправил забрало и посмотрел вперед. Жуков там не было, хотя он все еще слышал их сзади. В пыли и дыму возникли новые очертания.

Это были всадники. Они двигались по обе стороны Красной дороги и отгоняли жуков длинными пиками, подсовывая их под панцири. Там, где меч Элрика оказался бесполезен, они действовали как погонщики скота, не причиняя этим тварям никакого вреда, но в то же время заставляя их двигаться. На всадниках были свободные желтые одеяния, раздуваемые на скаку наподобие крыльев. Всадники настойчиво выгоняли огненных жуков с дороги в пустыню, а оставшиеся в живых люди-крысы, возможно, благодарные за это неожиданное спасение, бросились врассыпную и забились в норы в песке.

Элрик не спрятал Буревестник в ножны. Он достаточно хорошо знал жизнь и понимал, что эти воины, скорее всего, спасли его жизнь случайно и, возможно, не очень рады тому, что он попался им на пути. Была и другая вероятность, как ему казалось, наиболее отвечающая реальности: эти люди какое-то время преследовали его и не хотели, чтобы тот, кого они наметили себе в жертву, был сожран огненными жуками.

От группы отделился один из желтых всадников и галопом поскакал к Элрику, приветствуя его поднятым копьем.

— Я от всего сердца благодарю вас,— сказал альбинос.— Вы спасли мне жизнь, господин. Надеюсь, я не слишком помешал вашей охоте.

Всадник был выше Элрика, очень худ, с узким темным лицом и черными глазами. Голова его была выбрита, а губы украшены каким-то подобием татуировок, словно у него на рот было надето тончайшее многоцветное кружево. Копье он держал в боевом положении, и Элрик приготовился защищаться, зная, что его шансы против даже такого немалого отряда значительно выше, чем против огненных жуков.

Человек нахмурился, услышав слова Элрика. Поначалу их смысл не дошел до него. Потом его лицо прояснилось.

— Мы не охотимся на огненных жуков. Мы увидели, что происходит, и поняли, что ты не знаешь, как спастись от этих тварей. Мы постарались прийти тебе на помощь как можно скорее. Я Манаг Исс из Желтой секты, родственник советника Исса. Я из наемников-колдунов.

Элрик знал об этих сектах, которые были главной кастой воинов Кварцхасаата, именно они в первую очередь и несли ответственность за колдовство, приведшее к тому, что империя оказалась покрытой песком. Неужели господин Гхо, не доверяя до конца Элрику, послал этих людей приглядывать за ним? Или это убийцы, которые должны с ним покончить?

— И тем не менее я благодарю тебя, Манаг Исс. Если бы не ваше вмешательство, я мог бы погибнуть. Для меня большая честь познакомиться с представителем вашей секты. Я Элрик из Надсокора, что в Молодых королевствах.

— Да, мы тебя знаем. Мы шли по твоим следам, чтобы вдали от города поговорить с тобой, не подвергаясь опасности.

— Опасности? Меня вы можете не опасаться, господин наемник-колдун.

Манаг Исс был не из тех людей, на чьем лице часто появляется улыбка, и, когда он улыбнулся, лицо его исказилось странной гримасой. К нему стали подтягиваться другие члены секты, они помещали свои длинные пики в ножны, прикрепленные к седлам.

— Не думаю, что мы боялись, господин Элрик. Мы пришли к тебе с миром, и мы — твои друзья, если ты не против. Моя родственница посылает тебе привет. Она жена советника Исса. Исс — это наше родовое имя. Мы в нашем клане стремимся жениться на девушках своей крови.

— Я рад с тобой познакомиться.— Элрик ждал, что тот скажет дальше.

Манаг Исс помахал длинной коричневатый рукой, с пальцев которой были удалены ногти, а на их месте красовались татуировки — такие же, как на его губах.

— Ты не хочешь спешиться, чтобы мы могли поговорить, потому что у нас есть послание для тебя и кое-какие дары?

Элрик сунул Буревестник в ножны и, перекинув ногу через седло, соскользнул в пыль Красной дороги. Он смотрел,

как жуки медленно улепетывают прочь — возможно, в поисках других людей-крыс, их дымящиеся спины напомнили ему костры в лепрозории на окраине Джадмара.

— Моя родственница хочет, чтобы ты знал: она и вся Желтая секта к твоим услугам, господин Элрик. Мы готовы предоставить тебе любую помощь, какая может потребоваться в поисках Жемчужины в Сердце Мира.

Элрик выслушал это не без удивления.

— Боюсь, ты застал меня врасплох, господин Манаг Исс. Вы путешествуете в поисках сокровищ?

По лицу Манага Исса скользнуло нетерпеливое выражение.

— Известно, что твой покровитель, господин Гхо Фхаази, обещал Жемчужину в Сердце Мира Безымянной Седьмой, а та за это ему — место в Совете. Мы выяснили достаточно, чтобы понять, что такое задание можно поручить только первоклассному вору. А Надсокор славен первоклассными ворами. Могу тебя уверить, что эта задача оказалась не по силам никому из наемников-колдунов. Много веков члены всех сект каждый раз с приходом Кровавой луны пытаются найти Жемчужину в Сердце Мира. Те немногие, кто выжил, возвращались в Кварцхасаат обезумевшими и вскоре умирали. Только недавно мы узнали и получили свидетельство того, что Жемчужина и в самом деле существует. Кроме того, мы знаем, что ты похититель снов, хотя и скрываешь свою профессию, не нося при себе жезла с крючком. Но нам известно, что только похититель снов высшей квалификации может добраться до Жемчужины и принести ее.

— Ты сообщил мне то, чего я не знал, Манаг Исс,— серьезно сказал Элрик.— Я и правда выполняю поручение господина Гхо Фхаази. Но ты должен узнать и вот еще что: я отправился в этот поход против своей воли.— Элрик, доверившись своему чутью, рассказал Манагу Иссу, как господин Гхо вынудил его взяться за это дело.

Манаг Исс сразу же поверил ему. Его татуированные пальцы выбили легкую дробь по татуированным губам — он осмысливал услышанное.

— Этот эликсир известен наемникам-колдунам. Мы получаем его уже целое тысячелетие. И он сказал правду — элик-

сир пожирает того, кто его пьет. Приготовить противоядие гораздо труднее. Меня удивляет, что господин Гхо якобы владеет им. Небольшие количества есть только у некоторых сект наемников-колдунов. Если ты вернешься с нами в Кварцхасаат, можешь быть уверен, мы в течение дня сможем достать для тебя противоядие.

Элрик тщательно обдумал услышанное. Манага Исса использовал один из соперников господина Гхо. Поэтому у Элрика были основания сомневаться в бескорыстии любых предложений, какими бы непритворными они ни казались. Советник Исс или госпожа Исс — кто, не важно — горели желанием протащить в Совет собственного кандидата, и они, несомненно, не остановятся ни перед чем ради достижения своей цели. Предложение Манага Исса вполне могло оказаться всего лишь ловким ходом, чтобы усыпить бдительность Элрика, дабы его легче было убить.

— Ты простишь мне мою откровенность,— сказал альбинос,— но я не могу верить тебе, Манаг Исс. Я знаю, что город Кварцхасаат славится своими интригами, и я не хочу вовлекаться в заговоры и интриги, которые так нравятся твоим согражданам. Если, как ты говоришь, противоядие существует, то я бы предпочел рассмотреть твои предложения, встретившись в оазисе Серебряного Цветка, скажем, дней через шесть. У меня достаточно эликсира, чтобы продержаться три недели, а этого времени хватит, чтобы после восхода Кровавой луны успеть добраться до вашего города. Это убедит меня в твоем бескорыстии.

— Я тоже буду с тобой чистосердечен,— сказал Манаг Исс холодным голосом.— Мои цель и обязательства скреплены клятвой крови, договором моей секты и моей честью как члена нашего святого братства. Моя цель — убедить тебя либо отказаться от поисков, либо продать Жемчужину. Если ты не приостановишь поиски, то я готов купить у тебя Жемчужину за любую цену, кроме, конечно, места в Совете. Таким образом, я предлагаю столько же, сколько и господин Гхо, а сверх того готов еще добавить все, что ты пожелаешь.

Элрик ответил не без сожаления:

— Ты не можешь предложить столько же, Манаг Исс. Речь еще идет и о жизни мальчика, которого он непременно убьет.

— Ну, жизнь мальчика имеет мало значения.

— Безусловно, мало с точки зрения тех грандиозных интриг, которые плетутся в Кварцхасаате,— устало сказал Элрик.

Поняв, что совершил тактическую ошибку, Манаг Исс поспешно поправился:

— Мы спасем мальчика. Скажи нам, как его найти.

— Я, пожалуй, буду держаться начальных условий,— сказал Элрик.— Разницы между двумя вариантами никакой.

— А если господин Гхо будет убит?

Элрик пожал плечами, готовясь сесть в седло.

— Я благодарен за твою помощь, Манаг Исс. Я рассмотрю твое предложение по пути. Ты ведь знаешь, что на поиски Крепости Жемчужины у меня мало времени.

— Господин вор, я бы остерег тебя...

Манаг Исс внезапно замолчал и бросил взгляд назад по Красной дороге. Там появилось маленькое облачко пыли, из которого стали возникать неясные очертания в бледно-зеленых одеяниях. У Манага Исса вырвалось проклятие, но он продолжал улыбаться своей особой улыбкой.

По их одежде Элрик понял, что они тоже члены секты наемников-колдунов. У них тоже были татуировки, только на веках и кистях рук, а на раздуваемых ветром накидках, по длине доходивших им до колен, красовался цветок — такие же, только поменьше, были и на рукавах.

Главный из этой группы спешился и подошел к Манагу Иссу. Это был невысокий человек, красивый и чисто выбритый, если не считать небольшой козлиной бородки, напомаженной по кварцхасаатской моде и заканчивающейся преувеличенно острым клинышком. В отличие от членов Желтой секты у него был меч без ножен, но в кожаной оплетке. Он сделал приветственный знак, на который Манаг Исс ответил точно таким же жестом.

— Приветствую, Олед Алешам, и мир тебе. Желтая секта желает всяческих успехов секте Наперстянки и интересуется, зачем вы проделали такой долгий путь по Красной дороге.

Эти слова были произнесены быстро, формальным тоном. Манаг Исс, несомненно, не хуже Элрика знал, что позвало в путь Оледа Алешама и его людей.

— Мы должны предоставить защиту этому вору,— сказал Олед Алешам, кивнув на Элрика.— Ему незнакомы наши земли, и мы по нашей древней традиции хотим предложить ему помощь.

Элрик, услышав это, не скрыл улыбки.

— А ты, господин Олед Алешам, случайно не связан с одним из членов Шестерки или с Еще Одним?

У Оледа Алешама чувство юмора было развито лучше, чем у Манага Исса.

— Мы в Кварцхасаате все друг с другом связаны, господин вор. Мы направляемся в оазис Серебряного Цветка и подумали, что тебе в твоих поисках может понадобиться помощь.

— Он ничего не ищет,— сказал Манаг Исс и тут же пожалел об этом — уж слишком глупа была его ложь.— Кроме того, что он ищет со своими друзьями из Желтой секты.

— Мы принадлежим к одному союзу, и это исключает выяснение отношений между нами силой, поэтому я думаю, мы не будем ссориться из-за того, кому провожать нашего гостя к оазису Серебряного Цветка,— с усмешкой сказал Олед Алешам. Ситуация сильно забавляла его.— Может быть, нам стоит отправиться на поиски вместе? И каждый получит по частичке Жемчужины?

— Никакой Жемчужины не будет,— сказал Элрик,— если меня в пути все время будут задерживать. Я благодарю вас за заботу, господа, и желаю вам всем приятного дня.

Это вызвало некоторое оцепенение среди членов соперничающих сект, и пока они решали, как им быть дальше, через песчаную насыпь, сооруженную огненными жуками, подъехали с полдюжины всадников — они были с головы до ног облачены в черные одеяния и держали мечи наготове.

Элрик, предположив, что это знакомство не сулит ему ничего хорошего, отошел в сторону и таким образом оказался в окружении людей Манага Исса и Оледа Алешама.

— Это тоже ваши друзья, господа? — спросил он, взявшись за рукоятку своего меча.

— Это братство Мотылька,— сказал Олед Алешам.— Они убийцы. У них только одно дело — убивать, господин вор. Лучше уж тебе держаться с нами. Явно кто-то вознамерился убить тебя, прежде чем ты увидишь Кровавую луну.

— Вы мне поможете защититься? — спросил альбинос, запрыгивая в седло и готовясь к схватке.

— Мы не можем,— с искренним сожалением сказал Манаг Исс.— Мы не можем драться с такими же, как мы. Но они не убьют нас, если мы окружим тебя. Лучше всего тебе принять наше предложение, господин вор.

И тут гнев, который всегда отличал ту древнюю кровь, что текла в его жилах, взял свое, и Элрик без лишних разговоров вытащил Буревестник.

— Я устал от этих маленьких сделок,— сказал он.— Я прошу тебя, Манаг Исс, отойти в сторону, потому что я намерен сражаться.

— Их слишком много! — Олед Алешам был потрясен.— Они изрубят тебя на кусочки. Они опытные убийцы!

— И я тоже, господин наемник-колдун. И я тоже.— С этими словами Элрик направил коня вперед, сквозь испуганные ряды членов Желтой секты и секты Наперстянки прямо на вожака братства Мотылька.

Рунный меч начал подпевать своему хозяину, белое лицо которого светилось энергией проклятого, а красные глаза сверкали, и тут наемники-колдуны впервые поняли, что имеют дело с существом необыкновенным и что недооценивали его.

Буревестник поднялся в одетой в боевую перчатку руке Элрика, его черный металл словно бы поглощал лучи сияющего солнца. Черный клинок опустился и как бы невзначай раскроил череп вожака братства Мотылька, вошел в него по самую грудь и с торжествующим воплем выпил его душу в мгновение его смерти. Элрик повернулся в седле, острие его меча пронзило бок всадника, надвинувшегося на него слева.

Человек вскрикнул:

— Он взял меня! Нет! Нет!

И тоже умер.

После этого остальные стали осторожнее, они, окружив альбиноса, держались от него на некотором расстоянии, опре-

деляя дальнейший план действий. До этого они полагали, что никакой план им вообще не понадобится, что им нужно лишь догнать вора из Молодых королевств и прикончить его. Их осталось пятеро. Они стали просить о помощи своих союзников, но ни Манаг Исс, ни Олед Алешам не собирались отдавать своим людям приказ, который мог привести к бесславной смерти, вроде той, что они только что видели.

Элрик же не проявлял ни малейшей осторожности — он поскакал прямо на следующего черного всадника, который умело парировал удар и даже попытался было нанести ответный, но Элрик мгновенно отрубил ему руку, и тот свалился на шею коня — из культи фонтаном хлынула кровь. Еще одно изящное движение — частично Элрика, частично его меча,— и этот человек тоже расстался со своей душой. И тогда остальные постарались затеряться среди своих братьев в желтых и зеленых одеяниях. В их глазах был страх. Они почувствовали колдовство, хотя оно и оказалось сильнее всего, что они могли себе представить.

— Остановись! Остановись! — воскликнул Манаг Исс.— Больше нет нужды убивать кого-либо из нас! Мы здесь для того, чтобы сделать предложение вору. Вас прислал сюда старый герцог Рал?

— Он больше не хочет никаких интриг вокруг этой Жемчужины,— прокричал один из черных.— Он сказал, что наилучшим выходом будет смерть без лишнего шума. Но для нас эти смерти были вовсе не без шума.

— Те, кто нас послал, говорили почти то же самое,— сказал Олед Алешам.— Вор, вложи меч в ножны. Мы не хотим сражаться с тобой.

— Готов поверить.— На лице Элрика появилась мрачная ухмылка. Жажда крови еще не отпустила его, и он с трудом контролировал себя.— Я готов поверить, что вы хотите просто прикончить меня, но чтобы без борьбы. Вы все глупцы. Я уже предупреждал об этом господина Гхо. Я могу уничтожить всех вас. Вам еще повезло, что я дал себе обет не пользоваться своей силой только для того, чтобы заставлять других плясать под мою дудку. Но я не давал себе обета умереть от рук наемных убийц! Возвращайтесь! Возвращайтесь в Кварцхасаат!

Эти слова он почти прокричал, и они эхом отразились от огромного меча, воздетого Элриком к небесам: мол, смотрите, вот что вас ждет, если вы не подчинитесь.

Манаг Исс мягко сказал Элрику:

— Мы не можем это сделать, господин вор. Мы обязаны выполнить задание. Таковы традиции нашего союза наемников-колдунов. Если мы взялись за дело, мы должны его сделать. Единственное оправдание неудачи — смерть.

— Значит, я должен убить вас всех,— просто сказал Элрик.— Или вы должны убить меня.

— Но мы можем заключить сделку, о которой я говорил,— сказал Манаг Исс.— Я тебя не обманывал, господин вор.

— И мое предложение остается в силе,— сказал Олед Алешам.

— Но братство Мотылька поклялось меня убить,— заметил Элрик, которого чуть ли не забавляла эта ситуация.— А вы не можете защитить меня от них. И вообще, насколько я понимаю, не можете ничего иного, как только помогать им против меня.

Манаг Исс попытался отъехать от наемных убийц в черном, но те были исполнены решимости держаться в безопасности — в рядах своих собратьев.

Тогда Олед Алешам шепнул что-то вожаку Желтой секты, отчего тот задумался. Он кивнул и сделал знак оставшимся членам братства Мотылька. Несколько мгновений они совещались, потом Манаг Исс поднял взгляд и сказал Элрику:

— Господин вор, мы нашли выход, который позволит тебе ехать дальше с миром, а нам — вернуться в Кварцхасаат с честью. Если мы теперь покинем тебя, ты не будешь преследовать нас?

— Если вы дадите мне слово, что не позволите этим «мотылькам» напасть на меня еще раз.— Элрик уже немного успокоился. Он положил поющий меч себе на руку.

— Уберите мечи, братья! — крикнул Олед Алешам, и «мотыльки» сразу же подчинились.

После этого вложил свой меч в ножны и Элрик. Теперь он был полон нечестивой энергии, полученной им из тех, кто искал его смерти, и он испытал прилив восторженных чувств,

свойственных его расе, все высокомерие и силу своей древней крови. Он рассмеялся в лицо своим врагам.

— Теперь вы знаете, кого собирались убить, господа?

Олед Алешам ухмыльнулся.

— Теперь я начинаю догадываться относительно твоих истинных корней, господин вор. Я слышал, что когда-то такие же мечи принадлежали повелителям Сияющей империи. Но это было во времена незапамятные. Доисторические. Я слышал, что эти мечи живые и что они ваши союзники. Ты похож на наших давно погибших врагов. Значит ли это, что Мелнибонэ не погибло в морской пучине?

— Я предоставлю тебе самому поразмыслить над этим, господин Олед Алешам.— Элрик подозревал, что они замыслили какую-то пакость, но ему было чуть ли не все равно.— Если бы ваш народ меньше предавался пустому мифотворчеству на свой счет и пытался больше узнать о мире, то, я думаю, шансы вашего города выжить увеличились бы. А пока этот город гибнет в трясине собственных вымыслов. Легенды, которые дают народу пищу для чувства гордости и сотворения истории, в конечном счете загнивают. Если Мелнибонэ погибнет в морской пучине, то точно так же, как сейчас гибнет Кварцхасаат...

— Нас не интересует философия,— сказал Манаг Исс, не скрывая злости.— Мы не спрашиваем тех, кто подряжает нас, об их мотивах. Так написано в наших хартиях.

— А потому вы беспрекословно подчиняетесь этому! — Элрик улыбнулся.— Так вы все глубже увязаете в своем упадочничестве и противитесь реальности.

— Поезжай,— сказал Олед Алешам.— Не тебе учить нас нравственности, и не нам слушать такие речи. Наша пора ученичества давно закончилась.

Элрик принял этот упрек и направил своего усталого коня к оазису Серебряного Цветка. Он ни разу не повернулся, но чувствовал, что наемники-колдуны о чем-то совещаются. Он начал насвистывать — похищенная энергия врагов наполнила его, и дорога словно сама стелилась под копыта коня. Он думал о Симорил, о своем возвращении в Мелнибонэ; он надеялся, что у себя дома сумеет ввести те изменения, о которых говорил наемникам-колдунам, и таким образом спасти свой

народ от вымирания. В этот миг его цель казалась чуть ближе, его мозг работал лучше, чем когда-либо за несколько последних месяцев.

Ночь опустилась на пустыню быстро, и так же быстро упала температура — альбинос затрясся от холода, и настроение его ухудшилось. Он спешился, стреножил коня, вытащил из седельных мешков одеяния поплотнее и накинул на себя, готовясь развести костер. Со времени своей встречи с наемниками-колдунами он не прикоснулся к эликсиру, от которого зависела его жизнь. Он начал лучше понимать его природу. Его жажда уменьшилась, хотя он и продолжал чувствовать ее, но теперь Элрик рассчитывал, что сможет и сам освободиться от этой зависимости без необходимости торговаться с господином Гхо.

«Мне нужно только,— сказал он себе, экономно поглощая пищу, которую получил в дорогу,— чтобы на меня хотя бы раз в день нападали члены братства Мотылька...»

С этой мыслью он убрал фиги и хлеб и, завернувшись в теплый плащ, приготовился спать.

Сны его были торжественные и привычные. Он находился в Имррире, Грезящем городе, полулежал на Рубиновом троне, созерцая придворных, а рядом с ним сидела Симорил. Но это были не те придворные, что представали перед императорами Мелнибонэ на протяжении тысяч лет их правления. Перед Элриком находился двор, состоявший из мужчин и женщин всех народов, из каждого из Молодых королевств, из Элвера и Неведомого Востока, из Фума, даже из Кварцхасаата. Здесь обменивались знаниями и идеями, а также всевозможными товарами. Это был двор, энергия которого направлялась не на поддержание существующего порядка вещей, а на восприятие новых идей и на живое человеческое общение; это был двор, который приветствовал новое, считая его не угрозой своему существованию, а необходимостью для своего дальнейшего процветания; богатства этого двора направлялись на эксперименты в науках и искусствах, на поддержку нуждающихся, на помощь мыслителям и писателям. Яркость Сияющей империи теперь имела своим источником не газы, образующиеся при разложении, а свет разума и доброй воли.

Такой сон приснился Элрику — на этот раз более связный, чем когда-либо прежде. И ради воплощения этой грезы он отправился путешествовать по миру, отказался от власти, принадлежавшей ему по праву, рисковал своей жизнью, своим разумом, своей любовью и всем остальным, что было для него ценно. Потому что Элрик считал: не стоить жить, если ты не рискуешь жизнью в поисках знаний и справедливости. Поэтому-то соотечественники и боялись его. Справедливости, считал он, можно добиться не понуканием, а опытом. Ты должен узнать, что такое страдание и бессилие — хотя бы в какой-то степени,— и только тогда ты сможешь в полной мере оценить их влияние. Если хочешь добиться истинной справедливости, то должен отказаться от власти. Но это не укладывалось в имперскую логику — это укладывалось в логику того, кто по-настоящему любит мир и хочет, чтобы настал век, в котором все смогут жить достойно и уважать себя.

— Ах, Элрик,— сказал Йиркун, змеей выползая из-за Рубинового трона,— ты враг своего собственного народа, враг его богов, враг всего, чему я поклоняюсь. Поэтому ты должен быть уничтожен, а я — завладеть всем, чем владеешь ты. Всем...

На этом Элрик проснулся. Его прошиб пот. Он потянулся к мечу. Йиркун приснился ему в образе змеи, и теперь он мог поклясться, что услышал какое-то шуршание неподалеку в песке. Учуял это и его конь — он заржал, заволновался. Элрик поднялся. Плащ, которым он укрывался, упал с него. Из ноздрей лошади валил пар. Светила луна, заливавшая пустыню синеватым светом.

Шуршание приблизилось. Элрик разглядывал высокие насыпи по сторонам дороги, но ничего не видел. Он был уверен, что огненные жуки не могли вернуться. А то, что он услышал, подтвердило его уверенность. Это было мощное зловонное дыхание, шуршащий звук, почти визг, и он понял, что рядом с ним находится какое-то гигантское животное.

Еще Элрик понял, что такое животное не может принадлежать ни к этой пустыне, ни к этому миру. Он ощущал запах чего-то потустороннего, чего-то пришедшего из глубин Ада, твари, вызванной его врагами. И он сразу же понял, почему

наемники-колдуны так легко отказались от атаки и на что они рассчитывали, когда отпустили его.

Проклиная свою легкомысленность, Элрик вытащил Буревестник и отошел в темноту — в сторону от коня.

Рев раздался за его спиной. Он резко повернулся и увидел...

Это была огромная тварь, похожая на кошку, только телом она напоминала бабуина. Хвост у нее торчал вверх, а на спине дыбились шипы. Когти ее были выпущены, она стояла на задних лапах и тянулась к нему. Элрик вскрикнул и отскочил в сторону, взмахнув мечом. Тварь переливалась особыми цветами, словно не принадлежала к материальному миру. Элрик никак не мог решить, что же это за зверь. Мелнибонийские колдуны нередко вызывали подобных зверей, чтобы иметь помощь в борьбе с теми, кого они стремились уничтожить. Он пытался вспомнить, какой-нибудь колдовской заговор, чтобы отправить эту тварь в те места, откуда она была вызвана, но Элрик слишком давно не прибегал к колдовству и ничего не мог вспомнить.

Зверь гнался теперь за ним по запаху, а Элрик быстро, зигзагами бежал по пустыне, стараясь как можно дальше оторваться от этой твари.

Животное завыло — ему нужна была не только плоть Элрика. Те, кто вызвал его, пообещали зверю по меньшей мере и душу Элрика. Таково было обычное вознаграждение для потусторонних тварей подобного рода. Он слышал, как когти зверя вспарывают воздух рядом с ним — чудовище попыталось схватить его, но Элрик увернулся, ударив зверя по когтям своим мечом. Буревестник задел одну из лап, откуда брызнуло что-то вроде крови. Элрик почувствовал, как в него вливается какая-то тошнотворная энергия. Он ударил еще раз, и зверь взвизгнул, открыв красную пасть, в которой засверкали многоцветные зубы.

— Клянусь Ариохом,— выдохнул Элрик,— ты жуткая гадина. Мой долг отправить тебя назад в Ад...

И Буревестник снова взметнулся в воздух и снова опустился вниз, целясь в раненую лапу. Но на этот раз зверь увернулся — он начал готовиться к прыжку, и Элрик понял, что, когда эта тварь прыгнет, у него будет мало шансов остаться в жи-

вых. Убить эту нездешнюю тварь было труднее, чем убивать воинов братства Мотылька.

И тут он услышал вопль и, повернувшись, увидел призрак, двигающийся на него в лунном свете. Привидение было похоже на человека и ехало на каком-то странном горбатом животном, скакавшем быстрее лошади.

Похожий на кошку зверь неуверенно остановился, он рычал, из пасти у него текла слюна — он был исполнен решимости разобраться с этой помехой, а потом покончить с альбиносом.

Поняв, что для него это не угроза, а помощь в лице какое-то проезжего путника, Элрик закричал:

— Берегись, господин. Этот зверь из другого мира, его обычными способами не убить!

Ему ответил низкий, дрожащий голос, полный дружелюбного юмора:

— Я это знаю, мой господин, и буду тебе благодарен, если ты разберешься с этой тварью, пока я отвлекаю на себя ее внимание.

Сказав эти слова, всадник развернул свое странное животное и с меньшей скоростью поскакал в обратном направлении. Однако обмануть потустороннюю тварь было не так-то легко. Те, кто вызвал этого зверя, явно науськали его на одну жертву. Он втянул воздух, пытаясь снова уловить запах Элрика.

Альбинос лежал за дюной, собирая силы. Он вспомнил один из малых колдовских заговоров, которым мог бы воспользоваться вкупе с той дополнительной энергией, что получил от демона. Он начал напевать на старом прекрасном музыкальном языке, который назывался высоким мелнибонийским. Не переставая напевать, он набрал в руку горсть песка и подбросил ее в воздух странным изящным движением. Постепенно из дюны возникла песочная спираль и устремилась вверх. Песок закручивался все быстрее и быстрее, издавая в странном лунном свете свистящий звук.

Зверь зарычал и ринулся вперед. Но между ним и спиралью встал Элрик. Однако в последнее мгновение он отошел в сторону. Голос спирали стал еще выше. Это был всего лишь обычный трюк, с которым знакомят начинающих колдунов, чтобы

стимулировать их интерес. Однако таким образом Элрик сумел ослепить зверя на достаточный промежуток времени, чтобы вонзить свой меч между его лап в жизненно важные органы.

И немедленно энергия начала вливаться в клинок, а из него — в Элрика. Альбинос издал крик ликования, приветствуя наполнявшие его потоки. Он был знаком с демонической энергией, однако опасался, что она и его может превратить в демона, потому что контролировать ее было трудно.

«Нет! Хватит! Хватит!» — корчился он в агонии, покуда демоническая жизненная сила вливалась в него.

Зверь тем временем издал предсмертный рык и издох.

И тогда Элрик лег на песок, ловя ртом воздух, а тело мертвого зверя постепенно превратилось в ничто, вернувшись в то царство, из которого его вызвали. На несколько мгновений у Элрика возникло желание последовать в те же края за зверем, потому что похищенная энергия грозила разорвать его тело, проникнуть в его кровь, кости. Однако он преодолел себя, подавив это желание. Он начал медленно подниматься с земли и тут же услышал приближающийся топот копыт.

Он вскочил, взяв на изготовку меч, но увидел, что это был путник, который только что помог ему. Буревестник не испытывал на сей счет никаких сентиментальных чувств и был готов выпить душу друга с такой же легкостью, с какой он выпивал души врагов Элрика.

— Нет! — Альбинос сунул меч в ножны. Его чуть ли не тошнило от энергии, полученной им от демона, но он заставил себя поклониться подскакавшему к нему всаднику.— Я благодарю тебя за помощь, странник. Никак не ждал встретить друга в такой близи от Кварцхасаата.

Молодой человек смотрел на него сочувственно и добродушно. У него были на удивление красивые черты, черная кожа и веселые глаза. На его коротких курчавых волосах сидела маленькая шапочка, украшенная павлиньими перьями, а его штаны и куртка были изготовлены из материла, похожего на черный бархат, прошитый золотой ниткой. На плечах у него был светлый плащ с капюшоном, какие обычно носят в этих краях жители пустыни. Под ним было скакавшее неторопли-

вым, размеренным шагом жвачное животное, на спине которого торчал массивный горб. Элрик видел изображения таких животных на свитках, рассказывавших о Южном континенте.

На поясе у молодого человека висела какая-то резная палка длиной в половину его роста, с кривой рукояткой, а с другой стороны Элрик увидел простой меч с плоской рукоятью.

— Я тоже не предполагал увидеть в этих краях императора Мелнибонэ,— с удивлением сказал человек.— Приветствую тебя, принц Элрик. Я польщен таким знакомством.

— Мы уже встречались? Откуда тебе известно мое имя?

— Ну, это сущие пустяки, принц Элрик. Меня зовут Алнак Креб, и я направляюсь в оазис, который называют Серебряным Цветком. Может быть, вернемся к твоей стоянке и твоему коню? Я рад, что с ним ничего не случилось. Какие сильные у тебя враги — послали на тебя такого мерзкого демона! Уж не оскорбил ли ты каким-либо образом наемников-колдунов из Кварцхасаата?

— Похоже, что так.— Элрик вместе с незнакомцем направился к Красной дороге.— Я благодарен тебе, господин Алнак Креб. Без твоей помощи мои душа и тело были бы сожраны этим чудовищем и доставлены обратно в тот Ад, который их породил. Но должен тебя предупредить: велика опасность, что те, кто подослал этого зверя, нападут на меня еще раз.

— Не думаю, принц Элрик. Они, несомненно, были уверены в успехе, но, самое главное, узнав, что ты не обычный смертный, не хотели больше иметь с тобой никаких дел. Я видел их — они из трех разных сект этого неприятного союза. Они направлялись назад в Кварцхасаат. Это было около часа назад. Мне стало любопытно, от чего это они так быстро бегут, и я поехал в эту сторону. И вот встретил тебя. Я рад, что оказал тебе эту малую услугу.

— И я тоже направляюсь в оазис Серебряного Цветка, хотя и не знаю, чего там можно ждать.— Элрику понравился его новый знакомый.— Я буду рад твоей компании в этом путешествии.

— Я польщен, мой господин. Для меня это большая честь! — Алнак Креб, улыбаясь, спешился со своего странного животного и стреножил его вблизи Элрикова коня, который еще не пришел в себя от страха, хотя и был уже гораздо спокойнее.

— Не буду больше утомлять тебя этой ночью, господин,— сказал Элрик,— но мне очень хотелось бы знать, откуда тебе известны мое имя и происхождение. Ты говорил, что для тебя это сущие пустяки. Что же у тебя за профессия, позволь узнать?

— Мой господин,— сказал Алнак Креб, стряхивая песок со своих бархатных штанов,— я думал, ты уже догадался. Я — похититель снов.

Глава четвертая

ПОХОРОНЫ В ОАЗИСЕ

— Как ты еще убедишься, оазис Серебряного Цветка — это не просто какое-то место в пустыне,— сказал Алнак Креб, осторожно протирая свое красивое лицо платком, отороченным сверкающим кружевом.— Это известное место встречи всех кочующих народов пустыни. Туда к тому же привозят немало добра на продажу. Его посещают короли и принцы. Там нередко устраиваются и совершаются браки и всякие другие церемонии. Там принимаются важнейшие политические решения. Подтверждаются старые и заключаются новые союзы. Там обмениваются новостями. Там обмениваются чем угодно. Не все там обычно, не все материально. Там бурлит жизнь, и это место непохоже на Кварцхасаат, который кочевники посещают с неохотой, только когда того требуют необходимость... или алчность.

— Почему же мы не видели этих кочевников, друг Алнак? — спросил Элрик.

— Они избегают Кварцхасаата. Для них этот город и его народ — подобие Ада. Некоторые даже считают, что в Кварцхасаат отправляются души умерших. Этот город олицетворяет собой все, чего они боятся, все, что не согласуется с их ценностями.

— Мне бы хотелось встретиться с этими кочевниками.— Элрик позволил себе улыбнуться.

Он пока еще не принимал эликсира, но его тело уже жаждало этого снадобья. Обычно он мог значительно дольше продержаться на энергии, которую получал от меча. Это было лишним свидетельством того, что эликсир, как объяснил Манаг Исс, ненадолго физически укрепляя его, пожирает его жизненные силы. Элрик начал подозревать, что он подкармливает не только свою энергию — он подкармливает и сам эликсир. Это снадобье в его глазах превратилось в некое разумное существо наподобие его меча. Но Черный Меч никогда не вызывал у Элрика ощущения, что он подвергается нападению. Он старался гнать от себя такие мысли.

— Я уже чувствую некоторое родство с ними,— добавил он.

— У тебя, принц Элрик, есть все основания, чтобы понравиться им! — Алнак рассмеялся.— Конечно же, древний враг властителей Кварцхасаата должен вызывать у них симпатию. У меня есть знакомые в их кланах. Позволь мне представить тебя, когда будет удобно.

— Охотно,— сказал Элрик.— Хотя тебе еще нужно объяснить мне, как ты узнал меня.

Алнак кивнул и словно забыл об этом вопросе.

— Это нетрудно, но в то же время чрезвычайно сложно, если ты не знаком с основами устройства мультивселенной. Я уже говорил тебе, что я похититель снов. Я знаю больше, чем многие, потому что знаком с уймой снов. Скажем так: я узнал о тебе во сне, и моя судьба — время от времени становиться твоим спутником, хотя и ненадолго в этом обличье.

— Во сне? Ты мне еще должен объяснить, что делает похититель снов.

— Похищает сны, что же еще. Два раза в год мы несем похищенное на продажу в определенное место, как и кочевники.

— Вы продаете сны? — Голос Элрика звучал недоверчиво.

Алнак наслаждался удивлением Элрика.

— На рынке есть люди, готовые платить за сны определенного рода. А те в свою очередь продают сны несчастным, которые либо не видят снов вообще, либо видят такие банальные сны, что желают чего-нибудь поострее.

Элрик потряс головой.

— Ты явно говоришь иносказаниями.

— Нет, принц Элрик, я говорю правду.— Он вытащил у себя из-за пояса жезл, заканчивавшийся странным крючком. Этот жезл напомнил Элрику пастушью палку, хотя и был короче.— Это можно получить, только когда освоишь основы мастерства похитителя снов. Я не лучший в моей профессии и никогда таким не стану, но в этом мире сейчас лучше меня не найдешь. По причинам, которые тебе, несомненно, станут понятны, здесь мало таких, как я, и наше искусство признают только кочевники и народ Элвера. Мы известны всего лишь немногим мудрецам в Молодых королевствах.

— Почему же вы не действуете там?

— Нас об этом не просят. Ты когда-нибудь слышал, чтобы в Молодых королевствах кто-нибудь искал услуг похитителя снов?

— Никогда. А почему так?

— Возможно, потому, что на западе и на юге велико влияние Хаоса. Там самые жуткие ночные кошмары легко воплощаются в жизнь.

— Ты боишься Хаоса?

— Разве есть такое разумное существо, которое не боится его? Я боюсь снов тех, кто служит ему.— Алнак Креб повернул голову в сторону пустыни.— Обитатели Элвера и того, что ты называешь Неведомым Востоком, по преимуществу люди простые, влияние Мелнибонэ там никогда не было сильным. Как и во Вздыхающей пустыне.

— Значит, ты боишься моего народа?

— Я боюсь всех, кто посвящает себя Хаосу, кто заключает союзы с самыми мощными из потусторонних сил, с сильнейшими Герцогами Хаоса, с Повелителями Мечей! Я считаю, что такие сделки противоестественны и неразумны. Я противостою Хаосу.

— Ты служишь Закону?

— Я служу себе. Я служу, мне кажется, Равновесию. Я считаю, что человек может жить, давать жить другим и наслаждаться разнообразием мира.

— Такой философии можно только позавидовать, господин Алнак. Я сам ее сторонник, хотя ты, возможно, и не поверишь мне.

— Нет, я тебе верю, принц Элрик. Я — одна из сторон многогранного мира Снов, и ты встречаешься в некоторых из них. А сны в других царствах — это реальность. И наоборот.— Похититель снов посмотрел на альбиноса дружеским взглядом.— Наверно, тому, кто властвовал на протяжении тысячелетий, трудно отказываться от власти.

— Ты меня неплохо понимаешь, господин похититель снов.

— Ну, мое понимание в таких вопросах носит лишь самый общий характер.— Алнак Креб пожал плечами, словно бы говоря, что никакими выдающимися достоинствами не обладает.

— Я много времени провел, размышляя о сути справедливости, я посещал земли, где она, говорят, существует, я пытался понять, как наилучшим образом добиться ее, как ее можно использовать, чтобы весь мир оказался в выигрыше. Ты что-нибудь знаешь о Танелорне, Алнак Креб? Говорят, там царит справедливость. Говорят, что именно там имеют наибольшее влияние Серые Владыки, которые поддерживают равновесие в мире.

— Танелорн существует,— тихо сказал похититель снов.— И у него много разных имен. Но, боюсь, в некоторых мирах это пока лишь представление о некоем совершенстве. Именно такие представления и дают нам надежду, питают наше желание воплотить сны в реальность. Иногда мы добиваемся успеха.

— Так справедливость существует?

— Да, существует. Это не некая абстракция. Ради ее достижения необходимо работать. Я думаю, принц Элрик, справедливость — это твой демон больше, чем любой из Владык Хаоса. Ты выбрал жестокий и тяжелый путь.— Он улыбнулся, глядя вперед на длинную красную полосу, протянувшуюся до горизонта.— Более жестокий, чем Красная дорога до оазиса Серебряного Цветка.

— Твои слова не вселяют энтузиазма, господин Алнак.

— Ты сам должен знать, что в мире есть драгоценная маленькая справедливость, за которую не нужно жестоко сражаться, ее не нужно с трудом завоевывать и удерживать. Наша смертная природа такова, что мы склонны перекладывать эту ответственность на других. Но некоторые несчастные существа вроде тебя пытаются отказаться от власти и в то же время взять на себя как можно больше ответственности. Некоторые сказали бы, что твои действия достойны восхищения, что они выковывают характер, придают смысл существованию, что они стремятся к более высокой форме здравомыслия...

— Да, но другие сказали бы, что это чистейшая форма безумия, которая противоречит естественным устремлениям. Я не знаю, чего ищу, господин похититель снов, но я знаю, мне хотелось бы жить в мире, где сильный не паразитирует на слабом, как какие-нибудь лишенные разума насекомые, где смертные существа могут полностью реализовать себя, где все живут в здравии и достоинстве и не становятся жертвами тех немногих, кто сильнее...

— Значит, ты служишь не тем хозяевам в Хаосе, принц. Потому что единственная справедливость, признаваемая Герцогами Ада, это справедливость их безусловного существования. В этом они подобны новорожденным младенцам. Они противостоят всем твоим идеалам.

Элрика это взволновало, и его голос прозвучал тихо.

— Но разве нельзя пользоваться этими силами, чтобы им же и нанести поражение или, по крайней мере, бросить вызов их власти и восстановить Равновесие?

— Только Равновесие дает тебе ту власть, которой ты желаешь. И эта власть — таинственный, иногда исключительно тонкий инструмент.

— Боюсь, что в моем мире он недостаточно сильный.

— Эта власть сильна, только когда в нее верит достаточное число людей. И тогда она сильнее, чем Хаос и Закон, вместе взятые.

— Ну что ж, я буду работать ради того дня, когда воцарится власть Равновесия, мастер Алнак Креб, но я не уверен, что доживу до тех времен.

— Пока ты будешь жив,— спокойно сказал Алнак,— она, боюсь, не наступит. Но это произойдет через много лет после того, как ты будешь призван протрубить в рог Роланда.

— Рог? Что это за рог? — Вопрос Элрик задал небрежным тоном, полагая, что похититель снов опять говорит аллегориями.

— Смотри! — указал вперед Алнак.— Видишь там, вдалеке? Это первые приметы оазиса Серебряного Цветка.

Слева от них садилось солнце. Дюны и высокие борта Красной дороги отбрасывали длинные тени, а небеса становились все темнее, обретая на горизонте цвет янтаря. Но где-то там, где едва видел глаз, Элрик разглядел еще что-то — не дюну, а нечто похожее на сгрудившиеся скалы.

— Что это? Что ты там увидел?

— Кочевники называют это «кашбех». На нашем общем языке мы бы назвали его замком, а может, укрепленным поселением. У нас нет точного слова для этого понятия, поскольку мы не испытываем потребности в таких вещах. Но здесь, в пустыне, это необходимость. Кашбех Мулор Ка Риитц был построен задолго до падения империи Кварцхасаата и назван в честь мудрого короля, основателя династии Алумрит, которая до сих пор держит это место для кочевых кланов и пользуется уважением, как никто другой в пустыне. Этот кашбех предоставляет приют всем нуждающимся. Любой беглец может найти там убежище и рассчитывать на справедливый суд.

— Значит, справедливость существует, по крайней мере в пустыне?

— Такие места, как я уже говорил, разбросаны по всей мультивселенной. Они существуют благодаря мужчинам и женщинам, которые придерживаются чистейших и самых человечных принципов...

— То есть этот кашбех — не Танелорн, легенды о котором привели меня во Вздыхающую пустыню?

— Это не Танелорн, потому что Танелорн вечен. А кашбех Мулор Ка Риитц держится благодаря неизменной бдительности его обитателей. Он представляет собой полную противоположность Кварцхасаату, и власти этого города предпринимали не одну попытку, чтобы разрушить кашбех.

Элрик почувствовал приступ жажды, но не спешил доставать один из своих серебряных сосудов.

— И еще он называется Крепость Жемчужины, да?

Услышав это, Алнак Креб внезапно рассмеялся.

— Ах, мой добрый принц, у тебя явно лишь очень туманные представления о месте и вещи, на поиски которых ты от-

правился. Позволь мне сообщить тебе, что Крепость Жемчужины вполне может находиться внутри кашбеха, как и кашбех вполне может обрести существование внутри Крепости. Но они ни в коем случае не одно и то же!

— Прошу тебя, господин Алнак, не запутывай меня окончательно! Я притворился, что знаю об этом кое-что, во-первых, потому что хотел продлить свою жизнь, а во-вторых, должен был спасти жизнь другого. Я буду признателен за разъяснения. Господин Гхо Фхаази решил, что я похититель снов, а похититель должен знать и о Кровавой луне, и о Бронзовом шатре, и о месте, где находится Жемчужина.

— Одни похитители снов информированы лучше, чем другие. Но если для выполнения этой задачи нужен похититель снов, если, как ты сам мне сообщил, наемники-колдуны из Кварцхасаата тут бессильны, то я бы сказал, что Крепость Жемчужины — это не просто камень, скрепленный раствором. Она находится в царствах, знакомых только хорошо подготовленному похитителю снов и, возможно, гораздо более умудренному, чем я.

— Знай, господин Алнак, что я, преследуя разные цели, уже побывал во всяких странных мирах. Я не полный профан в этих делах...

— Эти миры для большинства недоступны.— Казалось, Алнак не желает говорить больше, но Элрик настаивал.

— Где они лежат, эти царства? — Он вглядывался вперед, напрягая глаза, чтобы яснее увидеть кашбех Мулор Ка Риитц, но тщетно — солнце уже почти опустилось за горизонт.— На востоке? За Элвером? Или вообще в другой части мультивселенной?

Алнак Креб сказал с сожалением:

— Мы даем клятву не раскрывать наших знаний. Исключение мы делаем разве что в самых критических обстоятельствах. Но я могу сказать тебе, что эти царства и ближе, и дальше, чем Элвер. Обещаю, что больше не буду мистифицировать тебя. А если смогу просветить тебя и помочь в твоих поисках, то буду это делать.— Он рассмеялся, чтобы рассеять собственное мрачноватое настроение.— Пора тебе приготовиться к но-

вым встречам, принц. У нас их сегодня ночью будет немало, если не ошибаюсь.

До того как исчезли последние лучи солнца, поднялась луна, и ее серебряный свет имел розоватый оттенок, как у редкой жемчужины. Красная дорога шла вверх, и когда они достигли вершины, оказалось, что Элрик взирает вниз на тысячи костров. Рядом с кострами виднелись очертания высоких шатров, установленных прямо на песке. Они напоминали огромных насекомых, тянущихся вверх, чтобы уловить тепло небес. В шатрах, куда входили и откуда выходили мужчины, женщины и дети, виднелся свет. До Элрика и его спутника донесся великолепный запах — смеси растений, специй, овощей и мяса; этот мягкий дымок поднимался от костров и курился в небе над высокими скалами. На скалах громоздился кашбех Мулор Ка Риитц, массивная башня, окруженная множеством зданий, из которых часть имела выдающиеся архитектурные достоинства. Все это было окружено зубчатой стеной неправильной формы, но оттого не менее монументальной. Стена была изготовлена из того же красного камня и, казалось, росла прямо из земли и окружающего ее песка.

В промежутках между бойницами стены горели факелы, освещавшие стражей, которые находились в дозоре на стенах и крышах, тогда как через высокие ворота все время шли люди, направлявшиеся дальше через мост, вырезанный в живой породе.

Как и говорил Элрику Алнак Креб, это было не просто место отдыха для незатейливых караванов, которые Элрик ожидал увидеть на Красной дороге.

Их никто не остановил, когда они спустились к широкой полосе воды, вокруг которой расцветали разнообразные пальмы, кипарисы, клены, фиговые деревья и кактусы, но многие разглядывали путников с неприкрытым любопытством. И не все эти любопытные глаза смотрели дружески.

У многих были такие же кони, как у Элрика, но часть кочевников восседала на животных, какое было под седлом Алнака. Ржание, хрюканье и другие звуки доносились из всех кварталов, и Элрик видел, что за шатрами были загоны, в ко-

торых находились ездовые животные, а также овцы, козы и прочий скот.

Но над всей этой необычной картиной доминировали сотня или больше факелов, образующих полукруг у кромки воды.

Каждый факел держал в руке человек, облаченный в плащ с капюшоном; факелы горели ярким, беловатым пламенем, ровный свет которого падал на возвышение резного дерева в самом центре этого людского собрания.

Элрик и его спутник, не спешиваясь, натянули поводья и остановились, очарованные этим зрелищем — десятки кочевников подходили к кромке полукруга, чтобы стать свидетелями некой величественной церемонии. Свидетели стояли в уважительных позах, их различные одеяния говорили о принадлежности к тому или иному клану. Кочевники принадлежали к самым разным народам — одни были черны, как Алнак Креб, кожа других по белизне не уступала коже Элрика, а между этими двумя крайностями — масса самых разнообразных оттенков. Но по чертам лица все они были одинаковы — широкоскулые, с глубоко посаженными глазами. Как мужчины, так и женщины были высоки, и двигались они с большим изяществом. Элрик никогда не видел так много красивых людей, и их природное достоинство поразило его в той же мере, в какой вызвали отвращение крайнее высокомерие и деградация, свидетелем которых он был в Кварцхасаате.

С холма спускалась процессия, и Элрик увидел шестерых мужчин, которые несли на плечах большой куполообразный сундук. С торжественной медлительностью поднялись они в центр возвышения.

Белый свет высвечивал все детали этой сцены. Здесь присутствовали люди из самых разных кланов, хотя все они были одного роста и все средних лет. Зазвучал одинокий барабан, его голос, резкий и чистый, прорезал ночной воздух. Потом к этому барабану присоединился еще один, и еще, и наконец над водой оазиса и крышами кашбеха Мулор Ка Риитц зазвучало не менее двадцати барабанов. Их медленные удары подчинялись сложному ритму, понемногу очаровавшему Элрика своим высоким искусством.

— Это что, похороны? — спросил альбинос у своего нового друга.

Алнак кивнул.

— Но я не знаю, кого хоронят.— Он указал на несколько симметричных холмиков неподалеку под деревьями.— Это типичное кладбище кочевников.

Пожилой человек — его седые волосы виднелись под капюшоном — вышел вперед и начал читать по свитку, который он вытащил из своего рукава. Тем временем двое других открыли резную крышку гроба и, к удивлению Элрика, плюнули внутрь.

Теперь рот разинул Алнак. Он поднялся на цыпочки и смотрел во все глаза — факелы хорошо высвечивали содержимое гроба. Он повернулся к Элрику в еще большем недоумении.

— Он пуст, принц Элрик. Или тело невидимо.

Темп барабанного боя нарастал, ритм усложнялся. Голоса начали распевать, они поднимались и падали, как волны океана. Элрик никогда прежде не слышал такой музыки. Он чувствовал, что она пробуждает в нем неясные эмоции. Он испытал гнев. Он испытал печаль. Он готов был зарыдать. Музыка продолжалась, ее интенсивность нарастала. Он жаждал присоединиться к пению, но не понимал ни слова на этом языке. Ему казалось, что эти слова гораздо старше языка Мелнибонэ, а тот был много старее языков любого из Молодых королевств.

И вдруг голоса и барабаны смолкли.

Шесть человек взяли гроб с возвышения и направились с ним к холмикам, за ними последовали люди с факелами — их свет отбрасывал на деревья странные тени, высвечивал неожиданные пятна сверкающей белизны, вызывавшие недоумение Элрика.

Как только они остановились, барабанный бой и пение возобновились, но на этот раз в них слышалась какая-то праздничная, торжествующая интонация. Собравшиеся медленно поднимали головы, из нескольких сотен глоток вырвалось высокое улюлюканье — явно традиционный клич.

После этого кочевники стали расходиться по своим шатрам. Алнак остановил женщину в богато расписанном зеле-

нью и золотом одеянии и, указав на удаляющуюся процессию, спросил:

— Что это за похороны, сестра? Я не видел тела.

— Тело не здесь,— сказала она, улыбаясь его недоумению.— Это церемония мести, осуществленная всеми нашими кланами по предложению Раика На Сеема. Тело отсутствует, потому что его владелец не знает, что мертв вот уже несколько месяцев. Мы хороним его теперь, потому что нам до него не добраться. Он не из наших, не из пустыни. Но он все же мертв, хотя и не знает этого. Ошибки никакой нет. Нам не хватает только самого тела.

— Он враг вашего народа, сестра?

— Да, враг. Настоящий враг. Он послал людей похитить самую нашу большую ценность. Им это не удалось, но они нанесли нам своей неудачей большой вред. Я тебя, кажется, знаю. Ты из тех, на чье возвращение рассчитывал Раик На Сеем. Он послал за похитителем снов.— Она обернулась, чтобы посмотреть на возвышение, где под светом единственного факела в молитвенной позе стояла огромная фигура.— Ты наш друг, Алнак Креб, ты нам уже помогал.

— Да, мне выпала честь оказать вашему народу пустяшную услугу.— Алнек Креб подтвердил слова женщины с всегдашним своим изяществом.

— Раик На Сеем ждет тебя,— сказала она.— Ступай с миром, и да пребудет мир с твоими друзьями и семьей.

Озадаченный, Алнак Креб повернулся к Элрику.

— Я не знаю, зачем Раик На Сеем послал за мной, но я чувствую себя обязанным выяснить это. Ты останешься здесь или будешь сопровождать меня, принц Элрик?

— Мне все это очень интересно,— сказал Элрик.— И я бы хотел узнать побольше, если это возможно.

Пройдя под деревьями, они остановились на окраине большого оазиса и принялись почтительно ждать, пока старик не изменит позу, которую принял, когда унесли гроб. Наконец он повернулся, и тогда они поняли, что он плачет. Увидев их, он выпрямился, а узнав Алнака Креба, улыбнулся и сделал приветственный жест.

— Мой дорогой друг!

— Да пребудет с тобой мир, Раик На Сеем.— Алнак подошел к старику и обнял его — тот оказался на целую голову выше Алнака.— Я привел с собой друга. Это Элрик из Мелнибонэ, он принадлежит к тому самому народу, который был злейшим врагом Кварцхасаата.

— Это находит отклик в моем сердце,— сказал Раик На Сеем.— Да пребудет с тобой мир, Элрик из Мелнибонэ. Добро пожаловать.

— Раик На Сеем — первый старейшина клана Бауради,— сказал Алнак.— И мой отец.

— Я счастлив иметь такого доброго, отважного сына.— Раик На Сеем сделал жест в сторону шатров.— Идемте, подкрепимся в моем шатре.

— Охотно,— сказал Алнак.— Я бы хотел узнать, почему вы хороните пустой гроб и кто ваш враг — почему это он удостоился такой изощренной церемонии.

— О, он худший из негодяев, тут можешь не сомневаться.

Старик глубоко вздохнул, ведя их мимо куполообразных шатров. Наконец они оказались перед шатром больше других; старик зашел первым — они последовали за ним. Под ногами у них оказался богато разукрашенный ковер. В шатре было несколько отделений, шедших одно за другим и занимаемых членами семьи Раика На Сеема — их было так много, что хватило бы на целое племя. Наконец Элрик и Алнак разместились на подушках, вдыхая восхитительный запах еды. Им поднесли кувшины с ароматизированной водой для омовения.

Они ели, а старик рассказывал свою историю, слушая которую Элрик понял, что сама судьба привела его в оазис Серебряного Цветка в это время. Не сразу — постепенно доходил до него смысл слов, произносимых стариком. Во время последней Кровавой луны, рассказывал Раик На Сеем, в оазис Серебряного Цветка пришла группа людей, интересовавшихся дорогой к месту, где хранится Жемчужина. Баурадимы знали это название, потому что оно было в их книгах, но они полагали, что это поэтическая метафора, предмет, который обсуждают между собой поэты и книжники. Они сказали об этом пришельцам, надеясь, что после этого те уйдут, потому что они были из Кварцхасаата — члены секты Воробья из союза

наемников-колдунов, их жестокость и черное колдовство были хорошо известны. Однако баурадимы не хотели ссориться с жителями Кварцхасаата — они вели торговлю с этим городом. Но люди из секты Воробья не ушли, они продолжали расспрашивать всех подряд — не знает ли кто о месте, где хранится Жемчужина. Так они познакомились с дочерью Раика На Сеема.

— Варадией? — В голосе Алнака Креба послышалась тревога.— Они что же, думали, что ей известно про эту драгоценность?

— Они слышали, что она — наша Священная Дева, та, которая, по нашим убеждениям, вырастет в духовного вождя и принесет честь и мудрость нашему клану. Они думали так, потому что слышали, как мы говорим, что Священная Дева — хранительница всех наших знаний. Они полагали, что уж она-то знает, где находится эта Жемчужина. Они попытались похитить Варадию.

Алнак Креб прорычал, обуянный внезапным гневом:

— Что они с ней сделали, отец?

— Они опоили ее и увезли с собой. Мы узнали об их преступлении и последовали за ними. Мы догнали их на полпути между оазисом и Кварцхасаатом. Они в испуге грозили нам карой своего хозяина — того, кто послал их на поиски Жемчужины и не остановится ни перед чем, чтобы заполучить эту драгоценность.

— Его зовут не господин Гхо Фхаази? — тихо спросил Элрик.

— Именно так, принц.— Раик На Сеем посмотрел на Элрика с любопытством.— Ты его знаешь?

— Я его знаю. И знаю, что он собой представляет. Так это его вы похоронили?

— Его.

— И на какой день вы назначили его смерть?

— Мы не назначили. Мы пообещали. Наемники-колдуны пытались использовать против нас свое искусство, но у нас и у самих есть люди, владеющие колдовством, и мы легко разрушили чары наемников. Мы не любим прибегать к этому средству, но иногда без него не обойтись. Из другого мира бы-

ло вызвано некое существо. Оно проглотило людей из секты Воробья, а перед тем, как уйти, посвятило нас в пророчество: их хозяин умрет в течение года до захода следующей Кровавой луны.

— Но что с Варадией? — взволнованно спросил Алнак Креб.— Что стало с твоей дочерью, со Священной Девой?

— Как я и сказал, ее опоили. Но она жива. Мы привезли ее назад.

— Она поправилась?

— Она приблизительно раз в месяц из сна переходит в полудрему,— сказал Раик На Сеем, превозмогая печаль.— Но сон никогда не покидает ее полностью. Вскоре после того, как мы нашли ее, она открыла глаза и сказала, чтобы мы отвезли ее в Бронзовый шатер. Там она и спит вот уже почти целый год, и мы знаем, что спасет ее только похититель снов. Вот почему я с каждым странником, с каждым караваном посылаю в мир словечко о нашей нужде в похитителе снов. Нам повезло, Алнак Креб,— друг услышал нашу молитву.

Похититель снов покачал своей красивой головой

— Меня сюда привел не твой зов, Раик На Сеем.

— Но, так или иначе, ты здесь,— философски заметил старик.— И ты сможешь нам помочь.

На лице Алнака Креба появилось озабоченное выражение, но он быстро спрятал свои эмоции.

— Я сделаю все, что в моих силах, клянусь. Утром мы отправимся в Бронзовый шатер.

— Он сейчас надежно охраняется, потому что после тех первых негодяев кварцхасаатцы посылали еще, и нам пришлось защищать от них нашу Священную Деву. Это не потребовало от нас почти никаких трудов. Но ты говорил о враге, которого мы похоронили, принц Элрик. Что тебе известно о нем?

Элрик помолчал несколько секунд, прежде чем начать говорить. Он рассказал Раику На Сеему обо всем, что с ним произошло: как его провел господин Гхо, и что он, Элрик, должен найти, и о том, какую ловушку господин Гхо для него приготовил. Он не сказал старику ни одного лживого слова, и уважение, которое он демонстрировал Раику На Сеему, возвращалось к нему сторицей. Лицо первого старейшины потемнело от гнева, и когда Элрик закончил, Раик На Сеем протянул руку и сочувственно прикоснулся к Элрику.

— Беда лишь в том, мой друг, что место, где хранится Жемчужина, существует только в нашей поэзии, а о Крепости Жемчужины мы никогда и не слышали.

— Я хочу, чтобы ты знал: я не принесу никакого вреда вашей Священной Деве,— сказал Элрик.— А если я буду в силах хоть чем-то помочь тебе и твоим людям, то непременно это сделаю. Мои поиски закончились здесь и сейчас.

— Но снадобье господина Гхо убьет тебя, если ты не найдешь противоядия. И потом он убьет твоего друга. Нет-нет, давайте поищем другой выход из этих трудностей, принц Элрик. У нас они общие, ведь мы оба пострадали от этого господина, который скоро станет покойником. Мы должны подумать, как противостоять его козням. Вполне возможно, что моя дочь и в самом деле знает что-то об этой сказочной Жемчужине. Ведь Священная Дева — сосуд нашей мудрости и уже знает столько, сколько никогда не сможет вместить моя бедная голова...

— Ее знания и ее разум удивительны, как и ее красота и дружелюбие,— сказал Алнак Креб, который все еще не мог успокоиться — история о том, что сделали кварцхасаатцы с Варадией, взволновала его.— Если бы ты ее знал, Элрик...— Он замолчал, голос у него сорвался.

— Пожалуй, нам всем надо отдохнуть,— сказал первый старейшина Бауради.— Вы будете нашими гостями, а утром мы отправимся в Бронзовый шатер посмотреть на мою спящую дочь, и, возможно, соединив нашу мудрость, мы найдем средство вернуть ее спящий разум к жизни.

В эту ночь, проведенную в роскоши, какую может дать только шатер богатого кочевника, Элрику вновь снилась Симорил — как ее опоил его кузен Йиркун и она впала в сон. А он, Элрик, спал рядом с ней, и они были как одно существо, что он постоянно чувствовал, когда они возлежали вместе. Но теперь он видел над собой фигуру достойного Раика На Сеема и знал, что это его отец — а вовсе не тот дерганый тиран, полузабытая фигура из детства. И теперь он понял, почему он был так одержим вопросами нравственности и спра-

ведливости — ведь его воспитал этот баурадим. Он почувствовал какую-то умиротворенность, но вместе с ней и что-то новое и тревожное, а когда проснулся утром, то в душе его царил покой — он смирился с тем фактом, что жаждет эликсира, который нес ему жизнь и смерть. Он потянулся за сосудом и, перед тем как подняться, сделал маленький глоток. Потом он умылся и присоединился к утренней трапезе Алнака Креба и Раика На Сеема.

После завтрака старик попросил подать быстроногих и надежных ездовых животных, которыми славились баурадимы, и втроем они выехали из оазиса Серебряного Цветка. В оазисе бурлила жизнь — артисты, жонглеры и заклинатели змей уже демонстрировали свое искусство, а рассказчики собирали вокруг себя группки детей, чьи родители прислали их сюда, чтобы можно было без помех заниматься своими делами. Элрик и двое его спутников направились к Зубчатым Столбам, видневшимся на утреннем горизонте. Эти горы были частично разрушены ветрами Вздыхающей пустыни и теперь и в самом деле напоминали огромные столбы зубчатого красного камня — этакие подпорки для неба. Элрику поначалу показалось, что он видит руины какого-то древнего города. Но Алнак Креб объяснил ему, что это такое на самом деле.

— В этих краях и вправду много руин. Хозяйства земледельцев, маленькие деревни, целые города — они в результате глупейшего колдовства Кварцхасаата погребены под песком и иногда появляются на поверхности. Многие из них построены после наступления песков — строители надеялись, что пески со временем уйдут. Пустые мечты, как и многое из того, что сооружено людьми.

Раик На Сеем продолжал вести их через пустыню, при этом он не пользовался ни компасом, ни картой. Очевидно, что его вело чутье.

Один раз они остановились в том месте, где оказалась поросль хилых кактусов, засыпанных песком. Раик На Сеем вытащил длинный нож и срезал растения близко к корню. Он осторожными движениями очистил их и предложил сочные части своим друзьям.

— Когда-то здесь была река,— сказал он,— и воспоминания об этом остаются под поверхностью. Кактусы помнят.

Солнце достигло зенита. Элрик почувствовал, как жара истощает его, и был вынужден снова выпить эликсира, чтобы не отставать от остальных. Только к вечеру они приблизились к Зубчатым Столбам, и Раик указал на что-то сверкнувшее в лучах заходящего солнца.

— Вот он, Бронзовый шатер. Сюда приходят люди пустыни, когда им нужно предаться медитации.

— Это ваш храм? — спросил Элрик.

— Ничего ближе к тому, что ты называешь храмом, у нас нет. Мы там спорим со своим внутренним «я». И ничего ближе к тому, что вы зовете религией, на западе тоже нет. Там мы и держим нашу Священную Деву, символ всех наших идеалов, сосуд мудрости нашего народа.

Алнак удивленно спросил:

— Вы всегда держите ее там?

Раик На Сеем покачал головой — этот вопрос чуть ли не позабавил его.

— Только пока она спит неестественным сном, мой друг. Тебе известно, что раньше она была нормальным ребенком, радостью для всех нас. Может быть, с твоей помощью она снова станет таким ребенком.

Алнак нахмурился.

— Ты не должен ждать от меня слишком многого, Раик На Сеем. Я в лучшем случае — неопытный похититель снов. Те, с которыми я учился своему ремеслу, могут подтвердить тебе это.

— Но ты — похититель снов.— Раик На Сеем печально улыбнулся и положил руку на плечо Алнаку Кребу.— И наш добрый друг.

Когда они подъехали к огромному шатру, солнце уже село. Шатер был похож на те, что Элрик видел в оазисе Серебряного Цветка, но только в несколько раз превосходил их в размерах, а стены его были из чистой бронзы.

В небе была луна — она стояла почти над их головами. Казалось, что лучи солнца достигали ее из-за горизонта, придавая ей свой оттенок — луна сияла такими оттенками, каких

Элрик никогда не видел ни в Мелнибонэ, ни в любом из Молодых королевств. Он в удивлении открыл рот, осознав точность пророчества.

Кровавая луна взошла над Бронзовым шатром. Здесь он найдет дорогу к Крепости Жемчужины.

Хотя это и означало, что собственная жизнь императора теперь может быть спасена, владыка Мелнибонэ обнаружил, что его это откровение только растревожило.

Глава пятая

ОБЕТ ПОХИТИТЕЛЯ СНОВ

— Вот наше сокровище,— сказал Раик На Сеем.— Вот что хотят похитить у нас алчные кварцхасаатцы.— И в голосе его была слышна не только печаль, но и гнев.

В самом центре прохладной громады Бронзового шатра, в котором при свете крохотных светильников на подушечках и ковриках в позах глубокой задумчивости расположились сотни мужчин и женщин, находилось возвышение, а на нем — ложе со сложным резным орнаментом. Ложе было отделано перламутром и светлой бирюзой, молочным нефритом с серебряной филигранью и бледным золотом. На ложе лежала молоденькая девушка лет тринадцати, ее маленькие ручки были сложены на груди, и грудь ритмично поднималась и опускалась. Она была неотразимо красива красотой своего народа, а ее смуглое личико оттеняли медового цвета волосы. Ее можно было бы принять за обычную спящую девушку, если бы не один тревожащий факт: ее немигающие глаза, синие, как вилмирские воды, были устремлены вверх, к сводам Бронзового шатра.

— Мой народ был уверен, что кварцхасаатцы уничтожили себя,— сказал Элрик.— Жаль, что они этого не сделали и Мелнибонэ в своей гордыне не завершило того, что начали колдуны! — Ему не свойственно было проявление таких сильных эмоций по отношению к тем, кому его народ нанес поражение, но теперь он испытывал ненависть к господину Гхо, чьи

люди — а в этом он не сомневался — совершили это злодейство. Он узнал природу этого колдовства, оно было похоже на то, чему учили и его самого, хотя его кузен Йиркун проявлял больше интереса к этому искусству и прибегал к нему там, где Элрик не желал это делать.

— Но кто может спасти ее теперь? — тихо сказал Раик На Сеем; возможно, его немного смутила вспышка Элрика в этом месте, где люди предаются медитации.

Альбинос взял себя в руки и сделал извиняющийся жест.

— Неужели нет никаких снадобий, которые вывели бы ее из этого состояния? — спросил он.

Раик На Сеем покачал головой.

— Мы спрашивали у кого только можно. Она была заколдована предводителем секты Воробья, а его мы убили, когда поторопились отомстить им.

Старясь не помешать медитирующим, Раик На Сеем снова вывел Элрика и Алнака Креба в пустыню. Здесь стояли стражники, от их светильников и факелов по песку плясали огромные тени, а лучи рубиновой луны окрашивали все в малиновый цвет, отчего казалось, будто этот мир затоплен кровавым приливом. Элрик вспомнил, как мальчишкой он вглядывался в глубины своего Актериоса, представляя себе, что этот драгоценный камень служит вратами в иные земли, а разные грани камня представляют разные миры — к тому времени Элрик немало уже прочел о мультивселенной и о ее устройстве.

— Укради сон, в который она погружена, Алнак Креб,— сказал Раик На Сеем,— и мы отдадим тебе все, что у нас есть.

Черный красавец покачал головой.

— Кроме ее спасения, мне не нужно никакого иного вознаграждения, отец. Я только опасаюсь, что мне не хватит умения... Никто еще не пробовал сделать это?

— Нас не раз обманывали. К нам приходили наемники-колдуны из Кварцхасаата, выдававшие себя за похитителей снов, но они либо заблуждались, считая, что владеют твоим знанием, либо полагали, что могут добиться того, что по силам только настоящему похитителю. Они прямо на наших глазах сходили с ума. Некоторые из них умерли. Некоторым мы

позволили вернуться в Кварцхасаат, надеясь, что они остерегут других и те не будут тратить попусту свои жизни и наше время.

— Ты многотерпелив, Раик На Сеем,— сказал Элрик, вспомнив то, что он уже слышал; теперь ему стало понятнее, почему господин Гхо с таким неистовством искал для этой работы похитителя снов.

Известие, принесенное в Кварцхасаат сошедшими с ума наемниками-колдунами, было переосмыслено. То немногое, что понял господин Гхо, было передано Элрику. Но теперь Элрик понял, что этой тайной — тайной пути к Жемчужине в Сердце Мира — владела сама девочка. Она, будучи хранилищем всех знаний своего народа, несомненно знала, где находится сокровище. Возможно, ей не было позволено раскрывать эту тайну. Как бы то ни было, дальнейшие поиски становились невозможны, пока Варадия спит своим заколдованным сном. Но Элрик знал, что, даже если она и проснется, он не сможет — таков уж его характер — выведывать у нее тайну, которая не имеет к нему ни малейшего отношения. Его единственная надежда состояла в том, что она сама предложит ему это знание, сам же он, что бы ни случилось, никогда не попросит ее об этом.

Казалось, что Раик На Сеем проник в мысли альбиноса.

— Сын мой — ведь ты друг моего сына, а значит, и мой сын,— сказал Раик На Сеем с теплотой, свойственной его народу.— Мы знаем, что ты нам не враг и что ты пришел сюда не из желания похитить то, что принадлежит нам. Мы знаем также, что у тебя не было намерения взять у нас какое-либо сокровище, хранителями которого мы являемся. Узнай, Элрик из Мелнибонэ: если Алнак Креб сможет спасти нашу Священную Деву, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы навести тебя на дорогу к Крепости Жемчужины. Вот только если Варадия, проснувшись, скажет, что мы не должны этого делать, мы воздержимся от помощи тебе.

— Ты не мог дать обещания благороднее,— с признательностью сказал Элрик.— А я тем временем обещаю тебе охранять твою дочь от всех тех, кто желает ей зла. Я буду сторожить Варадию, пока Алнак не вернет ее тебе.

Алнак отошел в сторону от Элрика и Раика На Сеема и, остановившись у кромки света от факела, погрузился в размышления. Его белый плащ в лучах Кровавой луны приобрел темно-розовый оттенок. Он отстегнул от пояса свой жезл с крючком и теперь держал его двумя руками. Он смотрел на него и говорил с ним так, как Элрик мог говорить со своим рунным мечом.

Наконец похититель снов повернулся к ним, лицо у него было очень серьезно.

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал он.— Я воспользуюсь всем, что у меня есть, всем, чему меня учили. Но должен тебя предупредить, что в моем характере есть слабости, которые я пока не сумел преодолеть. Я могу с ними совладать, если меня вызывают работать с ночными кошмарами старого купца или любовными грезами юноши. Но то, что я вижу здесь, может оказаться сильнее любого похитителя снов, даже самого опытного. Частичного успеха здесь быть не может. Я либо добьюсь успеха, либо потерплю неудачу. Я готов попробовать, потому что таковы обстоятельства, потому что мы — старые друзья, потому что я ненавижу все, что символизируют собой наемники-колдуны.

— На большее я и не смел надеяться,— торжественно сказал Раик На Сеем. Речь Алнака произвела на него впечатление.

— Если тебя ждет успех, ты вернешь душу девочки в тот мир, к которому она и принадлежит,— сказал Элрик.— Но что ты потеряешь, если тебя ждет неудача?

Алнак пожал плечами.

— Ничего особо ценного.

Элрик внимательно взглянул в лицо своего нового друга и понял, что тот лжет. Но еще он увидел, что Алнак больше не хочет слышать вопросов об этом.

— Я должен отдохнуть,— сказал Алнак.— И поесть.— Он завернулся в полы своего плаща. Его темные глаза смотрели на Элрика с таким выражением, будто он изнемогал от желания поделиться с ним тайной, раскрывать которую запрещало его сердце. Потом он внезапно отвернулся и рассмеялся.— Если Варадия в результате моих трудов проснется и если она знает о месте нахождения твоей страшной Жемчужины, это

значит, принц Элрик, что я сделал за тебя большую часть твоей работы. И тогда по справедливости мне полагается часть твоего вознаграждения.

— Моим вознаграждением будет конец господина Гхо,— тихо сказал Элрик.

— Хорошо,— сказал Алнак, направляясь к Бронзовому шатру, который мерцал и поблескивал, словно полуматериальное творение Хаоса.— Именно это мне и нужно!

Бронзовый шатер состоял из большой центральной камеры и множества маленьких, где путешественники могли отдохнуть и набраться сил. Именно в такую камеру и вошли они втроем, легли на землю и предались размышлениям о предстоящих делах, которые должны были начаться на следующий день. Они не разговаривали, но уснуть им удалось лишь через несколько часов.

Утром Элрик, Раик На Сеем и Алнак приблизились к месту, где недвижно лежала Священная Дева. Остальные, еще остававшиеся в Бронзовом шатре, почтительно отступили. Алнак Креб мягко держал свой жезл снов в правой руке, даже не держал — балансировал им. Он устремил взгляд в лицо девочки, которую любил как свою собственную дочь. Он издал тяжелый вздох, и Элрик увидел, что ночной сон практически не освежил Алнака. Вид у него был изможденный и несчастный. Он повернулся к альбиносу и улыбнулся.

— Когда я увидел, как ты недавно пригубил из этого твоего сосуда, у меня возникло искушение попросить у тебя немного...

— Это снадобье — яд, и оно вызывает привыкание,— сказал потрясенный Элрик.— Мне казалось, я уже говорил тебе об этом.

— Говорил.— Выражение лица Алнака Креба снова свидетельствовало о том, что ему не дают покоя мысли, которыми он не может поделиться.— Просто я подумал, что в данных обстоятельствах мне можно не бояться его свойств.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, что это такое,— убедительно сказал Элрик.— Поверь мне, Алнак, если бы я мог хоть чем-то помочь тебе, я бы сделал это. Но я не думаю, что напоить тебя ядом — это дружеский поступок...

На лице Алнака Креба появилась едва заметная улыбка.

— Верно, верно.— Он несколько раз перебросил свой жезл снов из одной руки в другую.— Но ты сказал, что будешь охранять меня.

— Обещаю. И, как ты и просил, я вынесу твой жезл снов из Бронзового шатра в тот миг, когда ты скажешь.

— Это все, что от тебя потребуется, и я благодарен тебе заранее,— сказал похититель снов.— Итак, я начинаю. Пока прощай, Элрик. Я думаю, нам еще суждено встретиться, но, может быть, не в этом существовании.

И с этими таинственными словами Алнак Креб приблизился к спящей девочке, поместил свой жезл снов на ее немигающие глаза, приложил ухо к ее сердцу. Его взгляд приобрел странное, нездешнее выражение, словно он и сам вошел в транс. Он выпрямился, его слегка покачивало. Потом он поднял девочку и мягко опустил на ковер. После этого он лег рядом с ней, взял безжизненную руку девочки в свою, держа в другой жезл. Дыхание его стало замедляться и углубляться, и Элрику даже показалось, что он слышит какую-то тихую песню, раздающуюся в горле похитителя снов.

Раик На Сеем наклонился вперед, вглядываясь в лицо Алнака, но Алнак его не видел. Своей свободной рукой он поднял жезл снов так, что его крючок оказался над сцепленными руками и его, и Варадии, словно скрепляя, словно связывая их.

Элрик с удивлением увидел, что жезл начал слабо светиться и пульсировать. Дыхание Алнака стало еще более глубоким, его губы открылись, а глаза, как и у Варадии, были устремлены вверх.

Элрику показалось, что девочка начала тихонько бормотать, и на самом деле — от Алнака к Варадии прошла какая-то дрожь, а жезл снов ритмически пульсировал в такт их дыханию и светился еще ярче.

Потом внезапно жезл стал извиваться и закручиваться, с удивительной скоростью двигаться между этими двумя, словно он проник в их вены и двигался вместе с кровью. Элрику это зрелище напомнило клубок артерий и нервов, подернутых сиянием, исходящим от жезла снов. Потом Алнак испустил крик, и его дыхание перестало быть тем привычным движением, ка-

ким было раньше. Оно стало поверхностным, почти невидимым, а девочка продолжала дышать, как и прежде,— медленно, глубоко, устойчиво.

Жезл снов вернулся к Алнаку. Он словно возгорался от огня, исходящего из тела похитителя снов, как если бы позвоночник Алнака, его мозг поджигали жезл. Крючок жезла, казалось, светился от лучей, исходящих из головы похитителя снов, и все его тело начало светиться этим светом, отчего каждая кость, каждый орган, каждая жила стали видимыми.

С девочкой, казалось, никаких изменений не происходило, но когда Элрик пристальнее вгляделся в ее лицо, он чуть ли не с ужасом увидел, что ее глаза из синих превратились в черные. Он с нехорошим предчувствием перевел взгляд с лица девочки на лицо Алнака и увидел то, что ему не хотелось видеть. Глаза похитителя снов теперь были ярко-синими. Впечатление возникало такое, будто эти двое поменялись душами.

Альбинос, хотя и был немало искушен в колдовстве, ничего подобного прежде не видел, и происходившее беспокоило его Он стал медленно осознавать странную суть профессии похитителя снов, какие опасности таит она, почему лишь немногие практикуют ее, а тех, кто избрал это ремесло по собственному желанию — и того меньше.

Теперь стали происходить новые изменения. Жезл начал извиваться и поглощать тело похитителя снов, забирая в себя кровь и жизненную силу плоти, костей и мозга.

Раик На Сеем застонал от ужаса. Он сделал шаг назад, не в силах контролировать себя.

— Ах, мой сын! На что я подвиг тебя?!

Вскоре от великолепного тела Алнака осталась лишь оболочка, словно сброшенная шкурка какой-то преображенной стрекозы. Но жезл снов остался там, куда его положил вначале Алнак — на сцепленных его и Варадии руках, хотя теперь он казался больше и светился невозможным сиянием, его цвет постоянно изменялся то ли в естественном, то ли в потустороннем спектре.

— Я думаю, что он, пытаясь спасти мою дочь, отдает слишком многое,— сказал Раик На Сеем — Может быть, больше, чем может отдать человек.

— Он отдает все, что имеет,— сказал Элрик.— Я думаю, таков его характер. Поэтому-то ты и называешь его сыном и доверяешь ему.

— Да,— сказал Раик На Сеем.— Но теперь я боюсь остаться не только без дочери, но и без сына.

Он тяжело вздохнул. Его мучила мысль о том, что он поступил плохо, попросив Алнака Креба о такой услуге.

Дольше одного дня и одной ночи просидел Элрик с Раиком На Сеемом и мужчинами и женщинами Бауради под куполом Бронзового шатра Они не отрываясь смотрели на странно ссохшееся тело Алнака, похитителя снов, который время от времени шевелился и что-то произносил, но в остальном казался безжизненным, как мумифицированные тела козлов, иногда обнажавшиеся из-под песка. Один раз Элрику показалось, что он услышал, как Священная Дева издала какой-то звук, а один раз Раик На Сеем поднялся, чтобы положить руку на лоб дочери, а потом вернулся, тряся рукой.

— Сейчас не время отчаиваться, отец моего друга,— сказал Элрик.

— Да.— Первый старейшина баурадимов взял себя в руки и снова сел рядом с Элриком.— Мы здесь, в пустыне, придаем большое значение пророчествам. Мне кажется, что наше стремление получить помощь затмило нам рассудок.

Они выглянули из шатра — светало. Дым от еще горящих факелов продолжал плыть по лиловому небу, легкий ветерок уносил его вверх и на север. Теперь этот запах чуть не вызвал у Элрика приступ тошноты, но его тревога за нового друга перевешивала все остальные его заботы. Время от времени он делал глоток эликсира, которым снабдил его господин Гхо. Ему удавалось лишь слегка сдерживать свою жажду, и когда Раик На Сеем предложил ему воды, он отказался.

Он испытывал множество противоречивых чувств. Он чувствовал сильную симпатию к этим людям, приязнь к Раику На Сеему. Он питал дружеское расположение к Алнаку Кребу, который спас его жизнь, совершив поступок по велению его широкой души. Элрик был благодарен за то, что Раик На Сеем доверяет ему. А ведь, выслушав его рассказ, старик имел все основания как минимум изгнать его из оазиса Серебряного

Цветка. Но его вместо этого пригласили в Бронзовый шатер, когда взошла Кровавая луна, и позволили ему следовать инструкциям господина Гхо — ему доверяли, чувствуя, что он не злоупотребит этим доверием.

Теперь его связывала с баурадимами дружба, которую он никогда не сможет предать. Возможно, они знали это. Возможно, они прочли его характер с такой же легкостью, с какой прочли характер Алнака. Такое доверие укрепляло сердце Элрика, хотя и усложняло его задачу, и он был исполнен решимости, что бы ни случилось, не обмануть его.

Раик На Сеем втянул носом воздух и посмотрел в сторону далекого оазиса. Оттуда поднимался столб черного дыма, он становился выше и выше, смешиваясь с более близкими дымами, словно выпущенный на волю злой дух соединялся со своими братьями. Элрик ничуть не удивился бы, материализуйся этот дух перед его глазами — он за последние дни так привык ко всевозможным необычным событиям.

— Было предпринято еще одно нападение,— сказал Раик На Сеем. Он говорил так, будто это не касалось его.— Будем надеяться — последнее. Они сжигают тела.

— Кто нападает на вас?

— Наемники-колдуны. Подозреваю, что их решение каким-то образом связано с внутренней политикой города. Они всегда пытаются добиться благосклонности того или иного из сильных мира сего, а может, и места в Совете, как ты говорил. Время от времени их махинации распространяются и на нас. Это нам знакомо. Но я подозреваю, что Жемчужина в Сердце Мира стала единственной ценой за место в этом их Совете. А потому в ее поисках сюда направляют все больше и больше воинов.— Раик На Сеем говорил с каким-то неистовством.— Будем надеяться, что скоро там не останется жителей, кроме самих злокозненных господ, которые будут бороться между собой за несуществующую власть над несуществующим народом.

Элрик увидел кочевое племя — оно проскакало мимо на некотором расстоянии от Бронзового шатра, демонстрируя этим свое почтительное отношение. У этих людей были ярко-

синие глаза, а когда они отбросили назад свои капюшоны, оказалось, что у них на удивление светлые волосы, как и у Вародии. Однако одеты они были не так, как баурадимы. В их одежде преобладал сочный бледно-лиловый цвет с золотой и темно-зеленой оторочкой. Они направлялись к оазису Серебряного Цветка, гоня туда стада овец. Под всадниками были все те же странные горбатые животные, по словам Алнака, прекрасно приспособленные к жизни в пустыне.

— Это вауэд нии,— сказал Раик На Сеем.— Они последними прибывают на любые собрания. Они обитают на самом краю пустыни и торгуют с Элвером, а сюда приносят поделки из лазурита и нефрита, которые мы очень ценим. Зимой, когда погода слишком уж портится, они уходят в долины и даже города. Однажды, как они уверяют, им удалось ограбить Фум, но мы считаем, что это был какой-то другой город, поменьше, который они ошибочно приняли за Фум.

Элрик понял, что это что-то вроде анекдота, который рассказывается людьми пустыни о вауэд нии.

— Когда-то у меня был друг родом из Фума,— сказал Элрик.— Его звали Ракхир, и он искал Танелорн.

— Я знаю Ракхира. Прекрасный лучник. В прошлом году он кочевал вместе с нами несколько недель.

Элрика странным образом порадовало это сообщение.

— И он был жив-здоров?

— В превосходном здравии.— Раик На Сеем был рад представившейся ему возможности отвлечься от судьбы дочери и приемного сына.— Он был дорогим гостем, и он охотился для нас, когда мы подошли к Зубчатым Столбам, потому что там водится дичь, которую мы не умеем добывать. Он рассказывал о своем друге. О друге, одолеваемом разными мыслями, из-за которых тот попадает во всякие трудные положения. Несомненно, речь шла о тебе. Я теперь вспоминаю. Вероятно, он шутил. Он говорил, что ты бледноват на вид. Интересовался, что случилось с тобой. Его, я думаю, волновала твоя судьба.

— А меня — его. У нас есть что-то общее. Такие же узы связывают меня с тобой и Алнаком Кребом.

— Я так понимаю, что вы вместе делили опасности.

— У нас было много общих приключений. Но он устал от своих поисков и желал покоя, желал обрести мир. Тебе известно, куда он направил свои стопы?

— Да. Как ты и говоришь, он искал легендарный Танелорн. Узнав от нас все, что мы могли ему сообщить, он простился с нами и направился на запад. Мы советовали ему не тратить сил на поиски мифа, но он считал, что знает достаточно, чтобы продолжать. А почему ты не пожелал путешествовать с твоим другом?

— Меня зовут другие обязанности, хотя и я тоже искал Танелорн.— Он хотел было добавить к этому еще кое-что, но одумался. Любые другие объяснения навели бы его на воспоминания и проблемы, о которых он сейчас не хотел думать. Его главными заботами сейчас были Алнак Креб и девочка.

— Да, теперь я вспоминаю. Конечно же, ты король своей страны. Но король против воли. Такие обязанности тяжелы для молодого человека. От тебя многого ждут, а ты несешь на своих плечах груз прошлого, идеалы и традиции целого народа. Трудно властвовать хорошо, трудно выносить правильные суждения, трудно быть справедливым ко всем. Среди баурадимов нет королей, у нас есть лишь группа мужчин и женщин, которые могут говорить от имени всего клана, и мне кажется, что бремя власти легче нести, если разделяешь его с другими. Если же все несут этот груз, если все несут ответственность за себя, то тогда ни на чьи плечи не ложится невыносимое бремя.

— Я потому и отправился в это путешествие — хочу узнать о том, как устроить жизнь справедливо,— сказал Элрик.— Но вот что я тебе скажу, Раик На Сеем. Мой народ жесток, как и кварцхасаатцы, и у него в руках больше реальной власти над миром. Мы имеем весьма отдаленное представление о справедливости, а обязанности правителя включают разве что изобретение новых ужасов, с помощью которых можно было бы лучше манипулировать другими. Я думаю, что власть — это привычка, столь же жуткая, как и привычка к моему снадобью, которое я должен прихлебывать время от времени, чтобы не умереть. Оно поедает меня. Это голодная тварь, пожирающая тех, кто владеет ею, и тех, кто ненавидит ее. Она пожирает даже тех, кому принадлежит.

— Голодная тварь — это не сама власть,— сказал старик.— Власть не плоха и не хороша. Плохой или хорошей она становится от того, как ею пользуются. Я знаю, что когда-то Мелнибонэ властвовало над миром, а точнее — над той частью мира, которую оно смогло найти, и той, которую не уничтожила.

— Похоже, ты знаешь о моем народе больше, чем мой народ знает о вас! — улыбнулся альбинос.

— У нашего народа есть легенда, которая говорит, что все мы живем в пустыне, потому что бежали сначала от Мелнибонэ, а потом от Кварцхасаата, которые могли соперничать друг с другом в жестокости и пороке. И для нас не имеет значения, кто из них кого уничтожил. Мы, конечно, надеялись, что они сожрут друг друга, но этого не случилось. Произошло нечто другое — почти не хуже. Кварцхасаатцы почти уничтожили себя, а мелнибонийцы забыли о Кварцхасаате и о нас. Я думаю, что вскоре по окончании той войны Мелнибонэ, устав от экспансии, решило ограничиться захватом лишь Молодых королевств. Насколько мне известно, теперь даже Молодые королевства не подчиняются Мелнибонэ.

— Теперь — только остров Драконов.— Элрик поймал себя на том, что думает о Симорил, и постарался выкинуть из головы эти мысли.— Но многие разбойники нападали на Мелнибонэ, желая завладеть его сокровищами. Однако они тут же обнаруживают, что этот орешек им не по зубам. И потому они вынуждены продолжать торговлю с Мелнибонэ, отказавшись от грабежа.

— Торговля всегда была лучше войны,— сказал Раик На Сеем и внезапно оглянулся через плечо на иссохшее тело Алнака.

Золотистое мерцание жезла снов снова усилилось, как это и происходило с того момента, когда Алнак возлег рядом с девочкой.

— Странная это вещь,— тихо сказал Раик На Сеем.— Почти как второй позвоночник.

Он хотел было сказать что-то еще, но тут черты лица Алнака изменились, и с его бескровных губ сорвался жуткий стон отчаяния.

Элрик и Раик На Сеем вернулись к Алнаку и встали рядом с ним на коленях. Его глаза по-прежнему горели синим цветом, тогда как глаза Варадии оставались черными.

— Он умирает,— прошептал первый старейшина.— Как ты думаешь, принц Элрик?

Элрик знал ровно столько же, сколько и баурадим.

— Как мы можем ему помочь?

Элрик прикоснулся к сморщившейся холодной оболочке Алнака. Он поднял его невесомую руку за запястье — пульса не было. И именно в этот момент глаза Алнака снова стали из синих черными и посмотрели на Элрика, который прочел в них все то же до странности разумное выражение.

— Ты пришел мне на помощь. Я узнал, где находится Жемчужина. Но она очень надежно защищена.

Эти слова едва слышным шепотом произнесли сухие губы Алнака.

Элрик приподнял похитителя снов.

— Я тебе помогу Алнак. Скажи мне как.

— Тебе это не по силам. Там есть пустоты... Эти сны сильнее меня. Я тону в них. Они затягивают меня. Я обречен соединиться с теми, кто уже обречен. Неважная компания для человека вроде меня, принц Элрик. Неважная компания...

Жезл снов, белый, как кость, мерцал и светился. Глаза похитителя снов опять сделались синими, а потом — опять черными. В его иссохшем горле билась струйка воздуха. Внезапно на его лице возникло выражение ужаса.

— Нет! Нет! Я должен найти в себе волю!

Жезл снов змеей прошел по телу Алнака, потом перекинулся на Варадию, потом вернулся к хозяину.

— Ах, Элрик,— послышался тот же слабый голос.— Я в западне. Помоги мне, если можешь. Худшего я еще в жизни не видел...

Казалось, это слова пришли к Элрику прямо из могилы, будто его друг был уже мертв.

— Элрик, если есть какой-нибудь способ...

Потом тело задрожало, его словно бы наполнил один огромный вдох, а жезл тем временем продолжал мерцать и извиваться.

Потом он замер и успокоился в начальном положении — крючком над двумя сцепленными руками.

— Ах, мой друг, как же я был глуп, полагая, что мне удастся пройти через это и остаться живым...— Едва слышный голос становился все слабее — Но я хотя бы узнал ее характер. Он такой сильный. Такой сильный!

— О ком он говорит? — спросил Раик На Сеем.— О моем ребенке? О том, что захватило ее? Моя дочь из рода Саранг-ли. Ее бабка могла заколдовать все племя так, чтобы все поверили, будто умирают от болезни. Я говорил ему об этом. Чего же он не понимает?

— Ах, Элрик, она уничтожила меня!

Слабая рука потянулась к альбиносу и стала подрагивать.

И вдруг краски и жизнь вернулись в тело Алнака, и сам он, казалось, ожил и вновь стал прежним. Жезл снов опять сделался подобием крючковатой палки, которую Элрик увидел впервые не так давно на поясе Алнака.

Красавец похититель снов улыбнулся. Он был удивлен.

— Я жив, Элрик! Я жив!

Он крепко схватил свой жезл и попытался подняться, но закашлялся, и из его рта вытекло что-то отвратительное, похожее на гигантского полупереваренного червя, словно Алнак изрыгнул собственные сгнившие органы. Он отвел в сторону жезл, несколько мгновений смотрел изумленными глазами, потом в них снова появился ужас.

— Нет,— сказал он, словно смирившись.— Я слишком уж возгордился. Конечно же, я умираю.— Он упал навзничь. Элрик снова попытался приподнять его. Похититель снов с прежней своей холодной иронией покачал головой: — Поздновато, кажется. Значит, быть твоим попутчиком в этом мире не моя судьба, Воитель.

Элрик, которому эти слова ничего не говорили, решил, что Алнак бредит, и попытался его успокоить.

Потом жезл выпал из руки похитителя снов, и он свалился набок, с его губ сорвался слабый болезненный крик, а потом Элрик и Раик На Сеем почувствовали омерзительный запах. Этот запах грозил изгнать их из Бронзового шатра, словно тело

Алнака разложилось прямо у них на глазах, когда похититель снов попытался было опять заговорить, но не смог.

И теперь Алнак Креб был мертв.

Элрик, скорбя об этом отважном и добром человеке, понял, что теперь решена также и его судьба, и судьба Аная. Смерть похитителя снов говорила о том, что здесь задействованы силы, о природе которых альбинос мог лишь догадываться, хотя и знал толк в колдовстве. Он не встречал ни одной книги, в которой содержался хотя бы намек на такую судьбу. Он видел и худшие беды, обрушивавшиеся на тех, кто занимался колдовством, но тут он столкнулся с таким колдовством, о котором понятия не имел.

— Значит, он умер,— сказал Раик На Сеем.

— Да.— У Элрика тоже перехватило горло.— Да. Его мужество оказалось на такой высоте, о какой никто из нас даже и не подозревал. Включая и его самого.

Первый старейшина медленно подошел к тому месту, где по-прежнему страшным сном спала его дочь. Он заглянул в ее синие глаза, словно надеялся увидеть, что они почернели.

— Варадия?

Они никак не ответила.

Раик На Сеем с мрачным видом поднял Священную Деву и вернул ее на прежнее место на возвышении, устроил на подушках, словно она заснула естественным сном, а он, отец, просто отнес ее и уложил на ночное ложе.

Элрик смотрел на останки похитителя снов. Он, несомненно, понимал цену неудачи и, вероятно, именно этой тайной не хотел делиться

— Вот и не осталось надежды,— тихо сказал Раик На Сеем.— Теперь я уже ничего не смогу для нее сделать. Он отдал слишком много.— Первому старейшине с трудом удавалось удержаться от желания покончить с собой или предаться отчаянию.— Но мы должны подумать, может быть, в наших силах сделать что-то еще. Ты мне поможешь в этом, друг моего сына?

— Если смогу.

Элрик поднялся, превозмогая дрожь в ногах, и услышал у себя за спиной какой-то звук. Поначалу он подумал было, что это звук скорби, который издала пришедшая сюда баурадимка. Он оглянулся и в свете, попадавшем в шатер, увидел только очертания ее фигуры.

Это была молодая женщина, но не баурадимка. Она медленно вошла в шатер, и в глазах у нее, когда она увидела мертвое тело Алнака Креба, появились слезы.

— Значит, я опоздала? — В ее музыкальном голосе слышалась невыносимая боль. Она взялась рукой за лицо.— Он не должен был браться за это. Мне в оазисе Серебряного Цветка сказали, что вы направились сюда. Почему вы не могли немного подождать? Один только день?

Ей с трудом удавалось сдерживать свое отчаяние, и Элрик внезапно почувствовал странную близость к этой женщине.

Она сделала еще один шаг к телу. Незнакомка была приблизительно на дюйм ниже Элрика, ее овальное лицо обрамляли густые каштановые волосы. Ее гибкий и мускулистый торс обтягивала куртка с разрезами, сквозь которые виднелась красная шелковая подкладка, на ней были мягкие бархатные штаны, ездовые фетровые сапоги с узорчатой вышивкой, а на плечах — плащ-пыльник, откинутый назад. На поясе у нее висел меч, на левом плече крючком держался жезл похитителя снов из золота и слоновой кости — более замысловатая разновидность того, что лежала на ковре рядом с телом Алнака.

— Я научила его всему, что знала об этом искусстве сама,— сказала она.— Но для таких дел этого было мало. Да как он вообще мог подумать, что у него что-то получится! Такой цели он никогда не смог бы достичь. У него для этого не хватало характера.— Она отвернулась, вытирая лицо руками.

Когда она снова посмотрела на них, слез в ее глазах уже не было, и она смотрела прямо в лицо Элрику.

— Меня зовут Оуне,— сказала она. Девушка сделала небольшой поклон Раику На Сему.— Я и есть тот похититель снов, за которым ты посылал

Часть вторая

Кто та дочь снов, чья кожа — снег,
Чьих глаз рубины смотрят в даль,
Коварную, как зыбкий брег,
И непреклонную, как сталь?
Кто та, Идущая сквозь сны,
Чья кровь, что времени древней,
Подарит жизнь, сплетясь с моей,
Царице дальней стороны?

Хроника Черного Меча
(Перевод Р Адрианова)

Глава первая

О ТОМ, КАК ВОР МОЖЕТ УЧИТЬ ИМПЕРАТОРА

Оуне выплюнула финиковую косточку на песок оазиса Серебряного Цветка. Она потянулась рукой к одному из великолепных бутонов кактуса, которые и дали название этому месту. Она погладила лепестки длинными, изящными пальцами. Она что-то напевала тихим голосом, и Элрику показалось, что это были слова скорби.

Альбинос, почтительно сохраняя молчание, сидел спиной к пальме и смотрел на лагерь вдалеке, где без остановки бурлила жизнь. Она попросила его проводить ее, но больше почти ничего не сказала. Он услышал чей-то крик из кашбеха высоко наверху, но, посмотрев туда, ничего не увидел. По пустыне гулял ветерок, и красный песок волнами устремлялся к Зубчатым Столбам на горизонте.

До полудня оставалось совсем немного. Они тем утром вернулись в оазис Серебряного Цветка. То немногое, что осталось от Алнака Креба, по традициям баурадимов этой ночью должно было быть с почетом сожжено на погребальном костре.

Крючковатый жезл Оуне больше не висел у нее на плече. Теперь она все время переворачивала его двумя руками, смотря,— словно видела это в первый раз,— как играют на его поверхности солнечные зайчики. Другой жезл — Алнака — она засунула себе за пояс.

— Моя задача была бы легче,— сказала она вдруг,— если бы он не действовал так опрометчиво. Он не знал, что я тоже еду сюда, и делал максимум возможного, чтобы спасти эту девочку. Но подожди он еще несколько часов, и я могла бы воспользоваться его помощью, и, вероятно, с успехом. Но уж спасти его я могла бы наверняка.

— Я не понимаю, что с ним случилось,— сказал Элрик.

— Даже я не знаю точной причины его смерти,— сказала она.— Но я объясню тебе, что могу. Поэтому-то я и просила тебя поехать со мной. Я не хочу, чтобы нас кто-нибудь услышал. И я должна взять с тебя слово, что все, мною сказанное, останется между нами.

— Можешь не сомневаться, госпожа.

— Навсегда,— сказала она.

— Навсегда?

— Ты должен пообещать, что не скажешь никому то, что услышишь от меня сегодня. А также, что никому не будешь говорить о событиях, которые последуют за моим рассказом. Ты должен согласиться соблюдать кодекс похитителя снов, хотя ты и не принадлежишь к нашему цеху.

Элрик пребывал в недоумении.

— Но почему?

— Ты хочешь спасти Священную Деву? Хочешь отомстить за Алнака? Хочешь освободиться от зависимости к этому снадобью? Хочешь устранить зло, которое исходит из Кварцхасаата?

— Ты же знаешь, что хочу.

— Тогда мы придем к соглашению, потому что можно сказать наверняка: если мы не поможем друг другу, то ты, девоч-

ка и, скорее всего, я умрем еще до того, как зайдет Кровавая луна.

— Наверняка? — Элрик впал в мрачноватый юмор.— Так ты к тому же и оракул, моя госпожа?

— Все похитители снов в некоторой степени оракулы.— Она говорила с долей нетерпения, словно имела дело с несообразительным ребенком. Потом она взяла себя в руки.— Извини. Я забыла, что наше искусство неизвестно в Молодых королевствах. Впрочем, мы и в самом деле редко появляемся в этом мире.

— Я в своей жизни встречался со многими потусторонними существами, моя госпожа, но ничей образ не был так близок к человеческому, как твой.

— Близок к человеческому? Да я и есть человек! — Вид у нее был недоумевающий. Потом ее чело прояснилось.— Я же забыла, что твой ум более изощрен и менее просвещен, чем умы моих коллег по ремеслу.— Она улыбнулась ему.— Я все еще не могу прийти в себя после такой напрасной гибели Алнака.

— Он мог остаться жить.— Элрик произнес эти слова ровным, уверенным тоном. Он достаточно знал Алнака, чтобы считать его своим другом, и понимал, что чувствует Оуне в связи с этой утратой.— И нет никакого способа оживить его?

— Он потерял всю свою сущность,— сказала Оуне.— Он не то что не похитил чужой сон, он лишился своего собственного.— Она помолчала, а потом произнесла быстро, словно боясь, что потом будет жалеть о своих словах: — Ты мне поможешь, принц Элрик?

— Да,— решительно ответил он.— Если этим я смогу отомстить за Алнака и спасти девочку.

— Даже если не исключена вероятность того, что ты разделишь судьбу Алнака? Ту судьбу, свидетелем которой ты был?

— Да. Я думаю, эта смерть не хуже, чем смерть по воле господина Гхо.

— Может быть, и хуже,— просто сказала она.

Элрик улыбнулся ее откровенности.

— Ну что ж, значит, так тому и быть. Так тому и быть. И каковы же твои условия?

Она снова протянула руку к серебряным лепесткам, балансируя своим жезлом на пальцах другой. Она все еще хмурилась, не будучи уверенной в правильности своего решения.

— Я думаю, ты один из немногих смертных на этой земле, кто может понять природу моей профессии. Ты поймешь, когда я буду говорить о природе снов и реальности и об их взаимодействии. А еще я думаю, что твой образ мышления делает тебя если и не идеальным союзником, то, по меньшей мере, союзником, на которого я могу в известной мере положиться. Мы, похитители снов, умудрились превратить в подобие науки ту профессию, которая по своей сути противится любому упорядочению. Таким образом, мы получили возможность практиковать свои навыки с успехом, объясняемым, как я думаю, в значительной мере тем, что мы умеем навязывать свою волю тому хаосу, с которым сталкиваемся. Это тебе понятно, принц?

— Пожалуй. У меня на родине есть философы, которые заявляют, что наше волшебство в значительной мере представляет собой навязывание своей воли основам реальности. Если тебе угодно, это — способность воплощать сны в реальность. Некоторые утверждают, что весь наш мир был создан таким образом.

Оуне, казалось, была довольна услышанным.

— Хорошо. Я знала, что некоторые вещи мне не придется тебе объяснять.

— Но что я должен буду делать, госпожа?

— Я хочу, чтобы ты мне помог. Вместе мы сможем найти путь к тому, что наемники-колдуны называют Крепостью Жемчужины. И тогда кто-то один из нас или мы оба, возможно, сумеем похитить сон, в который погружена эта девочка, освободить ее, разбудить, вернуть ее народу, чтобы она стала их пророчицей и гордостью.

— Значит, они связаны? — Элрик начал подниматься на ноги, не обращая внимания на жажду, которая ни на минуту не отпускала его.— Девочка и Жемчужина?

— Мне так кажется.

— И в чем же связь между ними?

— В том, чтобы обнаружить то, что мы, несомненно, и обнаружим для ее освобождения.

— Прости меня, моя госпожа,— мягко сказал Элрик,— но в том, что говоришь ты, неведения не меньше, чем в моих словах.

— В известном смысле так оно и есть. Прежде чем я продолжу, ты должен поклясться, что будешь соблюдать кодекс похитителя снов.

— Клянусь,— сказал Элрик, подняв руку, на пальце которой сверкал Актериос, свидетельствующий о том, что Элрик клянется одной из самых священных вещей его народа.— Я клянусь этим кольцом Королей.

— Теперь я могу тебе поведать то, что мне известно, и то, что мне нужно от тебя,— сказала Оуне.

Она взяла его под руку и повела в рощицу из пальм и кипарисов. Ощутив через это прикосновение снедающую его страшную жажду, она прониклась к нему сочувствием.

— Похититель снов,— начала она,— делает именно то, что и следует из названия его профессии. Мы похищаем сны. Изначально мы были обычными ворами, но потом научились входить в сны других людей и похищать те из них, что были наиболее великолепны или экзотичны. Со временем к нам стали обращаться за помощью — просить нас похитить нежелательные сны или, скорее, те сны, что преследовали друзей и родственников, не давали им покоя. Так мы стали похищать и такие сны. Нередко эти сны вредят только их изначальному владельцу и совершенно безопасны для других...

Элрик прервал ее:

— Ты хочешь сказать, что сон имеет некую материальную составляющую? Что его можно украсть у владельца, как книгу стихов или кошелек с деньгами?

— В основном — да. Но если говорить точнее, то мы научились делать сон настолько вещественным, чтобы его можно было похитить подобным образом.— Она открыто рассмеялась, видя его недоумение, и ее деликатность на некоторое время исчезла.— В этом деле нужен известный талант и изрядное мастерство.

— Но что же вы делаете с этими похищенными снами?

— Два раза в год продаем их на рынке снов, что же еще, принц Элрик? Там идет торговля любыми разновидностями снов, включая самые необычные и кошмарные. Есть торговцы, которые их закупают, есть клиенты, готовые их покупать. Мы, конечно же, преобразуем их в такую форму, которую легко транспортировать, а потом — использовать. А поскольку мы начиняем сны материей, они представляют для нас опасность. Эта материя может нас уничтожить. Ты видел, что случилось с Алнаком. Чтобы защититься от мира Снов, нужно обладать определенной твердостью характера, определенным образом мыслей, определенным душевным настроем. Но поскольку мы кодифицировали эти царства, мы в известной мере можем манипулировать ими.

— Нет, ты должна объяснить мне подробнее, если хочешь, чтобы я что-нибудь понял, моя госпожа,— сказал Элрик.

— Хорошо.— Она остановилась на краю рощицы, где на земле была больше песка,— некое промежуточное пространство между оазисом и пустыней, которое было немного похоже и на то и на другое, но ничем из них не было. Она разглядывала потрескавшуюся землю, словно эти трещинки были частью какой-то сложной карты, геометрическими формами, понятными только ей.

— Мы составили правила,— сказала она. Голос ее звучал словно издалека, будто бы она говорила сама с собой.— Мы систематизировали все, что узнали за столетия. Но мы все еще подвержены самым невообразимым опасностям...

— Погоди, моя госпожа. Ты хочешь сказать, что Алнак Креб с помощью некоего волшебства, известного только вашему цеху, вошел в мир Снов Священной Девы, а там с ним произошли события, которые могут произойти со мной или с тобой в материальном мире?

— В самую точку.— Она повернулась со странной улыбкой на губах.— Да, и его субстанция отправилась в тот мир и была им поглощена. А субстанция снов девочки только укрепилась...

— Тех снов, что он надеялся похитить.

— Он надеялся похитить всего один. Тот сон, который заключил ее в постоянную дрему.

— А потом, как ты говоришь, он бы мог продать его на рынке снов?

— Возможно.— У нее явно не было желания обсуждать этот вопрос.

— А где находится этот рынок?

— Не в этом мире. Туда могут попасть только представители моей профессии или те, кто нас сопровождает.

— Ты возьмешь меня туда? — из любопытства спросил Элрик.

Во взгляде ее промелькнули любопытство и настороженность.

— Возможно. Но сначала мы должны добиться успеха. Чтобы продать сон, нужно его похитить. Пойми, Элрик, я исполнена желания сообщить тебе все, что ты хочешь знать, но объяснить некоторые вещи тому, кто не прошел нашу школу, очень трудно. Их можно только продемонстрировать или ощутить. Я, как и большинство похитителей снов, не принадлежу к твоему миру. Мы народ бродячий — ты бы назвал нас кочевниками,— мы бродим между разными временами и разными измерениями. Мы знаем: то, что является сном в одном мире, в другом может быть самой что ни на есть реальной реальностью, а какая-нибудь самая обыденная вещица в этом мире может оказаться самым жутким ночным кошмаром в другом.

— Неужели во вселенной нет ничего постоянного? — вздрогнув, спросил Элрик.

— То, что сотворяем мы, вечно, если только оно не погибает,— сказала она, и в голосе ее слышна была убежденность.

— Наверное, борьба между Законом и Хаосом отражает борьбу внутри нас, между нашими необузданными эмоциями и излишней осторожностью,— задумчиво сказал Элрик, чувствуя, что она не желает углубляться в эту тему.

Ступая по трещинкам в земле, Оуне сказала:

— Чтобы узнать больше, ты должен стать учеником похитителя снов...

— Охотно,— сказал Элрик.— Меня снедает любопытство, моя госпожа. Ты говорила о законах вашей профессии. Что это за законы?

— Некоторые из них представляют собой наставления, другие — описания. Прежде всего, я тебе скажу вот что. Мы определили, что каждый мир Снов должен иметь семь сторон, которым мы дали названия. Давая названия и описывая то, что не имеет формы и почти не поддается контролю, мы надеемся придать ему форму и научиться его контролировать. Благодаря таким наложениям мы научились выживать в мирах, где другие погибают за считаные минуты. Но и даже в процессе этих наложений, действуя в рамках того, что определено нашей волей, мы можем подвергнуться превращениям, которые не в силах контролировать. Если ты будешь меня сопровождать в этом предприятии и оказывать мне помощь, то ты должен знать: я определила, что мы пройдем через семь земель. Первую из этих земель мы называем Саданор, или земля Общих Снов. Вторая называется Марадор, или земля Старых Желаний. Третья — Паранор, земля Утраченной Веры. Четвертая земля известна похитителям снов как Селадор, что переводится как земля Забытой Любви. Пятая — Имадор, земля Новых Амбиций. А шестая — Фаладор, земля Безумия...

— Затейливые названия, моя госпожа. Мне кажется, что похитители снов склонны к поэзии. А седьмая? Как называется она?

Она помедлила, прежде чем ответить. Ее прекрасные глаза сверлили его лицо, словно пытаясь прожечь дыру в его черепе.

— У нее нет названия,— тихо сказала она,— кроме того имени, которое ей дают ее обитатели. Но только там — если она вообще существует — ты сможешь найти Крепость Жемчужины.

Элрик под этим мягким, но в то же время решительным взглядом чувствовал себя как в капкане.

— А как мы попадем в эти земли? — Альбинос заставлял себя задавать эти вопросы, хотя теперь все его тело изнемогало от жажды — ему был необходим глоток эликсира господина Гхо.

Она почувствовала это напряжение в нем и прикоснулась к его запястью, чтобы успокоить.

— Через девочку,— ответила Оуне.

Элрик вспомнил, чему был свидетелем в Бронзовом шатре, и его пробрала дрожь.

— А как такое становится возможным?

Оуне нахмурилась, и давление ее руки стало сильнее.

— Она — наши врата, а жезлы снов — наши ключи. Я никак не смогу причинить вред девочке. Когда мы достигнем седьмой земли — Безымянной, там мы, возможно, найдем ключ к тому самому узилищу, в котором она и заключена.

— Значит, она — медиум? Именно это с ней и случилось? Наемники-колдуны, верно, дознались о ее способностях и ввели ее в это состояние, чтобы воспользоваться ее силой, пока она пребывает в трансе?

И снова она помедлила с ответом, потом кивнула.

— Почти так, принц Элрик. Это записано в наших хрониках, которых у нас немало. Правда, многие из них нам недоступны и хранятся в библиотеках Танелорна. «То, что находится внутри, имеет форму и снаружи, а то, что снаружи, приобретает форму внутри». Иными словами можно сказать, что все видимое непременно имеет невидимую сторону, а все невидимое непременно должно быть представлено видимым.

Элрику сказанное показалось слишком уж загадочным, хотя он и был знаком с подобными таинственными определениями по тем книгам, что читал в Мелнибонэ. Он не то чтобы не обращал внимания на подобные вещи, просто он знал — если хочешь их понять до конца, то нужно крепко поразмыслить, а нередко и приобрести определенный опыт.

— Ты говоришь о потусторонних царствах, моя госпожа. О мирах, населенных Владыками Хаоса и Закона, элементалями, бессмертными и прочими подобными сущностями. Мне кое-что известно об этих царствах, и мне доводилось бывать в них, хотя и недолго. Но я никогда не слышал о том, что можно, оставив часть своей физической субстанции, путешествовать по этим мирам, используя в качестве медиума спящего ребенка.

Она долго смотрела на него, словно решая, нет ли в его словах скрытого скептицизма, потом пожала плечами.

— Ты увидишь, что миры похитителя снов очень похожи на те, о которых ты говоришь. И ты должен будешь очень хорошо постараться, чтобы запомнить правила и соблюдать их...

— Ты очень строга, моя госпожа...

— Иначе нельзя, если мы хотим выжить. У Алнака было чутье хорошего похитителя снов, но вот знаний ему не хватало. Этим-то и объясняется его неудача. Ты же владеешь необходимыми знаниями, иначе ты бы не смог овладеть колдовством. Без этих знаний ты бы тоже давно погиб.

— Многие из этих знаний я отверг, госпожа Оуне.

— Да, мне это известно. Но навыков ты, я думаю, не утратил. По крайней мере, я на это надеюсь. Первый из законов, которым подчиняется похититель снов, гласит: «Предложения помощи всегда должно принимать, но доверять им никогда нельзя». Второй гласит: «Бойся знакомого». Третий говорит нам: «Все незнакомое принимай с осторожностью». Есть и множество других, но именно эти три являются основой, которая позволяет похитителю снов выжить.— Она улыбнулась.

Улыбка у нее была странная — приветливая и ранимая, и Элрик понял, что Оуне устала. Возможно, скорбь лишила ее сил.

Мелнибониец говорил мягко, поглядывая на огромные красные скалы — защиту и святилище оазиса Серебряного Цветка. Голоса теперь смолкли. Тонкие струйки дыма поднимались в синеватое небо.

— И сколько же времени нужно, чтобы подготовить похитителя снов?

Теперь она почувствовала его иронию.

— Лет пять, а то и больше,— сказала она.— Алнак был полным членом нашего цеха уже, кажется, шесть лет.

— И ему не удалось выжить в мире, где удерживается в плену дух Священной Девы?

— Он, несмотря на все свое мастерство, всего лишь обычный смертный.

— И ты думаешь, что я — нечто большее?

Она открыто рассмеялась.

— Ты — последний император Мелнибонэ. Ты самый сильный из своего народа, о чьем знакомстве с колдовством ходят

легенды. Да, ты оставил свою невесту и посадил на Рубиновый трон своего кузена Йиркуна, чтобы он правил в качестве регента до твоего возвращения (такое решение мог принять только настоящий идеалист), но тем не менее, мой господин, не надо делать вид, будто ты всего лишь обычный смертный.

Хотя Элрика и снедало желание хлебнуть смертельного эликсира, он рассмеялся.

— Если я обладаю такими качествами, моя госпожа, то как же я оказался в таком положении — на грани гибели из-за козней третьеразрядного провинциального политикана?

— Я ведь не говорила, что ты в восторге от самого себя, мой господин. Но было бы глупо отрицать, что ты был тем, кем был, и можешь стать тем, кем можешь стать.

— Я предпочитаю поразмышлять о втором, моя госпожа.

— Тогда подумай о судьбе дочери Раика На Сеема. Подумай о судьбе его народа, который был лишен своей истории и своего пророка. Подумай о своей собственной судьбе — погибнуть так глупо в чужой стране, не выполнив своего предназначения.

Элрик согласился с ее словами.

Она продолжила:

— Возможно также, что как колдун ты не имеешь себе равных в своем мире. И хотя твои конкретные навыки могут и не пригодиться тебе в том предприятии, что предлагаю я, твой опыт, твои знания и понимание могут перетянуть чашу весов в сторону успеха.

Элрик занервничал — потребность его организма в снадобье стала невыносимой.

— Хорошо, госпожа Оуне. Я согласен на все, что ты скажешь.

Она чуть отошла в сторону и смерила его оценивающим взглядом.

— Тебе, пожалуй, лучше вернуться в шатер и найти свой эликсир,— мягко сказала она.

Уже знакомое ему отчаяние наполнило альбиноса.

— Придется, моя госпожа. Придется.

Он повернулся и поспешил туда, где стояли шатры баурадимов.

Он почти не отвечал на приветствия встречавшихся ему на пути. Раик На Сеем ничего не трогал в шатре, где спали Элрик и Алнак Креб, и альбинос поспешно вытащил из седельного мешка сосуд и сделал большой глоток. Он сразу же испытал облегчение (хотя бы и временное), прилив энергии, иллюзию здоровья — следствие глотка кварцхасаатского зелья. Он вздохнул, повернулся ко входу в шатер и увидел Раика На Сеема. Лицо старика было нахмурено, глаза полны боли, которую он пытался скрыть.

— Так ты согласился помочь похитителю снов, Элрик? Ты попытаешься способствовать воплощению предсказания в жизнь? Вернуть нам нашу Священную Деву? Времени теперь осталось еще меньше. Скоро Кровавая луна закатится.

Элрик уронил сосуд с эликсиром на ковер, покрывавший пол шатра. Он наклонился и поднял Черный Меч, который оставил здесь, отправляясь на прогулку с Оуне. Меч завибрировал в его руке, и Элрик почувствовал слабый приступ тошноты.

— Я сделаю все, что от меня требуется,— сказал альбинос.

— Хорошо! — Старик обнял Элрика за плечи.— Оуне сказала мне, что ты великий человек с великой судьбой и что нынче наступает один из важнейших моментов в твоей жизни. Для нас весьма почетно быть частью твоей судьбы, и мы благодарны тебе за сердечность...

Элрик выслушал слова Раика На Сеема с прежней своей любезностью. Он поклонился и сказал:

— Я уверен, что здоровье вашей Священной Девы гораздо важнее моей судьбы. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вернуть вам девочку.

За спиной первого старейшины в палатку вошла Оуне. Она улыбнулась альбиносу.

— Теперь ты готов?

Элрик кивнул и начал пристегивать Черный Меч, однако Оуне остановила его.

— То оружие, которое тебе может понадобиться, ты найдешь там, где мы окажемся.

— Но этот меч больше чем оружие, госпожа Оуне! — Альбинос испытал чувство, близкое к панике.

Ауне протянула ему жезл снов Алнака.

— Это все, что тебе понадобится в нашем предприятии, мой господин император.

Буревестник отчаянно запротестовал, бормоча что-то, когда Элрик опускал меч на подушку. Он словно бы угрожал Элрику.

— Я завишу...— начал было Элрик.

Она покачала головой.

— Нет, не зависишь. Ты считаешь, что этот меч — часть тебя самого, но это не так. Этот меч — крест, который ты несешь. Да, это твоя часть, но она символизирует не твою силу, а твою слабость.

Элрик вздохнул.

— Я тебя не понимаю, моя госпожа, но если ты не хочешь, чтобы я брал с собой меч, я оставлю его здесь.

Еще один звук, изданный мечом, особого рода рычание — но Элрик предпочел не заметить его. Он оставил в шатре сосуд с эликсиром и меч и направился туда, где их ждали лошади, чтобы совершить обратный путь из оазиса Серебряного Цветка к Бронзовому шатру.

Они ехали чуть позади Раика На Сеема, и Ауне рассказывала Элрику о том, что значит Священная Дева для бауради-мов.

— Ты, вероятно, уже понял, что в этой девочке история и надежды баурадимов, их коллективная мудрость. Все, что для них истинно и имеет цену, содержится в ней. Она — живое воплощение знаний ее народа, того, что является сутью их истории еще с тех времен, когда они не были жителями пустыни. Если они ее потеряют, то, по их убеждению, им, скорее всего, придется заново начать свою историю — снова выучить нелегко давшиеся уроки, заново получить весь жизненный опыт и совершить все ошибки и глупости, благодаря которым на протяжении веков так мучительно формировалось мировоззрение этого народа. Она, если тебе угодно, и время, и библиотека, и музей, и религия, и культура, персонифицированные в одном человеческом существе. Ты можешь себе представить, что означала бы для них утрата этой девочки? Она сама душа баурадимов. И эта душа находится в заточении там, где ее могут найти

только те, кто обладает определенными навыками, я уже не говорю о том, чтобы освободить ее.

Элрик поглаживал пальцами жезл снов, который теперь висел у него на поясе вместо меча.

— Даже если бы она была обыкновенным ребенком, чье состояние повергло в скорбь только ее родителей, я бы все равно попытался помочь,— сказал он.— Потому что мне симпатичны этот народ и их вождь.

— Ваши судьбы переплетены,— сказала Ауне.— Что бы ты ни чувствовал, мой господин, настоящего выбора в этой ситуации у тебя нет.

Он не хотел это слышать.

— Мне кажется, моя госпожа, что вы, похитители снов, слишком хорошо осведомлены о моей личности, моей семье, моем народе и моей судьбе. У меня это вызывает некоторое беспокойство. Но я прекрасно вижу, что только моя невеста знает о моих внутренних конфликтах больше, чем вы. Как вы сумели обрести такой дар проницательности и предвидения?

Ответила она ему как-то мимоходом.

— Есть одна земля, в которой побывали все похитители снов. Это место, где пересекаются все сны, где встречается между собой все то, что есть между нами общего. Мы называем эту землю Родиной Плоти — там человечество впервые обрело плоть.

— Это легенда. К тому же довольно примитивная!

— Это легенда для тебя. Для нас это истина. И в один прекрасный день ты убедишься в этом.

— Если Алнак мог предугадывать будущее, почему же он тогда не дождался тебя, твоей помощи?

— Нам редко известна наша собственная судьба. Нам ведомы лишь только общие направления развития и судьбы личностей, которые стоят особняком в истории мира. Да, ты прав, всем похитителям снов ведомо будущее, потому что половину своей жизни они проводят вне времени. Для нас нет ни прошлого, ни будущего, только изменяющееся настоящее. Мы свободны от каких-либо конкретных цепей, но бессильны перед судьбой в той же мере, что и другие.

— Я читал о таких представлениях, но мне они довольно-таки чужды.

— Потому что у тебя не было возможности проникнуться ими.

— Ты уже упоминала землю Общих Снов. Это то же самое, что и Родина Плоти?

— Возможно. Мы еще не пришли к единому мнению на этот счет.

Элрик, который почувствовал временное улучшение после снадобья, начал получать удовольствие от разговора, рассматривая его в первую очередь как некую приятную абстракцию. Без рунного меча на боку он испытывал душевную легкость, какой не чувствовал с первых дней своего ухаживания за Симорил в те относительно спокойные годы, когда растущие амбиции Йиркуна еще не отравляли жизнь мелнибонийского двора.

Он вспомнил эпизод из истории собственного народа.

— Я считал, что мир — это представление о нем тех, кто в нем обитает. Я, помнится, читал об этом в «Лепечущей сфере»: «Разве кто-нибудь может сказать, что есть внешний мир, а что внутренний? То, что мы считаем реальностью, на самом деле может быть лишь порождением фантазии, а то, что мы определяем как сон, может оказаться величайшей истиной». По-моему, такая философия близка к тому, что говоришь ты, госпожа Ояне.

— Довольно близка,— сказала она.— Хотя и представляется мне немного фантастической.

Так они и ехали, разговаривая, словно два ребенка на загородной прогулке, и к заходу солнца добрались до Бронзового шатра. Их снова провели мимо мужчин и женщин, сидевших или лежавших вокруг огромного, поднятого на возвышение ложа, на котором покоилась маленькая девочка, являвшаяся для этих людей символом и смыслом существования.

Элрику показалось, что осветительные жаровни и лампады горели теперь не так ярко, как в прошлый раз, а девочка стала еще бледнее, но он, повернувшись к Раику На Сеему, напустил на себя уверенный вид и сказал:

— На этот раз все будет в порядке.

Ояне, казалось, была согласна со словами Элрика; по ее просьбе тело девочки подняли с кровати и положили на огромную подушку, которая была размещена между двумя другими подушками тоже солидного размера. Она показала альбиносу, что он должен лечь справа от девочки, а сама разместилась слева.

— Возьми ее за руку, мой господин император,— сказала Ояне,— и положи жезл снов крючком так, как это сделал Алнак.

Элрик не без трепета подчинился, однако страх он испытывал не за себя, а только за ребенка и за ее народ, за Симорил, которая ждет его в Мелнибонэ, за мальчишку, который молится в Кварцхасаате о возвращении Элрика с драгоценностью, понадобившейся его тюремщику. Когда его рука укрепилась на руке девочки крючком жезла снов, он испытал некое чувство единения, показавшееся ему приятным, но в то же время это прикосновение обжигало его, как самое настоящее пламя. Он смотрел на Ояне, которая сделала то же, что и он.

И тут же Элрик почувствовал, как какая-то сила захватила его, и несколько мгновений его тело словно бы становилось все легче и легче и наконец достигло такого состояния, когда его мог подхватить и унести самый легкий ветерок. Все окружающее словно бы исчезло, теперь он лишь неотчетливо видел Ояне. Казалось, она сосредоточивается.

Он заглянул в лицо Священной Девы, и на мгновение ему показалось, что кожа ее лица стала еще белее, глаза обрели малиновый — как у него — оттенок, и Элрика посетила странная мысль: «Если бы у меня родилась дочь, она была бы такой же...»

А потом кости у него словно начали ломаться, плоть — растворяться, его разум и дух — разрушаться. Он отдался этому ощущению, поскольку теперь, служа целям Ояне, считал это своим долгом; теперь его тело стало потоком воды, вены и кровь — цветными нитями в воздухе, скелет его растекался, как расплавленное серебро, перемешиваясь со скелетом Священной Девы, становился частью ее, а потом утекал куда-то дальше, в пещеры, туннели и темные места, в места, где целые

миры существуют в пустотах скал, где голоса обращались к нему и узнавали его, пытались успокоить, или испугать, или сообщить ему истины, которых он не хотел знать. Потом воздух снова стал ярче, и он почувствовал рядом с собой Оуне — она вела его, он держал ее за руку, ее тело было чуть ли не частью его тела, ее голос звучал уверенно и даже весело, как голос человека, идущего к знакомым опасностям, опасностям, которые она преодолевала много раз. Но в голосе ее слышалась какая-то интонация, по которой он понял, что она никогда еще не сталкивалась с такой страшной опасностью, как та, что ждет их теперь, что вероятность их счастливого возвращения в Бронзовый шатер или оазис Серебряного Цветка невелика.

Потом он услышал музыку и понял, что это душа девочки превратилась в звук. Мягкая, печальная, унылая музыка. Такая прекрасная, что, если бы не его нынешняя эфемерная субстанция, он бы разрыдался.

Потом он увидел перед собой синее небо, красную пустыню, простирающуюся к красным горам на горизонте, и испытал странное ощущение, словно он возвращается домой, в землю, которую каким-то образом потерял в детстве, а потом забыл.

Глава вторая

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Когда Элрик почувствовал, что его кости восстановились, а плоть обрела свои прежние вес и форму, он увидел, что земля, в которую они попали, мало чем отличается от той, которую они покинули. Перед ними простиралась красная пустыня, за которой высились красные горы. Ландшафт казался настолько знакомым, что Элрик обернулся — нет ли здесь Бронзового шатра, но сразу же за его спиной разверзлась бездна — такая огромная, что он не видел ее конца. У него внезапно закружилась голова, и он чуть не потерял равновесия, чем вызвал улыбку Оуне.

Похитительница снов была все в том же своем удобном бархатном и шелковом одеянии.

— Ну вот, принц Элрик, теперь мы и в самом деле на краю света. Выбора у нас практически не осталось, и отступать поздно.

— Я и не думал об этом, моя госпожа,— сказал Элрик.

Приглядевшись, он понял, что горы здесь гораздо выше, чем в том мире, из которого они прибыли, и все наклонены в одну сторону, словно под напором непреодолимого ветра.

— Они похожи на зубы какого-то древнего хищника,— сказала Оуне, зябко поведя плечами, словно она и в самом деле заглядывала в разверзтую пасть.— Нет сомнения в том, что первая часть нашего путешествия приводит нас именно сюда. Эту землю похитители снов называют Саданор, или земля Общих Снов.

— Но тебе, кажется, эти места незнакомы.

— Места могут быть разными. Нам известен только *характер* этой земли. Детали могут меняться. Но места, куда мы попадаем, часто опасны не потому, что незнакомы нам, а именно из-за своей привычности. Это второе правило похитителя снов.

— Опасайся того, что знакомо.

— Ты хорошо учишься.

Казалось, она слишком уж обрадовалась его ответу, словно сомневалась в собственных представлениях о его качествах и была рада получить лишнее им подтверждение.

Элрик начал в полной мере осознавать степень опасности затеянного предприятия, и его захватило этакое лихое безрассудство, готовность отдаться во власть мгновения — эти качества и делали его столь непохожим на других повелителей Мелнибонэ, чьи жизни были подчинены традициям и желанию во что бы то ни стало сохранить свою власть.

Глаза его загорелись прежним жизнелюбием, и он, улыбнувшись, иронически поклонился и сказал:

— Что ж, тогда веди, моя госпожа! Начнем наш путь к горам.

Оуне нахмурилась — его настроение слегка напугало ее. Но она пошла вперед по песку, делая это так легко, словно шла по воде у берега.

Альбинос последовал за ней.

— Должен признаться,— сказал он, когда позади остался приблизительно час пути, а свет никак не изменился,— что чем дольше я здесь нахожусь, тем большее беспокойство вызывает у меня это место. Поначалу я подумал, что солнце тут подернуто дымкой, но теперь я понимаю, что солнца тут нет вообще.

— Такие отклонения от нормы в земле Общих Снов — явление обычное,— сказала Оуне.

— Я бы чувствовал себя увереннее с мечом на боку.

— Мечи здесь легко найти,— сказала она.

— Мечи, выпивающие души?

— Может быть. А ты испытываешь потребность в этом своем напитке? В снадобье господина Гхо?

Элрик, к своему удивлению, признал, что пока он не потерял ни грана энергии. Пожалуй, впервые в своей взрослой жизни у него было ощущение, что физически он ничем не отличается от других людей, что он может жить, не прибегая ни каким искусственным укрепляющим средствам.

— Мне пришло в голову,— сказал он,— что если мне где и обзаводиться домом, то только здесь.

— Ну вот, теперь ты начинаешь попадаться в другую из ловушек этого мира,— сказала она не очень серьезно.— Сначала подозрение и, может, страх. Потом расслабление, такое чувство, будто ты здесь свой, будто здесь и есть твой естественный или духовный дом. Все это — иллюзии, типичные для странника, и я не сомневаюсь — тебе это известно. Но этим иллюзиям необходимо противиться, потому что они больше чем просто чувства. Они могут оказаться ловушками, которые завлекут и уничтожат тебя. Будь благодарен, что в тебе больше энергии, чем обычно, но не забывай еще одно правило похитителя снов: «За каждое достижение приходится платить либо до, либо после события». На каждый несомненный плюс находится такой же несомненный минус.

Элрик не высказывал эту мысль вслух, но про себя думал, что, возможно, такую цену и стоит платить.

Именно в этот момент он и увидел лист.

Его принес воздух откуда-то сзади — красновато-золотой дубовый лист, он упал на песок перед его ногами, как это

происходит во время осеннего листопада. Поначалу Элрик не увидел в этом ничего необычного и наклонился, чтобы поднять этот лист.

Оуне тоже увидела этот лист и хотела было остеречь Элрика, но потом передумала.

Элрик положил лист на ладонь — обычный лист, вот только деревьев здесь совсем не было. Он хотел было попросить Оуне объяснить ему это явление, но тут увидел, что она уставилась на что-то у него за плечом.

— Добрый вам день,— сказал веселый голос.— Вот уж действительно удача — встретить таких же, как и ты сам, смертных в такой жуткой глуши. Какая шутка Колеса забросила вас сюда?

— Приветствую,— сказала Оуне. По ее лицу расплылась улыбка.— Ты плоховато одет для пустыни, мой господин.

— Мне никто не сказал, где я окажусь, меня даже не предупредили, что я отправляюсь в путешествие...

Элрик повернулся и, к своему удивлению, увидел маленького человечка, чье веселое, с тонкими чертами лицо терялось под огромным тюрбаном желтого шелка. Этот головной убор, достигавший ширины плеч человечка, был украшен булавкой с громадным драгоценным камнем зеленого цвета и несколькими павлиньими перьями. Казалось, на нем несколько слоев одежды — все сочных цветов, из шелка или льна, включая и жилетку с вышивкой, и длинную куртку из великолепно подобранных и прошитых лоскутов, оттенки которых непременно еле заметно отличались от соседних. На ногах у него были мешковатые штаны из красного шелка и щегольские башмаки из зеленой и желтой кожи с загнутыми вверх носками. Оружия у человека не было, а на руках он держал испуганного черно-белого кота, на спине которого были сложенные черные крылья, шелковистые на вид.

Увидев Элрика, человек поклонился.

— Приветствую тебя, мой господин. Ты, насколько я понимаю, инкарнация Воителя в этом мире. А я...— Он нахмурился, словно на секунду забыл свое имя.— Я — нечто, начинающееся на «дж», и нечто, начинающееся на «к». Через мгновение я вспомню. Или появится другое имя или событие, я

в этом не сомневаюсь. Я ваш... как это называется... стенографист, да? — Он вперился в небо.— Это что — один из бессолнечных миров? У нас здесь вообще никогда не будет ночи?

Элрик взглянул на Ауне, которую явление этого призрака вроде бы никак не насторожило.

— Я вовсе не искал секретаря, мой господин,— сказал он человечку.— У меня и в мыслях не было, что мне назначат кого-то в этом роде. Мы с моей спутницей отправились в этот мир на поиски...

— Ну конечно же, поиски. Такова ваша задача, а моя — сопровождать вас. Это в порядке вещей, мой господин. Меня зовут...— И опять его имя выскользнуло из его памяти.— А вас?

— Я — Элрик из Мелнибонэ, а это Ауне — похитительница снов.

— Значит, это земля, которую похитители снов называют Саданор. Отлично. А меня зовут Джаспар Колинадус. А кота моего зовут, как и положено, Мурлыка.

Кот при этом издал тонкий и осмысленный звук. Его хозяин, внимательно выслушав, кивнул.

— Теперь я узнаю эту землю,— сказал он.— А вы ищете врата Марадора? Путь в землю Старых Желаний.

— Ты тоже похититель снов, господин Джаспар? — удивленно спросила Ауне.

— У меня есть родственники похитители.

— Но как ты здесь оказался? — спросил Элрик.— Через медиума? Так же, как мы, воспользовался смертным ребенком?

— Твои слова мне непонятны, мой господин.— Джаспар Колинадус поправил тюрбан, маленький кот забрался в один из объемистых рукавов.— По всей видимости, я путешествую между мирами без всякой системы и обычно по прихоти силы, которую я не понимаю. Нередко я оказываюсь проводником или спутником странников вроде вас. И я не всегда,— досадливо добавил он,— одет подобающим образом для того царства, в котором оказываюсь. Мне снилось, кажется, что я — султан какого-то сказочного города, где я владею самыми удивительными и разнообразными сокровищами. Там меня ублажали...— Он покраснел и отвернулся от Ауне.— Прошу меня простить. Это был сон. И вот я пробудился от него. К несчастью, одежда на мне осталась та же, что была во сне...

Элрику казалось, что слова этого человека — просто набор каких-то нелепиц, но Ауне воспринимала их вполне серьезно.

— Так значит, тебе известна дорога к вратам Марадора?

— Конечно, я должен ее знать, если это земля Общих Снов.— Он осторожно переместил своего кота на плечо, а потом начал что-то искать в своих рукавах, под рубашкой, в карманах, извлекая на свет всевозможные свитки, бумаги, книжечки, шкатулочки, коробочки, инструменты для письма, куски шнура и катушки нитей. Наконец он вытащил свернутый кусок пергамента и издал вздох облегчения.— Вот она! Наша карта.— Он вернул все извлеченное на свои места и развернул пергамент.— Так и есть, так и есть! Дорога идет вон через те горы.

— Предложение помощи...— начал Элрик.

— И опасайся знакомого,— тихо сказала Ауне. После этого она сделала нетерпеливый жест.— Вот тут-то мы и сталкиваемся с противоречием, потому что незнакомое тебе вполне знакомо мне. Таково одно из свойств этой земли.— Она повернулась к Джаспару Колинадусу.— Мой господин, ты позволишь мне взглянуть на твою карту?

Человечек без колебаний протянул ей карту.

— Прямая дорога. Дорога всегда слишком прямая, да? И она единственная. Вот в этом-то и прелесть царства Снов. Их можно толковать и контролировать без всякого труда. Если только они не проглатывают тебя с головой. А они имеют обыкновение это делать.

— У тебя передо мной преимущество,— сказал Элрик,— потому что я ничего не знаю об этих мирах. И я понятия не имел, что есть и другие, похожие на этот.

— Ну, тогда тебе предстоит много удивительных открытий, мой господин! Ты станешь свидетелем стольких чудес. Я расскажу тебе о них, но ты должен познакомиться с ними не только по моим воспоминаниям, поскольку они у меня нередко слишком туманные. Однако ты должен знать, что существует огромное разнообразие миров, и некоторые из них еще не родились, а другие настолько стары, что уже впадают в маразм,

некоторые рождаются в снах, другие уничтожаются ночными кошмарами.— Джаспар Колинадус замолчал ненадолго — с извиняющимся выражением на лице.— Прошу меня простить за чрезмерный энтузиазм. У меня не было ни малейшего намерения запутать тебя, мой господин. Я хочу, чтобы ты знал — я и сам немного запутался. У меня всегда так. Ну так что, моя карта тебе что-нибудь говорит, госпожа похитительница снов?

— Да.— Оуне морщила лоб, разглядывая пергамент.— Через эти горы есть только один путь, и он называется Акульи Челюсти. Если предположить, что горы лежат от нас на север, то мы должны направиться на северо-восток и найти Акулью Глотку, как она здесь названа. Мы тебе весьма признательны, мастер Джаспар Колинадус.— Она свернула карту и возвратила ему.

Пергамент исчез в одном из его рукавов, откуда вылез кот и, мурлыкая, улегся на согнутой в локте руке хозяина.

Несколько мгновений Элрику казалось, что сия приятная личность создана собственным воображением Оуне, хотя и невозможно было поверить, что он не существует сам по себе, такую уверенность в себе он излучал. И Элрику даже подумалось, что и сам он — всего лишь игра фантазии.

— Вы увидите, что на этом пути есть опасности,— небрежно сказал Джаспар Колинадус, пристраиваясь рядом с ними.— Когда мы подойдем поближе, я выпущу Мурлыку в разведку.

— Мы будем тебе чрезвычайно признательны, мой господин.

Они продолжили свой путь по выжженной пустыне. Джаспар Колинадус рассказывал о своих предыдущих похождениях, которые помнил лишь частично, о людях, которых знал и чьи имена забыл, о великих мгновениях в историях тысяч миров, значение которых стерлось из его памяти. Слушать его было все равно что войти в один из старых залов Имррира на острове Драконов, где когда-то огромные ряды витражей рассказывали в картинах историю первых мелнибонийцев, о том, как они оказались в своем нынешнем месте обитания. Теперь от этих витражей остались осколки, фрагменты истории, блестящие детали, содержание которых лишь смутно угадывалось, а смысл был навсегда утерян. Элрик оставил попытки следить

за рассказом Джаспара Колинадуса, но (так же как он научился делать это с фрагментами стекла) позволял себе наслаждаться их живописностью и красками.

Неизменность света начала волновать его, и в конце концов он прервал рассказ Джаспара и спросил, не беспокоит ли это явление и его?

Джаспар Колинадус воспользовался этой возможностью, чтобы остановиться, снять свои башмаки и вытряхнуть из них песок. Оуне ждала их впереди, проявляя все признаки нетерпения.

— Нет, мой господин. Потусторонние миры нередко бессолнечны, поскольку они не подчиняются законам, с которыми мы знакомы по нашему миру. Они могут быть плоскими, иметь форму полусферы, овала, круга, даже куба. Они существуют только как спутники тех миров, которые мы называем «реальными», а потому порядок в них зависит не от солнца, луны или планетарной системы, а от потребностей — духовных, фантазийных, философских и тому подобное — тех миров, которым необходимо солнце, чтобы обогревать их, и луна, чтобы регулировать приливы и отливы. Существует даже теория, что на самом деле наши миры являются лишь спутниками, а в этих потусторонних мирах и рождаются наши реальности.

Освободив свои башмаки от песка, Джаспар Колинадус последовал за Оуне, которая ушла вперед, решив не ждать их на месте.

— Возможно, это земля, где властвует Ариох, Герцог Ада и мой покровитель,— сказал Элрик.— Земля, из которой происходит Черный Меч.

— Вполне вероятно, принц Элрик. Потому что в данный момент на твоего друга нападает некое дьявольское существо, а у нас с собой нет никакого оружия.

Вероятно, эта трехголовая птица спикировала с огромной высоты, потому-то никто не заметил ее приближения, но теперь она неслась с ошеломляющей скоростью на Оуне, которая, услышав предупреждающий крик Элрика, бросилась бежать, вероятно рассчитывая сбить эту тварь с толку. Птица походила на гигантскую ворону. Две ее головы были втянуты

в шею, а третья — вытянута вперед, помогая стремительному падению вниз. Крылья птицы были сложены сзади, когти выпущены, чтобы схватить женщину.

Элрик с криками бросился вперед. Он тоже надеялся, что сможет сбить с толку эту тварь и она изменит направление.

С жутким карканьем, заполнявшим, казалось, все небо, чудовище немного замедлило свое падение, чтобы не промахнуться и ухватить женщину.

Именно в этот момент Джаспар Колинадус за спиной Элрика закричал:

— Ах ты, подлая птица, ах ты, жадная трехклювая ворона!

Птица замерла в воздухе, повернула все три головы в сторону фигуры в тюрбане, решительно двигавшейся в ее направлении по песку пустыни, держа наготове кота на руке.

— Это что такое, ворона? Ведь тебе же запретили питаться живым мясом! — Голос Джаспара Колинадуса звучал презрительно.

Мурлыка зарычал на птицу, хотя та была во много раз больше маленького кота.

С пренебрежительным карканьем птица приземлилась и быстро побежала по песку в сторону Оуне, остановившейся, потому что это странное происшествие привлекло ее внимание. Теперь она снова припустила во все лопатки — а трехклювая тварь за ней.

— Ворона! Ворона! Помни о наказании.

Ответное карканье птицы звучало чуть ли не насмешливо. Элрик бросился вперед по вязкому песку, надеясь найти какое-нибудь средство для спасения похитительницы снов.

И в этот самый момент он почувствовал движение воздуха над своей головой, его неожиданно обдало прохладой, и что-то темное пустилось следом за тварью, которую Джаспар Колинадус назвал трехклювой вороной.

Преследователем был черно-белый кот. Зверек уселся на среднюю шею птицы, впившись когтями всех четырех лап в перья. Гигантская трехголовая ворона принялась с пронзительным воплем крутиться на месте. Две другие ее головы пытались клюнуть вцепившегося в нее кота, но им было до него не дотянуться.

К удивлению Элрика, кот стал на глазах увеличиваться, словно выпивая из вороны жизненные соки, а ворона, напротив, становилась все меньше.

— Плохая трехклювая ворона! Подлая ворона! — Нелепая фигура Джаспара Колинадуса подбежала к птице и принялась укоризненно грозить ей пальцем — клювы лишь нацеливались на палец, но клюнуть не осмеливались.— Тебя предупреждали. И теперь ты должна умереть. Как ты вообще сюда попала? Последовала, наверное, за мной, когда я покинул дворец? — Он поскреб затылок.— Правда, я что-то не помню, чтобы я покидал дворец. Ну что ж...

Трехклювая ворона снова каркнула, сверкнув безумными, испуганными глазами в сторону несостоявшейся жертвы. Оуне приблизилась к вороне.

— Эта тварь — твой домашний любимец, мастер Джаспар?

— Конечно же нет, моя госпожа. Она — мой враг. Она знала, что получила последнее предупреждение. Но я думаю, она вовсе не ожидала увидеть меня здесь и считала, что может бросаться на жертву, ничего не опасаясь. Разве не так, ворона?

Ответное карканье было чуть ли не жалобным. Маленький черно-белый кот напоминал теперь занятого делом вампира — он высасывал жизненные соки из трехглавого монстра.

Оуне смотрела с ужасом, как ворона постепенно усыхала и наконец превратилась в нечто сморщенное. Мурлыка оторвался от вороньей шеи — огромный и круглый, он принялся умываться, мурлыкая от удовольствия. Явно довольный своим любимцем, Джаспар Колинадус погладил его по голове.

— Молодец, Мурлыка. Теперь из этой злосчастной твари даже подливки не сделаешь для нищенской корочки хлеба.— Он гордо улыбнулся, поглядывая на двух своих новых друзей.— Этот кот не раз спасал мне жизнь.

— Откуда тебе известно имя этого монстра? — пожелала узнать Оуне. Ее красивое лицо разрумянилось, она тяжело дышала.

Элрик внезапно вспомнил Симорил, хотя, в чем сходство двух этих женщин, сказать бы не смог.

— Так ведь именно ворона перепугала княжество, в котором я был до этого.— Джаспар Колинадус продемонстриро-

вал свои богатые одеяния.— И поэтому-то мне тамошний народ и оказывал такие почести. Трехклювая ворона всегда знала о силе Мурлыки и боялась его. Когда я там появился, весь народ пребывал в страхе — так их терроризировала эта тварь. Ну, тогда я укротил ворону. Вернее, это сделал Мурлыка. Но я оставил ворону в живых, поскольку она была полезна — пожирала падаль, а в той земле стояла страшная жара. Когда же я провалился в ту самую дыру мультивселенной, эта тварь, вероятно, последовала за мной, не догадываясь, что я здесь вместе с Мурлыкой. В этом есть какая-то маленькая тайна, госпожа Оуне.

Оуне глубоко вздохнула.

— Я благодарна тебе за помощь, мой господин.

Он склонил голову.

— Пожалуй, нам стоит поторопиться к вратам Марадора? В Акульей Глотке нас поджидают новые и не менее внезапные опасности. На карте есть пометки.

— Жаль, что со мной нет моего меча,— сказал Элрик.— Я бы чувствовал себя увереннее, неважно была ли это иллюзия или нет!

Но и без меча он пошел вместе с остальными в направлении гор.

Кот остался сзади, вылизывая лапы и умываясь, как настоящий домашний кот, поймавший мышку в кладовке.

Наконец дорога стала подниматься — они достигли подножий Акульей Челюсти и увидели впереди огромную серую трещину в горах — Акулью Глотку, через которую можно было пройти в следующую землю на их пути. После зноя пустыни этот проход манил их прохладой, хотя Элрик уже издалека увидел двигающиеся внутри тени. Белые тени мерцали на черном фоне.

— Что за народ там живет? — спросил он у Оуне, которая не дала ему взглянуть на карту, когда ту извлек из каких-то своих карманов Джаспер.

— Главным образом либо те, кто заблудился, либо те, кто боится продолжить путешествие. Другое название этого перехода — долина Робких Душ.— Оуне пожала плечами.— Но я

подозреваю, опасность нам грозит не от них. Или уж, во всяком случае, опасность, которую они собой представляют, невелика. Они всегда подчиняются той силе, которая главенствует в переходе.

— И карта ничего не говорит о природе этой силы?

— Карта лишь говорит, что нам следует быть осмотрительными.

Сзади послышался какой-то шум, Элрик повернулся, предполагая увидеть какую-нибудь опасность, но это оказался Мурлыка, который выглядел теперь чуть полнее, чуть глаже, но имел прежние размеры. Наконец-то кот догнал их.

Джаспар Колинадус рассмеялся и присел, чтобы кот запрыгнул ему на плечо.

— Нам не нужно никакого оружия, а? Зачем оно, если у нас для нашей защиты есть такой красивый зверь?!

Кот лизнул его в лицо.

Элрик вглядывался в мрачный проход, пытаясь представить, с чем они там столкнутся. На мгновение ему показалось, что у входа он увидел всадника на серебристо-сером коне в странных доспехах различных оттенков белого, серого и желтого. Конь всадника встал на дыбы, когда тот направил его внутрь, в черноту, и в этот момент Элрик почувствовал, что должно случиться что-то дурное, хотя и не видел этой фигуры никогда прежде.

Оуне и Джаспар Колинадус явно не обратили внимания на призрака и продолжили свое неутомимое движение в направлении перехода.

Элрик ничего не сказал своим спутникам о всаднике, вместо этого он спросил у Оуне, как это так получается, что вот они уже несколько часов двигаются по пустыне, но не чувствуют ни голода, ни усталости.

— Это одно из преимуществ мира, в котором мы находимся,— сказала она.— Но есть и весьма существенные минусы, поскольку тут легко теряешь чувство времени, а вместе с ним забываешь о направлении и цели. Более того, здесь нужно постоянно напоминать себе, что, хотя физическую энергию вроде бы не теряешь и голода не чувствуешь, другие формы энер-

гии расходуются. Пусть это духовная или душевная энергия, но она не менее ценна, что, как я полагаю, тебе понятно. Сохраняй в себе эти силы, принц Элрик, скоро они тебе понадобятся.

Элрик спрашивал себя, не заметила ли и она бледного воина, но по непонятным для него самого причинам спрашивать об этом ему не хотелось.

По мере их продвижения к Акульей Глотке предгорья вокруг становились выше. Свет уже потускнел — его загораживали горы, и Элрик ощутил озноб, причиной которого была не только прохлада.

До них донесся звук стремнины, и Джаспар Колинадус подбежал к скалистому обрыву, чтобы посмотреть вниз. Он повернулся, слегка озадаченный.

— Глубокая пропасть. Река. Чтобы перебраться на другой берег, нам нужно найти мост.— Он пробормотал что-то своему крылатому коту, который немедленно взмыл в воздух над бездной и вскоре исчез из виду.

Вынужденный остановиться, Элрик испытал внезапный приступ меланхолии. Он был не в силах измерить свои физические потребности, не знал, какие события происходят в мире, который он оставил, его беспокоил неумолимый ход времени, поскольку он не сомневался: господин Гхо сдержит слово и замучит Аная до смерти. К тому же ему в голову стали закрадываться подозрения, что все это — пустая затея и их предприятие может закончиться только катастрофой для всех. Он спрашивал себя, почему он так безоглядно доверился Оуне. Возможно, потому, что пребывал в отчаянии, потрясенный смертью Алнака Креба...

Она дотронулась до его плеча.

— Помни, что я тебе сказала. Твоя усталость здесь носит не физический характер, она проявляется твоими настроениями. Ты должен искать духовной пищи с таким же упорством, с каким ты обычно ищешь еду и питье.

Заглянув в ее глаза, он увидел тепло и доброту. И сразу отчаяние стало покидать его.

— Должен признаться, меня вдруг начали одолевать сомнения...

— Когда еще раз почувствуешь что-то подобное, сообщи мне,— сказала она.— Я знакома с этим чувством и, возможно, помогу тебе...

— Я целиком в твоей власти, моя госпожа.— Он произнес эти слова без капли иронии.

— Я полагала, ты понял это, когда согласился сопровождать меня,— мягко сказала она.

— Да.

Он повернулся и увидел возвращающегося кота, который в этот момент садился на плечо Джаспара Колинадуса. Человечек в тюрбане слушал с внимательным и умным видом, и Элрик был уверен: кот что-то ему говорит.

Наконец Джаспар Колинадус кивнул.

— Тут есть хороший мост не далее чем в четверти мили, а от него идет дорога прямо к проходу. Мурлыка говорит, что мост охраняется одним-единственным воином на коне. Я полагаю, мы можем надеяться, что он нас пропустит.

Они пошли вдоль реки, а небо у них над головами тем временем темнело. Элрик молился о том, чтобы не чувствовать не только голода и усталости, но и холода, от которого его тело начинало дрожать. Только Джаспар Колинадус не страдал от низкой температуры.

Грубые стены пропасти постепенно отступали, скругляясь при приближении к проходу, и очень скоро путники увидели впереди мост — узкий естественный выступ скалы нависал над пенящейся внизу рекой. Они слышали рев воды, устремлявшейся еще ниже по ущелью. Но стражника, о котором говорил кот, нигде поблизости не было видно.

Элрик осторожно шел первым, в очередной раз жалея, что при нем нет меча, который придал бы ему уверенность. Он подошел к мосту и поставил на него ногу. Далеко внизу, у основания гранитных стен бездны плясала серая пена, и река, словно живая, пела свою особую песню, в которой слышалось торжество и отчаяние.

Элрика охватила дрожь, но он сделал следующий шаг. По-прежнему никакой фигуры в сгущающейся темноте видно не было. Еще один шаг, и он оказался высоко над потоком воды, но глаз вниз не опускал, боясь, как бы вода не позвала его.

Он знал, как очаровывают подобные стремнины, как их звук и движение привлекают к себе.

— Ну, ты видишь стражника, принц Элрик? — выкрикнул Джаспар Колинадус.

— Никого! — откликнулся альбинос и сделал еще два шага.

Теперь следом за ним шла Оуне, двигалась она осторожно, как и он сам. Он смотрел на дальний конец моста. Там вздымались так высоко, что предела им не было видно, огромные влажные плиты породы, покрытые лишайником и странного цвета ползучими растениями. За звуком реки ему слышались голоса, негромкие летучие шумы, угрожающее шарканье ног, но он по-прежнему никого не видел.

Лишь дойдя до середины моста, Элрик во мраке бездны различил что-то отдаленно похожее на силуэт лошади и всадника на ней, возможно, в доспехах, цветом напоминающих его, Элрика, кожу.

— Кто там? — спросил альбинос.— Мы пришли с миром. Мы никому не желаем вреда.

И опять за звуками воды ему вроде бы послышалось слабое, неприятное похохатывание.

Потом поток воды словно бы стал громче, и Элрик понял, что слышит стук копыт по поверхности скалы. На дальнем конце моста, будто материализовавшись из водяной пыли, вдруг возникла фигура — она надвигалась на него, подняв для удара длинный светлый меч.

Свернуть Элрику было некуда. Избежать встречи с воином можно было, только прыгнув в поток. Элрик почувствовал, как в глазах у него помутилось, когда он приготовился броситься вперед в надежде ухватить лошадь за уздечку и хотя бы остановить наездника.

Но тут опять послышался шелест крыльев, и что-то уселось на шлеме воина и вцепилось ему в лицо. Это был Мурлыка, который брызгал слюной, шипел и вопил, как обычный дворовый кот, не поделивший с другим таким же котом выброшенные объедки рыбы.

Лошадь встала на дыбы. Наездник вскрикнул от испуга и боли и выпустил из рук уздечку, надеясь сбросить с себя кота. Мурлыка взмыл в воздух и оказался вне пределов досягаемости всадника. Элрик увидел сверкнувшие серебристые глаза, кожу с отметинами проказы, и тут лошадь, предоставленная сама себе, поскользнулась на влажной скале и свалилась на бок. Несколько мгновений она пыталась подняться на ноги, всадник тем временем кричал, как полоумный, не выпуская из руки свой длинный белый меч. А потом и всадник, и конь рухнули с моста вниз — замелькали в одном клубке руки и копыта, летевшие вниз навстречу далекому темному потоку.

Элрик с трудом перевел дыхание. Джаспар Колинадус подошел к нему и поддержал за руку, чтобы тот не потерял равновесия, потом помог Элрику и Оуне добраться до дальнего конца скалистой плиты, где они остановились уже на другом берегу, так толком и не поняв, что с ними случилось.

— Я еще раз благодарю Мурлыку,— сказал Элрик с натянутой улыбкой.— У тебя очень ценный зверек, господин Колинадус.

— Еще ценнее, чем ты думаешь,— с чувством сказал Джаспар Колинадус.— Он не раз играл решающую роль в мировой истории! — Кот вернулся к нему на руку, и Джаспар погладил его по голове — тот заурчал, довольный собой.— Я рад, что мы оказались полезными вам.

— Ну что ж, от стражника на мосту мы избавились.— Элрик глянул в пенистый поток внизу.— Должны ли мы ожидать новых нападений, моя госпожа?

— Несомненно,— ответила Оуне. Она хмурила лоб, будто задумавшись над проблемой, о существовании которой было известно только ей.

Джаспар Колинадус сложил губы трубочкой.

— Смотрите-ка,— сказал он,— расщелина сужается и переходит в туннель.

Так оно и было на самом деле. Они увидели, как скалы грудятся одна на другую, оставляя проход, напоминающий пещеру высотой в рост Элрика. Ряд грубо высеченных ступеней вел вверх к этой пещере, внутри которой время от времени мелькал желтый огонек, словно там горели факелы.

Джаспар Колинадус вздохнул.

— Я надеялся проводить вас и дальше, но теперь должен повернуть назад. Я не могу идти за врата Марадора, а это они,

кажется, и есть. Идти дальше для меня означает верную гибель. Теперь мне придется поискать других попутчиков в земле Общих Снов.— Он казался искренне огорченным.— Прощай, принц Элрик, прощай госпожа Оуне. Я желаю вам успеха в вашем предприятии.

Джаспар Колинадус внезапно развернулся и зашагал назад через мост, так ни разу и не обернувшись. Он исчез почти так же внезапно, как и появился — его фигура вместе с котом растворилась во мраке, прежде чем Элрик или Оуне успели произнести хоть слово.

Оуне, казалось, приняла случившееся за норму и в ответ на Элриков вопросительный взгляд сказала:

— Здесь такие люди — приходят и уходят. Вот еще одно правило, которое узнает похититель снов: «Не держись ни за что, кроме собственной души». Ты понимаешь?

— Я понимаю, что, видимо, судьба похитителя снов — одиночество, моя госпожа.

С этими словами Элрик начал подниматься по огромным ступеням, ведущим к вратам Марадора.

Глава третья

О КРАСОТЕ, ОБНАРУЖЕННОЙ В ГЛУБОКИХ ПЕЩЕРАХ

Почти сразу же, как они ступили в туннель, тот пошел под уклон. Если поначалу в нем было прохладно, то теперь стало жарко и влажно, отчего Элрику начало казаться, будто он идет по воде. Огоньки, освещавшие туннель, не были, как подумал вначале Элрик, лампадами или факелами; это светились естественные люминесцирующие сгустки вещества, по внешнему виду напоминающего плоть. Они вдруг поняли, что говорят между собой шепотом, словно не желая потревожить покой здешних обитателей. Но Элрик не испытывал страха. В туннеле была атмосфера святилища, и он заметил, что и Оуне утратила обычную свою осторожность, хотя опыт и научил ее относиться ко всему с подозрением как к потенциально опасной иллюзии.

Никакой четкой границы между Саданором и Марадором не существовало, разве что легкая перемена настроения, а потом туннель открылся в огромный природный зал, переливающийся сочными оттенками похожей на экзотические растения породы — синим, зеленым, желто-золотистым и темно-розовым, все они перетекали один в другой, как только-только остывшая лава.

От запахов, словно исходящих от роскошных, головокружительных цветов, у императора возникло впечатление, что он идет по саду вроде тех, в которых Элрик играл в детстве, где было совершенно безопасно и спокойно. Но здесь не возникало сомнения, что они находятся в пещере и, чтобы добраться до нее, им пришлось двигаться под землей.

Если поначалу это зрелище понравилось ему, то вскоре он стал чувствовать какую-то грусть, потому что давно не вспоминал садов своего детства, того невинного счастья, которое так редко приходит к мелнибонийцам, независимо от возраста. Он вспомнил о своей матери, которая умерла во время родов, о своем убитом горем отце, отказывавшемся признавать сына, который, по отцовскому рассуждению, убил его жену.

В глубине этого природного зала произошло какое-то движение, и Элрик снова почувствовал опасность, но люди, возникавшие из тени, не были вооружены, а на их лицах застыло выражение печали.

— Мы прибыли в Марадор,— уверенно прошептала Оуне.

— Вы хотите присоединиться к нам? — заговорила одна из женщин.

На ней было свободное одеяние, сверкающее множеством цветов, отражающих цвета породы на стенах и сводах пещеры. Ее длинные волосы имели цвет блеклого золота, а глаза отливали свинцом. Она протянула руку, чтобы прикоснуться к Элрику в знак приветствия, и ее рука оказалась такой же холодной, как и его. Он почувствовал, как заражается таким же печальным спокойствием, и ему показалось, что не худшая судьба — остаться здесь, вспоминать желания и радости прошлого, когда жизнь была намного проще и казалось, что мир можно легко покорить, легко улучшить.

За его спиной Оуне голосом, который показался ему неуместно резким, произнесла:

— Мы путники в вашей земле, моя госпожа. Мы не желаем вам никакого вреда, но остаться не можем.

Тогда заговорил мужчина:

— Путники? И куда же вы направляетесь?

— Мы направляемся в Крепость Жемчужины,— сказал Элрик.

Оуне явно была недовольна его откровенностью.

— У нас нет желания задерживаться в Марадоре,— сказала она.— Мы только хотим найти местоположение следующих врат — врат Паранора.

Мужчина задумчиво улыбнулся.

— Боюсь, что они потеряны. Потеряны для всех нас. Но в потере нет ничего плохого. В ней даже есть утешение — неужели вы не чувствуете? — Он взглянул на них мечтательными, невидящими глазами.— Лучше не искать того, что может принести одни разочарования. Мы здесь предпочитаем помнить то, что когда-то страстно желали, и то, что мы при этом чувствовали...

— Но разве не лучше продолжать поиски? — Элрика удивил собственный резковатый тон.

— Зачем, мой господин? Ведь реальность не выдерживает никаких сравнений с ожиданиями.

— Ты так считаешь, мой господин? — Элрик готов был поразмыслить над этой сентенцией, но почувствовал, как Оуне крепко взяла его за руку.

— Не забудь о названии, данном этой земле похитителями снов,— прошептала она.

Элрик подумал, что это и вправду земля Старых Желаний. К нему возвращались все его прежние устремления, неся с собой ощущение простоты и покоя. Теперь он вспомнил, как эти ощущения были вытеснены гневом, когда он начал понимать: вероятность того, что его мечты воплотятся в реальность, чрезвычайно мала. Его выводила из себя несправедливость этого мира. Он погрузился в изучение магии. Он исполнился решимости изменить устоявшиеся правила, дать больше свободы, больше справедливости — у него для этого было достаточно

власти. Однако соотечественники отказывались признавать его логику. Ранние его мечты стали увядать, а с ними и надежда, которая поначалу наполняла его сердце. Теперь ему снова предлагали прежнюю надежду. Возможно, где-то существуют миры, в которых все его желания исполнятся? Может быть, Марадор и был таким миром?

— Если бы я вернулся домой, забрал Симорил и привел ее сюда с собой, то мы могли бы счастливо жить с этими людьми,— сказал он Оуне.

Похитительница снов ответила чуть ли не с презрением:

— Это земля Старых Желаний, а вовсе не земля Сбывшихся Желаний. Понимаешь разницу? Чувства, которые ты испытываешь, легки, и их легко поддерживать. Но реальность остается недостижимой, и ты лишь тоскуешь по тому, чего не сможешь получить. Когда ты отправился на поиски мечты, ты заслужил признание в этом мире, Элрик из Мелнибонэ. Отступись от своих намерений — от намерения построить мир, в котором властвует справедливость,— и ты утратишь мое уважение. Ты утратишь и свое собственное уважение. Ты станешь обманщиком, а меня сделаешь глупцом, потому что я поверила, будто ты посодействуешь мне в спасении Священной Девы!

Элрика потрясла ее вспышка, казавшаяся такой оскорбительной в этой приятной, безмятежной обстановке.

— Но я думаю, что построить такой мир невозможно. Уж лучше предаваться мечтам, чем терпеть поражения.

— Именно в это и верят обитающие в Марадоре. Останься здесь, если хочешь, и верь в то, во что они верят вечно. Но я думаю, каждый должен попытаться добиться справедливости, как бы ничтожны ни были шансы на успех!

Элрик чувствовал усталость, ему хотелось присесть и отдохнуть. Он потянулся и зевнул.

— Кажется, эти люди владеют тайной, которую я могу узнать. Я, пожалуй, поговорю с ними немного, а потом уже мы пойдем дальше.

— Если ты это сделаешь, то тем самым погубишь Аная. И Священная Дева тоже умрет. И все то, что ты ценишь в себе, тоже умрет.

Ояне сказала это тихим голосом. Ее тон был почти обыденным. Но в ее словах звучала такая убежденность, что настроение Элрика было переломлено. Он уже не в первый раз собирался погрузиться в свои сны. Сделай он это раньше, так теперь сам бы правил своим народом, а Йиркун был бы сослан или убит.

Мысль о кузене и его амбициях, о Симорил, которая ждет его возвращения, чтобы они могли пожениться, помогла Элрику вспомнить о цели его пребывания здесь, и он стряхнул с себя это настроение умиротворенности, мечтательности. Он поклонился людям из пещеры.

— Я благодарю вас за вашу щедрость, но дорога зовет меня к вратам Паранора.

Ояне глубоко вздохнула; вероятно, это был вздох облегчения.

— Время здесь измеряется не привычным способом, принц Элрик, но можешь не сомневаться, оно идет гораздо быстрее, чем мне хотелось бы...

Элрик, последовав за Ояне в глубины сверкающих пещер, с большим сожалением расстался с грустными людьми.

А Ояне добавила:

— Эти земли очень точно названы. Остерегайся знакомого.

— Может, нам следовало немного отдохнуть здесь? Восстановить силы? — спросил Элрик.

— Ну да, и умереть здесь от сладкой грусти.

Он посмотрел на нее с удивлением и увидел, что и на нее повлияла здешняя атмосфера.

— От этого погиб Алнак Креб?

— Конечно же нет! — Ояне пришла в себя.— Уж такой очевидной ловушки он вполне мог избежать.

Теперь Элрик испытал чувство стыда.

— Я едва не провалился при первом же серьезном испытании моей решимости и моего умения держать себя в руках.

— У нас, похитителей снов, то преимущество, что мы много раз проходили подобные испытания,— сказала она ему.— С опытом противостоять искушению легче, хотя оно и остается сильным.

— И тебе тоже приходится преодолевать искушение?

— А почему же нет? Ты думаешь, у меня нет забытых желаний, ты думаешь, мне не о чем мечтать? Ты думаешь, у меня в детстве не было приятных мгновений?

— Прошу меня простить, моя госпожа.

Ее передернуло.

— Эта часть прошлого всегда притягивает к себе. Да и вообще прошлое притягивает. Только мы забываем о другой части — о той, что заставила нас погрузиться в фантазии.

— Значит, ты веришь в будущее, моя госпожа? — попытался пошутить Элрик.

Камень у них под ногами стал скользким, и они были вынуждены спускаться с большей осторожностью. Впереди Элрику снова послышался звук реки, возможно, теперь она несла свои воды под землей.

— В будущем ловушек не меньше, чем в настоящем,— сказала она с улыбкой.— Я верю в настоящее, мой господин. В вечное настоящее.

В ее голосе послышалась дрожь, словно она не всегда придерживалась такого мнения.

— Я полагаю, что размышления и сожаления предлагают множество искушений,— сказал Элрик и открыл от изумления рот, уставившись на то, что увидел впереди.

Расплавленное золото устремлялось вниз по двум сильно изношенным лоткам в породе, образуя огромное, имеющее форму рогатки сооружение. Золото текло беспрепятственно, а приблизившись, они поняли, что оно не горячее. Его текучесть обеспечивалась, видимо, какой-то составляющей породы. Золото, достигнув пола пещеры, наполняло пруд, из которого вытекал ручеек, несущий свое драгоценное содержимое к другому потоку, который, как показалось поначалу, содержал обычную воду. Но, приглядевшись внимательнее, Элрик увидел, что наполняет этот ручеек — серебро, а два элемента, встретившись, смешивались.

Проследив за направлением движения этого ручья, Элрик увидел, что чуть дальше тот впадает в реку, сверкающую алым цветом и, вероятно, состоящую из расплавленных рубинов. За все время своих скитаний по Молодым королевствам и потусторонним мирам Элрик не видел ничего подобного. Он хо-

тел было подойти к этим потокам поближе, чтобы посмотреть внимательнее, но Оуне остановила его.

— Мы дошли до следующих врат,— сказала она.— Не обращай внимания на это чудо, мой господин. Лучше посмотри вон туда.

Она указала в пространство между двумя потоками золота, и он увидел там какие-то тени.

— Это Паранор. Ты готов войти туда?

Вспомнив, как эту землю называют похитители снов, Элрик позволил себе иронически улыбнуться.

— Я в полной готовности, моя госпожа.

Как только он шагнул под арку, за ними раздался стук лошадиных копыт. Этот звук резко отдавался от стен пещеры, эхо ударялось в своды, разносилось по тысяче помещений, и Элрик даже не успел повернуться — что-то тяжелое ударило его по плечу и отбросило в сторону. Ему показалось, что перед ним промелькнули белая как смерть лошадь и всадник в доспехах из слоновой кости, перламутра и светлых черепаховых панцирей.

Лошадь проскакала в ворота расплавленного золота и исчезла внутри во мраке. Но Элрик не сомневался — этот воин принадлежит к тому же племени, что и всадник, напавший на него на мосту. Ему показалось, что, невзирая на удаляющийся стук копыт, он слышит все тот же смешок.

— Мы столкнулись с врагом,— сказала Оуне. Лицо ее было мрачным. Она обхватила себя руками, явно пытаясь смирить дрожь.— Нас узнали. Крепость Жемчужины не просто защищается — она атакует.

— Ты знаешь этих всадников? Ты видела их раньше?

Она покачала головой.

— Я просто знаю их породу, только и всего.

— И мы никак не можем их избежать?

— Почти никак.

Оуне снова нахмурилась, обдумывая какую-то проблему, обсуждать которую еще была не готова. Потом она, словно бы отмахнувшись от этой мысли, взяла его за руку и повела под двумя струящимися золотыми каскадами глубже в пещеру, ко-

торая теперь вдруг наполнилась мягким зеленым мерцанием, словно они шли под кронами деревьев, освещенных осенним солнцем.

И тут Элрик подумал о Древнем Мелнибонэ на вершине его могущества, когда его соотечественники в своей гордыне как должное принимали владычество над всем миром. Тогда ради удовлетворения сиюминутных прихотей мелнибонийцев ломались судьбы целых народов.

Войдя в следующую пещеру, он не сразу понял, что они все еще остаются под землей,— таким огромным было это помещение. Он увидел шпили и минареты города, мерцающие тем же теплым зеленоватым цветом; город этот своей красотой мог сравниться с его любимым Имрриром, Грезящим городом, все уголки которого он исследовал в своем детстве.

— Это похоже на Имррир, и в то же время это вовсе не Имррир,— удивленно сказал он.

— Нет,— сказала она.— Он похож на Лондон. Он похож на Танелорн. Он похож на Рас-Палоом-Атай.

В ее голосе не было ни капли насмешки. Она говорила так, будто и в самом деле верила, что этот город похож на все ею названные, только один из которых был знаком Элрику.

— Но ты уже видела его раньше. Как он называется?

— У него нет имени,— сказала она.— У него все имена. Он называется так, как ты пожелаешь его назвать.

И она отвернулась, словно чтобы дать себе передышку, а спустя некоторое время повела его дальше по дороге мимо города.

— Мы не остановимся здесь? Может, здесь есть люди, которые покажут нам путь?

Оуне сделала отрицательный жест:

— А может, есть и такие, которые постараются нас задержать. Теперь уже ясно, принц Элрик, что наша миссия раскрыта и определенные силы во что бы то ни стало постараются нас остановить.

— Ты думаешь, нас преследуют наемники-колдуны?

— Возможно, они опередили нас. А может быть, оставили здесь кого-то из своих.

Она подозрительно поглядывала на город.

— Он кажется таким мирным местом,— сказал Элрик.

Чем больше смотрел он на город, тем больше впечатлялся его архитектурой, его зеленоватым камнем с оттенками от желтого до голубого. Он видел огромные арки и горбатые мостики, перекинутые от одной башни к другой. Были видны и шпили — тонкие и изящные, как паутина, и в то же время такие высокие, что их верхушки исчезали из виду под сводами пещеры. Казалось, этот город отражает какую-то часть Элрика; вот только какую — это Элрик не сумел сразу вспомнить. Он хотел заглянуть в этот город. Хотя он и поклялся следовать за Оуне, делал он это теперь, преодолевая внутренний протест. Он начал верить, что и она сама заблудилась, что и она понятия не имеет, как достичь цели.

— Мы должны идти дальше,— сказала она. Голос ее звучал все настойчивее.

— Я знаю: я найду в этом городе нечто такое, что позволит вернуть величие Имрриру. А я смогу повести свой народ на завоевание мира. Только теперь мы будем нести не страх и жестокость, а красоту и добрую волю.

— Ты подвержен заблуждениям в большей степени, чем я думала, принц Элрик,— сказала Оуне.

Он сердито ответил ей:

— А что плохого в таких устремлениях?

— Они эфемерны. Эфемерны, как и этот город.

— А мне так он кажется вполне реальным.

— Реальным? Ну да, на свой манер. Стоит тебе войти туда, как он обнимет тебя, словно любовницу, которую уже не надеялся увидеть. Идем, мой господин. Идем!

Казалось, и с ней случился приступ плохого настроения. Она зашагала по дорожке вулканического стекла, которая петляла среди холмов, уходя к городу.

Испуганный внезапной переменой в Оуне, Элрик последовал за ней. Но теперь его собственный гнев улетучился.

— Я подчиняюсь твоему мнению, моя госпожа. Прошу прощения...

Она не слушала его. С каждым мгновением город приближался к ним, и скоро они оказались под его стенами, куполами и башнями, размер которых был так велик, что их истинную величину даже трудно было представить.

— Вот ворота,— сказала она.— Заходи туда, а я попрощаюсь с тобой. Я постараюсь одна спасти девочку, а ты можешь предаваться потерянным верованиям, они ведь и так уже крепко держат тебя!

Элрик посмотрел пристальнее на стены, которые были словно сделаны из нефрита, и увидел в них темные очертания, и он понял, что эти очертания — фигуры мужчин, женщин и детей. Он изумился, подойдя поближе и увидев живые лица, выразительные глаза, губы, застывшие в выражении ужаса, боли, отчаяния. Они напоминали множество мушек, обездвиженных в янтаре.

— Это неменяющееся прошлое, принц Элрик,— сказала Оуне.— Такова судьба тех, кто хочет вернуть свои потерянные верования, не попытавшись обрести новые. У этого города есть еще одно имя. Похитители снов называют его городом Находчивой Трусости. Тебе понятен выверт логики, из-за которого столько людей попадает в эту затруднительную ситуацию? Ты понимаешь, что заставило их вынудить своих близких разделить с ними эту судьбу? Хочешь остаться с ними, принц Элрик, и нянчиться со своими потерянными верованиями?

Альбинос, содрогнувшись, отвернулся.

— Но если они видели, что случилось с их предшественниками, зачем они все же вошли в город?

— Они не хотели видеть очевидного. Вот оно — великое торжество бездумного желания над разумом и человеческим духом.

Вместе они вернулись на прежнюю дорогу, и Элрик вздохнул с облегчением, когда великолепные башни остались позади. После этого они миновали еще несколько огромных пещер, в каждой из которых был собственный город, хотя и не такой великолепный, как первый. Посетить эти города у него не возникло желания, хотя в некоторых он видел какое-то движение, а Оуне сказала, что, по ее мнению, не все они так опасны, как город Находчивой Трусости.

— Ты назвала этот мир царством Снов,— сказал он.— Вот уж воистину точное название, потому что здесь целое собрание снов и немало ночных кошмаров. Ощущение такое, будто

это родилось в голове поэта — настолько необычны некоторые места.

— Я тебе говорила,— сказала она (теперь, когда он осознал опасности, в голосе ее зазвучали теплые нотки),— многое из того, что ты здесь видишь,— это частично сформированные реальности, которые еще незнакомы другим мирам, таким как твой или мой. В какой степени проявятся они в других царствах — мне это неведомо. Эти места приводились к их сегодняшнему состоянию поколениями похитителей снов, которые придавали форму тому, что было бесформенно.

Теперь Элрик начал лучше понимать то, что говорила ему Оуне раньше.

— Вы не создаете карту того, что существует, вы накладываете на существующее свою собственную карту!

— В известной мере. Мы не изобретаем. Мы просто определенным способом описываем. Так мы можем прокладывать пути по каждому из мириадов царств Снов, которые только этими путями и соединены друг с другом.

— На самом деле в каждом из этих царств могут быть тысячи различных земель?

— Можно сказать и так. Можно сказать — бесконечное множество земель. Дороги прокладываются таким образом, чтобы путник без компаса не забрел слишком далеко от пункта своего назначения.— Она рассмеялась почти весело.— Причудливые названия, которые мы даем этим местам, это не поэтическая прихоть, не каприз, а насущная необходимость. Наша жизнь зависит от точности описаний!

— В твоих мирах такая глубина, моя госпожа. Моя жизнь прежде зависела от доброго острого клинка!

— Пока ты зависишь от своего меча, принц Элрик, ты обрекаешь себя на необычную судьбу.

— Ты предсказываешь мне смерть, моя госпожа?

Оуне отрицательно покачала головой, на ее красивом лице промелькнула и исчезла улыбка, полная любви и нежности.

— Смерть почти для всех нас неизбежна — в той или иной форме. И я должна признать, если Хаос будет когда-то повержен, то инструментом этой замечательной победы будешь ты. Было бы очень печально, принц Элрик, если бы, обуздывая Хаос, ты уничтожил себя и всех, кого ты любишь, включив их в эту сделку.

— Обещаю тебе, госпожа Оуне, что всеми силами буду стараться избежать такой судьбы.— Элрик заглянул в глаза похитительницы снов, изумился их выражению, но предпочел не предаваться размышлениям на эту тему.

Они прошли по сталагмитовому и сталактитовому лесу, все деревья которого мерцали теми же самыми цветами — темно-зеленым, темно-синим, сочным красным. Вода, капая со сводов на пол, издавала музыкальные звуки. Нередко огромная капля падала на Элрика или Оуне, но природа пещер была такова, что через несколько мгновений одежда на них высыхала. Они расслабились и почти что весело шли рука об руку, но вдруг увидели фигуры, скользящие между торчащими выступами скал.

— Воины,— пробормотал Элрик. Не без иронии он добавил: — Вот когда было бы полезно оружие...

Он оценивал положение, одновременно стараясь отыскать выход через мир стихий, вспомнить подходящие заговоры, какую-нибудь сверхъестественную подмогу. Однако ничего подходящего в голову ему не приходило. Ему показалось, что умственные пути, которыми он следовал раньше, были теперь для него заблокированы.

На воинах были свободные плащи поверх доспехов, на головах шлемы из металла и кожи. У Элрика возникло впечатление, что на него из-под масок смотрят холодным взглядом глаза с татуированными веками, и он сразу же понял, что перед ним члены секты наемников-колдунов из Кварцхасаата, оставшиеся здесь, после того как их товарищи покинули царство Снов. Они несомненно оказались здесь в ловушке. Однако было ясно, что они не намереваются говорить с Элриком и Оуне,— они смыкали круг, следуя принятым у них принципам атаки.

Элрика поразила необычность этих людей. Им недоставало некой гибкости движений, и чем ближе они подходили, тем яснее ему становилось, что он почти что не видит сквозь их глаза, заглядывает прямо в их черепа. Перед ними были не

обычные смертные. Он как-то раз видел похожих на них личностей в Имррире. Это случилось в один из тех редких дней, когда его отец Садрик взял его с собой в местную поездку — на старую арену, за высокими стенами которой содержались те мелнибонийцы, что потеряли свои души в поисках колдовского знания, но чьи тела продолжали жить. Они, казалось, тоже были одержимы холодной, непримиримой ненавистью ко всем, кто не был на них похож.

Ояне вскрикнула и быстро прошмыгнула (по пути упав на колено, чтобы избежать удара меча) к одному из здоровенных заостренных столбов. Сталагмиты располагались так близко друг к другу, что воинам трудно было орудовать мечами, и какое-то время альбинос и похитительница снов ныряли, избегая ударов, но в конце концов один из мечей рассек Элрику руку, и он в изумлении увидел, как из раны потекла кровь.

Владыка Мелнибонэ понимал, что их гибель — вопрос времени; он приник спиной к одному из огромных известковых зубьев и почувствовал, как сталагмит качнулся. По какой-то причине зубец оторвался от своего основания. Элрик навалился на него всем своим весом, и сталагмит начал падать. Элрик быстро подхватил его и выставил вперед, уперев себе в плечо. После этого он, собрав все свои силы, со сталагмитом наперевес ринулся на ближайшего воина.

Острие сталагмита вонзилось в грудь воина. Наемник-колдун издал короткий предсмертный крик, и странная, нечеловеческая кровь начала бить из его груди, она устремлялась вниз, впитываясь в кости воина, заново поглощаясь ими. Элрик прыгнул вперед и, прежде чем другой воин успел наброситься на него, выхватил из рук поверженного меч и кинжал. К Элрику вернулась вся его военная хитрость, все его боевые навыки. Задолго до того, как в его руках оказался Буревестник, Элрик постиг искусство владения мечом и кинжалом, луком и копьем, и теперь ему не потребовалось много времени, чтобы и без заколдованного меча умелой рукой поразить второго наемника-колдуна, а потом и третьего. Он крикнул Ояне, чтобы она подобрала оружие поверженных, а сам прыгал от сталагмита к сталагмиту, поражая одного воина за другим. Теперь они двигались как-то лениво, неуверенно, но никто из них не бросился наутек.

Скоро к нему присоединилась Ояне, тоже демонстрировавшая немалое искусство владения оружием. Он восхищался изяществом ее техники, уверенностью ее движений, когда она отражала удары и сама наносила их. Дралась она с колоссальной эффективностью, и, невзирая на всю экономичность ее движений (она напоминала кошку в крысиной норе), вокруг нее росла гора поверженных тел.

Элрик позволил себе усмехнуться, бросив на нее взгляд через плечо.

— Для человека, который только что воспевал преимущества слова против меча, ты слишком уж хорошо владеешь оружием, моя госпожа!

— Прежде чем сделать выбор, нужно получить опыт и в том и в другом,— ответила она, пронзая мечом очередного нападающего.— И должна признать, что бывают ситуации, принц Элрик, когда добрый кусок стали имеет определенные преимущества перед лихо закрученной фразой!

Они сражались рука об руку, как два старых товарища. Их приемы дополняли друг друга, хотя и несхожими назвать их было нельзя. Оба дрались, как дерутся лучшие воины,— без жестокости и без кровожадного азарта, но с намерением победить как можно быстрее, не причиняя при этом противнику чрезмерной боли.

Однако противник, казалось, вообще не испытывал никакой боли, просто все поверженные умирали с одинаковым тревожным и мучительным воплем, а кровь, сочившаяся из их ран, была воистину странной.

Наконец мужчина и женщина покончили с противником и встали, опираясь на свои позаимствованные мечи. Они тяжело дышали и пытались сдержать тошноту, которая нередко является спутником сражения.

И тут на глазах Элрика тела вокруг них стали постепенно исчезать, и наконец от них осталось лишь несколько мечей. Исчезла и кровь. Теперь ничто не свидетельствовало о схватке, только что происходившей в этой огромной пещере.

— Куда они делись?

Оуне подобрала ножны и вложила в них свой меч. Что бы она ни говорила, но двигаться дальше без оружия она явно не собиралась. Она засунула за пояс два кинжала.

— Делись? — Она помедлила, потом добавила: — В ту самую лужу полуживой эктоплазмы, из которой они и появились.— Она покачала головой.— Они были почти что призраками, но не совсем. Они были тем, что оставили после себя наемники-колдуны.

— Ты хочешь сказать, что часть их вернулась в наш мир, как вернулась и часть Алнака?

— Именно.— Она глубоко вздохнула и сделала движение, словно собираясь продолжить путь.

— Так почему бы нам не найти здесь Алнака? Живого?

— Потому что мы не ищем его,— сказала она. Говорила она с прежней своей решимостью, и у Элрика почти пропало желание углубляться в этот предмет.

— Впрочем, мы, возможно, и не найдем его здесь, в отличие от наемников-колдунов, которые оказались в земле Утраченной Веры,— тихо сказал альбинос.

— Верно,— сказала она.

И тут Элрик обнял ее, и несколько мгновений они стояли, прижавшись друг к другу, а потом направились дальше в поисках врат Селадора.

Позднее, когда Элрик помогал своей спутнице перебраться через другой естественный мост, под которым текла серовато-бурая река, Оуне сказала ему:

— Для меня это вовсе не обычное предприятие, Элрик. Поэтому-то мне и понадобился ты.

Элрик не ответил. Слова Оуне привели его в замешательство: зачем ей понадобилось говорить то, что оба они принимали как само собой разумеющееся.

Когда появились вооруженные пиками и сетями женщины со звериными рылами и напали на них, Элрик и Оуне быстро отогнали этих трусливых существ. Не очень их обеспокоили и лисоподобные существа, которые прыгали на задних лапах и имели когти, как у птиц. Они даже обменивались шутками, быстро разделавшись со стайкой щелкавших зубами зверей, по

форме напоминавших лошадей, а по размерам — собак. Эти даже знали несколько слов на человеческом языке, хотя и произносили их без всякого смысла.

Наконец они приблизились к границе Паранора и увидели впереди неясные громады двух башен, вырезанных в скале: у них были маленькие балкончики и окошки, террасы и стены с зубцами. Все это было покрыто ползучими растениями, на ветвях которых висели ярко-желтые плоды.

— Это врата Селадора,— сказала Оуне. Казалось, она с неохотой приближается к этому месту. Рука ее лежала на рукояти меча, а другую она переплела с рукой Элрика. Она остановилась и медленно вдохнула всей грудью.— Земля лесов.

— Ты называла ее землей Забытой Любви,— сказал Элрик.

— Да, такое название дали ей похитители снов.— Она невесело рассмеялась.

Элрик, не поняв ее настроения, промолчал, чтобы не выглядеть назойливым, и перевел взгляд с Оуне на врата, а потом — снова на Оуне.

Она протянула руку к его белому, как кость, лицу. Ее собственная шелковистая кожа была золотистой, насыщенной жизнью. Она заглянула ему в лицо, потом, вздохнув, отвернулась и, взяв его за руку, сделала шаг в направлении врат.

Они прошли между двумя башнями, и ноздри Элрика сразу же наполнились крепкими запахами листьев и трав. Вокруг них стояли огромные дубы, клены, березы и другие деревья, но все они, хотя и образовывали нечто вроде полога, росли не под сводом открытого неба, а под сводами странно мерцающих пород в потолке пещеры. Раньше Элрик думал, что деревья не могут расти под землей, и теперь он задумался о жизнеспособности, обыденности, обо всем, и поэтому не без удивления увидел, как из леса появилось какое-то существо и твердо заступило им дорогу.

— Стойте! Я должен знать, что вас сюда привело!

Лицо его было покрыто коричневой шерстью, а зубы так странно выпячены, уши были такими большими, глаза — такими крупными и нечеловеческими, что он напоминал здоровенного кролика, хотя и был в видавших виды медных доспе-

хах, на голове — медный шлем, а оружие (меч и пика), хотя и изготовленное из хорошей стали, тоже было отделано медью.

— Нам всего лишь нужно пройти через эту землю, и мы никому не желаем вреда и сами хотим остаться невредимыми,— сказала Оуне.

Воин-кролик покачал головой.

— Это слишком расплывчато,— сказал он и, внезапно подняв свою пику, погрузил ее в дупло дуба. Дуб издал звук боли.

— Вот что он мне сказал. И многие другие тоже.

— Так эти деревья были путниками?

— Как тебя зовут, мой господин?

— Меня зовут Элрик из Мелнибонэ, а ее — госпожа Оуне. Мы не хотим никаких неприятностей. Мы направляемся в Имадор.

— Я не знаю никаких Элриков и никаких Оуне. Я граф Магнес-Доара, и эта земля принадлежит мне. По праву меча. По праву наследования. Вы должны вернуться через врата туда, откуда пришли.

— Мы не можем,— сказала Оуне.— Отступление означает для нас гибель.

— А движение вперед, моя госпожа, будет означать для вас то же самое. Ну что? Хотите навсегда остаться у входа?

— Нет, мой господин,— сказала она и взялась за рукоять меча.— Если потребуется, мы проложим себе путь через этот лес силой оружия. У нас неотложное дело, и мы не позволим, чтобы нас задерживали.

Воин-кролик вытащил пику из дуба, и тот умолк. Но воин-кролик вонзил свое оружие в другой дуб, и тот тоже принялся кричать и стонать, и наконец даже граф Магнес-Доара раздраженно потряс головой и вытащил оружие из ствола.

— Думаю, вам придется драться со мной,— сказал он.

В этот момент они услышали крик из-за правой башни, и оттуда появилось что-то белое. Это был еще один всадник в доспехах из кости, черепашьего панциря и перламутра, его жуткие глаза горели ненавистью, копыта лошади били по барьеру, которого не было, когда во врата входили Элрик и Оуне.

Потом барьер упал, и воин атаковал их.

Альбинос и похитительница снов приготовились защищаться, но в этот момент вперед вышел граф Магнес-Доара и направил свою пику в тело воина. Однако сталь была отражена доспехом, который оказался прочнее, чем выглядел, после этого взметнулся меч и чуть ли не с презрением обрушился на медный шлем, разрубил его пополам и вонзился в череп воина-кролика, который, бросив меч и копье, попятился, обхватив голову руками. Его карие глаза словно стали еще больше, и он начал жалобно скулить. Потом принялся медленно вращаться вокруг своей оси и упал на колени.

Элрик и Оуне отступили за ствол одного из дубов и приготовились защищаться.

Лошадь снова встала на дыбы, храпя с прежней безумной яростью. Элрик тем временем стрелой метнулся из своего укрытия, поднял пику и вонзил ее между нагрудником и латным воротником воина — точно в горло.

Послышался хрип, перешедший вскоре в знакомое похохатывание, потом всадник развернул коня и поехал по тропинке через лес. Тело его дергалось и раскачивалось, словно в предсмертной агонии, но все еще оставалось в седле. Потом всадник и конь исчезли.

Элрика трясло.

— Если бы я не видел, как он умер на мосту из Саданора, я бы поклялся, что это тот же, кто напал на меня там. Уж слишком знакомая повадка.

— Ты не видел, как он умер,— сказала Оуне.— Ты видел, как он свалился в реку.

— Ну, теперь, после такого удара, я думаю, он мертв. Я почти отделил ему голову от туловища.

— Сомневаюсь,— ответила Оуне.— Я думаю, он самый сильный наш враг, и по-настоящему нам придется разбираться с ним лишь у самой Крепости Жемчужины.

— Он защищает Крепость?

— Многие ее защищают.— Она снова легонько приобняла его, потом опустилась на одно колено, чтобы осмотреть убитого графа Магнес-Доара. Мертвый он больше походил на человека; волосы у него на груди и руках стали седеть, а его плоть готова была вот-вот исчезнуть. Медный шлем приобрел ка-

кой-то уродливый серебристый оттенок. Элрику вспомнилось, как умирал Алнак, и он отвел глаза.

Он обнял Оуне, и ему показалось, что дрожь пробежала по ее телу. В памяти его всплыла маленькая лодка, светловолосая девочка, спящая на днище суденышка, которое плывет в открытое море, и он сам, направляющий свой ялик к лодчонке, гордый тем, что станет спасителем девочки. Но он был уверен, что никогда не знал такой девочки, хотя Оуне и напоминала ему ее, только выросшую.

Оуне, тяжело вздохнув, отпрянула от него.

— Я думала, ты... Словно я всегда знала тебя...— Она закрыла лицо руками.— Ах, Элрик, эта проклятая земля так точно названа!

— Но какую опасность таит она для нас? — спросил он.

Она покачала головой.

— Кто это может знать? Может, опасность и невелика. А может, ее и вовсе нет. Похитители снов говорят, что именно в земле Забытой Любви принимаются самые важные решения. Решения, которые могут иметь наиболее серьезные последствия.

— Значит, здесь ничего нельзя делать? Нельзя принимать никаких решений?

Она разгладила рукой волосы.

— По меньшей мере, мы должны осознавать, что последствия могут проявиться очень нескоро.

Вместе они пошли дальше под кронами деревьев, прочь от мертвого воина-кролика. Теперь Элрику стало казаться, что на него из зеленой тени смотрят какие-то лица. Один раз он мог поклясться, что видел своего покойного отца Садрика, оплакивающего мать Элрика, единственное существо, любимое им по-настоящему.

Иллюзия была настолько реальной, что Элрик воскликнул:

— Садрик! Отец! Это ты заточен здесь?

Но Оуне тут же остановила его.

— Нет! Не обращайся к нему. Не призывай его к себе. Не позволяй ему материализоваться! Это ловушка, Элрик! Еще одна ловушка.

— Мой отец?

— Ты любил его?

— Да. Хотя это и была трудная любовь.

— Запомни, что я говорю. Не зови его сюда. Было бы непристойно звать его в эту галерею иллюзий.

Элрик понял ее, и ему пришлось взять себя в руки, чтобы прогнать из мысленного взора тень отца.

— Я хотел сказать ему, Оуне, как я сочувствовал ему в его утрате и скорби.— Тело Элрика сотрясали рыдания. Он думал, что давно уже освободился от этих чувств, а они, оказывается, оставались при нем.— Ах, Оуне, я был бы готов умереть сам, чтобы вернуть ему его жену. Неужели это невозможно?..

— Такие жертвы бессмысленны,— сказала она, беря его за плечи и прижимая к себе.— В особенности здесь. Не забывай о нашей цели. Мы уже пересекли три из семи земель, отделяющих нас от Крепости Жемчужины. Мы прошли половину. А это значит, что мы уже добились большего, чем многие. Держи себя в руках, владыка Мелнибонэ. Не забывай о том, что зависит от нашего успеха.

— Но если у меня есть возможность исправить причиненное зло?..

— Это связано только с твоими чувствами, а не с тем, что есть или может быть. Ты бы хотел выдумать тени, чтобы они действовали в твоих снах? Принесло бы это счастье твоей бедной матери или твоему отцу?

Элрик посмотрел над ее плечом в направлении леса. Образ его отца исчез.

— Он казался таким реальным. Словно живая плоть!

— Ты должен поверить, что мы с тобой — единственная живая плоть во всей этой земле. И даже мы...— Она оборвала себя. Она потянулась к Элрику и поцеловала его.— Давай отдохнем немного, нам нужно восстановить силы.

И Оуне увлекла Элрика на мягкие листья рядом с тропинкой. И она поцеловала его, и принялась ласкать его тело своими чувственными руками, и постепенно она стала всем тем, чего недоставало ему в женщинах, и он почувствовал, что и он

в свой черед стал для нее всем тем, чего она не позволяла себе желать в мужчине. Он без какого-либо чувства вины или сожаления знал, что их любовь не имеет прошлого и что единственное будущее этой любви простерлось за пределами их жизней, за пределами любых миров, куда они смогут попасть, и что ни он, ни она не увидят последствий этой любви.

И, невзирая на это знание, они были беспечны и счастливы, и они дали друг другу те силы, которые им потребуются, если они еще не утратили надежды добиться своей цели и добраться до Крепости Жемчужины.

Глава четвертая

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ШТУРМАНА

Удивленный тем, что он ни в малейшей мере не испытывал замешательства, с ясной головой Элрик бок о бок с Оуне шагнул через сверкающие серебряные врата в Имадор, почему-то названный похитителями снов землей Новых Амбиций. И тут же оказался на вершине огромной лестницы, которая спускалась в долину, протянувшуюся до самого горизонта. Сам горизонт светился бледно-голубым цветом; эту голубизну можно было по ошибке принять за небо.

Несколько мгновений ему казалось, что, кроме них с Оуне, на лестнице никого нет, но тут же он понял, что лестница забита людьми. Кто-то горячо спорил, кто-то торговался, кто-то обнимался, другие окружали каких-то святых старцев, ораторов, жриц, рассказчиков — все собравшиеся либо с интересом слушали, либо спорили.

На ступеньках, ведущих в долину, кипела жизнь во всем своем разнообразии. Элрик увидел заклинателей змей, укротителей медведей, жонглеров и акробатов. На них были одежды, какие носят обитатели пустыни,— необъятные шелковые шаровары зеленого, синего, золотистого, ярко-красного и янтарного цветов, плащи из парчи или бархата, тюрбаны, бурнусы и головные уборы самых затейливых форм; на многих был полированный металл, а также серебро, золото, драгоценные камни разнообразных видов; тут же можно было увидеть животных, торговые лотки, корзинки с продуктами, тканями, товарами из кожи, меди, латуни.

— Как они красивы! — заметил Элрик.

И правда, хотя люди здесь находились самые разные, все они отличались красотой, у всех у них была здоровая кожа, блестящие глаза, двигались они легко и с достоинством. Держали они себя уверенно, вид у них был веселый, и хотя они несомненно заметили Оуне и Элрика, спускающихся по ступеням, но не дали себе труда ни поприветствовать их, ни спросить, что их сюда привело. В толпе бегали собаки, кошки и обезьяны, а дети играли в непонятные игры, в какие играют все дети. Воздух был теплым и ароматным, наполненным запахом фруктов, цветов и других товаров.

— Вот бы все миры были похожи на этот,— добавил Элрик, улыбаясь молодой женщине, которая предложила ему скатерть с вышивкой.

Оуне купила апельсины у подбежавшего к ней мальчика. Один она протянула Элрику.

— Это и в самом деле милое царство. Я даже не предполагала, что оно настолько приятно.— Однако, откусив кусочек апельсина, она тут же выплюнула его изо рта себе на ладонь.— У него совсем нет вкуса.

Элрик попробовал свой апельсин, и этот тоже оказался сухим и безвкусным.

Разочарование, которое он при этом испытал, никак не соответствовало ничтожности события. Он отбросил апельсин, тот ударился о ступеньку и покатился дальше, пока не исчез из виду.

Серо-зеленая долина оказалась безлюдной. По ней проходила дорога, широкая и хорошо вымощенная, но на ней не было видно ни одного путника, несмотря на огромную толпу на ступенях.

— Интересно, почему эта дорога пуста,— сказал он, обращаясь к Оуне.— Эти люди что — спят по ночам на ступенях? Или, закончив здесь свои дела, уходят в иное царство?

— Мы обязательно получим ответ на этот вопрос, мой господин,— ответила Оуне.

Она взяла его под руку. После того как они занимались любовью в лесу, чувство симпатии и товарищества между ними укрепилось. Он не чувствовал никакой вины. В сердце своем он знал, что никого не предал, и видел: она исполнена таких же чувств. Они каким-то странным образом восстановили силы друг друга, и их соединенная энергия стала больше, чем просто сумма двух энергий. Он прежде не знал такой дружбы и был благодарен за нее. Он считал, что многому научился у Оуне, и верил, что похитители снов еще научат его многому такому, что будет ему полезно, когда он вернется в Мелнибонэ и заявит свои права на трон, на котором пока сидит Йиркун.

Они спускались по ступеням, и Элрику казалось, что одеяния становятся все более изысканными, драгоценности, прически и оружие — богаче и экзотичнее, рост людей увеличивался, а сами они становились все красивее.

Из любопытства он остановился послушать рассказчика, вокруг которого стояла зачарованная толпа. Однако человек говорил на незнакомом Элрику языке — резком и бесцветном. Они с Оуне остановились перед торговкой бисером, и Элрик вежливо спросил, принадлежат ли люди, собравшиеся на ступенях, к одному народу.

Женщина нахмурилась, глядя на него, и покачала головой, дав ответ на другом языке. Казалось, в этом языке всего несколько слов. Она повторила свой ответ еще раз. И только когда они остановились перед юным продавцом шербета, их вопрос был понят.

Парень нахмурился, словно переводя их слова на свой язык.

— Мы — народ ступеней. У каждого из нас здесь есть место, каждое следующее ниже предыдущего.

— Чем ниже, тем богаче и важнее, так? — спросила Оуне.

Его этот вопрос привел в недоумение.

— У каждого из нас здесь есть место,— повторил он и, словно напуганный их вопросами, бросился в густую толпу наверху. Людей здесь стало меньше, и Элрик увидел, что их число сокращается по мере приближения ступеней к долине.

— Это что — иллюзия? — пробормотал он, обращаясь к Оуне.— Ощущение такое, будто это сон.

— Здесь вмешивается наше представление о том, как все должно быть,— сказала Оуне.— Оно, я думаю, и окрашивает наше восприятие этого места.

— Значит, это не иллюзия?

— Это не то, что называется иллюзией.— Она попыталась найти подходящие слова, но в конце концов покачала головой.— Чем больше оно нам кажется иллюзией, тем больше таковой и становится. Понимаешь?

— Кажется.

Наконец они достигли нижних ступеней. Им оставалось спуститься еще на две-три, когда они увидели всадника, приближающегося к ним по долине. За всадником клубился огромный столб пыли.

Из толпы за ними послышался крик, и Элрик, повернувшись, увидел, как люди бросились вверх по ступеням. Он хотел было присоединиться к ним, но Оуне его остановила.

— Не забывай, у нас нет пути назад,— сказала она.— Мы должны встретить эту опасность достойным образом.

Постепенно фигура на лошади вырисовывалась все четче. Это был либо все тот же воин в доспехах из перламутра, слоновой кости и черепашьего панциря, либо очень на него похожий. У всадника в руке было белое копье с наконечником из заостренной кости, нацеленное прямо в сердце Элрика.

Альбинос прыгнул вперед, делая движение, которое должно было сбить с толку атакующего. Он находился уже почти под копытами коня, но в последнее мгновение вытащил меч и отбил копье. Сила удара отбросила его в сторону, и в это время Оуне, реакция которой была почти мгновенной, словно их движения контролировал один мозг, прыгнула и нанесла удар под поднятую левую руку — туда, где у всадника было сердце.

Однако ее удар был отражен внезапным движением правой руки всадника в кольчужной рукавице, и Оуне оказалась отброшенной в сторону. И тут Элрик впервые разглядел его лицо — худое, бескровное, с глазами дохлой рыбы, усмехающимся в презрительной гримасе оскалом рта. Потрясенный Элрик увидел, что во всаднике было что-то от Алнака Креба.

Всадник направил копье на Оуне, ударил ее в плечо, и она оказалась на земле.

Элрик успел вернуться в схватку до того, как копье нанесло новый удар. Он нацелил свой меч на конскую подпругу — старый трюк, которому он научился у вилмирских бандитов, однако удар пришелся по ноге в латах, и копье снова оказалось направлено на него, но он отскочил в сторону, отвлекая всадника на себя и давая Оуне возможность прийти в себя.

Хотя Оуне и Элрик сражались как единое целое, их противник был настойчив и, казалось, предугадывал каждый их выпад.

Элрик решил, что всадник — порождение сверхъестественных сил, и, делая очередной ложный выпад, устремился разумом в мир стихий, пытаясь найти там хоть какую-то помощь. Но помощи не было. У него возникло ощущение, будто все царства опустели, будто весь мир элементалей, демонов и духов разом был изгнан в Лимб. Ариох теперь не поможет ему. Здесь его колдовство стало совершенно бесполезным.

Оуне резко вскрикнула, и Элрик увидел, что она отброшена к нижней ступени. Она попыталась подняться на ноги, но ее словно парализовало. Он едва могла шевельнуть рукой или ногой.

Бледный всадник снова усмехнулся и устремился вперед, чтобы нанести последний удар.

Элрик издал свой старый боевой клич и ринулся на врага, пытаясь отвлечь его. Альбинос пришел в ужас при мысли, что сейчас на его глазах может погибнуть женщина, к которой он питал чувства истинной любви и дружбы,— он был готов умереть, лишь бы спасти ее.

— Ариох! Ариох! Кровь и души!

Но с ним не было рунного меча — ничего, кроме его хитрости и умения.

— Алнак Креб, это все, что от тебя осталось?

Всадник нетерпеливо повернулся и швырнул копье в бегущего на него Элрика — таков был его ответ.

Элрик не предвидел этого. Он попытался отскочить в сторону, но рукоять копья ударила его в плечо, и он тяжело свалился в пыль, а рука, непривычная к чужому мечу, выпустила его. Он ползком попытался добраться до меча, видя, что всадник извлек из ножен собственный длинный клинок и продолжает движение к Оуне. Элрик поднялся на одно колено и с точностью отчаяния швырнул свой кинжал, который прошел как раз между двух латных пластин на спине всадника. Занесенный для удара клинок внезапно опустился.

Элрик поднял свой меч, встал на ноги и с ужасом увидел, что всадник, не обращая внимания на рану, снова воздевает свой клинок, готовясь нанести удар Оуне.

— Алнак?

Элрик снова попытался воззвать к той части Алнака Креба, которая была здесь, но на сей раз тот словно не услышал Элрика. Тот же самый отвратительный, нечеловеческий смешок наполнил воздух, лошадь захрапела, ее копыта готовы были опуститься на женщину, беспомощно распростертую на ступенях.

Почти не сознавая, что делает, Элрик подскочил к всаднику и, подпрыгнув, ухватил его сзади, пытаясь стащить с коня. Всадник зарычал и повернулся. Удар его меча был отражен Элриком, и альбиносу удалось вытащить противника из седла. Вдвоем они упали в песок в нескольких дюймах от Оуне. Рука Элрика, держащая меч, оказалась прижатой к земле — на ней спиной лежал упавший с коня всадник. Однако Элрику удалось левой рукой вытащить кинжал, и он уже был готов нанести удар в жуткие мертвые глаза, но пальцы противника сомкнулись на запястье Элрика.

— Прежде чем хоть волос упадет с ее головы, тебе придется убить меня! — Обычно мелодичный голос Элрика теперь был похож на полное ненависти звериное рычание.

Однако воин в ответ опять только рассмеялся. Элрик слышал собственное сопение, ворчание воина в доспехах, ржание коня и затрудненное дыхание Оуне, которая пыталась встать на ноги.

— Воин Жемчужины!

Это был чей-то новый голос. Женский голос, но не принадлежащий Оуне, и в нем звучали непререкаемые властные нотки.

— Воин Жемчужины, ты больше не должен причинять вред этим путникам!

Воин проворчал что-то, но не послушался. Его зубы щелкнули у горла Элрика. Он попытался направить кинжал в сердце альбиноса. На его губах выступила пенящаяся слюна — белые капельки появились вокруг его рта.

— Воин Жемчужины!

Внезапно воин заговорил. Он заговорщицки зашептал в ухо Элрику:

— Не слушай ее. Я тебе помогу. Почему бы тебе не пойти с нами — научишься жить в Великой степи. Там такая великолепная охота. Там растут арбузы, вкус которых не уступает самым изысканным вишням. Я дам тебе замечательную одежду. Не слушай ее. Да, я Алнак, твой друг. Да!

У Элрика эта безумная болтовня вызвала отвращение еще большее, чем жуткая внешность этого существа и его кровожадность.

— Подумай обо всей власти, что есть. Они боятся тебя. Они боятся меня, Элрик. Я знаю тебя. Давай не будем соперничать. Я не свободен, но ты бы мог путешествовать за нас двоих. Я не свободен, но ответственность никогда не ляжет на тебя. Я не свободен, Элрик, но у меня много рабов. Они твои. Я предлагаю тебе новое богатство и новое мировоззрение, новый способ исполнения всех твоих желаний. Я боюсь тебя, а ты боишься меня. Так давай же соединимся. Только это единение и имеет какое-либо значение. Они видят тебя во снах — все они. Даже я вижу, хотя и не сплю никогда. Ты единственный враг...

— Воин Жемчужины!

Гремя, как костями, своими доспехами, перламутровыми раковинами, черепашьим панцирем, воин с кожей прокаженного высвободился из рук Элрика.

— Вдвоем мы сможем победить ее,— настойчиво бормотал он.— Ни одна сила не сможет противиться нам. Я наделю тебя моей свирепостью!

Элрик, превозмогая тошноту, поднялся на ноги и повернулся в том же направлении, куда смотрела Оуне, теперь сидевшая на ступеньках, растирая ноги, в которые понемногу возвращалась жизнь.

Они увидели женщину ростом выше Элрика или Оуне. Лицо у нее было скрыто вуалью, а на голове был капюшон. Она переводила взгляд с них на того, кого назвала воином Жемчужины. Потом она подняла здоровенную палку, которую держала в правой руке, и ударила ею о землю.

— Воин Жемчужины! Ты обязан мне подчиняться.

Воин Жемчужины кипел от ярости.

— Я не хочу этого! — прорычал он, стуча в кулаком в свой нагрудник.— Ты выводишь меня из себя, госпожа Су.

— Они на моем попечении и под моей защитой. Убирайся отсюда, воин Жемчужины. Убивай в другом месте. Убивай настоящих врагов Жемчужины.

— Я не желаю, чтобы ты приказывала мне! — Он набычился, надулся, как ребенок.— Все — враги Жемчужины. И ты тоже, госпожа Су.

— Ты глупое существо! Исчезни! — Она подняла палку, указывая ею куда-то за лестницу, где виднелись серые скалы, вершины которых терялись далеко в высоте.

И снова он воинственно сказал:

— Ты выводишь меня из себя, госпожа Су. Я — воин Жемчужины. Я получил свои силы от Крепости.— Он повернулся к Элрику, словно к товарищу.— Вступай со мной в союз, и мы сейчас же убьем ее. И тогда мы будем властвовать — ты в своей свободе, а я в своем рабстве. Мы будем властвовать во всех этих мирах и во многих других, о которых ничего не знают похитители снов. Безопасность воцарится навечно. Будь моим. Мы поженимся. Да, да, да...

Элрика пробрала дрожь, и он повернулся спиной к воину Жемчужины. Он подошел к Оуне, чтобы помочь ей подняться на ноги.

Оуне уже обрела способность двигаться, но все еще пребывала в каком-то полубессознательном состоянии. Она обернулась, чтобы бросить взгляд на лестницу, вершина которой терялась вдалеке. Ни одного из тех, кто недавно стоял на ступенях, не было видно.

Элрик встревоженно посмотрел на незнакомку. В ее одеяниях было много синих оттенков. По краям одежда была оторочена золотом или темно-зеленой лентой. Она держалась с удивительным изяществом и достоинством, а на Элрика и Ауне смотрела с улыбкой. Тем временем воин Жемчужины поднялся на ноги и вызывающе встал против женщины, бросая на нее гневные взгляды, а потом с отвратительной заговорщицкой улыбкой поглядывая на Элрика.

— Куда исчезли все люди с лестницы? — спросил Элрик у женщины.

— Они просто разошлись по домам, мой господин,— сказала госпожа Су. Ее голос, когда она заговорила с ним, стал теплым и дружеским, но сохранил властные нотки, которые слышались, когда она обращалась к воину Жемчужины.— Меня зовут госпожа Су, и я приветствую вас на этой земле.

— Мы благодарим тебя за вмешательство, моя госпожа,— впервые за все это время подала голос Ауне, хотя в ее интонации и прозвучала недоверчивая нотка.— Ты здесь правительница?

— Я просто проводник и штурман.

— Этот сумасшедший подчиняется тебе? — сказала Ауне Она потирала себе руки и ноги, поглядывая на воина Жемчужины, который усмехался и отводил глаза, когда госпожа Су смотрела на него.

— Он неполноценный.— В тоне госпожи Су слышалась твердость.— Он охраняет Жемчужину. Но он такой недоразвитый, что не понимает толком характер своей задачи, не видит различий между врагами и друзьями. Он может действовать только в определенных границах. Бедный недоумок. Те, кто поручил ему это дело, сами имели лишь отдаленное представление о том, что требуется от такого воина.

— Плохо. Ни за что! — Воин Жемчужины снова начал похохатывать.— Никогда! Вот почему! *Вот почему!*

— Исчезни! — воскликнула госпожа Су, снова указывая направление палкой. Ее глаза сверкнули над вуалью.— Они не имеют к тебе ни малейшего отношения.

— Умирать неразумно, моя госпожа,— сказал воин Жемчужины, приподняв плечо в жесте вызывающего высокомерия.— Ты уж лучше думай о собственной глупости. Мы все можем раствориться, если это достигнет своей цели.

— Исчезни, глупое животное! — Она указала на его коня.— И оставь здесь свою пику. Ты разрушительная, бездушная тварь.

— Может быть, я ошибаюсь,— сказал Элрик,— но мне кажется, что он несет какую-то чушь.

— Не исключено,— пробормотала Ауне.— Но, возможно, в его словах больше правды, чем в словах тех, кто хочет нас защитить.

— Все появится, и всему должно оказать сопротивление! — злобно изрек воин Жемчужины, садясь в седло. Он направился к тому месту, где упало его копье, после того как он метнул его в Элрика.— Поэтому-то мы и должны быть

— *Исчезни! Исчезни!*

Он нагнулся в седле, чтобы поднять копье.

— Нет,— твердо сказала женщина, словно разговаривала с неразумным ребенком.— Я тебе сказала, чтобы ты его не трогал. Посмотри, что ты натворил, воин Жемчужины! Я запрещаю тебе в другой раз нападать на этих людей.

— Значит, союза не получится. В следующий раз. Но скоро эта свобода будет отменена, и все соединятся! — Еще один жуткий смешок, и полубезумный наездник вонзил шпоры в бока лошади, которая припустила галопом в том направлении, откуда он и появился.— Да, узы будут! Непременно!

— Его слова имеют какой-нибудь смысл, госпожа Су? — спросил Элрик, когда воин исчез из виду.

— Некоторые — да,— сказала она. Ему показалось, что она улыбается за своей вуалью.— Не его вина, что у него не хватает извилин в мозгу. В этом мире совсем немного воинов. И он, вероятно, лучший из них.

— Лучший?

Иронический вопрос Ауне остался без ответа.

Госпожа Су протянула руку, на пальцах которой сверкали драгоценности изысканных цветов:

— Я здесь штурман. Я могу провести вас к замечательным островам, где двое влюбленных могут быть вечно счастливы. У меня есть такое место — тайное и безопасное. Хотите?

Элрик бросил взгляд на Оуне, спрашивая себя, не склоняется ли она к тому, чтобы принять приглашение госпожи Су. На мгновение он забыл, зачем они здесь оказались. Вот было бы здорово провести некоторое время в обществе Оуне!

— Ведь это Имадор, да, госпожа Су?

— О да, похитители снов называют это место Имадором. У нас для него есть другое название.— В ее голосе послышались неодобрительные нотки.

— Мы благодарны тебе за помощь, моя госпожа,— сказал Элрик, подумав, что Оуне была слишком уж бесцеремонна, и своим тоном словно бы принося извинения за тон своей спутницы.— Я — Элрик из Мелнибонэ, а это госпожа Оуне, похитительница снов. Тебе известно, что мы ищем Крепость Жемчужины?

— Да. Вам нужно идти вот этой дорогой. Она может вывести вас прямо к Крепости. Но, возможно, этот маршрут не из лучших. Я проведу вас по тому пути, который вы выберете.— В голосе ее послышалась какая-то отчужденность, словно она вдруг погрузилась в полудрему.

По ее тону Элрик догадался, что она обиделась.

— Мы многим обязаны тебе, госпожа Су, и твой совет ценен для нас. Так что бы ты нам предложила?

— Пожалуй, чтобы ты сначала набрал армию. Ради собственной безопасности. Крепость Жемчужины имеет непреодолимые оборонительные сооружения. Да и до этого армия может вам понадобиться. Вы оба храбрецы. К успеху есть несколько путей. В конце многих других дорог вас ждет смерть. Но вы это, несомненно, знаете...

— И где же мы сможем набрать такую армию? — Элрик предпочел не заметить остерегающий взгляд Оуне. Ему казалось, что она проявляет упрямство, что она слишком подозрительна по отношению к этой достойной женщине.

— Недалеко отсюда есть океан. В океане есть остров. Люди с этого острова жить не могут без драки. Они последуют за любым, кто пообещает им опасность. Пойдете туда? Там тепло и безопасные стены. Сады и много еды.

— В твоих словах немало здравого смысла,— сказал Элрик.— Видимо, в наших поисках стоит сделать паузу, чтобы

набрать этих воинов. И еще мне предложил союз воин Жемчужины. Он нам поможет? Ему можно доверять?

— В том, что вы хотите сделать? Я думаю, да.— Она нахмурилась.— Я думаю, да.

— Нет, госпожа Су,— внезапно и веско заговорила Оуне.— Мы тебе благодарны. Ты проводишь нас к вратам Фаладора? Они тебе известны?

— Я знаю, что ты называешь вратами Фаладора, молодая женщина. И какой бы вопрос ты ни задала, что бы ни пожелала, мой долг ответить и выполнить.

— А как ты называешь эту землю?

— Никак.— Вопрос Оуне, казалось, смутил ее.— У нее нет никакого названия. Просто — это место. Оно здесь. Но я могу проводить вас по нему.

— Я тебе верю, моя госпожа.— Голос Оуне смягчился. Она взяла Элрика за руку.— Наше иное название для этой земли — земля Новых Амбиций. Но новые амбиции могут вводить в заблуждения. Мы изобретаем их, когда нам начинает казаться, что старые амбиции нереализуемы, так?

Элрик понял. Он почувствовал себя глупцом.

— Ты хочешь нас отвлечь, госпожа Су?

— Нет-нет.— Женщина в вуали покачала головой. Сделала она это со всем изяществом, а прямота вопроса, казалось, задела ее.— Когда дорога становится непроходимой, новая цель может оказаться вполне желательной.

— Но эта дорога проходима, госпожа Су,— сказала Оуне.— Пока еще.

— Это верно.— Госпожа Су чуть наклонила голову.— В этом деле я с вами абсолютно откровенна. Во всех его сторонах.

— Мы будем держаться той стороны, в которой наиболее уверены,— мягко продолжила Оуне.— И мы чрезвычайно благодарны тебе за помощь.

— Я очень рада такой возможности, госпожа Оуне. Не стоит благодарности.— Женщина резко развернулась на месте, и одеяния на ней взметнулись, как облако под напором ветра.

Она повела их прочь от лестницы к тому месту, где земля понижалась. Подойдя поближе, они увидели неглубокую ре-

ку. К берегу был причален бот. Загнутый вверх нос был сделан из позолоченного дерева и напоминал крючок жезла Оуне. Борта лодки тоже были покрыты тонкими золотыми, бронзовыми и серебряными пластинами. У лодки были медные перильца, медью была отделана и единственная мачта, а на нокрее был намотан парус — голубой с серебряными нитями, как одеяния госпожи Су. Команды не было видно.

Госпожа Су указала своей палкой на бот:

— На этом боте мы найдем те врата, что вы ищете. Моя задача, госпожа Оуне и принц Элрик, защищать вас. Не бойтесь меня.

— Мы тебя не боимся, моя госпожа,— со всей искренностью сказала Оуне. Голос ее звучал мягко. Элрика ее манеры ввели в недоумение, но он решил, что она отдает себе отчет в ситуации, в которой они оказались.

— И что это значит? — пробормотал Элрик, когда госпожа Су спустилась к боту.

— Я думаю, это значит, что мы близки к Крепости Жемчужины,— сказала Оуне.— Она пыталась нам помочь, но сама толком не знает, как это сделать наилучшим образом.

— Ты ей доверяешь?

— Я думаю, если мы доверяем себе, то должны доверять и ей. Мы должны знать, какие вопросы можно ей задавать.

— В том, что касается доверия к госпоже Су, тут я доверяю тебе,— улыбнулся Элрик.

Повинуясь настойчивому зову госпожи Су, они забрались в бот. Судно слегка покачивалось на темной воде — не реки, а искусственного, как показалось Элрику, канала, ровного и глубокого, чуть искривлявшегося и исчезавшего из виду милях в двух от них. Элрик поднял голову — он так и не мог понять, то ли над ним такое странное небо, то ли своды огромной пещеры. Он увидел лестницу вдалеке и снова спросил себя, что сталось с людьми, на ней находившимися, когда они разбежались при нападении воина Жемчужины.

Госпожа Су взялась за массивный румпель. Одним движением вывела она судно на середину канала. И почти сразу же пространство по сторонам канала выровнялось, превратившись в унылую серую пустыню, лишь только впереди видны

были островки зеленой листвы и проступали очертания холмов. Свет был тоже каким-то странным, и это сразу напомнило Элрику осенний вечер. Он чуть ли не ощущал аромат поздних роз, опадающих листьев, фруктовых садов Имррира. Он сидел на носу бота, рядом с ним — Оуне, опираясь на его плечо. Он удовлетворенно вздохнул, наслаждаясь этим мгновением.

— Если остальная часть наших поисков пройдет в такой обстановке, то я с удовольствием буду сопровождать тебя в подобных предприятиях, госпожа Оуне.

Она тоже пребывала в хорошем настроении.

— Да, тогда весь мир пожелает стать похитителями снов.

Бот вошел в изгиб канала, и они насторожились, увидев какие-то фигуры по обоим берегам. Эти печальные, безмолвные люди, одетые в белое и желтое, смотрели на плывущее судно глазами, полными слез, словно присутствовали на похоронах. Элрик, однако, был уверен, что они оплакивали не его и не Оуне. Он окликнул их, но они, казалось, не слышали его. Почти сразу же они скрылись из виду, и теперь Элрик видел поднимающиеся возделанные террасы, на которых росли виноград, фиги и миндаль. В воздухе стоял аромат созревших плодов. Некоторое время вдоль берега вровень с ними бежало какое-то животное, похожее на лису, но потом оно исчезло в кустах. Чуть позднее появились обнаженные загорелые люди, которые на четвереньках пустились бежать вдогонку за ботом по берегу, но скоро им это наскучило, и они скрылись в подлеске. Канал стал более извилистым, и госпожа Су была вынуждена всем своим весом наваливаться на румпель, чтобы вести бот.

— Зачем канал сделали таким? — спросил Элрик, когда они снова оказались на прямом участке.

— То, что было над нами, теперь впереди, а то, что было внизу, теперь позади,— ответила она.— Такова природа всего этого. Я штурман, и я знаю. Но впереди, там, где темнее, река прямая. Я думаю, это сделано для облегчения понимания.

Слова ее были столь же непонятны, как и слова воина Жемчужины, и Элрик попытался разобраться в них с помощью новых вопросов.

— Что помогает нам понять река, госпожа Су?

— Их природу, свою природу. То, с чем ты должен встретиться... вон, смотри!

Река быстро расширялась, образуя озеро. Теперь на берегах были заросли тростника, а на фоне голубого небосклона летали серебристые цапли.

— Отсюда недалеко до острова, о котором я говорила,— сказала госпожа Су.— Я опасаюсь за вас.

— Не стоит,— вежливо, но твердо ответила Оуне.— Веди, пожалуйста, бот через озеро к вратам Фаладора. Спасибо.

— Эти благодарности...— Госпожа Су покачала головой.— Вы же от этого не умрете.

— Не надо. Мы здесь, чтобы спасти ее.

— Она боится.

— Мы знаем.

— Другие тоже говорили, что хотят ее спасти. А на самом деле они ее... они все затемнили, и она оказалась в ловушке...

— Мы знаем,— ответила Оуне и сделала успокаивающий жест — положила ладонь на руку госпожи Су, которая направила бот в открытое озеро.

— Ты говоришь о Священной Деве и наемниках-колдунах? Что держит ее в заточении, госпожа Су? Как ее освободить? Вернуть ее отцу и народу?

— Но это же обман! — выкрикнула госпожа Су, указывая туда, где в воде появился ребенок, плывущий им навстречу. Кожа мальчика отливала серебряным блеском, а его серебряные глаза молили их о помощи. Потом мальчик усмехнулся, снял с себя собственную голову и погрузился под воду.

— Мы рядом с вратами Фаладора,— мрачно сказала Оуне.

— Те, кто будут владеть ею, будут и охранять ее,— неожиданно сказала госпожа Су.— Но она не принадлежит им.

— Я знаю,— сказала Оуне.

Взгляд ее был устремлен вперед. На озере лежал туман — тончайшая дымка, какая образуется на воде осенним утром. Все вокруг дышало чрезмерным, подозрительным спокойствием. Элрик оглянулся на госпожу Су, но глаза штурмана ничего не выражали, и по ним было невозможно догадаться, какие опасности могут вскоре грозить Элрику и Оуне.

Бот слегка развернулся, и в тумане показалась земля. Элрик увидел высокие деревья над беспорядочным нагромождением скал. Он видел белые известковые столбы, мерцавшие в восхитительном свете. Он увидел поросшие травой холмы, а под ними — небольшие бухточки. Он подумал — не привезла ли все-таки госпожа Су их на остров, о котором говорила, и уже собирался спросить ее об этом, когда увидел нечто похожее на массивную дверь из резного камня и замысловатой мозаики — по виду очень древнюю.

— Врата Фаладора,— сказала госпожа Су; голос ее чуть дрожал.

И тут врата открылись, и оттуда вырвался ужасной силы ветер. Он растрепал им волосы, раздул одежды, впился в кожу, завизжал и заскулил в их ушах. Бот начал раскачиваться, и Элрик подумал, что сейчас они перевернутся. Он бросился на корму помочь госпоже с румпелем. Вуаль сорвало с ее лица. Она оказалась немолодой женщиной, но ее черты удивительным образом напоминали черты девочки, которую они оставили в Бронзовом шатре, черты Священной Девы бауградимов. И Элрик, приняв из рук госпожи Су румпель, пока она возвращала вуаль на место, вспомнил, что никто ни разу и словом не обмолвился о матери Варадии.

Оуне опускала парус. Ветер стих, и теперь можно было понемногу двигаться в направлении темного входа, обнаружившегося за мозаичной дверью, откуда до них долетал странный запах.

Вот из входа появились три коня. Их копыта молотили воздух. Развивались хвосты. Кони галопом неслись над водой в направлении бота. Потом они пронеслись сквозь него и исчезли в тумане. Все животные были без голов.

И тут ужас объял Элрика. Но это был знакомый ужас, и через несколько мгновений он снова овладел собой. Император знал, что, какое бы название ни носила эта земля, он направляется туда, где властвует Хаос.

И только когда лодка вошла в грот под резной скалой, он понял, что забыл все свои заклинания и колдовские приемы, а это означало, что никто из прежних союзников Элрика, и да-

же его покровитель, Герцог Ада, здесь ему не помогут. В распоряжении Элрика были лишь его опыт, его мужество и его обычные пять человеческих чувств. Но в этот миг он сомневался, что этого будет достаточно.

Глава пятая

ПЕЧАЛЬ КОРОЛЕВЫ, КОТОРАЯ НЕ МОЖЕТ ПРАВИТЬ

Неожиданно у них на пути возникла преграда — огромная скала вулканического стекла начала течь. Масса стеклянистой зелени стекала в воду, которая зашипела и стала издавать неприятный запах. В воздух поднялись столбы пара. Когда пар рассеялся, они увидели еще одну реку. Эта река текла между узких стен глубокого каньона и казалась — в отличие от канала — естественным творением. И Элрик, чьи чувства теперь были обострены, подумал, что это та самая река, которую они пересекли ранее, когда он на мосту сражался с воином Жемчужины.

Вдруг бот, который прежде казался таким надежным, превратился в утлое суденышко. Волны швыряли их и ревели с такой силой, что Элрик подумал: вероятно, они достигли самого сердца мира.

Стоя рядом с госпожой Су, Элрик и Оуне помогали ей управляться с рулем и держать заданный курс. И внезапно река кончилась без всякого предупреждения и они оказались в водопаде. Они даже не успели сообразить, что происходит, как бот, сильно ударившись дном, оказался в более спокойной воде. Их суденышко раскачивалось, как хлебная горбушка в пруду, а впереди они видели болезненное небо цвета свинца, по которому летали какие-то темные кожистые существа, переговариваясь между собой безутешными криками. Эти звуки разносились над пальмами, чья листва напоминала зеленоватую шкуру каких-то зверей, растянутую для просушки в ожидании солнца, которое никогда не взойдет. Здесь царил густой запах гнили; постоянные плески и рев воды вдали наполняли тишину, разрываемую криками существ, что летали над скалами, и шелестом окружавшей их листвы.

Хотя здесь и было тепло, Элрика пробрала дрожь. Оуне подняла воротник своего камзола, и даже госпожа Су поплотнее завернулась в свои одеяния.

— Тебе знакома эта земля, госпожа Оуне? — спросил Элрик.— Я знаю, ты бывала в этом царстве и раньше, но мне кажется, ты удивлена не меньше меня.

— Тут всегда видишь что-то новое. Такова природа этого царства. Может быть, госпожа Су расскажет нам больше.— Оуне с вежливым видом повернулась к их штурману.

Госпожа Су попрочнее закрепила вуаль. Элрику показалось, она недовольна, что он видел ее лицо.

— Я королева этой земли,— сказала она, и в словах ее не прозвучало ни гордости, ни каких-либо других чувств.

— Значит, у тебя есть подданные, которые могут помочь в достижении нашей цели?

— Сама эта земля выбрала меня королевой, поэтому у меня не было над ней власти, я ее только защищала. Это место, которые вы называете Фаладор.

— И оно безумно?

— У него есть много защит.

— Оно удерживает то, что может пожелать отсюда уйти,— сказала Оуне, обращаясь будто к себе самой.— Ты боишься тех, кто защищает Фаладор, госпожа Су?

— Теперь я уже королева Су.— Она выпрямилась во весь рост, играя красивым телом, но всерьез или шутливо, этого Элрик сказать не мог.— Я защищена. А вы — нет. Даже я не смогу защитить вас здесь.

Бот продолжал медленно плыть по своему курсу. Осклизлые скалы словно бы раздвигались перед ними, как живые, а в воде виднелись очертания чего-то, что вызывало у Элрика тревогу. Если бы он не боялся показаться плохо воспитанным, то давно уже вытащил бы свой меч.

— А чего мы должны здесь опасаться? — спросил он у королевы.

Теперь они плыли под огромным выступом скалы, на котором расположился всадник. Это был тот же самый воин Жем-

чужины, взиравший вниз с прежней смесью насмешки и легкомыслия. Он поднял длинную палку, к которой привязал острый, изогнутый рог какого-то животного.

Королева Су погрозила ему пальцем.

— Воин Жемчужины, не делай этого! Воин Жемчужины даже здесь не может ослушаться приказа

Воин испустил свой отвратительный смешок и, развернув коня, поскакал прочь

— Он будет еще нападать на нас? — спросила у королевы Оуне.

Королева Су целиком сосредоточилась на румпеле, аккуратно ведя бот по узкому фарватеру в сторону от главной реки. Вероятно, она уже приняла меры, чтобы избежать дальнейших конфликтов

— Ему запрещено,— сказала она.— Ага!

Вода окрасилась в рубиновый цвет, а на берегах засветился коричневатый мох, поднимавшийся к самым скалам. Элрик мог поклясться, что видит древние лица, глазеющие на него из скалы, но угрозы он не чувствовал. Красная жидкость была похожа на вино, и в ней ощущалась какая-то головокружительная сладость. Может быть, королева Су знала все тайные спокойные места этого мира и теперь вела бот так, чтобы избежать возможных опасностей?

— Здесь влиянием пользуется мой друг Эдиф,— сказала она им.— Он правитель, основной интерес которого — поэзия Хотя, может быть, теперь уже нет, не знаю.

Они быстро привыкли к ее странным речевым оборотам и теперь легче понимали ее, хотя понятия не имели, кто такой этот Эдиф Через какое-то недолгое время они оказались за пределами его владений — с двух сторон из-за пограничных рядов пальм на них внезапно надвинулась пустыня, и впечатление было такое, будто они движутся по оазису. Но никакого оазиса здесь не было.

Скоро небеса вновь окрасились в цвет больной печени; вокруг них вздымались скалистые стены, в воздухе стоял неприятный, гнетущий запах, напомнивший Элрику о давно пустующих залах пришедшего в упадок дворца. Когда-то приятные,

запахи застоялись, пища, при виде которой когда-то текли слюнки, разложилась, цветы завяли и теперь напоминали только о смерти.

В стенах по обеим сторонам теперь виднелись огромные пещеры, из которых доносились звуки плещущейся воды. Королева Су явно нервничала, глядя на эти пещеры, и осторожно вела бот по самой середине реки. Элрик видел тени, двигающиеся в пещерах как над, так и под водой. Он видел красные пасти — они открывались и закрывались. Они видел бледные глаза — они, не мигая, смотрели на него. У всех этих существ была внешность порождений Хаоса, и Элрик жалел, что при нем нет его рунного меча, что он не может вызвать своего покровителя Герцога Ада, что он забыл свои старые заклинания.

Альбинос ничуть не удивился, когда из какой-то пещеры раздался голос.

— Я — Балис Джамон, Повелитель Крови, и мне нужны несколько почек.

— Мы не останавливаемся! — воскликнула в ответ королева Су.— Я для тебя не пища. И никогда ею не буду

— Их почки! Их! — неумолимо требовал голос.— Я давно не питался ничем настоящим Несколько почек! Несколько почек!

Элрик обнажил меч и кинжал. Оуне сделала то же самое.

— Моих ты не получишь, господин,— сказал альбинос.

— И моих тоже,— срывающимся голосом сказала Оуне Они не знали, из какой пещеры доносится до них этот голос.

— Я — Балис Джамон, Повелитель Крови. Вы должны заплатить дань за то, что проходите моей землей. Дайте мне две почки!

— Лучше уж я возьму твои, мой господин, если тебе так хочется! — с вызовом сказал Элрик.

— Ну-ка, попробуй!

В самой дальней из пещер произошло сильное движение, и оттуда хлынула пенистая вода. Потом что-то, сутулясь, вывалилось из пещеры в реку. На мясистом теле висели гирлянды полусгнивших растений и погибших цветков, рыло этого чудовища, украшенное рогом на голове, осталось над водой,

и два крохотных черных глаза уставились на Элрика и Оуне. Клыки у этой твари — черные с желтым — были сломаны, и красный язык облизывал их, а из пасти в воду падали кусочки сгнившего мяса. Одну огромную лапу эта тварь прижимала к своей груди, а когда лапа опустилась, они увидели черную зияющую дыру на месте, где должно было находиться сердце.

— Я — Балис Джамон, Повелитель Крови. Смотрите, что мне нужно для жизни! Смилуйтесь, малые твари. Почку или две, и я пропущу вас. У меня ничего нет, а вы целехонькие. Вы должны по справедливости поделиться со мной.

— Вот единственная моя справедливость, господин Балис,— сказал Элрик, поднимая меч, который сейчас казался ему никчемной игрушкой.

— Ты никогда не станешь целым, Балис Джамон! — крикнула королева Су.— По крайней мере, пока не научишься милосердию.

— Я справедлив! Одной почки мне хватит!

Лапища потянулась к Элрику. Он ударил ее мечом, но промахнулся, потом ударил еще раз и почувствовал, как его меч пронзил шкуру этой твари. Лапа ухватилась за меч. Элрик вырвал меч из лапы чудовища. Балис Джамон зарычал — в этих звуках слышались разочарование и жалость к себе. Теперь он обе свои лапы протянул к альбиносу.

— Стой! Вот тебе твоя почка! — Оуне подняла руку, в которой держала что-то красноватое, влажное.— Вот она, Балис Джамон. А теперь пропусти нас. Мы ведь договорились.

— Договорились.— Он повернулся, явно умиротворенный, осторожно взял то, что она протянула ему, и сунул в дыру в груди.— Хорошо. Проезжайте!

И он отступил к своей пещере, удовлетворив свою честь и свой голод.

Элрик пребывал в недоумении, хотя и испытывал благодарность к Оуне, которая спасла его жизнь.

— Что же ты ему дала, госпожа Оуне?

Она улыбнулась.

— Большую фасолину. У меня ведь в сумке еще осталась кое-какая провизия. Фасолина похожа на почку, в особенности если макнуть ее в воду. А я сомневаюсь, что он заметит разницу. Он мне показался довольно глуповатым существом.

Королева Су смотрела поверху, умудряясь при этом ровно вести бот мимо пещер в более широкую часть протоки, где на берегу поднимали головы пришедшие на водопой быки и смотрели на бот и его пассажиров с настороженным любопытством.

Элрик проследил за направлением взгляда штурмана, но увидел все то же свинцовое небо. Он вложил меч в ножны.

— Эти существа Хаоса кажутся простоватыми. Они куда как менее разумны, чем другие из тех, что мне доводилось встречать.

— Да,— без всякого удивления сказала Оуне.— Вполне вероятно. Она будет...

Бот неожиданно взмыл вверх, и Элрик подумал, что это господин Балис вернулся отомстить им за обман. Но оказалось, что они поднялись на гребень огромной волны. Уровень воды между осклизлых стен теперь быстро поднимался, а на скалах наверху появились какие-то фигуры. У них были искаженные формы и неправдоподобные размеры, к тому же они напомнили Элрику попрошаек Надсокора — эти тоже были одеты в тряпье и имели все признаки искусственных увечий на теле, а также болезней, ран и общей запущенности. Они были грязны. Они стонали. Они жадно смотрели на бот и облизывали губы.

Элрик сильнее, чем когда-либо раньше, жалел, что при нем нет Буревестника. Рунный меч и небольшая помощь элементалей — и эта толпа оборванцев в ужасе бежала бы. Но у него были только те клинки, что он отобрал у наемников-колдунов. Значит, он может полагаться только на это оружие, на поддержку Оуне и их дополняющие друг друга боевые приемы. Тут днище бота начало вибрировать, и волна спала так же неожиданно, как и поднялась. Они оказались на верхушке скалы в окружении толпы оборванцев, которые, глядя на своих будущих жертв, хрюкали, сопели и шмыгали носами.

Элрик не стал терять время на разговоры — он тут же перепрыгнул через борт бота и нанес удары двум первым, тянувшимся к нему. Меч, еще не утративший своей остроты,

снес головы обоим, и Элрик встал над их телами, скалясь, как волк,— именно так его иногда и называли.

— Я возьму вас всех,— крикнул он, пользуясь хвастливым кличем, которому научился у пиратов в Вилмирском проливе. Элрик сделал еще один выпад и нанес удар в грудь еще одному порождению Хаоса.— Я насыщусь, только когда убью последнего из вас!

Они не ожидали этого. Они смешались. Они поглядывали друг на друга. Они крутили свое оружие в руках, они поправляли на себе свои тряпки, расчесывали на себе кожу.

И тут рядом с Элриком оказалась Оуне.

— Я хочу свою долю этих тварей,— воскликнула она.— Оставь их мне, Элрик.— И она тоже ринулась вперед и сразила существо с обезьяньим лицом — в руке у существа был великолепной работы топор, украшенный драгоценными камнями и явно украденный у предыдущей жертвы.

Королева Су окликнула их:

— Они не нападали на вас. Они только угрожают. Вы не должны этого делать.

— У нас нет выбора, королева Су! — крикнул ей Элрик через плечо и сделал выпад, атакуя еще двух полулюдей.

— Нет-нет! В этом нет ничего героического. Что может сделать защитник, который перестал быть героем?

Даже Оуне не поняла, о чем идет речь, и, когда Элрик посмотрел на нее вопросительным взглядом, она в ответ только покачала головой.

Теперь эта шайка стала обретать уверенность и смыкать круг. Звериные рыла потягивали носами, приближаясь к ним. Языки слизывали слюну с вялых губ.

Когда они начали приближаться, Элрик почувствовал, что его меч встречает сопротивление, потому что он подзатупил его на двух первых тварях. Но тем не менее еще одна шея рассеклась, и голова свалилась, сверкнув глазами, а руки сцепились одна с другой. Оуне заняла позицию спиной к Элрику, и двигались они вместе таким образом, чтобы с одной стороны их защищал бот, который эта компания предпочитала не трогать. Королева Су пребывала в унынии, она роняла слезы,

наблюдая за происходящим, но явно не имела никакой власти над творениями Хаоса.

— Нет! Нет! Это не поможет ей спать. Нет! Нет! Они ей нужны, я знаю.

Именно в этот момент Элрик услышал стук копыт и над головами смыкающихся вокруг них тварей увидел белые доспехи воина Жемчужины.

— Это его твари,— сказал он во внезапном озарении.— Это его армия, и он собирается нам отомстить!

— Нет! — Голос королевы звучал отчужденно, словно доносился откуда-то издалека.— Это не может пойти на пользу. Это ваша армия. Они будут преданными бойцами. Да.

Услышав слова королевы, Элрик неожиданно для себя обрел ясность мышления. Неужели она на самом деле не принадлежала к роду человеческому? Неужели все эти существа были всего лишь своего рода мутантами, выдающими себя за людей? Это вполне объясняло их строй мыслей, их особую логику, их странные речи.

Но для размышлений у него не было времени, потому что теперь эти существа тесно обступили его и Оуне, и они даже не могли как следует замахнуться мечами. Текла кровь, липкая и зловонная, она растекалась по клинкам, попадала им на руки, заставляла постоянно отплевываться. Элрику казалось, что победит не их оружие, а его тошнота.

Было ясно, что они с Оуне не могут противостоять этому напору, и Элрик испытал горькое чувство оттого, что они, не дойдя всего нескольких шагов до цели, будут пожраны самыми отвратительными исчадиями Хаоса.

Еще несколько тел свалилось у его ног, и тут он понял, что упали они не от ударов его меча. Оуне тоже была поражена таким поворотом событий.

Они посмотрели друг на друга, не в силах понять, что происходит.

Воин Жемчужины продирался сквозь эту толпу, рубя направо и налево — он наносил удары своей самодельной пикой, рассекал тела мечом, гоготал и издавал радостные крики, когда новое поверженное тело падало наземь. В его жутких глазах

светилось какое-то подобие радости, и даже его конь вносил свою лепту в эту бойню — бил монстров копытами и кусал их.

— А вот это то, что надо! — Королева Су захлопала в ладоши.— Вот это хорошо. Это делает вам честь!

Постепенно теснимая воином Жемчужины, а также Элриком и Ауне, которые возобновили свои боевые действия, толпа начала рассеиваться.

Скоро вся эта жуткая братия бежала к краям утеса, предпочтя прыгать в пропасть, чем погибать под ударами самодельной пики воина Жемчужины и его серебряного меча.

Воин не прекращал смеяться, предавая остатки этих тварей их судьбе. Он выкрикивал им издевательские словечки. Он неистовствовал, обзывая их трусами и глупцами.

— Уроды! Ах вы уроды! Вот вам! Подыхайте! Получай! Получай! Вот тебе! Вот их и нет! Все кончились! Да!

Элрик и Ауне прислонились спинами к боту, с трудом переводя дыхание.

— Я тебе благодарен, воин Жемчужины,— сказал альбинос, когда всадник в доспехах приблизился к ним.— Ты нас спас от смерти.

— Да,— мрачно кивнул воин Жемчужины, глаза его неожиданно засветились мыслью.— Именно так. Теперь мы равны. Теперь мы познаем истину. Я, в отличие от вас, не свободен. Ты в это веришь?

Последний вопрос был обращен к Ауне.

Она кивнула.

— Я в это верю, воин Жемчужины. Я тоже рада, что ты нам помог.

— Я тот, кто защищает. Это должно быть сделано. Вы продолжаете путь? Я был ваш друг.

Ауне оглянулась туда, где стояла, кивая и протягивая руки в царственном жесте, королева Су.

— Вот, я вам враг,— сказал воин Жемчужины таким тоном, словно перед ним были неразумные дети.— Будь я цельным, мы втроем составили бы троицу величия! Да! Вы это знаете! У меня нет ничего личного. Эти слова принадлежат ей. Я так думаю.

И, сделав это особо таинственное заявление, он развернул коня и поскакал прочь по заросшему травой суглинку.

— Защитников слишком много, вот только покровителей недостаточно.— Речи Ауне были не менее туманны, чем речи остальных. Элрик не успел спросить, что она имеет в виду, как Ауне обратилась к королеве Су: — Моя госпожа, это ты призвала нам на помощь воина Жемчужины?

— Я думаю, она позвала его к вам.

Королева Су словно пребывала в трансе. Странно было слышать, как она говорит о себе в третьем лице. Элрик спрашивал себя — может, здесь это обычный образ действий, и ему опять пришло в голову, что все обитатели этого царства не являются людьми, а лишь принимают человеческую личину.

Теперь они оказались на мели высоко над уровнем реки. Подойдя к краю обрыва, Элрик посмотрел вниз. Он увидел только несколько тел, застрявших на камнях, остальные снесло течением. Он порадовался тому, что их боту не придется плыть по воде, пробиваясь сквозь все эти груды тел.

— И как же мы двинемся дальше? — спросил он Ауне.

Перед его мысленным взором возникло видение — он и Ауне в Бронзовом шатре, а между ними девочка. Все они умирали. Он испытывал боль, словно снадобье напоминало ему о себе, не давало забыть о пагубной зависимости. Он вспомнил Аная в Кварцхасаате и Симорил, его возлюбленную, ждущую его в Имррире. Не ошибся ли он, оставив трон Йиркуну? Теперь все его решения казались ему глупыми. Его самооценка, которая никогда не была высокой, теперь опустилась низко, как никогда. Его беспечность, его неудачи, его ошибки — все напоминало ему не только о его физических недостатках, но и об отсутствии обычного здравого смысла.

— Такова природа героя,— сказала вдруг ни с того ни с сего королева Су. Потом она посмотрела на них, и в ее глазах появилось теплое, материнское выражение.— Вы в безопасности!

— Мне видится какая-то угроза,— сказала Ауне.— Я ее чувствую. А ты?

— Да,— ответил ей Элрик.— Не может ли исходить опасность из того царства, которое мы оставили?

— Возможно. Королева Су, отсюда далеко до Безымянных врат? Как нам продолжить путь?

— С помощью жеребцовых мотыльков,— сказала она.— Вода здесь всегда поднимается, а у меня есть мои мотыльки. Нам нужно только их дождаться. Они уже в пути,— говорила она обыденным тоном.— Эта толпа вполне могла быть вашей. Не больше. Но я, видите ли, не могу предвидеть. Для меня каждая новая ловушка — неожиданность, как и для вас. Я могу прокладывать путь, как вы прокладываете путь. Это... ну, вместе.

На горизонте появились огоньки радуги — они мигали и переливались, как свет зари. Увидев их, королева Су вздохнула. Она была удовлетворена.

— Хорошо. Хорошо. Еще не поздно. Просто другой.

Небо наполнилось переливчатым светом, и, когда этот свет приблизился, Элрик и Оуне поняли, что видят огромные полупрозрачные крылья, на которых держатся хрупкие тельца, больше похожие на тельца громадных бабочек, чем мотыльков. Эти существа без колебаний начали опускаться, и скоро Элрик, Оуне и Су были погребены под мягкими крыльями.

— В бот! Быстрее! — воскликнула королева Су.— Мы улетаем.

Они подчинились ее призыву, и бот тут же поднялся в небо — он явно держался на спинах огромных мотыльков, которые некоторое время летели вдоль каньона, а потом устремились вниз.

— Я смотрела, но там ничего нет,— объяснила королева Су Элрику и Оуне.— А теперь мы продолжим.

Мотыльки на удивление мягко опустили бот на воду и полетели назад вдоль каньона, отчего все это мрачное место заиграло множеством красок. Потом они исчезли. Элрик потер лоб.

— Это воистину земля Безумия,— сказал он.— Я думаю, что по-настоящему безумен именно я, госпожа Оуне.

— Ты теряешь уверенность в себе, принц Элрик,— твердо сказала она.— Это и есть главная здесь ловушка. Ты приходишь к убеждению, что отсутствием логики страдаешь ты сам, а не то, что тебя окружает. Мы уже наделили Фаладор своим здравомыслием. Не впадай в отчаяние. До последних врат осталось уже не так много.

— И что же там? — Он не скрывал иронии.— Тонкий разум? — Он чувствовал то же самое странное изнеможение. Физически он был готов продолжать путешествие, но его разум и дух требовали отдыха.

— Я даже представить себе не могу, что мы найдем в Безымянной земле,— сказала она.— Похитители снов почти никак не могут влиять на то, что происходит за седьмыми вратами.

— Но зато здесь-то ты со своим влиянием показала себя в полной мере! — Он ничуть не хотел обидеть ее и улыбнулся, давая понять, что это шутка.

Откуда-то спереди до них донесся вой, исполненный такой боли, что даже королева Су закрыла руками уши. Это было похоже на звуки, издаваемые какой-нибудь чудовищной собакой, они разносились по всему ущелью, грозя сорвать камни со стен. Река сделала поворот, и они увидели животное — огромное, мохнатое, похожее на волка. Оно задрало голову и снова завыло. Вода обтекала громадные лапы зверя, пенилась, ударяясь о его тело. Животное повернуло к ним голову и тут же исчезло. Теперь они слышали только вой, эхом разносившийся по ущелью.

Скорость потока возросла. Королева Су, бросив румпель, зажала уши. Бот несло потоком и наконец ударило о камень. Королева Су не делала ни малейшей попытки управлять судном. Элрик ухватился за длинную рукоятку, но, хотя прикладывал все свои силы, бот не слушался его. Наконец и он бросил румпель.

Река несла их все дальше и дальше — в ущелье, которое стало таким глубоким, что скоро они уже плыли в полном мраке. Они чувствовали, как к ним тянутся и прикасаются чьи-то руки. Элрик был убежден, что все смертные существа, когда-либо расставшиеся с жизнью, явились к нему. Он не раз видел свое собственное лицо в темных скалах, а также лица Симорил и Йиркуна. У него на глазах разворачивались старые сражения. К нему вернулись старые мучительные переживания. Он заново переживал потерю всего, что когда-то любил, отчаяние смерти и

одиночества, и вскоре его собственный голос присоединился к всеобщему гомону, и он завыл так громко, как перед этим выла собака. Но тут Оуне встряхнула Элрика, закричала на него, вернула из безумия, которое грозило его поглотить.

— Элрик! Последние врата! Мы почти добрались! Держись, принц Мелнибонэ! Пока тебе удавалось сохранять мужество и изобретательность. Теперь от тебя потребуется еще чуть больше прежнего, и ты должен быть готов к этому!

И тут Элрик начал хохотать. Он смеялся над собственной судьбой, над судьбой Священной Девы, над судьбой Аная и Оуне. Он смеялся, вспоминая Симорил, которая ждет его на острове Драконов, не зная даже, жив он или мертв, свободен он или обращен в рабство.

И когда Оуне снова закричала на него, он рассмеялся ей в лицо.

— *Элрик! Ты предаешь нас всех!*

Он прекратил смеяться и тихо, почти торжественно, сказал ей:

— Да, моя госпожа, ты права. Я предаю вас всех. Ты разве не знаешь? Моя судьба — предавать!

— Но меня-то ты не предашь, мой господин! — Она отвесила ему пощечину. Она ущипнула его. Она пнула его ногой.— Меня ты не предашь. И Священную Деву не предашь!

Он испытал сильнейшую боль, но не от ее ударов, а от собственного разума. Он издал крик, а потом начал рыдать.

— Ах, Оуне, что со мной происходит?

— Это же Фаладор,— просто сказала она.— Ты уже пришел в себя, принц Элрик?

Лица по-прежнему что-то тараторили ему со скалы, в воздухе все еще жило все то, чего он боялся, все то, что он так не любил в себе.

Он дрожал. Он не мог встретиться с ней взглядом. Он понял, что рыдает.

— Я Элрик, последний в мелнибонийском королевском роду,— сказал он.— Я видел немало ужасов и искал расположения Герцога Ада. Почему же я боюсь сейчас?

Она не ответила, а он и не ждал от нее ответа.

Бот вибрировал, его раскачивало, он то вздымался, то падал.

Внезапно Элрик успокоился. Он взял Оуне за руку, выражая ей тем самым свою любовь.

— Кажется, я снова стал самим собой,— сказал он.

— Вот они — врата,— сказала королева Су, стоявшая у них за спиной. Она снова крепко держала румпель, а другой рукой указывала вперед.— Вот земля, которую вы называете Безымянной землей.— Теперь она говорила ясным языком, а не загадочными фразами, какие слетали с ее губ с того момента, как они встретились с ней.— Там вы найдете Крепость Жемчужины. Она не может радоваться вашему появлению.

— Кто? — спросил Элрик. Вода снова успокоилась. Они медленно двигались в направлении огромной алебастровой арки, края которой были украшены листьями и травой.— Священная Дева?

— Ее можно спасти,— сказала королева Су.— И, я думаю, это можете сделать только вы вдвоем. Я способствовала тому, чтобы она оставалась там в ожидании спасения. Но большего я не могу сделать. Понимаете, я боюсь.

— Мы все боимся, моя госпожа,— с чувством сказал Элрик.

Бот подхватили новые потоки, но движение его еще замедлилось, словно он не желал входить в последние врата царства Снов.

— Но я ничем не могу помочь,— сказала королева Су.— Я могла бы даже организовать заговор. Это были те люди. Они пришли. Потом пришли новые. После этого было только отступление. Жаль, что я не знаю таких слов. Вы бы их поняли, будь они у меня. Ах, как здесь тяжело!

Элрик заглянул в ее измученные глаза и понял, что она в этом мире бóльшая пленница, чем он или Оуне. Ему показалось, что она страстно жаждет бежать отсюда, и удерживает ее только любовь к Священной Деве, призвание защищать. И в то же время она, несомненно, была здесь задолго до появления Варадии.

Бот уже вошел под алебастровую арку. Воздух здесь был солоноватый, приятный на вкус, словно они приблизились к океану.

Элрик решил задать вопрос, который вертелся у него на языке.

— Королева Су,— сказал он.— Ты мать Варадии?

Боль в ее глазах стала еще заметнее, и женщина в вуали отвернулась от них. Голос ее был рыданием боли, и Элрика потрясло его звучание.

— Кто же это знает? — воскликнула она.— *Кто знает?*

Часть третья

Кто тот, кому назначил Рок,
Держать в руке Судьбы клинок,
Разрушить твердь священных стен
И древний храм повергнуть в тлен?
Любовь уйдет, истлеет стяг,
Народ его, честь его канут во мрак,
И, путь открывая, взлетит его дух,
Оставив лишь труп, привлекающий мух...

Хроника Черного Меча
(Перевод Р. Адрианова)

Глава первая

ПРИ ДВОРЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

И опять Элрик испытал это странное чувство — ландшафт перед ним показался ему знакомым, хотя он и не помнил, что видел что-либо подобное. Бледно-голубой туман поднимался над кипарисами, финиковыми пальмами, апельсиновыми деревьями и кленами, чьи кроны тоже имели бледно-зеленый оттенок. На поросших травами лугах то здесь, то там виднелись скругленные белые камни, а вдалеке — снежные пики гор. Возникало ощущение, что этот пейзаж написан художником, владеющим самой отточенной техникой, самыми тонкими кистями. Это было райское видение, и к тому же совершенно неожиданное после безумия Фаладора.

Королева Су, ответив на вопрос Элрика, пребывала в молчании, и между ними троими установилась какая-то особая атмосфера. Но невзирая на всю неловкость ситуации, Элрик наслаждался миром, в который они попали. Небеса (если только это были небеса) были полны перламутровых облаков, слегка окрашенных в розовое и желтое; из видневшегося вдалеке дома с плоской крышей поднимался тонкий дымок. Они оказались в озерце, наполненном спокойной, сверкающей водой, и королева Су сделала жест, означавший, что пора покинуть бот.

— Ты пойдешь с нами в Крепость? — спросила Оуне.

— Она не знает. Я не знаю, разрешено ли мне,— сказала королева, надвинув капюшон на глаза над вуалью.

— Тогда я с тобой прощаюсь.— Элрик поклонился и поцеловал мягкую руку женщины.— Я благодарю тебя за помощь, моя госпожа, и надеюсь, что ты простишь грубость моих манер.

— Да, прощен.

Элрик поднял глаза, и ему показалось, что королева Су улыбнулась.

— Я тоже благодарю тебя, моя госпожа.— Голос Оуне был исполнен теплоты, словно она говорила с человеком, с которым могла поделиться самой сокровенной тайной.— Ты знаешь, как нам попасть в Крепость Жемчужины?

— Вот кто знает.— Королева указала на домик вдалеке.— Прощайте, как ты говоришь. Вы можете ее спасти. Только вы.

— А еще я благодарен тебе за уверенность,— сказал Элрик. Он чуть ли не весело шагнул на траву и последовал за Оуне, которая направилась через поле к дому.— Какое облегчение, моя госпожа. Вот уж в самом деле ничуть не похоже на землю Безумия!

— Да,— ответила она, но в голосе ее послышалась какая-то настороженность, а ладонь легла на рукоять меча.— Только помни, принц Элрик, что в разных мирах безумие принимает самые разные формы.

Он не позволил ее настороженности испортить ему настроение. Он был полон решимости вернуть себе всю свою энергию, готовясь к тому, что ждало их впереди.

Оуне первая подошла к дверям белого домика.

Перед домом две курицы рылись в земле; к бочке была привязана старая собака, которая посмотрела на них, подняв седую морду, и усмехнулась; пара короткошерстых котов вылизывали свою серебристую шерстку на крыше над окном. Оуне постучала, и дверь тут же открылась. В проеме стоял высокий, миловидный молодой человек, на его голове красовался старый бурнус, а сам он был облачен в легкий коричневый халат с длинными рукавами. Казалось, он был рад посетителям.

— Приветствую вас,— сказал он.— Меня зовут Шамог Борм, в настоящее время я в ссылке. Есть ли какие хорошие вести из дворца?

— Боюсь, мы не знаем никаких новостей,— сказала Оуне.— Мы путешественники, и мы ищем Крепость Жемчужины. Она далеко отсюда?

— В сердце тех гор.— Он махнул рукой в сторону снежных пиков.— Не перекусите со мной?

Имя, названное молодым человеком, а также его необычный вид снова заставили Элрика обратиться к памяти — почему все это кажется ему таким знакомым. Он знал, что слышал это имя совсем недавно.

Когда они вошли в прохладный дом, Шамог Борм заварил для них травяной чай. Казалось, он гордится своим искусством домохозяина, и было очевидно, что он не простой фермер. В одном углу комнаты были свалены богатые доспехи, сталь, отделанная серебром и золотом, шлем с заостренным навершием, украшенным изображением сражающихся змеи и сокола. Там же лежали пики, длинный искривленный меч, кинжалы — оружие и снаряжение самого разного вида.

— Ты воин? — спросил Элрик, потягивая горячий напиток.— У тебя прекрасные доспехи.

— Прежде я был героем,— печально сказал Шамог Борм,— но потом меня изгнали из Крепости Жемчужины.

— Изгнали? — Голос Оуне звучал задумчиво.— Под каким предлогом?

Шамог Борм опустил глаза.

— Меня обвинили в трусости. Но я верю в свою невиновность. Меня просто околдовали.

И тут Элрик вспомнил, где он слышал это имя. Прибыв в Кварцхасаат, он, страдая от лихорадки, бродил по рынкам и слушал самые разные рассказы. И по крайней мере три из них были связаны с Шамогом Бормом, героем легенд, последним храбрым рыцарем империи. Его имя почиталось повсеместно, даже в лагерях кочевников. Но Элрик был уверен, что Шамог Борм и в самом деле жил — если только он вообще существовал — не меньше чем за тысячу лет до этого!

— И в каком же трусливом действии тебя обвинили? — спросил Элрик.

— Я не смог спасти Жемчужину, которая теперь заколдована и обрекает нас на вечное страдание.

— Что же это за колдовство? — быстро спросила Оуне.

— Для нашего монарха и многих его подданных стало невозможно покинуть Крепость. И я должен был освободить их. Но в результате моих действий колдовство только укрепилось. И мое наказание противоположно их наказанию. Они не могут уйти, а я не могу вернуться.

По мере того как он говорил, печаль его нарастала.

Элрик, удивленный разговором с героем, который должен был умереть еще несколько столетий назад, не мог сказать ничего вразумительного, но Оуне, казалось, поняла все, до последнего слова. Она сделала сочувственный жест.

— И Жемчужина находится там? — спросил Элрик, вспомнив о сделке, которую он заключил с господином Гхо, о мучительной смерти, которая ожидает Аная, о предсказаниях Оуне.

— Конечно,— с удивлением сказал Шамог Борм.— Некоторые считают, что она правит всем двором, а может быть, и всем миром.

— И так было всегда? — вкрадчиво спросила Оуне.

— Я уже говорил, что не всегда.— Шамог Борм посмотрел на них так, словно они оба были неразумные дети. Потом он опустил глаза — мысли о собственном бесчестии и унижении захватили его.

— Мы надеемся ее освободить,— сказала Оуне.— Ты не хочешь пойти с нами и помочь нам?

— Помочь не в моих силах. Она больше мне не верит. Я изгнанник,— сказал он.— Но я могу дать вам мои доспехи и мое оружие. Так что хотя бы какая-то часть меня сможет сражаться за нее.

— Благодарю,— сказала Оуне.— Ты очень щедр.

Шамог Борм оживился, помогая им выбрать оружие из своего арсенала. Элрик обнаружил, что нагрудник, наголенники и шлем идеально ему подходят. Такие же доспехи нашлись и для Оуне — правда, ей пришлось затянуть их на себе ремнями, потому что она была поменьше их владельца. Элрик и Оуне в новых доспехах были как близнецы, и это затронуло в Элрике какую-то глубинную струну, он испытал чувство удовлетворения, объяснить которое не мог, но которому был рад. Доспехи давали ему не только большее ощущение безопасности — он чувствовал и приток сил, которые вскоре в грядущих столкновениях понадобятся ему (он чувствовал это) в полной мере. Оуне предупреждала его о коварных ловушках Крепости Жемчужины.

Дары Шамога Борма не кончились — за этим последовали два серых коня, которых он вывел из конюшни, расположенной за домом.

— Это Тарон и Тадия. Брат и сестра, они двойняшки и никогда еще не разделялись. Однажды я использовал их в бою. Однажды я поднял оружие против Сияющей империи. Теперь мое место займет последний император Мелнибонэ, который исполнит мою судьбу и покончит с осадой Крепости Жемчужины.

— Ты знаешь меня? — Элрик внимательно посмотрел в лицо красивого молодого человека, предполагая увидеть в нем свидетельства обмана или даже иронии, но эти глаза смотрели на него честно и откровенно.

— Один герой знает другого, принц Элрик.— И Шамог Борм пожал Элрику предплечье — дружеский жест обитателей пустыни.— Пусть ты получишь все, что хочешь получить, и пусть честь сопутствует тебе. Желаю того же и тебе, госпожа Оуне. Своим бесстрашием ты превосходишь всех. Прощайте.

Изгнанник смотрел на них с крыши своего дома, пока они не скрылись из виду. Теперь высокие горы были рядом, они почти окружали их, и Элрик с Оуне видели широкую белую дорогу, теряющуюся в горах. Свет был как в летнее предвечерье, хотя Элрик так и не знал наверняка, что у них над головой — небо или далекий свод огромной пещеры, потому что солнца он здесь не видел. Неужели царство Снов представляло собой бесконечный ряд таких пещер, или же похитители снов нанесли на карту не весь мир? Могут ли они пересечь эти горы, пересечь безымянную землю за ними и найти там седьмые врата, которые в конце концов снова приведут их в землю Общих Снов? И найдут ли они Джаспара Колинадуса там, где оставили его?

Когда они добрались до дороги, оказалось, что она выложена мрамором, но кони были так хорошо подкованы, что ни разу не поскользнулись. Стук их копыт разносился по широкому проходу, привлекая внимание газелей и диких овец, которые прекратили щипать траву и подняли головы, глядя на двух серебристых всадников на серебристых конях, направлявшихся на битву с силами, подчинившими себе Крепость Жемчужины.

— Ты разобралась в этих людях лучше меня,— сказал Элрик Оуне, когда дорога начала уходить вверх, к середине горного кряжа, и воздух стал холоднее, а небеса обрели ярко-серую окраску.— Ты знаешь, что нас может ожидать в Крепости Жемчужины?

Она с сожалением покачала головой.

— Это как если бы ты понимал шифр, не зная смысла слов,— сказала она ему.— Этой силы достаточно, чтобы победить такого героя, как Шамог Борм.

— Я знаю только легенду, да и то по тому немногому, что мне удалось услышать на рынке рабов в Кварцхасаате.

— Как только Священная Дева поняла, что подвергается новым нападениям, она призвала его. По крайней мере, я верю в это. Она не предполагала, что он ее подведет. Но его действия каким-то образом только еще больше усугубили ситуацию. У нее возникло такое чувство, будто он предал ее, и

тогда его изгнали на край Безымянной земли, возможно для того, чтобы он встречал тех, кто пожелает прийти ей на выручку, и помогать им. Несомненно, именно поэтому мы и получили снаряжение героя, чтобы иметь возможность стать такими же героями, как он.

— Но все же мы знаем этот мир хуже него. Как сможем мы добиться успеха там, где его подстерегла неудача?

— Возможно, именно из-за нашего невежества,— сказала она.— А может быть, и нет. Не могу тебе сказать, Элрик.— Она скакала бок о бок с ним и чуть наклонилась в седле, чтобы поцеловать его в щеку, не закрытую шлемом.— Ты только должен знать вот что. Я никогда не предам ни ее, ни тебя, если у меня будет другой выход. Но если я буду вынуждена предать кого-то одного из вас, то это будешь ты.

Элрик недоуменно посмотрел на нее.

— Неужели может возникнуть такая ситуация?

Она пожала плечами, потом вздохнула.

— Не знаю, Элрик. Смотри. Кажется, мы добрались до Крепости Жемчужины.

Это было нечто похожее на дворец, вырезанный из самой изящной слоновой кости. Белый на фоне серебристого неба, он возвышался над снегами гор множеством стройных шпилей, башен, куполов и каких-то таинственных сооружений, имевших такой вид, будто строительство неожиданно прервали на половине. Здесь были мостики и лестницы, искривленные стены и галереи, балконы, сады на крышах, игравшие пастельными оттенками бесчисленной массы растений самого разного рода — цветов, кустарников, деревьев. За время своих путешествий Элрик только раз видел дворец, который не уступал по красоте Крепости Жемчужины, и дворец этот стоял в его собственном городе — Имррире. И все же Грезящий город был экзотичной, богатой земной постройкой — романтическая фантазия рядом с изощренной строгостью этого дворца.

Они подъехали еще поближе по мраморной дороге, и тогда Элрик понял, что Крепость не чисто белая, что в ней есть оттенки голубого, серебристого, серого и розового цветов, иногда с примесью желтизны или зелени, и у него вдруг возникло

впечатление, что все это сооружение было вырезано из одной гигантской жемчужины. Вскоре они добрались до единственных ворот Крепости — громадного кругового отверстия, защищенного остроконечными пиками, которые были вделаны в боковины, сверху и снизу, и соединялись в центре. Крепость была огромна, но даже самые ее ворота демонстрировали Элрику и Оуне, насколько они ничтожны по сравнению с ней.

Элрик не смог придумать ничего лучшего, как крикнуть:

— Откройтесь, именем Священной Девы! Мы пришли сразиться с теми, кто удерживает здесь ее дух!

Его слова эхом отдались в башнях Крепости, пронеслись меж неровных зубцов гор за нею и словно бы растворились под сводами пещеры. В тени под воротами он увидел, как мелькнуло и исчезло что-то алое. Он почувствовал аромат великолепных духов, к которому примешивался все тот же странный запах океана, что он ощутил, когда они только оказались в Безымянной земле.

Потом ворота открылись. Это произошло так быстро, словно пики растворились в воздухе, и перед ними предстал всадник — его похохатывание без всякого намека на веселость было уже хорошо знакомо Элрику и Оуне.

— Я думаю, так оно и должно быть,— сказал воин Жемчужины.

— Присоединяйся опять к нам, воин Жемчужины,— сказала Оуне, и в голосе ее зазвучали властные нотки.— Это то, чего желает она!

— Нет! Нужно, чтобы она не была предана. Вы должны исчезнуть. Немедля! Немедля! Немедля! — Он прокричал последние слова, откинув назад голову,— ни дать ни взять бешеная собака.

Элрик вытащил меч из ножен. Он светился тем же серебристым цветом, каким сиял клинок воина Жемчужины. Оуне последовала примеру Элрика, хотя и сделала это неохотно.

— Мы должны пройти, воин Жемчужины.

— Ничего не выйдет! Я хочу вашей свободы.

— Она получит ее! — сказала Оуне.— Свобода будет принадлежать тебе, только когда она дарует ее тебе.

— Она говорит, что свобода моя. Я буду таким. Я буду *таким!*

Элрик не понимал, о чем идет речь в этом странном разговоре, и он решил не терять на него время. Он пришпорил своего серебристого коня, клинок сверкнул в его руке. Этот меч был так хорошо сработан, держать его рукоять было так удобно, что на мгновение ему даже показалось, что он нашел равную замену своему рунному мечу. Может быть, этот меч был выкован Законом, чтобы служить его, Закона, целям, точно так же, как Буревестник был, несомненно, выкован Хаосом?

Воин Жемчужины расхохотался и еще шире открыл свои жуткие глаза. В них была смерть. Смерть мира. Он опустил все то же свое самодельное копье, которое уже направлял на них раньше, и Элрик увидел, что на нем застыла старая кровь. Воин держал оборону, и копье неожиданно для Элрика метнулось ему в лицо, и альбиносу пришлось нырнуть вбок, чтобы избежать удара. Одновременно он нанес ответный удар и почувствовал, что его меч встретил гораздо большее сопротивление, чем прежде. Казалось, воин Жемчужины с момента их последней встречи набрался сил.

— Заурядная душа! — Губы искривились, произнося это оскорбление, явно не менее унизительное, чем все остальное, что могло прийти в голову воину Жемчужины.

Он снова начал хохотать — на сей раз потому, что его атаковала Оуне, выставив вперед на полную длину меч, другая ее рука держала копье, а поводья были зажаты у нее в зубах. Меч занесен для удара, копье отведено назад и готово для броска. Копье и меч ударили воина Жемчужины одновременно, отчего его нагрудник треснул, как панцирь какого-нибудь ракообразного, и меч пронзил его насквозь.

Элрик был поражен таким приемом — раньше он не видел ничего подобного. Сила и точность действий Оуне были просто невероятны. Это было боевое искусство, о котором будут говорить еще тысячу лет, многие попытаются ему подражать и погибнут, делая это.

Пика сделала свое дело, раскроив доспех воина Жемчужины, а меч завершил начатое. Однако воин Жемчужины был жив.

Он застонал. Он забормотал что-то. Он засучил руками. Его меч поднялся, словно чтобы защититься от уже нанесенного удара. Здоровенный конь воина поднялся на дыбы, ноздри его дымились яростью. Ауне увела своего коня в сторону. Ее меч оставил свой след в теле воина Жемчужины. Ее руки потянулись за вторым копьем, за кинжалом.

Элрик снова поскакал вперед, нацелив собственную пику в треснувший доспех, надеясь последовать примеру Ауне, однако его клинок попал в слоновую кость и был отражен. Элрик потерял равновесие на несколько мгновений, и воин Жемчужины сумел воспользоваться этим. Его меч ударил по доспехам Элрика с такой силой, что в шлеме у него раздался невыносимый грохот, а из глаз посыпались искры. Он упал на шею лошади и едва смог отразить следующий удар. Тогда воин Жемчужины издал вопль, глаза его еще больше расширились, красный рот разверзся, из него клубилось нечистое дыхание, а кровь ручьем лилась из-под латного воротника между шлемом и нагрудником. Он надвинулся на Элрика, который увидел, что рукоять пики торчит из груди воина в том месте, где она пробила нагрудник.

— Это не останется безнаказанным! — воскликнул воин Жемчужины. Его слова прозвучали как угроза.— Я этого не могу допустить!

И с жутким грохотом — словно мешок с костями — он свалился с коня на плиты двора. За ним вдруг заработал фонтан, выполненный в виде фигового дерева. Вода быстро переполнила лоток, и ручеек коснулся тела воина Жемчужины. Лошадь без всадника начала ржать и бегать кругами, поднимаясь на дыбы и пуская из пасти пену. Потом она галопом выскочила за ворота и понеслась по мраморной дороге.

Элрик перевернул тяжелое тело, чтобы убедиться, что в воине Жемчужины не осталось жизни, и осмотреть поврежденные доспехи. Он не переставал восхищаться боевым приемом Ауне.

— Я такого еще не видел,— сказал он,— а ведь сражался рядом с прославленными воинами и против них.

— Похититель снов должен многое знать,— сказала она, принимая его похвалу.— Этому приему научила меня моя мать, которая была отважной воительницей — куда мне до нее.

— Твоя мать была похитительницей снов?

— Нет,— с отсутствующим видом ответила Ауне, рассматривая свой погубленный меч. Она бросила его, подобрала меч воина Жемчужины и сказала: — Она была королевой.

Ауне взвесила в руке меч убитого, примерила к своим ножнам и обнаружила, что он для них великоват. Она небрежно засунула его себе за пояс и, отстегнув ножны, бросила их на землю. Вода, вытекавшая из фонтана, дошла им уже до колен, и кони начали волноваться.

Взяв коней под уздцы, они провели их под имеющей форму сердца аркой в другой дворик. Здесь тоже работали фонтаны, но вода не вытекала из них. Казалось, что эти фонтаны вырезаны из слоновой кости, как и большая часть Крепости; они были выполнены в виде цапель, которые стояли, подняв головы и соединив клювы. Элрику это напомнило архитектуру Кварцхасаата, хотя здесь не было и капли кварцхасаатского упадка, ничего похожего на то старческое слабоумие, которое было характерно для города, переживающего свои худшие времена. Может быть, эта Крепость была построена предками нынешних властителей Кварцхасаата, Совета Шести и Еще Одного? Может быть, какой-то могущественный король бежал из города за тысячу лет до этого и попал сюда — в царство Снов? Может быть, именно так легенда о Жемчужине и проникла в Кварцхасаат?

Они переходили из одного дворика в другой, каждый необыкновенной красоты, и наконец Элрику пришла в голову мысль, что они таким образом могут пройти через всю Крепость и выйти с другой стороны.

— Размеры этого сооружения явно не соответствуют числу его обитателей,— сказал Элрик Ауне.

— Я думаю, мы очень скоро столкнемся с его обитателями,— пробормотала Ауне.

Они поднимались по дорожке, которая шла вверх серпантином вокруг огромного центрального купола. Хотя у дворца и был строгий вид, Элрику его архитектура не казалась холодной — в ней присутствовала некая странная гармония, словно весь этот комплекс был окаменевшей живой плотью.

Их кони все еще были при них, но звук копыт теперь приглушался роскошным ковром. Они двигались по залам и коридорам, стены которых были увешаны гобеленами или украшены мозаикой, хотя изображений живых существ они здесь нигде не видели — только геометрический орнамент.

— Я думаю, мы находимся рядом с сердцем Крепости,— шепотом сказала ему Оуне, словно боясь, что ее услышат, хотя они так никого и не видели.

Она заглядывала за мощные колонны в анфиладе комнат, освещенных, вероятно, солнечными лучами, проникавшими снаружи. Элрик проследил за направлением ее взгляда, и ему показалось, что он увидел, как за дверью затрепетала на ветру голубая ткань и тут же исчезла.

— Все равно,— сказала себе Оуне.— Все равно.

Однако меч она опять держала наготове и дала знак Элрику, чтобы тот сделал то же самое. Они въехали еще в один дворик. Этот, казалось, находится под открытым небом — под тем же серым небом, которое они видели на нагорье. Вокруг них громоздились одна на другой галереи. Элрику показалось, что он видит глазеющие на него лица, потом что-то жидкое ударило его по лицу, и он почти вдохнул клейкое красное вещество, покрывшее его тело. Новые потоки этого вещества полились на них изо всех частей галереи, и скоро дворик был затоплен тем, что на вид было похоже на человеческую кровь. Элрик услышал бормотание наверху, тихий смех, крик.

— Прекратите это! — воскликнул он, отпрянув в угол дворика.— Мы пришли сюда для переговоров. Все, что нам нужно,— это Священная Дева! Верните нам ее дух, и мы уйдем!

Ответом ему были новые потоки крови, и он пришпорил коня, направив его к следующему проходу. Этот проход был перекрыт воротами. Элрик попытался поднять их. Он пытался раскачать их, освободить из запоров. Потом он посмотрел на Оуне, которая, отерев с лица красную жидкость, присоединилась к нему. Она просунула в щель свои длинные пальцы и нащупала какую-то кнопку. Ворота открылись медленно, чуть ли не неохотно, но все же открылись. Она улыбнулась Элрику.

— Как и большинство людей, ты теряешь голову, когда начинаешь паниковать, мой господин,— сказала она.

Его обидела эта шутка.

— Я и понятия не имел, что здесь нужно искать такие способы, чтобы открывать ворота, моя госпожа.

— Не забывай о таких вещах в будущем, и твои шансы выжить в Крепости повысятся,— сказала она.

— Почему они не хотят разговаривать с нами?

— Вероятно, они не верят, что мы готовы на уступки,— сказала она, потом добавила: — Но на самом деле я могу только гадать относительно логики их поведения. Каждое новое предприятие похитителя снов отличается от предшествующих, принц Элрик. Вперед.

Они миновали несколько наполненных теплой водой прудов, над которыми поднимался пар. Никто в этих прудах не купался. Элрику показалось, что в глубине он увидел каких-то живых существ, может быть рыб. Он наклонился, чтобы посмотреть, но Оуне одернула его:

— Я тебя предупреждала: твое любопытство может стать причиной твоей и моей гибели.

В пруду что-то заметалось, пуская пузыри, а потом исчезло. И сразу же помещения начали трястись, а вода — пениться. В мраморном полу появились трещины. Лошади зафыркали от страха, едва не теряя равновесие. Конь Элрика чуть не провалился в одну из открывшихся трещин. Впечатление было такое, словно в горах внезапно случилось землетрясение. Они поспешно переместились в следующую галерею, выходившую на мирную лужайку, и все признаки землетрясения исчезли.

К ним подошел человек. По осанке он напоминал королеву Су, но был ниже и старше. Его седая борода лежала на камзоле из материи золотого цвета, в руке он держал поднос, на котором они увидели два кожаных мешочка.

— Вы признаете власть Крепости Жемчужины? — спросил он.— Я сенешаль этого места.

— И кому ты служишь? — бесцеремонно спросил Элрик. В руке он по-прежнему держал меч и не скрывал своей готовности воспользоваться им.

Сенешаль посмотрел на него с изумлением.

— Я, конечно же, служу Жемчужине. Это Крепость Жемчужины!

— И кто же здесь правит, старик? — язвительно спросила Оуне.

— Жемчужина. Я уже говорил.

— А Жемчужиной никто не правит? — недоуменно спросил Элрик.

— Больше никто, мой господин. А теперь возьмите это золото и уходите. Мы больше не хотим тратить на вас энергию. Они ее расходуют, но до истощения им далеко. Я думаю, скоро вы будете уничтожены.

— Мы победили всех ваших защитников,— сказала Оуне.— Зачем же мы будем брать золото?

— Так вам не нужна Жемчужина?

Прежде чем Элрик успел ответить, Оуне дала ему знак молчать.

— Мы пришли только для того, чтобы спасти и освободить Священную Деву.

Сенешаль улыбнулся.

— Все так говорят, но на самом деле всем нужна Жемчужина. Я не верю тебе, госпожа.

— Как доказать правдивость наших слов?

— Никак. Истина нам уже известна.

— Мы не хотим спорить с тобой, господин сенешаль. Ну хорошо, ты служишь Жемчужине. А кому служит Жемчужина?

— Я думаю, ребенку.— Он нахмурил лоб.

Этот вопрос, казавшийся Элрику таким простым, смутил старика. Элрик все больше восхищался искусством похитительницы снов.

— Видишь ли, мы попытаемся помочь вам в этом,— сказала Оуне.— Дух этого ребенка заточен. А пока он заточен, вы все тоже остаетесь пленниками.

Старик снова предложил им мешочки с золотом.

— Возьмите это и оставьте нас.

— Нет, мы этого не сделаем,— твердо сказала Оуне и повела своего коня дальше мимо старика.— Идем, Элрик.

Альбинос заколебался.

— Может быть, порасспрашиваем его еще, Оуне?

— Больше он ничего не скажет.

Сенешаль бросился к ней, размахивая тяжелыми мешочками,— поднос со звоном упал на пол.

— Она не позволит! Это больно! Этого не должно быть. Наступит боль! Боль!

Элрик испытал сочувствие к старику.

— Оуне, мы должны послушаться его.

Она не останавливалась.

— Идем. Ты должен идти.

Элрик уже научился доверять ее мнению. Он тоже прошел мимо старика, который принялся молотить себя по телу мешочками с золотом и выть; слезы текли по его щекам на бороду.

Впереди показался еще один огромный проход — тонкая решетка и мозаика, отделанная полосами нефрита, голубой эмали и серебра. Перед ними были две большие двери темного дерева на мощных медных петлях.

Оуне не знала, что делать. Она наудачу протянула руки и уперлась пальцами в двери, и те стали медленно, как и предыдущие, расходиться. Элрик и Оуне услышали слабый звук изнутри, похожий на плач. Двери открывались все шире и шире и наконец распахнулись до предела.

Несколько мгновений Элрик стоял, ошеломленный увиденным.

Помещение было затоплено серовато-золотистым светом, который испускала колонна высотой в человеческий рост, на ее вершине находился шар. В центре этого шара мерцала Жемчужина, она была огромных размеров — почти с кулак Элрика. К колонне со всех сторон вели короткие лестничные пролеты, на ступеньках которых стояли фигуры, которые сначала Элрик принял за статуи. Но он тут же понял, что это мужчины, женщины и дети, одетые в самые разные костюмы, хотя большинство из них были сшиты по кварцхасаатской моде и по моде кланов пустыни.

К ним сзади на нетвердых ногах подошел сенешаль.

— Не повредите это!

— Мы защищаем себя, господин сенешаль,— сказала ему Оуне, не поворачивая головы.— Это все, что тебе нужно знать о нас.

Медленно, все еще держа на поводу своих серебристых коней и не убирая в ножны серебристые мечи, они направились в следующее помещение; свет Жемчужины касался их серебристых доспехов и шлемов, отчего те издавали мягкое мерцание.

— Это нельзя уничтожить. Это нельзя победить. Это нельзя повредить.

Элрик вздрогнул, услыхав этот голос. Он бросил взгляд к дальней стене помещения и увидел там воина Жемчужины. Его доспехи были продырявлены и покрыты кровью, его лицо — сплошная зияющая рана, его глаза то увядали, то загорались огнем. А иногда они становились глазами Алнака.

Следующие слова воина прозвучали чуть ли не с жалостью.

— Я не могу драться с вами. Больше не могу.

— Мы здесь не для того, чтобы вредить,— снова сказала Оуне.— Мы пришли, чтобы освободить вас.

Среди застывших фигур произошло какое-то движение. Появилась женщина в голубых одеяниях и вуали. Глаза королевы Су были в слезах.

— И вы пришли с этим? — Она указала на мечи и лошадей, на доспехи.— Но наших врагов здесь нет.

— Скоро они здесь будут,— сказала Оуне.— Я думаю, очень скоро.

Элрик, все еще пребывавший в ошеломленном состоянии, оглянулся, словно ожидая увидеть врагов. Он сделал движение к Жемчужине в Сердце Мира, только для того, чтобы полюбоваться этим чудом. И сразу же все фигуры ожили — встали у него на пути.

— Ты украдешь! — Голос старика звучал еще несчастнее, еще бессильнее.

— Нет,— сказала Оуне,— у нас другая цель. Вы должны это понять.— Она говорила убедительным тоном.— Нас послал за ней Раик На Сеем.

— Она в безопасности. Скажите ему, что она в безопасности.

— Она не в безопасности. Скоро она будет уничтожена.— Оуне повернула голову в сторону перешептывающейся толпы.— Она разделена, как разделены и мы. А причина в Жемчужине.

— В этом-то и весь фокус,— сказала королева Су.

— Фокус,— эхом отозвался раненый воин Жемчужины, и из его разодранного горла донесся слабый смешок.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы красть. Мы пришли защищать. Смотрите! — Оуне очертила в воздухе круг своим мечом, чтобы показать им то, чего они еще, очевидно, не видели.

Стены помещения сделались прозрачными. За ними стояли татуированные воины Кварцхасаата — головы скрыты капюшонами, в руках оружие самых разных видов. Наемники-колдуны.

— Мы не можем с ними сражаться,— спокойно сказал Элрик своей подруге.— Их слишком много.

Он приготовился к смерти.

Глава вторая

РАЗРУШЕНИЕ КРЕПОСТИ

И тогда Оуне запрыгнула в седло своей серебристой лошади и подняла свой серебристый меч.

— Элрик! — воскликнула она.— Делай, как я!

Оуне с ходу пустила своего коня галопом, отчего стук его копыт громом разнесся по помещению.

Готовый умереть с честью, когда до победы оставались считанные шаги, Элрик тоже вскочил в седло, взял копье в руку, которая обычно держала поводья, и, размахивая мечом в другой руке, понесся на противника.

И только когда они сгрудились вокруг него, подняв топоры, булавы, пики и мечи, Элрик понял, что действия Оуне — это не жест отчаяния. Эти полутени двигались лениво, глаза у них были подернуты дымкой, они спотыкались, а удары наносили слабые.

Эта бойня вызывала у него тошноту. Следуя примеру Оуне, он рубил направо и налево, делая это чуть ли не механи-

чески. Головы отделялись от тел, как гнилые плоды, отсеченные руки падали на пол, как листья с деревьев, пика или меч пронзали тела. Их вязкая кровь — кровь мертвецов — прилипала к оружию и доспехам, а их крики жалобно отдавались в ушах Элрика. Если бы он не поклялся следовать за Оуне, он бы повернул коня, предоставив ей доканчивать эту работу в одиночестве. Хотя новые воины в капюшонах продолжали появляться из стен, опасности для Элрика и Оуне они почти не представляли — их встречала острая сталь и искусная тактика.

У них за спиной, стоя вокруг колонны с Жемчужиной, наблюдали за происходящим придворные. Они явно не догадывались, сколь незначительна опасность, с которой столкнулись два воина в серебристых доспехах.

Наконец все было кончено. В помещении лежала гора обезглавленных, расчлененных тел. Элрик и Оуне покинули поле боя; они пребывали в мрачном, жутком настроении, их одолевала тошнота — таковы были следствия их собственных действий.

— Все,— сказала Оуне.— С наемниками-колдунами покончено.

— Вы истинные герои! — По ступенькам им навстречу спустилась королева Су, она распростерла руки, глаза ее светились восхищением.

— Мы — те, кто мы есть,— сказала Оуне.— Мы смертные воины, и мы уничтожили угрозу Крепости Жемчужины! — В ее голосе зазвучали успокаивающие нотки, и Элрик, научившийся доверять ей, слушал с ее удовольствием.

— Вы — дети Шамога Борма, брат и сестра Лунной Плоти, дети Воды и Прохладного Ветра, родители Дерева...— Сенешаль уронил свои мешочки с золотом, его сотрясали рыдания. Он плакал от облегчения и радости, и сейчас Элрик увидел, что этот старик очень похож на Раика На Сеема.

Оуне спешилась, и Королева Су заключила ее в объятия. А тем временем посапывание и похохатывание известило о приближении воина Жемчужины.

— Больше для меня нет ничего,— сказал он. В мертвых глазах Алнака не было ничего, кроме смирения.— Это к уничтожению...

И он упал лицом на мраморный пол — его доспехи раскололись, руки и ноги безжизненно разметались, и живой плоти в нем больше не было, только кость; все, что осталось от воина Жемчужины, напоминало теперь несъедобный остов краба — остатки трапезы какого-то гигантского морского хищника.

Королева Су, раскинув для объятия руки, подошла к Элрику. Она теперь казалась много меньше, чем при их первой встрече. Ее голова доходила ему до подбородка. Ее объятие было теплым, и он почувствовал, что и она плачет. Потом вуаль упала с ее лица, и он увидел, что она потеряла свои годы, что она была всего лишь девочкой.

Стоявшая за королевой Су госпожа Оуне улыбалась ему, и к нему постепенно приходило понимание. Он легонько прикоснулся к лицу девочки, к знакомым складкам ее волос, и у него внезапно перехватило дыхание.

Перед ним стояла Варадия — Священная Дева баурадимов. Это был ребенок, чей дух они обещали освободить.

К нему присоединилась Оуне, положившая свою руку на плечо Варадии.

— Теперь ты знаешь, что мы твои истинные друзья.

Варадия кивнула, окинула взглядом придворных, которые приняли свои прежние неподвижные позы.

— Воин Жемчужины был лучшим из всех,— сказала она.— Никого другого я не нашла. Шамог Борм предал меня. Для него наемники-колдуны оказались слишком сильными. Теперь я могу освободить его из ссылки.

— Мы соединили его силы со своими,— сказала Оуне.— Именно поэтому мы и победили.

— Мы трое не тени,— улыбаясь, сказала Варадия, словно ей вдруг было откровение.— Именно *поэтому* мы и победили.

Оуне согласно кивнула.

— Именно поэтому мы и победили, Священная Дева. Теперь нужно подумать, как вернуть тебя в Бронзовый шатер, твоему народу. Ведь в тебе вся их гордость и история.

— Я знала это. Мне пришлось защищать это. Я думала, что не сумела.

— Ты сумела,— сказала Оуне.

— И наемники-колдуны больше не нападут на нас?

— Никогда,— ответила Ояне.— Ни здесь и нигде. Мы с Элриком позаботимся об этом.

И тут Элрик с восторгом понял, что в конечном счете именно Ояне призвала наемников-колдунов, призвала эти тени в последний раз, призвала их, чтобы продемонстрировать их поражение.

Ояне смотрела на него, глазами предупреждая: не говори слишком многого. Но теперь он понял, что все их сражения, исключая разве что в некоторые моменты сражение с воином Жемчужины и наемниками-колдунами, были сном ребенка. Герой легенды Шамог Борм не мог спасти девочку, потому что она знала: он не настоящий. Сходным же образом воин Жемчужины был в основном ее собственным порождением и тоже не мог ее спасти. А вот они, Элрик и Ояне, были реальными. Такими же реальными, как сама девочка! В своем глубоком сне, как она и рассказывала об этом, девочка в тщетных поисках силы выдавала себя за королеву, но все время знала истину. Не в силах бежать из своего сна, она тем не менее чувствовала разницу между порождениями собственной фантазии и тем, что было реальным,— ею самой, Ояне и Элриком. Но Ояне пришлось показать, что она может одержать победу над тем, что оставалось от изначальной опасности, и, продемонстрировав эту победу, Ояне освободила девочку.

И тем не менее они — все трое — по-прежнему находились в ее сновидении. Огромная Жемчужина мерцала с той же силой, что и прежде, Крепость со всеми ее лабиринтами, переплетающимися переходами и помещениями все еще оставалась их тюрьмой.

— Ты поняла,— сказал Элрик Ояне.— Ты знала, о чем они говорили. Их язык был языком ребенка — языком, стремящимся к силе и не добивающимся желанного. К силе, понимаемой по-детски.

Но Ояне снова взглядом призвала его к молчанию.

— Теперь Варадия знает, что силу никогда не найти в отступлении. В отступлении можно рассчитывать лишь на то, что одна сила уничтожит другую или что тебе удастся спрятаться, как прячутся от бури, перед которой ты бессилен, пока она не кончится. В отступлении нельзя получить ничего, кроме себя самого. Но в конечном счете ты непременно должен лицом к лицу встретить зло, которое стремится уничтожить тебя.

Впечатление создавалось такое, будто Ояне пребывает в трансе, и Элрик догадался, что она повторяет уроки, усвоенные ею в годы ученичества.

— Вы пришли не похитить Жемчужину, а спасти меня из ее тюрьмы,— сказала Варадия, когда Ояне взяла ее маленькие ручки в свои.— Вас послал мне на выручку мой отец?

— Он просил нас о помощи, но мы предоставили ее по доброй воле,— сказал Элрик. Наконец-то он вложил свой меч в ножны. Он чувствовал себя глуповато в доспехах героя сказочной легенды.

Ояне поняла, что он чувствует.

— Мы вернем все это Шамогу Борму, мой господин. Ему разрешено возвратиться в Крепость, госпожа Варадия?

Девочка улыбнулась.

— Конечно!

Она хлопнула в ладоши, и в двери горделиво вошел Шамог Борм.

На нем все еще были одеяния наказания. Он преклонил колени у ног своей госпожи.

— Моя королева,— сказал он, и его прекрасный голос сорвался от сильных чувств.

— Я возвращаю тебе твои доспехи и твое оружие, твоих близнецов-коней Тадию и Тарона и всю твою честь, Шамог Борм,— сказала Варадия голосом, исполненным тепла и гордости.

Элрик и Ояне сняли с себя доспехи и остались в своих обычных одеждах. Шамог Борм надел свой нагрудник, украшенный золотом и серебром, наголенники, ярко сверкающий шлем, на поясе в ножнах у него был меч, а зачехленные копья пристегнуты к лошадям. Остальные свои доспехи он пристегнул к седлу Тадии. Наконец он был готов. Он снова преклонил колени перед своей королевой.

— Моя госпожа, я готов выполнить любое твое приказание.

Варадия неторопливо ответила:

— Ты можешь путешествовать где хочешь, великий Шамог Борм. Но только помни: ты должен продолжать бороться со злом, где бы с ним ни столкнулся, и никогда больше не позволять наемникам-колдунам нападать на Крепость Жемчужины.

— Клянусь.

Поклонившись Оуне и Элрику, легендарный герой сел на коня и медленно поехал из зала — голова у него была горделиво поднята, на лице отражалось осознание благородной цели.

Варадия была довольна.

— Я снова сделала его тем, чем он был до того, как я его призвала. Теперь я знаю, что легенды сами по себе не имеют никакой силы. Легенды всего лишь отражают идеалы.

— Ты — мудрое дитя,— с восхищением сказала Оуне.

— А как же иначе, моя госпожа? Ведь я Священная Дева баурадимов,— сказала Варадия; в голосе ее звучали ирония и добродушный юмор.— Разве я не являюсь оракулом Бронзового шатра? — Она опустила глаза, в которых вдруг мелькнула грусть.— Мне еще очень недолго оставаться ребенком. Наверно, я буду скучать по своему дворцу и всем его царствам...

— Здесь всегда что-нибудь теряешь.— Оуне положила руку на плечо девочки, пытаясь утешить ее.— Но и приобретаешь немало.

Варадия оглянулась на Жемчужину. Элрик проследил за направлением ее взгляда и увидел, что все ее придворные исчезли — точно так же исчезла толпа на лестнице, когда Оуне и Элрик подверглись нападению воина Жемчужины перед их встречей с госпожой Су. Теперь он понял, что Варадия в обличье госпожи Су вела их, как могла,— вела на спасение Священной Девы. Она не упускала их из виду. Она показала им путь, на котором они, не без помощи собственной смекалки и мужества, смогли вызволить ее из заточения.

Варадия поднималась по ступеням, протянув руки навстречу Жемчужине.

— Вот причина всех наших несчастий,— сказала она.— Что нам с нею делать?

— Может быть, уничтожить? — сказал Элрик.

Оуне отрицательно покачала головой.

— Пока она остается ненайденным сокровищем, воры не прекратят ее поисков. В этом и состоит причина заточения Варадии в царстве Снов. Это и привело к ней наемников-колдунов. Поэтому они опоили и попытались похитить ее. Все зло происходит не от Жемчужины, а от того, чем она является в глазах злых людей.

— Ну и что же ты будешь делать? — спросил Элрик.— Обменяешь ее на рынке снов в следующий раз?

— Может быть, так я и сделаю. Но это не сможет обеспечить безопасность Варадии в будущем. Понимаешь?

— Пока Жемчужина остается легендой, всегда будут находиться люди, желающие ее отыскать, верно?

— Именно так, принц Элрик. Поэтому мы не будем уничтожать ее. По крайней мере, не здесь.

Элрику было все равно. Его так увлек сам сон, отыскание разных уровней реальности, существующих в царстве Снов, что он забыл о своей изначальной цели, о том, что его жизни и жизни Аная в Кварцхасаате грозит опасность.

Оуне напомнила ему:

— Помни, что в Кварцхасаате есть люди, которые являются врагами не только тебе, Элрик из Мелнибонэ. Они враги и этой девочки. Враги баурадимов. Твоя миссия еще не закончена. Она не будет закончена, даже когда мы вернемся в Бронзовый шатер.

— Тогда ты должна дать мне совет, госпожа Оуне,— сказал Элрик.— Ведь я новичок в этих краях.

— Я не могу дать тебе ясный совет.— Она отвела глаза, в которых Элрик увидел выражение застенчивости, может быть, даже боли.— Но я могу принять решение. Мы должны объявить о Жемчужине.

— Насколько я понимаю, Жемчужины не существовало, пока властители Кварцхасаата не выдумали ее, пока кто-то не узнал об этой легенде, пока не появились наемники-колдуны.

— Но теперь она существует,— сказала Оуне.— Госпожа Варадия, ты дашь мне Жемчужину?

— Охотно,— сказала Священная Дева. Она взбежала по оставшимся ступеням, сняла шар с постамента и бросила на пол — по залу разлетелись осколки матового стекла, смешавшись с костями и доспехами воина Жемчужины. Варадия подняла Жемчужину одной рукой, как ребенок поднимает с земли мячик. Она удовлетворенно перебросила Жемчужину несколько раз с руки на руку — теперь Варадия могла не бояться ее.— Как она прекрасна. Неудивительно, что они искали ее.

— Они ее создали, а потом использовали, чтобы поймать тебя в ловушку.— Ауне протянула руку и поймала Жемчужину, брошенную ей Варадией.— Ах, как это нехорошо — те, кто смог создать такую красоту, чтобы завладеть ею, не останавливались ни перед каким злом...— Она нахмурилась и оглянулась — что-то неожиданно встревожило ее.

Во Дворце Жемчужины стало темнеть.

Отовсюду в помещение стал проникать ужасающий шум, мучительные стоны, громкие вопли и причитания, крики боли, словно в одно мгновение обрели голос все мучимые души мультивселенной.

Эти звуки проникали им в самые мозги. Ими полнились их уши. Они в ужасе увидели, как пол Дворца разверзся и начал раскачиваться, как стены слоновой кости со всей их великолепной мозаикой и резьбой начали гибнуть прямо у них на глазах — съеживаться и опадать, как ткань, внезапно извлеченная из склепа на свет дня.

А потом за всем этим шумом они услышали смех.

Это был веселый смех. Беззаботный смех ребенка.

Это был смех освобожденного духа. Это был смех Варадии.

— Наконец-то она исчезает. Она исчезает! Ах, мои друзья, я больше не рабыня.

Перешагивая через весь этот опавший мусор, через все это разложение и тлен, обрушившиеся на них, через разрушенный каркас Крепости Жемчужины пробралась Ауне. Она шла торопливым шагом, но с осторожностью. Она держала за руку Варадию.

— Неужели так скоро? Мы могли все погибнуть в этом!

Она заставила Элрика взять девочку за руку, и они повели ее через рушащуюся, визжащую темноту, из зала, по раскачивающимся коридорам, по дворикам, где фонтаны теперь выбрасывали вверх обломки и где сами стены были сооружены из разлагающейся плоти, которая исчезала, догнивая у них на глазах. Потом Ауне ускорила шаг, и через несколько мгновений они уже бежали. Наконец они оказались перед последними воротами.

Они добрались до мраморной дороги. Перед ними был мост. Ауне почти что тащила их — скорее, скорее, потому что Крепость Жемчужины на их глазах превращалась в ничто, издавая при этом рев умирающего зверя.

Казалось, что этому мосту не будет конца. Элрик не видел другой его стороны. Но наконец Ауне прекратила бег и позволила им перейти на шаг — они добрались до ворот.

Ворота были выдолблены в красном песчанике и украшены геометрическими рисунками и изображениями газелей, леопардов и диких верблюдов. После такого большого числа монументальных ворот эти показались Элрику довольно обыденными, но он тем не менее испытывал перед ними трепет.

— Я боюсь, Ауне,— сказал он.

— Я думаю, ты боишься смерти,— ответила она, продолжая идти быстрым шагом.— Ты обладаешь огромным мужеством, принц Элрик. Прошу тебя, воспользуйся им теперь.

Он подавил в себе страх. Теперь он твердо, надежно держал девочку за руку.

— Мы ведь идем домой, правда? — спросила Священная Дева.— Что ты боишься увидеть здесь, принц Элрик?

Благодарный за этот вопрос, он улыбнулся ей.

— Ничего особенного, госпожа Варадия. Возможно, всего лишь себя самого.

Они все вместе шагнули под арку.

Глава третья

ПРАЗДНИК В ОАЗИСЕ СЕРЕБРЯНОГО ЦВЕТКА

Проснувшись рядом с еще спящим ребенком, Элрик с удивлением почувствовал себя посвежевшим. Жезл снов, который позволил ему добиться цели в царстве Снов, все еще был на

их сцепленных руках. Он взглянул на девочку и увидел, что она шевельнулась.

— Значит, у вас ничего не получилось? — услышал он исполненный сдерживаемой печали голос Раика На Сеема.

— Что? — Оуне бросила взгляд на Варадию.

На их глазах кожа девочки приобретала здоровый румянец, ее глаза открылись и увидели встревоженного отца, устремившего на нее свой взгляд. Она улыбнулась. Это была свободная, беззаботная улыбка, с которой Оуне и Элрик уже успели познакомиться.

Первый старейшина клана баурадимов начал плакать. Он плакал точно так же, как это делал сенешаль во Дворце Жемчужины. Он плакал от облегчения. Он плакал от радости. Он обнял свою дочь и не мог произнести ни слова — так радовалось его сердце. Все, что он мог,— это протянуть руку к своим друзьям, к мужчине и женщине, которые вошли в царство Снов, чтобы освободить его ребенка, который бежал туда от злых козней господина Гхо и его прихвостней.

Они коснулись руки старика и вышли из Бронзового шатра. Вдвоем направились они в пустыню и там встали друг против друга, глядя один другому в глаза.

— Теперь у нас есть общий сон,— сказал Элрик. Голос его звучал мягко, в нем слышалась любовь.— Я думаю, это воспоминание будет хорошим, госпожа Оуне.

Она взяла его лицо в свои руки.

— Ты мудр, принц Элрик, и ты отважен. Но тебе не хватает простого жизненного опыта. Я надеюсь, ты обретешь его.

— Именно поэтому я и отправился бродить по свету, моя госпожа, оставив моего кузена Йиркуна на Рубиновом троне. Я прекрасно понимаю, что страдаю больше чем одним недостатком.

— Я рада, что у нас был общий сон,— сказала она.

— Мне кажется, что ты потеряла своего любимого,— сказал ей Элрик.— Я рад, если смог облегчить тебе боль разлуки.

Несколько мгновений у нее был недоуменный вид, потом ее чело прояснилось.

— Ты говоришь об Алнаке Кребе? Я его любила, мой господин, но он мне был скорее братом, чем любовником.

Элрик почувствовал смущение.

— Извини мне эту вольность, госпожа Оуне.

Она подняла голову к небесам. Кровавая луна еще не зашла. Она освещала своими красными лучами песок, мерцающую бронзу шатра, в котором Раик На Сеем радовался возвращению своей дочери.

— Я не влюбляюсь направо и налево, если ты об этом подумал,— произнесла она многозначительно. Потом вздохнула.— Ты все еще планируешь вернуться в Мелнибонэ к своей возлюбленной?

— Я должен это сделать,— сказал он.— Я люблю ее. И долг зовет меня в Имррир.

— Сладкий долг! — Голос ее прозвучал саркастически, и она, повесив голову и положив руку на пояс, сделала шаг-другой в сторону от него. Она пнула песок цвета старой крови.

Элрик слишком долго закалял себя, приучая к болям душевным. Он мог только стоять и ждать, когда она вернется к нему. Теперь она улыбалась.

— Ну что ж, принц Элрик, хочешь присоединиться к похитителям снов и сделать эту профессию на время своим образом жизни?

Элрик покачал головой.

— Это занятие требует от меня слишком многого, моя госпожа. Но я благодарен за то, чему это приключение научило меня, за то, что оно помогло мне узнать о себе самом и о мире Снов. Я все еще слишком плохо разбираюсь в нем, этом мире. Я все еще толком не знаю, где мы путешествовали и с чем встретились. Я не знаю, какая часть царства Снов была порождением госпожи Варадии, а какая обязана своим появлением тебе. У меня такое чувство, будто я был свидетелем сражения выдумщиков. А я внес свой вклад? Не знаю.

— Поверь мне, принц Элрик, без тебя у нас ничего бы не получилось. Ты видел столько иных миров. И ты читал больше меня. Не стоит слишком уж дотошно анализировать существа и места, с которыми сталкиваешься в царстве Снов, но будь уверен, свой вклад ты внес. Возможно, больший, чем ты думаешь.

— Неужели реальность может быть соткана из ткани тех снов? — спросил он.

— В Молодых королевствах был один искатель приключений по имени граф Обек,— сказала она.— Он знал, каким мощным творцом реальности может быть человеческий разум. Говорят, что он и подобные ему люди помогли создать мир Молодых королевств.

Элрик кивнул.

— Я знаю эту легенду. Но я думаю, для нее есть столько же оснований, сколько и для истории о Шамоге Борме, моя госпожа.

— Ты должен понять, чего ты хочешь.— Она отвернулась от него и стала сверлить взглядом Бронзовый шатер. Из шатра появились старик и его дочь. Где-то в шатре зазвучали барабаны. Потом послышалось прекрасное пение, десяток мелодий соединенных в одну, переходящих из одной в другую. Постепенно все, кто оставался в Бронзовом шатре охранять Священную Деву, начали собираться вокруг Раика На Сеема и Варадии. Их песни были песнями невыразимой радости. Их голоса наполняли пустыню самой прекрасной жизнью и эхом отдавались в самых дальних горах.

Оуне взяла Элрика под руку — жест дружбы, жест примирения.

— Идем,— сказала она.— Присоединимся к празднеству.

Они не сделали и нескольких шагов, как толпа подняла их над головами. Их понесли, смеясь и радуясь, через всю пустыню к оазису Серебряного Цветка.

Празднования начались сразу же, словно все баурадимы и другие кланы пустыни давно готовились к этому. Воздух был насыщен запахами всевозможных великолепных блюд, отчего у всех, кто вдыхал эти ароматы, текли слюнки. Казалось, в пустыню доставили специи из всех складов пряностей по всему миру. Повсюду были видны костры, на которых готовилась пища, всюду сверкали факелы, лампады, свечи, а из кашбеха Мулор Ка Риитц, нависавшего над огромным оазисом, выехали стражники-алумриты во всей своей красе — древних доспехах, шлемах красного золота и нагрудниках, с оружием из

бронзы, меди и стали. У них были огромные лопатообразные бороды и большие тюрбаны на навершиях шлемов. На них были сюртуки из изысканной парчи и ткани из серебра, а их высокие сапоги были украшены вышивкой, такой же сложной, как и на их рубашках. Это были гордые, добродушные люди, которые ехали рядом со своими женами, тоже в доспехах, с луками и маленькими пиками. Все они скоро перемешались с огромной толпой, которая соорудила высокий помост, поставила на него резной стул, посадила на него улыбающуюся Варадию, чтобы все могли видеть Священную Деву баурадимов, возвращенную клану, вернувшую им их историю, их гордость, их будущее.

Раик На Сеем все еще плакал. Увидев Элрика и Оуне, он сразу же заключил их в объятия, поблагодарил, объяснил, как умел, что для него означает иметь таких друзей, таких спасителей, таких героев.

— Баурадимы будут вечно помнить ваши имена. И что бы вы у нас ни попросили, если ваша просьба будет достойна, а мы в этом не сомневаемся, мы дадим это вам. Если вам будет грозить опасность в десяти тысячах миль отсюда, пришлите весточку баурадимам, и они придут вам на помощь. И вы должны знать, что освободили из темного плена дух добросердечной девочки.

— Это и есть наше вознаграждение,— сказала Оуне, улыбаясь.

— Наше богатство принадлежит вам,— сказал старик.

— У нас нет нужды в богатстве,— сказала ему Оуне.— Я думаю, мы наши кое-что получше.

Элрик согласился с ней.

— И потом в Кварцхасаате есть человек, который обещал мне половину империи, если я окажу ему маленькую услугу.

Оуне поняла шутку Элрика и рассмеялась.

Раик На Сеем был немного встревожен.

— Ты направляешься в Кварцхасаат? У тебя все еще есть там дела?

— Да,— ответил Элрик.— Там один мальчик с нетерпением ждет моего возвращения.

— Но ведь у тебя есть время отпраздновать с нами, поговорить с нами, попировать со мной и Варадией? Ты ведь толком не успел перемолвиться с ребенком и словом!

— Я думаю, мы очень неплохо знаем ее,— сказал Элрик.— Достаточно, чтобы быть о ней высокого мнения. Она и в самом деле самое большое сокровище баурадимов, мой господин.

— Вы смогли поговорить с ней в том мрачном царстве, где она содержалась пленницей?

Элрик хотел было рассказать об этом первому старейшине, но Оуне остановила его — она была хорошо знакома с вопросами подобного рода.

— Смогли немного, мой господин. На нас произвели впечатление ее ум и ее мужество.

Чело Раика На Сеема нахмурилось, когда в голову ему пришла еще одна мысль.

— Мой сын,— сказал он Элрику,— ты смог существовать в том царстве без боли?

— Да, без боли,— сказал Элрик. И тут он понял, в чем суть вопроса. Он впервые осознал, что ему лично принесло это предприятие.— Да, мой господин. Если помогаешь похитителю снов, получаешь несомненные выгоды. Огромные выгоды, которые я еще не успел оценить в полной мере.

И Элрик с удовольствием присоединился к празднеству, наслаждаясь возможностью побыть с Оуне, баурадимами и всеми другими кланами. У него возникло такое ощущение, будто он пришел домой — так гостеприимны были эти люди; и ему захотелось провести здесь всю свою жизнь, перенять привычки баурадимов, их философию, их забавы.

Позднее, лежа под огромной финиковой пальмой и крутя в пальцах серебряный цветок, он взглянул на Оуне, сидевшую рядом с ним, и сказал:

— Из всех искушений, с которыми я столкнулся в царстве Снов, это самое сильное. Это простая реальность, и мне не хочется расставаться с ней. И с тобой.

— Я думаю, у нас нет общей судьбы,— вздохнула она.— По крайней мере, в этой жизни или в этом мире. Сначала ты будешь легендой, а потом не останется никого, кто бы помнил тебя.

— Все мои друзья умрут? Я останусь один?

— Я так думаю. Пока ты служишь Хаосу.

— Я служу себе и своему народу.

— Если такова твоя вера, Элрик, то ты должен быть активнее на этом поприще. Ты создал малую реальность и создашь еще чуть большую. Но Хаос не может быть другом, он предаст тебя. В конце нам не к кому обратиться, кроме как к самим себе. Никакая причина, никакая сила, никакой вызов не смогут заменить эту истину...

— Я отправился в свое путешествие, чтобы стать самим собой, госпожа Оуне,— напомнил он ей. Он бросил взгляд над спокойными водами оазиса в даль пустыни, вдохнул холодный ароматный воздух.

— Ты скоро уйдешь отсюда? — спросила она.

— Завтра,— сказал он.— Я должен это сделать. Но мне любопытно узнать, какую реальность я создал.

— Я думаю один-другой сон сбудутся,— загадочно сказала она, поцеловав его в щеку.— А еще один сбудется довольно скоро.

Он не стал вдаваться в подробности, потому что она вытащила из мешочка у себя на поясе огромную жемчужину и протянула ему.

— Так она существует? Это не выдумка, как мы полагали? Она все еще у тебя?!

— Она твоя,— сказала Оуне.— Используй ее, как считаешь нужным. Именно она и привела тебя сюда, в оазис Серебряного Цветка. Именно она соединила нас с тобой. Пожалуй, я не буду продавать ее на рынке снов. Я хочу, чтобы ее взял ты. Я думаю, она принадлежит тебе по праву. Как бы то ни было, но Священная Дева дала ее мне, а теперь я даю ее тебе. Именно она стала причиной смерти Алнака Креба, ради обладания ею погибли все эти убийцы...

— Но ты вроде бы говорила, что Жемчужина не существовала до того, как наемники-колдуны решили ее найти.

— Так оно и есть. Но теперь она существует. Вот она. Жемчужина из Сердца Мира. Великая Жемчужина из легенды. Ты знаешь, как воспользоваться ею?

— Ты должна мне объяснить...— начал было он, но она оборвала его.

— Не спрашивай меня, как реализуются сны, принц Элрик. Это вопрос для философов всех времен и всех стран. Я еще раз спрашиваю у тебя: ты знаешь, как воспользоваться ею?

Элрик, поколебавшись, взял драгоценность. Он держал ее на ладонях, перекатывая туда-сюда. Ее ценность, ее бледная красота ошеломляли его.

— Да,— сказал он.— Я знаю, как воспользоваться ею.

Он положил Жемчужину в собственный поясной мешочек, а Оуне сказала ему:

— Я думаю, она несет зло — эта Жемчужина.

Он согласился с нею.

— Я тоже так думаю. Но иногда зло можно использовать для борьбы со злом.

— Не могу принять этот аргумент.— Казалось, ее обеспокоило что-то.

— Я знаю,— сказал он.— Ты об этом уже говорила.— И теперь наступил его черед поцеловать ее — нежно, в губы.— Судьба жестокая штука, Оуне. Было бы лучше, если бы она вела нас одним прямым путем. Но она вынуждает нас делать выбор, и мы никогда не знаем, лучший ли выбор делаем.

— Мы смертные,— сказала она, пожав плечами.— Такова наша участь.— Она протянула руку и прикоснулась к его лбу.— У тебя неспокойный ум, мой господин. Пожалуй, я похищу у тебя несколько малых снов, которые причиняют тебе беспокойство.

— А ты можешь похищать боль и превращать ее во что-нибудь такое, что можно продать на вашем рынке?

— Я часто делаю это,— сказала она.

Она положила его голову себе на колени и, глядя на него нежным взглядом, начала массировать его виски.

Он сказал сонным голосом:

— Я не могу предать Симорил. Не могу...

— Я ни о чем другом тебя не прошу, просто усни,— сказала она.— Настанет день, и у тебя будет немало поводов для сожалений и горечи. А пока я могу забрать у тебя немного того, что не играет особой роли.

— Не играет особой роли? — Голос его прозвучал невнятно — он под воздействием ее нежных рук погружался в дрему.

— Для тебя, мой господин. Но не для меня...

И похитительница снов начала петь. Она пела колыбельную песню. Она пела о больном ребенке и скорбящем отце. Она пела о счастье, которое можно найти в простых вещах.

А Элрик спал. И пока он спал, похитительница снов прибегла к легкой магии и забрала несколько из его полузабытых воспоминаний, которые отравляли его ночи в прошлом и могли отравлять в будущем.

А когда Элрик проснулся на следующее утро, у него было легко на сердце и на душе. Его приключения в царстве Снов остались лишь смутным воспоминанием. Но он помнил о своей привязанности к Оуне и был исполнен решимости как можно скорее добраться до Кварцхасаата и дать господину Гхо то, чего тот желал больше всего в мире.

Прощание его с баурадимами было искренним и взаимно печальным. Они умоляли его вернуться, присоединиться к ним в их путешествиях, охотиться с ними, как это делал его друг Ракхир.

— Я постараюсь вернуться,— сказал он.— Но прежде мне нужно выполнить еще не одну клятву.

Робкий мальчик принес ему его черный боевой клинок. Он пристегнул Буревестник к поясу, и тот, казалось, удовлетворенно застонал, радуясь воссоединению с хозяином.

Благословение от имени всего клана дала ему Варадия. Взяв Элрика за руки, она поцеловала его. А Раик На Сеем сказал ему, что теперь он брат Варадии и его сын. Потом вперед вышла Оуне, похитительница снов. Она на какое-то время решила остаться гостьей баурадимов.

— Прощай, Элрик. Я надеюсь, мы еще встретимся. При лучших обстоятельствах.

Он был удивлен:

— При лучших обстоятельствах?

— По крайней мере, для меня.— Она усмехнулась, презрительно постучав по рукоятке его рунного меча.— Я от всей души желаю тебе стать настоящим хозяином этой вещицы.

— Я думаю, я и есть ее хозяин,— сказал он.

Она пожала плечами.

— Я проеду с тобой немного по Красной дороге.

— Я буду рад твоей компании, моя госпожа.

Как и в царстве Снов, Элрик и Оуне ехали рука об руку. И хотя Элрик не помнил, что он чувствовал в связи с этим раньше, теперь какое-то знакомое ощущение возникло в его душе, словно он нашел то, что искала его душа. И в конце концов он с печалью на сердце простился с Оуне и поехал дальше один в сторону Кварцхасаата.

— Прощай, мой добрый друг. Я не забуду, как ты одолела воина Жемчужины в Крепости Жемчужины. Это воспоминание никогда не умрет во мне.

— Я польщена.— В ее голосе слышалась печальная ирония.— Прощай, принц Элрик. Я верю — ты найдешь все, что ищешь, и познаешь мир, когда вернешься в Мелнибонэ.

— Таковы мои твердые намерения, моя госпожа.— Он махнул ей рукой и, не желая длить печаль, пришпорил коня.

Глазами, которые не пускали в себя слезы, смотрела она, как скачет Элрик по бесконечной Красной дороге в направлении Кварцхасаата.

Глава четвертая

КАК В КВАРЦХАСААТЕ БЫЛИ УЛАЖЕНЫ КОЕ-КАКИЕ ДЕЛА

Въезжая в Кварцхасаат, Элрик из Мелнибонэ чуть не падал с седла, он едва управлял конем, а собравшиеся вокруг него люди спрашивал, не болен ли он. Некоторые даже опасались, как бы он не завез чуму в их прекрасный город, и готовы были тут же выставить его за ворота.

Альбинос приподнял голову, чтобы только прошептать имя своего покровителя — господина Гхо Фхаази — и сообщить, что ему необходим эликсир, которым владеет этот благородный житель города.

— Я должен выпить этого эликсира,— сказал он им,— иначе я умру, не выполнив своей миссии...

Старые башни и минареты Кварцхасаата были великолепны в красных лучах огромного заходящего солнца, и в городе царила какая-то мирная атмосфера, которая наступает, когда заботы дня остаются позади и город готовится предаться наслаждениям.

Богатый торговец водой, желающий угодить тому, кто скоро, возможно, будет избран в Совет, лично повел коня Элрика по ухоженным аллеям и внушительным улицам. Наконец они оказались перед принадлежащим господину Гхо Фхаази огромным дворцом золотистых и зеленых оттенков.

Торговец был вознагражден обещанием слуги сообщить его имя господину Гхо, и Элрик, который теперь бормотал и шептал что-то себе под нос, а иногда негромко стонал и облизывал сухие губы, проехал через прекрасный сад, окружающий главный дворец.

Встретить альбиноса вышел сам господин Гхо. Он от души посмеивался, глядя на Элрика, пребывавшего в таком плачевном состоянии.

— Привет тебе, привет, Элрик из Надсокора! Привет тебе, белолицый клоун-вор. Сегодня у тебя совсем не такой заносчивый вид! Ты не берег запасов эликсира, которым я снабдил тебя, и теперь пришел умолять, чтобы я дал тебе еще, и нынче ты в состоянии гораздо худшем, чем когда впервые здесь появился.

— Мальчик...— прошептал Элрик, когда слуги помогли ему слезть с коня. Они несли Элрика на плечах, а его руки бессильно висели.— Он жив?

— И чувствует себя получше, чем ты, мой господин! — Бледно-зеленые глаза господина Гхо Фхаази светились изощренным злорадством.— И он в абсолютной безопасности. Ты на этом так настаивал перед своим отъездом. А я человек слова.— Политик перебирал колечки своей умасленной бороды и посмеивался про себя.— А ты, господин вор, ты держишь свое слово?

— Всегда,— пробормотал альбинос. Его красноватые глаза закатились, и несколько мгновений казалось, что он умер. Потом он обратил свой измученный взор на господина Гхо.—

Так ты дашь мне противоядие и все, что обещал? Воду? Богатство? Мальчика?

— Несомненно, несомненно. Правда, в твоем положении, вор, торговаться не пристало. А как насчет Жемчужины? Ты ее нашел? Или ты явился сюда, чтобы сообщить о своей неудаче?

— Я ее нашел. И я спрятал ее,— сказал Элрик.— Этот эликсир...

— Да-да, я знаю свойства эликсира. Ты, вероятно, обладаешь очень крепким здоровьем, если у тебя и сейчас хватает сил говорить.— С этими словами кварцхасаатец дал знак мужчинам и женщинам, которые несли Элрика, пройти в прохладные покои дворца и положить альбиноса на огромные подушки из алого и синего бархата и дать ему воды и еды.

— Жажда становится все сильнее, правда? — Господину Гхо мучения Элрика явно доставляли удовольствие.— Эликсир, похоже, выпил все твои силы, как ты сам выпил весь эликсир. Ты хитер, господин вор. Значит, ты говоришь, что спрятал Жемчужину? Ты мне не доверяешь? Но ведь я благороднейший из жителей самого великого города мира!

Элрик, весь в пыли после долгого путешествия, растянулся на подушках и медленно вытер руки о материю.

— Противоядие, мой господин...

— Ты же знаешь, я не дам тебе противоядия, пока Жемчужина не окажется в моих руках...— Господин Гхо снисходительно поглядывал на свою жертву.— По правде говоря, вор, я не рассчитывал, что ты окажешься таким стойким. Хочешь еще глоток моего эликсира?

— Принеси его, если ты не против.

Элрик изображал беззаботность, но господин Гхо видел, в каком отчаянном положении тот находится. Он повернулся, чтобы отдать распоряжение своим рабам.

И тут Элрик добавил:

— Да, только пусть приведут мальчика. Я хочу видеть, что с ним ничего не случилось, и услышать из его уст, что тут происходило за время моего отсутствия...

— Ну, это малая просьба. Хорошо.— Господин Гхо сделал знак рабу: — Приведи сюда этого мальчишку Аная.

Кварцхасаатец подошел к массивному стулу, стоявшему на небольшом возвышении между двумя навесами, и уселся на него.

— Я даже не предполагал, что ты вернешься из такого путешествия, господин вор, я уж не говорю о том, что найдешь Жемчужину. Наши наемники-колдуны — храбрейшие, искуснейшие воины, искушенные во всяком колдовстве и заклинаниях. Но сколько я их ни посылал, а следом еще и их братьев, у них ничего не получилось. Сегодня мой счастливый день. Я обещаю, что верну тебя к жизни, чтобы ты рассказал мне, как оно все было. Как насчет баурадимов? Многих пришлось убить? Ты мне должен дать отчет обо всем, чтобы я, вручая Жемчужину для получения места в Совете, мог сопроводить это действие соответствующей историей. Это добавит ценности Жемчужине. А когда меня изберут, я снова и снова буду рассказывать эту историю по просьбам любопытствующих. Я в этом не сомневаюсь. Члены Совета будут мне завидовать...— Он облизнул накрашенные губы.— Тебе пришлось убить эту девочку? Расскажи, что первое ты увидел, когда добрался до оазиса Серебряного Цветка.

— Насколько мне помнится, похороны...— Элрик чуть оживился.— Да, именно похороны.

Два стражника привели мальчика, который вырывался из их рук. Вид распростертого на подушках Элрика не очень-то воодушевил Аная.

— Ах, господин! Тебе еще хуже, чем прежде.

Он прекратил сопротивление и постарался скрыть разочарование. Никаких следов пыток на нем не было видно — судя по всему, вреда ему здесь не причинили.

— Так ты в порядке, Анай?

— Да. Главная трудность здесь состояла в том, чтобы убивать время. Изредка его светлость заглядывал ко мне и говорил, что со мной сделает, если ты не принесешь Жемчужину. Но я читал такие вещи на стенах тюрьмы для лунатиков, так что они мне не в новинку.

Господин Гхо нахмурился.

— Полегче, мальчик...

— Наверное, ты вернулся с Жемчужиной,— сказал Анай, оглядывая Элрика.— Да, мой господин? Ведь иначе тебя бы здесь не было? — По всему было видно, что на душе у него полегчало.— Нам теперь можно идти?

— Пока еще нет,— прорычал господин Гхо.

— Противоядие,— сказал Элрик.— Оно у тебя здесь?

— Очень уж ты нетерпелив, господин вор. Но твоя хитрость не устоит против моей.— Господин Гхо хихикнул и предостерегающе поднял палец.— Я должен иметь доказательства, что Жемчужина у тебя. Ты отдашь мне в залог твой меч? Все равно ты слишком слаб — тебе его не удержать. Он тебе больше не нужен.— Он протянул загребущую руку к бедру альбиноса, а Элрик сделал слабое движение в сторону от него.

— Ну-ну, господин вор, не бойся меня. Ведь мы же с тобой партнеры. Где Жемчужина? Совет сегодня вечером собирается в Большом дворце заседаний. Если я смогу принести им Жемчужину, то... Сегодня вечером я достигну высот власти!

— Червь гордится ролью короля навозной кучи,— сказал Элрик.

— Не зли его, господин! — в тревоге крикнул Анай.— Сначала ты должен узнать, где он прячет противоядие.

— Отдай мне Жемчужину! — Нетерпение господина Гхо переливало через край.— Где ты ее спрятал, вор? В пустыне? Или где-то в городе?

Элрик медленно поднял тело с подушек.

— Жемчужина была фантазией,— сказал он.— Понадобились твои убийцы, чтобы она стала настоящей.

Господин Гхо нахмурился, поскреб свой выбеленный лоб — нервозность его возросла. Он подозрительно посмотрел на Элрика.

— Я тебе дам еще эликсира, но только не смей больше оскорблять меня, вор. И в игры со мной не смей играть. Мальчик может умереть в мгновение ока, а вместе с ним и ты, а я от этого ничего не потеряю.

— Но ведь и выиграть ты тоже можешь немало, мой господин, разве нет? Разве место в Совете такая уж малая цена? — Казалось, Элрик собрал остатки сил — он сел на роскошном бархате и дал мальчику знак подойти. Стражники вопросительно посмотрели на своего хозяина, но тот только пожал плечами. Анай, нахмурив лоб, с любопытством подошел к альбиносу.— Как же ты жаден, мой господин. Хочешь завладеть всем этим мирком. Этим глупейшим памятником поверженной гордыне твоего народа!

Господин Гхо сверкал глазами.

— Послушай, вор, если ты поправишься, приняв противоядие, которое освободит тебя от зависимости от того эликсира, что я тебе дал, ты должен обещать, что будешь вежливым со мной...

— Да-да,— задумчиво сказал Элрик и полез в карман своей куртки. Он вытащил оттуда кожаный мешочек.— Тот самый эликсир, который должен был сделать из меня раба! — Он улыбнулся и развязал мешочек.

На его вытянутой руке оказалась Жемчужина, за которую господин Гхо был готов отдать половину своего богатства, ради обладания которой он отправил на смерть сотни людей, ради которой он был готов похитить и убить одного ребенка и держать в заключении другого.

Кварцхасаатец начал дрожать. Его накрашенные глаза округлились. Он открыл рот и, наклонившись вперед, чуть не упал в обморок.

— Так это правда,— сказал он.— Ты нашел Жемчужину в Сердце Мира...

— Мне ее просто подарил друг,— сказал Элрик. Не убирая Жемчужину с ладони, он поднялся на ноги и положил мальчику руку на плечо, показывая тем самым, что не даст его в обиду.— Добывая Жемчужину, я обнаружил, что мое тело больше не требует твоего эликсира, а потому не нуждается и в противоядии, господин Гхо.

Господин Гхо почти не слышал Элрика. Он не сводил глаз с Жемчужины.

— Какая же она огромная... И настоящая. Я вижу, что настоящая. Цвет... О!..— Он потянулся к Жемчужине.

Элрик убрал руку. Господин Гхо нахмурился и посмотрел на альбиноса глазами, помутневшими от жадности.

— Так она умерла? А Жемчужина, как мне говорили, находилась в ее теле?

Элрик почувствовал, как стоявшего рядом с ним Аная пробрала дрожь.

Кипя от гнева, Элрик тихим голосом сказал:

— От моей руки не умер ни один, кто уже не был мертв. Как мертв уже и ты, мой господин. В оазисе Серебряного Цветка я был свидетелем твоих похорон. И теперь я стал носителем пророчества баурадимов. Я пришел отомстить тебе за все то горе, что ты принес им и их Священной Деве.

— Что? Другие тоже посылали своих воинов! У всех членов Совета и кандидатов есть свои секты наемников-колдунов, и все они отправили их на поиски Жемчужины. Все! Большинство из этих воинов потерпели неудачу или были убиты. Или были казнены за их неудачу. Ты говоришь, что никого не убивал. Значит, на наших руках нет крови, верно? Все к лучшему. Я дам тебе то, что обещал, господин вор.

Дрожа от вожделения, господин Гхо протянул свою пухлую руку, намереваясь взять Жемчужину.

Элрик улыбнулся и, к удивлению Аная, позволил кварцхасаатцу взять драгоценность.

Тяжело дыша, господин Гхо принялся гладить сокровище.

— Ах, как она хороша. Ах, как она прекрасна.

Элрик заговорил снова — все тем же ровным голосом.

— А наша награда, господин Гхо?

— Что? — С отсутствующим видом господин Гхо повернул голову.— Ах да, конечно же. Ваши жизни. Ты говоришь, что противоядие тебе больше не нужно. Отлично. Можешь уходить.

— А разве ты не предлагал мне состояние? Самые разные богатства? И положение среди властелинов Кварцхасаата?

Господин Гхо отмахнулся от этого.

— Чепуха. И одного противоядия хватило бы. Ты не из тех, кому нужно богатство. Чтобы им правильно распоряжаться, нужно родиться в богатстве и воспитываться соответствующим образом. Так что я отпускаю тебя с мальчиком...

— Так ты отступаешь от нашего начального договора, мой господин?

— Между нами была беседа, но никаких договоров. Единственный договор включал освобождение мальчика и противоядие от эликсира. Ты ошибся.

— Значит, ты не помнишь своих обещаний?

— Обещаний? Конечно нет.— Борода колечками и волосы на голове мелко задрожали.

— А моих?

— Нет, хватит. Ты мне действуешь на нервы.— Он никак не мог оторвать глаз от Жемчужины. Он ласкал ее, как ласкают любимого ребенка.— Уходи, господин, пока я не передумал.

— Я дал несколько клятв, которые должен выполнить,— сказал Элрик.— А я от своих слов не отказываюсь.

Господин Гхо поднял глаза, выражение его лица стало жестче.

— Ну, хорошо. Ты меня утомил. Этим вечером я стану членом Шести и Еще Одного. Угрожая мне, ты угрожаешь Совету. А потому вы оба враги Кварцхасаата. Вы предатели империи, и с вами нужно обращаться соответствующим образом! Стража!

— Ты глуповат,— сказал Элрик.

И тут закричал Анай, потому что, в отличие от господина Гхо, он не забыл о силе Черного Меча.

— Делай, что он говорит, господин Гхо,— воскликнул он, больше опасаясь за себя, чем за господина Гхо.— Я тебя очень прошу, великий господин! Делай, что он просит!

— Так с членом Совета не разговаривают.— Господин Гхо говорил раздосадованным, рассерженным тоном.— Стража, немедленно уберите их отсюда. Придушите их или перережьте им глотки — мне все равно...

Стражники ничего не знали о рунном мече. Они только видели перед собой хрупкого на вид Элрика, к тому же, видимо, больного проказой, а с ним беззащитного мальчика. Они ухмыльнулись якобы удачной шутке хозяина и, обнажив мечи, беспечно надвинулись на Элрика.

Элрик оттолкнул Аная к себе за спину. Его ладонь легла на Буревестник.

— Напрасно вы это делаете,— сказал он стражникам.— У меня нет никакого желания убивать вас.

За спинами воинов одна из служанок открыла дверь и выскользнула в коридор.

Элрик, увидев это, сказал:

— Лучше последуйте ее примеру. Она, видимо, предчувствует, что произойдет, если вы и дальше будете угрожать нам.

Теперь стражники рассмеялись открыто.

— Он сумасшедший,— сказал один из них.— Правильно решил господин Гхо — от него нужно избавиться!

Они ринулись навстречу Элрику, и тогда рунный меч рассек прохладный воздух роскошного зала — меч завыл, как голодный волк, выпущенный из клетки и жаждущий только смерти и пищи.

Элрик почувствовал, как в него вливается энергия, когда меч взял жизнь первого стражника, разделив его надвое от макушки до грудной кости. Другой попытался сменить тактику и от нападения перейти к бегству, но споткнулся, и меч пронзил его; глаза стражника расширились от ужаса, когда он почувствовал, как рунный меч выпивает его душу.

Господин Гхо съежился на своем стуле — он был слишком испуган и не мог пошевелиться. В одной руке он держал Жемчужину, другую руку он выставил ладонью навстречу Элрику, словно надеясь таким образом отразить удар.

Но альбинос, напитавшись чужой энергией, вложил Черный Меч в ножны и, сделав пять быстрых шагов по залу, подошел к возвышению и заглянул в лицо господина Гхо, которое исказилось от ужаса.

— Возьми назад Жемчужину. Только сохрани мне жизнь...— прошептал он.— Сохрани мне жизнь, вор...

Элрик взял Жемчужину, но остался на месте. Он снова вытащил свой кожаный мешочек и извлек из него сосуд с эликсиром, данным ему господином Гхо.

— Ты не хочешь ее запить?

Господин Гхо задрожал. Его лицо под белилами стало еще белее.

— Я тебя не понимаю, вор.

— Я хочу, чтобы ты проглотил Жемчужину, мой Господин. Если ты это сделаешь и останешься живым, значит, будем считать, что предсказание твоей смерти оказалось преждевременным.

— Проглотить ее? Но она слишком большая. Мне ее и в рот не взять! — Господин Гхо хихикнул, надеясь, что альбинос шутит.

— Нет, мой господин, я думаю, у тебя получится. Я думаю, тебе удастся ее проглотить. Ведь именно так она и могла попасть в тело девочки?

— Но ведь говорили, что это сон...

— Да. Может, тебе удастся проглотить сон. Может, тебе удастся войти в царство Снов и избежать своей судьбы. Ты должен попытаться, мой господин, иначе мой рунный меч выпьет твою душу. Что ты предпочтешь?

— Ах, Элрик, пощади меня. Это несправедливо. Мы же договорились.

— Открывай рот, господин Гхо. Не исключено, что Жемчужина может ужиматься или твое горло сумеет расшириться, как у змеи? Ведь змея легко проглотила бы Жемчужину, мой господин. Но ведь ты-то лучше змеи.

Анай стоял у окна и с напускным безразличием смотрел на улицу, не желая быть свидетелем мести, которую считал отвратительной.

— Служанка, господин Элрик,— сказал он.— Она переполошила весь город.

В зеленых глазах господина Гхо мелькнула отчаянная надежда, но тут же угасла, когда Элрик поставил сосуд с эликсиром на ручку стула и наполовину вытащил из ножен рунный меч.

— Твоя душа поможет мне сражаться с этими новыми воинами, господин Гхо.

Великий гражданин Кварцхасаата медленно, плача и хныкая, начал открывать рот.

— Вот тебе Жемчужина, мой господин. Клади ее себе в рот. Постарайся хорошенько, мой господин. В таком разе у тебя появляется хоть какой-то шанс остаться живым.

Руки господина Гхо тряслись, но все же он начал просовывать прекрасную драгоценность между своих накрашенных губ. Элрик вытащил пробку из сосуда и налил немного жидкости на растянутые щеки кварцхасаатца.

— Постарайся хорошенько, господин Гхо. Проглоти Жемчужину, ради обладания которой ты готов был убить ребенка! А потом я тебе скажу, кто я такой...

Несколько минут спустя двери зала вылетели от удара. Элрик узнал татуированное лицо Манага Исса, главаря Желтой секты и родственника госпожи Исс. Манаг Исс перевел взгляд с Элрика на искаженное лицо господина Гхо, которому так и не удалось проглотить Жемчужину.

Манага Исса пробрала дрожь.

— Элрик, я узнал, что ты вернулся. Я слышал, что ты умираешь. Очевидно, это был трюк, чтобы обмануть господина Гхо.

— Да,— сказал Элрик.— Мне нужно было освободить этого мальчика.

Манаг Исс сделал движение собственным мечом.

— Так ты нашел Жемчужину?

— Нашел.

— Моя госпожа Исс послала меня сказать, что готова предложить тебе за нее все, что ты пожелаешь.

Элрик улыбнулся.

— Скажи ей, что я буду на заседании Совета через полчаса. Я принесу с собой Жемчужину.

— Но там будут и другие. А она хочет поговорить с тобой наедине.

— А разве не разумно выставить такую ценную вещь на аукцион? — спросил Элрик.

Манаг Исс вложил свой меч в ножны и улыбнулся едва заметной улыбкой.

— Ты хитер. Я думаю, они и не подозревают, насколько ты хитер. Не знают они и кто ты такой. Я еще должен поделиться с ними этим соображением.

— Ты можешь сказать им то, что я только что сообщил господину Гхо. Я наследственный император Мелнибонэ,— небрежно сказал Элрик.— И это истинная правда. Я думаю, что моя империя оказалась удачливее вашей.

— Это может привести их в ярость. Я готов быть твоим другом, Элрик из Мелнибонэ.

— Благодарю тебя, Манаг Исс, но мне не нужно больше друзей из Кварцхасаата. Сделай то, о чем я тебя прошу.

Манаг Исс взглянул на убитых стражников, на мертвого господина Гхо, который теперь приобрел странный цвет, на неспокойного мальчика и поклонился Элрику.

— Через полчаса на собрании Совета, император Мелнибонэ.— Он повернулся на каблуках и вышел из зала.

Дав Анаю инструкции, касающиеся необходимого для путешествия запаса продуктов, Элрик вышел во двор. Солнце село, и повсюду в Кварцхасаате горели факелы — впечатление было такое, будто город ожидает атаки.

В доме господина Гхо не осталось слуг. Элрик отправился в конюшню и нашел там своего коня и свое седло. Он надел сбрую на баурадимского жеребца, тщательно прикрепил к луке тяжелый мешок, потом сел в седло и поехал по улицам в поисках Дворца Заседаний, где его должен был ждать Анай.

В городе царила неестественная тишина. Несомненно, был издан приказ гражданам не выходить на улицы, потому что Элрик не видел здесь даже стражников.

Элрик скакал неторопливым галопом по широкому проспекту Военных успехов, по бульвару Древних подвигов и по полдюжине других проездов с такими же величественными названиями. Наконец он увидел впереди длинное низкое здание. Судя по простоте архитектуры именно оно было местом пребывания власти Кварцхасаата.

Альбинос остановил коня. У него на боку запел рунный меч, требуя нового кровопускания.

— Потерпи,— сказал Элрик.— Может быть, никакой драки тут и не понадобится.

Ему показалось, что среди деревьев двигаются какие-то тени, но он не обратил на них внимания. Его не интересовало, что они задумали или кто следит за ним. У него была миссия, которую он должен был выполнить.

Наконец он доехал до дверей и ничуть не удивился, когда увидел, что они открыты. Он спешился, забросил мешок себе на плечо и тяжелой поступью вошел в большое помещение без каких-либо украшений. Здесь стояли семь стульев с высокими

спинками и дубовый стол с побеленной столешницей. В конце стола полукругом стояли шесть фигур в мантиях и полумасках, что напомнило Элрику об одной из сект наемников-колдунов. На седьмой фигуре был высокий конический колпак, поля которого полностью закрывали лицо. Именно эта фигура и заговорила. Элрик не удивился, услышав женский голос.

— Я — Еще Один,— сказала она.— Насколько мне известно, ты привез нам сокровище, которое умножит славу Кварцхасаата.

— Если ты считаешь, что это сокровище умножит вашу славу, то, значит, мое путешествие было небесполезным,— сказал Элрик. Он сбросил мешок на пол.— Манаг Исс сообщил вам все, что я просил его сказать?

Один из членов Совета шевельнулся и сказал:

— Да, он сказал, что ты — наследник затонувшего Мелнибонэ.

— Мелнибонэ не затонуло. И не отвернулось от реальностей мира, как это сделали вы,— презрительно сказал Элрик.— Когда-то давно вы бросили нам вызов и по собственной глупости потерпели поражение. А теперь ваша алчность вернула меня в Кварцхасаат, тогда как я был готов пройти через ваш город незамеченным.

— Ты обвиняешь нас! — Женщина с закрытым лицом была взбешена.— Кто был причиной стольких бед? Ты, в котором течет порченая кровь этой недочеловеческой расы, той, что ради удовольствия совокупляется с животными и производит,— она указала на Элрика,— подобных тебе.

Элрик не шелохнулся.

— Разве Манаг Исс не предупредил, чтобы вы были поосторожнее со мной?

— Он сказал, что у тебя Жемчужина и колдовской меч. Но еще он сказал, что ты один.— Женщина откашлялась.— Он сказал, что ты принес Жемчужину из Сердца Мира.

— Я принес ее и то, в чем она находится,— сказал Элрик. Он нагнулся и развязал бархатный мешок — из него показалось тело господина Гхо Фхаази; лицо его все еще было перекошено, в горле стоял огромный комок, словно неимоверно разросшийся кадык.— Вот тот, кто первый поручил мне найти Жемчужину.

— Мы знаем, что ты его убил,— неодобрительно сказала женщина с закрытым лицом.— Но это вполне в традициях Мелнибонэ.

Элрик на это никак не прореагировал.

— Жемчужина находится в глотке господина Гхо Фхаази. Хотите, я вырежу ее для вас, господа?

Элрик увидел, что по меньшей мере одного из них пробрала дрожь, и улыбнулся.

— Вы посылали убийц убивать, пытать, похищать и от вашего имени творить зло во всевозможных формах, но вы боитесь увидеть капельку крови? Я предоставил господину Гхо выбор. Он выбрал вот это. Он слишком много говорил, а ел и пил столько, что я подумал, он вполне сможет проглотить Жемчужину. Но он, видите ли, поперхнулся, и, боюсь, тут ему пришел конец.

— Ты жестокий негодяй! — Один из них вышел вперед взглянуть на несостоявшегося коллегу.

— Да, это Гхо. Я бы сказал, что его цвет улучшился.

Их глава неодобрительно выслушала эти слова.

— Так что же мы — должны делать ставки на тело?

— Ну, если вы не хотите достать оттуда Жемчужину, то да.

— Манаг Исс,— сказала женщина с закрытым лицом, подняв голову.— Войди сюда!

Наемник-колдун появился из дверей в дальнем конце зала. Он чуть ли не извиняющимся взором посмотрел на Элрика и положил руку на кинжал, висевший у него на поясе.

— Мы не допустим, чтобы мелнибониец впредь проливал кварцхасаатскую кровь,— сказала женщина с закрытым лицом.— Жемчужину вырежет Манаг Исс.

Глава Желтой секты набрал в грудь побольше воздуха и приблизился к телу. Он быстро сделал то, что ему было приказано. Он держал на ладони Жемчужину из Сердца Мира, а по его руке текла кровь.

Жемчужина произвела на членов Совета сильное впечатление. Некоторые из членов Совета разинули рты, потом принялись шепотом обмениваться мнениями. Элрик подумал, что

они подозревали его в обмане, поскольку ложь и интриги были их второй натурой.

— Держи ее повыше, Манаг Исс,— сказал альбинос.— Ведь именно эту Жемчужину жаждали вы получить с таким вожделением, что были готовы заплатить за нее остатками своей чести.

— Остерегись, господин! — воскликнула женщина с закрытым лицом.— Пока мы проявляли терпимость по отношению к тебе. Назови свою цену и уходи.

Элрик рассмеялся. Смех этот был не из приятных. Это был смех мелнибонийца. В этот момент он являл собой истинного жителя острова Драконов.

— Отлично,— сказал он.— Мне нужен этот город. Не его жители и не его сокровища. Не его животные и даже не его вода. Я позволю вам уйти, взяв с собою все, что вы сможете унести. Мне нужен только сам город. Это мое наследное право.

— Что? Чепуха. Как мы можем на это согласиться?

— Вы должны согласиться,— сказал Элрик.— Иначе вам придется драться со мной.

— Драться с тобой? Но ведь ты один.

— Об этом не может быть и речи,— сказал один из членов Совета.— Он сошел с ума. Его нужно убить, как взбесившуюся собаку. Манаг Исс, позови своих братьев и их людей.

— Я бы не советовал это делать, кузина,— сказал Манаг Исс; он явно обращался к госпоже Исс.— Я думаю, было бы разумнее провести с ним переговоры.

— Что? Ты стал трусом? У этого негодяя что — здесь армия?

Манаг Исс потер кончик носа.

— Моя госпожа...

— Зови своих братьев, Манаг Исс!

Глава Желтой секты поскреб шелковый рукав и нахмурился.

— Принц Элрик, если я правильно тебя понимаю, ты вынуждаешь нас сразиться с тобой. Но мы никак тебе не угрожали. Совет честно собрался здесь, чтобы сделать ставки на Жемчужину...

— Манаг Исс, ты повторяешь их ложь,— сказал Элрик,— а это не приносит тебе чести. Если они не желали мне зла, то

зачем здесь наготове ты со своими братьями? Я видел поблизости не меньше двух сотен воинов.

— Это только меры предосторожности,— сказала госпожа Исс. Она обратилась к своим коллегам: — Я же вам говорила: глупо собирать столько воинов так быстро.

Элрик спокойно сказал:

— Все, что вы делали, мои благородные господа, было сплошной глупостью. Вы были жестокими, жадными, вы легко распоряжались чужими жизнями и желаниями. Вы были слепы, неразумны, провинциальны и лишены воображения. Мне кажется, что правительство, заботящееся только о собственных удовольствиях, должно быть по меньшей мере заменено. Когда вы все покинете город, я назначу губернатора, который будет лучше служить Кварцхасаату. А потом, спустя какое-то время я, может быть, позволю вам вернуться в город...

— Убейте его! — воскликнула госпожа Исс.— Хватит тратить на это время! Мы сначала покончим с ним, а потом решим, кому владеть Жемчужиной.

Элрик вздохнул чуть ли не с сожалением и сказал:

— Я бы советовал тебе подумать, госпожа, а то я могу потерять терпение. Если я извлеку из ножен свой меч, то перестану быть благоразумным и милосердным...

— Убейте его! — гнула свое женщина с закрытым лицом.— И покончим с этим!

На лице Манага Исса было такое выражение, будто его приговорили к чему-то более страшному, чем смерть.

— Моя госпожа...

Она вышла вперед. Конический колпак раскачивался на ее голове. Она протянула руку и вытащила меч из ножен Манага Исса. Она занесла меч, собираясь снести альбиносу голову.

Элрик стремительно перехватил ее руку. Его движение было броском атакующей змеи. Он держал ее запястье в кольце своих пальцев.

— Нет, моя госпожа. Клянусь, я делаю все, чтобы вразумить вас...

Буревестник зашептал, зашевелился у него на боку.

Она уронила меч и отвернулась, потирая саднящее запястье

И тогда Манаг Исс нагнулся, чтобы подобрать свой упавший меч и делая вид, что хочет вложить его в ножны, но тут же незаметным движением попытался пронзить Элрика. Когда Элрик, предвидя этот выпад, сделал шаг в сторону и меч Манага Исса прошел мимо, на перекошенном от страха лице наемника-колдуна появилось выражение смирения. Элрик одним движением извлек из ножен Черный Меч, который начал петь свою странную демоническую песню и засиял жутковатым черным сиянием.

Манаг Исс испустил дух, когда меч пронзил его сердце. Рука, все еще державшая Жемчужину, словно вытянулась, возвращая драгоценность Элрику. Через мгновение Жемчужина вывалилась из его пальцев и покатилась по полу. Трое из членов Совета ринулись было вперед, но, увидев гаснущие глаза Манага Исса, вернулись на свои прежние места.

— Скорее! Скорее! Скорее! — закричала госпожа Исс, и, как и предполагал Элрик, отовсюду, из всех укромных мест Дворца Заседаний, держа на изготовку свое оружие, стали появляться члены различных сект наемников-колдунов.

И тогда альбинос усмехнулся своей жуткой боевой ухмылкой, его красные глаза засверкали, его лицо превратилось в маску смерти, а его меч — в орудие мести его собственного народа, баурадимов и всех тех, кто за прошедшее тысячелетие пострадал от несправедливости Кварцхасаата.

Он предлагал взятые им души своему покровителю — Герцогу Ада, могущественному герцогу Ариоху, который разжирел на множестве жизней, посвященных ему Элриком и его мечом.

— *Ариох! Ариох! Кровь и души моему повелителю Ариоху!*

И тут началось кровавое побоище.

Рядом с этой бойней меркли все другие сражения. Это была бойня, которая никогда не будет забыта и навсегда сохранится в анналах народа пустыни, узнавшего о ней от тех, кто бежал в ту ночь из Кварцхасаата, предпочитая отдаться на милость безводной пустыне, чем предстать перед белым смеющимся демоном на баурадимском коне; этот демон скакал

по их прекрасным улицам и объяснял им, какой может быть цена самодовольства и бездумной жестокости.

Ариох! Ариох! Кровь и души!

Они рассказывали о белолицем существе из Ада, чей меч сиял невиданным сиянием, чьи малиновые глаза светились непреодолимым гневом, которым, казалось, овладели какие-то потусторонние силы, а он сам уже был не их властелином, а жертвой. Он убивал без жалости, без различий, без жестокости. Он убивал, как убивает взбесившийся волк. И, убивая, он хохотал.

Этот смех навсегда останется в стенах Кварцхасаата. Он будет звучать в ветре, приходящем из Вздыхающей пустыни, в музыке фонтанов, в ударах кузнечных молотов и молоточков ювелиров, работающих над своим товаром. Останется и запах крови вместе с воспоминанием о бойне, о том ужасающем числе жизней, что покинули город, в котором больше не было ни Совета, ни армии.

Но никогда больше в Кварцхасаате не будут рассказывать легенд о мощи этой империи. Никогда больше этот город не будет относиться к кочевникам пустыни, как к животным. Никогда больше Кварцхасаат не будет почивать на лаврах гордыни, столь свойственной всем великим империям периода их упадка.

И когда смех смолк, Элрик из Мелнибонэ тяжело опустился в свое седло, убрал в ножны насытившийся Буревестник. Демонические силы все еще распирали его грудь. Он вытащил огромную Жемчужину и поднял ее к восходящему солнцу.

— Я думаю, теперь они заплатили справедливую цену.

Он швырнул драгоценность в канаву, где пробегавшая собака принялась слизывать с нее кровь.

В небе показались стервятники, привлеченные запахом богатой добычи, они уже черной тучей опускались на прекрасные башни и сады Кварцхасаата.

На лице Элрика не было гордости за совершенное. Он пришпорил коня, направив его на запад, к тому месту на дороге, где он сказал Анаю ждать его с запасом целебных трав, воды, лошадьми и пищей, чтобы хватило пересечь Вздыхающую пус-

тыню и снова отправиться на поиски знакомых правителей и колдунов из Молодых королевств.

Он ни разу не оглянулся на город, который во имя его предков был наконец-то завоеван.

Глава пятая

ЭПИЛОГ ПРИ ЗАХОДЯЩЕЙ КРОВАВОЙ ЛУНЕ

Празднества в оазисе Серебряного Цветка продолжались долго после того, как Элрик отомстил тем, кто мог причинить зло Священной Деве баурадимов. Эту новость принесли кварцхасаатцы, бежавшие из города, когда на них обрушилось несчастье, какого они не знали за всю историю города.

Похитительница снов Оуне, остававшаяся в оазисе Серебряного Цветка дольше, чем это было необходимо, и все еще не желавшая покинуть баурадимов и заняться своим ремеслом, без радости узнала о мести Элрика. Это известие опечалило ее, потому что она рассчитывала на другое.

«Он служит Хаосу так же, как я служу Закону,— сказала она себе.— И кто может сказать, кто из нас, в большей степени раб?»

Она вздохнула и погрузилась в праздничные развлечения с рвением, которое давалось ей нелегко.

А баурадимы и другие кланы, узнав новость из Кварцхасаата, предались еще большему веселью. Они избавились от тирана, от единственного, чего они боялись в пустыне.

— Кактус царапает до крови плоть, но благодаря ему мы находим воду,— сказал Раик На Сеем.— Мы были в большой беде, но благодаря тебе, Оуне, и благодаря Элрику наши беды обернулись торжеством. Скоро кто-нибудь из нас отправится в Кварцхасаат и обговорит условия, на которых мы будем торговать с ними. Я думаю, что условия будут равными для всех сторон.— Он был доволен.— Но мы подождем, пока мертвецы не будут достойным образом съедены.

Варадия взяла Оуне за руку, и они отправились побродить у прудов огромного оазиса. Кровавая луна шла на убыль, а серебряные лепестки цветков сияли еще сильнее. Скоро Кровавая луна исчезнет, а цветы уронят свои лепестки, и тогда люди пустыни разъедутся в разные стороны.

— Ты ведь любила этого белолицего, правда? — спросила Варадия у своего друга.

— Я его едва знала, дитя.

— Не так давно я очень хорошо знала вас обоих,— улыбнулась Варадия.— И я быстро расту, правда? Ты сама об этом говорила.

Оуне вынуждена была согласиться.

— Но эта любовь была обречена, Варадия. У нас такие разные судьбы. И мне не по вкусу те решения, которые он принимает.

— Его ведет судьба. Его решения принимаются помимо его воли.— Она откинула со смуглого лица прядь волос цвета меда.

— Может быть,— сказала Оуне.— Но некоторым из нас удается обмануть судьбу, предначертанную нам владыками Закона и Хаоса, и остаться в живых, даже создать что-то такое, к чему богам запрещено прикасаться.

Варадия слушала сочувственно.

— То, что создаем мы, остается тайной,— сказала она.— Я так толком еще и не понимаю, как мне удалось создать Жемчужину — создать ту самую вещь, с помощью которой я смогла спастись от моих врагов; хотя именно Жемчужина, ставшая потом настоящей, так привлекала их!

— Я знаю о подобных вещах,— сказала Оуне.— Именно за ними и охотятся похитители снов, на них зарабатывают себе пропитание.— Она рассмеялась.— Если бы я отнесла эту Жемчужину на рынок, то могла бы заработать на ней неплохие деньги.

— Но как из сна образуется реальность?

Оуне ответила не сразу. Она некоторое время молча смотрела в воды пруда, отражавшие розоватый диск луны.

— Устрица, когда ей угрожает вторжение, изолирует чужеродное вещество, образуя вокруг него то, что в конечном счете и становится жемчужиной. Иногда так оно и происходит. Иногда воля человека настолько сильна, что может порождать вещи, раньше считавшиеся невозможными. Это не так уж необычно, Варадия: сон может стать реальностью. Это

знание — одна из причин, почему я не теряю уважения к человечеству, несмотря на все его жестокости и несправедливости, с которыми сталкиваюсь во время моих путешествий.

— Кажется, я поняла,— сказала Священная Дева.

— Со временем ты во всем этом неплохо разберешься,— уверила ее Оуне.— Ведь ты принадлежишь к той категории людей, которые способны творить такие вещи.

Несколько дней спустя Оуне собралась покинуть оазис Серебряного Цветка. Она направлялась в Элвер и на Неведомый Восток. В последний раз беседовала она с Варадией.

— Я знаю, у тебя есть еще одна тайна,— сказала девочка.— Ты не хочешь поделиться ею со мной?

Оуне была удивлена. Ее уважение к живому и восприимчивому уму девочки возросло.

— Ты хочешь еще поговорить о природе сна и реальности?

— Мне кажется, у тебя будет ребенок, Оуне,— без обиняков сказала девочка.— Это правда?

Оуне всплеснула руками. Она ошеломленно покачала головой.

— Вот уж воистину вся мудрость вашего народа сосредоточена в тебе, юная женщина,— сказала она.

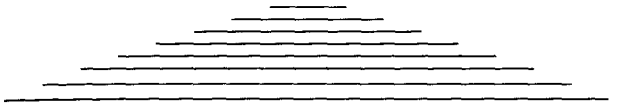
— Ребенок того, кого ты любила и потеряла?

— Да,— сказала Оуне.— Я думаю, это будет дочь. А может, братик и сестренка, если я правильно толкую знамения. Во сне можно зачать и нечто большее, чем Жемчужину.

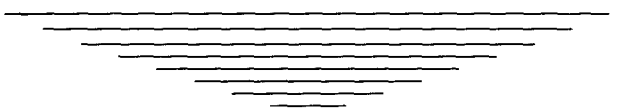
— И отец никогда не узнает о своем ребенке? — тихо спросила Священная Дева.

Оуне попыталась что-то сказать, но вдруг поняла, что не может. Она отвернулась, посмотрела в сторону Кварцхасаата. Прошло несколько мгновений, и она смогла выдавить из себя ответ.

— Никогда,— сказала она.



Скиталец по морям судьбы



Посвящается Биллу Баттлеру, Майку и Тони, а также всем работникам издательства «Юникорн букс» в Уэльсе

Часть первая

ПЛАВАНИЕ В БУДУЩЕЕ

Глава первая

В КОТОРОЙ ПРИНЦ ДРАКОНОВ ПОДНИМАЕТСЯ НА БОРТ ТАИНСТВЕННОГО КОРАБЛЯ

Казалось, что человек стоит в огромной пещере, своды и стены которой были сложены из неустойчивых сгустков темного света, время от времени пропускающих внутрь свет луны. Трудно было поверить, что эти стены — всего лишь тучи над горами и океаном, если бы лунные лучи не пронзали их, высвечивая штормовое море, омывавшее берег, на котором стояла одинокая фигура.

Вдали прогремел гром, сверкнула молния. Пошел дождь. Тучи ни мгновения не оставались на месте. Они вихрились, приобретая разные оттенки — от густо-черного до мертвенно-бледного; они напоминали плащи мужчин и женщин, танцующих какой-то гипнотический менуэт. Человек, стоявший на гальке мрачного берега, глядя на тучи, представлял себе гигантов, пляшущих под музыку далекого шторма, и чувствовал себя так, как может чувствовать человек, который неосторожно зашел в зал, где веселятся боги. Он перевел взгляд с туч на воду. Море казалось уставшим. Огромные волны с трудом наползали одна на другую и падали в изнеможении с тяжелым вздохом на твердые камни.

Человек поглубже натянул на голову капюшон. Он несколько раз оглянулся через облаченное в кожу плечо и подошел поближе к воде, так что буруны стали докатываться до носков его высоких черных сапог. Постарался заглянуть в пустоту, образованную скоплением туч, но ничего разглядеть не смог. Невозможно было сказать, что там, на другой стороне водного пространства, и как далеко оно простирается.

Он наклонил голову, прислушался, но не услышал ничего, кроме звуков небес и моря. Вздохнул. На мгновение его коснулся лунный луч, и на белом лице стали видны два малиновых глаза, полных страдания. Затем вернулась темнота. Человек снова оглянулся, явно опасаясь того, что луч света мог обнаружить его перед каким-то врагом. Стараясь не шуметь, он направился влево — к укрытию в скалах.

Элрик устал. Он по наивности предложил губернатору города Райфель в стране, называющейся Пикарайд, свои услуги в качестве наемника. За свою глупость он поплатился — его посадили в тюрьму как мелнибонийского шпиона (губернатору было совершенно очевидно, что никем другим Элрик быть не может), и ему лишь недавно удалось бежать оттуда с помощью взяток и небольшого колдовства.

Однако за ним почти сразу же снарядили погоню. Для этого использовали специально обученных собак, и сам губернатор возглавлял преследование даже за пределами Пикарайда — в необитаемых сланцевых долинах, называемых Мертвыми Холмами, где почти ничего не росло, да и не пыталось расти.

Альбинос поднялся по крутым склонам невысоких гор; склоны были из серого крошащегося сланца, отчего его восхождение можно было услышать за милю. Он уходил от своих преследователей по долинам, похожим на пустыню, по руслам рек, которые десятки лет не видели воды, по пещерам-туннелям, в которых не было даже сталактитов, по плато, на которых возвышались каменные курганы, возведенные исчезнувшим народом,— и наконец ему стало казаться, что он навсегда покинул знакомый ему мир, пересек границу потустороннего и оказался в тех мрачных местах, о которых читал в легендах его народа, где когда-то безрезультатно сражались между собой Закон и Хаос, оставив после себя опустошенные земли, на которых никогда больше не сможет возродиться жизнь.

В конце концов он загнал своего коня, и сердце животного разорвалось; Элрик оставил его труп и продолжил бегство пешком, направляясь к морю, к этому узкому берегу, и теперь он не мог ни идти вперед, ни вернуться назад, опасаясь, что враги подстерегут его.

Он много бы отдал сейчас за лодку. Скоро собаки обнаружат его след и выведут своих хозяев к берегу. Его пробрала дрожь. Уж лучше умереть здесь в одиночестве, быть убитым теми, кто даже не знает его имени. Он жалел только, что Симорил не будет знать, почему он не вернулся к концу года.

Пищи у него оставалось мало, подходили к концу и запасы снадобья, которое поддерживало в нем силы. Не возобновив в себе энергии, он не мог воспользоваться колдовством, с помощью которого можно было попытаться получить какое-нибудь плавучее средство, пересечь море и попасть, скажем, на остров Пурпурных городов, народ которого был меньше всех враждебен Мелнибонэ.

Прошли месяцы с тех пор, как он оставил свой двор, будущую королеву, посадил до своего возвращения на троне Йиркуна. Он полагал, что узнает больше о человеческой породе, населяющей Молодые королевства, если поживет среди них,— но они не принимали его, демонстрируя либо свою неприкрытую ненависть, либо настороженность, либо покорность. Нигде он не нашел никого, готового поверить, что мелнибонийец (а они не знали, что он — император) по доброй воле решил связать свою судьбу с человеческими существами, которые когда-то были в рабстве у этой жестокой и древней расы.

И вот теперь, стоя у бушующего моря, чувствуя себя в западне и почти уже побежденным, Элрик знал, что он один во враждебной вселенной, без друзей и без цели — бесполезный больной анахронизм, глупец, низведенный на самое дно собственным комплексом неполноценности, своей полной неспособностью верить в правоту или несправедливость чего бы то ни было. Ему недоставало веры в собственную расу, в право властвовать, полученное им от рождения, в богов или людей, а самое главное — ему недоставало веры в себя самого.

Его шаг замедлился, ладонь легла на рукоять рунного меча. Буревестник, полуразумное создание неведомых сил, оставался теперь его единственным спутником, его единственным наперсником, и у Элрика вошло в болезненную привычку говорить с мечом, как другие говорят с конем или как заключенный может делиться мыслями с тараканом в камере.

— Ну так что, Буревестник, может быть, зайдем в море и покончим со всем этим? — Голос его звучал глухо, едва слышно.— Так мы по крайней мере получим удовольствие, введя в недоумение наших преследователей.

Он сделал нерешительное движение в сторону моря, но его усталому мозгу показалось, что меч запротестовал, зашевелился у него на бедре, потянул его назад. Альбинос усмехнулся.

— Ты существуешь, чтобы жить и забирать жизни. А я, судя по всему, существую, чтобы нести тем, кого я люблю и ненавижу, освобождение в смерти,— и в конце концов умереть. Иногда так мне и кажется. Печальная закономерность, если только это действительно закономерность. Но за этим должно стоять что-то большее...

Он повернулся спиной к морю и, подставив лицо легкому дождю, принялся вглядываться в чудовищные тучи, что клубились у него над головой. Прислушался к сложной, печальной музыке моря, обрушивающегося волнами на скалы и гальку и вновь откатывающегося назад. Дождь лишь немного освежил его. Он не спал две ночи совсем, а перед этим почти не спал еще несколько ночей. До того как загнать до смерти лошадь, он скакал почти неделю.

У основания влажного гранитного утеса, поднимавшегося футов на тридцать над его головой, он нашел выемку, в которой можно было спрятаться от порывов дождя и ветра. Завернувшись поплотнее в кожаный плащ, он протиснулся в эту нору и сразу же заснул. Пусть они его найдут, пока он спит. Он хотел умереть, не зная об этом.

Элрик шевельнулся, и в глаза ему ударил резкий серый свет. Он поднял голову, едва сдержав стон — шея у него затекла,— и открыл глаза. Моргнул. Настало утро. Может, даже уже был день, но солнца видно не было. Берег был покрыт холодным

туманом. Сквозь туман на небе все еще были видны темные тучи, создававшие эффект огромной пещеры. Море слегка волновалось, продолжая плескаться и шипеть, набегая на берег, хотя и казалось гораздо спокойнее, чем накануне вечером. Звука бури больше не было слышно. Воздух сильно похолодал.

Элрик приподнялся, опираясь на меч, и внимательно прислушался — но ничто не говорило о приближении его врагов. Они, несомненно, прекратили поиски — возможно, после того как нашли его коня.

Элрик вытащил из поясной сумки ломоть копченого бекона и сосуд с желтоватой жидкостью. Глотнув из сосуда, он вставил на место пробку и, вернув сосуд в сумку, принялся жевать бекон. Он испытывал жажду. Он побрел вдоль берега и нашел лужицу с дождевой водой, почти не испорченной солью. Он напился, поглядывая вокруг. Туман был довольно густым, и Элрик знал: если он отойдет далеко от берега, то сразу же заблудится. Впрочем, имело ли это какое-то значение? Ему некуда было идти. Его преследователи поняли это. Без коня он не может вернуться в Пикарайд, самое восточное из Молодых королевств. Без лодки он не сможет выйти в море и попытаться вернуться на остров Пурпурных городов. Он не помнил ни одной карты, на которой было бы показано восточное море, и понятия не имел, далеко ли он ушел от Пикарайда. Император решил, что если хочет выжить, то должен идти на север — другой возможности у него нет. Он должен идти вдоль берега в надежде рано или поздно выйти к какому-нибудь порту или рыбацкой деревне, где он сможет немногими оставшимися у него вещами заплатить за плавание по морю. Но эта надежда была невелика, потому что еды и снадобья осталось у него от силы на день-два.

Он глубоко вздохнул, готовясь к пути, и тут же пожалел об этом: туман впился ему в горло и легкие тысячью булавочек. Закашлялся. Сплюнул на гальку.

И тут он услышал нечто иное, чем переменчивый шепоток моря. Это было мерное поскрипывание, словно звук шагающих ног, обутых в жесткую кожу. Его правая рука переместилась к левому бедру и мечу, висевшему там. Он поворачивался в разные стороны в поисках источника шума, но в тума-

не ничего нельзя было понять. Шум мог доноситься откуда угодно.

Элрик украдкой направился назад к своему убежищу и, встав спиной к утесу, чтобы никто не мог подобраться к нему сзади, стал ждать.

Скрип повторился, и к нему добавились другие звуки. Элрик услышал позвякивание, всплески, похоже — какой-то голос, шаги по дереву. И тут он понял, что либо у него начались галлюцинации — побочный эффект его снадобья, либо он слышал, как корабль приблизился к берегу и встал на якорь.

Элрик вздохнул с облегчением; у него возникло искушение посмеяться над собой — уж слишком быстро он решил, что этот берег необитаем. Он думал, что эти мрачные утесы тянутся на многие мили, возможно на сотни миль во всех направлениях. Вероятно, эта мысль была следствием усталости и мрачного настроения. Элрику пришло в голову, что он вполне мог открыть страну, не нанесенную на карту, но достаточно цивилизованную, где есть корабли и гавани для них.

Но альбинос не спешил покинуть свое укрытие. Напротив, он отошел за утес, вглядываясь в туман в направлении моря. Наконец он разглядел тень, которой не было там вчера. Черная угловатая тень, которая не могла быть ничем иным, как кораблем. Он заметил что-то похожее на корабельные канаты, услышал что-то напоминающее звуки голосов, поскрипывание снастей — спускались паруса на мачте.

Элрик прождал не меньше часа, ожидая, что команда сойдет на берег, иначе зачем они вообще входили в эту опасную бухту. Но на корабль опустилась тишина, словно вся команда улеглась спать.

Элрик осторожно вышел из-за утеса и пошел к кромке берега. Теперь очертания корабля вырисовывались яснее на фоне красноватого солнечного света за ним, слабого и водянистого, рассеянного туманом. Это был корабль средних размеров, весь сработанный из черного дерева. Его конструкция была замысловатой, незнакомой Элрику — высокие палубы на корме и носу и никаких следов весельных портов. Это было необычно для корабля — ни в Мелнибонэ, ни в Молодых коро-

левствах таких не делали,— что вроде бы подтверждало его мысль: он столкнулся с цивилизацией, по какой-то причине отрезанной от остального мира, как Элвер или Неведомый Восток были отделены от остального мира огромными пространствами Вздыхающей пустыни и Плачущей пустоши.

Он не видел никакого движения на борту, не слышал звуков, какие предполагаешь услышать на корабле, даже когда большая часть команды отдыхает. Туман слегка рассеялся, и теперь больше солнечных лучей освещало корабль. Элрик увидел мощные штурвалы как на носовой, так и на кормовой палубах, стройную мачту, свернутый парус, сложную геометрическую резьбу перилец и ростра, огромный, искривленный нос, который создавал ощущение силы и мощи, и альбинос даже подумал, что перед ним военный, а не торговый корабль. Но с кем можно сражаться в этих водах?

Он, забыв об осторожности, сложил ладони чашечкой, поднес их ко рту и крикнул:

— Эй, на борту!

Элрику показалось, что в тишине, которая была ему ответом, присутствует какая-то нерешительность, словно люди на борту услышали его, но не знают — следует ли им отвечать.

— Эй, на борту!

На левой палубе появилась фигура, перевесилась через борт, глядя в его сторону. На незнакомце были доспехи, такие же темные и странные, как конструкция корабля. Шлем скрывал большую часть лица, но Элрик разглядел густую золотистую бороду и проницательные голубые глаза.

— Эй, на берегу,— сказал человек в доспехах. Его акцент был незнаком Элрику, тон его, как и вообще манеры, был небрежен. Элрику показалось, что человек улыбнулся.— Что тебе от нас надо?

— Помощи,— сказал Элрик.— Я попал в беду. Мой конь пал. Я заблудился.

— Заблудился? Ух ты! — Голос человека эхом разнесся в тумане.— Заблудился. И ты хочешь подняться на борт?

— Я могу заплатить, хотя и не очень много. Я могу предложить свои услуги в качестве платы, если вы доставите ме-

ня до ближайшего порта, куда направляетесь, или высадите где-нибудь вблизи Молодых королевств. Там я обзаведусь картой и смогу двигаться дальше самостоятельно...

— Ну что ж,— неторопливо сказал другой,— для воина всегда найдется работа.

— У меня есть меч,— сказал Элрик.

— Вижу. Хорошее боевое оружие.

— Так я могу подняться на борт?

— Сначала мы должны посоветоваться. Подожди немного...

— Конечно,— сказал Элрик.

Манеры этого человека привели Элрика в замешательство, но перспектива тепла и еды на борту воодушевила его. Он терпеливо ждал, и наконец рыжебородый воин снова появился на палубе.

— Как тебя зовут? — спросил воин.

— Я Элрик из Мелнибонэ.

Воин вроде бы сверялся со списком — его палец скользил по пергаментному свитку; наконец рыжебородый удовлетворенно кивнул и засунул список за пояс с огромной пряжкой.

— Ну что ж,— сказал он,— ожидание имело смысл. Я никак не мог поверить.

— И о чем же вы совещались и чего ждали?

— Тебя,— сказал воин, сбрасывая за борт веревочную лестницу, конец которой погрузился в воду.— Добро пожаловать на борт, Элрик из Мелнибонэ.

Глава вторая

СЛЕПОЙ КАПИТАН

Элрика удивила небольшая глубина моря, и он не мог понять, как столь большой корабль смог подойти так близко к берегу. Войдя в море по грудь, альбинос ухватился за черную ступень лестницы. С большим трудом удалось ему вытащить свое тело из воды — ему мешали и покачивание корабля, и тяжесть рунного меча, но в конце концов он все-таки перевалился через борт и встал на палубу. Вода стекала с его одежды, он весь дрожал от холода.

Элрик огляделся. Сверкающий красноватый туман прилип к темным реям и такелажу, белый туман лежал на крыше и боковинах двух больших строений, расположенных перед мачтой и за ней, и этот туман не был похож на тот, что висел в воздухе за кораблем. Элрику даже показалось, что этот туман путешествует вместе с кораблем. Он улыбнулся про себя, объясняя свои странные ощущения тем, что он почти не спал и не ел. Когда корабль окажется в более солнечных водах, Элрик наверняка увидит, что это совершенно обыкновенное судно.

Светловолосый воин взял Элрика за руку. Ростом он не уступал альбиносу и имел плотное телосложение. Улыбнувшись под шлемом, он сказал:

— Идем вниз.

Они подошли к сооружению перед мачтой, и воин, открыв раздвижную дверь, отступил в сторону, пропуская Элрика вперед. Пригнувшись, альбинос вошел в теплое помещение. Здесь горела лампа красно-серого стекла, висевшая на четырех серебряных цепочках, прикрепленных к потолку. В свете лампы Элрик увидел несколько плотных фигур в доспехах самого разнообразного вида. Они сидели за квадратным прочным столом, вделанным в пол. Все лица повернулись к Элрику и вошедшему за ним воину, который сказал:

— Это он.

Один из присутствующих, сидевший в самом дальнем углу каюты, чье лицо невозможно было разглядеть в тени, кивнул:

— Да, это он.

— Вы знаете меня? — спросил Элрик, усаживаясь на край скамьи и снимая с себя промокший кожаный плащ. Ближайший к Элрику воин придвинул к нему металлическую кружку с горячим вином, и альбинос с благодарностью принял ее. Он начал пить небольшими глотками терпкую жидкость, удивляясь тому, как быстро она прогнала холод из его костей.

— В некотором смысле,— ответил сидевший в тени воин. Голос его звучал иронически и в то же время грустно, и Элрика это не обидело, потому что язвительность, казалось, в большей степени относилась к самому говорившему, чем к Элрику.

Светловолосый воин уселся напротив Элрика.

— Меня зовут Брут,— сказал он.— Я из Лашмара, где у моей семьи до сих пор есть земля, но я не заглядывал туда уже много лет.

— Значит, ты из Молодых королевств? — спросил Элрик.

— Да, когда-то был.

— Значит, ваш корабль не заходит в те края?

— Видимо, не заходит,— сказал Брут.— Я думаю, что сам-то я на борту не очень давно. Я искал Танелорн, но вместо него нашел этот корабль.

— Танелорн? — Элрик улыбнулся.— Сколько же народу, оказывается, ищет это мифическое место. Тебе не знаком человек по имени Ракхир, когда-то он был воином-жрецом в Фуме? У нас с ним было одно совместное приключение. Он оставил меня, а сам отправился на поиски Танелорна.

— Я его не знаю,— сказал Брут из Лашмара.

— А эти воды,— спросил Элрик,— они далеко от Молодых королевств?

— Очень далеко,— сказал сидевший в тени человек.

— Может быть, вы из Элвера? — спросил Элрик.— Или из какого другого места, расположенного в тех краях, что мы на западе называем Неведомым Востоком?

— Большинство наших земель и в самом деле вам неведомы,— сказал человек из тени и рассмеялся.

И опять Элрик не уловил в его смехе ничего оскорбительного для себя. И вся таинственность, на которую намекал этот человек, нимало не тревожила его. Солдаты удачи — а Элрик решил, что именно с такими людьми он и имеет дело,— радовались своим шуткам и намекам. Обычно больше их ничего и не объединяло, кроме готовности продать свое умение сражаться тому, кто хочет за это заплатить.

Снаружи раздался звук поднимаемого якоря, и качка усилилась. Потом Элрик услышал хлопки поднятого паруса. Он спрашивал себя, как они собираются выйти из бухты — на море стоял почти полный штиль. Он обратил внимание, что лица воинов, которые были видны ему, напряглись, когда корабль начал двигаться. Элрик переводил взгляд с одного мрачного, испуганного лица на другое и спрашивал себя — а не выглядит он сам точно так же?

— И куда же мы направляемся? — спросил он.

Брут пожал плечами.

— Я знаю одно: мы должны были зайти сюда, чтобы подобрать тебя, Элрик из Мелнибонэ.

— Вы знали, что я буду здесь?

Человек в тени шевельнулся и отхлебнул еще немного горячего вина из кувшина, стоявшего в углублении в центре стола.

— Ты последний, кто был нам нужен,— сказал он.— А я был взят на борт первым. Пока у меня не было поводов жалеть, что я отправился в это путешествие.

— А как тебя зовут? — Элрик решил, что хватит ему пребывать в таком невыгодном положении.

— Ах, уж эти имена. У меня их было немало. Больше всего мне нравится Эрекозе. Но еще, насколько мне известно, меня называли Урлик Скарсол, Джон Дейкер, Илиана из Гаратorма. Что-то подсказывает мне, что я был и Элриком Женоубийцей...

— Женоубийцей? Не очень приятное прозвище. И кто же этот другой Элрик?

— На это я не могу дать полного ответа,— сказал Эрекозе.— Но я, кажется, разделяю это имя более чем с одним пассажиром на нашем корабле. Я, как и Брут, искал Танелорн, но оказался на этом корабле.

— У нас у всех это общее,— сказал еще один воин. Это был чернокожий человек, черты лица которого были странным образом искажены рассекавшим его лицо шрамом в виде перевернутой буквы V, начинавшимся на лбу, проходившим через обе глазницы и щеки и заканчивающимся на скулах.— Я был в земле, называемой Гхаджа-Ки,— неприятнейшее, заболоченное место, населенное странной и больной жизнью. Мне рассказывали про город, который находится там, и я решил, что это и есть Танелорн. Я ошибался. Населяют эту землю голубокожие двуполые люди, которые вознамерились избавить меня от пороков моего неправильного развития — исправить цвет моей кожи и лишить признаков пола. Этот шрам — их рук дело. Боль, которую я испытал во время этой операции,

придала мне сил, и я смог вырваться и бежать голым в болота. Я брел по болотам много миль и наконец вышел к озеру, из которого вытекала широкая река. Над ней висели тучи насекомых, с жадностью набросившихся на меня. Но тут появился этот корабль, и я был более чем рад найти на нем убежище. Меня зовут Отто Блендкер, прежде книжник из Брунса, а теперь сделавшийся за свои грехи наемником.

— Брунс? Это где-то неподалеку от Элвера? — спросил Элрик. Он никогда прежде не слышал об этом месте в Молодых королевствах.

Чернокожий покачал головой.

— Элвер мне неизвестен.

— Значит, мир значительно больше, чем я себе представлял,— сказал Элрик.

— Вот уж точно,— отозвался Эрекозе.— А что ты ответишь, если я предложу тебе такую теорию: море, по которому мы плывем, находится в нескольких мирах.

— Я склонен тебе поверить,— улыбнулся Элрик.— Я изучал такие теории. Больше того, я побывал в других мирах.

— Я рад это слышать,— сказал Эрекозе.— Не все на нашем корабле готовы принять мою теорию.

— Я ее почти что принял,— сказал Отто Блендкер,— хотя она меня и ужасает.

— Согласен,— послышался снова голос Эрекозе.— Ужасает даже больше, чем ты можешь себе представить, друг Отто.

Элрик придвинулся к столу и отхлебнул еще вина. Его одежда немного подсохла, и физически он чувствовал себя гораздо лучше.

— Я рад, что этот туманный берег остался позади,— сказал Элрик.

— Берег-то остался,— сказал Брут.— Но вот туман — он всегда с нами. Туман словно следует за кораблем, или корабль, куда бы он ни плыл, сам создает этот туман. Мы очень редко видим землю, а когда все же видим — как сегодня,— то она такая тусклая, как отражение в блеклом погнутом щите.

— Мы плывем по потустороннему морю,— сказал другой воин, протягивая к кувшину руку в рукавице. Элрик передал ему кувшин.— В Хасгхане, откуда я родом, есть легенда о Заколдованном море. Если моряк оказывается в его водах, он никогда не вернется домой, он обречен на вечные скитания.

— Боюсь, что в твоей легенде есть доля правды, Тердрик из Хасгхана,— сказал Брут.

— А сколько всего воинов на борту? — спросил Элрик.

— Шестнадцать, если не считать Четверых,— сказал Эрекозе.— Всего двадцать. В команде человек десять, и потом есть еще капитан. Ты его, несомненно, скоро увидишь.

— Четверых? И кто же они?

Эрекозе рассмеялся.

— Мы с тобой — двое из Четверых. Двое других в передней каюте. А если хочешь узнать, почему нас называют Четверо, то спроси капитана, хотя, должен тебя предупредить, его ответы не всегда понятны.

Элрик вдруг почувствовал, что его качнуло.

— Этот корабль развивает неплохую скорость,— сказал он,— если учесть, что ветра почти нет.

— Отличная скорость,— согласился Эрекозе.

Он поднялся из своего угла — широкоплечий человек неопределенного возраста, явно немало повидавший в жизни. Он был красив и, несомненно, участвовал не в одной схватке, потому что руки и лицо у него сплошь были покрыты шрамами, хотя и не изуродованы. Его глаза, хотя и глубоко посаженные и темные и, казалось, не имеющие определенного цвета, были странно знакомы Элрику. Он чувствовал, что когда-то видел их во сне.

— Мы не встречались раньше? — спросил Элрик.

— Возможно... или еще встретимся. Какое это имеет значение? Наши предназначения одинаковы. У нас одна судьба. И возможно, у нас есть и еще кое-что общее.

— Еще? Я не понял первую часть твоего высказывания.

— Ну, это и к лучшему,— сказал Эрекозе, протискиваясь между своих товарищей, чтобы перебраться на другую сторону стола. Он положил свою удивительно мягкую руку на плечо Элрика.— Идем, мы должны встретиться с капитаном. Он изъявил желание увидеть тебя сразу же, как ты появишься.

Элрик кивнул и поднялся.

— Этот капитан — как его имя?

— Он не назвал нам ни одного,— сказал Эрекозе.

Они вдвоем вышли на палубу. Туман был густой и мертвенно-бледный, как и прежде, лунные лучи больше не пятнали его. Дальний конец палубы был почти не виден, и, хотя корабль двигался довольно быстро, ветра Элрик не почувствовал. Однако воздух был теплее, чем он ожидал. Альбинос последовал за Эрекозе вперед в каюту, находившуюся ниже той палубы, где располагался один из штурвалов-двойников, при котором находился высокий человек в одежде из стеганой оленьей кожи. Стоял он так недвижно, что напоминал статую. Рыжеволосый рулевой и глазом не повел, когда они проходили мимо, направляясь к входу в каюту, однако Элрик мельком увидел его лицо.

Дверь, казалось, была сработана из какого-то отшлифованного металла, который поблескивал, как выделанная шкура животного. Она была красновато-коричневой — и самой яркой из всего, что Элрик пока видел на корабле. Эрекозе легонько постучал в дверь.

— Капитан,— сказал он.— Элрик прибыл.

— Входите,— раздался голос, звучавший одновременно мелодично и как бы издалека.

Когда дверь открылась, наружу хлынул розоватый свет, который чуть не ослепил Элрика. Когда его глаза привыкли к освещению, он увидел очень высокого, одетого в светлое человека, который стоял на ярком ковре в середине каюты. Элрик услышал, как дверь закрылась, и понял, что Эрекозе остался на палубе.

— Ты пришел в себя, Элрик? — спросил капитан.

— Да — благодаря вашему вину.

В чертах лица капитана было не больше человеческого, чем в чертах Элрика. Они были тоньше и одновременно резче, чем черты мелнибонийцев, но в то же время имели какое-то сходство с ними — такой же овальный разрез глаз, такое же сужение лица к подбородку. Длинные волосы капитана ниспадали ему на плечи рыжевато-золотистыми волнами, а на лбу были подобраны обручем из голубого нефрита. Одет он был в светлую тунику и рейтузы, на ногах — серебряного цвета сандалии и серебряные ремешки до колен. Если бы не одежда, то он был бы точной копией рулевого, которого только что видел Элрик.

— Хочешь еще вина?

Капитан направился к сундуку в дальней стороне каюты около закрытого иллюминатора.

— Спасибо,— сказал Элрик.

Теперь он понял, почему глаза капитана не смотрели на него. Капитан был слеп. При том, что двигался он точно и ловко, было очевидно, что он ничего не видит. Он налил вина из серебряного кувшина и пошел в сторону Элрика, держа перед собой кубок. Элрик шагнул вперед и принял его.

— Я тебе благодарен за решение присоединиться к нам,— сказал капитан.— Большим облегчением было узнать, что ты с нами.

— Ты очень любезен,— сказал Элрик,— хотя должен сказать, что принять это решение мне было вовсе не трудно. Выбора у меня не было.

— Это я понимаю. Поэтому-то мы и причалили к берегу именно в том месте и в то время. Ты еще узнаешь, что все твои товарищи были в сходной ситуации, перед тем как подняться на борт.

— Ты, кажется, неплохо осведомлен о передвижениях многих людей,— сказал Элрик. Он так и не пригубил вина, держа кубок в левой руке.

— Многих,— согласился капитан,— во многих мирах. Насколько я понимаю, ты человек образованный, мой друг, так что ты сможешь понять природу моря, по которому плывет мой корабль.

— Пожалуй.

— Мы плывем между мирами. Большей частью между разными плоскостями одного и того же мира, чтобы быть точнее.— Капитан помолчал, отвернув свое слепое лицо от Элрика.— Ты должен понять, что у меня нет намерений мистифицировать тебя. Есть вещи, которых я не понимаю, а другие вещи я не имею права раскрыть тебе до конца. Я просто верю, и я надеюсь, ты сможешь уважать мой подход.

— У меня пока нет причин относиться к этому иначе,— ответил альбинос, глотнув вина.

— Я оказался в прекрасной компании,— сказал капитан.— Я надеюсь, что вы и впоследствии, когда мы достигнем пункта нашего назначения, будете дорожить моим доверием.

— А что у нас за пункт назначения, капитан?

— Остров в этих водах.

— Должно быть, острова тут большая редкость.

— Верно. Когда-то он был никому не известен, и на нем не было тех, кто стали нашими врагами. Теперь, когда они его обнаружили и поняли его силу, нам грозит огромная опасность.

— Кому это нам? Вашему народу или тем, кто находится на этом корабле?

Капитан улыбнулся.

— У меня нет никакого народа, кроме меня самого. Я думаю, что речь идет обо всем человечестве.

— Значит, эти враги не принадлежат к роду человеческому?

— Нет. Они неразделимо связаны с человеческой историей, но, несмотря на это, они не испытывают к нам никаких добрых чувств. Когда я говорю «человечество», то использую это слово в широком смысле, включая в это понятие тебя и себя.

— Понимаю,— сказал Элрик.— Как называется этот народ?

— По-разному,— сказал капитан.— Извини, но сейчас я не могу продолжать. Если ты подготовишься к сражению, можешь не сомневаться, я открою тебе больше, когда придет время.

Только снова оказавшись за красновато-коричневой дверью и увидев Эрекозе, шагающего навстречу ему сквозь туман, альбинос спросил себя — а уж не загипнотизировал ли его капитан до такой степени, что он, Элрик, забыл о здравом смысле. Как бы то ни было, но слепец и в самом деле произвел на него сильное впечатление, и ему не оставалось ничего другого, как оставаться на корабле и плыть к острову. Он пожал плечами. Он всегда сможет изменить решение, если вдруг обнаружит, что обитатели острова вовсе не являются его врагами.

— Ну так что, ты еще больше сбит с толку? — улыбаясь, спросил Эрекозе.

— В некотором смысле да, в некотором — нет,— ответил Элрик.— Но мне почему-то все равно.

— Значит, ты чувствуешь то же, что и мы все,— сообщил ему Эрекозе.

И только когда Эрекозе отвел его в каюту перед мачтой, Элрик вспомнил: он ведь так и не спросил капитана, кто такие эти Четверо и для чего они нужны.

Глава третья

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРОИХ, КОТОРЫЕ ОДНО

Вторая каюта в точности повторяла первую, только находилась она по другому борту корабля. Здесь тоже расположились около дюжины человек — все, судя по их внешности и одежде, опытные солдаты удачи. Двое сидели рядом по центру правой стороны стола. Один, с обнаженной головой, светловолосый, выглядел как человек, много в жизни испытавший, другой лицом напоминал Элрика. На левой руке у него было что-то вроде серебряной боевой рукавицы, на правой — ничего. Доспехи его имели изящный и необычный вид. Он поднял взгляд на вошедшего Элрика, и в его единственном глазу (на втором была парчовая повязка) загорелся свет узнавания.

— Элрик Мелнибонийский! — воскликнул он.— Мои теории обретают смысл! — Он повернулся к своему товарищу: — Вот, видишь, Хоукмун, это тот самый, о ком я тебе говорил.

— Ты знаешь меня? — Слова этого человека застали Элрика врасплох.

— Посмотри на меня, Элрик. Ты должен меня узнать! В башне Войлодиона Гхагнасдиака. Вместе с Эрекозе. Хотя и с другим Эрекозе.

— Я не знаю такой башни. И имени такого не слышал. А Эрекозе я увидел здесь в первый раз. Ты знаешь меня и знаешь мое имя, но я тебя не знаю. Меня это приводит в замешательство.

— Я тоже не знал принца Корума, пока он не появился на корабле,— сказал Эрекозе.— Но он утверждает, что когда-то мы сражались вместе. Я склонен ему верить. Время в разных мирах не всегда течет одинаково. Принц Корум вполне может существовать в том, что мы называем будущим.

— А я-то надеялся отдохнуть здесь от таких парадоксов,— сказал Хоукмун, проведя рукой по лицу. Он мрачно улыбнулся.— Но тут, похоже, не отдохнешь. Миры здесь постоянно переходят из одного в другой, и даже наши личности могут измениться в любую минуту.

— Мы были Тремя,— сказал Корум.— Неужели ты не помнишь, Элрик? Трое, которые Одно?

Элрик отрицательно покачал головой.

Корум пожал плечами, тихо говоря себе:

— Ну, теперь мы Четверо. Капитан что-нибудь говорил об острове, на который мы должны высадиться?

— Говорил,— сказал Элрик.— Ты знаешь, кто эти враги?

— Мы знаем столько же, сколько и ты, Элрик,— сказал Хоукмун.— Я ищу место под названием Танелорн и своих детей. Возможно, еще и Рунный Посох, но в этом я не вполне уверен.

— Мы как-то раз его нашли,— сказал Корум.— Мы трое. В башне Войлодиона Гхагнасдиака. Он нам здорово помог.

— Я тоже многим обязан Рунному Посоху,— сказал ему Хоукмун.— Когда-то я служил ему. И дорого заплатил за это.

— У нас много общего,— вставил Эрекозе.— Я тебе уже об этом говорил, Элрик. Может, у нас и хозяева общие.

Элрик пожал плечами.

— У меня нет хозяев, кроме меня самого.

И удивился, когда все остальные разом улыбнулись.

Эрекозе тихо сказал:

— Мы склонны забывать о приключениях, подобных этому, как мы забываем сны.

— Это и есть сон,— сказал Хоукмун.— В последнее время я видел много подобных сновидений.

— Если хочешь знать, все это сон,— сказал Корум.— Все наше существование.

Элрика подобная философия мало интересовала.

— Сон или реальность, какая разница. Опыт, который мы приобретаем, в обоих случаях одинаков. Разве нет?

— Верно,— сказал Эрекозе со слабой улыбкой.

Так они проговорили еще час-два, потом Корум потянулся, зевнул и сказал, что хочет спать. Другие тоже почувствовали усталость, а потому вышли из каюты и спустились вниз, где у каждого воина было по койке. Растянувшись на своей койке, Элрик сказал Бруту из Лашмара, который забрался на койку над Элриком:

— Хорошо бы узнать, когда начнется эта битва.

Брут перевесился через край и уставился на альбиноса.

— Я думаю, скоро,— сказал он.

Элрик стоял в одиночестве на палубе, опираясь на леер и вглядываясь в море,— но море, как и весь остальной мир, было затянуто белым клубящимся туманом. Элрик спрашивал себя — а есть ли вообще под килем корабля вода. Он поднял взгляд на парус, наполненный теплым и сильным ветром. Было светло, но он не мог определить, который теперь час. Рассказ Корума об их прежней встрече привел Элрика в недоумение, и он задавался вопросом — не мог ли он раньше видеть сны, похожие на этот, сны, которые он совершенно забыл по пробуждении. Однако бессмысленность подобных рассуждений скоро стала ему очевидна, и он обратился к вопросам более насущным — что это за капитан ведет свой странный корабль по не менее странным водам?

— Капитан,— услышал Элрик голос Хоукмуна и повернулся, чтобы пожелать доброго утра этому высокому светловолосому человеку с необычным шрамом посередине лба,— просит нас четверых к себе в каюту.

Из тумана появились двое других, и все вместе они направились в носовую часть корабля. Они постучали в красновато-коричневую дверь, и их тут же пригласили внутрь — капитан уже налил вина в четыре серебряных кубка. Он сделал движение рукой в направлении огромного комода, на котором стояло вино.

— Угощайтесь, друзья мои.

Они взяли кубки — четыре высоких, гонимых роком воина, и, хотя внешне они ничем не походили друг на друга, на каждом была некая печать, свидетельствовавшая об их принадлежности к одной категории людей.

Элрик обратил на это внимание. «Да, он один из них»,— сказал он себе и попытался припомнить подробности вчерашнего рассказа Корума.

— Мы приближаемся к месту назначения,— сказал капитан.— Скоро высадка. Я думаю, наши враги не ожидают нас, но сражаться с этими двумя все равно будет нелегко.

— С двумя? — спросил Хоукмун.— Только с двумя?

— Только с двумя,— улыбнулся капитан.— С братом и сестрой. Колдунами из другой вселенной. Из-за недавних нарушений в ткани нашего мира — тебе, Хоукмун, об этом кое-что известно, и тебе тоже, Корум,— на свободе оказались некие существа, обретшие такую власть, какой у них никогда не было. Но им мало этого, они жаждут еще больше власти, они хотят заполучить всю власть, какая есть в нашей вселенной. Эти существа безнравственны на свой манер — не так, как Владыки Закона или Хаоса. Они не сражаются за власть над Землей, как сражаются известные нам боги. Они только жаждут преобразовать основную энергию нашей вселенной и использовать ее для своих нужд. Я полагаю, что они питают честолюбивые планы относительно их собственной вселенной, которые смогут реализовать, если достигнут своих целей здесь. В настоящее время, несмотря на крайне благоприятные для них обстоятельства, они еще не набрали полной силы, но недалеко то время, когда они добьются своего. На человеческом языке они зовутся Агак и Джагак, и никакие из наших богов не имеют над ними ни малейшей власти. Вот почему был собран более мощный отряд — вы. Вечный Воитель в четырех своих инкарнациях — Эрекозе, Элрик, Корум и Хоукмун. Четыре — это наибольшее число, которое мы можем собрать в одном месте и времени, не рискуя спровоцировать новые разрывы в ткани бытия. Каждый из вас будет руководить четырьмя другими — их судьбы связаны с вашими собственными, и

каждый из них по-своему великий воин. Хотя они и не разделяют ваших предназначений во всех смыслах. Каждый из вас может выбрать четырех, с которыми пожелает сражаться плечом к плечу. Я думаю, вы легко определитесь. Мы уже очень скоро увидим берег.

— Ты поведешь нас? — спросил Хоукмун.

— Я смогу только доставить вас на остров и ждать тех, кто останется в живых. Если кто-нибудь останется в живых.

Элрик нахмурился.

— Не думаю, что это мое сражение.

— Оно твое,— спокойно сказал капитан.— И мое. Если бы мне было разрешено, я бы сошел с вами на берег. Но мне это запрещено.

— Почему? — спросил Корум.

— Вы узнаете об этом в свое время. У меня не хватает мужества сказать вам. Однако я не желаю вам ничего, кроме добра. Можете в этом быть уверены.

Эрекозе потер подбородок.

— Что ж, поскольку моя судьба — сражаться, и поскольку я, как и Хоукмун, продолжаю искать Танелорн, и поскольку в случае победы у меня появляется хоть какой-то шанс воплотить мои устремления в жизнь, то я согласен выступить против этой пары — Агака и Джагак.

Хоукмун кивнул.

— Я по тем же причинам присоединяюсь к Эрекозе.

— И я,— сказал Корум.

— Не так давно,— сказал Элрик,— я считал, что у меня нет друзей. Теперь вижу, что их у меня много. По одной только этой причине я буду сражаться вместе с ними.

— Возможно, это лучшая из причин,— одобрительно сказал Эрекозе.

— За эту работу не будет вознаграждения, кроме моего заверения, что ваш успех избавит мир от многих несчастий,— сказал капитан.— А что касается тебя, Элрик, то твое вознаграждение будет еще меньше, чем у остальных.

— А может быть, и нет,— возразил Элрик.

— Как скажешь.— Капитан сделал жест в сторону кувшина с вином.— Еще вина, друзья?

Она налили себе еще вина, а капитан продолжал, подняв слепой взор к потолку каюты.

— На этом острове есть руины. Возможно, когда-то они были городом под названием Танелорн. В центре этих руин возвышается одно-единственное целое здание. Это здание и занимают Агак и его сестра. И именно его и нужно атаковать. Я думаю, что вы без труда найдете его.

— И мы должны убить этих двоих? — спросил Эрекозе.

— Если сможете. У них есть слуги, которые будут им помогать. Их тоже нужно убить. А потом — поджечь здание. Это важно.— Капитан помедлил.— Именно поджечь. Другими способами уничтожить его нельзя.

Элрик сухо улыбнулся:

— Есть и другие способы разрушить здание, господин капитан.

Капитан улыбнулся в ответ и чуть наклонил голову, признавая правоту слов Элрика.

— Да, ты прав. И тем не менее вам стоит запомнить то, что я сказал.

— Ты знаешь, как выглядит эта пара — Агак и Джагак? — спросил Корум

— Нет. Возможно, они похожи на существ из нашего мира А может, и нет. Видели их очень немногие. Да и материализовались они совсем недавно.

— А как их проще всего победить? — спросил Хоукмун.

— Мужеством и изобретательностью.

— Выражаешься ты не очень ясно, капитан,— сказал Элрик.

— Настолько ясно, насколько это возможно. А теперь, друзья, я предлагаю вам отдохнуть и приготовить оружие.

Когда они вышли из капитанской каюты, Эрекозе вздохнул.

— У нас нет выбора,— сказал он.— И почти нет свободы воли, как бы мы ни убеждали себя в противном. Погибнем мы или останемся в живых, по большому счету это не имеет никакого значения.

— Кажется, у тебя мрачное настроение, мой друг,— сказал Хоукмун.

Туман полз по мачте, обволакивал такелаж, затоплял палубу. Элрик взглянул на лица трех других — их тоже окутывал туман.

— Просто реалистичное,— сказал Корум.

Туман гуще обычного оседал на палубе, словно саваном одевая воинов. Корабельное дерево трещало, и Элрику казалось, что он слышит карканье воронья. Похолодало. Молча разошлись они по своим каютам, чтобы проверить крепление доспехов, заточить оружие и попытаться уснуть.

— Я не питаю ни малейшей любви к колдовству,— сказал Брут из Лашмара, поглаживая свою рыжую бороду.— Потому что колдовство стало причиной моего позора.

Элрик перед этим пересказал Бруту слова капитана и попросил его войти в четверку, которая будет сражаться под его началом.

— Тут все сплошное колдовство,— сказал Отто Блендкер и улыбнулся едва заметной улыбкой, протягивая Элрику руку.— Я буду сражаться рядом с тобой.

Еще один воин поднялся, откинув назад шлем. Его доспехи цвета морской волны слабо поблескивали в свете фонаря, лицо было почти таким же белым, как у Элрика, но глубоко посаженные глаза, в отличие от глаз альбиноса, были черными.

— Я тоже буду сражаться с тобой,— сказал Хоун Заклинатель Змей,— хотя, боюсь, толку от меня на суше немного.

Последний, кто поднялся под взглядом Элрика, был воин, который раньше не произнес ни слова. Голос у него был низкий, заикающийся. На его голове сидел простой боевой шлем, а рыжие волосы ниже него были собраны в косицы. Каждая косица заканчивалась костями пальцев, которые при движении бренчали на его кольчуге. Звали этого воина Ашнар Рысь. Глаза его почти постоянно сверкали яростью.

— У меня нет вашего красноречия и воспитания,— сказал Ашнар.— И я незнаком с колдовством или другими вещами, о которых вы ведете речь. Но я хороший воин, и в сражениях — моя радость. Я встану под твое начало, Элрик, если ты возьмешь меня.

— Буду рад,— сказал Элрик.

— Значит, никаких разногласий нет,— сказал Эрекозе, обращаясь к тем, кто решил войти в его четверку.— Все это, без всяких сомнений, предопределено. Наши судьбы были связаны с самого начала.

— Такая философия может привести к нездоровому фатализму,— сказал Терндрик из Хасгхана.— Давайте лучше считать, что наши судьбы принадлежат нам, даже если все свидетельствует об обратном.

— Думай, как считаешь нужным,— сказал Эрекозе.— Я прожил немало жизней, хотя хорошо помню только одну.— Он пожал плечами.— Но, наверно, я обманываю себя, когда думаю, что работаю на то время, когда найду Танелорн и, возможно, воссоединюсь с тем, кого ищу. Именно эти устремления и питают меня энергией, Терндрик.

Элрик улыбнулся.

— А я, наверно, сражаюсь потому, что меня влечет дух боевой дружбы. Само по себе это довольно прискорбное состояние, не правда ли?

— Да.— Эрекозе опустил взгляд.— Ну что ж, попытаемся отдохнуть.

Глава четвертая

О БОЛИ, СРАЖЕНИИ И УТРАТЕ

Берег вырисовывался неясными очертаниями. Они пробирались по белой воде, сквозь белый туман, держа над головами мечи, которые были их единственным оружием. У каждого в четверке был меч необычных размеров и формы, но никто не владел мечом, похожим на Буревестник, таким, который время от времени словно бы нашептывал что-то. Оглянувшись, Элрик увидел капитана у борта — тот стоял слепым лицом в сторону острова, его бледные губы шевелились, словно он говорил сам с собой. Вода теперь доходила им до пояса, а песок под ногами Элрика твердел и наконец превратился в твердую породу. Элрик шел вперед осторожно и в полной готовности сразиться с теми, кто может защищать этот остров. Но теперь

туман начал рассеиваться, словно не имея власти над землей, а никаких следов защитников видно не было.

За поясом у каждого воина торчал факел, конец которого был завернут в промасленную материю, чтобы не отсырел, когда придет время зажечь его. У каждого в маленькой коробочке, прикрепленной к поясу, имелся также запас трута, чтобы можно было в любой момент зажечь факел.

— Только огонь навсегда уничтожит этого врага,— повторил капитан, вручая им факелы и коробочки с трутом.

По мере того как туман рассеивался, их взору открывался пейзаж, наполненный тенями. Тени лежали на красных скалах и желтой растительности — тени самых разных форм и размеров, напоминающие самые разные предметы. Казалось, что их создавало огромное, кровавого цвета солнце, которое постоянно находилось в зените над островом. Но беспокоило воинов то, что тени эти вроде бы брались ниоткуда, словно объекты, которые их отбрасывали, были невидимы или существовали где-то не здесь, не на острове. Казалось, что и небо полно этих теней, но если на острове они оставались бездвижны, то, похоже, на небе они двигались заодно с облаками. А красное солнце проливало свой кровавый свет на двадцать воинов, касаясь их своим неприветливым сиянием так же, как оно касалось земли.

Они, опасливо поглядывая по сторонам, уходили все дальше от берега. Временами странный мерцающий свет озарял остров, отчего очертания всего окружающего на несколько мгновений делались неустойчивыми. Элрик решил, что это его глаза играют с ним шутку, но тут Хоун Заклинатель Змей, который с трудом передвигался по земле, заметил:

— Я редко бываю на берегу, это правда, но мне кажется, что земля тут какая-то необычная. Тут все мерцает. Все искажается.

Несколько голосов согласились с ним.

— И откуда берутся все эти тени? — Ашнар Рысь озирался вокруг — его охватил естественный суеверный страх.— Почему мы не видим того, что их отбрасывает?

— Возможно,— сказал Корум,— что это тени от предметов, существующих в других измерениях. Если, как предпо-

лагалось, все плоскости Земли встречаются в этом месте, то вот вам и вполне правдоподобное объяснение.— Он поднес свою серебряную руку к вышитой повязке, закрывавшей его глаз.— Это еще не самый необычный пример подобного пересечения, какому я был свидетелем.

— Правдоподобное объяснение,— хмыкнул Отто Блендкер.— Только умоляю, не надо мне никаких *неправдоподобных* объяснений!

Они двинулись дальше сквозь тени и мрачный свет и наконец оказались на окраине руин.

Эти руины, подумал Элрик, очень похожи на полуразвалившийся город Амирон, в котором он побывал, когда искал Черный Меч. Вот только здесь они занимали больше пространства и напоминали скопление маленьких городков, каждый из которых имел свою собственную архитектуру.

— Может, это и есть Танелорн? — сказал Корум, успевший там побывать.— А точнее, все когда-либо существовавшие версии Танелорна. Ведь Танелорн существует в разных формах, каждая из которых определяется представлениями тех, кто наиболее страстно стремится найти его.

— Это не тот Танелорн, который предполагал найти я,— горько сказал Хоукмун.

— И я тоже,— мрачно добавил Эрекозе.

— Может быть, это и не Танелорн,— сказал Элрик.— Может, и нет.

— Возможно, это кладбище? — сдержанно сказал Корум и нахмурился.— Кладбище, на котором покоятся все забытые варианты этого странного города.

Воины начали перебираться через развалины. Они шли все дальше, приближаясь к центру, и их сопровождало бряцание оружия. По задумчивым выражениям лиц своих спутников Элрик видел, что они, как и он, задаются вопросом: а не происходит ли все это во сне. Иначе почему они оказались в этой необычной ситуации, почему собираются рисковать своими жизнями — а может, и душами,— сражаясь с тем, что никто из них даже не может узнать?

Эрекозе подошел ближе к Элрику.

— Ты обратил внимание,— спросил он,— что теперь тени стали на что-то похожи?

Элрик кивнул.

— По развалинам можно судить, как выглядели здания, когда были целыми. Эти тени — тени тех зданий, которые стояли здесь, прежде чем превратиться в развалины.

— Именно,— сказал Эрекозе.

Их обоих пробрала дрожь.

Наконец они добрались до вероятного центра и увидели здесь целое здание. Оно стояло на расчищенном пространстве и являло собой сооружение из металлических листов, пластин и сверкающих труб.

— Оно скорее похоже на машину, а не на здание,— сказал Хоукмун.

— И скорее на музыкальный инструмент, чем на машину,— задумчиво сказал Корум.

Отряд остановился, четверки собрались вокруг своих предводителей. Сомнений не было — они прибыли к месту своего назначения.

Посмотрев внимательнее на здание, Элрик увидел, что фактически оно состоит из двух — совершенно одинаковых и соединенных в разных местах системами изгибающихся труб. Вероятно, эти трубы представляли собой соединительные коридоры, хотя трудно было себе представить, какие существа могут пользоваться подобными коридорами.

— Тут два здания,— сказал Эрекозе.— Мы к этому не были готовы. Что нам теперь — разделиться и атаковать оба?

Элрик инстинктивно почувствовал, что такие действия были бы неблагоразумны. Он покачал головой.

— Я думаю, мы все вместе должны войти в одно, иначе наши силы будут рассеяны.

— Согласен,— сказал Хоукмун.

Остальные тоже приняли план Элрика.

Укрытия, за которым можно было бы подойти незаметно, не было, и потому они смело двинулись к ближайшему к ним зданию — к тому его месту, где невысоко над землей виднелось черное отверстие неправильной формы. Никаких следов за-

щитников видно не было, и это тревожило нападавших. Здание пульсировало, мерцало и время от времени шептало что-то, но этим дело и ограничивалось.

Элрик со своей группой вошел первым. Они оказались в теплом и сыром коридоре, который почти сразу же уходил резко вправо. За ними последовали другие, и вскоре весь отряд стоял в коридоре, настороженно поглядывая вперед и ожидая нападения. Но нападения не последовало.

С Элриком во главе они сделали несколько шагов, как вдруг коридор бешено затрясся, отчего Хоун Заклинатель Змей свалился на пол. Воин в доспехах цвета морской волны поднялся на ноги, и в этот момент по коридору эхом разнесся голос. Источник его вроде бы находился довольно далеко, но голос звучал отчетливо, и в нем слышалось раздражение.

— Кто? Кто? Кто? — раздавались вопли.— Кто? Кто? Кто вторгся в меня?

Тряска закончилась и перешла в постоянное колебательное движение. Голос стал глуше, слабее, неувереннее.

— *Кто напал на меня? Кто?*

Двадцать воинов удивленно поглядывали друг на друга. Наконец Элрик пожал плечами и повел отряд вперед. Скоро коридор стал шире, и они оказались в зале, стены, потолок и пол которого были покрыты липкой жидкостью. Дышать здесь было тяжело. И в этот момент, каким-то образом пройдя через стены, появились первые защитники — уродливые твари, вероятно слуги Агака и Джагак.

— Нападайте,— послышался далекий голос.— Уничтожьте это. Уничтожьте!

Твари были довольно примитивны, в основном представляли собой разверстые пасти и скользкие тела. Однако их было много, и они ринулись на двадцатку воинов, которые быстро перестроились в четыре боевых отряда и приготовились защищаться. Скользкие твари, приближаясь, издавали жуткие чавкающие звуки, и костные наросты, служившие им зубами, клацали, готовясь ухватить альбиноса и его товарищей. Элрик извлек свой меч, который почти не встретил сопротивления, войдя в тела нескольких нападавших одновременно. Но теперь воздух стал еще гуще, а хлынувшая на пол жидкость

издавала такой омерзительный запах, что они едва ли не задыхались.

— Двигайтесь сквозь них,— скомандовал Элрик.— Прорубайте себе путь. Направление — вон то отверстие,— указал он левой рукой.

Они двинулись вперед, разрубая сотни примитивных тварей, что делало воздух совершенно непригодным для дыхания.

— Сражаться с этими бестиями нетрудно,— выдохнул Хоун Заклинатель Змей.— Но каждая убитая тварь уменьшает наши шансы выжить.

Элрик чувствовал иронию ситуации.

— Несомненно, все это хитроумно предусмотрено нашими врагами.

Он закашлялся и разрубил еще десяток скользких бестий, надвигавшихся на него. Они не знали страха, но были глупы. Ничего похожего на стратегию в их действиях не просматривалось.

Наконец Элрик добрался до следующего коридора, где воздух был чуточку чище. Он с радостью наполнил им легкие и сделал знак своим товарищам.

Мечи поднимались и обрушивались вниз. Наконец все воины добрались до нового коридора, и лишь несколько тварей последовали за ними. Остальные заходить в этот коридор побаивались, и Элрик подумал, что где-то в глубинах этого прохода таится опасность, которой страшатся даже эти безмозглые твари. Однако их отряду не оставалось ничего другого, как идти вперед, и Элрик только радовался, что все двадцать преодолели это первое препятствие.

Тяжело дыша, они остановились немного передохнуть, прислонившись к дрожащим стенам и прислушиваясь к далекому голосу, теперь приглушенному и неясному.

— Что-то мне не нравится это сооружение,— проворчал Брут из Лашмара, разглядывая дырку в своем рукаве в том месте, где его цапнула скользкая тварь.— Это все порождение сильного колдовства.

— Это только то, что мы знаем,— напомнил ему Ашнар Рысь, которому едва удавалось сдерживать дрожь. Костяшки пальцев в его косицах бренчали в такт пульсирующей стене,

и у огромного варвара, убеждающего себя преодолеть страх, вид был довольно жалкий.

— Трусы они, эти колдуны,— сказал Отто Блендкер.— Сами они не показываются.— Он повысил голос.— Неужели у них такой омерзительный вид, что они боятся нам показаться?

На этот вызов никто не ответил. Они шли дальше по коридорам, но никаких признаков Агака или его сестры Джагак не было. В коридорах становилось то светлее, то темнее. Иногда коридор сужался так, что они едва протискивались сквозь него, но потом снова расширялся до размеров чуть ли не зала. По большей части коридоры, казалось, поднимались.

Элрик попытался представить себе обитателей здания. В этом сооружении не было ни ступеней, ни каких-либо узнаваемых предметов. Неизвестно почему, но Агак и Джагак представлялись ему в форме пресмыкающихся — ведь именно рептилии предпочитают пандусы ступенькам, а обычной мебели им, несомненно, не требуется. Но они, конечно же, могут по желанию менять свою форму, при необходимости принимая человеческую. Ему поскорее хотелось увидеть обоих или хотя бы одного колдуна.

У Ашнара Рыси были другие причины проявлять нетерпение — по крайней мере, так он говорил.

— Мне сказали, здесь будет сокровище,— пробормотал он.— Я предполагал рискнуть своей жизнью за справедливое вознаграждение, но тут нет ничего ценного.— Он приложил мозолистую руку к влажному веществу стены.— Это даже не камень и не кирпич. Из чего сделаны эти стены, Элрик?

Элрик покачал головой.

— Меня это тоже интересует, Ашнар.

И тут Элрик увидел большие свирепые глаза, выглядывавшие из мрака впереди. Он услышал какой-то стрекочущий, шелестящий звук, и глаза стали увеличиваться в размерах. Он увидел красную пасть, желтые клыки, оранжевую шерсть. Потом раздалось рычание, и зверь прыгнул на него, но Элрик успел поднять Буревестник для защиты и криком предупредить других. Это существо напоминало огромного бабуина, а за ним появились еще не меньше десятка других. Элрик сделал выпад всем телом, целясь зверю в пах. Бабуин вытянул лапы

и царапнул ему когтями плечо и бок. Элрик застонал, почувствовав, как по меньшей мере один из когтей до крови впился ему в кожу. Рука его попала в ловушку, и он никак не мог вытащить Буревестник из тела врага. Ему оставалось только еще глубже сунуть меч в рану. Элрик, собрав все силы, повернул рукоять. Огромная обезьяна закричала, ее налитые кровью глаза засверкали, она обнажила желтые клыки, потянувшись мордой к горлу Элрика. Зубы сомкнулись на его шее, от вонючего дыхания он чуть не потерял сознание. Он еще раз крутанул рукоять меча, и зверь снова завопил от боли.

Клыки вонзились в латный воротник, что и спасло Элрика от немедленной смерти. Он попытался высвободить хотя бы одну руку, повернув меч в третий раз, а потом принялся дергать его вверх-вниз, чтобы увеличить рану. Рычание и стоны бабуина стали еще громче, зубы еще сильнее вдавились в воротник, но теперь за звуками, производимыми обезьяной, Элрик услышал бормотание и почувствовал, как Буревестник завибрировал в его руке. Он знал, что меч вытягивает силы из обезьяны, которая пыталась убить его. Элрик почувствовал прилив энергии.

В отчаянии альбинос собрал все силы и рванул меч вверх, рассекая тело обезьяны — кровь хлынула на него из обезьяньего брюха, и он, оказавшись на свободе, сделал неуверенный шаг-другой назад, тем же движением извлекая меч из животного. Обезьяна тоже отступила на нетвердых лапах, глядя на свою рану с глуповатым недоумением, и наконец рухнула на пол коридора.

Элрик повернулся, готовый оказать помощь ближайшему товарищу, но успел увидеть только гибель Терндрика из Хасгхана — он бился в лапах обезьяны еще большего размера, которая откусила голову воина, и из зияющей раны хлестала кровь.

Элрик вонзил Буревестник точно между лопаток убийцы Терндрика, прямо в сердце обезьяны, и она рухнула рядом со своей жертвой. Погибло еще двое воинов, кое-кто получил серьезные раны, но оставшиеся сражались, их мечи и доспехи были покрыты алыми брызгами. В узком коридоре было душно от вони обезьяньих тел, пота и крови. Элрик продол-

жил бой — он расколол череп обезьяны, которая схватилась с Хоуном Заклинателем Змей. Хоун бросил на альбиноса благодарный взгляд, нагнувшись, отер свой меч, и вдвоем они бросились на самую крупную из обезьян. Этот бабуин, прижавший к стене Эрекозе, был значительно выше Элрика. Эрекозе успел уже пронзить плечо зверя.

Хоун и Элрик атаковали с двух сторон, и бабуин зарычал, завизжал, поворачивая морду к новым противникам. Меч Эрекозе торчал у него в плече. Он ринулся на них, и они снова ударили одновременно, поразив монстра в самое сердце и легкие, и когда он зарычал на них, кровь полилась из его пасти. Обезьяна упала на колени, глаза ее потускнели, и она рухнула мордой вниз.

Теперь в коридоре воцарилась тишина, и вокруг оставшихся в живых там и здесь лежали мертвые.

Убит был Терндрик из Хасгхана. Погибли двое из команды Корума. Все оставшиеся в живых воины Эрекозе были тяжело ранены. Мертв был один из людей Хоукмуна, зато у трех других не было практически ни царапины, а Ашнар Рысь был только растрепан, не больше. Ашнар за время драки убил двух бабуинов. Но теперь, когда варвар стоял, тяжело дыша и опершись о стену, глаза его закатились.

— Я начинаю подозревать, что вся это затея не оправдывает наших потерь,— сказал он с усмешкой. Взяв себя в руки, он перешагнул через труп обезьяны.— Чем быстрее все это закончится, тем лучше. Что скажешь, Элрик?

— Согласен с тобой,— с такой же усмешкой ответил Элрик.— Идем.

И он пошел впереди по коридору в помещение, стены которого мерцали розовым светом. Он не успел сделать и нескольких шагов, как что-то ухватило его за коленку, и альбинос, посмотрев вниз, в ужасе увидел, что вокруг его ноги обвилась змея. Использовать меч было поздно, поэтому он ухватил змею за шею выше головы и стащил со своей ноги, а потом оторвал голову от тела. Остальные принялись топать ногами и криками предупреждать других. Змеи вроде бы были неядовитыми, но их тут оказались тысячи, и они появлялись словно из пола. Они были телесного цвета, без глаз и скорее напоминали

земляных червей, чем рептилий, но при этом обладали достаточной силой.

И тогда Хоун Заклинатель Змей запел странную песню, в которой было много мелодичных свистящих звуков, производящих необычное действие на этих тварей. Сначала по одной, а затем все увеличивающимся числом они падали на пол, явно засыпая. Хоун усмехнулся, радуясь своему успеху.

— Теперь я понимаю, откуда у тебя такое прозвище,— сказал Элрик.

— Я не был уверен, что песня на них подействует,— ответил ему Хоун.— Ведь они не похожи на змей, которых я видел в морях своего мира.

Они перебрались через груды спящих змей и оказались в следующем коридоре, резко уходившем вверх. Иногда, карабкаясь по необычно скользкой поверхности пола, они были вынуждены прибегать к помощи рук.

В этом коридоре было гораздо жарче, и воины истекали потом. Несколько раз они останавливались, чтобы отдохнуть и отереть лоб. Казалось, у этого коридора не будет конца. Иногда в нем встречались повороты, а пол если и выравнивался до горизонтали, то всего на несколько футов. Временами коридор сужался до размеров трубы, по которой приходилось ползти на животах, временами потолок над их головами исчезал, превращаясь в мрачную бесконечность.

Элрик давно уже оставил попытки соотнести их положение с развалинами вне сооружения, в котором они находились. Время от времени им попадались маленькие бесформенные существа, устремлявшиеся стайками им навстречу явно с намерением атаковать, но серьезной опасности они не представляли, и скоро воины, продолжая свое восхождение, просто перестали обращать на них внимание.

Некоторое время странного голоса, который встретил их при входе, не было слышно, но теперь до них снова доносился его шепот.

— Где? Где? О, боль!

Они остановились, пытаясь определить направление, откуда исходит звук, но ощущение возникало такое, будто звук идет отовсюду.

Они с мрачными лицами продолжили свой путь, преследуемые тысячами маленьких существ, которые впивались в обнаженные участки их тел, как комары, но насекомыми при этом они не были. Ничего подобного раньше Элрик не видел. Они были бесформенными, примитивными и совершенно бесцветными. Они вились вокруг его лица и напоминали собой ветер. Он чувствовал, как силы покидают его — он почти ничего не видел, задыхался и потел. Воздух теперь был таким плотным, горячим и соленым, что возникало ощущение, будто они двигаются сквозь жидкость. Состояние других было ничуть не лучше. Кто-то спотыкался, двое упали, и их товарищи, не менее выбившиеся из сил, помогли им подняться.

У Элрика возникло желание сбросить с себя доспехи, но он понимал, что в этом случае еще большая часть его тела окажется во власти маленьких летучих существ.

Они продолжали свое восхождение, и теперь еще большее количество змееобразных тварей вились вокруг их ног, препятствуя дальнейшему продвижению. Для них Хоун тоже пел свою песню — пел, пока не охрип.

— Если так будет и дальше, скоро нам всем конец,— сказал Ашнар Рысь, подойдя к Элрику.— Если мы и найдем колдуна или его сестру, то ничего не сможем им противопоставить.

Элрик мрачно кивнул.

— И я так считаю, но ничего другого нам не остается, разве нет?

— Ничего,— сказал Ашнар тихим голосом.— Ничего.

— Где? Где? Где? — Это слово шуршало в воздухе вокруг них. Многие из воинов заметно нервничали.

Глава пятая

ЗНАЧЕНИЕ ТЕНЕЙ

Они достигли вершины этого коридора. Раздраженный голос теперь стал гораздо громче. Они увидели арку, а за ней — освещенное помещение.

— Это явно комната Агака,— сказал Ашнар, покрепче берясь за рукоять меча.

— Возможно,— сказал Элрик. У него было такое ощущение, будто он существует отдельно от своего тела. Должно быть, на него подействовали жара и усталость или его растущее беспокойство. Но что-то заставило его взять себя в руки, и он не без колебаний вошел в помещение.

Комната имела восьмиугольную форму, и у каждой из ее восьми скошенных сторон была своя окраска, причем все цвета постоянно менялись. Время от времени стены становились полупрозрачными, и сквозь них далеко внизу открывался полный вид разрушенного города (или собрания городов), а также вид сооружения в точности такого же, как то, в котором они находились, со всеми его проводами и трубами.

Но прежде всего их вниманием завладел бассейн в середине помещения. Впечатление возникало такое, что бассейн достаточно глубок, а наполнен он был вязкой жидкостью с отвратительным запахом. Жидкость пузырилась. В ней образовывались какие-то формы. Гротескные и странные, прекрасные и знакомые, формы эти, казалось, вот-вот обретут твердые очертания, но они тут же растворялись в бассейне. Голос здесь звучал громче, и теперь было ясно, что его источник находится в бассейне.

— ЧТО? ЧТО? КТО ВТОРГАЕТСЯ?

Элрик заставил себя подойти поближе к краю бассейна. Несколько секунд снизу на него смотрело его же собственное лицо, а потом исчезло.

— КТО ВТОРГАЕТСЯ? АХ! КАКАЯ СЛАБОСТЬ!

Элрик заговорил с бассейном.

— Мы те, кого ты хочешь уничтожить,— сказал он.— Мы те, кого ты хочешь сожрать.

— АХ! АГАК! АГАК! Я БОЛЬНА! ГДЕ ТЫ?

К Элрику присоединились Ашнар и Брут. На лицах воинов было написано отвращение.

— Агак,— прорычал Ашнар Рысь, глаза его сузились.— Наконец-то хоть какое-то свидетельство того, что этот колдун здесь.

Остальные воины сбились в кучу, стараясь держаться подальше от бассейна, но все они смотрели как зачарованные на разнообразные формы, образующиеся и распадающиеся в вязкой жидкости.

— Я СЛАБЕЮ... МНЕ НУЖНО ПОПОЛНИТЬ ЭНЕРГИЮ... МЫ ДОЛЖНЫ НАЧАТЬ НЕМЕДЛЕННО, АГАК... МЫ ТАК ДОЛГО ДОБИРАЛИСЬ ДО ЭТОГО МЕСТА. МНЕ НУЖНО ОТДОХНУТЬ. НО ЗДЕСЬ НЕ ОТДОХНЕШЬ. БЕСПОКОЙСТВО... ОНО НАПОЛНЯЕТ МОЕ ТЕЛО. АГАК. ПРОСНИСЬ, АГАК. ПРОСНИСЬ!

— Наверное, это какой-то слуга Агака, несущий ответственность за оборону этого помещения,— тихим голосом предположил Хоун Заклинатель Змей.

Но Элрик продолжал вглядываться в бассейн, начиная, как ему показалось, прозревать истину.

— Так Агак проснется? — спросил Брут.— Он придет сюда? — Брут нервно оглянулся по сторонам.

— Агак! — выкрикнул Ашнар Рысь.— Трус!

— Агак! — закричали воины, размахивая мечами.

Элрик, однако, ничего не сказал. Он обратил внимание, что Хоукмун, Корум и Эрекозе тоже хранят молчание. Он подумал, что они, как и он, начинают понимать.

Он посмотрел на них. В глазах Эрекозе он прочел муку, жалость к себе и своим товарищам.

— Мы — Четверо, которые Одно,— сказал Эрекозе. Голос его дрогнул.

Элрик почувствовал неожиданный порыв — порыв, который вызвал у него отвращение и ужас.

— Нет...— Он попытался вложить Буревестник в ножны, но меч воспротивился этому.

— АГАК! БЫСТРЕЕ!

— Если мы не сделаем этого,— сказал Эрекозе,— они пожрут все наши миры. Не останется ничего.

Элрик свободной рукой дотронулся до лба. Его качало на краю пугающего бассейна. Он застонал.

— Значит, мы должны сделать это,— раздался голос Корума.

— Я не стану,— сказал Элрик.— Я — это я.

— И я! — сказал Хоукмун.

Но Корум Джаелен Ирсеи сказал:

— Другого нам не дано — ведь мы одно. Неужели вы не понимаете? Кроме нас, нет никого в нашей вселенной, кто бы мог покончить с этими колдунами — единственным способом, каким они могут быть уничтожены!

Элрик посмотрел на Корума, на Хоукмуна, на Эрекозе — и снова увидел в них какую-то часть себя самого.

— Мы Четверо, которые Одно,— сказал Эрекозе.— Наша объединенная сила больше, чем просто сумма наших сил. Мы должны объединиться, братья. Мы должны победить здесь, прежде чем сможем надеяться победить Агака.

— Нет...— Элрик отошел в сторону, и все равно каким-то образом оказался на краю булькающего вонючего бассейна, из которого по-прежнему доносились жалобы и бормотание и где продолжали образовываться и исчезать все новые и новые формы. На трех других углах бассейна стояли его товарищи — по одному на каждом. На лицах всех четверых было обреченное выражение.

Остальные воины отошли к стенам. Отто Блендкер и Брут из Лашмара стояли около дверей, прислушиваясь к звукам в коридоре. Ашнар Рысь гладил факел, заткнутый за пояс, его грубое лицо было искажено страхом.

Элрик почувствовал, как поднимается под воздействием меча его рука, и он увидел, что и три его товарища тоже поднимают мечи. Потом они вытянули руки так, что кончики мечей встретились точно в центре бассейна.

Элрик закричал, чувствуя, как что-то входит в его существо. Он попытался освободиться, но эта внешняя сила была непреодолима. Другие голоса раздались в его голове.

— Понимаю...— Это был донесшийся издалека шепот Корума.— Это единственный способ.

— Нет, нет, нет...— Это был голос Хоукмуна, но слова сорвались с губ Элрика.

— *АГАК!*— закричал бассейн. Жидкость в нем стала волноваться сильнее, сделалась беспокойнее.— *АГАК! БЫСТРЕЕ! ПРОСНИСЬ!*

Тело Элрика задрожало, но рука его надежно держала меч. Атомы его тела стали распадаться, а потом соединяться снова в некую единую текучую сущность, которая устремилась по

лезвию меча к его острию. И Элрик все еще оставался Элриком, который исступленно кричал в ужасе от происходящего.

Элрик все еще оставался Элриком, когда он отошел от бассейна, но, взглянув на себя теперь, увидел, что он полностью воссоединился с тремя другими своими частями.

Существо парило над бассейном. Со всех сторон его головы находилось по лицу, и каждое лицо принадлежало одному из его товарищей. Безмятежные и жуткие глаза смотрели не мигая. У существа было восемь рук, и эти руки оставались неподвижны. Оно присело над бассейном на восьми ногах, а в его доспехах смешались все цвета, хотя отдельные части оставались неизменными.

Это существо всеми восемью руками сжимало один огромный меч, который, как и само существо, мерцал призрачным золотистым светом.

И тогда Элрик вошел в это тело и стал иным — самим собой, и тремя другими, и чем-то еще, что являлось суммой этого союза.

Четверо, которые Одно, повернули свой чудовищный меч, направив острие вниз, на бешено бурлящую жидкость в бассейне. Эта жидкость боялась меча. Она захныкала:

— *Агак, Агак...*

Существо, частью которого был Элрик, собрало все силы и начало опускать меч.

На поверхности стали появляться бесформенные волны. Цвет жидкости сменился с болезненно-желтого на нездоровый зеленый.

— *Агак, я умираю...*

Меч безжалостно направился вниз. Он коснулся поверхности.

Жидкость заметалась, попыталась перетечь через край бассейна. Меч погружался все глубже, и Четверо, которые Одно, чувствовали, как по лезвию в них вливаются новые силы. Раздался стон. Медленно бассейн успокаивался. Он замолчал. Движение прекратилось. Жидкость посерела.

И тогда Четверо, которые Одно, спустились в бассейн, чтобы быть поглощенными им.

Теперь они видели все отчетливо. Они проверили свое тело. Они контролировали каждый свой орган, каждую функцию. Они торжествовали. Своим единственным восьмиугольным глазом они смотрели во всех направлениях одновременно, видели все руины города. Потом они перенесли все внимание на своего близнеца.

Агак проснулся слишком поздно, но он все же проснулся, пробужденный криками своей умирающей сестры Джагак, в чье тело смертные вторглись первыми, чью хитрость превзошли, чьим глазом теперь смотрели и чьими силами вскоре собирались воспользоваться.

Агаку не нужно было поворачивать голову, чтобы взглянуть на существо, которое он продолжал считать своей сестрой. Его разум, как и ее, находился в огромном восьмиугольном глазу.

— Ты звала меня, сестра?

— Я произнесла твое имя, не больше, брат.— Остатков жизненных сил Джагак хватало, чтобы Четверо, которые Одно, могли подражать ее голосу.

— Ты кричала?

— Во сне.— Четверо помолчали, потом продолжили: — Болезнь. Мне снилось, что на этом острове есть что-то такое, от чего мне нездоровится.

— Разве такое возможно? Нам слишком мало известно об этих измерениях и существах, в них обитающих. Но никто из них по силе не может сравниться с Агаком или Джагак. Ничего не бойся, сестра. Скоро мы начнем.

— Уже все в порядке. Я проснулась.

Агак был озадачен.

— Ты говоришь как-то странно.

— Сон...— ответило существо, которое вошло в тело Джагак и уничтожило ее.

— Пора начинать,— сказал Агак.— Измерения смещаются, и время пришло. Ты почувствуй. Оно ждет, когда мы возьмем его. Как оно богато энергией! Какой будет наша победа, когда мы вернемся домой!

— Я чувствую,— ответили Четверо, и они действительно это чувствовали. Они чувствовали, как вся их вселенная, измерение за измерением, принялась вращаться вокруг них. Звез-

ды, планеты и луны, измерение за измерением, во всей полноте энергии, которую желали заполучить Агак и Джагак. И в Четверых все еще была жива достаточная часть Джагак, чтобы они почувствовали сильный, хотя и преждевременный голод, который скоро, когда измерения займут нужное положение, будет утолен.

Четверо испытывали искушение присоединиться к Агаку в грядущем пиршестве, хотя они и понимали, что тем самым ограбят собственную вселенную, оставив ее без энергии. Звезды погаснут, миры умрут. Погибнут даже Владыки Закона и Хаоса, потому что являются частью той же самой вселенной. Однако ради овладения этой силой, может быть, и стоит пойти на такое чудовищное преступление... Четверо подавили в себе это желание и подготовились к атаке, прежде чем Агак поймет, что происходит.

— Начнем пир, сестра?

Четверо поняли: корабль очень вовремя доставил их на остров. Еще чуть-чуть, и они опоздали бы.

— Сестра? — В голосе Агака снова послышалось недоумение.— Что?..

Четверо поняли, что пора отсоединиться от Агака. Трубки и провода оторвались от тела Агака и втянулись в тело Джагак.

— Что такое? — Несколько мгновений тело Агака сотрясала дрожь.— Сестра?

Четверо приготовились. Они вобрали в себя воспоминания и инстинкты Джагак, а потому не были уверены, что смогут атаковать Агака в обличье его сестры. Но поскольку колдунья обладала способностью менять свой внешний вид, Четверо стали меняться, громко стеная, испытывая жуткую боль, собирая воедино все материалы своего украденного существа, и вот то, что имело вид здания, теперь превратилось в мясистую бесформенную плоть. Недоумевающий Агак смотрел на сестру.

— Сестра? Ты не больна?..

Здание — существо, которое было Джагак, заметалось, начало плавиться и рассыпаться. Оно мучительно завизжало.

Оно приняло свою форму.

Оно рассмеялось.

Четыре лица хохотали на гигантской голове. Восемь рук взметнулись к небесам в торжествующем жесте. Восемь ног пришли в движение, и над головой взлетел единственный огромный меч.

И существо побежало.

Оно неслось на Агака, а колдун из других миров все еще пребывал в своей неподвижной форме. Меч вращался с угрожающим гудением, и воздух пронзали лучи призрачного золотистого света, отраженные его лезвием. Четверо сравнялись с Агаком в размерах, и в этот миг они были равны ему по силе.

Агак понял, какая ему грозит опасность, и начал вбирать энергию. Неторопливое пиршество с сестрой отменялось. Он должен напитаться энергией этой вселенной, если хочет иметь достаточно сил для самозащиты, получить то, что ему необходимо, для уничтожения этого врага, убийцы его сестры. Агак забирал в себя энергию, уничтожая миры.

Но этого было недостаточно. Агак попытался прибегнуть к хитрости.

— Это центр твоей вселенной. Все ее измерения пересекаются здесь. Приди, ты можешь разделить со мной эту силу. Моя сестра мертва. Я принимаю ее смерть. Теперь ты будешь моим напарником. Имея такую силу, мы покорим вселенную, гораздо более богатую, чем эта.

— Нет! — сказали Четверо, продолжая наступать.

— Что ж, знай тогда, что тебя ждет поражение.

Четверо взмахнули мечом. Меч обрушился на фасеточный глаз в бассейне, являвшемся мозгом Агака. Бассейн этот бурлил, как недавно бурлил бассейн его сестры. Но Агак уже успел набрать силы и мгновенно оправился от удара.

Появились щупальца Агака и замахнулись на Четверых, но Четверо ударили по щупальцам мечом. Агак вобрал в себя еще энергии. Его тело, принятое смертными за здание, начало мерцать алым светом и излучать невыносимый жар.

Меч взревел и взмыл вверх, отчего черный свет смешался с золотым и столкнулся с алым. И все это время Четверо чувствовали, как их собственная вселенная сжимается и умирает.

— Агак, верни то, что ты украл! — сказали Четверо.

Плоскости, углы, кривые, провода и трубы мерцали темно-красным цветом. Раздался вздох Агака. Вселенная застонала.

— Я сильнее тебя,— сказал Агак.— Смотри!

Агак снова начал поглощать энергию.

Четверо понимали, что в эти короткие мгновения внимание Агака отвлечено. Четверо знали также, что они тоже должны подпитываться энергией из вселенной, если хотят победить Агака. И вот меч снова взмыл вверх.

Сперва меч двинулся назад для размаха, рассекая десятки тысяч измерений и впитывая в себя их силу. Затем он начал обратное движение. Меч готовился к удару, и черное сияние исходило от его лезвия. Меч готовился к удару, и Агак почувствовал это. Его тело начало изменяться. Черный клинок стремился туда, где находился огромный глаз колдуна, туда, где находился бассейн-мозг Агака.

Множество щупалец колдуна поднялись в попытке отразить удар, но меч легко разрубил их и ударил по восьмиугольному помещению, которое было глазом Агака, и вонзился в бассейн-мозг Агака, глубоко вошел в вещество, которое было органом восприятия колдуна. Меч впитал в себя энергию колдуна и передал ее своему хозяину — Четверым, которые Одно. И во вселенной раздался крик, и по вселенной прошла дрожь. И вселенная умерла, и в этот миг начал умирать и Агак.

У Четверых не было времени проверить, в самом ли деле мертв Агак. Они отправили меч назад, сквозь измерения, и везде, где проходил меч, энергия возвращалась. Меч вращался еще и еще, распространяя повсюду энергию. Меч, ликуя, пел свою песню победителя.

Сполохи черного и золотистого света уносились прочь, и мир поглощал их.

Одно мгновение вселенная была мертва. Но теперь, когда ей была отдана энергия Агака, она ожила.

Агак тоже был жив, но обессилен. Он тщетно пытался изменить форму. Теперь он частично напоминал здание, которое увидел Элрик, добравшись до центра развалин, но частично он напоминал Четверых, которые Одно: здесь была часть

лица Корума, здесь — нога, здесь фрагмент меча. Словно Агак в конце решил, что Четверых можно победить, лишь приняв их форму, точно так же, как Четверо приняли форму Джагак.

— Мы столько ждали...— вздохнул Агак и умер.

И Четверо вложили свой меч в ножны.

Потом над руинами многих городов разнесся вопль, и по телу Четверых ударил такой сильный ветер, что оно вынуждено было встать на все восемь своих колен и опустить голову. Потом Четверо постепенно приняли форму Джагак, колдуньи, потом они оказались в бассейне с разлагающимся мозгом Джагак, потом поднялись оттуда, на мгновение зависли над бассейном и вытащили из него свой меч. Затем четыре существа разделились, и Элрик, Хоукмун, Эрекозе и Корум встали по четырем углам бассейна, сведя острия мечей в центре.

Вся четверка вложила свои мечи в ножны. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, видя там ужас и трепет. Элрик отвернулся.

В нем не было ни мыслей, ни чувств, связанных с тем, что только что произошло. Он не находил слов. Он стоял, недоуменно глядя на Ашнара Рысь, и спрашивал себя, чему это ухмыляется Ашнар, почему он жует свою бороду и скребет лицо ногтями, а его меч лежит без дела на полу комнаты.

— Теперь у меня опять есть плоть. У меня есть плоть,— повторял Ашнар.

Элрик недоумевал — почему это Хоун Заклинатель Змей лежит, свернувшись клубком, у ног Ашнара и почему Брут, появившийся из коридора, вытянулся на полу, задергался и застонал, словно его потревожили во сне. В помещение вошел Отто Блендкер. Его меч был в ножнах. Глаза его были плотно закрыты, и он дрожал, обхватив себя руками.

Элрик подумал: «Я должен забыть все это, иначе сойду с ума».

Он подошел к Бруту и помог светловолосому воину подняться на ноги.

— Что ты видел?

— Больше, чем я заслужил за свои грехи. Мы оказались в ловушке. В ловушке этого черепа...

Брут заплакал, как маленький ребенок, и Элрик обнял высокорослого воина, погладил по голове, но не смог найти ни слов, ни звуков, чтобы утешить его.

— Нам нужно идти,— сказал Эрекозе. Глаза его помутнели. Он шел, спотыкаясь.

Поддерживая тех, кто не держался на ногах, направляя тех, кто потерял разум, оставив тех, кто погиб, двигались они по мертвым коридорам тела Джагак. Теперь на них не падали твари, которых создавала колдунья, пытаясь очистить свое тело от тех, кого он воспринимала как вторгшуюся в нее болезнь. В коридорах и помещениях теперь стоял холод, и воины были рады, когда, добравшись наконец до выхода, увидели развалины, тени, неизвестно чем образуемые, красное неподвижное солнце.

Отто Блендкер был, кажется, единственным из них, кто ни на миг не утратил здравого рассудка, пока они, без их на то согласия, находились в теле Четверых, которые Одно. Он вытащил факел из-за пояса, достал трут и поджег его. Скоро факел Отто разгорелся, и остальные подожгли от него свои. Элрик подошел к тому месту, где лежали останки Агака, и вздрогнул, узнав в чудовищном обездвиженном лице какие-то свои черты. Казалось, это вещество неспособно гореть — но оно загорелось. За ним занялось и тело Джагак. Огонь медленно поглощал их, и вверх устремились столбы пламени и белоалого дыма, от которого небеса заволокло дымкой, затмившей розовый диск солнца.

Воины смотрели, как горят эти тела.

— Интересно,— сказал Корум,— знал ли капитан, зачем он посылает нас сюда.

— Подозревал ли он, как все будет? — добавил Хоукмун. Его голос был исполнен негодования.

— Только мы — только это существо — могло сразиться с Агаком и Джагак более или менее на равных,— сказал Эрекозе.— Другие средства здесь были бы бесполезны, ни одно другое существо не могло иметь тех свойств, той огромной силы, что была необходима для победы над такими необычными колдунами.

— Пожалуй что так,— сказал Элрик. Больше он не хотел говорить об этом.

— Будем надеяться, что ты забудешь эти события, как забыл — или забудешь — другие.

Элрик смерил его внимательным взглядом.

— Будем надеяться, брат,— сказал он.

В смешке Эрекозе слышалась ирония.

— А кто сможет это вспомнить? — И он тоже больше не сказал ничего.

Ашнар Рысь, который притих, когда занялся огонь, внезапно завопил и бросился прочь. Он подбежал к мерцающей колонне, а потом метнулся в другую сторону и исчез среди развалин и теней.

Отто Блендкер посмотрел на Элрика вопросительным взглядом, но альбинос покачал головой.

— Не имеет смысла преследовать его. Разве мы можем чем-то ему помочь? — Он посмотрел на Хоуна Заклинателя Змей. Этот воин в доспехах цвета морской волны был ему особенно по душе. Элрик пожал плечами.

Они пошли назад, оставив тело Хоуна там, где оно и лежало, и лишь помогая Бруту из Лашмара перебираться через развалины.

Вскоре впереди показался белый туман, и они поняли, что приблизились к морю, хотя корабля и не было видно.

У кромки тумана Хоукмун и Эрекозе остановились.

— Я не вернусь на корабль,— сказал Хоукмун.— Я чувствую, что сполна оплатил проезд. Если Танелорн где и есть, то искать его нужно только здесь.

— И я чувствую то же самое.— Эрекозе согласно кивнул.

Элрик посмотрел на Корума. Корум улыбнулся.

— Я уже нашел Танелорн. Я вернусь на корабль, в надежде, что он доставит меня к более знакомым берегам.

— Я надеюсь на то же самое,— сказал Элрик. Он все еще поддерживал Брута из Лашмара.

Брут прошептал:

— Что это было? Что с нами случилось?

Элрик покрепче сжал плечо воина.

— Ничего,— сказал он.

Когда альбинос повел Брута дальше, в туман, тот отстранился и сделал шаг назад.

— Я останусь,— сказал он и еще дальше отодвинулся от Элрика.— Извини.

Элрик пребывал в недоумении.

— Брут?

— Извини,— повторил Брут.— Я боюсь тебя. Я боюсь этого корабля.

Элрик попытался было вернуть Брута, но почувствовал на своем плече тяжелую серебряную руку Корума.

— Уйдем отсюда, друг.— Он улыбнулся мрачной улыбкой.— Лично я боюсь не корабля, а того, что осталось у нас за спиной.

Они бросили взгляд на развалины. Вдалеке виднелись остатки пожарища, и теперь там прибавились еще две тени — Агака и Джагак, такие, какими воины впервые их увидели.

Элрик вдохнул холодный воздух.

— Я согласен,— сказал он Коруму.

Единственным, кто решил вместе с ними вернуться на корабль, был Отто Блендкер.

— Если это и есть Танелорн, то он совсем не такой, какой мне нужен,— сказал он.

Скоро они уже шли по пояс в воде. Перед ними снова возникли очертания корабля, они увидели капитана, облокотившегося на леер, капитан поднимал руку, словно приветствуя кого-то или что-то на острове.

— Капитан,— окликнул его Корум,— мы возвращаемся на борт.

— Добро пожаловать,— сказал капитан.— Да, добро пожаловать.— Слепое лицо повернулось к ним, когда Элрик протянул руку к веревочной лестнице.— Не хотите ли некоторое время поплавать в тихих местах, в спокойных местах?

— Пожалуй,— сказал Элрик. Он задержался на середине лестницы, потрогал свою голову.— У меня много ран.

Он дотянулся до леера, и холодные руки капитана помогли ему перебраться на палубу.

— Они затянутся, Элрик.

Элрик подошел к мачте. Прислонясь к ней, он смотрел, как команда молча разворачивает паруса. Корабль слегка покачивало.

Отто Блендкер посмотрел на Элрика, потом на капитана, потом отправился в каюту и закрыл за собой дверь, так и не произнеся ни слова.

Парус наполнился ветром, и корабль начал двигаться. Капитан протянул руку и нащупал Элрика. Он взял его под руку и повел в свою каюту.

— Вино,— сказал он.— Оно исцеляет все раны.

У дверей капитанской каюты Элрик остановился.

— А больше никаких свойств у этого вина нет? — спросил он.— Оно не затемняет рассудок? Уж не поэтому ли я принял твое предложение, капитан?

Капитан пожал плечами.

— Что такое рассудок?

Корабль набирал скорость. Белый туман стал гуще, холодный ветер трепал остатки одежды на Элрике, обдувал его доспехи. Он втянул носом воздух — на мгновение ему показалось, что потянуло дымком.

Он приложил ладони к лицу, прикоснулся к своей коже. Лицо его было холодным. Потом, уронив руки, он последовал за капитаном в тепло каюты.

Капитан налил вино из серебряного кувшина в серебряные кубки и сделал Элрику и Коруму приглашающий жест рукой. Они выпили.

Чуть позднее капитан спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я не чувствую ничего,— сказал Элрик.

В ту ночь ему снились только тени, а утром он никак не мог понять, что же ему снилось.

Часть вторая

ПЛАВАНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Глава первая

КОЕ-ЧТО О СУДЬБЕ ДУШ

Его рука с длинными пальцами и кожей цвета кости покоилась на голове демона, вырезанной из черно-коричневого дерева,— подобные украшения были на корабле повсюду. Высокий человек стоял в одиночестве на полубаке корабля и большими миндалевидными глазами темно-красного цвета вглядывался в туман, сквозь который они двигались со скоростью и уверенностью, способными удивить любого смертного моряка.

Вдалеке послышались какие-то звуки, несовместимые со звуками этого безымянного моря, лежащего за пределами времени,— звуки высокие, мучительные и жуткие, и, хотя они так и продолжали звучать вдалеке, корабль двигался на них, словно они притягивали к себе. Звуки становились все громче — в них слышались боль и отчаяние, но преобладал ужас.

Элрик слышал прежде такие звуки — они доносились из помещения, принадлежащего его кузену Йиркуну и иронически называемого им «Камера удовольствий». Было это в те дни, когда Элрик еще не бежал от своих обязанностей управлять тем, что осталось от империи Мелнибонэ. Эти голоса принадлежали людям, чьи не только тела, но и души подвергались мучительной пытке, людям, для которых смерть была не прекращением бытия, а продолжением существования в вечном рабстве у какого-то жестокого хозяина из потустороннего мира.

Ему не нравились эти звуки — он их ненавидел; он повернулся спиной к их источнику и уже собирался спуститься по трапу на основную палубу, но тут заметил, что у него за спиной стоит Отто Блендкер. Теперь, когда Корума унесли друзья на колесницах, способных двигаться по поверхности воды, Блендкер оставался последним из воинов, которые сражались с Элриком против двух колдунов, прибывших из другого мира,— Агака и Джагак.

Черное, иссеченное шрамами лицо Блендкера выражало беспокойство. Бывший книжник, превратившийся в наемника, зажимал уши огромными ладонями.

— Элрик, во имя двенадцати символов разума, кто это там шумит? У меня такое чувство, будто мы приплыли к берегам преисподней.

Принц Элрик Мелнибонийский пожал плечами.

— Я бы предпочел воздержаться от ответа и оставить любопытство неудовлетворенным, мастер Блендкер, если, конечно, наш корабль переменит курс. Но пока мы все время приближаемся к источнику этих звуков.

Блендкер прохрипел в ответ:

— У меня нет никакого желания встречаться с тем, от чего эти бедняги так вопят! Может быть, стоит сказать капитану?

— Ты думаешь, он не знает, куда плывет его корабль? — В улыбке Элрика не было ничего веселого.

Высокий чернокожий человек потрогал свой шрам в виде перевернутой буквы V, перечеркивавший его лоб и скулы.

— Уж не собирается ли он снова отправить нас в бой?

— Больше я не буду сражаться для него.— Ладонь Элрика переместилась с резного демона на рукоять рунного меча.— У меня есть свои дела, которыми мне нужно заняться, когда я вернусь в реальный мир.

Ниоткуда налетел ветер. В тумане внезапно появилась прореха, и Элрик увидел, что корабль плывет по ржавого цвета воде, в которой поблескивали какие-то необычные огоньки вблизи от поверхности. Возникало впечатление, что это какие-

то существа, с трудом передвигающиеся в океанских водах. На мгновение Элрику показалось, что он увидел белое распухшее лицо, чем-то напоминающее его собственное — лицо мелнибонийца. Он инстинктивно подался вперед, наклонился над леером, пытаясь сдержать тошноту, подступившую к горлу.

Впервые с того дня, как Элрик оказался на палубе Темного корабля, он ясно увидел судно во всю его длину. Он видел два больших штурвала: один рядом с ним на носу, другой — на корме. У штурвала, как и всегда, находился рулевой — внешне полный двойник капитана. На огромной мачте висел наполненный ветром черный парус, а слева и справа от мачты находились две каюты, одна из которых теперь была абсолютно пуста — ее обитатели погибли во время их последней высадки, а во второй располагались Элрик и Блендкер.

Элрик снова перевел взгляд на рулевого, и уже не в первый раз альбинос спросил себя — какое влияние оказывает близнец капитана на курс Темного корабля. Рулевой казался неутомимым, он редко, насколько то было известно Элрику, спускался в свою каюту, располагавшуюся на кормовой палубе, тогда как капитанская располагалась на носовой. Раз или два Элрик и Блендкер пытались завязать разговор с рулевым, но он казался глухим в той же степени, в какой был слепым его брат.

В одеяле бледного тумана, все еще цеплявшегося к кораблю (и опять Элрик задался вопросом — уж не создает ли сам корабль этот туман, окружающий его), образовались прорехи, и взгляду открылась загадочная геометрическая резьба, испещрявшая большую часть обшивки корабля от кормы до ростра. Элрик смотрел, как рисунки медленно окрашиваются бледно-розовым цветом — это красная звезда, неизменно следовавшая за ними, пронзила своими лучами нависавшую над кораблем тучу.

До Элрика донесся какой-то шум снизу. Из своей каюты появился капитан, его длинные рыжевато-золотистые волосы развевались на ветру, которого не чувствовал Элрик. Обруч голубого нефрита, которым капитан закреплял волосы, обрел в этом розоватом свете лиловую окраску, а его светлые штаны

и туника отражали этот оттенок. Даже серебряные сандалии с серебряными шнурками отливали розовым.

Элрик снова взглянул на таинственное слепое лицо, в известном смысле столь же чуждое человеческой расе, как и лицо мелнибонийца. Элрику не давал покоя вопрос — откуда взялся этот слепой, который требовал, чтобы его называли не иначе как капитаном.

Словно по призыву капитана, туман снова сгустился вокруг корабля — так женщина набрасывает на плечи меховую накидку. Свет красной звезды потускнел, но крики вдалеке продолжались.

Неужели капитан только сейчас обратил внимание на эти звуки, или он просто разыграл перед Элриком удивление? Его слепая голова наклонилась, он приложил к уху руку. Удовлетворенным тоном он пробормотал: «Ага!» Потом выпрямил голову и произнес:

— Элрик?

— Здесь,— сказал альбинос.— Над тобой.

— Мы почти на месте, Элрик.

Хрупкая на вид рука нащупала перила трапа. Капитан начал подниматься.

Элрик смотрел на него сверху.

— Если это сражение...

Улыбка у капитана была загадочная, горькая.

— Это было сражением... или будет.

— ...то мы в нем не участвуем,— завершил альбинос начатую фразу. Голос его звучал твердо.

— Это сражение не из тех, в которых мой корабль участвует непосредственно,— заверил его слепой.— Те, кого ты слышишь, это побежденные. Они затерялись в некоем будущем, которое ты, как мне думается, проживешь в конце твоего нынешнего воплощения.

Элрик раздраженно махнул рукой.

— Я был бы рад, капитан, если бы мы обходились без подобных пустых мистификаций. Я от них устал.

— Извини, если это оскорбляет твой слух. Но я отвечаю буквально, руководствуясь своими чувствами.

Капитан, пройдя мимо Элрика и Отто Блендкера, встал у леера; в голосе его слышалась извиняющаяся интонация. Некоторое время он молчал, прислушиваясь к жутковатому и непонятному бормотанию, доносившемуся до них из тумана. Потом он, явно удовлетворенный, кивнул.

— Скоро будет земля. Если вы хотите оставить корабль и отправиться на поиски вашего мира, то я бы посоветовал вам сделать это сейчас. Мы подошли как никогда близко к вашему измерению — ближе уже никогда не будем.

Элрик не скрывал гнева. Он выругался, помянув имя Ариоха, и положил руку на плечо капитана.

— Что? Ты не можешь вернуть меня непосредственно в мое измерение?

— Слишком поздно.— Волнение капитана явно не было поддельным.— Корабль продолжает плавание. Мы приближаемся к концу нашего долгого путешествия.

— Но как я найду свой мир? Я не знаю колдовства, которое позволило бы мне перемещаться между измерениями! А помощь демонов здесь недоступна.

— Здесь есть врата в твой мир,— сказал ему капитан.— Поэтому я и предлагаю тебе сойти на берег. Твоя плоскость пересекаются с этой.

— Но ты говоришь, что эта земля находится в моем будущем.

— Не сомневайся — ты попадешь в свое время. Здесь ты находишься вне времени. Вот почему твои воспоминания так слабы. Вот почему ты не помнишь почти ничего из того, что с тобой происходит. Ищи врата — они малинового цвета, и они расположены в море рядом с берегом этого острова.

— Какого острова?

— Того, к которому мы приближаемся.

Элрик помедлил.

— А куда направишься ты, когда я сойду?

— В Танелорн,— сказал капитан.— У меня есть там кое-какие дела. Мы с братом должны завершить нашу судьбу. Мы везем не только людей, но и груз. Многие теперь будут пытаться нас остановить, потому что они боятся этого груза. Мы можем погибнуть, но тем не менее должны сделать все возможное, чтобы попытаться попасть в Танелорн.

— Так значит, то место, где мы сражались с Агаком и Джагак, не было Танелорном?

— То был всего лишь разрушенный сон о Танелорне, Элрик.

Альбинос понял, что больше он ничего не добьется от капитана.

— Ты предлагаешь мне плохой выбор. Отправиться с тобой в опасное путешествие и никогда больше не увидеть моего мира — или рискнуть и высадиться на этом острове, населенном, судя по звукам, которые мы слышим, проклятыми и мучителями проклятых.

Капитан уставился невидящим взглядом в Элрика.

— Да, я знаю,— тихо сказал он.— Но ничего лучше я тебе не могу предложить.

Теперь вопли, мольбы, крики ужаса звучали громче, но их стало меньше. Элрик бросил взгляд вниз, и ему показалось, что он увидел пару рук в латах, поднимающихся из воды. На воде появилась пена, покрытая красными крапинками и вонючая, возникла какая-то желтоватая накипь, в которой плавали навевающие ужас обломки: — поломанные мачты, обрывки парусов, лоскуты флагов и одежды, части оружия и — все в больших и больших количествах — мертвые тела.

— Но где состоялась эта битва? — прошептал Блендкер, которого это зрелище ужасало и влекло.

— Не в этой плоскости,— ответил ему капитан.— Вы видите только обломки, которые приплыли из одного мира в другой.

— Значит, то была битва сверхъестественных сил?

Капитан снова улыбнулся.

— Я не всеведущ. Но я думаю, что здесь и в самом деле были задействованы сверхъестественные силы. Воины половины мира сошлись в морском сражении, решающем судьбу мультивселенной. Это было — или будет — одно из решающих сражений. От него зависит судьба человечества, оно определит удел человека в грядущем цикле.

— И кто в нем участвовал? — спросил Элрик, хотя и решил больше не задавать вопросов капитану.— За что они сражались?

— Я думаю, в свое время ты узнаешь об этом.— Капитан снова повернул лицо к морю.

Блендкер потянул носом воздух.

— Отвратительно!

Элрику тоже все больше не нравился этот запах. То здесь, то там в воде возникали огни. Они высвечивали лица тонущих, некоторые все еще цеплялись за черные обгорелые обломки. Не все лица были человеческими, хотя по виду прежде и принадлежали людям. Существа со свиными рылами, бычьими мордами тянули к Темному кораблю сведенные агонией руки, жалобно хрюкали, умоляя о помощи, но капитан словно не замечал их, а рулевой не менял курса.

Огни разлетались искрами, вода шипела, дым смешивался с туманом. Элрик закрыл нос и рот рукавом и был рад, что дым и туман ухудшают видимость, потому что обломков становилось все больше, а тела напоминали теперь скорее рептилий, чем людей,— из их распоротых, бледных, как у ящериц, животов хлестала жидкость, не похожая на кровь.

— Если это мое будущее,— сказал Элрик капитану,— то я, пожалуй, останусь на борту.

— Ты, как и я, должен исполнить свой долг,— тихо сказал капитан.— Будущее необходимо отработать, так же как прошлое и настоящее.

Элрик покачал головой.

— Я презрел свой долг перед империей, потому что искал свободы,— сказал альбинос.— Поэтому я должен оставаться свободным.

— Нет,— пробормотал капитан.— Свободы нет. Пока еще нет. Для нас. Мы должны пройти через новые испытания, прежде чем начнем прозревать, что же такое свобода. Цена за это знание, вероятно, выше, чем та, что ты готов заплатить на данном этапе твоей жизни. И нередко эта цена — сама жизнь.

— А еще, покинув Мелнибонэ, я искал отдохновения от всей этой метафизики,— сказал Элрик.— Я соберу свои вещи и высажусь на этой земле. Если повезет, может, быстро найду эти Малиновые врата и вернусь к опасностям и мукам, которые хотя бы знакомы мне.

— Другого решения ты и не мог принять.— Голова слепого капитана повернулась к Блендкеру: — А ты, Отто Блендкер? Что будешь делать ты?

— Мир Элрика мне чужой, и мне не нравятся эти крики. Что ты можешь мне обещать, если я останусь на корабле?

— Ничего, кроме достойной смерти.— В голосе капитана слышалось сожаление.

— Смерть — это обещание, с которым мы рождаемся, мой господин. Достойная смерть лучше недостойной. Я останусь с тобой.

— Как хочешь. Я думаю, ты поступаешь разумно.— Капитан вздохнул.— Итак, я прощаюсь с тобой, Элрик из Мелнибонэ. Ты хорошо сражался на моей службе, и я благодарю тебя.

— Сражался за что? — спросил Элрик.

— Можешь называть это человечеством. Можешь называть это судьбой. Называй это мечтой или идеалом — как хочешь.

— Я никогда не получу от тебя ответа яснее?

— Не от меня. Я думаю, ясного ответа просто нет.

— Ты почти не оставляешь надежды,— сказал Элрик и начал спускаться по трапу.

— Есть два вида надежды, Элрик. Как и в случае со свободой, есть надежда, которую легко хранить, но в конечном счете выясняется, что она того не стоит. А есть надежда, которая дается с большим трудом. Согласен — я почти не оставляю первой.

Элрик зашагал к каюте. Он рассмеялся, чувствуя в этот миг искреннюю симпатию к слепому капитану.

— Я думал, что только у меня склонность к подобным двусмысленностям, но в твоем лице я встретил себе ровню, капитан.

Он заметил, что рулевой оставил свое место у штурвала, извлек лодку из шлюпбалки и готовится спустить ее на воду.

— Это для меня?

Рулевой кивнул.

Элрик исчез в каюте. Он сходил с корабля с тем же, что было при нем, когда он поднялся на палубу, вот только его доспехи и одежда пребывали теперь в более плачевном состоянии, а разум — в еще большем смятении.

Он без колебаний собрал свои вещи, набросил на плечи тяжелый плащ, надел рукавицы, застегнул пряжки доспехов и вернулся на палубу. Капитан указывал сквозь туман в направлении темнеющей впереди береговой линии.

— Ты видишь там землю, Элрик?

— Вижу.

— Тогда поторопись.

— Охотно.

Элрик перебрался через леер и оказался в лодке. Лодка несколько раз стукнулась о борт корабля, отчего корпус загудел, словно ударили в огромный похоронный барабан. Других звуков на окутанной туманом воде теперь не было. Исчезли и обломки.

Блендкер отсалютовал ему.

— Удачи тебе, друг.

— И тебе тоже, мастер Блендкер.

Лодка начала спускаться на плоскую поверхность моря, поскрипывали шкивы. Элрик вцепился в канат, который отпустил, когда днище коснулось воды. Он тяжело сел и отвязал канаты. Лодка сразу же отвалила от борта Темного корабля. Элрик достал весла и вставил их в уключины.

Он принялся грести в направлении берега. До него вдруг донесся голос капитана, но слова были приглушены туманом, и Элрик так никогда и не узнал, было ли это предостережение или просто вежливое прощальное пожелание. Ему было все равно. Лодка ровно шла по воде. Туман начал рассеиваться, но при этом слабел и свет.

Внезапно он оказался под сумеречными небесами, на которых после захода солнца стали появляться звезды. Прежде чем он добрался до суши, наступила полная темнота, потому что луны не было. Элрик не без труда причалил к плоскому каменному берегу. Спотыкаясь, альбинос побрел прочь от воды и остановился, лишь когда достиг безопасного места, куда приливные волны не доходили.

И тогда, вздохнув, он лег, собираясь привести в порядок свои мысли, прежде чем двигаться дальше. Но почти сразу же он уснул.

Глава вторая

СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ

Элрику снился сон.

Во сне он видел не только конец своего мира, но и окончание всего цикла в истории мультивселенной. Ему снилось, что он не только Элрик из Мелнибонэ, что он — это еще и другие, и все они призваны защищать какое-то сверхъестественное дело, которое они и описать толком не могли. И ему снилось, что ему снится Темный корабль, Танелорн, Агак и Джагак, а сам он лежит на берегу где-то за границей Пикарайда. И когда он проснулся, на губах у него была ироническая улыбка — он поздравил себя со столь масштабным воображением. Но полностью выкинуть из головы впечатление, произведенное на него этим сном, он не мог.

Берег стал другим — несомненно, с ним, Элриком, за это время что-то произошло. Может быть, его опоили работорговцы, а потом бросили здесь, обнаружив, что он не тот, кто им нужен. Хотя нет, это объяснение не годилось. Если он выяснит, где находится, то, возможно, вспомнит и истинные происшествия.

Светало — в этом можно было не сомневаться. Он сел и оглянулся.

Он спал на темных, омываемых волнами, растрескавшихся известковых плитах. Трещины были такими глубокими, что по многим из них, как по каналам, устремлялись потоки пенящейся соленой воды, отчего утро, довольно тихое во всем остальном, полнилось звуками.

Элрик поднялся на ноги, опираясь на ножны своего рунного меча. Его веки, белые, словно кость, на мгновение прикрыли малиновые глаза — он снова попытался вспомнить события, в результате которых оказался здесь.

Элрик вспомнил свой побег из Пикарайда, охватившую его панику, чувство безнадежности, вспомнил свои сны, и поскольку он явно не был мертв и не находился в плену, то по меньшей мере можно было заключить, что его преследователи в конце концов отказались от погони, потому что если бы они его нашли, то непременно убили бы.

Открыв глаза и оглянувшись, он обратил внимание на странный голубоватый оттенок света — явно какая-то игра солнца за серыми облаками, делавшая ландшафт призрачным и придававшая морю мрачноватый металлический цвет.

Известковые террасы, поднимавшиеся из моря и уходившие вверх, блестели, как отполированный свинец. Поддавшись порыву, он выставил руку на свет и посмотрел на нее. Его обычно бесцветная белая кожа приобрела какой-то синеватый оттенок и слегка светилась. Ему это понравилось, и он улыбнулся, как улыбается в невинном недоумении ребенок.

Он предполагал, что его будет одолевать усталость, но теперь чувствовал себя неожиданно свежо, словно он хорошо выспался после сытного обеда. Решив не подвергать сомнению эту счастливую — и маловероятную — очевидность, он вознамерился подняться на утесы в надежде получить представление, где он находится, а потом уже думать, куда направить стопы.

Хотя известняк и осыпался у него под ногами, восхождение не было трудным, потому что террасы плавно переходили одна в другую.

Он поднимался осторожно и упорно, находя удобные места для ног. Довольно быстро он забрался на значительную высоту, однако до вершины добрался только к полудню. Он оказался на краю широкого каменистого плато, которое резко уходило вверх, приближая линию горизонта. За плато было только небо. То здесь, то там виднелись поросли скудной коричневатой травы, а вот никаких следов человека он не увидел. Только теперь Элрик впервые понял, что здесь нет и никаких форм жизни. В воздухе не было ни одной морской птицы, в траве не ползало ни одного насекомого. Над коричневатой долиной царила полная тишина.

Элрик по-прежнему был на удивление бодр, а потому решил наилучшим образом воспользоваться этой энергией и добраться до края плато в надежде, что оттуда он сможет увидеть какой-нибудь город или деревню. Он шел вперед, не испытывая ни холода, ни жажды, и походка его была до странности энергичной. Однако он ошибся в оценке расстояния, и солнце начало заходить за горизонт задолго до завершения его

пути к краю плато. Небо со всех сторон стало приобретать темновато-синий оттенок, и немногие облака светились синевой. И тут Элрик впервые обратил внимание, что и у солнца здесь необычный цвет, что горит оно темным пурпуром. И снова Элрику пришла в голову мысль: а уж не видит ли он все это во сне.

Начался крутой подъем, и теперь шаги стали даваться ему с большим трудом, но, прежде чем свет погас совсем, Элрик добрался до крутого склона, спускающегося в широкую долину; хотя деревьев долина была лишена, по ней текла река, петлявшая между камней, красновато-коричневых кустов и папоротника.

Немного передохнув, Элрик, хотя уже наступила ночь, решил продолжить свой путь, чтобы добраться до реки, где ему, возможно, удастся напиться, а утром, может быть, поймать рыбу.

И опять луна не взошла, поэтому ему пришлось идти в почти полной темноте. Он шел час или два, иногда спотыкался, наткнувшись на большой камень, но через некоторое время почва выровнялась, и он решил, что наконец-то у него под ногами земля долины.

Его теперь мучила сильная жажда, и он испытывал голод, но все же сказал себе, что лучше дождаться утра и тогда заняться поисками реки. Но внезапно, обогнув особенно крупный камень, он с удивлением увидел огонь костра.

Он подумал, что это может быть группа купцов, торговый караван на пути в какую-нибудь цивилизованную страну. Возможно, они позволят ему присоединиться к ним в обмен на его услуги наемника — он уже не в первый раз, после того как покинул Мелнибонэ, зарабатывал себе на хлеб таким способом.

Но осторожность не оставила Элрика — он тихо приближался к костру, стараясь, чтобы его не заметили. Он остановился в тени нависающей скалы, наблюдая за группой из пятнадцати-шестнадцати человек, которые сидели или лежали рядом с костром, увлекшись игрой в кости и то и дело переворачивая пронумерованные пластинки.

В отблесках пламени сверкали золотые, бронзовые и серебряные монеты — игроки делали крупные ставки, кидали кости, переворачивали пластинки.

Элрик понял, что, если бы не увлеченность игрой, эти люди непременно заметили бы его приближение, потому что они не были купцами. Судя по всему, они были воинами; одетые в поцарапанную кожу и помятые доспехи, они держали оружие под рукой, но явно не принадлежали ни к одной армии — разве что к армии разбойников,— потому что были людьми разных рас и, как это ни странно, словно бы вышли из разных исторических периодов Молодых королевств.

У Элрика возникло впечатление, что они ограбили какого-нибудь человека, собиравшего коллекцию редкостей. Здесь был воин поздней Лормирианской республики, вооруженный боевым топором; республика эта перестала существовать более двухсот лет назад, а воин лежал на боку, упираясь плечом в локоть лучника-чалалита, принадлежащего приблизительно к той же эпохе, что и Элрик. Рядом с чалалитом сидел невысокий илмиорский пехотинец прошлого века. Рядом с ним расположился филкхарец в варварском одеянии, какое носил этот народ на самом раннем этапе своей истории. Здесь были таркешиты, шазаарцы, вилмирцы, и единственное, что их объединяло,— так это злодейская наружность.

В других обстоятельствах Элрик прошел бы мимо, но он был рад видеть хоть какие-то человеческие существа, а потому предпочел не обратить внимания на тревожные несообразности. Однако пока он продолжил наблюдение.

Один из этих людей, вызывавший меньшее отвращение, чем другие, был крупный чернобородый лысый моряк, небрежно носивший кожаную с шелком одежду, принятую в Пурпурных городах. И когда этот человек достал большое золотое мелнибонийское колесо — монету, которая не чеканилась, как большинство монет, а вырезалась мастерами по древнему и сложному рисунку,— любопытство Элрика победило его осмотрительность.

В Мелнибонэ было немного таких монет, а за его пределами, насколько то было известно Элрику,— ни одной, поскольку эти монеты не использовались в торговле с Молодыми королевствами. Они высоко ценились даже среди мелнибонийской знати.

Элрик решил, что лысый мог приобрести эту монету только у другого мелнибонийского путешественника, но Элрик не знал ни одного мелнибонийца, который, как он, питал бы склонность к странствованиям. Отбросив осторожность, он шагнул в освещенный круг.

Если бы мысли его не были заняты мелнибонийским колесом, то его позабавило бы, как при виде незнакомца руки игроков потянулись к оружию. Несколько мгновений — и большинство уже стояли на ногах, держа оружие наготове.

Элрик на миг забыл о золотом колесе. Держась за рукоять меча, другой рукой он сделал успокаивающее движение.

— Прошу простить мое вторжение, господа. Но я всего лишь такой же, как вы воин, утомленный путешествием. Я буду рад присоединиться к вам. Я бы хотел получить у вас кое-какую информацию и приобрести немного еды, если у вас есть лишняя.

У воинов, поднявшихся на ноги, вид стал еще более зловещим. Они усмехались — вежливые манеры Элрика забавляли, но не впечатляли их.

Один из них, морской разбойник в пантангской одежде, в шлеме с пером и с соответствующей разбойничьей наружностью, набычившись, воинственно произнес:

— Нам не нужна ничья компания, белолицый. А мелнибонийские демоны среди нас вообще не в чести. Ты, должно быть, богат.

Элрик вспомнил, с какой враждебностью относятся к мелнибонийцам в Молодых королевствах, а особенно в Пан-Танге, который завидовал силе и мудрости острова Драконов, а в последнее время начал откровенно подражать Мелнибонэ.

Элрик спокойным голосом, хотя и внутренне собравшись, сказал:

— У меня совсем мало денег.

— Мы все равно возьмем их, демон.— Пантангец протянул грязную руку, сунув ладонь прямо к носу Элрика, и зарычал: — Давай сюда деньги и убирайся.

Элрик улыбнулся вежливой, тонкой улыбкой, словно услышал дурную шутку.

Пантангец имел мнение о своей шутке гораздо лучшее, чем Элрик, потому что он рассмеялся от души и бросил взгляд на ближайшего к себе товарища в поисках одобрения.

Грубый, хриплый смех огласил ночь, не смеялся только лысый чернобородый человек. Он даже отступил на шаг или два, тогда как другие приблизились к Элрику.

Пантангец подошел вплотную к Элрику, и альбинос ощущал его грязное дыхание, видел вшей в его волосах, однако не терял головы и отвечал все тем же примирительным тоном

— Дайте мне немного еды, фляжку с водой или вино, если найдется, и я с радостью отдам вам деньги, которые у меня есть.

Снова раздался смех, смолкнувший, когда Элрик продолжил:

— Но если вы попытаетесь отобрать мои деньги силой, то я буду защищаться. У меня хороший меч.

Пантангец попытался подражать ироническому тону Элрика.

— Но ты уже понял, господин демон, что мы превосходим тебя числом. И значительно.

Голос альбиноса звучал тихо.

— Я обратил на это внимание, но меня это не беспокоит...— И он извлек из ножен Черный Меч, не закончив фразы, потому что они навалились на него.

Пантангец умер первым, меч рассек его пополам, перерубив позвоночник, и Буревестник, забрав первую душу, начал тихонько напевать.

Следующим умер чалалит — он прыгнул, выставив вперед метательное копье, и напоролся на острие Буревестника, который забормотал от радости.

Но лишь когда клинок снес с плеч голову филкхарца, бросившегося на Элрика с пикой, началась настоящая песня, меч полностью вернулся к жизни. Черный огонь мерцал по всей его длине, таинственные руны засияли.

Поняв, что имеют дело с колдовством, воины стали осторожнее, но атаку не прекратили, и Элрику, который наносил

и отражал удары, рубил и колол, требовалась вся свежая энергия, которую передавал ему меч.

Копья, мечи, топоры и кинжалы встречали должный отпор, раны получал и Элрик, и его противники, однако число мертвецов еще не превысило числа живых, когда Элрик оказался прижат спиной к скале, вынужденный отражать не менее дюжины клинков, ищущих его смерти.

Альбинос уже было засомневался, что ему удастся одолеть такое множество врагов, но тут лысый воин с топором в одной руке и мечом в другой возник в круге света и атаковал своих товарищей — тех, кто был ближе к нему.

— Благодарю тебя, друг,— смог выкрикнуть Элрик, получив такую неожиданную помощь. Воспрянув духом, альбинос возобновил боевые действия.

Лормирец, предпринявший ложный выпад, был рассечен от бедра до бедра, филкхарец, который должен был умереть четыре столетия назад, упал, кровь хлынула у него изо рта и носа, мертвые тела грудились одно на другое. Буревестник продолжал петь свою зловещую песню, рунный меч передавал энергию своему хозяину, и с каждым убитым Элрик обретал силы для нового удара.

Оставшиеся в живых уже жалели о своей опрометчивости — они кричали, что их нападение было случайным. Если раньше с их губ срывались угрозы и ругательства, то теперь они жалобно молили о милосердии, а те, кто прежде нагло хохотал, теперь плакали, как юные девицы. Но Элрик, которого обуял его прежний боевой пыл, не щадил никого.

Тем временем выходец из Пурпурных городов неплохо работал своими топором и мечом и без помощи колдовства: еще трое из прежних его товарищей были убиты, а он с удовольствием предавался своим трудам, словно уже не первый день развивал в себе вкус к такого рода действу.

— Йо-хо, хорошенькое дельце! — крикнул чернобородый.

И тут бойня подошла к концу — на поле боя не осталось никого, кроме самого Элрика и его нового союзника, который стоял, опираясь на свой боевой топор; чернобородый тяжело дышал и ухмылялся, как гончая, прикончившая добычу. Он вернул на голову свалившуюся во время схватки стальную ер-

молку и, отерев окровавленным рукавом потное лицо, сказал низким добродушным голосом:

— Теперь, значит, мы неожиданно сделались богачами.

Элрик всунул в ножны Буревестник, который все еще не хотел туда возвращаться.

— Тебе нужно их золото? Ты мне поэтому помог?

Чернобородый воин рассмеялся.

— У меня был должок перед ними, и я дожидался удобного момента, когда его можно будет заплатить. Эти негодяи — остатки пиратской команды, которая поубивала всех на борту моего корабля, когда мы оказались в незнакомых водах; они и меня убили бы, если бы я не сказал, что хочу присоединиться к ним. Теперь я отомщен. Не скажу, что меня не привлекает золото, поскольку большая его часть принадлежит мне и моим убитым братьям. Я отдам его их женам и детям, когда вернусь в Пурпурные города.

— А как тебе удалось убедить их не убивать тебя? — Элрик принялся искать что-нибудь съестное и, найдя сыр, стал жевать.

— У них не было ни капитана, ни штурмана. Никто из них не был моряком, они все прибрежные разбойники, обосновавшиеся на этом острове. Их высадили на этом берегу, и они обратились к пиратству как к последнему средству, но в открытое море выходить не рисковали. А потом, после сражения они остались без корабля. Мы смогли затопить его время схватки. Мы доплыли до берега на моем корабле, но провизии на нем почти не оставалось, а в море выходить они опасались. И вот я сказал им, что знаю этот берег (пусть боги возьмут мою душу, если я когда-либо после этого дела увижу его еще раз!), и предложил провести их в деревню в центре острова, которую они смогут ограбить. Они о такой деревне не знали, но поверили мне, когда я сказал, что она расположена в защищенной долине. Таким образом я продлил свою жизнь, а сам только искал случая отомстить им. Я знаю, что шансы на это были призрачны. И все же,— он усмехнулся,— то, как все оно вышло, говорит, что надежды мои были небезосновательны. А?

Чернобородый настороженно посмотрел на Элрика. Он не знал, что ему скажет альбинос, но надеялся на его дружбу, хотя и был наслышан о том, как высокомерны мелнибонийцы. Элрик чувствовал, какие мысли одолевают его нового знакомого, он видел немало людей, производивших в уме такие же расчеты. Поэтому он искренно улыбнулся и похлопал чернобородого по плечу.

— Ты спас и мою жизнь, друг. Нам обоим повезло.

Человек вздохнул с облегчением и закинул топор себе за спину.

— Именно. Повезло — как раз то самое слово. Вот только будет ли нам везти и дальше?

— Тебе совсем незнаком этот остров?

— Ни остров, ни воды. Я понятия не имею, как мы здесь оказались. Но это, без всяких сомнений, заколдованные воды. Ты видел, какого здесь цвета солнце?

— Видел.

— Да,— моряк наклонился, чтобы снять драгоценную цепочку с шеи пантангца,— ты явно более сведущ в колдовстве, чем я. А как ты оказался здесь, господин мелнибониец?

— Не знаю. Я бежал от преследователей. Добрался до берега, откуда дальше бежать было некуда. Потом я долго спал... А проснувшись, я снова оказался на берегу, но уже на берегу этого острова.

— В безопасное место, подальше от врагов, тебя перенесли духи, дружески расположенные к тебе.

— Это возможно,— согласился Элрик,— потому что у нас немало друзей среди элементалей. Меня зовут Элрик, и я по собственной воле покинул Мелнибонэ. Я путешествую, потому что убежден: мне есть чему поучиться у жителей Молодых королевств. У меня нет другой силы, кроме той, что ты видишь...

Прищурясь, чернобородый смерил мелнибонийца оценивающим взглядом, а потом ткнул себя в грудь большим пальцем.

— Я Смиорган Лысый, когда-то морской владыка из Пурпурных городов. У меня был целый торговый флот. Может, и до сих пор есть. Я узнаю об этом, когда вернусь... Если я, конечно, вернусь.

— Давай же объединим наши знания и наши силы, Смиорган Лысый. Составим план, как нам поскорее выбраться с этого острова.

Элрик подошел к тому месту, где пираты играли в кости. Кости, серебряные и бронзовые монеты были теперь втоптаны в окровавленную землю, но он отыскал золотое мелнибонийское колесо. Он подобрал монету и положил себе на раскрытую ладонь. В прежние времена это были деньги королей

— Это твое, друг? — спросил он Смиоргана.

Смиорган Лысый поднял голову — он все еще искал на пантангце украденные вещи — и кивнул.

— Да. Хочешь — возьми ее как свою долю.

Элрик пожал плечами.

— Ты мне лучше скажи, как она к тебе попала. Кто тебе ее дал?

— Она не была украдена. Значит, это мелнибонийская монета?

— Да.

— Я догадался.

— И от кого же ты ее получил?

Смиорган выпрямился, завершив свои поиски. Он почесал царапину на предплечье.

— Этой монетой был оплачен проезд на нашем корабле. А потом мы сбились с курса, и на нас напали разбойники.

— Оплачен проезд? Кем? Мелнибонийцем?

— Может быть,— сказал Смиорган. Казалось, ему не хочется думать об этом.

— Это был воин?

Смиорган улыбнулся в бороду.

— Нет, это была женщина.— Смиорган начал собирать остальные деньги.— Это длинная история, и любой купец может рассказать тебе что-нибудь в таком роде. Мы искали новые рынки для наших товаров и оснастили большой флот, которым командовал я — крупнейший держатель акций.— Он небрежно уселся на крупное тело чалалита и принялся подсчитывать деньги.— Хочешь услышать эту историю или я уже тебе наскучил?

— Я буду рад послушать.

Смиорган вытащил из-за пояса убитого фляжку с вином и предложил Элрику, который принял фляжку и выпил несколько глотков вина, оказавшегося неожиданно хорошим.

Потом Элрик вернул сосуд Смиоргану, который сказал:

— Это часть нашего груза. Мы гордились им. Хороший виноград, правда?

— Отличный. Итак, вы отбыли из Пурпурных городов?

— Да, мы отправились в направлении Неведомого Востока. Мы держали этот курс около двух недель и наконец увидели берег, мрачнее которого я не встречал. А потом в течение следующей недели мы не видели никакой земли. Тогда мы вошли в воды, которым дали название Ревущие скалы. Что-то вроде Зубов Змеи у побережья Шазаара, но только гораздо больше. Огромные вулканические скалы, которые поднимаются из моря отовсюду. Вокруг них волны бурлят и ревут с такой яростью, какой я прежде не видел. Короче говоря, флот рассеялся, и по меньшей мере четыре корабля погибло на этих скалах. Наконец нам удалось выйти из этих вод. Наш корабль оказался в спокойном море — один. Мы принялись искать другие корабли, но безуспешно. И тогда мы решили двигаться прежним курсом еще неделю, а потом повернуть домой, потому что нам никак не хотелось вновь нарваться на Ревущие скалы. Провизия у нас подходила к концу, когда мы опять увидели землю — поросшие травой утесы и гостеприимные берега, а чуть подальше — возделанные земли. Мы поняли, что снова вышли к обитаемым землям. Мы зашли в небольшую гавань, где стояли рыбацкие суда, и убедили местных жителей — а они не говорили ни на одном из языков Молодых королевств,— что не имеем враждебных намерений. И вот тогда-то к нам и вышла женщина.

— Мелнибонийка?

— Больше всего она походила на мелнибонийку. Очень красивая, можешь мне поверить. У нас оставалось мало провизии, я тебе уже говорил, и не было средств, чтобы докупить припасов, а рыбаков не интересовали наши товары. Отказавшись от своих первоначальных целей, мы были готовы повернуть снова на запад.

— А женщина?

— Она просила высадить ее в Молодых королевствах. Ее устраивал Мений — наш родной город, куда мы и направи-

лись. За проезд она расплатилась двумя колесами. На одно мы накупили провизии в городе — кажется, он называется Грагхин — и после небольшого ремонта отплыли оттуда.

— И вы так никогда и не попали в Пурпурные города?

— На море начались шторма — странные шторма. Все наши инструменты вышли из строя, наши компасы перестали работать. Мы заблудились окончательно. Некоторые из моих людей говорили, что мы вообще покинули пределы нашего мира. Кое-кто обвинял в этом женщину, говоря, что она колдунья и вовсе не хочет попасть в Мений. Но я ей верил. Наступила ночь, и нам казалось, что она длится вечность, но наконец мы выплыли в спокойный рассвет под голубым солнцем. Мои люди были близки к панике, а чтобы ввергнуть в панику моих людей, нужно очень сильное средство. И тут мы увидели этот остров. Мы направились к нему, но на нас напали пираты. Они плыли на корабле, который принадлежал другой эпохе. Он давно уже должен был лежать на дне океана, а не плавать по поверхности. Я видел изображения таких судов на стенах храма в Таркеше. Они атаковали нас, сблизившись бортами, но их развалина начала тонуть, когда они еще не успели перебраться к нам на борт. Это были отчаянные дикари — полуголодные, кровожадные. Мы устали за долгое путешествие, но сражались хорошо. Во время схватки женщина исчезла — должно быть, покончила с собой, когда увидела нападающих. После долгой борьбы в живых остался только я и еще один, который вскоре умер. Вот тут-то я и прибег к хитрости, решив дождаться случая и отомстить.

— А как звали эту женщину?

— Она не назвала своего имени. Я потом обдумывал все случившееся и подозреваю, что она все же воспользовалась нами. Может быть, ей вовсе не нужно было в Мений и Молодые королевства. Может быть, ей и нужно было именно в этот мир, и она с помощью колдовства завела нас сюда.

— Этот мир? Ты думаешь, этот мир не наш?

— Да уже по одному странному цвету солнца такое можно предположить. А ты разве так не думаешь? Ты, со своей мелнибонийской осведомленностью в таких вещах.

— Я видел подобное во снах,— признал Элрик, но больше он ничего не сказал.

— Большинство пиратов думали то же, что и я,— они принадлежали к разным векам и происходили из Молодых королевств. Большего я так и не узнал. Некоторые — из начальных лет этой эры, некоторые из нашего времени, а кое-кто из будущего. Большинство из них — искатели приключений, и в какой-то период жизни они отправлялись на поиски легендарной земли, полной огромных богатств,— земли, которая лежит по ту сторону древнего прохода и поднимается из середины океана. Но здесь все они оказались в ловушке, не в состоянии проплыть назад сквозь эти таинственные врата. Другие участвовали в морских сражениях, они считали себя утонувшими, но проснулись на этом острове. Многие когда-то, я думаю, были не лишены добродетелей, но жизнь на острове так скудна, что они превратились в волков, которые живут за счет друг друга или случайного корабля, на свое несчастье проникшего в эти воды сквозь тот же или иной проход.

Элрик вспомнил часть своего сна.

— А никто не называл его Малиновыми вратами?

— Да, некоторые так и говорили.

— И все же эта теория маловероятна, прости уж мне мое недоверие,— сказал Элрик.— Когда-то через врата Теней я попал в Амирон...

— Значит, тебе знакомы иные миры?

— Да, но об этом я никогда не слышал. А я такими вопросами специально интересовался. Поэтому-то я и сомневаюсь в твоей логике. Но все же — мне снился сон...

— Сон?

— Да нет, ерунда. Я к таким снам привык и не придаю им особого значения.

— Но такая теория не может показаться невозможной мелнибонийцу.— Смиорган снова ухмыльнулся.— Уж если кто тут и должен демонстрировать недоверие, то только я.

На это Элрик ответил, и ответ его наполовину предназначался ему самому:

— Возможно, я просто больше боюсь тех трудностей, что с этим связаны.— Он поднял голову и принялся ворошить

костер концом поломанной пики.— Некоторые из моих предков-колдунов полагали, что параллельно нашему миру существует неограниченное число других. И должен сказать, что последние мои сны подтверждают это.— Он заставил себя улыбнуться.— Но я не могу себе позволить верить в такие вещи Поэтому я их отвергаю.

— Давай дождемся рассвета,— сказал Смиорган Лысый.— Может быть, цвет солнца подтвердит эту теорию.

— Может быть, он подтвердит только то, что мы оба спим,— сказал Элрик.

Запах смерти душил его. Альбинос отодвинул подальше ближайшие к огню мертвые тела и устроился на ночь.

Смиорган Лысый запел что-то звучное и веселое на своем языке, который Элрик понимал плохо.

— Ты поешь о победе над врагами? — спросил альбинос.

Смиорган помолчал несколько мгновений, размышляя

— Нет, друг Элрик, я пою, чтобы тени оставались в своих норах. Призраки этих парней, возможно, шныряют где-то поблизости в темноте, ведь с момента их смерти прошло всего ничего.

— Не бойся,— сказал Элрик.— Их души уже выпиты.

Но Смиорган продолжил свою песню, и теперь его голос звучал еще громче, песня стала гораздо эмоциональнее, чем раньше.

Сквозь дрему Элрику послышалось ржание лошади, и он хотел было спросить у Смиоргана, были ли среди пиратов всадники, но не успел — уснул.

Глава третья

НЕКОТОРЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КОЛДОВСТВА

Не помня почти ничего из своего путешествия на Темном корабле, Элрик так никогда и не узнал, как он оказался в том мире, где встретил Смиоргана. В более поздние годы он вспоминал пережитое как сон, и действительно, все это казалось сном даже во время самих событий.

Спал он тревожно, а проснувшись, увидел, что облака стали гуще. Они светились тем самым странным свинцовым светом, хотя солнца и не было видно. Смиорган Лысый из Пурпурных городов уже проснулся. Он указал вверх и победным тоном сказал:

— Ну, этого достаточно, чтобы тебя убедить, Элрик из Мелнибонэ?

— Я убедился в свойствах этого света, а может быть, и этой земли, из-за которых солнце кажется голубым,— ответил Элрик. Он с отвращением посмотрел на лежащие вокруг мертвые тела — это жуткое зрелище наполняло его ощущением какой-то смутной тоски, в которой не было ни раскаяния, ни сожаления.

Смиорган иронически вздохнул.

— Ну что ж, господин скептик, давай-ка вернемся по моим следам к моему кораблю. Что скажешь?

— Согласен,— сказал ему альбинос.

— Ты долго шел от берега до того, как наткнулся на нас? Элрик объяснил.

Смиорган улыбнулся.

— Да, ты прибыл вовремя. Я бы сегодня оказался в незавидном положении, когда мы вышли бы к морю, а я не смог бы предъявить моим друзьям пиратам никакой деревни. Я никогда не забуду то, что ты сделал, Элрик. Я граф из Пурпурных городов, где имею немалое влияние. Если я смогу быть тебе каким-либо образом полезен по возвращении, ты мне только дай знать.

— Благодарю,— мрачно сказал Элрик.— Но сначала мы должны найти способ убраться отсюда.

Смиорган собрал в сумку еду, немного воды и вина. У Элрика не было желания завтракать среди стольких трупов, а потому он закинул сумку себе на плечо.

— Я готов,— сказал он.

Смиорган был удовлетворен.

— Идем, нам в эту сторону.

Элрик пошел за морским владыкой по сухой, ломкой траве. Крутые стены долины нависали над ними, придавая свету особый неприятный зеленоватый оттенок — следствие смеше-

ния коричневатого цвета травы и голубых лучей сверху. Добравшись до узкой, торопливо бежавшей между камней речки, пересечь которую не составляло труда, они передохнули и перекусили. Оба они чувствовали усталость после вчерашнего сражения, оба были рады возможности смыть кровь и грязь со своих тел в речной воде.

Освежившись, Элрик и Смиорган направились дальше. Они принялись подниматься по склонам, почти не разговаривая, чтобы сберечь силы. Был полдень, когда они достигли вершины и окинули взглядом долину, очень похожую на ту, что Элрик пересек раньше. Теперь у Элрика было неплохое представление о географии острова. Он напоминал вершину горы с углублением — долиной — в центре. Альбинос снова остро почувствовал отсутствие здесь какой-либо жизни и обратил на это внимание Смиоргана, который подтвердил: да, и он не видел здесь ничего — ни птиц, ни рыб, ни зверей.

— Это безжизненный маленький мир, друг Элрик. Горе моряку, которого шторм выбросил на этот берег.

Они пошли дальше и наконец увидели море, которое вдали встречалось с горизонтом.

Первым услышал этот звук у них за спиной Элрик — ритмичный стук копыт скачущей галопом лошади, но, оглянувшись, он не увидел ни всадника, ни места, где бы всадник мог спрятаться. Он решил, что от усталости ему это чудится. Возможно, он просто слышал гром.

Смиорган неутомимо шел вперед, хотя и он тоже, вероятно, слышал этот звук.

И снова раздался стук копыт. И снова Элрик обернулся. И снова он ничего не увидел.

— Смиорган, ты слышал коня?

Смиорган шел вперед, не оглядываясь.

— Слышал,— проворчал он.

— А раньше ты его слышал?

— Не раз — с тех пор как здесь оказался. Пираты тоже его слышали, и некоторые решили, что это их возмездие — Ангел Смерти ищет их, чтобы воздать им за все преступления.

— И ты не знаешь источника этого звука?

Смиорган замедлил шаг, остановился. Когда он повернулся к Элрику, на его лице было мрачное выражение.

— Один или два раза я, кажется, краем глаза видел лошадь. Высокую лошадь, белую, в богатой сбруе, но без наездника. Не обращай на нее внимания, Элрик. Лично я так и делаю. У нас есть заботы похлеще этой.

— Ты боишься этой лошади, Смиорган?

Тот не стал отпираться.

— Да, признаюсь. Но ни страхи, ни размышления не помогут нам от нее избавиться. Идем!

Элрик не мог не почувствовать логику этих слов и принял ее, но когда приблизительно через час звук повторился, Элрик ничего не смог с собой поделать и повернул голову. Ему показалось, что он увидел очертания крупного оседланного жеребца — но, возможно, это была всего лишь игра воображения, навеянная словами Смиоргана.

Воздух стал прохладнее, и в нем появился какой-то горьковатый запах. Элрик сказал об этом графу Смиоргану, и тот ответил, что для него это уже не в новинку.

— Этот запах приходит и уходит, но по большей части он присутствует в той или иной степени.

— Похоже на запах серы,— сказал Элрик.

Граф Смиорган рассмеялся, и в его смехе слышалась немалая доля иронии, словно Элрик вспомнил шутку, произнесенную когда-то самим Смиорганом.

— О да. Именно серы!

Стук копыт за их спинами стал громче, и когда они наконец приблизились к берегу, Смиорган тоже обернулся.

И теперь они увидели коня — в этом не было никаких сомнений: без всадника, но под седлом и в сбруе, с темными умными глазами, конь гордо нес свою красивую белую голову.

— И ты все еще считаешь, что тут обошлось без колдовства? — не без торжества спросил граф Смиорган.— Этот конь был невидимым. Теперь мы его видим.— Он передвинул боевой топор у себя за спиной в более удобное положение.— Либо это, либо он легко перемещается из одного мира в другой, а мы слышим главным образом стук копыт.

— Если так,— иронически заметил Элрик, глядя на жеребца,— то он вполне может вернуть нас в наш мир.

— Значит, ты признаешь, что нас забросило в какую-то потустороннюю глухомань?

— Да, это вполне возможно.

— Ты не знаешь никакого колдовства, чтобы поймать этого коня?

— Колдовство дается мне не очень легко, потому что я не питаю к нему никакой любви,— сказал альбинос.

Разговаривая, они шли по направлению к жеребцу, но он не подпускал их ближе. Он храпел и отходил назад, и расстояние между ними не изменялось.

Наконец Элрик сказал:

— Мы теряем время, граф Смиорган. Поторопимся на твой корабль и забудем про голубое солнце и заколдованных коней. Когда мы окажемся на борту, я, без сомнения, вспомню одно-другое заклинание, потому что нам понадобится помощь, если мы хотим вдвоем управиться с большим кораблем.

Они пошли дальше, но конь последовал за ними. Они подошли к кромке утеса и оказались над узкой каменистой бухтой, в которой на якоре стоял потрепанный корабль. У корабля были высокие, изящные обводы, присущие торговым кораблям Пурпурных городов, но палуба его была завалена кусками парусов, обрывками канатов, надорванными тюками ткани, разбитыми кувшинами из-под вина и другим хламом. Фальшборт был пробит в нескольких местах, реи сломаны. Было видно, что шторма и морские сражения здорово потрепали корабль — удивительно, что он еще оставался на плаву.

— Мы должны навести там порядок, а для плавания использовать только главный парус,— размышлял вслух Смиорган.— Надеюсь, мы сможем найти достаточно съестных припасов, чтобы продержаться...

— Смотри! — Элрик указал рукой на корабль, уверенный, что увидел кого-то на корме.— Уж не оставили ли там пираты кого-нибудь из своих?

— Нет.

— А только что ты никого не видел на корабле?

— Мои глаза играют дурные шутки с моей головой,— ответил Смиорган.— Это все из-за этого проклятого голубого света. На борту шныряет пара крыс, больше там никого нет. Именно их ты и видел.

— Возможно,— сказал Элрик и оглянулся. Конь пощипывал коричневатую травку и словно бы не обращал на них внимания.— Ну что ж, давай закончим наше путешествие.

Они спустились по крутой стене утеса и скоро оказались на берегу, а потом пошли по неглубокой воде к кораблю, поднялись по скользким канатам, которые все еще свисали с бортов, и наконец с облегчением поставили ноги на палубу.

— Я уже чувствую себя в относительной безопасности,— сказал Смиорган.— Этот корабль так долго был моим домом!

Он принялся разбирать мусор на палубе и нашел целый кувшин с вином. Раскупорив, он протянул его Элрику. Альбинос поднял тяжелый кувшин и пролил немного доброго вина себе в рот. Когда пить начал граф Смиорган, Элрик опять увидел — теперь у него не было в этом сомнений — движение на кормовой части палубы и тут же направился туда.

Теперь он явственно слышал сдерживаемое быстрое дыхание, как у человека, который предпочитает ограничить свою потребность в воздухе, чем быть обнаруженным. Звуки были едва слышимы, но слух у альбиноса, в отличие от зрения, был очень острый. Готовый в любой момент обнажить меч, он осторожно направился к источнику звука — Смиорган за ним.

Она появилась из своего укрытия, прежде чем он добрался до нее. Волосы ее свисали тяжелыми грязными локонами вокруг бледного лица, плечи были опущены, мягкие руки безвольно висели вдоль бедер, платье было грязное и драное.

Элрик приблизился, и она упала перед ним на колени.

— Возьми мою жизнь,— покорно сказала она,— но, умоляю тебя, не отдавай меня назад Саксифу Д'Аану, хотя ты, верно, его слуга или родственник.

— Это она! — в изумлении воскликнул Смиорган.— Наша пассажирка. Она, наверно, все это время пряталась.

Элрик сделал шаг вперед, приподнял подбородок девушки, чтобы получше разглядеть ее лицо. У нее были мелнибо-

нийские черты, но не без примеси крови Молодых королевств. К тому же ей недоставало мелнибонийской гордости.

— Какое имя ты назвала, девушка? — спросил он мягко.— Ты говоришь о Саксифе Д'Аане? Графе Саксифе Д'Аане Мелнибонийском?

— Да, мой господин.

— Я не его слуга, можешь этого не опасаться,— сказал ей Элрик.— Что же касается родства, то да, я его родственник по материнской линии, а точнее, по линии моей прабабки. Он был одним из моих предков. Его уже не меньше двух столетий нет в живых!

— Нет, мой господин,— сказала она.— Он жив.

— На этом острове?

— Он обитает не на этом острове, но в этом мире. Я надеялась спастись от него через Малиновые врата. Я бежала через них на ялике, добралась до города, где ты нашел меня, граф Смиорган, но, когда я оказалась на борту корабля, он затянул меня назад. Он затянул меня, а вместе со мной и весь корабль. Мне жаль, что так получилось, и я прошу прощения за то, что произошло с твоей командой. Но я знаю, он ищет меня. Я чувствую — он подбирается ко мне все ближе и ближе.

— Он что, невидим? — внезапно спросил Смиорган.— Уж не сидит ли он в седле на белом коне?

Она была в ужасе от услышанного.

— Он и *в самом деле* рядом! Иначе откуда бы на острове взяться коню?

— Так он всадник на этом коне? — спросил Элрик.

— Нет-нет! Он боится белого коня не меньше, чем я боюсь его. Этот конь преследует его!

Элрик вытащил из кошелька мелнибонийское золотое колесо.

— Ты взяла его у графа Саксифа Д'Аана?

— Да.

Альбинос нахмурился.

— Кто он такой, Элрик? — спросил граф Смиорган.— Ты говоришь, что он твой предок, но он живет в этом мире. Что тебе о нем известно?

Элрик взвесил большую золотую монету в руке и только после этого сунул ее назад в мешочек.

— Он был в Мелнибонэ чем-то вроде легенды. Его история — часть нашей литературы. Он был великим колдуном — одним из величайших. И он влюбился. Мелнибонийцы редко влюбляются в общепринятом смысле этого слова, но еще реже питают они подобные чувства к девушке, которая принадлежит к другой расе. Насколько мне известно, она была полукровкой и родилась в стране, которая в то время была владением Мелнибонэ, ее западной провинцией рядом с Дхариджором. Граф приобрел ее в партии рабов, которых он собирался использовать в своих колдовских экспериментах, но потом отделил ее от остальных и тем самым спас от той судьбы, что была уготована другим. Он щедро расточал ей свое внимание, давал ей все. Ради нее он оставил колдовство, бросил шумную жизнь в Имррире и предался спокойной жизни, и я думаю, она испытывала к нему чувство благодарности, хотя вроде бы и не любила. Потом появился другой. Звали его, насколько мне помнится, Каролак, и он тоже был наполовину мелнибонийцем. Он стал наемником в Шазааре и достиг высокого положения при шазаарском дворе. До похищения она была обручена с этим Каролаком...

— Она его любила? — спросил граф Смиорган.

— Она была с ним обручена и должна была стать его женой, однако позволь мне закончить рассказ...— Элрик продолжил: — И вот этот Каролак, который сколотил неплохое состояние и стал в Шазааре вторым человеком после короля, поклялся спасти ее. Он прибыл к берегам Мелнибонэ вместе с отрядом пиратов и с помощью колдовства нашел дворец Саксифа Д'Аана. После этого он нашел девушку — в покоях, которые выделил ей Саксиф Д'Аан. Он сказал, что прибыл, чтобы объявить ее своей невестой, спасти от преследования. Девушка, как это ни странно, воспротивилась. Она, видимо, к тому времени слишком долго уже была рабыней в мелнибонийском гареме и была не в силах изменить свои привычки и вести жизнь принцессы при шазаарском дворе. Каролак только посмеялся, услышав это. Он связал девушку, и ему удалось

вместе с нею покинуть замок. Он привязал ее к седлу и уже собрался скакать к своим людям на берегу, когда его обнаружил Саксиф Д'Аан. Я думаю, что Каролак был убит или заколдован. Что же касается девушки, то Саксиф Д'Аан, будучи уверен, что она собиралась бежать с любовником, приказал в приступе ревности распять ее на Колесе Хаоса. Ее кости медленно дробились, а Саксиф Д'Аан долгие дни сидел и смотрел, как она умирает. Кожу ее отдирали от плоти, а Саксиф Д'Аан наблюдал ее мучения во всех подробностях. Скоро стало понятно, что снадобья и заклинания, поддерживающие в ней жизнь, уже не действуют, и тогда Саксиф Д'Аан приказал снять ее с Колеса Хаоса и положить на кушетку. «Ну вот,— сказал он.— Ты была наказана за то, что предала меня, и я рад этому. Теперь ты можешь умереть». И он увидел, что ее губы, на которых запеклась кровь, шевелятся, и наклонился поближе, чтобы услышать слова.

— Эти слова были слова мести? Проклятие? — спросил Смиорган.

— Последнее ее движение было попыткой обнять его. А слов таких он никогда прежде от нее не слышал, хотя и надеялся, что она когда-нибудь скажет их. Она повторяла снова и снова: «Я тебя люблю. Я тебя люблю. Я тебя люблю»,— пока дыхание не оставило ее. А потом она умерла.

Смиорган почесал бороду.

— О боги! Ну и что потом? Что сделал твой предок?

— Он испытал раскаяние.

— Ясное дело!

— Совсем не такое ясное для мелнибонийца. Мы редко испытываем раскаяние. Чувство вины было так велико, что граф Саксиф Д'Аан покинул Мелнибонэ и никогда туда не вернулся. Считается, что он умер в какой-то далекой стране, пытаясь замолить грехи перед единственным существом, которое он любил. Но оказывается, он искал Малиновые врата, вероятно, полагая, что через них попадет в ад.

— Но почему он преследует меня? — воскликнула девушка.— Ведь я же не она! Меня зовут Васслисс, я дочь купца из Джаркора. Я направлялась к своему дядюшке в Вилмир, но наш корабль потерпел крушение. Лишь немногим удалось

спастись в шлюпке. Меня смыло с палубы, и я уже тонула, когда,— тут дрожь прошла по ее телу,— когда *его* галера нашла меня. Тогда я была ему благодарна...

— И что же случилось? — Элрик откинул спутанные волосы с ее лица и предложил ей вина.

Она с благодарностью выпила.

— Он отвез меня в свой дворец и сказал, что женится на мне, что я навечно буду его императрицей и буду править рядом с ним. Но я перепугалась. В нем живет такая боль... а вместе с ней и жестокость. Я боялась, что он поглотит меня, уничтожит меня. Вскоре после пленения я взяла деньги и лодку и отправилась на поиски врат, о которых он мне говорил...

— И ты сможешь найти эти врата для нас? — спросил Элрик.

— Я думаю, да. Я научилась морскому делу у отца. Но какая от этого будет польза, мой господин? Он снова найдет нас и затянет назад. И я чувствую, он уже где-то тут, совсем рядом.

— Я тоже кое-что понимаю в колдовстве,— успокоил ее Элрик.— И, если понадобится, применю свои знания против Саксифа Д'Аана.— Он повернулся к графу Смиоргану.— Сможем мы быстро поднять парус?

— Сможем.

— Тогда поспешим, граф Смиорган Лысый. Возможно, у меня есть способ провести нас через Малиновые врата и освободить от неприятной необходимости иметь дело с мертвецами.

Глава четвертая

ПОЯВЛЕНИЕ БЕЛОГО КОНЯ

Граф Смиорган и Васслисс смотрели, как бледный Элрик, тяжело дыша, опустился на палубу. Его первая попытка прибегнуть к колдовству в этом мире отняла много сил, но оказалась неудачной.

— Теперь я больше убежден, что мы находимся в другом мире,— сказал он Смиоргану,— иначе мои заклинания дались бы мне легче.

— У тебя ничего не получилось?

Элрик с трудом поднялся на ноги.

— Я попробую еще раз.

Он обратил свое белое лицо к небесам, закрыл глаза, вытянул руки, его тело напряглось, и он снова начал произносить заклинания. Голос его становился все громче и громче, все выше и выше, пока не стал напоминать завывания ветра.

Он забыл, где находится, он забыл, кто он такой, он забыл о тех, кто находился рядом с ним,— весь разум его был сосредоточен на призывании. Он послал свой зов за пределы этого мира, в таинственное царство, где обитают элементали, где до сих пор можно найти могущественных существ воздуха — сильфов бризов и шарнахов, живущих в бурях, и самых могучих из них — х'Хааршанов, созданий ураганов.

И вот наконец некоторые из них стали откликаться на его зов — они были готовы служить ему, связанные древним договором: ведь элементали служили его предкам. И тогда парус корабля начал медленно наполняться ветром, заскрипела мачта. Смиорган поднял якорь, и корабль взял курс прочь от острова, через каменистый вход в бухту, в открытое море, а над ним по-прежнему светило странное голубое солнце.

Скоро вокруг них выросла огромная волна, которая подняла корабль и понесла его по океану, так что граф Смиорган и девушка только удивлялись скорости их продвижения, а Элрик, чьи малиновые глаза были теперь открыты, но ничего не видели и оставались пусты, продолжал взывать к своим невидимым союзникам.

Корабль несся по водной глади, и скоро остров скрылся из виду, а девушка, сверив местоположение корабля с положением солнца, помогла Смиоргану проложить курс.

Как только у него появилась такая возможность, Смиорган подошел к Элрику, который неподвижно стоял на палубе. Смиорган потряс его за плечо.

— Элрик, ты так убьешь себя. Нам больше не нужна помощь твоих друзей!

И тут же ветер стих, волна исчезла, и Элрик, тяжело вздохнув, рухнул на палубу.

— Здесь все труднее,— сказал он.— Здесь все гораздо труднее. Такое чувство, что звать мне приходится через гораздо большие бездны, чем прежде.

И тут Элрик уснул.

Он лежал на теплой койке прохладной каюты. Через иллюминатор проникал рассеянный голубоватый свет. Он потянул носом воздух и почувствовал запах горячей пищи, потом повернул голову и увидел Васслисс с тарелкой бульона в руках.

— Я приготовила это тебе,— сказала она.— Поешь — станет лучше. Насколько я могу судить, мы приближаемся к Малиновым вратам. Море вблизи этого места всегда штормит, так что тебе понадобятся силы.

Элрик вежливо поблагодарил ее и начал есть бульон. Она смотрела на него.

— Ты очень похож на Саксифа Д'Аана,— сказала она.— Но в чем-то ты жестче и в то же время мягче. Он всегда такой холодный. Я понимаю, почему эта девушка не могла ему сказать, что любит его.

Элрик улыбнулся.

— Это всего лишь предание — история, что я рассказал. Твой Саксиф Д'Аан может быть совсем другим человеком. Или самозванцем, который взял его имя. Или колдуном. Некоторые колдуны принимают имена других колдунов, потому что думают — это даст им больше сил.

Сверху раздался крик, но разобрать слов Элрик не смог.

На лице у девушки появилось встревоженное выражение. Ничего не говоря, она поспешила на палубу.

Элрик поднялся на нетвердые ноги и последовал за ней вверх по трапу.

Граф Смиорган стоял у штурвала своего корабля и указывал на горизонт за кормой.

— Что ты об этом думаешь, Элрик?

Элрик посмотрел туда, но ничего не увидел. Зрение нередко подводило его, как сейчас. Но девушка голосом, в котором слышалось отчаяние, сказала:

— Это золотой парус.

— Ты его узнаешь? — спросил ее Элрик.

— Как же не узнать! Это галеон графа Саксифа Д'Аана. Он нас нашел. Может быть, он дожидался где-то на пути нашего следования, зная, что мы пойдем именно здесь.

— Сколько нам еще до этих врат?

— Не знаю.

В этот момент откуда-то снизу раздался ужасный шум, словно что-то со всей силы ударило в корабельное днище.

— Это под передней палубой! — крикнул Смиорган.— Посмотри, что там такое, друг Элрик. Только будь осторожен, приятель!

Элрик откинул крышку одного из люков и уставился в мрачную пустоту трюма. Шум — удары, стуки — продолжался, и, когда его глаза привыкли к мраку, он увидел его источник.

Там, в трюме, был белый конь. Увидев альбиноса, он заржал, словно приветствуя его.

— Как он попал на борт? — спросил Элрик.— Я ничего такого не видел и не слышал.

Лицо девушки стало почти таким же бледным, как у Элрика. Она упала на колени рядом с люком, закрыв лицо руками.

— Мы пропали! Мы пропали!

— У нас есть еще шанс вовремя добраться до Малиновых врат,— попытался успокоить ее Элрик.— А когда мы окажемся в моем мире, я смогу прибегнуть к гораздо более сильному колдовству, чтобы защитить нас.

— Нет,— рыдала девушка.— Слишком поздно. Иначе здесь не было бы белого коня. Он знает, что Саксиф Д'Аан скоро должен догнать нас.

— Прежде чем он заполучит тебя, ему придется обнажить меч,— пообещал ей Элрик.

— Ты не видел его людей — они все головорезы. Такие отчаянные и хищные. Они не знают жалости. Лучше уж тебе сразу отдать меня в руки Саксифа Д'Аана и спасти свою жизнь. А защищать меня бессмысленно. Но я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Какой?

— Найди для меня маленький нож, чтобы я могла убить себя, как только буду знать, что вы в безопасности.

Элрик рассмеялся и поднял ее на ноги.

— Я не допущу этого, дитя мое! Мы вместе. Может, нам удастся заключить сделку с Саксифом Д'Ааном.

— Что ты можешь ему предложить?

— Немногое. Но он об этом не знает.

— Похоже, он умеет читать чужие мысли. Он обладает огромной силой.

— Я — Элрик из Мелнибонэ. Многие знают, что я тоже в известной мере владею искусством колдовства.

— Но ты не такой одержимый, как Саксиф Д'Аан,— просто сказала она.— Им владеет одна идея — сделать меня своей супругой.

— Многие девушки были бы польщены таким предложением — стать императрицей, женой императора Мелнибонэ,— с иронией сказал Элрик.

Васслисс не обратила внимания на его тон.

— Поэтому-то я и боюсь его,— пробормотала она.— Если бы я хоть на минуту утратила свою твердость, я смогла бы его полюбить. Он уничтожит меня. Наверное, *она* это знала!

Глава пятая

ЗНАТНЫЙ МЕЛНИБОНИЕЦ

Сверкающий галеон с позолоченными парусами и корпусом, отчего казалось, что в погоню за ними устремилось само солнце, резво двигался по водной поверхности. Девушка и граф Смиорган смотрели на него в ужасе, а Элрик отчаянно и безуспешно пытался призвать своих союзников среди элементалей.

Золотистый корабль неумолимо надвигался на них в бледно-голубом свете. Его размеры были чудовищны, создаваемое им ощущение мощи — огромно, по мере того как он несся вперед, от его гигантского носа в обе стороны расходились громадные пенистые волны.

С видом человека, приготовившегося к смерти, граф Смиорган Лысый достал свой боевой топор, проверил, как ходит

меч в ножнах, водрузил себе на голову маленькую металлическую шапочку. Девушка не двигалась и не издавала ни звука — она безмолвно плакала.

Элрик встряхнул головой, и его длинные молочно-белые волосы на мгновение ореолом взвились вокруг него. Печальные малиновые глаза императора Мелнибонэ начали сосредоточиваться на окружающем его мире. Он узнал корабль — он был копией мелнибонийских боевых барок. Никаких сомнений — именно на этом корабле граф Саксиф Д'Аан оставил родную землю в поисках Малиновых врат. Теперь Элрик не сомневался, что это тот самый Саксиф Д'Аан; его страх перед графом был куда как меньше, чем у его спутников, а вот любопытство — гораздо больше. Он и в самом деле чуть ли не с ностальгией смотрел на пущенное передней катапультой с золоченого корабля зажигательное ядро — как оно, сверкая, словно комета, зеленоватым светом, летело на них, шипя и рассыпая искры. Он бы ничуть не удивился, увидев в небе над собой огромного дракона, потому что именно с такими золотыми кораблями и драконами Мелнибонэ когда-то покорило мир

Зажигательное ядро упало в воду в нескольких дюймах от их носа — стрелявшие именно туда и целили; это было предупреждение.

— Не останавливайтесь! — крикнула Васслисс.— Лучше уж погибнем в огне! Так будет лучше!

Смиорган смотрел вверх.

— У нас нет выбора. Смотрите. Кажется, он заставил ветер стихнуть.

На море стоял полный штиль. Элрик мрачно улыбнулся Теперь он понимал, что чувствовали жители Молодых королевств, когда его предки использовали против них подобную тактику.

— Элрик? — Смиорган повернулся к альбиносу.— Ведь это мелнибонийцы. И корабль этот, без всяких сомнений, из Мелнибонэ.

— Как и их тактика,— ответил ему Элрик.— Во мне течет королевская кровь. Я мог бы сейчас сидеть на императорском троне, если бы захотел. Есть шанс, хоть и небольшой, что граф

Саксиф Д'Аан, хотя и жил раньше, признает меня, а потому признает мою власть. Ведь мы, обитатели острова Драконов, довольно патриархальны.

Девушка заговорила, облизнув сухие губы. В голосе ее слышалась безнадежность:

— Он признает власть только Владык Хаоса — тех, кто ему помогает.

— Ну, эту власть признают все мелнибонийцы,— шутливо сказал Элрик.

Звуки из трюма становились сильнее — ржание и стук копыт жеребца.

— Мы со всех сторон окружены колдовством! — Обычно румяное лицо графа Смиоргана побледнело.— Неужели ты ничего не можешь противопоставить этому, принц Элрик?

— Кажется, ничего.

Золотой корабль был теперь совсем близко. Элрик увидел, что высоко над ними у бортов сгрудились не имрирские воины, а головорезы вроде тех, с которыми он сражался на острове, и они явно принадлежали к самым разным историческим периодам и народам. Борт золотого корабля царапнул борт корабля Элрика, полетели абордажные крючья, впившиеся в деревянную оснастку торгового судна, и сверху раздались радостные крики — разбойники смеялись над своими жертвами, грозя им оружием.

Девушка бросилась было к другому борту корабля, но Элрик остановил ее, схватив за руку.

— Не надо, умоляю! — крикнула она.— Лучше прыгнем вместе и утонем!

— Ты думаешь, смерть спасет тебя от Саксифа Д'Аана? — спросил Элрик.— Если он и в самом деле обладает такой силой, как ты говоришь, то смерть тем надежнее сделает тебя его рабой!

Девушку пробрала дрожь, а когда она услышала голос, обратившийся к ним с одной из палуб золотого корабля, то издала стон и, потеряв сознание, упала на руки Элрику. Он, ослабевший после заклинаний, едва удержался на ногах, чтобы не упасть вместе с ней на палубу.

Этот голос звучал над грубыми криками и гоготом команды. Голос звучал чисто, ритмично и даже весело. Это был голос мелнибонийца, хотя слова и произносились на общем языке Молодых королевств, являвшем собой испорченный вариант языка Сияющей империи.

— Прошу разрешения капитана подняться на борт.

Граф Смиорган проворчал в ответ:

— Вы нас крепко держите, господин! Не пытайтесь прикрывать акт пиратства вежливыми манерами.

— Насколько я понял, вы мне даете разрешение.— Голос того, кто говорил это, оставаясь невидимым, ничуть не изменился.

Элрик увидел, как участок леера на корабле убрали и с галеона на их палубу спустили трап, обитый золотыми гвоздями, чтобы не скользили ноги.

На вершине трапа появилась высокая худая фигура с тонкими чертами мелнибонийского аристократа. Одетый в просторные одежды из ткани с золотой нитью, в замысловатом шлеме, с золотыми и эбеновыми украшениями на длинных каштановых кудрях, свисающих из-под шлема, он двигался, надменно неся голову. У него были серо-голубые глаза, бледная кожа с едва заметным красноватым оттенком, и, насколько мог судить Элрик, шел он без оружия.

Граф Саксиф Д'Аан начал величественным шагом спускаться по трапу, его головорезы — за ним. Контраст между этим красивым и умным созданием, и теми, кем он командовал, был разительный. Если его осанка была горделива, изящна и благородна, то они шли сутулясь — грязные, опустившиеся, тупые, радующиеся легкой победе. Ни в одном из них не было и следа человеческого достоинства — на каждом не к месту пышные, но потрепанные и грязные наряды, у каждого при себе не меньше трех видов оружия, и на каждом награбленные драгоценности — кольца в носу и в ушах, серьги, браслеты, ожерелья, перстни на руках и ногах, подвески, булавки и все в таком роде.

— О боги! — пробормотал Смиорган.— Мне еще не доводилось видеть столько отбросов сразу, хотя кого я только ни встречал в своих путешествиях. Как это такой человек выносит их компанию?

— Может, это соответствует его чувству юмора,— предположил Элрик.

Граф Саксиф Д'Аан сошел на палубу и обвел взглядом троих, так и оставшихся стоять на юте. Он слегка поклонился. Выражение лица у него было сдержанное, и лишь по глазам читалось, какая в нем бушует буря эмоций, в особенности когда он увидел девушку в объятиях Элрика.

— Я граф Саксиф Д'Аан из Мелнибонэ, а ныне повелитель островов за Малиновыми вратами. У вас находится то, что принадлежит мне. Я желаю забрать это у вас.

— Ты имеешь в виду госпожу Васслисс из Джаркора? — спросил Элрик голосом таким же ровным, как голос графа.

Саксиф Д'Аан, казалось, в первый раз обратил внимание на Элрика. На лбу у него появилась морщинка, но быстро пропала.

— Она моя,— сказал он.— Вы можете быть уверены, что ей не причинят никакого вреда.

Элрик знал, что сильно рискует, но, желая получить преимущество, заговорил на высоком мелнибонийском — языке, на котором говорили между собой те, в ком текла королевская кровь.

— Я знаю твою историю, а потому меня одолевают сомнения, Саксиф Д'Аан.

Человек в золотой одежде чуть напрягся, и в его серо-голубых глазах сверкнуло пламя.

— Кто ты такой, что говоришь на языке королей? Откуда тебе известно мое прошлое?

— Я Элрик, сын Садрика, четыреста двадцать восьмой император народа из Р'лин К'рен А'а,— народа, высадившегося на острове Драконов десять тысяч лет назад. Я Элрик, твой император, граф Саксиф Д'Аан, и я требую, чтобы ты соблюдал верность мне.

Граф Саксиф Д'Аан теперь надежно держал себя в руках. Он ничем не показал, произвели ли на него впечатление слова Элрика.

— Твое правление не простирается за пределы твоего мира, благородный император, хотя я и приветствую тебя как такого же монарха, как и я сам.— Он распростер руки, отчего его длинные рукава зашуршали.— Этот мир мой. Я властвую над всем, что лежит под голубым солнцем. А потому *ты* вторгся на мою территорию. И я имею все права поступать так, как мне нравится.

— Пиратская бравада,— пробормотал граф Смиорган, который не понял ни слова из этого разговора, но по тону кое о чем догадался.— Пиратское хвастовство. Что он говорит, Элрик?

— Он убеждает меня, что он не пират в твоем понимании этого слова, граф Смиорган. Он говорит, что он правитель этого мира. А поскольку других тут явно нет, мы должны принять его притязания.

— О боги! Тогда пусть он и ведет себя как монарх и пропустит нас через свои воды.

— Возможно, он и пропустит, если мы отдадим ему девушку.

Граф Смиорган покачал головой.

— Я этого не сделаю. Она — мой пассажир. Я за нее отвечаю. Я скорее умру, чем отдам ее. Таков кодекс морских владык из Пурпурных городов.

— Вы славитесь своей преданностью этому кодексу,— сказал Элрик.— Что же касается меня, то я взял эту девушку под свою защиту, и как наследственный император Мелнибонэ я не могу позволить запугать себя.

Разговаривали они шепотом, но граф Саксиф Д'Аан услыхал их.

— Должен вам сообщить,— ровным тоном сказал он на обычном языке,— что эта девушка принадлежит мне. Ты похитил ее у меня. Разве так ведут себя императоры?

— Она не рабыня,— сказал Элрик,— она дочь свободного купца из Джаркора. Ты не имеешь на нее никаких прав.

Граф Саксиф Д'Аан ответил на это:

— Значит, я не смогу открыть вам Малиновые врата. Вы останетесь в моем мире навсегда.

— Ты закрыл врата? Разве это возможно?

— Для меня возможно.

— Ты знаешь, что девушка предпочтет смерть твоему плену, граф Саксиф Д'Аан. Тебе доставляет удовольствие вселять в людей такой ужас?

Человек в золоте заглянул в глаза Элрику, словно тот бросил ему какой-то таинственный вызов.

— Дар страдания всегда был любимым даром нашего народа, разве нет? Но я предлагаю ей другой дар. Она называет себя Васслисс из Джаркора, но она не знает себя. Я знаю. Она — Гратьеша, принцесса Фвем-Омейо, и она станет моей невестой.

— Как же это получается, что она не знает собственного имени?

— Она реинкарнация — душа и плоть идентичны. Вот почему мне это известно. И я ждал ее, император Мелнибонэ, много десятков лет. И я не позволю обманом отнять ее у меня.

— Как ты сам отнял ее у себя два века назад в Мелнибонэ?

— Ты многим рискуешь, говоря таким откровенным языком, брат монарх! — В голосе Саксифа Д'Аана зазвучала предостерегающая нотка, куда как более яростная, чем могло показаться по его словам.

— Что ж,— пожал плечами Элрик,— ты сильнее нас. Мое колдовство почти не действует в твоем мире. Твои головорезы превосходят нас числом. Тебе не составит труда забрать ее у нас.

— Вы должны отдать ее мне. И тогда вы сможете без помех вернуться в свой мир и свое время.

Элрик улыбнулся.

— Это твое колдовство. Она никакая не реинкарнация. Ты перенес дух своей утраченной любви из загробного мира в тело этой девушки. Я прав? Поэтому она должна быть отдана добровольно, иначе твои чары ударят по тебе самому... во всяком случае, опасность такая есть. Неужели ты готов рисковать?

Граф Саксиф Д'Аан отвернулся, чтобы Элрик не видел его глаз.

— Она та самая девушка,— сказал он на высоком мелнибонийском.— Я это знаю. Я не желаю ей зла. Я просто верну ей ее воспоминания.

— Тогда положение безвыходно,— сказал Элрик.

— Разве у тебя нет никакого сочувствия к собрату королевской крови? — пробормотал Саксиф Д'Аан, по-прежнему не глядя на Элрика.

— Но ведь ты сам тоже не выказал такого сочувствия, насколько мне помнится, граф Саксиф Д'Аан. Если ты принимаешь меня как императора, то должен принимать и мои решения. Эта девушка находится под моей защитой. Или ты должен будешь взять ее силой.

— Я слишком горд.

— Подобная гордость всегда будет убивать любовь,— почти с состраданием произнес Элрик.— Ну и что теперь, повелитель лимба? Что будешь делать с нами?

Граф Саксиф Д'Аан поднял свою благородную голову, собрался было ответить, но тут из трюма снова раздались ржание и стук копыт. Глаза графа расширились. Он вопросительно посмотрел на Элрика, и что-то похожее на гримасу ужаса исказило его лицо.

— Что это? Что там у тебя в трюме?

— Всего лишь ездовой конь,— ровным голосом сказал Элрик.

— Лошадь? Обычная лошадь?

— Белоголовая. Жеребец под седлом и в сбруе. Без всадника.

Саксиф Д'Аан тут же резким голосом отдал команду своим людям:

— Этих троих взять на борт нашего корабля. А этот затопить немедленно! Быстрее! Быстрее!

Элрик и Смиорган оттолкнули потянувшиеся было к ним руки и сами двинулись к трапу, вдвоем неся девушку.

— Пока мы живы, Элрик. Но что будет потом?

Элрик покачал головой.

— Мы должны надеяться, что сможем и дальше пользоваться гордыней графа Саксифа Д'Аана против него и к нашей выгоде, хотя одни только боги знают, как нам выпутаться из этого положения.

Граф Саксиф Д'Аан спешил по трапу впереди них.

— Скорее! — закричал он.— Поднимайте трап!

Они стояли на палубе золотого боевого барка и смотрели, как поднимают трап и возвращают на место леер.

— Зарядить катапульты,— приказал Саксиф Д'Аан.— Используйте свинец. Немедленно затопите это судно!

Звуки в переднем трюме стали еще слышнее, лошадиное ржание разносилось по кораблю и над водой. Копыта колотили все яростнее, и вдруг конь пробил доски между люками, зацепился передними копытами за палубу и через мгновение уже стоял наверху, бил копытами по дереву — шея вздыблена, из носа валит пар, глаза сверкают, словно конь готов ринуться в схватку.

Граф Саксиф Д'Аан уже не делал попыток скрыть обуявший его ужас. Голос графа срывался на вопли, когда он подгонял своих головорезов, пугая их самыми страшными пытками, если они не будут выполнять его приказания со всей сноровкой, на какую только способны. Катапульты были поставлены на позиции, и огромные свинцовые шары полетели на палубу корабля Смиоргана. Они пробили доски, как стрелы пробивают пергамент, и корабль сразу же начал тонуть.

— Обрезайте абордажные крючья! — закричал Саксиф Д'Аан, выхватывая меч из рук одного из своих людей и перерубая ближайший к нему канат.— Руби концы!

Корабль Смиоргана стонал и ревел, как тонущий зверь, а когда канаты были перерублены, почти сразу же перевернулся вверх килем, и конь исчез из виду.

— Поворачивай,— кричал Саксиф Д'Аан.— Назад в Фхалигарн, и побыстрее, или я скормлю ваши души самым свирепым демонам!

Из пенящихся бурунов послышалось высокое ржание, и корабль Смиоргана скрылся под водой. Элрик увидел белого жеребца — тот плыл мощно и уверенно.

— Вниз! — приказал граф Саксиф Д'Аан, указывая на трап.— Этот конь может учуять девушку, и тогда уйти от него будет в два раза труднее.

— Почему ты его так боишься? — спросил Элрик.— Ведь это всего лишь конь. Он ничем не может тебе повредить.

Саксиф Д'Аан с горечью рассмеялся.

— Ты так считаешь, мой собрат монарх? Ты так считаешь?

Они несли девушку вниз, и Элрик хмурил лоб, пытаясь вспомнить подробности легенды о Саксифе Д'Аане, о девушке, так жестоко им наказанной, и о ее любовнике — принце Каролаке. Последние услышанные им слова графа Саксифа Д'Аана были:

— Ставьте больше парусов! Больше!

Потом люк за ними закрыли, и они оказались в кают-компании, обставленной с мелнибонийской роскошью. Здесь были богатые обои на стенах, много драгоценного металла, украшения необыкновенно изящного и, по мнению графа Смиоргана, упаднического стиля. Первым внимание на запах обратил Элрик — как только опустил на диван девушку.

— Хм, это же запах склепа — сырой, плесневелый. Но никакого гниения тут нет. Удивительно, не правда ли, друг Смиорган?

— Я его почти не заметил, Элрик.— Смиорган говорил упавшим голосом.— Но в одном я с тобой не могу не согласиться. Сильно я сомневаюсь, что мы выйдем из этой переделки живыми.

Глава шестая

«У МЕНЯ ЕСТЬ КЛЮЧ ОТ МАЛИНОВЫХ ВРАТ...»

Прошел час с того момента, когда их вынудили подняться на борт. Дверь за ними заперли, а Саксиф Д'Аан был слишком занят,— спасался от белого коня,— и пленников не беспокоил. Элрик сквозь прутья решетки на иллюминаторе видел место, где затонул их корабль. Они уже удалились от этого места на много лиг, но Элрику все же казалось, что время от времени он видит плечи и голову жеребца над волнами.

Васслисс пришла в себя и теперь сидела, бледная и дрожащая, на диване.

— Что тебе известно об этом коне? — спросил у нее Элрик.— Вспомни, что тебе известно об этом жеребце, мне это важно.

Она покачала головой.

— Саксиф Д'Аан почти ничего о нем не говорил, но я думаю, всадника он боится больше, чем коня.

— Ага! — Элрик наморщил лоб.— Я это подозревал! А всадника ты никогда не видела?

— Никогда. Я думаю, и Саксиф Д'Аан его никогда не видел. Я думаю, он считает, что если всадник когда-нибудь сядет на этого коня, то ему, Саксифу Д'Аану, конец.

Элрик улыбнулся про себя.

— Почему ты все время спрашиваешь об этом коне? — пожелал узнать Смиорган.

Элрик покачал головой.

— Я чувствую — в этом что-то есть, только и всего. И еще мне вспоминается нечто смутно знакомое. Но я буду молчать и как можно меньше думать об этом, потому что, как говорит Васслисс, Саксиф Д'Аан умеет читать мысли.

Они услышали шаги наверху — кто-то спускался к ним.

Загремела задвижка, и Саксиф Д'Аан — его уверенность полностью вернулась к нему — показался в дверях, руки у него были скрыты рукавами.

— Я надеюсь, вы простите то насилие, в результате которого вы оказались здесь. Существовала опасность, которую нужно было предотвратить любой ценой. Поэтому мои манеры и были неподобающими.

— Опасность для нас,— спросил Элрик,— или для тебя, граф Саксиф Д'Аан?

— В данных обстоятельствах, поверьте мне, для всех нас.

— А кто всадник? — напрямую спросил Смиорган.— И почему ты боишься его?

Граф Саксиф Д'Аан снова вполне владел собой, а потому по его реакции невозможно было понять, с какими чувствами он воспринял этот вопрос.

— Это мое личное дело,— тихо сказал он.— Не хотите пообедать со мной?

Девушка издала какой-то горловой звук, и граф Саксиф Д'Аан тут же обратил на нее пылающий взор.

— Гратьеша, тебе нужно помыться и привести себя в порядок. Я прикажу, чтобы тебе подали все необходимое.

— Я не Гратьеша,— сказала она.— Я Васслисс, дочь купца.

— Ты еще вспомнишь,— сказал он.— Придет время, и вспомнишь.— В его голосе была такая уверенность, такая убежденность, что даже Элрик преисполнился душевного трепета.— Тебе принесут все, что надо, и ты можешь пользоваться этой каютой как своей собственной, пока мы не вернемся в мой дворец в Фхалигарне. Прошу вас, господа...— Он сделал жест, приглашая их выйти из каюты.

Элрик сказал:

— Я ее не оставлю, Саксиф Д'Аан. Она слишком боится тебя.

— Она боится только правды, брат.

— Она боится тебя и твоего безумия.

Саксиф Д'Аан безразлично пожал плечами.

— Тогда я выйду первым. Если вы не возражаете, прошу вас за мной...— Он пошел прочь, они зашагали за ним.

Элрик, повернувшись, бросил через плечо:

— Васслисс, ты можешь не сомневаться в моей защите.— Он закрыл за собой дверь каюты.

Граф Саксиф Д'Аан стоял на палубе, подставив благородное лицо брызгам, поднимаемым кораблем, который несся по морю со сверхъестественной скоростью.

— Ты назвал меня безумным, принц Элрик? Но ты и сам, должно быть, искушен в колдовстве.

— Конечно, во мне течет королевская кровь. В моем мире я считаюсь осведомленным в этих вопросах.

— А здесь? Как действует твое колдовство здесь?

— Должен признать, что плохо. Расстояния между плоскостями здесь, кажется, довольно велики.

— Именно. Но я соединил их мостами. У меня было время узнать, как их соединить.

— Этим ты хочешь сказать, что сильнее меня?

— Это факт, разве нет?

— Факт. Но я не предполагал участвовать в колдовских поединках, граф Саксиф Д'Аан.

— Конечно. Но если ты хочешь обойти меня в колдовстве, я бы советовал тебе сначала хорошенько подумать.

— С моей стороны было бы глупо вообще рассматривать такую возможность. Это могло бы стоить мне души. Или, по меньшей мере, жизни.

— Верно. Я смотрю, ты реалист.

— Считаю себя таким.

— Тогда мы можем перейти к более простой теме и обсудить, как нам уладить наши разногласия.

— Ты предлагаешь дуэль? — Элрик был удивлен.

Граф Саксиф Д'Аан рассмеялся от всего сердца.

— Конечно же, нет — не сражаться же против твоего меча. Он обладает силой во всех мирах, хотя ее величина и меняется.

— Я рад, что ты знаешь об этом,— со значением сказал Элрик.

— И кроме того,— добавил граф Саксиф Д'Аан, подходя к лееру; его золотые одежды зашуршали,— ты не можешь меня убить, потому что только я знаю, как покинуть этот мир.

— Возможно, мы пожелаем остаться,— сказал Элрик.

— Тогда вы станете моими подданными. Но вам здесь не понравится. Я тут в добровольной ссылке. Теперь я не мог бы вернуться в свой мир, даже если бы и захотел. Но я намереваюсь основать здесь, под голубым солнцем, династию. Мне нужна жена, принц Элрик. Мне нужна Гратьеша.

— Ее зовут Васслисс,— упрямо сказал Элрик.

— Это она так считает.

— Значит, так оно и есть. Я поклялся защищать ее. И граф Смиорган тоже. И мы будем ее защищать до последнего. Тебе придется убить нас.

— Вот именно,— сказал граф Саксиф Д'Аан с видом человека, который долго подталкивал нерадивого ученика к правильному ответу.— Именно так. Мне придется вас убить. Ты мне почти не оставляешь другого выбора, принц Элрик.

— И что тебе это даст?

— Даст кое-что. Несколько часов некий могущественный демон будет у меня на службе.

— Мы будем сопротивляться.

— У меня хватает людей, и я ничуть не ценю их жизни. Они просто задавят вас числом. Разве нет?

Элрик не ответил.

— Я использую колдовство, чтобы помочь моим людям,— добавил Саксиф Д'Аан.— Кое-кто из них умрет. Но я думаю, что таких будет немного.

Элрик смотрел в море мимо Саксифа Д'Аана. Он был уверен, что конь следует за ними. Он был уверен, что и Саксиф Д'Аан знает об этом.

— А если мы отдадим тебе девушку?

— Тогда я открою вам Малиновые врата. Вы будете моими почетными гостями. Я обеспечу ваш безопасный проход, даже доставлю на какую-нибудь гостеприимную землю вашего мира, потому что даже по прохождении врат вам будет грозить опасность. Шторма.

Элрик словно бы обдумывал услышанное.

— У тебя на принятие решения осталось очень мало времени, принц Элрик. Я надеялся, что это случится до того, как мы доберемся до моего дворца, Фхалигарна. Долго думать я тебе не позволю. Принимай решение. Ты знаешь, что я говорю правду.

— Ведь тебе известно, что кое-какое колдовство в вашем мире мне все же доступно?

— Ты призвал на помощь несколько дружественных тебе элементалей, да, я знаю об этом. Но какой ценой? Неужели ты хочешь бросить вызов мне напрямую?

— Это было бы неразумно с моей стороны.

Смиорган дергал его за рукав.

— Прекрати этот бесполезный разговор. Он знает, что мы дали девушке слово, а потому *должны* с ним сражаться.

Граф Саксиф Д'Аан вздохнул. В его голосе слышалось искреннее сожаление.

— Ну что ж, если вы твердо решили расстаться с жизнью...— начал он.

— Мне хотелось бы знать, почему ты так спешишь с тем, чтобы я принял решение? — спросил Элрик.— Почему мы не можем дождаться, когда прибудем во Фхалигарн?

По выражению лица графа Саксифа Д'Аана было видно — он что-то прикидывает. Он снова заглянул в малиновые глаза Элрика.

— Я думаю, тебе это известно,— едва слышно сказал он.

Элрик, однако, покачал головой.

— Я думаю, ты переоцениваешь мои способности.

— Может быть.

Элрик знал, что Саксиф Д'Аан пытается прочесть его мысли, а потому он намеренно выкинул все из головы, и ему казалось, что в поведении колдуна теперь сквозит разочарование.

И тут альбинос набросился на своего родственника и ухватил его рукой за горло. Граф был абсолютно не готов к такому повороту событий. Он собрался было позвать на помощь, но голосовые связки ему отказали. Еще один удар, и он без сознания свалился на палубу.

— Быстро, Смиорган,— крикнул Элрик и принялся резво карабкаться по мачте к верхней рее.

Изумленный Смиорган последовал за ним, а Элрик, добравшись до «вороньего гнезда», вытащил меч и снизу сквозь решетку вонзил его в пах впередсмотрящему, который даже не понял, что с ним произошло.

Затем Элрик принялся рубить канаты, удерживающие основной парус на рее. Несколько головорезов из команды Саксифа Д'Аана уже карабкались по мачте следом за ними.

Тяжелый золотой парус упал на пиратов и нескольких из них увлек за собой на палубу.

Элрик забрался в «воронье гнездо» и перекинул убитого через перильца следом за его товарищами. Потом он двумя руками поднял меч над головой, его глаза снова стали пусты, голова поднята к голубому солнцу.

Смиоргана, цеплявшегося за мачту чуть ниже, пробрала дрожь, когда он услышал эти странные звуки, вырывавшиеся из горла альбиноса.

На мачту карабкались новые головорезы, и Смиорган, перерубив канаты трапа, с удовлетворением увидел, как с полдюжины пиратов свалились вниз и разбились о палубу или исчезли в волнах океана.

Граф Саксиф Д'Аан начал приходить в себя, но он все еще был оглушен.

— Глупец! — выкрикнул он.— Глупец! — Однако понять, к кому обращает он эти слова — то ли к Элрику, то ли к себе самому, было невозможно.

Голос Элрика, распевавшего заклинание, превратился в ритмичное завывание, от которого кровь стыла в жилах. Силы убитого им пирата перетекли в Элрика и теперь его поддерживали. Малиновые глаза императора, казалось, теперь мерцали каким-то иным огнем — другого, безымянного цвета, и все тело его содрогалось по мере того, как необычные руны исходили из горла, явно не предназначенного для произнесения подобных звуков.

Заклинание продолжалось, и голос Элрика перешел в вибрирующий стон. Смиорган, видя, как новые пираты стараются вскарабкаться по главной мачте, почувствовал, как смертельный холодок охватывает его.

Граф Саксиф Д'Аан прокричал снизу:

— Ты не осмелишься!

Колдун начал делать пассы в воздухе, с его губ тоже стали срываться заклинания, и у Смиоргана вырвался вздох ужаса, когда в пространстве чуть ниже него вдруг образовалось какое-то существо, состоящее из клубов дыма. Существо чмокнуло губами, ухмыльнулось и протянуло к Смиоргану свою лапу, которая тут же обрела плоть. Смиорган рубанул по лапе мечом.

— Элрик! — прокричал он, забрался чуть выше и ухватился за перила «вороньего гнезда».— Элрик! Он натравил на нас демонов!

Но Элрик не слышал голоса Смиоргана. Его разум пребывал теперь в другом мире, еще более темном и мрачном, чем этот. Сквозь серые туманы увидел он фигуру, выкрикнул имя.

«Приди! — взывал он на древнем языке своих предков.— Приди!»

Граф Смиорган сыпал проклятиями, видя, как демон становится все более материальным. Клацали красные клыки, сверкали зеленые глаза. В сапог Смиоргана вцепилась когтистая лапа, и как он ни размахивал мечом, демон словно бы не замечал ударов.

Места для Смиоргана в «вороньем гнезде» не было. Он стоял на внешней кромке и кричал от ужаса — ему была отчаянно необходима помощь. Но Элрик продолжал свои заклинания.

— Элрик, мне конец!

Лапа демона вцепилась Смиоргану в колено.

— Элрик!

Из моря прогремел гром, на мгновение появилась молния и тут же исчезла. Из ниоткуда раздался стук лошадиных копыт и торжествующий человеческий голос.

Когда Элрик, держась за перильца, открыл глаза, он увидел, как Смиоргана кто-то медленно стаскивает вниз. Собрав все силы, Элрик перегнулся через перила и нанес удар Буревестником. Рунный меч попал точно в правый глаз демона. Тот зарычал и, отпустив Смиоргана, принялся колотить по клинку, который вытягивал из него энергию. Энергия переходила в клинок, а из него в Элрика, и на лице альбиноса появилась такая жуткая ухмылка, что несколько мгновений Смиорган больше опасался своего друга, чем демона. Демон начал дематериализовываться — это был единственный для него способ спастись от Буревестника, который пил его жизненные силы. А наверх, звеня мечами, карабкались уже новые головорезы.

Элрик перепрыгнул через перила и, опасно балансируя на рее, принялся рубить нападавших, воодушевляя себя старым мелнибонийским боевым кличем. Смиорган ничем не мог ему помочь и только наблюдал. Он увидел, что Саксифа Д'Аана нет на палубе, и крикнул альбиносу:

— Элрик! Саксиф Д'Аан отправился за девушкой.

Элрик вовсю сражался с пиратами, а те старались, как могли, избежать ударов стонущего рунного меча. Некоторые даже предпочитали прыгать в воду, чтобы не встретиться с ним. Элрик и Смиорган, быстро прыгая с реи на рею, спустились на палубу.

— Чего он так боится? Почему он не прибегает к более сильному колдовству? — переводя дыхание, спросил граф Смиорган, когда они бросились к каюте.

— Я вызвал всадника,— сказал ему Элрик.— У меня почти не было времени, и я ничего не мог тебе рассказать, потому

что Саксиф Д'Аан узнал бы о моих замыслах если не по моим, то по твоим мыслям!

Двери каюты были надежно заперты изнутри. Элрик попытался прорубить их Черным Мечом, но они обладали прочностью, несвойственной дереву.

— Он их запечатал с помощью колдовства, и мне их не открыть,— сказал альбинос.

— Он убьет ее?

— Не знаю. Он может попытаться перенести ее в какое-нибудь другое измерение. Мы должны...

В это мгновение по палубе застучали копыта, и за их спинами встал на дыбы белый жеребец, только теперь на нем был всадник, одетый в ярко-пурпурные и желтые доспехи. С его молодого, хотя и покрытого давними шрамами лица, окаймленного неприкрытыми густыми светлыми кудрями, смотрели темно-синие глаза.

Он натянул поводья, успокаивая коня, и внимательно посмотрел на Элрика.

— Так это ты открыл мне путь, мелнибониец?

— Я.

— Тогда я благодарю тебя, хотя мне нечем тебе отплатить.

— Ты мне уже отплатил,— сказал Элрик и дал знак Смиоргану отойти в сторону.

Всадник пригнулся к шее коня и пришпорил его, направив прямо на дверь; они прошли через дверь, как если бы та была из старой, прогнившей ткани.

Из каюты донесся жуткий крик, и, путаясь в своем золотом одеянии, оттуда выскочил граф Саксиф Д'Аан. Он вырвал из руки ближайшего мертвеца меч, бросив на Элрика взгляд, исполненный не столько ненависти, сколько изумленного отчаяния, и повернулся к всаднику.

Всадник тем временем уже спешился и выходил из каюты, одной рукой обнимая дрожащую девушку, другой — держа под уздцы коня. Печальным голосом он сказал:

— Ты причинил мне столько зла, граф Саксиф Д'Аан, но неизмеримо больше — Гратьеше. Теперь ты должен заплатить за все это.

Саксиф Д'Аан помедлил и глубоко вздохнул. Глаза его смотрели без испуга, достоинство вернулось к нему.

— Должен ли я заплатить сполна?

— Да.

— Я это заслужил,— сказал Саксиф Д'Аан.— Много лет удавалось мне уходить от судьбы, но от тяжести своего преступления мне было не уйти. Но любила она меня, а не тебя. И ты это знаешь.

— Я думаю, она любила нас обоих. Но тебе она отдала любовь вместе со своею душой. Я бы не пожелал взять такого ни у одной женщины.

— Тогда ты был обречен на поражение.

— Ты так никогда и не узнал, как сильно она тебя любила.

— Только... только потом...

— Мне жаль тебя, граф Саксиф Д'Аан.— Молодой человек передал уздечку девушке и вытащил свой меч.— Странные мы соперники, не правда ли?

— Ты все эти годы находился в лимбе, куда я изгнал тебя... в том саду в Мелнибонэ?

— Да, все эти годы. Только мой конь мог следовать за тобой. Конь моего отца Тендрика — тоже мелнибонийца и тоже волшебника.

— Если бы я знал, я бы убил тебя, а коня отправил в лимб.

— Ревность затмила твой разум, граф Саксиф Д'Аан. Но теперь мы будем сражаться так, как должны были сразиться тогда — сталью, один на один, за руку той, которая любит нас обоих. Это больше, чем ты заслуживаешь.

— Гораздо больше,— согласился колдун и сделал выпад, направив острие своего меча на молодого человека, который, как догадался Смиорган, не мог быть никем иным, как самим принцем Каролаком.

Исход этой схватки был предопределен. Если Каролаку это было неизвестно, то Саксиф Д'Аан знал это. Саксиф Д'Аан владел мечом не хуже любого знатного мелнибонийца, но не мог сравниться в боевом искусстве с профессиональным воином, который день за днем сражался за свою жизнь.

Двигаясь по палубе под взглядами недоумевающих головорезов, соперники сошлись в дуэли, которая должна была со-

стояться на две сотни лет раньше. Девушка, которую оба они считали реинкарнацией Гратьеши, наблюдала за их схваткой с такой же тревогой, с какой могла бы наблюдать ее исходная ипостась за встречей Саксифа Д'Аана и принца Каролака в саду перед дворцом графа много лет назад.

Саксиф Д'Аан сражался хорошо, а Каролак — благородно, потому что ни разу не предпочел воспользоваться явным своим преимуществом. Наконец Саксиф Д'Аан отбросил в сторону свой меч и закричал:

— Хватит! Я признаю твое право мести, принц Каролак Я позволю тебе забрать девушку. Но я не принимаю твоего милосердия — гордость моя останется при мне.

И тогда Каролак кивнул, сделал шаг вперед и поразил Саксифа Д'Аана в самое сердце.

Клинок вошел глубоко и должен был бы убить Саксифа Д'Аана, но этого не случилось. Граф пополз по палубе к основанию мачты и прислонился к ней спиной. Из его раны хлестала кровь, а он улыбался.

— Кажется,— слабым голосом произнес он,— я не могу умереть — так долго я поддерживал в себе жизненные силы с помощью колдовства. Я перестал быть человеком.

Эта мысль, похоже, не обрадовала его, но принц Каролак, подойдя к сопернику, наклонился и успокоил его.

— Ты умрешь,— пообещал он.— Скоро.

— А что ты сделаешь с ней — с Гратьешей?

— Ее зовут Васслисс,— упрямо сказал граф Смиорган.— Она дочь купца из Джаркора.

— Она должна решить это сама,— сказал Каролак, не обратив внимания на слова Смиоргана.

Граф Саксиф Д'Аан обратил взгляд на Элрика.

— Я должен поблагодарить тебя,— сказал он.— Ты доставил сюда того, кто принес мне успокоение, хотя я и боялся этого поединка.

— Наверно, поэтому твое колдовство против меня не имело большой силы? — спросил Элрик.— Ты в глубине души хотел, чтобы Каролак пришел и снял груз вины с твоих плеч?

— Может быть, Элрик. В некоторых вопросах ты, кажется, мудрее меня.

— А как насчет Малиновых врат? — проворчал Смиорган.— Их можно отпереть? У тебя есть еще силы на это, граф Саксиф Д'Аан?

— Пожалуй.— Из складок своего окровавленного золотого одеяния колдун извлек большой кристалл, светившийся темным рубиновым цветом.— Он не только приведет вас к вратам, но и позволит пройти сквозь них. Только должен вас предупредить...— Саксиф Д'Аан закашлялся.— Этот корабль, как и мое тело, держался на колдовстве... и потому...— Голова его упала на грудь. Он с огромным усилием поднял ее и уставился мимо них на девушку, которая все еще держала под уздцы белого жеребца.— Прощай, Гратьеша, принцесса Фвем-Омейо Я любил тебя.— Его глаза остановились на ней, хотя смотрели уже мертвым взглядом.

Каролак повернулся и посмотрел на девушку.

— Как ты себя чувствуешь, Гратьеша?

— Меня зовут Васслисс,— сказала она. Она улыбнулась, глядя на его молодое, иссеченное шрамами лицо.— Так меня называют, принц Каролак.

— Ты знаешь меня?

— Теперь знаю.

— Ты пойдешь со мной, Гратьеша? Будешь моей невестой в тех необычных землях за гранью мира, что я открыл?

— Пойду,— сказала она.

Он помог ей сесть в седло белого жеребца, а сам запрыгнул сзади нее. Он поклонился Элрику.

— Еще раз благодарю тебя, господин колдун, хотя я и не думал, что мне когда-нибудь будет помогать тот, в чьих жилах течет кровь королей Мелнибонэ.

Элрик посмотрел на него с шутливым выражением на лице.

— В Мелнибонэ мне часто говорят, что эта кровь загрязнена,— сказал он.

— Может быть, она загрязнена милосердием?

— Может быть

Принц Каролак отсалютовал им.

— Надеюсь, принц Элрик, ты обретешь покой, как обрел его я.

— Боюсь, мой покой будет больше похож на тот, что обрел Саксиф Д'Аан,— мрачно ответил Элрик.— Как бы там ни было, но я благодарю тебя за добрые слова, принц Каролак.

И тогда Каролак, рассмеявшись, направил коня на леер, перепрыгнул через него и исчез из виду.

На корабле воцарилась тишина. Оставшиеся в живых головорезы неуверенно поглядывали друг на друга. Элрик обратился к ним:

— Знайте: у меня есть ключ от Малиновых врат и только я знаю, как им воспользоваться. Помогите мне добраться туда, и мы вместе выберемся из этого мира! Что скажете?

— Приказывай, капитан,— сказал беззубый пират и весело гоготнул.— Это лучшее предложение, что мы получали за сотню, а может, и больше лет!

Глава седьмая

ПРОХОД В ПРОШЛОЕ

Первым Малиновые врата увидел Смиорган. Он держал в руке огромный драгоценный камень и указывал вперед.

— Вот они! Вот они, Элрик! Саксиф Д'Аан нас не обманул!

Море внезапно вздыбилось огромными волнами, а поскольку главный парус лежал на палубе, управляться с кораблем команде было нелегко. Однако возможность покинуть мир голубого солнца придавала им сил, и они работали с удвоенной энергией. Золотой боевой корабль медленно, но неуклонно приближался к двум малиновым столбам, возвышающимся над поверхностью моря.

Столбы поднимались над серой ревущей водой, придавая особый оттенок гребням волн. Казалось, в них было мало что материального, однако они стояли крепко и выдерживали напор воды, бушующей вокруг них.

— Будем надеяться, что расстояние между ними больше, чем кажется,— сказал Элрик.— Через них и в спокойную-то погоду пройти непросто, что уж тут говорить о таком волнении.

— Пожалуй, встану-ка я за штурвал,— сказал граф Смиорган, передавая Элрику камень. Он пошел по кренящейся палубе и забрался в рулевую рубку, отпустив стоявшего там испуганного пирата.

Элрику ничего другого не оставалось, кроме как наблюдать за Смиорганом, который демонстрировал свое искусство мореплавателя, ведя среди волн огромный корабль, то взмывавший на гребень, то падавший вниз так, что у Элрика душа уходила в пятки. Вокруг них грозно дыбились водные утесы, но корабль успевал оседлать новую волну, прежде вода могла со всей силой обрушиться на его палубу. Элрик скоро промок до нитки, и, хотя здравый смысл говорил, что лучше бы ему спуститься вниз, он цеплялся за леер и смотрел, как Смиорган с поразительной уверенностью ведет корабль к Малиновым вратам.

Внезапно палубу затопило малиновым светом, и Элрика на некоторое время ослепило. Отовсюду полилась вода, раздался ужасный скрежет, потом треск ломающихся о столбы весел. Корабль задрожал и начал разворачиваться бортом к ветру, но Смиорган вернул его на прежний курс. И вдруг свет слегка изменился, хотя море и осталось бурным,— и Элрик понял, что над его головой за тяжелыми облаками снова светит желтое солнце.

Теперь треск и скрежет донеслись откуда-то из чрева боевого корабля. Запах гниения, замеченный Элриком еще раньше, сделался почти невыносимым.

Смиорган спешно вернулся к Элрику, передав штурвал пирату. Его лицо снова было бледным.

— Корабль разрушается, Элрик,— выкрикнул он, стараясь перекричать рев ветра и волн. На мгновение Смиорган потерял равновесие, когда огромная волна налетела на корабль и вырвала несколько досок из палубы.— Он разваливается на части!

— Саксиф Д'Аан пытался предупредить нас об этом! — прокричал в ответ Элрик.— Его жизнь и жизнь этого корабля — обе держались на колдовстве. Это судно было уже старым, когда Саксиф Д'Аан привел его в другой мир, и пока оно находилось там, колдовство держало корабль на плаву, но в этом измерении колдовство потеряло силу. Смотри! — И он, оторвав

кусок леера, показал, как сгнившее дерево крошится в его пальцах.— Мы должны найти какую-нибудь целую часть.

В этот момент с мачты свалилась рея, ударилась о палубу и покатилась к ним.

Элрик пополз по накренившейся палубе, ухватил этот брус и попробовал его твердость.

— Хорошее дерево. Привяжись к нему ремнем или любым, что найдешь!

Ветер выл в разваливающемся такелаже, волны били в борта, пробивая огромные дыры ниже ватерлинии.

Пиратский экипаж корабля пребывал в состоянии полной паники, некоторые пытались спустить на воду маленькие шлюпки, но те разваливались прямо в воздухе, другие члены команды лежали лицом вниз на палубе и молились своим богам

Элрик как можно крепче привязался к отломанной рее, и Смиорган последовал его примеру. Следующая волна, ударившая по кораблю, подняла их, повлекла за собой, перебросила через остатки леера прямо в холодные ревущие воды страшного моря.

Элрик, не проронив ни слова, размышлял над иронией судьбы. Он сумел избежать страшных опасностей, но теперь ему грозила банальная смерть в морской пучине.

Вскоре он потерял сознание и оказался во власти бурлящих, но в то же время, как ему казалось, дружественных вод океана.

Он пришел в себя оттого, что почувствовал прикосновение чьих-то рук. Он попробовал сбросить с себя эти руки, но оказался слишком слаб. Он услышал чей-то смех — грубоватый и добродушный.

Вода перестала реветь и дыбиться вокруг него. Ветер больше не выл. Но Элрик чувствовал какое-то легкое движение. Он услышал удары волн о дерево борта. Он находился на другом корабле.

Элрик открыл глаза и заморгал от теплого желтого света солнца. Над ним стояли и усмехались краснощекие вилмирские моряки.

— Ты счастливый человек, если только ты и в самом деле человек,— сказал один из них.

— А мой друг? — Элрик поискал глазами Смиоргана.

— Он был не так плох, как ты. Сейчас он в каюте герцога Авана.

— Герцог Аван? — Элрик знал это имя, но в нынешнем своем состоянии не мог вспомнить откуда.— Вы нас спасли?

— Да, мы нашли вас обоих в воде, вы были привязаны к отломанной рее. На ней были вырезаны самые странные знаки, какие мне доводилось видеть. Наверно, это был мелнибонийский корабль, а?

— Да, но только очень старый.

Они помогли ему подняться на ноги. Элрика раздели и завернули в шерстяное одеяло. Солнце уже подсушило его волосы. Элрик был очень слаб. Он спросил:

— Где мой меч?

— У герцога Авана, в каюте.

— Скажите герцогу, чтобы он был с ним поосторожнее.

— Уж он-то знает.

— Сюда,— сказал другой.— Герцог ждет тебя.

Часть третья

ПЛАВАНИЕ В ПРОШЛОЕ

Глава первая

ЧТО ТЕРЯЕТ НАРОД

Элрик сидел в удобном мягком кресле. Он принял кубок с вином из рук хозяина. Пока Смиорган заканчивал свою порцию поданной им горячей еды, Элрик и герцог Аван оценивающе поглядывали друг на друга.

Судя по плотному красивому лицу, герцогу Авану было лет около сорока. На нем был позолоченный серебряный нагрудник, поверх доспехов герцог набросил белый плащ Его бриджи, заправленные в высокие, до колена, сапоги, были из оленьей кожи кремового цвета. На маленьком столике возле локтя герцога покоился его шлем, украшенный красными перьями

— Для меня большая честь принимать такого гостя,— сказал герцог Аван.— Я знаю, что ты Элрик из Мелнибонэ. Я ищу тебя вот уже несколько месяцев, с того самого дня, как узнал, что ты оставил свой остров — и власть — и пустился в странствия по Молодым королевствам инкогнито.

— Ты неплохо осведомлен.

— Я тоже выбрал судьбу скитальца. Я почти догнал тебя в Пикарайде, но там, насколько я понимаю, у тебя случились какие-то неприятности. Ты быстро оставил эту страну, и там я потерял твои следы. Я уже собирался оставить поиски, как

мне ни нужна была твоя помощь, но тут неожиданное везение. Я нашел тебя в воде! — Герцог Аван рассмеялся.

— У тебя передо мной преимущество,— сказал, улыбаясь, Элрик.— Твой рассказ рождает много вопросов.

— Это — Аван Астран из Старого Гролмара,— пробурчал граф Смиорган, обгладывая огромный свиной окорок.— Он хорошо известен как искатель приключений, а вернее, исследователь, торговец. У него репутация — лучше не бывает. Мы можем ему доверять, Элрик.

— Теперь я вспомнил твое имя,— сказал Элрик герцогу.— Но зачем ты искал моей помощи?

Запах еды со стола оказал наконец на Элрика свое действие, и он поднялся.

— Ты не возражаешь, если я поем, пока ты будешь рассказывать, герцог Аван?

— Угощайся, принц Элрик, для меня большая честь принимать тебя.

— Ты спас мне жизнь, герцог. И мне никогда не спасали ее так учтиво.

Аван Астран улыбнулся.

— У меня еще никогда не было удовольствия выловить такую учтивую — скажем так — рыбу. Если бы я был суеверен, принц Элрик, то я бы решил, что нас свела какая-то непреодолимая сила.

— Я предпочитаю смотреть на это как на простое совпадение,— сказал альбинос, начиная есть.— А теперь расскажи, чем я могу быть тебе полезен.

— Я не хочу ни к чему принуждать тебя только потому, что мне повезло стать твоим спасителем,— сказал герцог Аван Астран.— Прошу тебя помнить об этом

— Непременно.

Герцог Аван погладил перья на своем шлеме.

— Я много где побывал, как справедливо заметил граф Смиорган. Я бывал у вас в Мелнибонэ и даже отважился проникнуть восточнее — в Элвер и на Неведомый Восток. Я был в Миирне, где живут крылатые люди. Я добрался до Края Света, и, надеюсь, когда-нибудь мне удастся за него заглянуть. Но я никогда не пересекал Кипящее море и знаю только неболь-

шой участок побережья западного континента — у этого континента нет имени. Ты там был, Элрик, во время своих странствий?

Альбинос покачал головой:

— Меня интересуют иные культуры, иные цивилизации — поэтому-то я и отправился в странствия. До сего дня меня туда ничто не влекло. На том континенте обитают только дикари, разве не так?

— Так считается.

— У тебя есть другие сведения?

— Ну, ты ведь знаешь — существуют некоторые свидетельства,— осторожно сказал герцог Аван,— что твои предки пришли именно оттуда, с того континента.

— Свидетельства? — Элрик напустил на лицо отсутствующее выражение.— Всего-навсего какие-то старые легенды.

— Одна из этих легенд рассказывает о городе, который старше Имррира. О городе, который до сих пор существует в непроходимых джунглях на западе.

Элрик вспомнил свой разговор с графом Саксифом Д'Ааном и улыбнулся про себя.

— Ты имеешь в виду Р'лин К'рен А'а?

— Да. Странное название.— Герцог Аван Астран наклонился вперед, и глаза его засветились любопытством.— Ты произносишь его более напевно, чем я. Ты говоришь на тайном наречии, высоком наречии, языке королей...

— Конечно.

— Вам запрещено преподавать его кому бы то ни было, кроме собственных детей, правда?

— Ты, кажется, неплохо осведомлен о мелнибонийских обычаях, герцог Аван,— сказал Элрик, опустив веки так, что они почти закрыли его глаза. Он откинулся на спинку стула, с удовольствием кусая ломоть свежего хлеба.— Тебе известно, что означают эти слова?

— Мне говорили, что на древнем языке Мелнибонэ они значат «Там, где встречаются Высшие»,— сказал ему герцог Аван Астран.

Элрик наклонил голову.

— Верно. Но на самом деле это всего лишь маленький городок. Там приблизительно раз в год встречались местные вожди и устанавливали цену на зерно.

— Ты веришь в это, принц Элрик?

Элрик внимательно изучал содержимое своего блюда. Он отведал телятины в густой душистой подливке.

— Нет,— сказал он.

— Значит, ты веришь, что существовала еще более древняя цивилизация, чем твоя, из которой родилась ваша культура? Ты веришь, что Р'лин К'рен А'а все еще находится где-то там — в джунглях запада?

Элрик проглотил кусок телятины, потом покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Я верю, что его вообще нет.

— Разве твои предки совсем тебя не интересуют?

— А что, должны интересовать?

— Говорят, что они сильно отличались от тех, кто основал Мелнибонэ. Были мягче...— Герцог Аван Астран заглянул в глаза Элрику.

Элрик рассмеялся.

— Ты умный человек, герцог Аван из Старого Гролмара. Ты проницательный человек. И воистину ты хитрый человек!

Герцог Аван усмехнулся, выслушав этот комплимент.

— А ты знаешь об этих легендах гораздо больше, чем признаешь, если я не ошибаюсь.

— Возможно.— Элрик вздохнул. Пища подкрепила его.— Мы, мелнибонийцы, известны как скрытный народ.

— И тем не менее,— сказал герцог Аван,— ты представляешься мне нетипичным мелнибонийцем. Кто другой оставил бы свою империю, чтобы скитаться в тех краях, где твой народ ненавидят?

— Император правит лучше, герцог Аван Астран, если он имеет представление о мире, в котором правит.

— Мелнибонэ больше не правит в Молодых королевствах.

— Мощь Мелнибонэ все еще велика. Но я имел в виду не это. Я придерживаюсь мнения, что в Молодых королевствах есть нечто, утраченное в Мелнибонэ.

— Жизненные силы?

— Возможно.

— Человечность! — проворчал граф Смиорган Лысый.— Вот что утратил твой народ, принц Элрик. Я не имею в виду тебя, но возьми графа Саксифа Д'Аана. Как такой мудрец мог оказаться таким простаком? Он потерял все — гордость, любовь, власть, а все потому, что ему недоставало человечности. А то человеческое, что в нем было, стало причиной его гибели.

— Кое-кто говорит, что это же погубит и меня,— сказал Элрик.— Но может быть, именно человечности я ищу, чтобы вернуть ее в Мелнибонэ, граф Смиорган

— Тогда ты погубишь свое королевство! — откровенно сказал Смиорган.— Уже слишком поздно спасать Мелнибонэ

— Может быть, я в силах помочь тебе в твоих поисках, принц Элрик,— тихо сказал герцог Аван Астран.— Возможно, еще есть время спасти Мелнибонэ, если ты чувствуешь, что существование такого могущественного народа находится под угрозой.

— Эта угроза внутри,— сказал Элрик.— Но что-то я слишком уж откровенен.

— Да, мелнибонийцы обычно более скрытны.

— А как ты узнал об этом городе? — спросил Элрик.— Ни один другой человек, с кем мне доводилось встречаться в Молодых королевствах, не знал о Р'лин К'рен А'а.

— Этот город помечен на имеющейся у меня карте.

Элрик неторопливо пережевал кусок мяса и проглотил его.

— Это явно поддельная карта.

— Может быть. А больше ты ничего не помнишь из легенд о Р'лин К'рен А'а?

— Есть одна история о Существе, Обреченном Жить.— Элрик отодвинул блюдо с едой и налил себе вина.— Говорят, что этот город получил свое название, потому что там как-то раз встретились Владыки Высших Миров, чтобы установить правила Войны. Их подслушал один из жителей, который не бежал с другими, а остался в городе, когда появились Владыки. Обнаружив его, они приговорили его к вечной жизни и обрекли на вечное знание страшной истины...

— Я тоже слышал эту историю. Но меня интересуют жители Р'лин К'рен А'а, которые так никогда и не вернулись в свой город. Они направились на север, а потом переплыли море. Иные добрались до острова, который мы сегодня называем Чародейским островом. Другие поплыли дальше, их унес сильный шторм — и они оказались на острове, населенном драконами. Их яд сжигал все, на что попадал. Этот остров и есть Мелнибонэ.

— И ты хочешь узнать, насколько истинна эта история. У тебя к этому научный интерес?

Герцог Аван рассмеялся.

— В некотором роде. Но мой главный интерес к Р'лин К'рен А'а носит более приземленный характер. Твои предки, покинув город, оставили в нем драгоценное сокровище — статую Ариоха, Владыки Хаоса: огромное изваяние, вырезанное из нефрита, глаза которого сделаны из двух драгоценных камней, какие больше нигде на земле не встречаются. Это камни с другого уровня бытия, они могут раскрыть все тайны Высших Миров, тайны прошлого и будущего, тайны бессчетного множества измерений вселенной...

— У всех культур есть подобные легенды. Это всего лишь потребность выдавать желаемое за действительное, герцог Аван, только и всего...

— Но мелнибонийская культура не похожа на другие. Ты прекрасно знаешь, что мелнибонийцы по большому счету не принадлежат к роду человеческому. Они обладают могуществом, какого нет у других, их знания превосходят знания других народов...

— Когда-то так оно и было,— сказал Элрик.— Но я не обладаю ни могуществом, ни знаниями. Разве что в малой мере.

— Я искал тебя в Бакшаане, а потом в Джадмаре не для того, чтобы ты подтвердил то, что я слышал. Я пересек море, добираясь до Филкхара, а потом до Аргимилиара и, наконец, Пикарайда, не потому что думал — вот, мол, встречу тебя, и ты тут же засвидетельствуешь: так все оно и есть. Я отправился в эти поиски, потому что считаю тебя единственным человеком, согласившимся бы сопровождать меня в путешествии,

которое подтвердит или опровергнет эти легенды раз и навсегда.

Элрик наклонил голову и отхлебнул из кубка вина.

— А сам ты не можешь это сделать? Зачем тебе моя компания в такой экспедиции? Из того, что я о тебе знаю, герцог Аван — ты не из тех, кому нужна чья-то помощь в подобных предприятиях...

Герцог Аван рассмеялся.

— Я в одиночестве добрался до Элвера, когда мои люди бросили меня в Плачущей пустоши. Не в моих привычках поддаваться страху. Но мне удавалось выжить в путешествиях только потому, что перед тем, как отправиться в дорогу, я проявлял известную предусмотрительность и принимал меры предосторожности. В этом же случае мне, возможно, придется столкнуться с опасностями, которых я не могу предвосхитить. Может быть, с колдовством. Поэтому я и подумал: мне нужен попутчик, который имеет опыт противостояния колдовству. А поскольку у меня не было никакого желания заводить отношения с обычными магами, например со всяким отребьем из Пан-Танга, то ты и оказался моим единственным выбором. Ты, принц Элрик, ищешь, как и я, знания. Можно даже сказать, что, если бы не твоя тяга к знаниям, твой кузен никогда не попытался бы завладеть Рубиновым троном Мелнибонэ...

— Хватит об этом,— горько сказал Элрик.— Поговорим об экспедиции. Где твоя карта?

— Ты будешь меня сопровождать?

— Покажи карту.

Герцог Аван вытащил свиток из сумки.

— Вот она.

— Где ты ее нашел?

— В Мелнибонэ.

— Ты был там недавно? — Элрик почувствовал, как в нем нарастает гнев.

Герцог Аван поднял руку.

— Я прибыл туда с торговцами и отдал немало денег за одну шкатулочку, которая была запечатана чуть ли не целую вечность. В шкатулочке обнаружилась эта карта.

Он расстелил свиток на столе.

Элрик узнал стиль и письмо — древнее высокое наречие Мелнибонэ. Это была карта части западного континента — той части, которую он не видел ни на одной другой карте. Здесь была изображена огромная река, уходящая вглубь континента на сотни миль. Река, кажется, протекала по джунглям, а потом разделялась на две, через некоторое время соединявшиеся. На этом «острове» стоял черный кружок. Против кружка все тем же письмом древних мелнибонийцев было начертано название — Р'лин К'рен А'а. Элрик тщательно осмотрел свиток. Он не был похож на подделку.

— Это все, что ты нашел? — спросил Элрик.

— Свиток был запечатан, а на печати было вот это,— сказал герцог Аван, протягивая руку мелнибонийцу.

На ладони Элрика оказался крохотный рубин такого насыщенного цвета, что поначалу Элрик счел его сплошь черным, но, повернув к свету, увидел изображение в центре и узнал его. Он нахмурился, потом сказал:

— Я соглашусь на твое предложение, герцог Аван. Ты позволишь мне взять это?

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Но мне бы хотелось выяснить. Он мне что-то напоминает...

— Хорошо, бери его. А я буду хранить карту.

— Когда ты собираешься отправиться в путь?

Герцог Аван иронически улыбнулся.

— Мы уже и так направляемся вдоль южного побережья к Кипящему морю.

— Из этих вод мало кто возвращался,— горько пробормотал Элрик.

Он поднял глаза и увидел, что Смиорган смотрит на него умоляющим взглядом — не надо, мол, участвовать в авантюре герцога Авана. Элрик улыбнулся своему другу.

— Это приключение по моему вкусу.

Смиорган с жалким видом пожал плечами.

— Кажется, мое возвращение в Пурпурные города откладывается.

Глава вторая

НЕЕСТЕСТВЕННАЯ ЖАРА

Побережье Лормира исчезло в теплом тумане, и шхуна герцога Авана Астрана взяла курс на запад, к Кипящему морю.

Вилмирский экипаж был непривычен ни к такому климату, ни к такой напряженной работе, и потому они, как показалось Элрику, исполняли свои обязанности с весьма несчастным видом.

Стоя рядом с Элриком на юте корабля, граф Смиорган Лысый утирал пот с лысины и ворчал:

— Вилмирцы ленивые ребята, принц Элрик. Герцогу Авану для такого путешествия нужны настоящие моряки. Будь у меня такая возможность, я бы набрал ему команду...

Элрик улыбнулся.

— Никому из нас не оставили никаких возможностей, граф Смиорган. Нас поставили перед свершившимся фактом. Он умный человек — герцог Астран.

— Я такой ум не очень уважаю — он ведь не предложил нам никакого выбора. Старая пословица говорит, что свободный человек — всегда лучший попутчик, чем раб.

— Почему же ты тогда не сошел на берег — ведь у тебя была такая возможность?

— Из-за обещанного сокровища,— откровенно признался чернобородый.— Я должен вернуться в Пурпурные города с честью. Не забывай, что я потерял флот, которым командовал...

Элрик понял графа.

— Мои мотивы просты,— сказал Смиорган.— Твои — куда как сложнее. Ты, кажется, так и ищешь опасностей, как другие ищут женской любви или выпивки. Словно в опасности ты обретаешь забвение.

— Разве такое не справедливо по отношению ко многим профессиональным воинам?

— Ты не просто профессиональный воин, Элрик. Ты знаешь об этом не хуже меня.

— И тем не менее немногие из опасностей, с которыми я сталкивался, помогали мне обрести забвение,— заметил альбинос.— Я бы сказал, что они еще сильнее напоминали мне, кто я такой, напоминали о том, какой выбор передо мной стоит.— Элрик тяжело и печально вздохнул.— Я иду туда, где существуют опасности, потому что мне кажется — только там я смогу получить ответ. Хоть какое-то объяснение всех этих парадоксов и этой трагедии. Притом я уверен, что ответа так и не получу.

— Так ты поэтому решил отправиться в Р'лин К'рен А'а? Ты надеешься, что твои далекие предки знали ответ, который ты ищешь?

— Р'лин К'рен А'а — миф. Даже если карта окажется подлинной, что мы там найдем, кроме руин? Имррир простоял десять тысяч лет, но его построили целых два века спустя после того, как мои предки высадились на острове. Время давно сровняло Р'лин К'рен А'а с землей.

— А эта статуя? Этот нефритовый образ, о котором говорил Аван?

— Если такая статуя и существовала, ее за прошедшие сотни веков давно уже украли.

— А Существо, Обреченное Жить?

— Миф.

— Но ты все же надеешься, что там все так, как говорит герцог Аван?..— Граф Смиорган положил руку на плечо Элрика.— Да?

Вглядываясь в клубящийся пар, который поднимался из моря, Элрик покачал головой.

— Нет, Смиорган. Я *опасаюсь,* что там все так, как говорит герцог Аван.

Ветер был капризным, и шхуна продвигалась медленно. Жара все возрастала, и команда все сильнее обливалась потом и понемногу начинала роптать. На каждом лице застыло выражение ужаса перед грядущим.

Казалось, только герцог Аван не теряет уверенности. Он призывал всех не падать духом, убеждал их, что скоро все они будут богаты, он отдал приказ опустить весла, потому что ветру больше нельзя было доверять. Команда ворчала, все поснимали с себя рубашки, обнажив кожу, красную, как варе-

ные раки. Герцог Аван пошутил на сей счет, но вилмирцы в этих незнакомых суровых водах больше не смеялись над его шутками.

Вокруг корабля ревело и волновалось море, и курс прокладывался по немногим имеющимся у них навигационным инструментам, потому что видимость из-за пара была нулевая.

Один раз из моря выглянуло что-то зеленое, посмотрело на них и снова исчезло.

Ели и спали они мало, и Элрик редко покидал ют. Граф Смиорган без жалоб переносил жару, герцог Аван вообще не обращал внимания на неудобства и с веселым видом обходил корабль, подбадривая матросов.

Граф Смиорган не мог оторвать взгляд от воды. Он слышал об этом море, но раньше бывать здесь ему не доводилось.

— А ведь это только внешняя кромка моря, Элрик,— сказал он с удивленным выражением на лице.— Представь, что там может быть в его середине.

Элрик усмехнулся.

— Лучше уж я не буду. Я и так боюсь, что не доживу до завтрашнего дня — сварюсь в этих водах.

Проходивший мимо герцог Аван услышал его и похлопал по плечу.

— Не беда, принц Элрик. Пар над морем только на пользу! Нет ничего здоровее! — Герцог Аван не без удовольствия потянулся.— Эта вода удаляет все яды из организма.

Граф Смиорган смерил его сердитым взглядом, и герцог Аван рассмеялся.

— Не переживай, граф Смиорган. По моим подсчетам, если только они верны, через пару дней мы увидим берег западного континента.

— Эта мысль не очень-то поднимает мне настроение,— сказал граф Смиорган, но все-таки улыбнулся. Юмор герцога заразил его.

Вскоре после этого разговора море стало медленно успокаиваться, пар рассеялся и жара немного спала. Наконец они вошли в тихие воды под сверкающим голубым небом, в котором висело красновато-золотистое солнце.

Трое вилмирцев во время перехода по кипящему морю умерли, а четверо заболели — они сильно кашляли, их трясло, как в лихорадке, а по ночам они кричали и бредили.

Некоторое время стоял штиль, но наконец потянуло свежестью, и паруса шхуны наполнились ветром. Вскоре показалась первая на их пути земля — маленький желтый островок, где они нашли фрукты и родниковую воду. Здесь они похоронили троих, не выдержавших перехода через Кипящее море; вилмирцы не захотели тела товарищей отдать океану, говоря, что, мол, не желают, чтобы они там сварились, «как мясо в супе».

Пока шхуна стояла на якоре неподалеку от берега, герцог Аван пригласил Элрика к себе в каюту и во второй раз показал ему древнюю карту. Сквозь иллюминаторы лился золотистый солнечный свет, падавший на старый пергамент, изготовленный из шкуры давно вымершего животного. Элрик и герцог Аван Астран из Старого Гролмара склонились над картой.

— Видишь,— сказал герцог.— Этот остров обозначен. Масштаб, кажется, довольно точен. Еще три дня, и мы доберемся до устья реки.

Элрик кивнул.

— Но было бы благоразумно передохнуть здесь немного, восстановить силы и поднять дух команды. Ведь не случайно люди на протяжении многих веков избегали западных джунглей.

— Конечно, ведь там обитают дикари, некоторые говорят, что они даже не принадлежат к роду человеческому. Но я уверен, мы справимся с этими опасностями. Я побывал во всяких землях, принц Элрик.

— Но ты же сам говорил, что страшишься других опасностей.

— Это правда. Ну что ж, сделаем так, как ты предлагаешь.

На четвертый день подул сильный восточный ветер, и они подняли якорь. Шхуна перепрыгивала через волны при половине поставленных парусов, и команда сочла это добрым знаком.

— Они глупцы,— сказал Смиорган Элрику, с которым стоял на носу, держась за канат.— Придет время, и они будут с ностальгией вспоминать трудности Кипящего моря. Это путешествие, мой друг Элрик, не обогатит никого из нас, даже если драгоценности Р'лин К'рен А'а все еще находятся там, в джунглях.

Но Элрик не ответил. Его одолевали странные, необычные для него мысли: он вспоминал детство и отца, который был последним настоящим правителем Сияющей империи — грубым, безразличным, жестоким. Отец ждал, что он, Элрик, вернет былую славу Мелнибонэ. Может быть, эти ожидания основывались на странном альбинизме его сына. Элрик же, наоборот, поставил под угрозу и остатки этой славы. Его отец, как и он сам, был чужим в эту новую эпоху Молодых королевств, но отказывался признавать это.

Путешествие на западный континент, в землю предков, по-особому привлекало Элрика. Отсюда больше не появилось ни одного народа. Континент, насколько было известно Элрику, оставался неизменным с тех пор, как его предки оставили Р'лин К'рен А'а. Эти джунгли — те самые, что были известны его предкам, эта земля — та самая земля, на которой возникла их необычная раса, земля, определившая характер народа, предпочитавшего жестокие удовольствия, мрачные искусства и темные наслаждения.

Чувствовали ли его предки эту агонию знания, это бессилие перед лицом понимания того, что существование не имеет смысла, не имеет цели, не имеет надежды? По этой ли причине построили они такую необычную цивилизацию и презирали более простые духовные ценности человечества? Он знал, что многие интеллектуалы из Молодых королевств сочувствовали этому могущественному народу, считая его безумным. Но если они были безумны и заражали своим безумием весь мир в течение сотни веков, то почему стали они такими? Может быть, тайна скрыта в Р'лин К'рен А'а, но не в какой-то осязаемой форме, а в самой атмосфере, создаваемой темными джунглями и древними глубокими реками. Может быть, здесь наконец-то и прекратится его душевный разлад.

Элрик провел пальцами по своим волосам молочного цвета, и в его малиновых глазах появилась какая-то невинная боль. Возможно, он последний в своем роду, но в то же время он не такой, каким был его род. Смиорган ошибался. Элрик знал, что у всего сущего есть противоположность. Он может обрести покой в опасности. И конечно же, в покое может таиться опасность. Будучи несовершенным существом, живущим в несовершенном мире, он постоянно ощущал парадоксальность бытия. И поэтому в парадоксе всегда была своя правда. Поэтому-то и процветали философы и прорицатели. В совершенном мире для них не было бы места. В несовершенном мире загадки никогда не имели решений, а потому выбор решений был огромен.

Наутро третьего дня впереди они увидели землю, и шхуна, маневрируя между песчаными банками огромной дельты, подошла ближе к берегу и бросила якорь в том самом месте, где темные воды безымянной реки впадали в океан.

Глава третья

ОБИТАТЕЛИ ОПАСНОГО ЛЕСА

Наступил вечер, и солнце стало опускаться за черные очертания мощных деревьев. Из джунглей доносился густой, сильный запах, в сумерках звучали крики странных птиц и зверей. Элрику хотелось как можно скорее отправиться в поиски по реке. Сон, который всегда давался ему с трудом, теперь не шел вообще. Альбинос стоял недвижно на палубе, смотрел немигающими глазами, мозг его почти не работал, словно в ожидании того, что может случиться в ближайшем будущем. На Элрика падали солнечные лучи, на палубе от его фигуры протянулась черная тень. Потом появились звезды, взошла луна и наступила тихая темная ночь.

Он хотел, чтобы джунгли поглотили его. Он хотел слиться воедино с деревьями, кустами и ползающими тварями. Он хотел, чтобы мысли исчезли. Он втянул тяжелый, напоенный ароматами воздух, словно одного этого было достаточно, чтобы он стал тем, чем хотел стать в эти мгновения. Жужжание

насекомых превратилось в один бормочущий голос, который звал его в сердце старого-старого леса. Но сейчас он не мог ни пошевелиться, ни ответить на этот зов.

Наконец на палубу вышел граф Смиорган, коснулся Элрикова плеча, сказал что-то, и Элрик покорно пошел вниз к своей койке, завернулся в плащ и лег, продолжая прислушиваться к голосам джунглей.

Даже герцог Аван казался более задумчивым, чем обычно, когда на следующее утро они подняли якорь и пошли на веслах против течения по вязкой, тяжелой воде. Листва над их головой была густой, и им казалось, что они, оставив позади залитое солнцем море, движутся по огромному мрачному туннелю. Яркие растения вились по лианам, свисавшим с высоких крон, и цеплялись за мачты плывущего корабля. Похожие на крыс животные с длинными лапами раскачивались на ветках и смотрели на них яркими умными глазами. Река сделала поворот, и море скрылось из виду. Лучи солнечного света, проникавшие сквозь кроны на палубу, приобрели зеленоватый оттенок.

Элрик пребывал в напряжении, какого не знал с того момента, как согласился сопровождать герцога Авана. Он проявлял острый интерес ко всему, что видел в джунглях и на белой реке,— к роям насекомых, похожих на волнистые облака тумана, клубящиеся над водной гладью; к плывущим бутонам цветов, напоминающим капли крови. Отовсюду доносилось шуршание, внезапное гоготание, лай и плески, производимые рыбами или речными животными. Весла, поднимающие из воды комья водорослей и прячущуюся в них речную живность, вспугивали водных созданий, и те сейчас же бросалась врассыпную, преследуемые каким-нибудь хищником. Многие стали жаловаться на укусы насекомых, однако Элрика крылатые твари не донимали, возможно, потому, что насекомым не нравилась такая нездоровая кровь.

Мимо него по палубе прошел герцог Аван. Вилмирец хлопнул себя по лбу.

— Кажется, ты немного повеселел, принц Элрик?

Элрик с отсутствующим видом улыбнулся:

— Возможно.

— Должен признаться, что меня все происходящее слегка угнетает. Я буду рад, когда мы доберемся до города.

— Ты все еще убежден, что найдешь его?

— Я буду убежден в обратном, лишь когда исследую каждый дюйм этого острова и ничего не найду.

Элрика так поглотила атмосфера джунглей, что он почти не замечал ни корабля, ни своих спутников. Корабль медленно — со скоростью чуть большей скорости пешехода — двигался по реке.

Прошло несколько дней, но Элрик даже не заметил этого, потому что джунгли не изменялись. Но вот река стала шире, кроны деревьев разошлись, и широкое, жаркое небо внезапно наполнилось огромными птицами, взмывшими в воздух при появлении корабля. Все, кроме альбиноса, воспрянули духом, снова оказавшись под открытым небом. Элрик спустился к себе в каюту.

Нападение на корабль произошло почти сразу же. Раздался какой-то свист, потом крик, и один из матросов скорчился и упал, держась за серый тонкий полукруг чего-то, вонзившегося в его живот. Верхняя рея с треском упала на палубу, увлекая за собой парус и такелаж. Тело другого матроса — без головы — сделало две пары шагов в направлении юта, прежде чем рухнуть на доски палубы. Из жуткой дыры в шее хлестала кровь.

Отовсюду раздавался тонкий, свистящий звук. Элрик услышал эти звуки из своей каюты и тут же кинулся наверх, пристегивая меч к поясу. Первым он увидел Смиоргана. Вид у лысого графа был встревоженный, он, пригнувшись, сидел за фальшбортом. Элрик увидел, что по воздуху со свистом летают какие-то серые кляксы, вонзающиеся в человеческую плоть и корабельную оснастку, в дерево, в паруса. Некоторые кляксы падали на палубу, и Элрик разглядел, что это тонкие каменные диски диаметром около фута. Они летели с обоих берегов реки, и от них не было защиты.

Он попытался разглядеть, кто бросает эти диски, и увидел какое-то движение среди деревьев по правому берегу. Внезапно свистящий звук смолк — больше диски не прилетали, на-

ступила пауза, которой воспользовались матросы, кинувшиеся искать более надежного укрытия.

На корме появился герцог Аван. Он обнажил меч и закричал:

— Бегите вниз, берите щиты, надевайте доспехи, несите луки! Вооружайтесь, или вам конец!

В этот момент атакующие появились из-за деревьев и пошли вброд по воде. Дисков они больше не запускали, словно у них кончился весь запас.

— Чардрос меня забери! — выдохнул Аван.— Это настоящие существа или порождения какого-то колдовства?

Существа эти, скорее всего, были рептилиями, но с перьевыми гребешками и бородками на шее, хотя лица у них были почти человеческие. Их передние лапы напоминали человеческие руки, а задние имели невероятную длину, как у аиста. Тела на этих длиннющих лапах возвышались над водой. Они держали громадные дубинки, в которых были прорезаны щели; с их помощью они, скорее всего, и запускали свои кристаллические диски.

Элрик пришел в ужас, глядя на лица этих существ. Они отдаленно напоминали ему черты его собственного народа — мелнибонийцев. Может быть, эти существа — его отдаленные родственники? Или его народ корнями уходит к ним? Он перестал задавать себе эти вопросы, потому что испытал вдруг острый приступ ненависти к этим тварям. Они были отвратительны — от одного их вида желчь поднималась к горлу. Элрик инстинктивно обнажил Буревестник.

Черный Меч начал свою заунывную песню и засветился знакомым черным сиянием. Руны, начертанные на его клинке, пульсировали красным цветом, который медленно переходил в темно-пурпурный, а потом — снова в черный.

Существа наступали по воде на своих высоких птичьих ногах, но, увидев меч, остановились и стали переглядываться. Не только их вывело из равновесия это зрелище — герцог Аван и его люди побледнели.

— О боги! — воскликнул Аван.— Не знаю, на что мне приятнее смотреть: на тех, кто на нас нападет, или на того, кто нас защищает.

— Держитесь подальше от этого меча,— предупредил Смиорган.— У него привычка убивать больше, чем хочет его хозяин.

И тут похожие на рептилий дикари бросились в атаку, они цеплялись за леера, карабкались по бортам, но в этот момент на палубу вернулись вооруженные моряки.

Дубинки обрушились на Элрика со всех сторон, но Буревестник взвизгнул и отразил все удары. Альбинос держал меч двумя руками, рубя им чешуйчатые тела направо и налево.

Существа шипели, в гневе и агонии разевая красные рты, а их густая черная кровь ручьями стекала в воды реки. Хотя их туловища были не крупнее туловища высокого, хорошо сложенного человека, жизненной силы в них было гораздо больше, чем у любого человека, и самые глубокие раны, казалось, никак на них не действовали, даже если эти раны наносил Буревестник.

Элрик был удивлен, увидев такое сопротивление его мечу. Нередко мечу хватало малой царапины, чтобы выпить из человека душу. Эти же существа выглядели неуязвимыми. Может быть, у них вовсе не было души?

Он продолжал сражаться, и ярость придавала ему силы.

Но повсюду на корабле моряки отступали. Леер был проломлен в нескольких местах, огромные дубинки крошили доски и такелаж. Дикари вознамерились уничтожить не только корабль, но и людей. И сомнений в том, что они добьются своего, теперь уже почти не было.

Аван прокричал Элрику:

— Принц Элрик, во имя всех богов, ты должен прибегнуть к колдовству. Иначе мы обречены!

Элрик знал, что Аван говорит правду. Повсюду вокруг него эти похожие на пресмыкающихся существа буквально разрывали корабль на части. Большинство из них, хотя и получили страшные раны от защищающихся, продолжали сражаться, и лишь один или двое были убиты. Элрик начал подозревать, что они сражаются с существами, наделенными сверхъестественной силой.

Элрик отступил и, найдя укрытие за полуразбитой дверью, попытался сосредоточиться на способе, каким можно было вызвать колдовскую подмогу.

Он тяжело дышал и держался за балку, потому что корабль сильно качало. Он изо всех сил старался выкинуть все посторонние мысли из головы.

И тут он вспомнил заклинание. Он не был уверен, годится ли оно для данного случая, но другие не приходили ему на память. Его предки за несколько тысяч лет до этого заключили договор со элементалями, которые управляют миром животных. В прошлом он прибегал к помощи разных духов этого вида, но никогда не обращался к тому, о котором вспомнил сейчас. С его языка стали срываться древние, прекрасные и сложные слова мелнибонийского высокого наречия.

— Крылатый король! Повелитель всех, кто трудится и невидим, от чьих трудов зависят все остальные! Нннууррр'с'с из народа насекомых, я призываю тебя!

Элрик перестал воспринимать все, что происходит вокруг него, кроме разве что движения корабля. Звуки сражения притупились, и он перестал их слышать — он направлял свой разум за пределы земли в другой мир, где властвовал король насекомых Нннууррр'с'с, верховный владыка своего народа.

Альбинос услышал жужжание, которое постепенно стало переходить в слова.

— Кто ты такой, смертный? Какое право имеешь ты призывать меня?

— Я — Элрик, правитель Мелнибонэ. Мои предки помогали тебе, Нннууррр'с'с.

— Да, но это было очень давно.

— И помощи твоей в последний раз они просили очень давно!

— Верно. Какая же тебе нужна помощь, Элрик из Мелнибонэ?

— Взгляни в мой мир. Ты увидишь, что я в опасности. Можешь ты спасти меня от этой угрозы, Друг Насекомых?

Перед Элриком возникла туманная тень, которую он видел словно бы через несколько слоев полупрозрачного шелка. Элрик пытался сфокусировать взгляд на этой тени, но она все время уплывала из его поля зрения, а потом снова возвращалась на несколько мгновений. Он знал, что смотрит в другую плоскость Земли.

— В твоих силах помочь мне, Нннууррр'с'с?

— Разве у тебя нет покровителя твоего собственного вида? Разве ты не можешь обратиться к какому-либо Владыке Хаоса?

— Мой покровитель Ариох, а его настроение весьма переменчиво. В последнее время этот демон мало мне помогает.

— Хорошо, я пошлю тебе союзников, смертный. Но после этого больше не обращайся ко мне.

— Больше я к тебе не обращусь, Нннууррр'с'с.

Туманные слои исчезли, а вместе с ними и тень.

Элрик снова услышал звук сражения, яснее прежнего стали доноситься до него крики моряков и шипение пресмыкающихся. Выглянув из своего укрытия, Элрик увидел, что половина команды мертва.

Когда он появился на палубе, к нему подбежал Смиорган.

— Я уж думал, что ты убит, Элрик! Что с тобой случилось? — Он явно испытал облегчение, увидев, что его друг жив.

— Я искал помощи в другом измерении, но пока она еще вроде бы не появилась.

— Мне кажется, мы обречены, и ничего лучше мне не приходит в голову, как плыть к берегу и искать укрытия в джунглях.

— А что с герцогом Аваном? Он жив?

— Он жив. Но эти твари неуязвимы. Корабль скоро пойдет на дно.— Смиорган с трудом удержал равновесие, когда палуба накренилась. Он ухватился за канат, и его меч повис на запястном ремне.— Пока что они еще не трогали корму. Мы можем спрыгнуть в воду оттуда...

— Я заключил договор с герцогом Аваном,— напомнил графу Элрик.— Я не могу его бросить.

— Тогда нам конец!

— Что это такое? — Элрик наклонил голову, прислушиваясь.

— Я ничего не слышу.

Это был какой-то вой, тональность которого становилась все ниже и ниже, пока не перешла в гудение. Теперь и Смиорган услышал этот звук, он оглянулся в поисках его источника. Внезапно он в изумлении открыл рот и указал вверх.

— Так об этой помощи ты просил?

На них надвигалась огромная черная туча, затмившая половину неба. Солнце за нею мерцало самыми разными красками — темно-синей, зеленой или красной. Туча опускалась кругами на корабль, и теперь нападавшие и защищающиеся замолкли и, подняв головы, смотрели наверх.

Летающие существа были похожи на огромных стрекоз, а от яркости и богатства их окраски захватывало дух. Их крылья и производили гудение, громкость которого, по мере приближения этих гигантских насекомых, стала нарастать.

Поняв, что объектом нападения являются именно они, люди-рептилии попятились на своих длинных ногах, а потом припустили к берегу, намереваясь добраться до него, прежде чем гигантские насекомые обрушатся на них.

Но их отступление запоздало.

Стрекозы опустились на дикарей, тела которых скоро скрылись из виду под слоем насекомых. Шипение стало громче, приобрело чуть ли не жалостливый оттенок — насекомые не оставляли своим жертвам никакой надежды, предавая их мучительной смерти. Может быть, они жалили рептилий своими хвостами — со стороны этого было не видно.

Иногда из воды появлялась птичья нога и несколько мгновений конвульсивно дергалась в воздухе. Скоро под слоем насекомых исчезли не только тела рептилий, даже их крики заглушило это странное, раздававшееся со всех сторон гудение, от которого кровь стыла в жилах.

На палубе появился весь мокрый от пота герцог Аван с мечом в руке.

— Это твоих рук дело, принц Элрик?

Элрик посмотрел на него довольным взглядом, но остальных мутило от отвращения.

— Моих,— ответил альбинос.

— Я благодарю тебя за помощь. Корпус пробит в нескольких местах, и вода быстро прибывает. Чудо, что мы еще не утонули. Я отдал приказ садиться за весла и надеюсь, что мы успеем доплыть до острова.— Он указал рукой вверх по течению.— Вот он, уже виден.

— А что, если там мы найдем других дикарей? — спросил Смиорган.

Аван мрачно улыбнулся, указывая на дальний берег.

— Смотри.— Дюжина или больше дикарей, ставших свидетелями судьбы своих товарищей, улепетывали на своих птичьих ногах в джунгли.— Я думаю, больше они не захотят на нас нападать.

Теперь огромные стрекозы снова поднимались в воздух, и Аван отвернулся, увидев то, что они оставили после себя.

— О боги, какое кровожадное у тебя колдовство, принц Элрик. Жуть берет!

Мелнибониец улыбнулся и пожал плечами.

— Зато эффективное, герцог Аван.— Элрик вложил в ножны свой рунный меч, который тут же заворчал — казалось, он не хочет возвращаться в свое обиталище.

Смиорган посмотрел на меч.

— Судя по этому мечу, скоро его снова ожидает пиршество, хочешь ты этого или нет, Элрик.

— Меч наверняка найдет, чем покормиться в лесу,— сказал альбинос. Он переступил через кусок обломанной мачты и пошел вниз.

Граф Смиорган посмотрел на то, что плавало по поверхности воды, и вздрогнул.

Глава четвертая

СУМЕРКИ В ДЖУНГЛЯХ

Разбитая шхуна почти не держалась на плаву, когда команда спрыгнула за борт и стала тащить ее на канатах по илу, который забил все дно на подступах к острову. Перед ними встала стена растительности, казавшаяся непроходимой. Смиорган последовал за Элриком, спрыгнув на мелководье. Они вброд направились к берегу.

Выйдя из воды и оказавшись на твердой земле, Смиорган уставился на лесные заросли. Деревья стояли совершенно неподвижно, на остров опустилась необычная тишина. Из леса не раздавались крики птиц, не жужжали насекомые, не доносились вой и рычание зверей, какие слышны были во время их путешествия по реке.

— Кажется, что эти твои потусторонние друзья перепугали не только дикарей,— пробормотал чернобородый.— Тут словно вообще нет никакой жизни.

Элрик кивнул.

— Странно.

К ним присоединился герцог Аван. Он снял свое пышное одеяние — оно тоже пострадало во время сражения — и теперь был одет в кожаную куртку на подкладке и замшевые бриджи. На боку у него висел меч.

— Большинство людей мы потеряли,— с горечью сказал он.— Оставшиеся займутся ремонтом, а мы тем временем направимся на поиски Р'лин К'рен А'а.— Он поплотнее завернулся в свой легкий плащ.— Что это — мне так кажется или здесь действительно какая-то странная атмосфера?

— Мы уже обратили на это внимание,— сказал Смиорган.— Жизнь словно бы покинула остров.

Герцог Аван ухмыльнулся.

— Ну, если тут все такое робкое, то нам нечего бояться. Должен признать, принц Элрик, что если бы я желал тебе зла, а потом увидел, как ты вызвал этих тварей из воздуха, то я бы поостерегся приближаться к тебе. Да, спасибо тебе еще раз за то, что ты сделал. Если бы не ты, мы бы все уже погибли.

— Для этого ты и просил меня присоединиться к тебе,— устало произнес Элрик.— Давайте поедим, отдохнем, а потом продолжим нашу экспедицию.

Лицо герцога Авана омрачилось. Что-то в манере Элрика встревожило его.

Войти в джунгли оказалось непросто. Шесть участников экспедиции (больше выделить было никак нельзя), вооружившись топорами, начали прорубаться через подлесок. Неестественная тишина по-прежнему висела над ними...

К сумеркам им удалось пройти лишь около полумили. Лес был таким густым, что они едва нашли место, чтобы устроить привал. Единственным источником света был маленький костерок. Члены команды спали, где смогли устроиться, под открытым небом.

Элрик никак не мог уснуть, но беспокоили его вовсе не джунгли. Его озадачивала тишина, император не был уверен — стало ли их появление причиной того, что жизнь покинула эти места. Они не видели ни одного даже самого мелкого грызуна, ни одной птицы, ни насекомого, никаких следов лесной жизни. Не исключено, что на острове вот уже довольно длительное время — может быть, несколько веков — оставалась только растительная жизнь.

Он вспомнил другую часть старой легенды о Р'лин К'рен А'а. В ней говорилось, что когда боги устроили на острове встречу, то бежали не только люди, но и все животные. Никто и ничто не могло осмелиться увидеть Владык Высших Миров и услышать их разговор.

Элрика пробрала дрожь. Он никак не мог устроиться — поворачивал голову, лежавшую на скрученном плаще, то в одну, то в другую сторону, его малиновые глаза были полны муки. Если им грозит опасность на этом острове, то более коварная, чем та, с какой они столкнулись на реке.

Звуки их продвижения по лесу стали единственными звуками на острове, когда на следующее утро они продолжили путь.

С компасом в одной руке и картой в другой герцог Аван прокладывал маршрут, показывал своим людям, в каком направлении прорубаться дальше. Но их продвижение еще больше замедлилось — было ясно, что ни одно живое существо много веков не ходило этим путем.

На четвертый день они достигли естественной прогалины, устланной плоской вулканической породой. Здесь они нашли родник. Элрик начал умывать лицо прохладной водой, и тут услышал крик у себя за спиной. Он подпрыгнул. Один из членов команды, вытащив лук и стрелу, натягивал тетиву.

— В чем дело? — спросил герцог Аван.

— Я что-то видел, мой господин!

— Ерунда, здесь нет ни...

— Смотри! — Моряк натянул тетиву и направил стрелу в кроны деревьев.

Там и в самом деле произошло какое-то движение, и Элрику показалось, что среди стволов мелькнула серая тень.

— Ты не видел, что это за существо? — спросил у моряка Смиорган.

— Нет, господин. Поначалу я испугался — подумал, что это снова те же самые твари.

— Они слишком напуганы и на остров за нами не пойдут,— успокоил его герцог Аван.

— Надеюсь, ты прав,— нервно сказал Смиорган.

— Тогда что же это могло быть? — недоуменно произнес Элрик.

— Мне... мне показалось, что это человек,— неуверенно ответил моряк.

— Человек? — Элрик задумчиво разглядывал деревья.

Герцог Аван пожал плечами:

— Скорее, тень облака над деревьями. По моим расчетам, мы должны уже были добраться до города.

— Значит, ты все же думаешь, что он существует? — сказал Элрик.

— Знаешь, меня это уже мало волнует, принц Элрик.— Герцог прислонился к стволу огромного дерева и откинул в сторону лиану, которая коснулась его лица.— Нам ничего другого не остается, как искать его. Все равно корабль еще не готов к плаванию.— Он заглянул в гущу ветвей.— Ну а то, что здесь отсутствуют насекомые, которые изводили нас по пути сюда, так лично меня это очень даже устраивает.

Моряк, тот, что стрелял из лука, снова закричал:

— Вот он! Я его видел! Это человек!

Остальные смотрели, но ничего не могли разглядеть, а герцог Аван по-прежнему стоял, опираясь на дерево:

— Ничего ты не видел. Нечего здесь видеть.

Элрик повернулся к нему:

— Дай мне карту и компас, герцог Аван. У меня такое ощущение, что я могу отыскать дорогу.

Вилмирец пожал плечами с выражением сомнения на лице. Он протянул Элрику компас и карту.

Ночью они отдыхали, а утром тронулись дальше, теперь их вел Элрик.

В полдень они вышли из леса и увидели руины Р'лин К'рен А'а.

Глава пятая

ГРАНЕНЫЕ КУПОЛА

На развалинах города ничего не росло. Улицы представляли собой руины — на них лежали обвалившиеся стены домов, но из трещин не поднималась трава, и ощущение возникало такое, будто город только-только был разрушен землетрясением. Лишь одно сохранилось в целости — над руинами возвышалась гигантская статуя из белого, серого и зеленого нефрита. Это была фигура обнаженного юноши с лицом красоты почти женской. Незрячие глазницы изваяния были обращены на север.

— Глаза! — сказал герцог Аван.— Они исчезли!

Остальные молча смотрели на статую и окружающие ее развалины. Площадь была относительно невелика, а здания почти не имели украшений. Похоже, покинувшие их обитатели были простыми, непритязательными людьми, совершенно непохожими на мелнибонийцев. Элрик не мог поверить, что жители Р'лин К'рен А'а были его предками. Они казались ему слишком здравомыслящими.

— Глаза похищены,— продолжал герцог Аван.— Наше треклятое путешествие было бесполезным!

Элрик рассмеялся.

— Неужели, мой господин, ты и в самом деле полагал, что сможешь извлечь из глазниц глаза Нефритового человека?

Высота статуи была не меньше башен Грезящего города, да и его голова была размером с солидное здание. Герцог Аван сложил губы трубочкой и сделал вид, что не слышит издевки в голосе Элрика.

— Но мы все же можем окупить наше путешествие,— сказал герцог.— В Р'лин К'рен А'а были и другие сокровища.

Он возглавил поход по городу.

Лишь немногие из городских зданий оставались более или менее целыми. И все-таки, несмотря на произведенные разрушения, они очаровывали уже одной своей необыкновенной природой материалов, из которых были построены,— путешественники не видели ничего подобного прежде.

Тут было множество самых разных оттенков камня, но от времени все они потускнели, превратившись в светло-красный, светло-желтый, светло-голубой. Сочетаясь друг с другом, они давали практически бесконечное количество комбинаций.

Элрик протянул руку, чтобы коснуться одной из стен, и удивился прохладе материала поверхности и его гладкости. Это был не камень, не дерево и не металл. Может быть, этот материал доставлен сюда из другого мира?

Он попытался представить себе город, каким он был до того, как население покинуло его. Улицы были широкие, городская стена отсутствовала, дома строились невысокими, внутри них находились большие, просторные дворы. Если народ Мелнибонэ действительно уходил корнями сюда, то что же так изменило выходцев из Р'лин К'рен А'а, почему их безумные архитекторы стали возводить вычурные грезящие башни Имррира? Элрик полагал найти здесь разгадку тайны, но нашел лишь еще одну тайну. Такова была его судьба, покорно подумал он про себя.

И тут первый кристаллический диск рассек воздух над его головой и врезался в полуобрушенную стену.

Следующий диск расколол череп одному из моряков, а третий — оцарапал ухо Смиоргана. Путешественники повалились на землю и вжались в нее.

— Эти твари мстительны,— сказал Аван с невеселой улыбкой.— Они готовы многим рискнуть, чтобы отплатить нам за смерть своих товарищей.

На лицах оставшихся в живых моряков застыл ужас. Страх стал закрадываться и в глаза Авана.

Воздух рассекли еще несколько дисков, но было ясно, что путешественники временно оказались вне поля зрения обстреливающих их рептилий. Смиорган закашлялся, когда очередной диск выбил из ближайшего к нему камня облачко белой пыли, попавшей ему в горло.

— Лучше бы тебе позвать этих своих союзничков, Элрик.

Элрик покачал головой.

— Не могу. Мой союзник сказал, что во второй раз он мне не станет помогать.— Он посмотрел налево, где все еще стояли четыре стены дома. Двери в них не было, только окно.

— Тогда позови кого-нибудь другого,— настойчиво требовал граф Смиорган.— Кого угодно.

— Я не уверен...

Тут Элрик перекатился через спину и запрыгнул через окно внутрь дома. Приземлился он на кучу строительного мусора, в кровь разбив руки и колени.

Он поднялся на ноги. Вдалеке виднелась громадная слепая статуя бога, стоящего над городом. Считалось, что это Ариох, хотя статуя и не была похожа ни на одно из изображений этого демона, которые помнил Элрик. Может быть, эта статуя защищала Р'лин К'рен А'а — или, наоборот, должна была вселять страх в его жителей. Раздался чей-то крик. Он выглянул в окно и увидел, что диск ранил одного из моряков в руку.

Элрик вытащил Буревестник и поднял его, встав лицом к нефритовой статуе.

— Ариох! — воскликнул он.— Ариох, помоги мне!

Из клинка струился черный свет, потом меч запел, словно присоединяясь к заклинанию Элрика.

— Ариох!

Придет ли демон к нему на помощь? Нередко покровитель королей Мелнибонэ отказывался появляться, объясняя это тем, что у него есть более неотложные дела — дела, связанные с вечным противостоянием Закона и Хаоса.

— Ариох!

Меч и его хозяин окутались дрожащим черным туманом, и белое, запрокинутое назад лицо Элрика словно бы колебалось вместе с туманной дымкой.

— Ариох! Я прошу тебя о помощи! К тебе обращается Элрик!

И тут до его ушей донесся голос — мягкий, успокаивающий, увещевающий. Он звучал ласково.

— Элрик, я горжусь тобой. Я люблю тебя больше, чем какого-либо другого смертного, но помочь тебе не могу — еще рано.

Элрик в отчаянии воскликнул:

— Тогда мы обречены здесь погибнуть.

— Ты можешь избежать этой опасности. Беги в лес. Брось остальных, пока еще есть время. У тебя предназначение, ко-

торое ты должен будешь выполнить в другое время и в другом месте...

— Я их не брошу.

— Ты глуп, милый Элрик.

— Ариох, со дня основания Мелнибонэ ты помогал его королям. Помоги сегодня его последнему королю!

— Я не могу впустую растрачивать свою силу. Впереди жестокая схватка. И если я вернусь в Р'лин К'рен А'а, мне это будет дорого стоить. Беги скорее. Ты сможешь спастись. Умрут другие.

Сказав это, герцог Ада исчез. Элрик почувствовал его уход. Он нахмурился, потрогал сумку на поясе, пытаясь вспомнить нечто, слышанное им прежде. Он медленно вложил сопротивляющийся меч в ножны. Послышался глухой звук, и рядом с Элриком встал, тяжело переводя дыхание, Смиорган.

— Ну, что? Подмога уже в пути?

— Боюсь, что нет.— Элрик в отчаянии покачал головой.— Ариох снова отказал мне в помощи. Он опять говорит о великой судьбе, о необходимости копить силы.

— Твои предки могли бы выбрать в качестве покровителя более сговорчивого демона. Наши друзья-рептилии окружают нас. Смотри...— Смиорган указал на окраину города.

Группа в дюжину птиценогих тварей наступала, держа наготове свои огромные дубинки.

Раздался новый удар о стену, и сквозь образовавший пролом появился Аван, а за ним — его люди. Аван сыпал проклятиями.

— Боюсь, что помощи нам ждать неоткуда,— сказал ему Элрик.

Вилмирец мрачно улыбнулся.

— Значит, эти твари знали больше нас!

— Похоже.

— Нужно попытаться спрятаться от них,— без особой уверенности сказал Смиорган.— В схватке нам их не победить.

Маленький отряд вышел из полуразрушенного дома и начал пробираться по городу, прячась за укрытиями, которые им удавалось найти. Они медленно продвигались к центру и статуе Нефритового человека.

По резкому шипению сзади они понимали, что рептилии не теряют их из виду. Упал еще один вилмирец — у него из спины торчал диск,— и отряд пустился в паническое бегство.

Впереди они увидели красное здание в несколько этажей и с сохранившейся крышей.

— Давайте внутрь! — крикнул герцог Аван.

Они, с облегчением и ни мгновения не колеблясь, вбежали в здание, пронеслись по нескольким пыльным переходам и наконец остановились перевести дыхание в большом мрачном зале.

Зал был совершенно пуст, а тот свет, что попадал внутрь, просачивался сквозь трещины в стенах.

— Это строение сохранилось лучше других,— сказал герцог Аван.— Интересно, каково его назначение? Может, это крепость?

— Они, похоже, были совсем не воинственным народом,— заметил Смиорган.— Я думаю, у этого здания имелось другое назначение.

Три оставшихся в живых моряка испуганно поглядывали вокруг. Судя по их лицам, они предпочли бы встретить рептилий под открытым небом. Элрик пошел через зал, но вдруг остановился, заметив какой-то рисунок на дальней стене.

Смиорган тоже увидел его.

— Что это такое, друг Элрик?

Альбинос узнал в нарисованных символах высокое наречие древнего Мелнибонэ, но этот язык несколько отличался от того, что знал он, а потому Элрику потребовалось некоторое время, чтобы понять значение написанного.

— Ты прочел, что тут сказано, Элрик? — пробормотал герцог Аван, присоединяясь к ним.

— Да, но смысл довольно темен. Тут написано: «Если ты пришел убить меня, добро пожаловать. Если ты не принес того, что разбудит Нефритового человека, тогда исчезни...»

— Может, это адресовано нам? — задумчиво сказал Аван.— Или это тут уже давно?

Элрик пожал плечами.

— Эта надпись могла быть сделана в любое время за последние десять тысяч лет...

Смиорган подошел к стене и прикоснулся к ней.

— Мне кажется, она сделана довольно недавно,— сказал он.— Краска еще сырая.

Элрик нахмурился.

— Значит, здесь есть еще обитатели. Почему же они никак не обнаруживают себя?

— А может, обитатели Р'лин К'рен А'а — это те самые рептилии? — сказал Аван.— В легенде ведь не сказано, что бежавшие отсюда жители были людьми...

Лицо Элрика омрачилось, и он хотел было сердито возразить герцогу, но тут вмешался Смиорган.

— А может, тут всего один обитатель? Не об этом ли ты думаешь, Элрик? Существо, Обреченное Жить? Может, эти надписи принадлежат ему?..

Элрик спрятал лицо в ладонях и ничего не ответил.

— Идем,— сказал Аван.— У нас нет времени рассуждать о древних легендах.

Он пересек зал, прошел через дверной пролет и начал спускаться. Когда он дошел до самого низа, они услышали его удивленный вскрик.

Остальные присоединились к нему и увидели, что он стоит на пороге еще одного зала, на полу которого россыпью лежали пластины какого-то металла, тонкого и гибкого, как пергамент. На стенах были тысячи небольших ячеек, располагавшихся рядами, и над каждой был нарисован какой-то знак.

— Что это? — спросил Смиорган.

Элрик наклонился и подобрал с полу одну из пластинок. На ней были начертаны буквы языка, напоминающие современный мелнибонийский. Кто-то основательно потрудился над надписью, затерев ее до неузнаваемости.

— Это бывшая библиотека,— тихо сказал Элрик.— Библиотека моих предков. Кто-то пытался ее уничтожить. Эти надписи, похоже, уничтожить нельзя, но кто-то потратил немало усилий на то, чтобы сделать их нечитаемыми.— Он пнул пластинки ногой.— Наш друг — или наши друзья — последовательный ненавистник просвещения.

— Несомненно,— с горечью в голосе сказал Аван.— Трудно себе даже представить научную ценность этих табличек! И все испорчены!

Элрик пожал плечами.

— Меня не волнует наука — их ценность была велика для меня лично!

Смиорган положил руку на плечо друга, но Элрик стряхнул ее.

— Я надеялся...

Смиорган чуть наклонил свою лысую голову.

— Судя по звукам, эти рептилии идут следом за нами в здание.

Они услышали отдаленный звук необычных шагов в коридорах, по которым только что прошли.

Путешественники, стараясь не шуметь, двинулись по стертым табличкам и оказались в другом коридоре, который резко уходил вверх.

Внезапно они увидели дневной свет.

Элрик вглядывался вперед.

— Судя по всему, коридор впереди разрушен и прохода нет. Крыша обвалилась, но мы сможем выбраться вон через ту дыру.

Они вскарабкались по груде камней, опасливо оглядываясь — не появились ли их преследователи.

Наконец они оказались на центральной площади города. На дальней ее стороне они увидели ноги гигантской статуи, возвышавшейся над ними своей громадой.

Прямо перед ними находились два необычных сооружения, которые, в отличие от других зданий, были абсолютно целыми. Они имели форму многогранных куполов и были воздвигнуты из какого-то стекловидного материала, отражавшего солнечные лучи.

За спиной раздались звуки приближающихся рептилий.

— Мы укроемся в ближайшем из этих куполов,— сказал Элрик.

Он бросился вперед — остальные вбежали за ним через проем неправильной формы у основания куполообразного здания.

Оказавшись внутри, они остановились и, прикрывая глаза козырьком ладоней, попытались определить, куда им двигаться дальше.

— Похоже на зеркальный лабиринт! — с удивлением сказал Смиорган.— О боги, я не видел ничего прекраснее! Интересно, каково его назначение?

Казалось, что коридоры расходятся во всех направлениях, однако, вполне возможно, они были всего лишь отражением того коридора, где находились Элрик и его товарищи. Осторожно Элрик стал пробираться дальше в лабиринт, остальные пятеро — за ним.

— Тут явно попахивает колдовством,— пробормотал Смиорган.— Может, нас таким образом заманили в ловушку?

Элрик вытащил меч. Тот заворчал чуть ли не раздраженно.

Все вдруг сместилось, и очертания его товарищей расплылись.

— Смиорган! Герцог Аван!

Он услышал какие-то невнятные голоса, но они принадлежали не его друзьям.

— Граф Смиорган!

Но тут коренастый морской владыка вовсе пропал из виду, и Элрик остался один.

Глава шестая

ГЛАЗА НЕФРИТОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Он обернулся и увидел красную сверкающую стену, которая ослепила его.

Он попытался крикнуть, но его голос превратился в печальный вой, словно кто-то решил подразнить его.

Он попытался сделать шаг или несколько, но не мог сказать, то ли он остался на том же месте, то ли прошел дюжину миль.

Вдруг он заметил кого-то в нескольких ярдах от себя — нечеткая фигура за прозрачной ширмой из многоцветных драгоценных камней. Он ступил вперед, чтобы отодвинуть ширму, но она исчезла, и он резко остановился.

Перед ним предстало лицо, на котором застыло выражение бесконечной печали.

И это лицо было его собственным, вот только цвет кожи у этого человека был нормальным, а волосы — черными.

— Кто ты? — еле ворочая языком, спросил Элрик.

— У меня много имен. Одно из них — Эрекозе. Я был разными людьми. Может быть, я — все человечество.

— Но ты похож на меня!

— Я и есть ты.

— Нет!

В глазах призрака, с сожалением смотревших на Элрика, стояли слезы.

— Не смей плакать по мне! — с гневом сказал Элрик.— Я обойдусь без твоего сочувствия.

— Может быть, я плачу по себе, ведь я знаю нашу судьбу.

— И что же это за судьба?

— Ты не поймешь.

— Скажи мне.

— Спроси своих богов.

Элрик поднял меч. С яростью в голосе он сказал:

— Нет, я заставлю тебя ответить!

При этих словах призрак исчез.

Элрика пробила дрожь. Перед ним появились тысячи таких призраков. Каждый произносил свое имя, не похожее на других. На каждом были свои неповторимые одеяния. Но у каждого было его лицо, а порою и такой же цвет кожи.

— Исчезните! — закричал Элрик.— О боги, что это за место?

Повинуясь его крику, они исчезли.

— Элрик?

Альбинос резко повернулся, держа меч наготове. Но это оказался герцог Аван Астран из Старого Гролмара. Дрожащими пальцами он прикоснулся к своему лицу, но голос его звучал ровно.

— Должен тебе сказать, у меня такое чувство, будто я схожу с ума, принц Элрик...

— Что ты видел?

— Много всего. Не могу описать.

— А где Смиорган и остальные?

— Наверняка каждый пошел своим путем — как и мы.

Элрик поднял Буревестник и со всей силой обрушил клинок на кристаллическую преграду. Черный Меч застонал, и

стена поддалась и треснула. Через образовавшуюся щель Элрик увидел обычный дневной свет.

— Идем, герцог Аван, здесь можно выйти!

Аван, недоумевая, последовал за ним — они вышли из кристаллоподобного здания и оказались на центральной площади Р'лин К'рен А'а.

На сей раз здесь было шумно. Двигались кареты и колесницы. На одной стороне были воздвигнуты конюшни. По площади мирно шествовали люди. И никакой Нефритовый человек не возвышался над городом — его на площади просто не было.

Элрик взглянул на лица людей. У всех были мелнибонийские черты. Но что-то в них было странное — Элрик не сразу смог определить, что именно. Однако потом он понял — умиротворенность. Он протянул руку и прикоснулся к одному из прохожих.

— Скажи мне, друг, какой сейчас год?..

Но человек не услышал его. Он прошел мимо.

Элрик попытался остановить и других, но никто не видел и не слышал его.

— Как же они утратили эту умиротворенность? — изумленно спросил герцог Аван.— Каким образом они превратились в таких, как ты, принц Элрик?

Мелнибониец сердито прервал вилмирца, резко повернувшись к нему:

— Тихо!

Герцог Аван пожал плечами.

— Может быть, это просто иллюзия.

— Возможно,— печально ответил Элрик.— Но я уверен — именно так они и жили до пришествия Владык Высших Миров.

— Значит, ты во всем винишь богов?

— Я виню то отчаяние, которое принесли сюда боги.

Герцог Аван мрачно кивнул.

— Я тебя понимаю.

Он снова повернулся к огромному зданию-кристаллу и остановился, прислушиваясь.

— Ты слышишь голос, принц Элрик? Что он говорит?

Элрик слышал этот голос. Казалось, он доносится до них из кристалла. Говорил он на древнем языке Мелнибонэ, но с каким-то необычным акцентом.

— Сюда,— звал голос.— Сюда!

Элрик медлил.

— Нет у меня желания возвращаться туда.

— У нас есть выбор? — спросил Аван.

И оба вошли внутрь.

Они снова оказались в лабиринте, который мог быть как одним коридором, так и множеством. Голос здесь звучал отчетливее.

— Сделайте два шага вправо,— сказал голос.

Аван бросил взгляд на Элрика.

— Что он сказал?

Элрик перевел.

— Послушаемся? — спросил Аван.

— Да.— В голосе альбиноса не было и капли покорности.

Они сделали два шага вправо.

— Теперь четыре налево,— сказал голос.

Они сделали четыре шага налево.

— Теперь один вперед.

Они вышли на разрушенную площадь Р'лин К'рен А'а.

Там стояли Смиорган и один из матросов.

— Где остальные,— спросил Аван.

— Спроси у него,— устало сказал Смиорган, указывая мечом, который он держал в правой руке.

Они увидели человека, который был либо альбиносом, либо прокаженным. Он был абсолютно голый и сильно походил на Элрика. Поначалу Элрик решил было, что это еще один призрак, но тут обратил внимание — их лица были вовсе не идентичны. Что-то торчало из бока этого человека между третьим и четвертым ребром. Потрясенный Элрик понял, что это обломанная вилмирская стрела.

Нагой человек кивнул.

— Да, стрела нашла цель. Но убить меня она не могла. Я Дж'осуи К'релн Реир...

— Ты считаешь себя Существом, Обреченным Жить,— пробормотал Элрик.

— Я он и есть.— Человек горько улыбнулся.— Или ты думаешь, что я пытаюсь вас обмануть?

Элрик взглянул на обломок стрелы, потряс головой.

— Значит, тебе десять тысяч лет? — Аван уставился на него.

— Что он говорит? — спросил Дж'осуи К'релн Реир у Элрика.

Элрик перевел.

— Неужели только десять тысяч? — Человек вздохнул. Потом он внимательно всмотрелся в лицо Элрика.— Кажется, ты принадлежишь к моей расе?

— Похоже.

— Из какой ты семьи?

— Я из королевского рода.

— Значит, я все-таки дождался тебя. Я тоже из этого рода.

— Я тебе верю.

— Я вижу, за вами охотятся олабы?

— Олабы?

— Эти первобытные существа с дубинками.

— Да, мы встретились с ними, когда поднимались по реке.

— Я выведу вас в безопасное место. Идем.

Элрик позволил Дж'осуи К'релн Реиру провести их через площадь к тому месту, где все еще стояла часть шаткой стены. Здесь человек поднял каменную плиту и показал им ступеньки, ведущие вниз — в темноту. Они последовали за ним, осторожно ступая во мраке, а он поставил плиту на место. Они оказались в комнате, освещенной масляными лампадками. В комнате не было ничего, кроме соломенной подстилки.

— Ты живешь весьма скромно,— сказал Элрик.

— Мне больше ничего не надо. Мне достаточно моих воспоминаний...

— А откуда взялись олабы?

— Они здесь объявились недавно. Не больше тысячи лет назад, а может и пятисот... Они пришли с верховьев реки, поссорившись с каким-то другим племенем. На остров они обычно не заходят. Наверно, вы убили многих из них, если они не оставляют вас в покое.

— Многих.

Дж'осуи К'релн Реир сделал жест в сторону остальных путешественников, которые смотрели на него, испытывая некоторую неловкость.

— А они? Тоже первобытные? Они не из нашего народа.

— Наш народ вымирает.

— Что он говорит? — спросил герцог Аван.

— Он говорит, что эти воинственные рептилии называются олабами,— сказал ему Элрик.

— Глаза Нефритового человека украли олабы?

Когда Элрик перевел вопрос Существу, Обреченному Жить, тот удивился:

— Так ты ничего не понял?

— Не понял чего?

— Так ведь вы *уже* побывали в глазах Нефритового человека! Эти огромные кристаллы, по которым вы бродили,— они и есть его глаза.

Глава седьмая

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Когда Элрик сообщил эти сведения герцогу Авану, тот расхохотался. Он откинул назад голову и принялся весело гоготать, тогда как другие по-прежнему с тревогой поглядывали вокруг. Мрачное выражение, не сходившее с лица герцога в последние дни, внезапно исчезло, и он снова стал таким, каким его впервые увидел Элрик.

Улыбнулся и Смиорган. Даже Элрик признал иронию в том, что с ними случилось.

— Эти кристаллы упали с его лица, словно слезы, и произошло это вскоре после того, как отсюда удалились Высшие,— продолжил Дж'осуи К'релн Реир.

— Значит, Владыки Высших Миров все же приходили сюда?

— Да... Нефритовый человек появился здесь, предупредил жителей, и все они ушли, заключив с ним договор.

— Так значит, Нефритовый человек был сделан не твоим народом?

— Нефритовый человек — это герцог Ада Ариох. В один прекрасный день он пришел сюда из леса, встал на площади и рассказал людям, что должно произойти: мол, наш город лежит на пересечении каких-то особых линий, и Владыки Высших Миров могут встретиться только здесь.

— А договор?

— За оставленный город наш королевский род получал покровительство Ариоха и в будущем должен был расширить свою власть. Ариох обещал им великое знание и средства для строительства города в другом месте.

— И они приняли этот договор без всяких условий?

— Выбора у них почти не было, брат.

Элрик опустил глаза на пыльный пол.

— Вот так и началось их падение,— пробормотал он.

— Только я отказался признать эту сделку. Я не хотел покидать город и не доверял Ариоху. Когда все остальные отправились вниз по реке, я остался здесь — где мы сейчас находимся — и слышал, как прибыли Владыки, слышал их переговоры, слышал, как они обговаривали правила, по которым должны будут сражаться Закон и Хаос. Когда они покинули город, я вышел из укрытия. Но Ариох — Нефритовый человек — все еще оставался здесь. Он посмотрел на меня своими кристаллическими глазами и проклял. После этого кристаллы упали туда, где вы их видели. Дух Ариоха удалился, но его нефритовое изображение осталось здесь.

— И ты все еще помнишь то, что происходило между Владыками Закона и Хаоса?

— Такова моя судьба.

— Может быть, она легче судьбы тех, кто покинул город,— тихо сказал Элрик.— Я — последний наследник той злосчастной судьбы...

Вид у Дж'осуи К'релн Реира был недоумевающий, потом он заглянул в глаза Элрика, и выражение сочувствия появилось на его лице.

— Я не думал, что возможна судьба, которая хуже моей, но теперь я верю в это...

Элрик с волнением сказал:

— Но ты можешь хоть немного облегчить мою участь. Ты, вероятно, знаешь, что произошло в те дни между Высшими Владыками. Я должен понять природу своего существования, по крайней мере, так, как ты понимаешь свою. Прошу тебя, расскажи мне!

Дж'осуи К'релн Реир нахмурился и заглянул в глаза Элрику.

— Значит, тебе не до конца известна моя история?

— Есть что-то еще?

— Я могу только *помнить,* что произошло между Владыками Высших Миров, но если я пытаюсь передать свои знания или записать их, у меня ничего не получается...

Элрик схватил Дж'осуи К'релн Реира за плечо.

— Ты должен попытаться! Должен попробовать!

— Я знаю, что не могу.

Видя муку на лице Элрика, Смиорган подошел к нему.

— В чем дело, Элрик?

Элрик обхватил руками голову.

— Наше путешествие было напрасным.— Он бессознательно произнес это слово на старом мелнибонийском.

— Совсем не обязательно,— сказал Дж'осуи К'релн Реир.— По крайней мере, для меня.— Он помедлил.— Скажи мне, как вы нашли этот город. Где карта?

Элрик достал карту.

— Вот она.

— Да, это она самая. Много веков назад я положил ее в шкатулку, которую поместил в небольшой ларец. Я пустил ларец по реке, надеясь, что его прибьет течением туда, где оказался мой народ, и они поймут, что это такое.

— Эта шкатулка оказалась в Мелнибонэ, но никто не удосужился открыть ее,— сказал Элрик.— Это дает тебе представление о том, во что превратился народ, покинувший этот город...

Странный человек мрачно кивнул.

— А печать на карте была?

— Была. Она у меня.

— Изображение одной из ипостасей Ариоха, запечатленное в маленьком рубине?

— Да, мне показалось, что я узнал это изображение, но не мог вспомнить, что оно значит.

— Образ в камне,— пробормотал Дж'осуи К'релн Реир.— Он вернулся так, как я и молил об этом: его принес тот, в ком течет королевская кровь!

— И каков его смысл?

В разговор вмешался Смиорган:

— Так он поможет нам бежать отсюда, Элрик? Хорошо бы поскорей...

— Не спеши,— сказал альбинос.— Я вам все расскажу чуть позже.

— Образ в камне может стать инструментом моего освобождения,— сказало Существо, Обреченное Жить.— Если в том, кто им владеет, течет королевская кровь, то он сможет повелевать Нефритовым человеком.

— Но почему ты сам не воспользовался этим камнем?

— Из-за наложенного на меня проклятия. Я мог повелевать, но не имел власти вызвать этого демона. Насколько я понимаю, такова была шутка Владык Высших Миров.

Элрик увидел горькую тоску в глазах Дж'осуи К'релн Реира. Он посмотрел на его белую обнаженную плоть, белые волосы, на тело, которое было не молодым и не старым, на обломок стрелы, торчащий из его левого бока.

— И что я должен сделать? — спросил Элрик.

— Ты должен вызвать Ариоха, а потом приказать ему снова вернуться в это тело, вернуть на место глаза, чтобы он мог видеть, и уйти из Р'лин К'рен А'а.

— И что будет, когда он уйдет?

— Вместе с ними уйдет и проклятие.

Элрик задумался. Если он вызовет Ариоха — который, несомненно, не хочет сюда являться,— а потом заставит его сделать то, что тот не хочет делать, то это могущественное и к тому же непредсказуемое существо вполне может превратиться в его врага. Но, с другой стороны, они здесь в ловушке, в окружении воинственных олабов, и не имеют никаких средств вырваться. Если Нефритовый человек тронется с места, то олабы разбегутся, и Элрик с товарищами сможет вернуться к кораблю и добраться до моря.

Он объяснил все это своим спутникам. Этот план не понравился ни Смиоргану, ни Авану, а оставшийся в живых последний член экипажа вообще пребывал в прострации.

— Я должен это сделать,— сказал Элрик.— Ради этого человека. Я должен вызвать Ариоха и снять проклятие, которое лежит на Р'лин К'рен А'а.

— А что же тогда будет с нами? — спросил герцог Аван, инстинктивно прикоснувшись к рукояти меча.— Нет, я думаю, мы должны попытать счастья и дать бой олабам. Оставь этого человека — он сошел с ума, он бредит. Пойдем отсюда.

— Иди, если ты так решил,— сказал Элрик.— А я остаюсь с Существом, Обреченным Жить.

— Это означает, что ты остаешься здесь навсегда. Нельзя же верить в его россказни.

— Я в них верю.

— Ты должен идти с нами. Твой меч поможет нам победить. Без него олабы нас уничтожат — в этом можно не сомневаться.

— Ты уже видел, что Буревестник малоэффективен против олабов.

— И все же он действует. Не бросай меня, Элрик!

— Я тебя не бросаю. Я должен вызвать Ариоха. Это пойдет вам на пользу, я уж не говорю о себе.

— Я не уверен.

— Ведь тебе в этом путешествии требовалось мое колдовское искусство. Теперь оно к твоим услугам.

Аван подался назад. Казалось, существовало что-то, чего герцог боялся больше, чем олабов, больше, чем призывания демонов. Он словно прочел угрозу на лице альбиноса, угрозу, которой не осознавал даже сам Элрик.

— Мы должны выйти наружу,— сказал Дж'осуи К'релн Реир.— Мы должны встать под Нефритовым человеком.

— А когда мы покончим с этим,— внезапно спросил Элрик,— как мы выберемся из Р'лин К'рен А'а?

— Здесь есть лодка. Провизии на ней, правда, нет, но зато на нее погружена большая часть городских богатств. Она находится в западной оконечности острова.

— Хоть какое-то утешение,— сказал Элрик.— А ты сам не мог ею воспользоваться?

— Я не в силах покинуть город.

— Это часть проклятия, что лежит на тебе?

— Да... проклятия моей робости.

— Твоя робость держала тебя здесь десять тысяч лет?

— Да.

Они вышли из помещения на площадь. Настала ночь, и в небесах висела огромная луна. Если смотреть с того места, где находился Элрик, луна образовывала ореол вокруг головы Нефритового человека. Тишина стояла полная. Элрик вытащил из кошелька образ в камне и взял его большим и указательным пальцами левой руки. Правой рукой он вытащил из ножен Буревестник. Аван, Смиорган и вилмирский матрос отошли в сторону.

Элрик посмотрел на огромные нефритовые ноги, гениталии, торс, руки, голову, поднял меч и закричал:

— *АРИОХ!*

Голос Буревестника почти что заглушил голос Элрика. Меч ожил и завыл, угрожая вырваться из рук хозяина.

— *АРИОХ!*

Теперь наблюдавшие за происходящим видели только пульсирующий, светящийся меч, белые руки и лицо альбиноса и его малиновые глаза, сверкающие в темноте.

— *АРИОХ!*

И тут до ушей Элрика донесся голос, который не принадлежал Ариоху — казалось, заговорил сам меч.

— Элрик... Ариох должен получить кровь и души! Кровь и души, мой повелитель...

— Нет. Это мои друзья, а олабам Буревестник не приносит никакого вреда. Ариох должен прийти без крови, без душ.

— Только кровь и души могут вызвать Ариоха наверняка! — сказал голос, звучавший теперь отчетливее. В нем слышалась насмешка, и доносился он, казалось, откуда-то из-за спины Элрика.

Альбинос повернулся, но там ничего не было. Он увидел взволнованное лицо герцога Авана, и когда остановил на нем

взгляд, меч описал круг в воздухе и потащил Элрика в направлении герцога.

— Нет! — крикнул Элрик.— Остановись!

Но Буревестник не остановился — он пронзил тело герцога и вошел ему глубоко в сердце, утоляя свою жажду. Оставшийся в живых моряк в ужасе смотрел, как умирает его хозяин.

Герцог Аван воскликнул в агонии:

— Нет! Элрик! Какое предательство!..

Он дернулся:

— Прошу тебя...

Он затрепетал:

— Моя душа...

Он умер.

Элрик вытащил меч из сердца вилмирца и разрубил надвое моряка, который бросился на помощь своему хозяину. Это было сделано чисто механически, без раздумий.

— Теперь Ариох получил свои кровь и души,— холодно сказал Элрик.— Пусть придет Ариох!

Смиорган и Существо, Обреченное Жить, отступили назад, в ужасе глядя на одержимого Элрика. Лицо альбиноса исказила жестокая гримаса.

— *ПУСТЬ ПРИДЕТ АРИОХ!*

— Я здесь, Элрик.

Элрик повернулся и увидел, что в тени ног статуи кто-то есть — тень в тени.

— Ариох, ты должен вернуться в эту статую, чтобы она навсегда покинула Р'лин К'рен А'а.

— Я не хочу, Элрик.

— Тогда мне придется приказать тебе, герцог Ариох.

— Приказать? Приказать мне может лишь тот, кто владеет образом в камне, и только один раз.

— Я владею образом в камне.— Элрик вытянул руку с рубином.— Смотри.

Тень в тени несколько мгновений шевелилась, словно пришла в гнев.

— Если я подчинюсь, то тем самым будет приведена в действие цепочка событий, которые тебе могут не понравиться,—

сказал Ариох, переходя на низкий мелнибонийский — видимо, для того, чтобы придать своим словам еще более мрачную окраску.

— Пусть будет, что будет. Я повелеваю: войди в Нефритового человека и вставь назад в глазницы его глаза, чтобы он мог отсюда уйти. И еще я повелеваю: оставь этот город и забери с собой проклятие, наложенное на него Владыками Высших Миров.

На это Ариох ответил:

— Когда Нефритовый человек перестанет охранять место, где встречаются Высшие, за этот мир начнется великая битва Высших Миров.

— Я повелеваю, Ариох: войди в Нефритового человека.

— Ты упрям, Элрик.

— Ступай! — Элрик поднял Буревестник.

Меч запел, словно охваченный чудовищной радостью. В этот миг он казался сильнее самого Ариоха, сильнее всех Владык Высших Миров.

Земля заходила под ногами. Вокруг огромной статуи внезапно засверкал огонь. Тень в тени исчезла.

И тогда Нефритовый человек наклонился.

Его огромное тело перегнулось через Элрика, рука протянулась и нащупала два кристалла, лежащих на земле. Взяв по кристаллу в руку, статуя выпрямилась.

Элрик, спотыкаясь, бросился к дальнему углу площади, где уже в страхе приникли к земле Смиорган и Дж'осуи К'релн Реир.

Из глаз Нефритового человека вырвался ослепительный свет, нефритовые губы открылись.

— Сделано, Элрик! — послышался громогласный голос.

Дж'осуи К'релн Реир зарыдал.

— А теперь уходи, Ариох.

— Я ухожу. Проклятие с Р'лин К'рен А'а и Дж'осуи К'релн Реира снято, но за это еще большее проклятие ложится на весь ваш мир.

— Какое проклятие, Ариох? Говори яснее! — воскликнул Элрик.

— Скоро узнаешь. Прощай!

Огромные нефритовые ноги внезапно тронулись с места, за один раз перешагнули через развалины и, круша на своем пути деревья, начали свой путь через джунгли. Через мгновение Нефритовый человек исчез.

И тогда Существо, Обреченное Жить, рассмеялось. Странная радость звучала в его голосе. Смиорган зажал уши руками.

— А теперь,— закричал Дж'осуи К'релн Реир,— теперь твой клинок должен взять мою жизнь. Наконец-то я могу умереть!

Элрик отер рукой лицо. Он едва ли осознавал то, что произошло в последние мгновения.

— Нет,— сказал он ошеломленным голосом.— Я не могу...

Но тут Буревестник вырвался из его руки, преодолел расстояние между Элриком и Существом, Обреченным Жить, и вонзился в его грудь.

Умирая, Дж'осуи К'релн Реир смеялся. Он упал на землю, губы его двигались. С них срывался шепот. Элрик подошел поближе, чтобы слышать.

— Теперь в этом мече мое знание. Я сбросил с плеч это бремя.

Глаза закрылись.

Жизнь Дж'осуи К'релн Реира, продолжавшаяся десять тысяч лет, завершилась.

Элрик ослабевшей рукой вытащил меч из груди Дж'осуи К'релн Реира и вложил его в ножны. Он посмотрел на тело Существа, Обреченного Жить, затем — вопросительно — на Смиоргана.

Коренастый морской владыка отвернулся.

Начался восход. Занялся серый рассвет. Элрик смотрел на тело Дж'осуи К'релн Реира, которое на его глазах превратилось в прах, а налетевший ветер рассеял его, смешав с развалинами города. Элрик пересек площадь, подошел к тому месту, где лежало скорчившееся тело герцога Авана, и упал перед ним на колени.

— Герцог Аван Астран из Старого Гролмара, ты получил предупреждение о том, что тех, кто соединяет свою судьбу с Элриком из Мелнибонэ, ждет злая участь. Но ты не поверил. Теперь ты знаешь.

Вздохнув, он поднялся на ноги.

Смиорган встал рядом с ним. Солнце уже касалось верхушек развалин. Смиорган протянул руку и положил ее на плечо своего друга:

— Олабы исчезли. Я так думаю, они тут вволю насмотрелись колдовства — больше не хотят.

— Вот и еще один человек погиб от моей руки, Смиорган. Неужели я навечно привязан к этому проклятому мечу? Я должен найти способ избавиться от него, иначе моя больная совесть так согнет меня, что я уже никогда не смогу распрямиться

Смиорган откашлялся, но ничего не сказал.

— Я похороню герцога Авана,— сказал Элрик.— А ты вернись туда, где мы оставили корабль, и скажи команде, что мы возвращаемся.

Смиорган зашагал через площадь на запад.

Элрик осторожно поднял тело герцога Авана и пересек площадь, направляясь к подземному укрытию, где Существо, Обреченное Жить, обитало десять тысяч лет.

Все произошедшее казалось Элрику нереальным, но он знал, что это вовсе не сон: Нефритовый человек исчез, оставив в джунглях свой след из вывороченных и поломанных деревьев.

Элрик спустился по ступеням и положил тело герцога на травяную подстилку. Потом он вытащил кинжал герцога Авана и, за неимением чего-либо более подходящего, обмакнул его в кровь герцога и написал на стене над телом:

Здесь лежит герцог Аван из Старого Гролмара. Он исследовал мир и привез в свою страну, Вилмир, много знаний и сокровищ. У него была мечта, но он потерялся в мечте другого и оттого умер. Он обогатил Молодые королевства и таким образом породил еще одну мечту. Он умер ради того, чтобы могло умереть Существо, Обреченное Жить, как оно того и желало...

Элрик остановился, потом отбросил в сторону кинжал. Он не мог оправдать себя, сочиняя в высоком штиле эпитафию человеку, которого убил.

Он постоял, тяжело дыша, потом снова подобрал кинжал:

Он умер из-за того, что Элрик из Мелнибонэ желал обрести покой и знание, которых все равно никогда не сможет найти. Он умер от Черного Меча.

Наступил полдень. Снаружи, в центре площади, все еще лежало тело вилмирского моряка. Никто не знал его имени. Никто не скорбел по нему, никто не попытался написать ему эпитафию. Мертвый вилмирец погиб не ради каких-то там высоких целей, не ради сказочной мечты. Даже в смерти тело его не исполнит своего назначения. На этом острове нет стервятников. Среди развалин города нет земли, которую оно могло бы удобрить.

Элрик вышел на площадь и увидел это мертвое тело. На несколько мгновений оно стало для Элрика символом того, что произошло здесь и что случится позднее.

— Жизнь лишена смысла,— пробормотал Элрик.

Возможно, его далекие предки в конце концов поняли это, но решили не обращать внимания. Понадобился Нефритовый человек, чтобы они обратили на это внимание, а потом сошли с ума в своих страданиях. Это знание заставило их закрыть глаза на многое.

— Элрик!

Это вернулся Смиорган.

Элрик посмотрел на него.

— Я застал только одного выжившего. Он перед смертью успел мне сообщить, что олабы, прежде чем отправиться за нами, разделались и с кораблем, и с командой. Все убиты. Корабль уничтожен.

Элрик вспомнил, что сказало ему Существо, Обреченное Жить.

— У нас есть лодка,— сказал он.— Она на западной оконечности острова.

Они потратили остаток дня и всю ночь на поиски суденышка Дж'осуи К'релн Реира. Утром, едва рассвело, они дотащили его до воды и внимательно осмотрели.

— Надежная посудина,— одобрительно сказал граф Смиорган.— Судя по виду, она из того же неизвестного материала, что мы видели в библиотеке Р'лин К'рен А'а.— Он залез в лодку и принялся изучать ее изнутри.

Элрик смотрел назад, на город, думая о человеке, который мог бы стать его другом, как граф Смиорган. У него не было друзей, кроме Симорил в Мелнибонэ. Он вздохнул.

Смиорган открыл несколько сундучков, которые отыскались в лодке, и ухмыльнулся при виде их содержимого.

— Хвала богам, я вернусь в Пурпурные города не с пустыми карманами — мы нашли то, что я искал! Элрик! Сокровища! В конечном счете это путешествие пошло нам на пользу!

— Да...— Мысли Элрика были о другом. Он заставил себя вспомнить о делах более практических.

— Но драгоценностями сыт не будешь, граф Смиорган,— сказал он.— А путешествие до дома нам предстоит дальнее.

— До дома? — Граф Смиорган выпрямил могучую спину, зажав в руке связку ожерелий.— До Мелнибонэ?

— В Молодые королевства. Ты, помнится, приглашал меня к себе.

— На всю оставшуюся жизнь, если пожелаешь. Ты спас меня от смерти, друг Элрик, а теперь ты помог спасти мою честь

— И эти события ничуть не встревожили тебя? Ты видел, что может сделать мой клинок не только с врагами, но и с друзьями

— Мы в Пурпурных городах не любим предаваться размышлениям о прошлом,— серьезно ответил граф Смиорган.— И мы постоянны в своей дружбе. Тебя, принц Элрик, мучит такая боль, какой я никогда не испытаю и никогда не пойму. Но я уже успел поверить в тебя. Почему я должен изменять своей вере? Мы в Пурпурных городах так не поступаем.— Граф Смиорган почесал свою черную бороду и подмигнул Элрику — Я видел несколько ящиков с провизией на разбитой шхуне Авана. Мы обогнем остров и заберем их.

Элрик попытался стряхнуть с себя дурное настроение, но это было не так-то просто, ведь он убил человека, который верил ему, а разговоры Смиоргана о доверии только усугубляли его чувство вины.

Совместными усилиями столкнули они лодку в воду, в которой густо росли водоросли, и Элрик, еще раз обернувшись на молчаливый лес, вздрогнул. Он думал обо всех надеждах, какие возлагал на это путешествие вверх по реке, и проклинал себя за глупость.

Он попытался вспомнить, как он оказался в этом месте, но слишком много прошлых событий перемешались с удивительно живописными недавними снами, посещавшими его. Были ли реальными Саксиф Д'Аан и мир голубого солнца? Элрик уже не был в этом уверен. А это место — было оно реальным или нет? Что-то похожее на сон в нем явно присутствовало. Ему казалось, что он проплыл по многим морям судьбы после своего побега из Пикарайда, и обещание покоя в Пурпурных городах влекло его сейчас больше всего.

Скоро должно прийти время, когда настанет пора возвращаться к Симорил, в Грезящий город, и Элрик обязан будет решить, готов ли он принять на себя ответственность за Сияющую империю Мелнибонэ. Но прежде он намеревается побыть у своего нового друга Смиоргана и познакомиться с обычаями простого и откровенного народа Мении.

Они подняли парус и поплыли по ветру, и Элрик сказал Смиоргану:

— Так значит, ты веришь мне, граф Смиорган?

Морской владыка был несколько озадачен прямотой этого вопроса. Он почесал бороду.

— Да,— сказал он.— Я верю тебе как человеку. Но мы живем в циничные времена, принц Элрик. Даже боги утратили свою чистоту, разве нет?

Элрик был озадачен.

— Ты думаешь, что я могу однажды предать тебя, как.. как я предал здесь Авана?

Смиорган покачал головой

— Такие мысли не в моем характере. Ты преданный друг, принц Элрик. Твой цинизм напускной, и в то же время я, пожалуй, еще не встречал человека, который, как ты, столь остро нуждался бы хоть в малой доли цинизма.— Он улыбнулся.— Тебя предал твой меч, разве нет?

— Вышел из-под моей власти, ты это имеешь в виду?

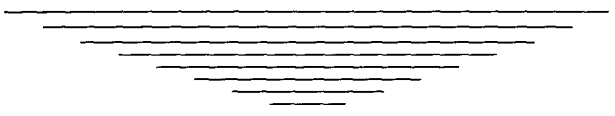
— Да, в этом-то и состоит усмешка судьбы. Человек может доверять человеку, принц Элрик, но, наверно, мы никогда не будем жить в воистину разумном мире, пока люди не научатся доверять человечеству. И тогда, я думаю, наступит конец всякому колдовству.

И тут Элрику показалось, что его рунный меч задрожал у него на боку и слабо застонал, словно слова графа Смиоргана встревожили его.

И наконец Элрик повернул стопы к дому, к острову Драконов, намереваясь занять место на своем троне. Но он не учел вероломства своего кузена. До него дошла весть — и об этом будет следующая история,— что принц Йиркун узурпировал власть на острове, погрузил в сон Симорил, а его, Элрика, объявил преступником. Отказавшись от всех своих надежд, Элрик поклялся отомстить кузену и начал планировать действия, которые неминуемо должны были привести к краху всего, что он любил и ценил...

Хроника Черного Меча

Грезящий город



Моей матери посвящается

Глава первая

ВОЛКИ СОБИРАЮТСЯ

— Который час? — Чернобородый человек снял с головы золоченый шлем и отшвырнул его в сторону, нимало не заботясь о том, куда тот упадет. Он стащил с себя кожаные рукавицы и подошел поближе к огню, чтобы согреть продрогшее до костей тело.

— Полночь давно прошла,— прорычал в ответ один из людей, сидевших вокруг очага; все они были в доспехах.— Ты уверен, что он придет?

— Он же считается человеком слова, если тебе от этого станет легче.

Говорил высокий бледнолицый молодой человек. Его тонкие губы словно пережевывали слова, чтобы тут же их злобно выплюнуть. Он ухмылялся волчьей ухмылкой, глядя новоприбывшему прямо в глаза и откровенно насмехаясь над ним.

Чернобородый пожал плечами и отвернулся.

— Как бы ты ни иронизировал, Йарис, но так оно и есть.— Он говорил голосом человека, который хочет успокоить себя самого.

Теперь вокруг очага сидели уже шесть человек Шестым был Смиорган — граф Смиорган Лысый из Пурпурных городов. Это был невысокий коренастый мужчина пятидесяти лет, с иссеченным шрамами лицом, местами покрытым густой черной порослью. Его глаза горели мрачным огнем, а толстые пальцы нервно постукивали по богато украшенной рукоятке

длинного меча. Голова графа была совершенно лысой, благодаря чему он и получил прозвище. Поверх изысканно украшенных доспехов на нем надет был свободный шерстяной плащ алого цвета.

Голос Смиоргана прозвучал низко:

— Он терпеть не может своего кузена. И есть за что. Йиркун сидит на Рубиновом троне, а его объявил преступником и предателем. Мы нужны Элрику — без нас ему не вернуть ни трона, ни невесты. Мы можем ему доверять.

— Ты сегодня — само доверие, граф.— Йарис улыбнулся желчной улыбкой.— Такое редко встретишь в наши трудные времена. Я вот что скажу...— Он замолчал и набрал в грудь побольше воздуха, обводя взглядом товарищей и пытаясь предугадать их реакцию. Взгляд его на мгновение останавливался на их лицах — от Дхармита из Джаркора до Фадана из Лормира, который, глядя в огонь, сложил трубочкой толстые губы.

— Говори, Йарис,— нетерпеливо сказал Нэкон, вилмирец с аристократическим лицом.— Послушаем, что ты хочешь сказать, приятель, если только это стоит слушать.

Йарис посмотрел на щеголя Джику, который невежливо зевал и почесывал свой длинный нос.

— Ну?! — раздраженно проговорил Смиорган.— Так что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мы должны начать прямо сейчас и больше не терять времени, пока Элрик где-то там развлекается. Небось сидит себе теперь в какой-нибудь таверне за сто миль отсюда и посмеивается над нами, а то и того хуже — договаривается с владыками драконов, как заманить нас в ловушку. Мы несколько лет планировали этот рейд. У нас мало времени для нанесения удара — наш флот слишком велик, слишком заметен. Да даже если Элрик нас и не предал, шпионы скоро побегут на восток и предупредят владык драконов, что против них собран мощный флот. У нас две возможности. Либо мы получаем огромные сокровища, завоевав крупнейший торговый порт мира и захватив все его богатства. Либо, если мы будем слишком долго собираться, владыки драконов предают нас мучительной смерти. Давайте не будем попусту тратить время и поспешим в путь, прежде чем добыча дознается о наших планах и успеет подготовиться.

— Ты всегда был чересчур подозрительным, Йарис,— сказал, неторопливо проговаривая каждое слово, король Нэкон из Вилмира. При этом он смерил молодого человека неприязненным взглядом.— Нам не добраться до Имррира без Элрика. Только он один знает лабиринт, ведущий во внутреннюю гавань. Без Элрика все наши усилия обречены на провал. Он нам нужен. Мы должны дождаться его или отказаться от наших планов и отправиться по домам.

— Но я готов рискнуть! — выкрикнул Йарис, его раскосые глаза излучали злость.— Вы настоящие старики — все вы. Сокровища не завоевываются осторожностью и осмотрительностью — их захватывают быстрым налетом, молниеносной атакой.

— Глупец! — В освещенном огнем помещении загремел голос Дхармита. Он устало рассмеялся.— Я в юности говорил то же самое и в результате потерял флот. Мы сможем победить Имррир лишь с помощью хитрости и знаний Элрика. Ну и конечно, с помощью крупнейшего флота, который когда-либо появлялся в море Драконов с тех времен, когда перед знаменами Мелнибонэ вынуждены были склониться все народы земли. Мы здесь — самые могущественные морские владыки, каждый привел сюда по сотне быстроходных судов. Наших имен страшатся, они известны повсюду, наши флоты опустошают побережья десятков малых стран. Мы обладаем *силой!* — Дхармит помахал огромным кулаком перед лицом Йариса. Голос его стал более ровным. Он зловеще улыбался, испепеляя Йариса взглядом и стараясь тщательно подбирать слова.— Но все это ничего не стоит, бессмысленно без той силы, которой обладает Элрик. А это сила знания... колдовства, если уж воспользоваться этим проклятым словом. Его отцы знали тайну лабиринта, который защищает Имррир от нападения с моря. И они передали эту тайну ему. Имррир, Грезящий город, он почиет в мире и будет продолжать почивать, если у нас не окажется проводника, который проложит курс через опасные пороги, ведущие в гавань. Нам *нужен* Элрик — мы знаем это, и Элрик это знает. Такова истина!

— Такое доверие, господа, греет мне сердце.— В низком голосе, донесшемся от входа в зал, слышалась ирония.

Головы шести морских владык повернулись к двери.

От самоуверенности Йариса ничего не осталось, когда его глаза встретились с глазами Элрика из Мелнибонэ — глазами старика, глядевшими с молодого, тонко очерченного лица Йарис вздрогнул и повернулся к Элрику спиной, предпочтя смотреть на ярко пылающий огонь.

Элрик тепло улыбнулся, когда граф Смиорган положил руку ему на плечо. Между ними давно установилось что-то наподобие дружбы. Небрежным кивком поприветствовав остальных, Элрик легким шагом подошел к огню. Йарис отступил, пропуская его. Элрик был высокого роста, узок в талии и широк в плечах Его длинные волосы были завязаны в хвост на затылке. По каким-то непонятным причинам он носил одеяния варвара из южных земель — высокие, до колена сапоги из мягкой замши, серебряный нагрудник необычной работы, клетчатая куртка из серо-голубой материи, бриджи из алой шерсти и плащ из шуршащего зеленого бархата. На бедре у него висел Черный Меч, Буревестник, наводящий ужас, меч, выкованный с помощью древнего нечеловеческого колдовства

Странная одежда Элрика выглядела безвкусно и вычурно и никак не соответствовала тонкому лицу и чуть ли не женственным рукам с длинными пальцами. Тем не менее император щеголял в своем одеянии, словно подчеркивая этим тот факт, что он сам по себе и не примыкает ни к какой группировке, что он изгнанник, человек, всем чужой. Хотя на самом деле необходимости носить такую бросающуюся в глаза одежду у него не было — одних глаз Элрика, одного цвета его кожи было достаточно, чтобы выделить его из любой толпы.

Элрик, последний правитель Мелнибонэ, был альбиносом, черпавшим силы из тайного и жуткого источника.

Смиорган вздохнул

— Так что же, Элрик, когда мы предпримем атаку на Имррир?

Элрик пожал плечами.

— Когда хотите. Мне все равно. Мне только нужно немного времени, чтобы завершить свои дела.

— Завтра... Как насчет завтра? — неуверенно сказал Йарис, чувствуя странную силу, исходящую от человека, которого он только что обвинил в предательстве.

Элрик улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Через три дня,— сказал он.— Три или больше.

— Три дня! Но к тому времени в Имррире станет известно о наших планах! — заговорил толстый осторожный Фадан.

— Я сделаю так, чтобы флот не был обнаружен,— пообещал Элрик.— Сначала мне нужно побывать в Имррире и вернуться.

— Ты не успеешь за три дня даже на самом быстром корабле,— удивленно произнес Смиорган.

— Я прибуду в Грезящий город меньше чем через день,— тихо, но твердо сказал Элрик.

Смиорган пожал плечами.

— Если ты так говоришь, я тебе верю. Но что за необходимость посещать город перед нападением?

— Я испытываю некоторые угрызения совести, граф Смиорган. Но можешь не беспокоиться — вас я не предам Я сам возглавлю наступление — в этом не сомневайтесь.— Мертвенно-бледное лицо Элрика освещалось призрачным светом очага, его красные глаза горели. Тонкая рука императора уверенно покоилась на рукояти рунного меча. Дыхание его словно бы участилось.— Дух Имррира пал пять веков назад, а вскоре настанет и его окончательное падение! Мне нужно вернуть один старый должок. Это единственная причина, по которой я вам помогаю. Вам известны те два условия, которые я поставил. вы должны сровнять город с землей, но не причинить никакого вреда одной женщине и одному мужчине. Я имею в виду моего кузена Йиркуна и его сестру Симорил...

Тонкие губы Йариса сделались неприятно сухими. Его нетерпеливость объяснялась главным образом ранней потерей отца. Старый морской король умер, оставив юного Йариса владыкой своих земель и флотов. Йарис вовсе не был уверен, что способен управлять таким огромным королевством, какое ему досталось, а потому пытался демонстрировать больше уверенности, чем в нем было на самом деле.

— И как же нам спрятать флот, господин Элрик? — спросил он.

Мелнибониец выслушал вопрос.

— Это я беру на себя,— пообещал он.— Я покину вас в том числе и ради того, чтобы заняться этим вопросом, но все ваши люди сначала должны сойти на берег. Ты проследишь, чтобы это было выполнено, Смиорган?

— Да,— сказал коренастый граф.

Они с Элриком вместе вышли из зала, оставив пятерых у огня — пятерых, которые в нагретом воздухе зала чувствовали ледяное дыхание судьбы.

— Как же он собирается спрятать целый флот, если даже мы, зная этот фиорд как пять своих пальцев, не смогли отыскать укрытия? — недоуменно сказал Дхармит из Джаркора.

Никто ему не ответил.

Они пребывали в состоянии нервного, напряженного ожидания, огонь в очаге уже не пылал, а вяло горел и скоро погас совсем. Наконец вернулся Смиорган, шумно шагая по дощатому полу. Он принес с собой атмосферу какого-то нестерпимого ужаса — это была почти осязаемая аура. Дыхание графа было тяжелым, и мучительная дрожь сотрясала его тело.

— Ну так что, спрятал Элрик флот? Что он там такое сделал? — нетерпеливо спросил Дхармит, намеренно не обращая внимания на состояние Смиоргана.

— Спрятал.— Больше Смиорган ничего не сказал, и голос его прозвучал слабо, как голос больного, страдающего от жара.

Йарис выглянул за порог, пытаясь выяснить, что происходит на берегах фиорда. Но увидел только пламя многих костров. Ни силуэтов кораблей, ни мачт, ни такелажа — ничего этого он не заметил.

— Слишком сильный туман,— пробормотал он.— Не могу понять, есть там корабли или нет.— Тут рот его открылся от изумления — из вязкого тумана показалось белое лицо.

— Мои приветствия, господин Элрик,— пробормотал он, заметив капельки пота на застывшем в напряжении лице мелнибонийца.

Элрик на негнущихся ногах прошел мимо него в зал.

— Вина! — потребовал он.— Я сделал то, что обещал, и далось это мне нелегко.

Дхармит достал кувшин крепкого кадсандрийского вина и трясущейся рукой налил его в резной деревянный кубок. Не говоря ни слова, он передал кубок Элрику, и тот его в момент осушил.

— Я должен поспать,— сказал Элрик, вытягиваясь в кресле и заворачиваясь в зеленый плащ. Он закрыл усталые малиновые глаза и в полном изнеможении погрузился в сон.

Фадан поспешил к двери и закрыл ее на тяжелую щеколду.

Никто из шестерых толком этой ночью не спал, а утром оказалось, что дверь отперта, а Элрик исчез. Выйдя наружу, они оказались в таком густом тумане, что потеряли друг друга из виду, хотя были один от другого не дальше чем в двух-трех футах.

Элрик, широко расставив ноги, стоял на гальке узкой береговой полосы. Он смотрел на горловину фиорда, с удовлетворением отмечая, что туман сделался еще гуще, хотя клубился лишь над гладью воды, укрывая многочисленный флот. В других местах воздух был чист, а в небесах светило бледное зимнее солнце, высвечивая черные зубцы скал, что нависали над берегом. Перед ним с унылым однообразием набегали на берег волны, напоминая грудь дышащего морского чудовища,— прозрачные, со стальным отливом, они играли бликами на холодном солнце. Элрик тронул рельефные руны на рукояти своего Черного Меча. Упрямый северный ветер надувал парусом широкие складки его темно-зеленого плаща, и плащ полоскался на его высокой гибкой фигуре.

Альбинос чувствовал себя лучше, чем минувшей ночью, когда он потратил все свои силы, вызывая туман. Элрик был довольно искушен в практической магии, но у него не было того резерва энергии, каким владели императоры-чародеи Мелнибонэ, когда правили миром. Его предки передали ему свои знания, но не свою необыкновенную жизненную силу, и он не мог воспользоваться многими из чар и секретов, которыми владел, поскольку не имел запасов сил, ни душевных, ни телесных, необходимых для воплощения этих чар и секретов в

жизнь. И при этом Элрику был известен еще только один мелнибониец, который мог сравниться с ним в колдовских познаниях,— его кузен Йиркун.

Пальцы Элрика крепче сжали рукоять меча, когда он вспомнил о своем кузене, который дважды предал его. Но Элрик заставил себя сосредоточиться на своей первостепенной задаче — заклинаниях, способных помочь ему в его путешествии на остров Драконов, единственный город которого, Имррир Прекрасный, был целью нападения морских владык.

К берегу была причалена небольшая лодчонка Элрика — суденышко надежное и гораздо более прочное, чем это могло показаться на первый взгляд. Затаившееся море с отливом оставляло вокруг клочья морской пены, и Элрик, глядя на эту картину, понял, что у него почти не осталось времени, чтобы прибегнуть к задуманному колдовству.

Тело его напряглось, он выкинул все посторонние мысли из головы, вызывая сокровенные знания из темных глубин души. Он покачивался, взор был устремлен вперед, но глаза ничего не видели, вытянутые руки подергивались, рисуя в воздухе причудливые символы; он заговорил свистящими звуками, речь его лилась монотонно. Постепенно высота его голоса нарастала, напоминая едва слышимые порывы далекого штормового ветра по мере их приближения. Внезапно голос резко взмыл вверх, и небеса услышали вой, а воздух начал дрожать и колебаться. Стали вырисовываться неясные очертания, которые все время двигались, метались вокруг тела Элрика, и тот неуверенно двинулся в направлении лодки.

В голосе его уже не было ничего человеческого, он превратился в безостановочный вой, призывание элементалей воздуха — сильфов бризов, шарнахов, живущих в бурях, х'Хааршанов, созданий ураганов; смутные и бесформенные, они крутились вокруг Элрика, отвечая на его призыв о помощи, произнесенный словами его праотцов, которые много веков назад заключили немыслимый договор с элементалями, дабы заручиться их поддержкой.

Все так же неуверенно, на негнущихся ногах Элрик вошел в лодку, и его руки автоматически подняли парус и закрепили его. Вдруг из спокойного моря появилась огромная волна — она поднималась все выше и выше и наконец нависла над суденышком. Огромным валом вода обрушилась на лодку, подхватила ее и понесла в море. Элрик, сидевший с невидящим взором на корме, продолжал страшное заунывное пение, а духи ветров надували паруса и несли лодку все скорее и скорее, как не может двигаться ни один корабль смертных. И все это время воздух вокруг лодки полнился оглушающими жуткими визгами освобожденных элементалей, потом берег исчез за горизонтом, и теперь с лодки можно было увидеть только бескрайнее море.

Глава вторая

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ, ДРЕВНИЕ СОЮЗНИКИ

Так, сопровождаемый демонами ветра, Элрик, последний из королевского рода властителей Мелнибонэ, возвращался в последний город, в котором все еще правил его народ,— последний город и последний пережиток мелнибонийской архитектуры. Облачно-розовые и светло-желтые оттенки ближних башен появились на горизонте через несколько часов после того, как Элрик покинул устье фиорда. Перед самым берегом острова Драконов элементали оставили лодку и вернулись в свои тайные обиталища среди высочайших вершин мира. Лишь теперь Элрик вышел из транса, бросил внимательный взгляд на свой родной город — и вновь удивился красоте его грациозных башен, все еще защищенных со стороны моря устрашающей стеной с огромными вратами, лабиринтом с пятью входами, состоящим из множества пересекающихся каналов, из которых только один вел во внутреннюю гавань Имррира.

Элрик знал, что не рискнет войти в гавань по лабиринту, хотя маршрут этот был известен ему как никому другому. Вместо этого он решил высадиться на лодке чуть дальше по берегу в небольшой бухте, известной ему с давних пор. Уверенной, умелой рукой направил он маленькое суденышко в тайную бухту, скрытую зарослями кустарника, плодоносящего жуткого

вида синими ягодами, ядовитыми для людей: на всякого, их отведавшего, сперва нападала слепота, а потом постепенно человеком овладевало безумие. Эта ягода, называвшаяся нойдель, росла только на Мелнибонэ, как и некоторые другие редкие и смертельно опасные растения.

Легкие низкие облачка медленно катились по раскрашенному солнцем небу, подобно лоскуткам паутины, подхваченным нежданным порывом ветра. Казалось, весь мир разрисован в синий, золотой, зеленый и белый цвета, и Элрик, затаскивая свою лодку на берег, вдыхал чистый, свежий зимний воздух и наслаждался запахами прелой листвы и гниющего подлеска. Где-то затявкала лисица, благодарная своему самцу, и Элрик вдруг пожалел о том, что его вымирающий народ больше не умеет наслаждаться красотой природы, предпочитая держаться поближе к городу и проводить большую часть жизни в грезах, вызванных различными снадобьями. Грезил вовсе не город — грезили его чересчур цивилизованные обитатели. Элрик, вдыхая сочные, чистые запахи зимы, радовался тому, что, невзирая на свое наследное право, он не властвует в городе, как то надлежит ему по рождению.

Вместо этого его кузен Йиркун восседает на Рубиновом троне Имррира Прекрасного, питая лютую ненависть к Элрику, потому что знает, что альбинос, невзирая на всю свою неприязнь к коронам и прочим атрибутам власти, остается истинным правителем острова Драконов, а он, Йиркун, является узурпатором, ибо Элрик не ставил его на власть, как того требуют мелнибонийские традиции.

Но у Элрика было куда как больше причин ненавидеть кузена. И именно по этим причинам древняя столица должна была пасть во всем своем пышном великолепии, и тогда розовые, желтые, алые и белые башни рухнут, и последний осколок когда-то славной империи будет предан забвению... если Элрик добьется своего, а морским владыкам будет сопутствовать успех.

Элрик отправился в Имррир пешком; позади оставались мили пути, поросшего мягкой травой, солнце окутывало землю охристой дымкой, а потом скатилось за горизонт, уступив

место темной, безлунной ночи, зловещей и чреватой всевозможными дурными предзнаменованиями.

Наконец он добрался до города. Имррир выделялся резкими черными контурами, город фантастического великолепия как по замыслу, так и по исполнению. Это был старейший из городов мира, построенный художниками и замысленный как произведение искусства, а не просто место для проживания; но Элрик знал, что на многих узеньких улочках царит нищета, в то время как по воле властителей Имррира многие башни пусты и необитаемы, и городская чернь никогда в них не будет допущена. Истинных владык драконов, тех, кто мог похвалиться чистой мелнибонийской кровью, оставалось совсем немного.

Город естественным образом вписывался в местность, на которой располагался, повторяя ее рельеф; его петляющие улицы поднимались до вершины горы, где стоял замок — высокий, горделивый, с множеством шпилей, этот великолепный, непревзойденный шедевр древнего мастера, чье имя давно забыто. Но Имррир Прекрасный не издавал ни одного звука, от него исходило только ощущение какого-то убаюкивающего упадка. Город спал — владыки драконов, их жены, их рабы для особого рода утех спали, приняв свои снадобья, и видели сонные грезы, полные величия и неописуемого ужаса, тогда как простые жители, подчиняясь комендантскому часу, ворочались на тощих тюфяках и пытались не спать вообще.

Элрик, как всегда держа руку поближе к рукояти меча, прошел через неохраняемые ворота за городскую стену и направился по неосвещенным петляющим улочкам вверх к дворцу Йиркуна.

В пустых помещениях башен вздыхал ветер. Элрику иногда приходилось прятаться в темных проулках, если слышался звук шагов — это проходил наряд стражников, чьей обязанностью было обеспечение комендантского часа. Нередко до Элрика доносился чей-то безумный смех из какой-нибудь башни, освещенной яркими факелами, отбрасывающими на стены странные, жутковатые тени. Случалось, до него долетал безумный, душераздирающий крик — это умирал в бесстыдной агонии какой-нибудь несчастный раб, ублажая своего хозяина.

Элрика не ужасали ни эти звуки, ни мрачные картины, открывающиеся его глазам. Он наслаждался ими. Он все еще был мелнибонийцем, законным властителем всех этих людей — если только он пожелал бы восстановить над ними свою королевскую власть,— и хотя он и испытывал подспудное желание скитаться по земле и предаваться менее изощренным наслаждениям внешнего мира, десять тысяч лет жестокой, блестящей, агрессивно-злобной культуры цепко держали Элрика, а в больных венах императора Мелнибонэ пульсировала кровь его предков.

Элрик нетерпеливо постучал в тяжелую дверь черного дерева. Он уже добрался до дворца и теперь, опасливо оглядываясь (он знал, что Йиркун отдал приказ стражникам убить его, Элрика, если он объявится в Имррире), стоял у малого заднего входа.

С другой стороны послышался скрежет щеколды, и дверь бесшумно открылась внутрь. Элрик увидел худое, в шрамах лицо.

— Это король? — прошептал человек, вглядываясь в ночь. Задавший вопрос был высоким, очень худым, с длинными искривленными конечностями; он подошел ближе — каждое движение давалось ему с трудом — и, щуря близорукие глаза, вгляделся в Элрика.

— Это принц Элрик,— сказал альбинос.— Но ты, друг мой Скрюченный, забыл, что новый король восседает на Рубиновом троне.

Скрюченный покачал головой, и его редкие волосы упали ему на лицо. Дергающимися движениями он отбросил их пятерней назад и отошел в сторону, пропуская Элрика.

— На острове Драконов всего один король, и его зовут Элрик, какие бы узурпаторы ни восседали на троне.

Элрик пропустил мимо ушей это заявление, однако едва заметно улыбнулся, дожидаясь, когда Скрюченный закроет дверь на засов.

— Она все еще спит, мой господин,— пробормотал старик, когда они начали подниматься по неосвещенной лестнице — Скрюченный впереди, Элрик сзади.

— Я это предчувствовал,— сказал Элрик.— Я нисколько не принижаю колдовских способностей моего милого кузена.

Двое поднимались в тишине по лестнице и оказались наконец в коридоре, освещенном пляшущим пламенем факела. Огонь отражался в мраморе стены, и Элрик, притаившийся со Скрюченным за колонной, увидел, что перед интересующим его помещением стоит коренастый лучник — по виду евнух,— бдительно несущий охрану. Стражник был лыс и толст, сине-черные сверкающие доспехи плотно сидели на его теле, а пальцы натягивали тетиву короткого костяного лука с установленной на ложе тонкой стрелой. Элрик понял, что это один из знаменитых лучников-евнухов, входящих в Безмолвную стражу, лучший отряд воинов Имррира.

Скрюченный, который обучал Элрика искусству фехтования и стрельбы из лука, знал о том, что здесь находится стражник, и приготовился к этому. Он заранее спрятал лук за колонной. Безмолвно взяв лук, он согнул его о колено и надел тетиву. Наложив стрелу, он прицелился в правый глаз стражника и выстрелил в тот момент, когда лучник повернулся к нему лицом. Стрела не попала в цель — она ударилась в латный воротник и, не причинив воину вреда, упала на выстланный тростником пол.

И тут в дело незамедлительно вступил Элрик. Он прыгнул, выставив перед собой рунный меч, неземная сила тут же хлынула в Элрика. Меч завыл, сверкнув своей черной сталью, и разрубил костяной лук, которым евнух надеялся отразить удар. Стражник тяжело дышал, его толстые губы были влажны, он набрал в грудь воздуха, чтобы закричать. Когда он открыл рот, Элрик увидел то, что и ожидал: у воина не было языка. Немой лучник вытащил свой короткий меч и сумел парировать следующий удар Элрика. Этот удар высек искры из стали, и Буревестник врезался в тонкий клинок евнуха. Стражник пошатнулся и упал на спину под напором Черного Меча, жившего словно бы своей собственной жизнью. Звон металла громко разнесся по небольшому коридору, и Элрик проклял судьбу, которая в самый опасный момент подсунула ему это препятствие. Он молча и с мрачным видом сломил сопротивление стражника.

Евнух лишь мельком увидел лицо своего противника за черным неугомонным мечом, который казался таким легким и в два раза превосходил длиной его собственный короткий клинок. Мысли евнуха метались, он пытался сообразить, с кем имеет дело, и ему даже показалось, что он узнал это лицо. Но тут алый всплеск застил ему глаза, его лицо словно обожгло, и он с философской обреченностью (ведь евнухам свойствен определенный фатализм) понял, что умирает.

Элрик встал над распростертым телом евнуха, извлек меч из черепа и отер его от крови и мозгов о плащ поверженного противника. Скрюченный благоразумно исчез. Элрик услышал стук сандалий по лестничным ступеням. Альбинос толкнул дверь и вошел в комнату, освещенную двумя свечами, стоящими по обе стороны широкой, богато убранной кровати. Он подошел к кровати и посмотрел на лежащую на ней черноволосую девушку.

Губы Элрика скривились, его необычные, малинового цвета глаза наполнились слезами. Вздрогнув, он вложил в ножны меч, повернулся к двери и закрыл ее на засов, потом вернулся к ложу и встал на колени перед спящей девушкой. Она была похожа на Элрика, но ее черты, такие же тонкие, как у него, обладали к тому же изысканной красотой. Ее сон был вызван не естественной усталостью, а злобным колдовством собственного брата, и дыхание ее было поверхностным.

Элрик нежно взял тонкую руку девушки в свою, приложил к губам и поцеловал.

— Симорил,— произнес он, и в этом имени прозвучала мучительная тоска.— Симорил, проснись.

Девушка не шевельнулась, ее дыхание было по-прежнему поверхностным, а глаза оставались закрытыми. Гримаса отчаяния исказила белое лицо Элрика, его малиновые глаза пылали, а тело сотрясалось в ужасном и непреодолимом гневе Он сжал руку девушки — вялую и безжизненную, как у мертвеца; он сжимал ее все сильнее, но потом разжал хватку, опасаясь, что может сломать хрупкие пальцы.

Потом он услышал крики воина и удары в дверь.

Элрик вернул руку на грудь девушки и поднялся на ноги Он недоумевающим взглядом посмотрел на дверь.

Крик воина был прерван более резким холодным голосом:

— Что тут происходит? Неужели кто-то пытался пробраться в комнату моей спящей сестры?

— Йиркун, адское отродье,— прошептал Элрик.

Вслед за сбивчивым бормотанием воина послышался громкий голос Йиркуна, прокричавшего сквозь закрытую дверь:

— Кто бы ты ни был, когда тебя схватят, ты будешь долго умирать. Тебе некуда бежать. Если ты причинишь хоть малейший вред моей милой сестре, то ты не умрешь никогда, это я тебе обещаю. Но ты будешь вечно молить богов о собственной смерти!

— Йиркун, ты жалкий хвастун! Как ты можешь угрожать тому, кто равен тебе в темных искусствах?! Это говорю я, Элрик, твой законный повелитель. Возвращайся в свою крысиную нору, пока я не вызвал все злые силы над землей, на земле и под землей, чтобы уничтожить тебя!

Йиркун неуверенно рассмеялся.

— Значит, ты вернулся, чтобы еще раз попытаться разбудить мою сестру. Любая такая попытка не только убьет ее, но и отправит ее душу в самые пучины ада, где ты сможешь легко к ней присоединиться.

— Клянусь шестью грудями Арнары, это ты скоро будешь умирать тысячью смертей.

— Ну, хватит этой болтовни,— повысил голос Йиркун.— Воины, я приказываю выломать дверь и взять этого предателя живым. Есть две вещи, Элрик, которыми ты больше никогда не будешь владеть,— любовью моей сестры и Рубиновым троном. Можешь как угодно распорядиться тем немногим временем, что тебе осталось, потому что скоро ты будешь пресмыкаться передо мной и молить, чтобы я освободил тебя от агонии твоей души.

Элрик пропустил мимо ушей угрозы Йиркуна — он смотрел на узкое окно комнаты. Через него едва могло протиснуться человеческое тело. Он наклонился и поцеловал Симорил в губы, потом подошел к двери и бесшумно отодвинул засов.

Послышался грохот — воин всем телом навалился на дверь. Дверь распахнулась, человек ввалился в комнату и распростер-

ся на полу лицом вниз. Элрик вытащил меч, поднял его повыше и отсек воину голову, которая покатилась по полу. И тогда Элрик громко закричал низким, с переливами голосом.

— Ариох! Ариох! Я даю тебе кровь и души, только помоги мне теперь! Я отдаю тебе эту душу, о могущественнейший из герцогов Ада — помоги же своему слуге, Элрику из Мелнибонэ!

Трое воинов ввалились в комнату. Элрик снес полголовы одному, тот издал страшный крик.

— Ариох, Владыка Тьмы, я даю тебе кровь и души, помоги мне, король зла!

В дальнем углу темной комнаты начал медленно формироваться черный туман, однако воины наступали, и Элрику с трудом удавалось сдерживать их.

Он без конца выкрикивал имя Ариоха, Владыки Высшего Ада, делая это чуть ли не бессознательно, отбиваясь от превосходящего числа воинов. За ними бесился Йиркун, с пеной у рта приказывая своим людям взять Элрика живым. Это давало Элрику небольшое преимущество. Рунный меч сверкал странным черным светом, и его леденящий душу вой терзал уши тех, кто слышал его. Еще два тела упали на застеленный ковром пол, и их кровь впиталась в роскошную ткань ковра

— Кровь и души для моего повелителя Ариоха!

Черный туман стал клубиться и принимать очертания. Элрик бросил взгляд в угол, и, хотя и был закален зрелищами ужасов ада, его пробрала дрожь. Наступавшие воины сражались спиной к тому углу, а Элрик находился у окна. Аморфная масса, являвшая собой далеко не самое приятное для глаза проявление изменчивого бога, покровительствовавшего Элрику, снова принялась дыбиться, и Элрик различил невыносимо ужасную форму. Желчь хлынула ему в рот, и он, выводя воинов лицом на это чудовище, зловеще продвигающееся вперед, боролся с безумием, которое овладевало им.

Внезапно воины, казалось, поняли, что за ними что-то есть. Они повернулись, и все четверо издали безумный крик, а черный ужас, сделав последний бросок, поглотил их. Ариох нагнулся над ними, выпивая их души. Потом их кости начали слабеть и трескаться, и воины, не прекращая звериного крика,

распростерлись на полу, словно какие-то омерзительные беспозвоночные. Но хотя их хребты были переломаны, они продолжали жить.

Элрик отвернулся, порадовавшись, что Симорил спит и не видит этого, и запрыгнул на подоконник. Он посмотрел вниз, и отчаяние охватило его — через окно бежать было невозможно. От земли его отделяли несколько сотен футов. Он ринулся к двери, где Йиркун с расширившимися от ужаса глазами пытался изгнать Ариоха, чей образ уже начал терять очертания.

Элрик, бросив прощальный взгляд на Симорил, проскочил мимо кузена и пустился назад тем путем, которым пришел, ноги его поскальзывались на крови. Скрюченный встретил его у начала темной лестницы.

— Что случилось, король Элрик? Что там происходит?

Элрик ухватил Скрюченного за тощее плечо и направил вниз по лестнице.

— Нет времени,— тяжело дыша, проговорил он.— Мы должны поспешить, пока Йиркун занят своей насущной проблемой. Через пять дней у Имррира начнется новый период его истории, возможно — последний. Я хочу, чтобы ты позаботился о Симорил. Она должна быть в безопасности. Ты понял?

— Понял, мой господин, но...

Они оказались у двери, и Скрюченный отодвинул засов.

— У меня нет времени на подробности. Я должен бежать, пока есть возможность. Я вернусь через пять дней. . с товарищами. Когда придет время, ты поймешь, что я имею в виду. Отнеси Симорил в башню Д'а'рпутны и жди меня там.

Сказав это, Элрик неслышно исчез в ночи, а вопли умирающих все еще звучали во мраке у него за спиной.

Глава третья

О МЕСТИ, ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И ВИНЕ

Элрик молча стоял на носу флагманского корабля графа Смиоргана. После своего возвращения в фиорд и последующего выхода флота в открытое море Элрик не проронил ни

слова, кроме слов команды, да и те давал самые короткие. Морские владыки поговаривали между собой, что его одолевает великая ненависть, что она терзает его душу, и в таком состоянии он становится опасен, независимо от того, друг он тебе или враг. Даже граф Смиорган избегал подверженного переменчивым настроениям альбиноса.

Флотилия взяла курс на восток, и море было черным-черно от множества легких кораблей, раскачивающихся на воде,— они были похожи на огромную морскую птицу, распростершую на волнах свои крылья. Около пятисот боевых кораблей вышли в путь; у всех них была почти одна и та же форма — продолговатая и узкая, и созданы они были скорее для быстрого плавания, чем для боя, поскольку предназначались для налетов на прибрежные поселения и для торговли. Бледное солнце высветило паруса, изготовленные из нового, яркого материала,— оранжевые, синие, черные, алые, красные, желтые, светло-зеленые и белые. На каждом корабле находилось по шестнадцать или больше гребцов, а каждый гребец был к тому же и воином. Команды также состояли из воинов, которые собирались участвовать в атаке на Имррир,— люди имели по нескольку обязанностей, поскольку морские народы были малочисленны и ежегодно теряли в своих регулярных морских рейдах сотни жизней.

В середине этого огромного флота расположились более крупные суда. На них находились тяжелые катапульты, предназначавшиеся для штурма стены Имррира, защищавшей город со стороны моря. Граф Смиорган и другие морские владыки с гордостью взирали на свои корабли, но Элрик смотрел только вперед; он не смыкал глаз, по его белому лицу хлестали соленые брызги и ветер, а его пальцы обнимали рукоять меча.

Корабли целеустремленно двигались на восток в направлении острова Драконов и его фантастических богатств — или адского ужаса. Они неумолимо, движимые судьбой, продвигались все дальше и дальше, их весла работали в унисон, их паруса наполнялись попутным ветром.

Они плыли все дальше и дальше, к Имрриру Прекрасному, чтобы ограбить и разорить старейший из городов мира

Через два дня после того, как флот поставил паруса, на горизонте появился берег острова Драконов, и плески весел сменились бряцанием оружия — огромный флот приближался к городу и готовился совершить то, что разумные люди считали невозможным.

С корабля на корабль передавались приказы, и флот начал строиться в боевой порядок. Потом весла заскрипели в уключинах, и флот с уложенными парусами продолжил свое неумолимое движение.

День стоял ясный, прохладный и свежий, и среди всех участвующих в походе — от морских владык до последнего моряка — царило напряженное воодушевление, все они погрузились в мысли о ближайшем будущем и о том, что оно им сулит. Ростры кораблей смотрели на огромную каменную стену, которая блокировала первый вход в гавань. Высота стены составляла почти сотню футов, и венчали ее башни, но не ажурные, как те, что мерцали вдали над городом, а мощные, боевые. Через большие ворота в середине стены дозволялось проходить только кораблям Имррира, а путь через лабиринт — даже место входа в него — держалось в строжайшей тайне.

Теперь по этой стене, высящейся перед флотом, приведенные в замешательство стражники неслись на свои посты. Угроза нападения им казалась совершенно немыслимой, и тем не менее огромный флот — такой огромный, каких страже и видеть-то не доводилось,— подошел к стенам Имррира Прекрасного! Они заняли свои посты, ветер играл их желтыми плащами и юбками, бряцали их бронзовые доспехи, но, растерянные, они двигались с неохотой, словно отказываясь признать то, что открылось их взглядам. И свои посты они заняли с какой-то отчаянной обреченностью, чувствуя, что, даже если вражеские корабли никогда не достигнут лабиринта, они, защитники этой стены, никогда не увидят поражения атакующих.

Дивим Таркан, командир стражи, был человеком чувственным, любившим жизнь и ее удовольствия. Он был сноб и красавец с тонкой бородкой и крохотными усиками. В бронзовых доспехах и высоком шлеме с оперением выглядел коман-

дир превосходно. Он вовсе не хотел умирать. С отработанной четкостью он прокричал лаконичные слова приказа своим людям, и те подчинились. Дивим Таркан озабоченно прислушивался к далеким крикам на кораблях и спрашивал себя, какой первый ход сделают нападающие. Долго ждать ответа ему не пришлось.

Катапульта на одном из кораблей авангарда гортанно зазвенела, и ее метательный рычаг пришел в движение, выстрелив огромным камнем, который со всем возможным изяществом лениво полетел к стене. Не долетев до цели, он плюхнулся в воду, которая тут же бурунами ударила о камни стены.

Сглотнув слюну и всеми силами стараясь скрыть дрожь в руках, Дивим Таркан приказал произвести выстрел собственной катапультой. Когда с глухим ударом перерубили спускной канат, в направлении вражеского флота полетело зажигательное ядро. Корабли располагались так близко друг к другу, что ядро не могло не попасть в цель — оно упало на палубу флагманского корабля Дхармита из Джаркора и проломило ее. Не прошло и нескольких мгновений, как корабль под крики искалеченных и тонущих моряков затонул, а с ним погиб и Дхармит. Некоторые члены команды были подняты на другие корабли, но раненых оставили тонуть.

Прогремел выстрел еще одной катапульты, и теперь снаряд попал точно в цель — в башню, полную лучников. Каменная кладка разрушилась, и те, кто остался жив, с криками попадали вниз, чтобы погибнуть в пенящейся воде, бьющей о стену. Теперь имррирские лучники, раздосадованные гибелью своих товарищей, натянули тетивы и обрушили тучу стрел на врага. Нападающие, в чьи тела жадно вонзались оснащенные красным оперением стрелы, кричали от боли. Но они тоже ответили градом стрел, и вскоре на стене осталась только горстка защитников — новые снаряды, пущенные из катапульт, поражали башни и людей, уничтожили единственную катапульту, а вместе с ней разрушили часть стены.

Дивим Таркан был все еще жив, хотя его желтый плащ и пропитала красная кровь, а из левого плеча торчал обломок стрелы. Он был все еще жив, когда первый корабль-таран не-

умолимо надвинулся на ворота и, ударив по створкам, ослабил их. К первому присоединился второй, и совместными усилиями они пробили ворота и вошли внутрь. Впервые *не мелнибонийский* корабль смог это сделать.

Наверное, Дивима Таркана обуял ужас из-за того, что древний запрет был нарушен, и он, потеряв равновесие, свалился вниз и сломал шею о палубу флагманского корабля графа Смиоргана, торжествующе проплывавшего сквозь разбитые ворота.

Тараны расчистили путь для корабля графа Смиоргана, где находился Элрик, который должен был провести флот по лабиринту. Перед ними виднелись пять высоких входов, похожих на пять одинаковых зияющих пастей. Элрик указал на средний, и гребцы короткими ударами весел направили корабль к нему. Некоторое время они плыли в темноте.

— Огни! — крикнул Элрик.— Зажечь огни!

Факелы были заготовлены заранее, и теперь их подожгли. Нападающие увидели, что находятся в огромном туннеле, прорубленном в естественной скале и имеющем многочисленные ответвления.

— Сблизиться! — приказал Элрик, и его голос в десятки раз усилился эхом.

Сверкало пламя факелов, и лицо Элрика представляло собой маску теней и пляшущих отблесков — длинные языки пламени от факелов рвались чуть ли не к мрачным сводам туннеля. Элрик слышал, как моряки за его спиной перешептываются, преисполнившись трепета перед увиденным. В лабиринт входили все новые и новые суда, загорались новые факелы, и Элрик видел, как дергалось пламя в дрожащих руках тех, кого в этом туннеле пробрал суеверный страх. Элрик смотрел на все эти пляшущие тени, и ему стало не по себе; его глаза лихорадочно блестели, когда в них отражался свет факелов.

С жуткой регулярностью повторялся плеск, который производили весла; корабли продвигались вперед, и теперь туннель стал шире, взорам нападавших предстало еще несколько вырубленных в скалах коридоров.

— Средний вход! — скомандовал Элрик.

Рулевой кивнул и направил корабль туда, куда указал Элрик. Если не считать приглушенного шепота моряков и плеска весел, в туннеле висела зловещая тишина.

Элрик смотрел вниз, на холодную, темную воду, и его пробирала дрожь.

Наконец они снова оказались под открытым небом, и моряки, глядя вперед, дивились огромным стенам над ними. На этих стенах стояли лучники в желтых плащах и доспехах из бронзы, и, когда корабль графа Смиоргана вышел из черного туннеля на морозный воздух со все еще горящими факелами, в узкий проход посыпались стрелы, впиваясь в тела моряков.

— Быстрее! — крикнул Элрик.— Гребите быстрее! Теперь наше единственное оружие — скорость.

Гребцы налегли на весла, выкладываясь изо всех сил, и корабли стали прибавлять скорость, хотя имррирские стрелы и продолжали собирать с идущих на приступ тяжелую дань. Теперь канал с высокими стенами шел только прямо, и Элрик уже видел впереди пристани Имррира.

— Быстрее! Быстрее! Добыча уже близко!

И вот внезапно стены остались позади, и корабль оказался в тихой воде гавани, направляясь прямо на воинов, расположившихся впереди на пристани. Элрик отдал приказ остановиться и дождаться подкрепления из канала.

Когда к гавани подтянулись еще два десятка кораблей, Элрик отдал команду высаживаться, и Буревестник запел в его ножнах. Флагманский корабль врезался в пристань, и его встретила туча стрел. Они свистели вокруг, но чудесным образом ни одна из них не коснулась Элрика, когда он повел свой отряд на берег. Дорогу им преградили выступившие вперед вооруженные топорами имррирцы, но сразу было видно, что их боевой дух подавлен, и скоро они оказались рассеяны.

Черный Меч Элрика с неимоверной силой обрушился на первого из воинов, вооруженных топорами, и отсек ему голову. Вновь отведав крови, меч демонически завыл и начал выворачиваться из рук Элрика в поисках новой живой плоти. Элрик рубил мечом направо и налево, и по его бледным губам скользила жестокая, мрачная улыбка, а глаза сузились.

В его намерения входило предоставить поле боя тем, кого он привел, потому что у него были другие дела, которые требовали его срочного участия. За одетыми в желтое воинами высились башни Имррира, прекрасные благодаря своим мягким, искрящимся краскам — кораллово-розовым, словно припорошенным синевой, золотистым и бледно-желтым, белым и с зеленоватым отливом. Одна из таких башен и была теперь его целью — башня Д'а'рпутны, куда он приказал Скрюченному доставить Симорил, зная, что, когда поднимется паника, попасть туда будет практически возможно.

Элрик прорубал кровавый коридор, если кто-то оказывался на его пути, и воины падали с жуткими криками, когда рунный меч выпивал их души.

Но вот Элрик вырвался из этого круга, предоставив имррирских воинов мечам воинов с кораблей, которые уже наводнили пристань, и бросился вверх по извилистым улочкам. Его меч убивал по пути всех, кто пытался его остановить.

Сейчас он был похож на белолицего упыря — одежда порвана, вся в крови, доспехи поцарапаны и помяты. Элрик несся по вымощенным камнями, петляющим улицам и наконец оказался перед высокой башней мутно-синего и золотистого цветов — башней Д'а'рпутны. Ее открытая дверь говорила о том, что внутри кто-то есть, и Элрик бросился через дверной проем в большое помещение первого этажа. Никто его там не встретил.

— Скрюченный! — закричал он, и его голос оглушил даже его самого.— Скрюченный, ты здесь?

Он огромными прыжками понесся вверх по лестнице, выкрикивая имя своего слуги. На третьем этаже он внезапно остановился, услышав низкий стон из одной комнаты.

— Скрюченный, это ты?

Элрик бросился в эту комнату, услышав из нее сдавленное дыхание. Он распахнул дверь, и желудок его чуть не вывернулся наизнанку — он увидел старика, распростертого на голом полу и тщетно пытающего остановить кровь, хлещущую из раны в его в боку.

— Что случилось, Скрюченный... где Симорил?

Старческое лицо Скрюченного исказила гримаса боли и скорби.

— Она... я принес ее сюда, хозяин, как ты и приказал. Но...— Он закашлялся, и кровь потекла по его морщинистому подбородку.— Но принц Йиркун... он остановил меня... должно быть, выследил нас. Он ранил меня и забрал с собой Симорил... сказал, что она будет в безопасности... в башне Б'аал'незбетта. Я виноват, хозяин...

— Конечно, ты виноват,— зло ответил Элрик, но его тон сразу же смягчился.— Не беспокойся, старый друг. Я отомщу за тебя и за себя. Я еще найду Симорил — я знаю, куда Йиркун спрятал ее. Спасибо, Скрюченный, что попытался... пусть твое долгое путешествие по последней реке пройдет спокойно

Он резко повернулся на каблуках и, выскочив из комнаты, бросился вниз по лестнице и снова на улицу.

Башня Б'аал'незбетта была самой высокой в королевском дворце, и Элрик прекрасно знал ее, потому что именно в ней его предки изучали черное колдовство и проводили жуткие эксперименты Он вздрогнул при мысли о том, что может Йиркун сотворить с собственной сестрой.

Улицы города казались на удивление спокойными и непривычно пустыми, но у Элрика не было времени размышлять о том, почему это так. Он добежал до дворца — главные ворота не охранялись, и у главного входа в здание не было стражи Такого прежде не случалось — Элрику повезло, и он стрелой бросился вверх по знакомой лестнице к верхней башне.

Наконец он добрался до двери из сверкающего черного кристалла без ручки или засова. Элрик в ярости ударил по кристаллу своим колдовским мечом, но кристалл лишь слегка изменил форму. Удары не давали никакого результата.

Элрик сосредоточился, пытаясь вспомнить то единственное слово, которое открывает дверь. Он не осмелился погрузиться в транс, в котором со временем непременно вспомнил бы это слово, вместо этого он в поисках нужного слова обшаривал свое подсознание. Все его тело содрогалось, лицо перекосилось, и, казалось, сам разум Элрика сотрясала дрожь. Слово родилось в его голосовых связках и было вытолкнуто потоком воздуха из легких.

Когда слово было произнесено, все существо Элрика пронзила боль, вызванная напряжением. Он закричал:

— Приказываю: отворись!

Он знал, что, как только дверь откроется, кузен узнает о его, Элрика, появлении, но ему приходилось рисковать. Кристалл расширился, пульсируя и бурля, а потом начал растекаться. Он растекался в никуда, в нечто, лежащее за пределами физической вселенной, за пределами времени. Элрик облегченно вздохнул и вошел в башню Б'аал'незбетта.

Он пробирался по ступенькам в центральное помещение, а вокруг него вился призрачный огонь, от которого кровь застывала в жилах и разум погружался во мрак. Вокруг него слышалась странная музыка, жуткая музыка, которая пульсировала, стучала и рыдала в его голове.

Над собой он увидел ухмыляющегося Йиркуна, тоже с Черным Мечом в руке — близнецом того, который держал Элрик.

— Адское отродье! — низким голосом тихо сказал Элрик.— Я вижу, ты добыл Утешитель. Что ж, опробуй его силу против меча-брата. Я пришел уничтожить тебя, кузен.

Буревестник издавал особый стонущий звук, заглушавший визгливую потустороннюю музыку, которая сопровождала лижущий леденящий огонь. Рунный меч бился в руке Элрика, и альбинос с трудом его контролировал. Собрав все силы, он преодолел последние несколько ступенек и приготовился нанести Йиркуну смертельный удар. За призрачным огнем пузырилась желто-зеленая лава, возникавшая со всех сторон, снизу и сверху. Их двоих окружал только странный огонь и лава, которая кралась следом; они находились вне Земли, друг перед другом, готовые к последней битве. Лава забурлила и начала сворачиваться, поглощая огонь.

Два клинка встретились, и жуткий, пронзительный вой оглушил Элрика. Руку его словно обожгло, и она онемела. Элрик чувствовал себя марионеткой. Он больше не принадлежал себе, его действия теперь определял меч.

Клинок с Элриком, приросшим к рукояти меча, пробил защиту своего брата и нанес глубокую рану Йиркуну на левой руке. Йиркун взвыл, глаза его расширились от боли Утешитель нанес ответный удар Буревестнику и ранил Элрика в то са-

мое место, в которое был ранен его кузен. Элрик застонал от боли, но продолжил движение вверх и теперь нанес удар Йиркуну в бок — удар был такой силы, что мог бы убить любого другого. Но Йиркун рассмеялся, как спятивший демон из самых грязных глубин ада. Наконец-то безумие обуяло его, и теперь у Элрика было преимущество.

Но страшное колдовство, сотворенное кузеном, еще не потеряло силы, и у Элрика было такое ощущение, будто, несмотря на преимущество, его схватил и пытается сокрушить какой-то великан. А кровь, хлеставшая из раны Йиркуна, попадала и на Элрика.

Лава постепенно исчезала, и теперь Элрик увидел вход в центральную комнату. За спиной его кузена возникла чья-то фигура. Элрик был ошеломлен. Симорил проснулась и что-то кричала ему — на ее лице застыло выражение ужаса.

Меч описал черную дугу и пробил оборону брата — теперь Йиркун был беззащитен.

— Элрик! — в отчаянии кричала Симорил.— Спаси меня! Спаси меня сейчас, иначе мы прокляты навсегда.

Элрика озадачили слова девушки. Он не мог понять их смысла. Он в безумной ярости гнал Йиркуна к верхней комнате

— Элрик... оставь Буревестник! Вложи меч в ножны, или мы расстанемся снова!

Но даже если бы Элрик и мог контролировать свистящий клинок, в ножны его он не убрал бы. Ненависть владела его существом, и, прежде чем спрятать клинок, он должен был погрузить его в злобное сердце кузена.

Симорил рыдала, молила его убрать меч. Но Элрик был бессилен. Тот слюнявый идиот, который прежде был Йиркуном из Имррира, повернулся на крики сестры и смерил ее похотливым взглядом. Идиот загоготал, протянул трясущуюся руку и схватил девушку за плечо.

Она попыталась вырваться, но колдовские силы еще не оставили Йиркуна. Воспользовавшись тем, что его кузен отвлекся, Элрик нанес удар, которым почти рассек тело Йиркуна надвое.

Но Йиркун, как это ни невероятно, все еще оставался живым, он черпал силы из клинка, который все еще огрызался,

нанося удары по рунному мечу Элрика. Собрав последние силы, Йиркун толкнул Симорил вперед, нанизав ее на Буревестник, и та, вскрикнув, умерла.

И тогда Йиркун издал последний визгливый смешок, и его черная душа с воем отправилась в ад.

Башня восстановила свои прежние пропорции, огонь и лава исчезли. Элрик был ошеломлен, он никак не мог привести мысли в порядок. Он опустил взгляд на мертвые тела брата и сестры. Поначалу он увидел только два трупа — мужчины и женщины.

Потом страшная истина дошла до него, и он застонал в отчаянии, словно зверь. Он убил ту, которую любил. Буревестник выпал из его руки — на его лезвии была кровь Симорил — и со звоном покатился вниз по лестнице. Рыдая, Элрик опустился на колени рядом с мертвой девушкой и поднял ее.

— Симорил,— простонал он, и его тело сотрясли рыдания.— Симорил... я убил тебя.

Глава четвертая

ПРИЗНАНИЕ РОДСТВА

Элрик оглянулся на ревущие, рушащиеся, падающие, объятые пламенем развалины Имррира и приказал мокрым от пота гребцам работать быстрее. Корабль со все еще развернутыми парусами, поймав встречный ветер, клюнул кормой, и Элрику пришлось вцепиться в леер, чтобы его не выбросило за борт.

Он смотрел на Имррир, и в горле у него стоял ком. Элрик понимал: теперь он превратился в бездомного, в предателя и женоубийцу — пусть и невольного. В своей слепой мстительной ярости он убил единственную женщину, которую любил. Теперь с этим было покончено — со всем было покончено. Он не видел для себя никакого будущего, потому что его будущее было связано с прошлым, а теперь это прошлое лежало в охваченных огнем руинах. В груди у него родились бесслезные рыдания, и он еще крепче ухватился за леер.

Его разум против желания возвращался к Симорил. Он уложил ее тело на ложе и поджег башню. Потом он вернулся и увидел, что атака увенчалась успехом — победители тащили к кораблям драгоценности и девушек, которым было суждено стать рабынями. По пути они на радостях поджигали высокие красивые здания.

Он стал причиной гибели того последнего, что свидетельствовало о существовании когда-то великой и могущественной Сияющей империи, и теперь ему казалось, что и большая часть его самого перестала существовать.

Элрик оглянулся на Имррир, и внезапно еще большая скорбь обуяла его — он увидел, как башня, хрупкая и прекрасная, словно тонкое кружево, накренилась и рухнула, объятая пламенем.

Он сровнял с землей последний великий памятник умирающего народа — его собственного народа. Когда-нибудь люди, возможно, научатся строить прочные, изящные башни, похожие на башни Имррира, но в ревущем хаосе, сопровождающем падение Грезящего города и исчезновение мелнибонийского народа, умирало само это знание.

А что же владыки драконов? Ни они, ни их золотые барки не вышли навстречу пиратам — город защищали только пешие воины. Может быть, они спрятали корабли в какой-нибудь тайной бухте и бежали внутрь острова, когда захватчики напали на город? Сражение было слишком уж скоротечным, чтобы считать, что мелнибонийцы потерпели окончательное поражение. Уж слишком легко далась чужакам победа. Может быть, теперь, когда флот отходит, Мелнибонэ собирается нанести внезапный удар возмездия?

Элрик чувствовал, что такой план мог бы существовать, возможно, этот план предусматривал использование драконов. Его пробрала дрожь. Он ничего не сказал своим союзникам об этих зверях, которых мелнибонийцы в течение многих веков использовали в своих целях. А ведь даже в этот самый момент кто-нибудь может открывать Драконьи пещеры. Он заставил себя не думать об этом.

Флот направлялся в открытое море, а Элрик не мог оторвать горестного взгляда от Имррира, словно воздавая молчаливый долг городу его предков и мертвой Симорил. Скорбь волной снова нахлынула на него, когда перед его мысленным взором возникла Симорил, погибающая от его меча. Элрик вспомнил, о чем она предупреждала его, когда он отправлялся в Молодые королевства: оставляя на Рубиновом троне Йиркуна, отказываясь на год от своей власти, он обрекает ее и себя на гибель. Он проклял собственную глупость. И тут по кораблям пиратского флота прошел какой-то ропот, словно вдалеке прозвучал удар грома. Элрик резко повернулся, намереваясь выяснить причину внезапного испуга.

Мелнибонийские боевые барки с золотыми парусами появились по обеим сторонам гавани. Их было тридцать, и они вышли из двух гротов лабиринта. Элрик понял, что они, видимо, скрывались в других каналах, намереваясь атаковать неприятеля, когда тот будет возвращаться, понеся урон и пресытившись грабежами. Это были остатки могущественного флота Мелнибонэ, огромные боевые корабли, секрет строительства которых был утрачен. На вид они казались древними и неповоротливыми, но тем не менее двигались быстро, имея по четыре или пять рядов огромных широких весел, и скоро окружили вражеский флот.

Корабли, ведомые Элриком, на его глазах словно бы уменьшились в размерах; теперь, рядом с исполненными величия огромными сверкающими боевыми барками, они казались сборищем утлых лодчонок. Барки были прекрасно оснащены и готовы к бою, тогда как воины и матросы, штурмовавшие Имррир, выдохлись после сражения. Элрик понимал, что есть только один способ сохранить хотя бы малую часть флота. Он должен колдовством вызвать ветер, который надует паруса его кораблей.

Большинство флагманских кораблей были рядом с ним, а он теперь занимал корабль Йариса, который напился во время сражения и погиб от ножа мелнибонийской рабыни-шлюхи. За кораблем Элрика шел корабль графа Смиоргана — этот коренастый морской владыка хмурился, прекрасно понимая,

что, несмотря на численное превосходство, их флот в предстоящем сражении обречен на разгром.

Но вызвать ветер, силы которого хватило бы на столько кораблей, было делом опасным, поскольку в результате высвобождалось колоссальное количество энергии, и элементали, управлявшие ветром, вполне могли обратить эту энергию на самого чародея, если он не примет соответствующих мер предосторожности. Но других возможностей не было, иначе катапульты с золотых кораблей разнесут пиратский флот в щепки.

Элрик, сосредоточиваясь, начал произносить древние и страшные длинные имена существ, обитавших в воздухе. И снова он не мог позволить себе впасть в транс, потому что ему приходилось быть начеку — ему нельзя было пропустить тот момент, когда элементали попытаются взяться за него. Он обращался к ним голосом, который иногда был высоким, как крик баклана, а иногда шелестел, как приливная волна, и перед его помутневшим взором стали вырисовываться неясные очертания сил ветра.

Сердце его стучало, как молот в груди, ноги подгибались. Он собрал все свои силы и призвал ветер, который пронзительно и неистово застонал, бесясь в воздухе рядом с ним, и принялся раскачивать даже огромные мелнибонийские суда. И тогда Элрик направил его в паруса приблизительно сорока пиратских судов. Многих он был не в силах спасти, потому что они находились за пределами даже его немалых возможностей.

Сорок судов избежали губительных столкновений с барками мелнибонийцев и под завывания ветра и скрип дерева понеслись по волнам, их мачты трещали, когда очередной порыв ветра ударял в паруса. Весла вырывались из рук гребцов, и в бурунном кильватерном следе за каждым из кораблей оставались обломки дерева.

Очень быстро они оказались за пределами медленно смыкающегося круга мелнибонийских барков и с безумной скоростью понеслись по открытому морю. Моряки чувствовали, что воздух изменился, и видели вокруг себя какие-то странные меняющиеся формы. В существах, которые помогали им, было что-то зловещее, какая-то неземная враждебность.

Смиорган махнул Элрику и благодарно усмехнулся.

— Благодаря тебе, Элрик, мы в безопасности! — закричал он через разделявшее их водное пространство.— Я знал, что ты принесешь нам удачу!

Элрик сделал вид, что не слышит его.

Владыки драконов, подстегиваемые чувством мести, бросились в погоню. Золотые барки Имррира летели почти с такой же скоростью, что и пиратские корабли, которым помогало колдовство, и некоторые из преследуемых галер, на которых под напором ветра раскололись и рухнули мачты, не ушли от возмездия.

Элрик видел, как огромные абордажные крючья из зловеще мерцающего металла полетели с палуб имррирских барков и с хрустом впились в изуродованное дерево тех пиратских кораблей, которые из-за поломок плелись в хвосте флота. Из катапульт на кораблях владык драконов в сторону многих преследуемых судов полетели огненные шары. Обжигающее вонючее пламя, словно лава, растекалось по палубам, пожирая дерево, как купорос бумагу. Люди кричали, пытаясь сбить пламя с горящей одежды, некоторые прыгали в воду, но пламя не гасло даже там. Некоторые уходили под воду, и с поверхности можно было проследить их погружение — пламя продолжало гореть и внизу, а потому люди и суда опускались на дно, как горящие усталые мотыльки.

Палубы судов, которых не коснулся огонь, были красны от крови — взбешенные имррирские воины, перебравшись на корабли противника, крошили всех и вся своими огромными мечами и боевыми топорами, производя страшное опустошение в пиратских рядах. Имррирские стрелы и метательные копья тучами летели с высоких палуб мелнибонийских кораблей, сея панику на небольших пиратских судах.

Элрик видел все это по мере того, как его корабль стал медленно обгонять ведущий имррирский барк, флагманский корабль адмирала Магума Колима, командира мелнибонийского флота.

И теперь Элрик позволил себе сказать несколько слов графу Смиоргану.

— Мы обошли их! — прокричал он, перекрывая рев ветра, чтобы было слышно на соседнем корабле, где Смиорган стоял, во все глаза глядя в небо.— Только держи курс на запад, или нам конец!

Но Смиорган не ответил. Он продолжал смотреть в небо, и в глазах у него застыл ужас — ужас в глазах человека, который прежде никогда не знал, что такое страх. Элрик с тревогой проследил за направлением взгляда Смиоргана и тоже увидел их.

Без сомнений, это были драконы! От огромных рептилий их пока отделяли несколько миль, но Элрик знал, на что способны летающие чудовища. Средний размах крыльев этих почти что вымерших монстров составлял около тридцати футов. Их змееподобные тела, начинающиеся узкомордой головой и заканчивающиеся смертоносным хвостом, имели в длину около сорока футов, и, хотя из их пастей не извергались пламя и дым, Элрик знал, что их яд горюч и может поджечь дерево или ткань.

На спинах драконов сидели имррирские воины. Вооруженные длинными пикообразными стрекалами, они дули в необычной формы рожки, и над морем разносилась странная мелодия. Когда до золотого флота оставалось с пол-лиги, ведущий дракон нырнул вниз и сделал круг над огромным флагманским барком, крылья его, рассекавшие воздух, производили звуки, похожие на разряды молний.

Серо-зеленая чешуйчатая тварь кружила над золотым кораблем, который раскачивался на пенящемся, бурном море. Дракон четко вырисовывался на фоне безоблачного неба, и Элрик смог неплохо его разглядеть. Стрекало, которым укротитель дракона помахивал адмиралу Магуму Колиму, представляло собой длинную, тонкую пику со странным вымпелом, расцвеченным черными и белыми зигзагами и различимым даже с такого расстояния. Элрик узнал знаки различия вымпела.

Во главе преследователей, жаждущих отомстить за Имррир Прекрасный, был Дивим Твар, друг юношеских лет Элрика, повелитель Драконьих пещер.

Элрик крикнул Смиоргану:

— Вот теперь начнется самое страшное. Делай, что можешь, чтобы их отогнать!

Забряцало оружие — люди с ощущением почти полной безнадежности готовились отразить эту новую угрозу. Колдовской ветер почти не давал никакого преимущества против быстрокрылых драконов. Дивим Твар явно согласовал свои действия с Магумом Колимом, и его стрекало сильно хлестнуло по шее дракона. Огромная рептилия взмыла вверх и стала набирать высоту. За первым последовали одиннадцать остальных драконов.

С кажущейся медлительностью драконы начали неумолимо приближаться к пиратским кораблям, экипажи которых молили своих богов о чуде.

Они были обречены, это было несомненно. Обречены были все пиратские корабли, а налет таким образом становился бесплодным.

Элрик видел отчаяние на лицах людей, видел, как гнутся под напором пронзительного колдовского ветра мачты пиратских кораблей. Теперь им оставалось только одно — умереть...

Элрик постарался прогнать из головы неопределенность, которая заполняла его мысли. Он вытащил свой испещренный рунами меч и ощутил его пульсирующую злобную силу. Но теперь он ненавидел ее — ведь она вынудила его убить единственное существо, которое он любил. Он отдавал себе отчет в том, насколько его собственная сила зависит от Черного Меча его предков и насколько слабым он будет без него. Он был альбиносом, а это означало, что жизненной энергии у него меньше, чем у обычного человеческого существа.

Туман в его голове сменился красной пеленой страха, и он с дикой и тщетной яростью проклинал надуманные предлоги мести, которые привели его на Мелнибонэ, проклинал тот день, когда согласился возглавить рейд на Имррир, а более всего клял он мертвого Йиркуна и его порочную зависть, которая и стала причиной всех этих предопределенных роком событий.

Но поздно было проклинать все на свете. Воздух наполнился хлопаньем драконьих крыльев — чудовища приближались к

спасающемуся бегством пиратскому флоту. Следовало принять какое-то решение; хотя после всего, что случилось, ему не хотелось жить, Элрик все же не желал пасть от рук мелнибонийцев. Он поклялся себе, что умрет только от собственных рук Он принял решение, ненавидя себя.

Он отпустил колдовской ветер, когда драконий яд пролился на палубу находящегося в арьергарде корабля.

Он собрал все свои силы, чтобы послать более сильный ветер в паруса собственного корабля, а его ошеломленные товарищи на внезапно остановившихся кораблях взывали к водной стихии, отчаянно вопрошая о причине такого события. Корабль Элрика несся теперь на всех парусах и имел хороший шанс уйти от драконов. Так он, по крайней мере, надеялся.

Он оставил на произвол судьбы человека, который доверял ему — графа Смиоргана, и смотрел, как яд пролился с небес и поглотил его сверкающим зеленым и алым пламенем. Элрик, этот гордый владыка руин, спасался бегством, стараясь не думать о будущем, и слезы текли по его лицу. Он проклинал тот день, когда злобные боги, не найдя для себя лучшего развлечения, сотворили племя человеческое.

Сзади внезапно вспыхнул ярким жутким пламенем последний из пиратских кораблей, и команда, хотя и благодарная Элрику за то, что избежала судьбы своих товарищей, поглядывала на него с осуждением. А он продолжал рыдать, не обращая на них внимания, великая скорбь разрывала его душу.

День спустя, вечером, у берега острова, называвшегося Пан-Танг, когда их корабль оказался в безопасности и им уже не грозило страшное возмездие со стороны владык драконов и их монстров, Элрик стоял в задумчивости на корме, а команда, с ненавистью и страхом поглядывая на него, шепталась между собой, осуждая его предательство и бессердечную трусость. Казалось, они забыли о собственном страхе и о том, что Элрик спас их.

Элрик размышлял, держа в обеих руках Черный Меч. Буревестник был не просто боевым мечом — это Элрик знал уже не первый год. Теперь альбинос понял и то, что меч обладал сознанием гораздо в большей степени, чем он, Элрик, мог себе это представить. И в то же время зависимость альбиноса от меча была просто ужасающей — Элрик ясно осознал этот непреложный факт.

Но он боялся меча и ненавидел его силу, ненавидел его всей душой за ту неразбериху, что меч сеял в его душе и мыслях. С мучительной неопределенностью взвешивал он клинок в руках, заставляя себя обдумывать все сопутствующие факторы. Без этого зловещего меча он потерял бы чувство собственного достоинства, может, даже жизнь, но, вероятно, познал бы и утешающую умиротворенность ничем не нарушаемого покоя. С мечом он имел власть и силу, но меч вел его к роковому будущему. Меч давал ему силу, но на покой альбинос мог не рассчитывать.

Поддавшись мгновенной слабости, со сдавленным всхлипом Элрик швырнул меч в посеребренное луной море.

Как это ни странно, но меч не пошел на дно. Но и на поверхности он остался каким-то необычным образом. Он развернулся острием вниз и, подрагивая, повис в воде, как если бы вонзился в дерево. Он так и остался в воде, погрузившись лезвием на шесть дюймов, и начал издавать короткие бесовские вопли — крики лютой злобы.

Приглушенно выругавшись, Элрик вытянул свою тонкую белую руку, пытаясь достать наделенный сознанием дьявольский клинок. Он тянулся все дальше, свешиваясь за леер, но не мог дотянуться до клинка — не хватало одного-двух футов. Задыхаясь, Элрик, которого переполняла горечь поражения, перевалился через борт и, погрузившись в ледяную воду, резкими гребками поплыл в сторону висящего меча. Он проиграл — меч вышел победителем.

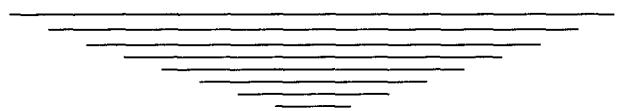
Альбинос доплыл до меча и обхватил пальцами рукоять. Меч мигом удобно устроился в его руке, и Элрик почувствовал прилив сил в свое измученное болью тело. И тут он понял, что они с мечом взаимозависимы, потому что хотя ему, Элрику, и был нужен этот меч, Буревестнику, этому паразиту, тоже был необходим хозяин, без которого он терял свою силу.

— Значит, мы связаны друг с другом,— в отчаянии прошептал Элрик.— Связаны выкованной в аду цепью и роковыми

обстоятельствами. Ну что ж, пусть так оно и будет, и пусть люди дрожат от страха, заслышав имена Элрика из Мелнибонэ и его меча Буревестника. Мы принадлежим к одному племени и порождены эпохой, которая изменила нам. Так дадим же этой эпохе повод нас ненавидеть!

Ощутив приток сил, Элрик вложил Буревестник в ножны, и меч устроился у него на боку. И тогда Элрик мощными гребками поплыл в направлении острова, а команда корабля вздохнула с облегчением, гадая, погибнет ли он в мрачных водах этого безымянного моря или доберется до берега...

Когда боги смеются



Моему отцу посвящается

Я вихрь, когда смеются боги Я —
Страстей водоворот в тиши морей,
Чьи волны гладят брег души моей
И сердце мглой надеются объять.

Мервин Пик,
«Очертания и звуки», 1941
(Перевод Р Адрианова)

Глава первая

ЖЕНЩИНА, ГОТОВАЯ ПРИНЯТЬ СКОРБЬ НА ДУШУ

Однажды вечером, когда Элрик в мрачном настроении сидел в таверне и пил вино, из бури выплыла бескрылая женщина из Миирна и приникла к нему своим гибким, податливым телом

У нее было тонкое, болезненное лицо, почти такая же белая, как у Элрика, кожа, а ее светло-зеленые одеяния красиво контрастировали с темно-рыжими волосами

Таверна была освещена пламенем свечей, а воздух полнился досужими спорами и скучноватым смехом, однако слова женщины из Миирна, звучавшие четко и мелодично, перекрыли назойливый шум

— Я искала тебя двадцать дней,— сказала она Элрику, который высокомерно поглядывал на нее полуприкрытыми малиновыми глазами.

Он лениво сидел на стуле с высокой спинкой, держа в длинных пальцах правой руки серебряный кубок с вином, а левой поглаживая рукоять своего рунного меча Буревестника

— Двадцать дней,— едва слышно и намеренно грубовато проговорил мелнибониец, словно обращаясь к самому себе — Красивая женщина не должна так долго бродить одна по свету.— Он открыл глаза чуть шире и заговорил, обращаясь теперь прямо к ней — Я Элрик из Мелнибонэ, как тебе, несомненно, известно. Я не ищу ничьего покровительства и сам никому не покровительствую. Запомни это А теперь скажи, почему ты двадцать дней искала меня

Женщина, на которую надменный тон альбиноса не произвел ни малейшего впечатления, ровным голосом ответила:

— Ты ожесточившийся человек, Элрик. Мне и это известно. Ты погружен в скорбь по причинам, которые уже успели стать легендой. Я не ищу твоего покровительства, а хочу сделать тебе одно предложение, включающее и меня. Чего ты желаешь больше всего на свете?

— Покоя,— просто ответил ей Элрик. Потом он иронически улыбнулся и добавил: — Я злой человек, госпожа, и меня преследует адский рок. Однако я вовсе не глуп и не лишен чувства справедливости. Позволь мне напомнить тебе частичку этой истины. Можешь называть это легендой, если тебе так хочется,— мне все равно Год назад от моего верного меча погибла одна женщина.— Он резко хлопнул по клинку, а в его глазах появилось жестокое выражение, исполненное самоиронии.— С тех пор я не ухаживал ни за одной женщиной и ни одну не желал. Зачем мне отказываться от таких безопасных привычек? Уверяю тебя, я мог бы говорить с тобой языком любви, ведь ты обладаешь изяществом и красотой, которые наводят меня на интересные мысли, но я не стал бы и малую часть темного бремени, которое несу, перекладывать на такие хрупкие плечи. Любые отношения между нами, кроме формальных, приведут к тому, что, помимо моей воли, часть этого бремени все же ляжет на твои плечи.— Он помолчал несколько мгновений, а потом медленно добавил: — Должен признаться, что иногда я кричу во сне, а иногда меня мучают непередаваемые приступы отвращения к самому себе. Так что уходи, госпожа, пока не поздно, и забудь Элрика, потому что ничего, кроме горя, он тебе не принесет.

Быстрым движением он отвел от нее взгляд, поднял серебряный кубок, осушил его и снова наполнил из стоящего рядом кувшина.

— Нет,— спокойно сказала бескрылая женщина из Миирр-на,— никуда я не уйду. Ступай за мной.

Она поднялась и мягко взяла Элрика за руку. Элрик, сам не зная почему, позволил вывести себя из таверны в грозу, которая бушевала в филкхарском городе Расхиле,— грозу без единой капли дождя. На губах Элрика застыла циничная и по-

кровительственная улыбка. Женщина повела его к берегу, о который хлестали морские волны, и там назвала свое имя — Шаарилла из Танцующего Тумана, бескрылая дочь ныне покойного чародея, калека в собственной необычной стране и изгнанница.

Элрик испытывал неловкость оттого, что его влечет к этой женщине со спокойными глазами, женщине, которая не тратит впустую слов. Он почувствовал сильный всплеск эмоций в своей душе — таких эмоций, на какие уже не рассчитывал в своей жизни; ему захотелось обнять эти тонкие плечи, прижать ее хрупкое тело к себе. Но он подавил в себе этот порыв, изучая ее точеную фигуру, разглядывая ее волосы, которыми вовсю играл ветер.

Этот неугомонный ветер траурно завывал на море, а между ними воцарилось благодатное молчание. Здесь Элрик мог не обращать внимания на теплые запахи города, и он позволил себе расслабиться. Наконец, глядя мимо него в бурлящее море, она сказала:

— Ты, конечно, знаешь о Книге Мертвых Богов?

Элрик кивнул. Несмотря на потребность как можно больше отдалиться от людей, у Элрика вдруг проснулся интерес к этой женщине. Эта Книга, согласно легендам, содержала знания, которые могли бы решить многие проблемы, преследовавшие людей на протяжении многих веков. Она содержала великую мудрость, приобщиться к которой желал каждый чародей. Но считалось, что Книга эта уничтожена, заброшена на солнце в те дни, когда Древние Боги умирали в пространствах космоса, лежащих за пределами Солнечной системы. В другой легенде — явно более позднего происхождения — туманно говорилось о неких темных силах, которые перехватили Книгу на пути к солнцу и, не допустив ее уничтожения, похитили. Большинство ученых отвергали эту легенду, говоря, что если бы Книга и в самом деле не погибла, то должна была непременно где-нибудь объявиться за такой огромный промежуток времени.

Отвечая Шаарилле, Элрик напустил на себя скучающее выражение, чтобы не показать своего интереса.

— Почему ты говоришь об этой Книге?

— Я знаю, что она существует,— энергично ответила Шаарилла,— и я знаю, где она находится. Мой отец получил эти сведения перед самой своей смертью Если ты поможешь мне раздобыть эту Книгу, то, если захочешь, сможешь получить и ее, и меня.

Может быть, в этой Книге содержится тайна душевного покоя, подумал Элрик. Может быть, он, найдя Книгу, сможет расстаться с Буревестником?

— Если она тебе так нужна, что ты просишь меня о помощи,— сказал Элрик,— почему же ты готова отдать ее мне?

— Потому что я побоялась бы постоянно хранить такую вещь у себя. Такими книгами не должны владеть женщины, но ты, возможно, последний чернокнижник на земле, и тебе она подойдет как нельзя лучше. И потом, чтобы заполучить ее, возможно, придется убивать, и я никогда не чувствовала бы себя в безопасности с таким фолиантом на руках. Мне нужна только малая часть содержащейся в ней мудрости.

— И какая же? — спросил Элрик, изучая ее аристократическую красоту и ощущая при этом новый прилив желания

Ее губы сжались, она прикрыла глаза.

— Когда Книга будет в наших руках, тогда я тебе и скажу, какая. Не раньше

— Неплохой ответ,— заметил без промедления Элрик, понимая, что сейчас он больше ничего не сможет узнать.— Он мне нравится.

И тут, почти не осознавая, что делает, Элрик своими гибкими белыми руками обнял ее плечи и прижал свои бесцветные губы к ее алым.

Элрик и Шаарилла направлялись на запад, в сторону Безмолвных земель через цветущие долины Шазаара, к берегам которого двумя днями ранее пристал их корабль. На границе между Шазааром и Безмолвными землями лежала необитаемая полоса — даже поселений землепашцев там не было. Несмотря на плодородие и богатство, эта земля была ничьей. Обитатели Шазаара воздерживались от переноса своей границы за эту полосу, поскольку жители Безмолвных земель редко отваживались заходить за Туманные топи, естественную границу между двумя странами, и жители Шазаара питали чуть ли не суеверный страх перед своими таинственными соседями.

Путешествие до этого момента проходило без препятствий и происшествий, хотя и не было лишено зловещих предзнаменований — несколько человек, которые ничего не могли знать о цели путешествия Элрика и Шаариллы, предупреждали их о приближении опасности. Элрик задумался, видя в этих предупреждениях знаки неумолимой судьбы, но решил не обращать на них внимания и ничего не сообщать Шаарилле, которую вроде бы вполне удовлетворяло молчание Элрика Днем они разговаривали мало, сохраняя силы для страстных любовных игр по ночам.

Тишину ясного зимнего дня нарушали только стук лошадиных копыт по мягкому дерну да приглушенное поскрипывание и позвякивание доспехов и меча Элрика. Так эта пара неуклонно приближалась к опасным, предательским землям Туманных топей.

Темной ночью добрались они до границ Безмолвных земель, где начиналось болото, сделали привал, поставили свой шелковый шатер на склоне горы, с которой открывался вид на безлюдную, окутанную туманом равнину.

На горизонте в зловещую тучу собирались черные подушки облаков. За ними пряталась луна, иногда пронзая их толщу и посылая бледный, неуверенный луч на сверкающую болотную гладь или ее неровную границу. Один раз лунный луч, отразившись от серебра, высветил темный силуэт Элрика, но вид живого существа на мрачном склоне горы словно испугал луну, и она снова скрылась за облачным щитом, оставив погруженного в глубокое раздумье Элрика в темноте, к которой стремилась его душа.

В дальних горах прогремел гром, похожий на смех богов. Элрик вздрогнул, плотнее завернулся в свой черный плащ и устремил взгляд на затянутую туманом долину.

Вскоре к нему подошла Шаарилла и встала с ним рядом, кутаясь в плотный шерстяной плащ — защиту от влажной измороси, пропитавшей воздух.

— Безмолвные земли,— пробормотала она.— Неужели это правда, Элрик — все, что о них рассказывают? Ты слышал об этом в Мелнибонэ?

Элрик нахмурился, недовольный, что она прервала ход его мыслей. Он резко повернулся к ней, несколько мгновений изучал своими малинового цвета глазами, а потом сказал уверенным голосом:

— Здешних обитателей страшатся, и они не принадлежат к роду человеческому. Это я знаю точно. Лишь немногие отваживались отправляться сюда. И насколько мне известно, никто из смельчаков не вернулся. Даже в те дни, когда Мелнибонэ было всемогущей империей, этот народ принадлежал к числу тех немногих, над которыми не властвовали — и не желали властвовать — мои предки. Обитатели Безмолвных земель считаются вымирающим народом, гораздо более злобным, чем были мои предки, которые владычествовали над землей задолго до того, как нынешнее человечество обрело силу. Они редко выходят за пределы своих земель, ограниченных болотами и горами.

Шаарилла, выслушав это, весело рассмеялась.

— Значит, ты говоришь, они не принадлежат к роду человеческому? А как тогда быть с моим народом, который находится с ними в родстве? Как быть со мной?

— Для меня ты — человек,— беззаботно сказал Элрик, заглядывая ей в глаза.

Она улыбнулась.

— Это, конечно, не комплимент,— сказала она,— но так уж и быть, я буду его считать комплиментом, пока твой неповоротливый язык не найдет чего-нибудь получше.

Спали в эту ночь они беспокойно, и, как и предупреждал Элрик, он мучительно кричал во сне, преследуемый кошмаром, и называл имя, при звуках которого глаза Шаариллы наполнялись болью и ревностью. Элрик спал, широко распахнув глаза, словно бы глядя на ту, чье имя называл; произносил он и другие слова на каком-то свистящем языке, при звуках которого Шаарилла в ужасе затыкала уши.

На следующее утро, когда они, собираясь продолжить путь, складывали желтый шатер из шелка, Шаарилла избегала встречаться с Элриком взглядом. Но позднее, поскольку он не проявлял желания вступать в разговор, она слегка дрожащим голосом спросила его:

— А что *ты* хочешь от Книги Мертвых Богов, Элрик? Что, по-твоему, ты сможешь в ней найти?

Ей необходимо было спросить об этом, но вопрос дался ей нелегко.

Элрик пожал плечами, отметая ее любопытство, но она повторила свои слова медленнее и с гораздо большей настойчивостью.

— Ну хорошо,— уступил он.— Но ответить на это несколькими словами нелегко. Если тебе угодно, я желаю узнать одно из двух.

— И что же это, Элрик?

Высокий альбинос уронил скрученный шатер на траву и вздохнул. Его пальцы нервно постукивали по рукояти рунного меча.

— Существует абсолютное божество или нет? Вот что мне необходимо знать, Шаарилла, для того чтобы моя жизнь обрела хоть какую-нибудь цель.

— Теперь нашими жизнями управляют Владыки Закона и Хаоса. Неужели есть еще какое-то существо главнее их? — Шаарилла прикоснулась к плечу Элрика.— Зачем тебе нужно это знать? — спросила она.

— Я иногда тщетно ищу утешения у милосердного бога, Шаарилла. Мой разум по ночам покидает мое тело и в черной пустоте ищет что-то — что угодно,— что возьмет меня к себе, согреет, защитит, скажет мне, что в этом невообразимом хаосе вселенной есть порядок, что он неизменен, что эта точность хода планет не просто краткая яркая искра здравомыслия в бесконечном мире зла.

Элрик вздохнул. В его спокойном голосе слышались нотки безнадежности.

— Не получив подтверждения того, что существует порядок, я могу утешаться только признанием анархии. Таким образом, я могу упиваться хаосом и знать, не испытывая при

этом страха, что мы обречены с момента рождения, что наше краткое существование лишено смысла и проклято изначально. И тогда я могу принять тот факт, что о нас не забыли, потому что никто о нас толком и не помнил. Я взвесил все «за» и «против», Шаарилла, и пришел к выводу, что в мире, невзирая на все законы, которые вроде бы управляют нашими поступками, нашим колдовством, нашей логикой, властвует хаос. Только хаос вижу я в мире. Если Книга, которую мы ищем, убедит меня в противном, то я с радостью ей поверю. А до того времени я буду доверять только себе и своему мечу.

Шаарилла посмотрела на Элрика странным взглядом.

— А может быть, эти твои взгляды возникли под влиянием последних событий в твоей жизни? Ты опасаешься последствий совершенных тобой убийства и предательства? Может быть, тебе просто удобнее верить в наказания, которые редко бывают справедливыми?

Элрик повернулся к ней, малиновые глаза альбиноса гневно вспыхнули, но, когда он заговорил, гнев оставил его, и он уставился в землю, пряча взгляд от Шаариллы.

— Может быть,— неуверенно сказал он.— Я не знаю. Вот это-то и есть единственная настоящая истина, Шаарилла. Я не знаю.

Шаарилла кивнула. Лицо женщины осветилось странным сочувствием, но Элрик не видел ее взгляда, потому что глаза альбиноса были полны слез, которые текли по худому белому лицу и на мгновение лишили Элрика сил и воли.

— Я одержимый,— простонал он.— А без этого проклятого меча я вообще бы перестал быть человеком.

Глава вторая

БЕЛБЕЙН, ТУМАННЫЙ ВЕЛИКАН

Они сели на своих резвых черных коней и, пришпорив их, с какой-то яростной лихостью понеслись вниз по склону к болотам. Их плащи полоскались позади них высоко в воздухе, как знамена на ветру. У обоих всадников были строгие, суро-

вые лица — ни Шаарилла, ни Элрик не хотели признавать, что их донимает мучительная неуверенность.

Всадники не успели вовремя остановить лошадей, и их копыта начали увязать в болотистой почве.

Элрик с проклятиями изо всех сил натянул поводья, пытаясь вытащить своего коня назад, на твердую землю. Шаарилла тоже боролась со своим испуганным жеребцом, направляя его на безопасный дерн.

— И как же мы пересечем это болото? — спросил Элрик.

— Была карта...— неуверенно начала Шаарилла.

— И где же она теперь?

— Она пропала... Я ее потеряла. Но я постаралась ее запомнить. Я думаю, что мне удастся провести нас через болото.

— Как же ты ее потеряла и почему не сказала об этом раньше? — рассерженно спросил Элрик.

— Извини, Элрик, но весь день перед тем, как я нашла тебя, словно кто-то стер из моей памяти. Я прожила этот день, сама не зная о том, что живу... а когда очнулась, карты не было.

Элрик нахмурился.

— Я уверен — против нас действует какая-то сила,— пробормотал он.— Вот только что это за сила — ума не приложу.— Повысив голос, он сказал Шаарилле: — Будем надеяться, что теперь твоя память не откажет тебе. Эти топи пользуются дурной репутацией, но в любом случае нас здесь подстерегают только природные опасности.— Он стиснул пальцы на рукояти меча.— Езжай вперед, Шаарилла, но держись рядом. Показывай дорогу.

Она молча кивнула, повернула коня на север и галопом понеслась вдоль кромки болота, пока не доскакала до места, над которым нависал огромный, заостренный кверху утес. Отсюда в окутанное туманом болото вела поросшая травой тропинка фута четыре в ширину. Видимость из-за липучего тумана была плохая, но дорожка казалась вполне надежной. Шаарилла неторопливой рысью направила своего жеребца по тропинке, Элрик последовал за ней.

Кони неуверенно двигались через клубящийся тяжелый туман, отливавший белизной, и всадникам приходилось крепко держать поводья. Туман окутывал болото тишиной, а от покры-

той водянистой пленкой и поблескивающей топи исходил отвратительный запах гниения. Здесь не было видно ни одного животного, в небе не слышалось птичьих криков. Повсюду висела навязчивая, пропитанная страхом тишина, вселявшая тревогу и в коней, и во всадников.

Сдерживая растущую панику, Элрик и Шаарилла продолжали путь; они углублялись в неестественные Туманные топи, их глаза подозрительно вглядывались в эту плотную завесу, и даже ноздри подрагивали, ощущая в вонючей трясине запах опасности.

Прошло несколько часов, солнце давно миновало зенит, когда жеребец Шаариллы встал на дыбы и тревожно заржал. Шаарилла, вглядывавшаяся в туман, крикнула Элрику, подзывая его, ее тонкие черты исказил страх. Он дал шпоры своему брыкающемуся коню и подъехал к Шаарилле.

В липкой белизне тумана что-то медленно и зловеще двигалось. Правая рука Элрика метнулась влево, к рукояти Буревестника.

Клинок взвизгнул, вылетая из ножен, черный огонь сверкнул по всей его длине, и неземная сила полилась по руке в тело Элрика. Странный нечестивый свет мелькнул в малиновых глазах альбиноса, а рот его исказила жуткая ухмылка — он подстегнул коня, направляя его все глубже в ползучий туман.

— Ариох, Повелитель Семи Бездн, будь со мной! — прокричал Элрик, различая впереди какую-то движущуюся фигуру.

Она была белой, как и туман, и в то же время казалась его темнее. Фигура нависала над Элриком, имея в высоту футов десять и почти столько же в поперечнике. Но Элрик видел лишь одни очертания: ни лица, ни конечностей — только силуэт и движения, резкие и зловещие.

Однако Ариох, его бог-покровитель, сделал вид, что не слышит зова Элрика.

Элрик чувствовал, как бьется мощное сердце его коня, которого всадник посылал вперед своей железной волей. Шаарилла кричала что-то за спиной Элрика, но он не мог разобрать слов. Элрик рубанул белую фигуру, но его меч встретил только туман и сердито заворчал. Обезумевший от страха конь не желал идти дальше, и Элрик был вынужден спешиться.

— Держи жеребца,— крикнул Элрик Шаарилле и быстро зашагал в направлении вставшего у него на пути силуэта неизвестно чего.

Теперь он смог различить кое-какие особенности этой фигуры. Высоко в теле болотного существа располагались два глаза цвета разбавленного желтоватого вина, хотя головы как таковой у него вроде бы не было. Раскрытая, усеянная клыками пасть располагалась прямо под его глазами. Элрик не различил у него ни носа, ни ушей. Из верхней части тела этого существа свисали четыре отростка, а нижняя часть скользила по земле явно без помощи каких-либо конечностей.

Глаза Элрика, разглядывавшего монстра, пронзила боль. Смотреть на него без отвращения было невозможно, а от его аморфного тела исходил запах смерти и разложения. Подавляя страх, альбинос осторожно продвигался вперед; меч он выставил перед собой, чтобы отразить любую атаку, которую могла предпринять эта тварь.

Элрик узнал ее по описанию, прочитанному им в одной из старинных рукописей. То был Туманный великан, возможно, единственный из всех Туманных великанов — Белбейн. Даже самые мудрые маги не знали в точности, сколько существует этих монстров — один или несколько. Это был вурдалак, живущий в топях и питающийся душами и кровью людей и животных. Однако болота, в которых оказались Элрик и Шаарилла, лежали далеко на восток от известных охотничьих угодий Белбейна.

Теперь Элрик уже не удивлялся, почему в этой части болота почти нет никакой живности.

Сумерки сгущались.

Буревестник подрагивал в руке Элрика, призывавшего древних богов-демонов своего народа. Мерзкий вурдалак явно узнавал эти имена. Он даже подался назад при их звуках. Элрик заставил себя двигаться в направлении этой твари. Теперь он увидел, что вурдалак вовсе не был белесым, однако цвета его Элрик не мог узнать. В нем был какой-то намек на оранжевый оттенок с примесью тошнотворного зеленоватого, но цвета эти Элрик не воспринимал глазами — он просто чувствовал эти потусторонние нечистые оттенки.

И тогда Элрик ринулся на тварь, выкрикивая имена, которые уже ничего не говорили его сознанию.

— *Балаан — Марзим! Аэсма! Аластор! Саэбос! Верделет! Низилфкм! Хаборим! Хаборим из Разрушающего Огня!*

Разум Элрика разрывался на части. Часть его хотела пуститься наутек, спрятаться, но никак не могла влиять на ту силу, которая тащила его навстречу этому ужасу. Его меч колол и рубил аморфную массу, но с таким же успехом можно было сражаться с водой — наделенной разумом, пульсирующей водой. Однако Буревестник производил некоторый эффект. Вурдалак содрогался, словно от невыносимой боли. Элрик почувствовал, как что-то поднимает его в воздух, и в этот момент зрение отказало ему. Он не видел ничего и ничего не мог сделать, кроме как рубить и колоть мечом ту тварь, которая держала его.

Он рубил мечом вслепую, и пот ручьями струился по его телу.

Боль, которая даже не была похожа на физическую,— более глубокая, ужасающая боль наполняла все существо Элрика, а он, крича в агонии, непрерывно бил по податливой плоти, сжимавшей его и медленно подносившей к разверстой своей пасти. Элрик выкручивался, сопротивлялся, пытаясь вырваться из отвратительной хватки этой твари, которая держала его мощными лапами, держала чуть ли не похотливо, подтаскивая к себе все ближе и ближе, как грубоватый любовник — слабую девушку. Даже могучая сила, свойственная рунному мечу, не могла одолеть эту тварь, хотя ее хватка и стала немного слабее. Однако она продолжала тащить Элрика к своей щелкающей зубами, слюнявой пасти.

Элрик снова принялся выкрикивать имена, а Буревестник танцевал и пел свою злобную песню в его правой руке. Элрик изо всех сил пытался освободиться, он молился богам, умолял их, давал обеты, но по-прежнему дюйм за дюймом приближался к ухмыляющейся пасти.

В мрачном отчаянии он продолжал сражаться, вновь и вновь взывая к Ариоху. И вдруг к его разуму прикоснулся чей-то другой — ироничный, всемогущий, злобный,— и Элрик понял, что Ариох наконец-то отозвался. Туманный великан внезапно ослабел — поначалу это было едва заметно. Элрик воспользовался этим преимуществом, и сознание того, что вурдалак теряет свою мощь, придало альбиносу новые силы. Он вслепую бил и бил мечом, а мучительная боль пронизывала все клеточки его тела.

И вдруг он почувствовал, что падает.

Казалось, падение продолжается несколько часов — он летел медленно, невесомо и наконец приземлился на поверхность, которая просела под ним. Он начал тонуть.

Откуда-то издалека раздался далекий голос, зовущий его, и голос этот находился вне времени и пространства. Он не хотел слышать этот голос, Элрика устраивало то место, куда он попал,— холодная, приятная материя неторопливо затягивала его в себя. Потом каким-то шестым чувством он понял, что это голос Шаариллы, что она зовет его, и он заставил себя разобрать слова.

— *Элрик — трясина! Ты попал в трясину. Не двигайся!*

Он улыбнулся про себя. Зачем ему двигаться? Он погружался все глубже — медленно и спокойно — в приятную, успокаивающую топь... Было ли когда-либо прежде что-то подобное этому? Другая трясина?

Усилием воли он заставил себя вернуться к действительности и, осознав происходящее, не без труда открыл глаза. Над ним был туман. С одной стороны от него виднелась лужа непонятного цвета, наполнявшая воздух зловонными испарениями. С другой стороны он различил отчаянно жестикулирующую человеческую фигуру. За человеческой фигурой он смутно разглядел очертания двух коней. Это была Шаарилла. Под ним...

Под ним была трясина.

Вязкая зловонная жижа затягивала его в себя, а он лежал с распростертыми руками, уже наполовину погрузившийся в ее глубину. Правой рукой он продолжал держать Буревестник. Если бы он повернул голову, то увидел бы свой меч. Он осторожно попытался поднять верхнюю часть тела над засасывающей его трясиной, но почувствовал только, что его ноги ушли еще глубже. Выпрямившись, он закричал:

— Шаарилла! Быстро — кинь мне веревку!

— У нас нет веревки, Элрик! — Она срывала с себя одежду и скручивала ее в жгуты.

Элрик продолжал погружаться — ноги его не находили опоры.

Шаарилла спешно связывала между собой части одежды. Она неумелой рукой кинула эту самодельную веревку Элрику, но не добросила. Суетясь в спешке, она бросила веревку еще раз. На этот раз Элрик ухватил ее свободной левой рукой. Девушка начала тащить за свой конец самодельной веревки. Элрик почувствовал, как его чуть-чуть приподняло, но это движение тут же прекратилось.

— Ничего не получится, Элрик! У меня не хватает сил.

Проклиная ее, Элрик прокричал:

— Привяжи ее к коню!

Она подбежала к одной из лошадей и завязала жгут узлом на луке седла. Потом она повела коня за узду, и тот медленно пошел, таща за собой Элрика.

Постепенно Элрик выбрался из трясины. Продолжая сжимать Буревестник в правой руке, он лежал на нетвердой почве тропинки.

Тяжело дыша, он попытался встать, но ноги почти не слушались его. Он поднялся, но тут же снова упал. Шаарилла встала рядом с ним на колени.

— Ты не ранен?

Элрик, преодолевая слабость, улыбнулся:

— Не думаю.

— Это было ужасно. Я плохо видела, что происходит... Что это было? Ты словно исчез куда-то, а потом... потом ты выкрикивал это имя! — Шаариллу трясло, лицо ее было бледным и напряженным.

— Какое имя? — с искренним недоумением спросил Элрик.— Какое имя я выкрикивал?

Она покачала головой.

— Это неважно... каким бы ни было это имя, оно тебя спасло. Вскоре после этого ты снова появился и рухнул в трясину.

Сила Буревестника продолжала переливаться в альбиноса, который уже чувствовал, что в состоянии встать.

Поднявшись на ноги, он неуверенной походкой направился к своему коню.

— Я уверен, что Туманный великан обычно не охотится в этих местах. Его сюда направили. Кто или что — не знаю, но нам нужно поскорее добраться до более твердой почвы.

Шаарилла спросила:

— Двигаясь в какую сторону — назад или вперед?

Элрик нахмурился.

— Конечно вперед. Что это ты?

Сглотнув, Шаарилла потрясла головой.

— Тогда поспешим,— сказала она.

Они сели на коней и, почти не думая об опасности, скакали, пока болото, покрытое одеялом тумана, не осталось позади.

Теперь, когда Элрик понял, что какая-то сила пытается ставить препоны на их пути, они стали спешить — отдыхали мало и гнали своих сильных лошадей, пока те чуть не падали с ног от усталости.

На пятый день они оказались в пустынной скалистой местности, где моросил дождь.

Твердая земля под копытами лошадей была скользкой, а потому они ехали медленно, приникая к промокшим гривам, кутаясь в плащи, которые почти не спасали от назойливого дождя. Они ехали некоторое время в молчании, а потом услышали впереди жутковатый, похожий на лай хохот и стук копыт.

Элрик указал на скалу справа от них.

— Укроемся там,— сказал он.— Что-то движется нам навстречу. Возможно, новые враги. Если повезет, они проедут мимо.

Шаарилла молча повиновалась ему, и они вдвоем, стоя под скалой, слушали, как приближается к ним этот отвратительный лай.

— Один всадник... и несколько каких-то тварей,— сказал Элрик, прислушиваясь.— Твари либо сопровождают, либо преследуют его.

Потом они увидели их, несущихся под дождем. Человек отчаянно пришпоривал такую же испуганную, как он, лошадь, а за ним, сокращая расстояние, мчалась стая зверей, которых

Элрик и Шаарилла поначалу приняли за собак. Но это оказались не собаки, а полупсы-полуптицы с худыми косматыми телами и собачьими ногами, заканчивающимися птичьими когтями. Вместо собачьих морд у них были изогнутые птичьи клювы.

— Это охотничьи собаки Дхарзи,— выдохнула Шаарилла.— Я думала, что их давно уже нет на свете, как и их хозяев!

— Я тоже так думал,— сказал Элрик.— Что им здесь надо? Между Дхарзи и обитателями этих земель никогда не было никаких контактов.

— *Что-то* привело их сюда,— прошептала Шаарилла.— Эти проклятые собаки несомненно учуют нас.

Элрик потянулся к рунному мечу.

— Тогда мы ничего не потеряем, если попытаемся помочь их возможной добыче,— сказал он и пришпорил коня.— Жди здесь, Шаарилла.

В этот момент дьявольская стая преследователей и их жертва как раз проносились мимо скалы, под которой прятались Элрик и Шаарилла, в направлении узкого ущелья. Элрик стегнул коня и устремился следом.

— Эй! — крикнул он обезумевшему от страха всаднику.— Развернись и встань — я тебе помогу!

С высоко поднятым рунным мечом Элрик поскакал на щелкающих клювами воющих собак, и копыто его коня ударило одну из них с такой силой, что хребет этой нездешней твари переломился. Оставалось еще пять или шесть необычных собак. Всадник развернул коня и извлек из своих ножен длинный изогнутый меч. Это был маленький человек с широким уродливым ртом. Он с облегчением ухмыльнулся.

— Эта встреча — мой счастливый случай, добрый господин.

Большего сказать он не успел — две собаки набросились на него, и он был вынужден сосредоточиться на защите от смертоносных когтей и щелкающих клювов.

Три другие собаки принялись за Элрика. Одна из этих злобных тварей высоко подпрыгнула, нацелив свой клюв на его горло. Он ощутил мерзкое дыхание на своем лице и не медля нанес Буревестником удар, который рассек собаку на две части. Элрика и его коня окропила грязная кровь, от запаха которой две оставшиеся собаки стали еще яростнее нападать на него. Но, вкусив этой крови, танцующий рунный меч запел свою торжествующую песню, и Элрик почувствовал, как Буревестник повел за собой его руку и нанес удар еще одной мерзкой твари.

Острие меча вонзилось прямо в грудь собаке, попытавшейся прыгнуть на альбиноса. Собака завизжала в мучительной агонии и попыталась клювом схватить клинок. Но когда клюв прикоснулся к сверкающему металлу меча, в ноздри Элрику ударило жуткое зловоние, похожее на запах гари, и тварь взвыла.

Занимаясь последней оставшейся собакой, Элрик краем глаза увидел обуглившееся собачье тело. Его конь встал на дыбы и обрушился на оставшуюся в живых псину своими передними копытами. Собака увернулась и набросилась на Элрика слева — с той стороны, откуда он не ждал нападения. Альбиносу пришлось развернуться в седле, и тогда он сумел нанести удар по собачьему черепу, который раскололся, забрызгав влажную землю кровью и мозгами. Правда, собака еще была жива и попыталась было ухватить Элрика своим клювом, но сил у нее уже не осталось, и мелнибониец, не обращая внимания на эту тщетную попытку, пришел на помощь маленькому человеку. Тот уже расправился с одной из собак, но вторая доставляла ему немало трудностей. Собака ухватила его меч своим клювом почти у самой рукояти.

Собачьи когти были близко от горла человека, который пытался стряхнуть эту тварь со своего меча. Элрик ринулся вперед, держа рунный меч как копье, нацеливая его на болтающуюся в воздухе собаку, которая пыталась вцепиться когтями в ускользающую от нее добычу. Буревестник вонзился в нижнюю часть туловища собаки и рванулся вверх, разрезая эту тварь надвое до самой ее глотки. Собака выпустила из клюва меч и, агонизируя, упала на землю. Конь Элрика ударил ее копытами. Тяжело дыша, альбинос всунул меч в ножны и настороженно посмотрел на человека, которого спас. Он избегал контактов, в которых не было необходимости, и не хотел чувствовать себя неловко под градом благодарностей, которыми должен был разразиться спасенный.

Он не обманулся — уродливый широкий рот сложился в веселую ухмылку, и человек поклонился в седле, возвращая свой изогнутый меч в ножны.

— Благодарю тебя, мой добрый господин,— оживленно сказал он.— Без твоей помощи схватка могла бы продолжаться дольше. Ты лишил меня неплохого развлечения, но руководствовался лучшими побуждениями. Меня зовут Мунглам.

— Элрик из Мелнибонэ,— ответил альбинос, но спасенный никак не прореагировал на это имя. Это было странно, потому что имя Элрика пользовалось дурной славой в большей части мира. История его предательства и убийства кузины Симорил передавалась из уст в уста и по-всякому приукрашивалась в тавернах Молодых королевств. Хотя он и ненавидел эту реакцию, но привык к тому, что, назвав свое имя, наблюдал смятение на лицах людей. Впрочем, Элрика узнавали по одной его бледной коже.

Заинтригованный неведением Мунглама, Элрик испытал странный интерес к самоуверенному маленькому всаднику. Элрик внимательно разглядывал его, пытаясь понять, откуда тот родом. На Мунгламе не было доспехов, его одежда из синей ткани повыцвела, испачкалась в дорожной грязи и изрядно поизносилась. На широком ремне висели меч, кинжал и кошелек из шерстяной ткани. Кожа высоких, до колен, сапог потрескалась. Сбруя его коня тоже была далеко не новой, но хорошего качества. Сам всадник был не более пяти футов ростом, с непропорционально длинными относительно остального тела ногами. У него был короткий вздернутый нос под серо-зелеными глазами, большими и по виду невинными. Пряди ярко-рыжих волос падали ему на лоб и свободно ложились на плечи. Он удобно сидел в седле, все еще продолжая ухмыляться, но теперь взгляд его был устремлен за спину Элрика — на приближавшуюся к ним Шаариллу.

Мунглам вежливо поклонился, когда девушка остановила коня.

Элрик холодно сказал:

— Госпожа Шаарилла — господин Мунглам из...

— Из Элвера,— сообщил Мунглам.— Торговой столицы Востока, лучшего города мира.

Элрику было знакомо это название.

— Значит, ты из Элвера, господин Мунглам. Я слышал об этом месте. Совсем молодой город. Всего несколько веков. Далеко же ты ушел от дома.

— Воистину так. Без знания языка, на котором говорят в этих краях, путешествие было бы куда как сложнее, но, к счастью, раб, который сподвиг меня на это путешествие своими рассказами, досконально научил меня языку этих мест.

— Но зачем ты отправился в эти края... разве ты не знаешь легенд? — недоверчиво спросила Шаарилла.

— Легенды-то и привели меня сюда, и я уже начал было сомневаться в них, но тут на меня набросились эти противные щенки. Понятия не имею, с чего это они на меня ополчились, потому что я не дал им ни малейшего повода для такой антипатии. Вот уж воистину варварская страна.

Элрик испытывал неловкое чувство. Пустая болтовня такого рода явно была по вкусу Мунгламу, но никак не склонному к созерцательности Элрику. И тем не менее Элрик чувствовал, что ему все больше и больше нравится этот человек. Мунглам предложил продолжить путь вместе. Шаарилла была против, о чем известила Элрика остерегающим взглядом, но Элрик решил не обращать внимания на ее предостережение.

— Отлично, друг Мунглам, ведь трое сильнее, чем двое. Мы будем рады твоей компании. Мы направляемся к тем горам.— Настроение Элрика тоже переменилось в лучшую сторону.

— И что вы там ищете? — спросил Мунглам.

— Это тайна,— ответил Элрик, и его новообретенный спутник, проявив благоразумную сдержанность, не стал переспрашивать.

Глава третья

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ОКЕАН

Они продолжили путь. Дождь тем временем усилился, он плескался и пел среди скал, небо над их головами цветом напоминало потускневшую сталь, ветер заунывно завывал, исполняя свою погребальную мелодию. Три маленькие фигурки

быстро продвигались в направлении черного горного хребта, вздыбившегося над миром, как о чем-то задумавшийся бог. И может быть, именно бог смеялся время от времени по мере их приближения к горным подножиям. Или, возможно, это ветер свистел среди таинственных каньонов и пропастей, среди нагромождений базальтовых и гранитных скал, поднимавшихся к одиноким пикам, вокруг которых формировались грозовые тучи, пускавшие вниз молнии, похожие на гигантские пальцы, что обшаривают землю в поисках пищи.

Над кряжами гремел гром, и Шаарилла наконец решилась поделиться своими сомнениями с Элриком. Она их высказала, когда увидела вдалеке эти горы.

— Элрик, давай вернемся. Прошу тебя. Забудь об этой Книге — против нас ополчилось слишком много сил. Не отворачивайся от предзнаменований, Элрик, иначе мы обречены!

Но Элрик хранил мрачное молчание — он уже давно почувствовал, что Шаарилла больше не горит энтузиазмом продолжать поиски, которые сама и затеяла.

— Элрик, прошу тебя. Мы никогда не найдем Книгу. Элрик, давай повернем назад.

Она ехала рядом с ним, хватая его за рукав. Элрик наконец сбросил ее руку и сказал:

— Мой интерес теперь слишком велик, и не в моих силах остановиться. Ты можешь либо по-прежнему показывать дорогу, либо сообщить мне то, что знаешь, и остаться здесь. Раньше ты желала обратиться к мудрости Книги, а теперь маленькие трудности испугали тебя. Что ты хотела узнать, Шаарилла?

Не ответив на его вопрос, она сказала:

— А что хотел узнать ты, Элрик? Ты говорил, что ищешь покоя. Ну так вот, я тебя предупреждаю, покоя в тех мрачных горах ты не найдешь, если только мы вообще до них доберемся.

— Ты не была откровенна со мной, Шаарилла,— холодно сказал Элрик, продолжая смотреть вперед на черные пики.— Тебе известно, что за силы пытаются нас остановить.

Она пожала плечами.

— Это не имеет значения... я знаю слишком мало. Мой отец высказал мне несколько туманных предупреждений перед смертью, только и всего.

— И что же он сказал?

— Он сказал, что тот, кто сторожит Книгу, пойдет на все, чтобы не позволить человечеству использовать ее мудрость.

— Что еще?

— Больше ничего. Но этого достаточно, и теперь я понимаю, что предупреждение моего отца не было пустым звуком. Именно этот страж и убил отца. Он или кто-то из его слуг. Я не хочу повторить его судьбу, что бы ни сулила мне Книга. Я думала, ты достаточно силен и способен мне помочь, но теперь я в этом сомневаюсь.

— Пока что мне удавалось тебя защитить,— просто сказал Элрик.— А теперь скажи мне, что ты хочешь узнать из Книги.

— Мне стыдно говорить об этом.— Элрик не стал настаивать, но она сказала сама, перейдя на шепот: — Я ищу свои крылья.

— Крылья? Ты хочешь сказать, что рассчитываешь найти там заклинание, которое поможет тебе отрастить крылья? — иронически улыбнулся Элрик.— И ради этого ты ищешь самое великое хранилище мудрости на земле?

— Если бы тебя считали уродом в твоей собственной стране, то и тебе не казалось бы это мелочью,— вызывающе крикнула она.

Элрик повернулся к ней, его малиновые глаза светились странным чувством. Он приложил руку к своей мертвенно-бледной щеке и криво улыбнулся.

— Я когда-то чувствовал то же самое,— тихо сказал он.

Больше он ничего не добавил, и пристыженная Шаарилла снова поехала следом за ним. Они скакали молча, но вот Мунглам, который вежливо ехал впереди, наклонил голову и внезапно натянул поводья. Элрик подъехал к нему.

— В чем дело, Мунглам?

— Я слышу лошадей,— сказал маленький человечек.— А еще знакомые голоса, при звуках которых мне становится тревожно. Снова эти дьявольские собаки, но теперь в сопровождении всадников.

Элрик теперь тоже услышал эти звуки и предупреждающе крикнул Шаарилле:

— Возможно, ты была права! У нас снова неприятности.

— Что будем делать? — спросил, нахмурившись, Мунглам.

— Поскачем в гору,— ответил Элрик,— может, еще удастся опередить их.

Но бежать уже было поздно. Скоро на горизонте показалась черная свора, и по-птичьему резкий лай стал приближаться. Элрик оглянулся на преследователей. Опускалась ночь, и видимость ухудшалась с каждым мгновением, но Элрику показалось, что он видит всадников, скачущих за сворой. На них были темные плащи, в руках — длинные пики. Лиц всадников Элрик не различил — они были не видны под капюшонами, закрывавшими их головы.

Теперь Элрик и его спутники гнали лошадей вверх по крутому склону, пытаясь найти убежище среди скал.

— Мы остановимся здесь,— сказал Элрик,— и попытаемся отбиться. На открытом пространстве у нас нет шансов.

Мунглам утвердительно кивнул, соглашаясь с разумностью слов Элрика. Они остановили своих взмыленных лошадей и приготовились к схватке с воющей стаей и ее хозяевами в черных плащах.

Скоро первые из дьявольских собак уже карабкались вверх по склону, с их клювов капала слюна, а их когти царапали камни. Элрик и Мунглам встали между двумя камнями и, преградив путь, встретили первую собачью атаку, быстро расправившись с тремя тварями. Место убитых заняли другие, а за ними, когда сумерки сгустились еще больше, показались первые всадники.

— Ариох! — выругался Элрик, внезапно узнав всадников.— Это же властелины Дхарзи. Они мертвы вот уже десять веков. Мы сражаемся с мертвецами, Мунглам, и с довольно-таки осязаемыми призраками их собак. Если я не вспомню какой-нибудь колдовской способ разделаться с ними, мы обречены!

Мертвые всадники, казалось, пока не имели ни малейшего желания принимать участие в нападении. Они ждали. Их мертвые глаза загорались потусторонним светом, когда очередная партия дьявольских собак набрасывалась на Элрика и его спутника, которые защищались, выставив перед собой заслон из сверкающей, звенящей стали. Элрик напрягал память, пытаясь вспомнить заклинание, с помощью которого можно было бы отделаться от этих живых мертвецов. Потом он вспомнил и, надеясь, что силы, к которым ему приходится обращаться, помогут им, начал распевать:

Пусть законы мирозданья
Не утратят прочность тверди;
Кто Владык Земли обманет,
Попадет в объятья смерти*.

Ничего за этим не последовало.

— Ничего не вышло,— безнадежно пробормотал Элрик, насаживая на свой меч очередную тварь, щелкающую клювом.

Но вдруг земля заволновалась и словно бы забурлила под копытами коней, на которых сидели мертвые всадники. Эта дрожь продолжалась несколько секунд, а потом стихла.

«Видимо, заклинание оказалось недостаточно сильным»,— со вздохом подумал Элрик.

Земля снова задрожала, и в склоне, на котором безучастно стояли властелины Дхарзи, стали прорываться маленькие кратеры. Вниз покатились камни, и лошади принялись нервно бить копытами. А потом земля вздыбилась, раздался грохот.

— Назад,— закричал Элрик.— Назад, или нас сметет вместе с ними!

Они отступили к Шаарилле и своим лошадям, а земля прогибалась под их ногами. Всадники Дхарзи пятились, лошади их храпели, а оставшиеся собаки нервно поворачивали головы, недоуменно глядя на своих хозяев.

С губ живых мертвецов срывались хриплые стоны. Внезапно вся поверхность горного склона покрылась трещинами, которые постепенно превращались в зияющие провалы. Элрик и его спутники вскочили на лошадей, и в этот миг раздался жуткий многоголосый крик — это мертвых властелинов поглотила земля, забрав их туда, откуда они были вызваны.

Из разверстых глубин доносился глумливый хохот — издевательский смех Владык Земли, которые снова принимали во

* Перевод Р. Адрианова.

владение свою законную добычу. Дьявольские собаки, принюхиваясь, с воем заглядывали вниз с края образовавшегося пролома. Потом в едином порыве черная стая бросилась в пропасть, чтобы разделить со своими хозяевами ту мрачную судьбу, которая была им уготована.

Мунглама пробрала дрожь.

— Странные у тебя, оказывается, знакомства, друг Элрик,— боязливо сказал он, снова поворачивая своего коня в направлении гор.

Они добрались до гор на следующий день, и Шаарилла, волнуясь, повела их заученным ею маршрутом между скал. Она больше не просила Элрика повернуть назад — Шаарилла была готова принять ту судьбу, что ее ожидает. Элрик горел одержимостью, его наполняло нетерпение — ведь он был уверен, что непременно найдет окончательную истину существования в Книге Мертвых Богов. Мунглам был настроен скептически, хотя и на веселый лад, а Шаарилла была поглощена предзнаменованиями.

Продолжал моросить дождь, а над ними рычал и грохотал гром. Когда неугомонный дождь стал набирать силу, они оказались наконец перед черным зияющим входом в огромную пещеру.

— Дальше я не смогу вас вести,— устало сказала Шаарилла.— Книга находится где-то в этой пещере.

Элрик и Мунглам неуверенно переглянулись, никто из них не был уверен относительно дальнейших действий. Цель их казалась теперь такой легкодостижимой — вход в пещеру был свободен, и никто его вроде бы не охранял,— и это расходилось с тем, с чем они сталкивались до сих пор.

— Невозможно, чтобы опасности, которые преследовали нас, возникали сами по себе, без чьего-либо влияния,— сказал Элрик.— И тем не менее мы у цели, а нашему входу никто не препятствует. Ты уверена, что это *та самая* пещера, Шаарилла?

Девушка указала на скалу над входом. На ней был виден странный символ — Элрик сразу же его узнал.

— Знак Хаоса! — воскликнул он.— Я должен был давно догадаться.

— И что он означает, Элрик? — спросил Мунглам.

— Это знак непрекращающегося распада и столпотворения,— сказал ему Элрик.— Мы находимся на территории, подвластной Повелителям Энтропии или кому-то из их слуг. Вот, оказывается, кто наши враги! Это может означать только одно: Книга имеет чрезвычайную важность для порядка вещей в этом мире, а возможно, и во всех мириадах миров мультивселенной. Поэтому-то Ариох с такой неохотой и пришел мне на помощь — ведь он тоже один из Владык Хаоса!

Мунглам недоуменно смотрел на Элрика.

— Что ты хочешь этим сказать, Элрик?

— Разве ты не знаешь, что миром управляют две силы, ведущие между собой бесконечную борьбу? — ответил Элрик.— Закон и Хаос. Сторонники Хаоса утверждают, что в том мире, где они властвуют, возможно все. Противники Хаоса — те, кто стал союзником силам Закона — утверждают, что без Закона *ничто* материальное невозможно. Некоторые стоят в стороне, веря, что правильное положение вещей — это состояние равновесия между двумя силами. Но мы не можем занять такую позицию. Мы вовлечены в спор между ними. Книга, несомненно, имеет ценность для обеих сторон, и я могу предположить, что слуги Энтропии обеспокоены — они боятся той силы, что мы можем высвободить, заполучив Книгу. Закон и Хаос редко вмешиваются в ход событий непосредственно, поэтому-то мы и не полностью ощущали их присутствие. Теперь я, возможно, найду наконец ответ на тот вопрос, который не дает мне покоя: есть ли некая высшая сила, которая правит противостоящими друг другу Законом и Хаосом.

Элрик шагнул в пещеру, вглядываясь во мрак; двое других неуверенно последовали за ним.

— Эта пещера уходит далеко в глубь горы. Мы можем только идти и идти, пока не упремся в стену,— сказал Элрик.

— Будем надеяться, что нам не придется спускаться *вниз,* чтобы добраться до этой стены,— иронически сказал Мунглам, приглашая Элрика возглавить шествие.

Они, спотыкаясь, продвигались вперед, а в пещере становилось все темнее и темнее. Их голоса отдавались от стен и оглушали их, а пол пещеры начал резко уходить вниз.

— Это не пещера,— прошептал Элрик.— Это *туннель,* только вот не могу понять, куда он ведет.

Несколько часов шли они в полной темноте, цепляясь друг за друга, неуверенно отыскивая опору для ног и по-прежнему чувствуя, что пол неуклонно уходит вниз. Они утратили чувство времени, и Элрику стало казаться, что все это происходит с ними во сне.

События приняли такой непредсказуемый оборот и настолько вышли из-под его контроля, что он уже просто не мог думать о происходящем в рамках обыденности.

Туннель был длинен, широк, воздух в нем стоял холодный Все здесь вызывало страх, и единственной реальностью представлялся только твердый пол под их ногами Элрику начало казаться, что, возможно, движется не он, что движется пол, а он, Элрик, остается неподвижным. Его спутники цеплялись за него, но он не ощущал их присутствия. Он чувствовал себя потерянным, и мозг его онемел. Иногда его покачивало, и у него возникало впечатление, что он находится на краю пропасти. Иногда он падал, и его измученное тело ударялось о жесткий камень, а он таким образом находил опровержение своим ощущениям — пропасти, в которую он опасался свалиться, рядом с ним не было.

Он по-прежнему заставлял свои ноги шагать, хотя и вовсе не был уверен в том, что на самом деле перемещается в пространстве. И время здесь ничего не значило — оно стало бессмысленным, ни с чем не соотнесенным понятием.

Наконец впереди забрезжило слабое голубоватое мерцание, и тогда он понял, что все это время они все же не стояли на одном месте. Он бросился бегом вниз по склону, но, поняв, что передвигается слишком быстро, замедлил шаг Он ощутил запах присутствия чего-то потустороннего в прохладном воздухе пещеры-туннеля, и страх, управлять которым он был не в силах, волной разлился по его жилам.

Другие, хотя они и не произнесли ни слова, несомненно, испытывали то же самое — Элрик чувствовал это. Они медленно двигались вниз, приближаясь к бледно-голубому мерцанию под ними.

Потом туннель внезапно кончился, и их испуганным взорам открылось неземное видение. Над ними сам воздух, казалось, светился тем странным голубоватым оттенком, который и привлек их внимание некоторое время назад. Они стояли на выступающей каменной плите, и, хотя вокруг по-прежнему царила темнота, голубоватое мерцание освещало под ними участок сверкающего серебром берега. Берег омывало плещущееся темное море, которое беспокойно двигалось, словно некий жидкий великан в тревожном сне. На серебряном берегу здесь и там виднелись неясные очертания остатков кораблекрушений — остовы судов необычных конструкций, среди которых не было двух похожих.

Море уходило в бесконечную мглу, не имевшую горизонта,— сплошная чернота. У них за спиной находился голый утес, вершина которого тоже терялась в темноте. И здесь царил холод, настоящий холод, лютый и пронзительный. И хотя внизу плескалось море, сырости в воздухе не ощущалось, как не ощущалось и запаха соли. Вид был мрачный и внушающий трепет, и, если не считать моря, кроме них, здесь все было абсолютно бездвижно, кроме них, ничто не производило никаких звуков, потому что море накатывалось на берег с ужасающей бесшумностью.

— И что теперь, Элрик? — спросил Мунглам с дрожью в голосе.

Элрик недоуменно покачал головой. Они долго стояли так, пока альбинос — вид его белых рук и лица в этом неземном свете наводил ужас — не сказал:

— Поскольку возвращаться не имеет смысла, мы попытаемся пересечь море.

Голос его звучал глухо, и казалось, будто он не осознает значения своих слов. Ступеньки, вырубленные в скале, вели вниз к берегу, и Элрик начал спускаться по ним. Остальные, оглядываясь вокруг — глаза их светились какой-то жуткой покорностью,— последовали за Элриком.

Глава четвертая

О РАССТАВАНИЯХ И ВЫГОДАХ

Звук их шагов нарушал тишину; они спустились на серебряный берег, кристаллическая галька которого хрустела под их ногами.

Малиновые глаза Элрика заметили какой-то предмет, лежащий на берегу. Он улыбнулся, затем помотал головой, словно пытаясь освободиться от чего-то навязчивого. Дрожа от возбуждения, он указал на лодку, и остальные увидели, что она, в отличие от других судов и суденышек, невредима. Лодка была выкрашена в желтый и красный цвета и выглядела вульгарно веселой в общей атмосфере тревоги. Приблизившись, они увидели, что лодка сделана из дерева неизвестной им породы Мунглам провел короткими пальцами по борту.

— Жесткое, как железо,— выдохнул он — Неудивительно, что она не сгнила, как остальные — Он заглянул внутрь и вздрогнул.— Что ж, владелец не будет возражать, если мы ее заберем,— сухо добавил он.

Элрик и Шаарилла поняли, что он имеет в виду, когда увидели неестественно скрюченный скелет, лежащий на днище лодки. Элрик вышвырнул эти бренные останки из лодки на береговую гальку. Скелет с грохотом покатился по сверкающим камням, разваливаясь на части и оставляя за собой след из костей. Череп лег у самой кромки воды, словно глядя безглазым взором на волнующуюся морскую пучину.

Элрик и Мунглам потащили лодку к морю, а Шаарилла, подойдя к воде, села на корточки и погрузила руки в воду. Она тут же резко вскочила, стряхивая с рук влагу.

— Насколько я понимаю, это не вода,— сказала она.

Они услышали ее слова, но ничего не ответили.

— Нам нужен парус,— пробормотал Элрик Над водой гулял холодный ветерок.— Сгодится плащ.— Он снял с себя плащ и привязал его к мачте лодки.— Двоим из нас придется держать его с одной и с другой стороны,— сказал он.— Таким образом мы хоть немного сможем контролировать направление движения. Парус самодельный, но лучшего нам все равно не придумать.

Они оттолкнулись от берега, стараясь не замочить ноги в море. Парус поймал ветерок, и лодка понеслась по воде резвее, чем это показалось Элрику поначалу. Суденышко рвалось вперед, словно подчиняясь собственному желанию, а Элрик и Мунглам до боли в мышцах удерживали края паруса.

Скоро они потеряли из виду серебряный берег, и теперь все, что они могли видеть,— это светло-голубое мерцание наверху, которое почти не рассеивало мрак. Именно тогда они и услышали хлопанье крыльев в вышине и подняли головы

На них молча спускались три здоровенных обезьяноподобных существа на громадных крыльях. Шаарилла узнала их и в ужасе выдохнула:

— Клакары!

Мунглам, пожав плечами, спешно извлек свой меч

— Мне это название ничего не говорит.. Кто они такие?

Однако ответа он не получил, потому что первая крылатая обезьяна спланировала вниз, разевая пасть и что-то бормоча, с ее длинных клыков капала слюна. Мунглам отпустил конец паруса и попытался ударить тварь мечом, но та увернулась, сделав мощный взмах крыльями и снова устремившись ввысь.

Элрик, вытащив из ножен Буревестник, удивился: клинок молчал, знакомой звонкой песни не было слышно. Меч дрожал в его руке, и вместо притока энергии, ощущавшегося им обычно в таких случаях, он чувствовал лишь легкое пощипывание Он было запаниковал, потому что без меча мог быстро утратить все жизненные силы. Усилием воли подавляя в себе страх, он принялся отмахиваться мечом от планирующей на него обезьяны.

Обезьяна ухватилась за клинок и опрокинула Элрика, но при этом закричала от боли, потому что меч пронзил ее узловатую лапу и отсек пальцы, которые, кровоточа и еще шевелясь, упали в лодку.

Элрик, ухватившись за борт лодки, поднялся на ноги. Пронзительно крича, крылатая обезьяна снова бросилась на него, но на этот раз с большей осторожностью.

Элрик собрал все силы и, взяв меч двумя руками, нанес удар, которым отсек одно из кожаных крыльев, после чего искалеченная тварь свалилась в лодку. Прикинув, где находится

сердце этой бестии, Элрик вонзил ей меч ниже грудной кости. Обезьяна затихла.

Мунглам яростно отбивался сразу от двух крылатых обезьян, которые нападали на него с двух сторон. Он стоял на одном колене, наудачу нанося удары. Он вспорол череп одной из тварей, но та, хотя и преодолевая боль, продолжала наступать на него. Элрик вслепую взмахнул Буревестником и нанес раненой бестии удар в горло, выставив меч острием вперед. Обезьяна ухватилась когтистой рукой за сталь клинка и свалилась за борт. Ее тело некоторое время продержалось на поверхности, но потом начало медленно погружаться.

Элрик из последних сил цеплялся за рукоятку меча, далеко перевешиваясь за борт. Невероятным образом меч тонул вместе с мертвой обезьяной. Элрик, который успел хорошо изучить свойства Буревестника, был поражен происходящим — теперь меч шел на дно, как делал бы это любой обычный меч Он дернул за рукоять и все-таки извлек клинок из тела мертвой крылатой обезьяны.

Элрик быстро терял силы. Происходившее было невероятно. Какие потусторонние законы управляли этим подземным миром? Никакого разумного объяснения не приходило в голову, и сейчас главной заботой Элрика было восстановление утраченных сил. Но без помощи рунного меча это было невозможно.

Кривой меч Мунглама расчленил последнюю обезьяну, и теперь маленький человечек деловито перебрасывал мертвое тело за борт. Он повернулся к Элрику с торжествующей улыбкой на губах.

— Неплохая драчка,— сказал он.

Элрик покачал головой.

— Мы должны как можно скорее пересечь это море,— ответил он.— Иначе нам конец. Я теряю силы.

— Как? Почему?

— Не знаю... Может быть, силы Энтропии здесь могущественнее, чем я думал. Поспешим, времени на размышления у нас нет.

В глазах Мунглама поселилась тревога. Он мог только подчиняться Элрику. Элрик дрожал от слабости, из последних сил

удерживая рвущийся из рук парус. Шаарилла придвинулась, чтобы помочь ему, ее руки касались его, глубоко посаженные глаза женщины смотрели с сочувствием.

— Что это были за твари? — выдохнул Мунглам, его губы разошлись, обнажив белые зубы, дышал он тяжело.

— Клакары,— ответила Шаарилла.— Это примитивные предки моего народа, доисторические существа. А мой народ считается старейшим на этой планете.

— Кто бы ни пытался нас остановить в этих твоих поисках, я бы им посоветовал придумать какой-нибудь оригинальный способ,— ухмыльнулся Мунглам.— Старые методы тут не годятся.

Однако его спутники даже не улыбнулись, потому что Элрик едва не терял сознание, а женщина была озабочена только его состоянием.

Мунглам, глядя вперед, пожал плечами. Когда спустя какое-то время он заговорил снова, голос его зазвучал возбужденно.

— Впереди земля!

Это и в самом деле была земля, и они быстро к ней приближались. Слишком быстро.

Элрик выпрямился и с трудом проговорил:

— Отпустите парус!

Мунглам подчинился. Лодка продолжала нестись вперед и наконец ударилась о такой же серебристый берег. Нос лодки пропахал темный шрам в сверкающей гальке. Лодка резко остановилась, накренившись на один бок, отчего все трое вывалились за борт.

Шаарилла и Мунглам поднялись и поволокли безвольное тело альбиноса вверх по берегу. Они тащили Элрика, пока кристаллическая галька не сменилась плотным, мягким мхом и их шаги не стали беззвучными. Здесь они положили альбиноса и остановились, обеспокоенно глядя на него и не зная, что делать дальше.

Элрик попытался подняться, но не смог.

— Дайте мне время,— прошептал он.— Я не умру, но зрение отказывает мне. Я могу только надеяться, что на твердой земле к мечу вернется сила.

Из последних сил он вытащил Буревестник из ножен и облегченно улыбнулся — рунный меч тихонько запел, постепенно его песня начала звучать громче, а по всей длине клинка пробежала черная молния.

Элрик почувствовал приток сил, энергия возвращалась к нему. Но несмотря на это, в его малиновых глазах застыло мучительное страдание.

— Без этого Черного Меча я ничто,— простонал он.— Но что он делает со мной? Неужели я навечно связан с ним?

Другие не ответили ему, но их тронули чувства, которые им были непонятны, чувства, представлявшие собой смесь страха, ненависти, сожаления и связанные с чем-то еще...

Наконец Элрик, дрожа, поднялся и молча повел их по поросшему мхом склону горы к более естественному свету, мерцавшему наверху. Они видели, что источником этого света является широкая расселина, уходящая далеко вверх В этом свете они вскоре смогли различить нечто темное неправильной формы, возвышавшееся в тени над щелью.

Приблизившись, они увидели, что это замок из черного камня — нагромождение камней, поросшее темно-зеленым ползучим лишайником, который цеплялся за древние стены с чуть ли не сознательной настойчивостью.

Казалось, что башни этого замка построены совершенно хаотическим образом и занимают огромное пространство. Окон нигде не было видно, а единственным отверстием, которое они увидели, был вход, перекрытый массивной металлической решеткой, отливавшей красноватым светом, но не излучавшей тепла. Над этими воротами золотистым цветом горел знак Повелителей Энтропии, представлявший собой восемь стрел, разлетающихся во все стороны из центра. Этот знак словно бы висел в воздухе, не касаясь черного, поросшего лишайником камня.

— Я думаю, наш поиск здесь и заканчивается,— мрачно сказал Элрик.— Либо здесь, либо нигде.

— Прежде чем я пойду дальше, Элрик, я должен знать, что ты ищешь,— пробормотал Мунглам.— Я думаю, что заслужил это право.

— *Одну книгу*,— небрежно сказал Элрик.— Книгу Мертвых Богов. Она находится в стенах этого замка — я в этом уверен. Мы достигли цели нашего путешествия.

Мунглам пожал плечами.

— Я мог бы и не спрашивать,— улыбнулся он.— Твой ответ мало что мне говорит. Я надеюсь, что мне будет позволено получить хотя бы малую долю того сокровища, которое являет собой сия Книга.

Элрик усмехнулся, хотя и чувствовал всем своим существом холодок страха. Он не ответил на пожелание Мунглама. Вместо этого Элрик сказал:

— Но сначала нам надо войти внутрь.

Ворота словно услышали его, металлическая решетка сверкнула бледно-зеленым светом, потом мерцание снова стало красным, и решетка в конце концов исчезла. Вход был открыт, *и ничто не мешало им войти внутрь.*

— Не нравится мне это,— проворчал Мунглам.— Слишком уж просто. Нас ожидает ловушка. Неужели мы так легко отдадимся на милость того, кто обитает в стенах этого замка

— А что нам еще остается? — спокойно проговорил Элрик.

— Вернуться или идти вперед, минуя этот замок. Не надо искушать того, кто сторожит Книгу! — Шаарилла цеплялась за правую руку альбиноса, ее лицо исказил страх, в глазах застыла мольба.— Забудь о Книге, Элрик!

— Забыть *сейчас?* — невесело рассмеялся Элрик.— Пройдя столько испытаний? Нет, Шаарилла, это невозможно, когда истина так близко. Лучше уж умереть, чем не попытаться добыть мудрость из Книги, когда она в двух шагах.

Шаарилла разжала пальцы, ее плечи безнадежно опустились.

— *Мы не можем сражаться со слугами Энтропии...*

— Возможно, нам и не придется.— Элрик сам не верил в свои слова, но губы его сжались в жесткую линию; его переполняли чувства — темные, напряженные и страшные.

Мунглам бросил взгляд на Шаариллу.

— Шаарилла права,— убежденно сказал он.— В этих стенах ты не найдешь ничего, кроме разочарования, а возможно, и

смерти. Давай лучше поднимемся еще выше по тем ступеням и попытаемся выбраться на поверхность.

Он указал на корявые ступеньки, которые вели к отверстию, зияющему в своде пещеры.

Элрик покачал головой.

— Нет. Если хочешь — иди один.

Мунглам скорчил обеспокоенную гримасу.

— Ты упрям, друг Элрик. Ну что ж, будь что будет. Я иду с тобой. Но лично я всегда предпочитал компромисс.

Элрик медленно направился к темному входу мрачного огромного замка.

В широком темном дворе их ждала высокая фигура, завернутая в алый огонь.

Элрик, не останавливаясь, прошел через ворота. Мунглам и Шаарилла с опаской последовали за ним.

Порывистый хохот вырвался изо рта великана, и алый огонь затрепетал вокруг него. Он был гол и безоружен, но исходящая от него сила чуть не отбросила троих спутников назад. Кожа у великана была чешуйчатой, дымчато-алого цвета. Он легко переминался с одной округлой ноги на другую, а на его массивном теле играли мощные мускулы. Череп у него был удлиненный, срезанный к затылку со лба, а его глаза напоминали заплаты из голубой стали без зрачков. Все тело великана сотрясалось от дикой, злобной радости.

— Приветствую тебя, Элрик Мелнибонийский. Я поздравляю тебя с удивительным упорством!

— Кто ты? — прорычал Элрик, положив руку на меч.

— Меня зовут Орунлу-Хранитель, а это — цитадель Повелителей Энтропии.— Великан цинично ухмыльнулся.— Не надо так нервно гладить твой хиленький клинок. Ты должен знать, что теперь я ничем не могу тебе повредить. Я получил возможность переместиться в твое царство только после того, как дал такой обет.

Голос Элрика выдал его растущее возбуждение.

— Так значит, ты не можешь нас остановить?

— Я не смею... поскольку мои тайные усилия не увенчались успехом. Однако должен признать, что твоя неразумная попытка несколько встревожила меня. Книга важна для нас.

Но что она может значить для тебя? Я охраняю ее триста веков и ни разу не проявил любопытства — не попытался узнать, почему мои хозяева придают ей такое значение, почему они остановили ее полет на солнце и запрятали на этой скучнейшей земле, населенной глупыми существами, называемыми людьми, к тому же имеющими столь короткую жизнь.

— Я ищу в ней Истину,— осторожно сказал Элрик.

— Нет иной Истины, кроме Вечной борьбы,— убежденно сказал великан, излучающий алое пламя.

— Что властвует над силами Закона и Хаоса? — спросил Элрик.— Что управляет вашими судьбами так же, как управляет моей?

— На этот вопрос я не знаю ответа. Есть только Равновесие.

— Тогда, может быть, Книга ответит нам,— сказал Элрик.— Пропусти нас и скажи, где она лежит.

Великан отступил назад, иронически улыбаясь:

— Она лежит в маленькой комнате центральной башни. Я поклялся никогда не заходить внутрь, но провести туда вас я могу. Идите, если хотите, свой долг я исполнил.

Элрик, Мунглам и Шаарилла направились ко входу в замок, но, перед тем как им войти, великан предостерегающе заговорил за их спинами:

— Мне говорили, что знание, содержащееся в Книге, может нарушить равновесие в пользу сил Закона. Это меня беспокоит, но, выходит, есть и еще одна вероятность, которая беспокоит меня еще больше.

— Какая? — спросил Элрик.

— Это знание может оказать такое сокрушительное влияние на мультивселенную, что в результате наступит полная энтропия. Мои хозяева не желают этого, потому что в конечном счете это может привести к разрушению всей материи. Мы существуем только для того, чтобы сражаться, а не побеждать, для того, чтобы поддерживать вечную борьбу.

— Мне все равно,— сказал Элрик.— Мне нечего терять, Орунлу-Хранитель.

— Тогда иди,— сказал великан и зашагал через двор в темноту.

Внутри башни ступеньки ведущей вверх винтовой лестницы были освещены бледным светом. Элрик начал молча подниматься, движимый собственной целью, предначертанной самой судьбой. Поколебавшись, Мунглам и Шаарилла последовали за ним, на их лицах было выражение вынужденного смирения.

Все выше и выше поднимались ступени, неимоверно извиваясь на пути к их цели, и наконец трое оказались перед комнатой, наполненной ослепляющим светом, многоцветным и колеблющимся, не проникавшим наружу, но целиком остававшимся в комнате, которая вмещала его.

Зажмурившись и прикрывая красные глаза ладонью, Элрик вошел внутрь и сузившимися зрачками увидел источник света, лежавший на небольшой каменной подставке в центре комнаты.

Шаарилла и Мунглам, тоже ослепленные, последовали за Элриком в комнату и в трепете остановились перед увиденным.

Книга Мертвых Богов была огромна, ее обложка, инкрустированная неземными драгоценными камнями, и излучала этот ярчайший свет. Она сияла, она *пульсировала* светом и переливалась великолепными цветами.

— Наконец-то! — выдохнул Элрик.— Наконец-то Истина откроется мне!

На нетвердых ногах, словно пьяный, он сделал несколько шагов и протянул свои белые руки к тому, что искал с такой отчаянной безнадежностью. Его руки коснулись вибрирующей светом обложки Книги, дрожащие пальцы открыли ее.

— Сейчас я узнаю,— с восторгом сказал он.

Обложка с резким стуком упала на пол, драгоценные камни разлетелись по выстланному плитами полу. Под судорожно скрючившимися пальцами Элрика была только горка желтоватого праха.

— Нет! — Его крик был исполнен боли и недоумения.— Нет! — Слезы потекли по его лицу, искаженному гримасой отчаяния.

Руки Элрика погрузились в желтоватый прах. Со стоном, потрясшим все его существо, он упал на колени, уткнувшись лицом в распавшийся пергамент Книги. Время уничтожило

Книгу, к которой никто не прикасался триста веков и о которой, возможно, просто забыли. Даже мудрые и всемогущие боги, создавшие ее, погибли, а теперь за ними в небытие последовало и их знание.

Они стояли на склоне высокой горы, глядя на зеленые долины внизу. Светило солнце, небо было голубым и безоблачным. За ними находилась зияющая дыра, которая вела в цитадель Повелителей Энтропии.

Элрик печальными глазами смотрел на мир, голова его упала на грудь под грузом усталости и темного отчаяния. Он не произнес ни слова с того времени, как спутники вытащили его, рыдающего, из комнаты, где лежала Книга. Теперь он поднял бледное лицо и заговорил голосом, исполненным самоиронии и горечи; это был голос одинокого человека, похожий на зов голодных морских птиц, кружащих в холодных небесах над мрачными берегами.

— Теперь,— сказал он,— я буду жить, даже не зная для чего, не зная, имеет ли моя жизнь какую-нибудь цель или нет. А ведь, возможно, Книга сказала бы мне об этом. Но, скорее всего, я бы все равно не поверил прочитанному. Я вечный скептик, я вечно задаю себе вопрос: сам ли я совершаю те действия, что совершаю? Я никогда не знаю, ведет ли меня какое-то высшее существо или нет. Я завидую тем, кто знает. Теперь мне остается только продолжить поиски и надеяться — возможно, напрасно,— что, прежде чем истечет отведенный мне срок, истина откроется мне.

Шаарилла взяла его безвольную руку в свои. В глазах ее стояли слезы.

— Элрик, позволь мне утешить тебя.

Альбинос горько усмехнулся.

— Лучше бы нам никогда не встречаться, Шаарилла из Танцующего Тумана. На какое-то время ты дала мне надежду — я уже было решил, что обрел внутренний покой. Но теперь из-за тебя я впал в еще большее отчаяние, чем прежде. В этом мире нет спасения — только злосчастная судьба. Прощай.

Он вырвал из ее рук свою и направился вниз по склону горы.

Мунглам бросил взгляд на Шаариллу, а потом — на Элрика. Он вытащил что-то из кошелька и вложил в руку девушки.

— Удачи тебе,— сказал он и бросился следом за Элриком.

Не останавливаясь, Элрик повернул голову, услышав приближение Мунглама, и, преодолевая отчаяние, сказал:

— В чем дело, друг Мунглам? Почему ты пошел за мной?

— Я уже довольно давно иду за тобой, господин Элрик, и не вижу причин останавливаться,— усмехнулся маленький человечек.— И потом, в отличие от тебя, я материалист. Нам ведь нужно будет есть, разве нет?

Элрик нахмурился, чувствуя, как потеплело у него на душе.

— Что ты имеешь в виду, Мунглам?

Мунглам усмехнулся.

— Я извлекаю пользу из любой ситуации,— ответил он и, вытащив свой кошелек, извлек что-то оттуда и протянул на раскрытой ладони Элрику.

Сверкая и переливаясь множеством цветов, у него на ладони лежал один из драгоценных камней, украшавших обложку Книги.

— У меня в кошельке есть еще,— сказал Мунглам.— И каждый стоит целое состояние.— Он взял Элрика под руку.— Идем, Элрик. Какие бы новые земли мы ни посетили, мы сможем обменять эти безделушки на вино и приятную компанию.

У них за спиной на склоне горы стояла Шаарилла; глазами, полными отчаяния, смотрела она им вслед, пока они не исчезли из виду. Драгоценный камень, врученный ей Мунгламом, выпал из ее пальцев и, ярко сверкая своими гранями, подпрыгнул несколько раз, а потом исчез в вересковых зарослях. Потом она повернулась, и черный зев пещеры поглотил ее.

Поющая цитадель

Е. Дж. посвящается

Глава первая

КОРАБЛЬ ПОД ЧЕРНЫМИ ПАРУСАМИ

Бирюзовое море было спокойно в золотистом цвете раннего вечера, и двое людей у леера стояли молча, вглядываясь в туманный северный горизонт. Один из них, высокий и худой, был закутан в тяжелый черный плащ. Капюшон его плаща был откинут назад, открывая длинные, молочного цвета волосы. Другой был рыжеволосым коротышкой.

— Она была красивой женщиной и любила тебя,— сказал наконец коротышка.— Почему ты вдруг оставил ее?

— Она была красивой женщиной,— ответил высокий,— но она бы заплатила за любовь ко мне высокую цену. Пусть уж лучше вернется в свои земли и останется там. Я уже убил одну женщину, которую любил, Мунглам. Не хочу убивать еще одну.

Мунглам пожал плечами.

— Я иногда спрашиваю себя, Элрик: а может, эта твоя мрачная судьба — плод твоего воображения, следствие больной совести?

— Возможно,— безучастно ответил Элрик.— Но мне не хочется проверять эту теорию. Давай больше не будем к этому возвращаться.

Море пенилось и бурлило под веслами, разрывающими его поверхность. Корабль быстро двигался в направлении порта Дхакос, столицы Джаркора, одного из самых сильных Молодых королевств. Менее чем за два года до этого король Джар-

кора Дхармит погиб во время злосчастного нападения на Имррир, и Элрик знал, что народ Джаркора в этой смерти винит его, Элрика, хотя все было совсем иначе. Его мало волновало, винят его или нет, потому что он по-прежнему презирал большую часть человечества.

— Через час будет темно, а ночью нет смысла плыть,— сказал Мунглам.— Пожалуй, я пойду спать.

Элрик хотел было ответить, но тут раздался отчаянный крик из «вороньего гнезда»:

— Парус слева!

Впередсмотрящий, похоже, уснул, потому что теперь надвигающийся на них корабль был виден даже с палубы. Элрик отошел в сторону — мимо них по палубе стремглав пронесся капитан, темнолицый таркешит.

— Что это за корабль, капитан? — крикнул Мунглам.

— Пан-тангская трирема, боевой корабль. Они идут на таран.— Капитан побежал дальше, командуя рулевому заложить руль вправо.

Элрик и Мунглам пересекли палубу, чтобы получше разглядеть тримему. Это был корабль под черным парусом, выкрашенный в черное с обильной позолотой. На каждое весло триремы приходилось по три гребца против двух на их корабле. Еще они увидели, как разрезает воду нос триремы, заканчивающийся огромным медным тараном. У триремы были треугольные паруса, и ветер ей сопутствовал.

Гребцы, обливаясь потом, в панике пытались выполнить команду рулевого. Весла нестройно поднимались и опускались, и Мунглам с подобием улыбки на губах повернулся к Элрику:

— Ничего у них не получится. Лучше тебе приготовить свой меч, мой друг.

Пан-Танг был островом чародеев, которые пытались соперничать с былой славой Мелнибонэ. Их флоты были из лучших в Молодых королевствах, и они пиратствовали повсюду. Теократом Пан-Танга, вождем ее жреческой аристократии был Джагрин Лерн, который, по слухам, заключил договор с силами Хаоса и собирался покорить весь мир.

Элрик считал пантангцев выскочками, которые никогда не смогут сравняться в славе с его предками, но даже он вынужден был признать, что эта трирема выглядит внушительно и таркешитская галера неминуемо станет ее легкой добычей.

Огромная трирема надвигалась на них с хорошей скоростью, и капитан и рулевой погрузились в молчание, поняв, что таранного удара им не избежать. Раздался звук трескающегося дерева — таран ударил по корме, и ниже ватерлинии у галеры образовалась пробоина.

Элрик стоял неподвижно, глядя, как с триремы на палубу галеры полетели абордажные крючья. Таркешиты без особого энтузиазма бросились на корму, готовясь дать бой пиратам. Они понимали, что не смогут противостоять хорошо обученной и вооруженной команде пантангцев.

Мунглам взволнованно крикнул:

— Элрик, мы должны им помочь!

Элрик неохотно кивнул. Ему было тошно при мысли, что нужно снова извлечь меч из ножен. В последнее время ему стало казаться, что сила меча возросла.

Одетые в алое воины прыгали на палубу галеры. Первая волна, вооруженная палашами и боевыми топорами, набросилась на таркешитских моряков и стала теснить их.

Элрик прикоснулся к рукояти Буревестника, и меч тут же издал свой прежний тревожный стон, словно предвкушая схватку, а по всей длине клинка прошла странная черная молния. Меч запульсировал в руке Элрика, как живое существо, и альбинос бросился на помощь таркешитским морякам.

Половина защитников уже была повержена, а остальные отступали. Элрик и Мунглам следом за ним выдвинулись вперед. Выражение на лицах воинов в алых доспехах изменилось — вместо мрачного торжества оно стало испуганным, когда огромный Черный Меч Элрика, разрубив доспехи одного из воинов, рассек его от плеча до нижнего ребра.

Они явно узнали Элрика и его меч, потому что о том и о другом ходили легенды. Хотя Мунглам и был искусным бойцом, на него они даже не обратили внимания, поняв, что могут остаться в живых, только обратив все свои силы против Элрика.

Меч выпивал души вражеских воинов, а Элрика обуяла жажда крови, свойственная его предкам. Альбинос и меч стали единым существом, но при этом меч подчинил Элрика себе. Воины падали направо и налево, они издавали крики не столько боли, сколько ужаса, понимая, *что* забирает у них меч. Четверо воинов набросились на Элрика, размахивая топорами. Он отсек голову одному, пронзил живот другому, отрубил руку третьему и вонзил острие в сердце последнего. Таркешиты приободрились, наступая следом за Элриком и Мунгламом, они очистили от нападавших палубу тонущей галеры.

Взвыв волком, Элрик ухватился за канат — часть такелажа черно-золотой триремы — и перепрыгнул на палубу вражеского корабля.

— За мной! — закричал Элрик.— Это наш единственный шанс. Галера обречена!

Кормовая и носовая палубы триремы были приподняты. На носу стоял капитан в великолепных ало-голубых одеяниях, его лицо при таком неожиданном повороте событий исказил ужас. Он рассчитывал без особых усилий завладеть неплохой добычей, а теперь, похоже, добычей становился он сам.

Элрик продвигался на нос триремы, а Буревестник пел свою заунывную песню, в которой торжество мешалось с восторгом. Оставшиеся воины больше не бросались на него — они сосредоточились на Мунгламе, возглавлявшем команду таркешитов. Путь Элрика к капитану был свободен.

Капитан, принадлежавший к теократии Пан-Танга, судя по всему, был крепким орешком. Элрик, приближаясь к капитану, увидел, что от доспехов противника исходит какое-то особое сияние — знак того, что они заколдованы.

Внешность у капитана была типично пан-тангская — коренастый, с густой бородой и злобными глазами над мощным крючковатым носом. Губы у него были красные и толстые, и их перекосило подобие улыбки, когда он, сжимая в одной руке меч, а в другой — боевой топор, приготовился встретить Элрика, взбегавшего по трапу наверх.

Элрик перехватил Буревестник двумя руками и сделал выпад, направляя меч в живот капитану, однако тот отошел в

сторону и отразил удар своим мечом, а другой рукой нанес удар, целясь топором в незащищенную голову Элрика. Альбиносу пришлось резко отклониться, он споткнулся и упал на палубу, и тут же сделал переворот, избегая удара меча, вонзившегося в палубу в том месте, где только что находилось его плечо. Буревестник словно бы сам отразил следующий удар топора, а потом резким движением отсек топорище от рукояти.

Капитан выругался и, отбросив бесполезную рукоять, обеими руками поднял свой палаш. И снова Буревестник опередил собственную реакцию Элрика — клинок направился прямо в сердце врага. На мгновение заговоренный доспех остановил меч, но тут Буревестник издал душераздирающий вопль, задрожал, словно набираясь сил, и снова попытался вонзиться в доспех. На этот раз магическая броня раскололась, как скорлупа ореха, и грудь капитана, руки которого оставались поднятыми в готовности нанести удар, оказалась незащищенной.

Глаза капитана расширились. Он отпрянул назад, забыв о своем палаше, не в силах оторвать взгляда от смертоносного рунного меча, который нанес ему удар ниже грудной кости. Лицо капитана исказила гримаса, он закричал и уронил свой палаш, ухватившись руками за клинок, который пил его душу.

— Чардрос, помилуй и спаси... Нет!..

Он умер, понимая, что и душа его не спасется от рунного меча в руках альбиноса с волчьим лицом.

Элрик вытащил Буревестник из мертвого тела, чувствуя прилив сил — меч передавал ему похищенную энергию. Элрик предпочитал не думать о том, что чем чаще он пользуется мечом, тем в большую зависимость от него попадает.

На триреме в живых остались только рабы-гребцы. Пиратский корабль сильно накренился, потому что все еще был связан с тонущей галерой вонзившимся в нее тараном и абордажными крючьями.

— Руби канаты и задний ход — быстро! — закричал Элрик.

Моряки, поняв, что происходит, кинулись выполнять команду. Гребцы дали задний ход, и таран вышел из пробоины — раздался стон ломающегося дерева. Канаты абордажных крючь-

ев были перерублены, и обреченная галера отчалила от триремы.

Элрик пересчитал оставшихся в живых. На ногах оставалась половина команды, а их капитан погиб в самом начале схватки. Элрик обратился к рабам:

— Если хотите получить свободу, гребите что есть сил на Дхакос.

Солнце уже заходило за горизонт, но Элрик, приняв командование кораблем, решил плыть и ночью, ориентируясь по звездам.

Мунглам недоуменно спросил:

— Зачем ты предлагаешь им свободу? Мы могли бы продать их в Дхакосе и таким образом получить вознаграждение за сегодняшние труды!

Элрик пожал плечами.

— Я предлагаю им свободу, потому что так решил, Мунглам.

Рыжеволосый отвернулся и отправился руководить очисткой палубы — мертвые тела нужно было сбросить за борт. Он решил, что никогда не сможет понять альбиноса. Ну что ж, подумал он, может, это и к лучшему.

Из-за произошедших событий приход Элрика в Дхакос не остался незамеченным, и надежда на то, что он проникнет в город неузнанным, растаяла.

Предоставив Мунгламу вести переговоры о продаже триремы и дележке денег между членами команды — о себе Мунглам тоже не забыл,— Элрик накинул на голову капюшон и, протиснувшись сквозь собравшуюся толпу, направился в знакомую ему гостиницу у западных ворот города.

Глава вторая

ПОСЛАНИЕ БЕЛОМУ ВОЛКУ

Тем же вечером, но позднее, когда Мунглам улегся спать, Элрик спустился в таверну внизу и расположился там за кубком вина. Даже самые завзятые ночные гуляки предпочли поискать другое место, когда увидели, кто оказался в таверне. Элрик сидел один в помещении, которое освещалось чадящим тростниковым факелом над входной дверью.

Внезапно дверь открылась, и в проеме появился богато одетый молодой человек. Он заглянул внутрь.

— Я ищу Белого Волка,— сказал вошедший, напряженно всматриваясь в фигуру мелнибонийца. Из-за темноты он плохо видел, с кем говорит.

— В этих краях меня иногда называют таким именем,— спокойно сказал Элрик.— Ты ищешь Элрика из Мелнибонэ?

— Да. У меня к нему послание.— Молодой человек вошел в помещение, кутаясь в плащ. В таверне было холодно, хотя Элрик и не замечал этого.

— Меня зовут граф Йолан, я заместитель командира городской стражи,— высокомерно сказал молодой человек, подходя к столу, за которым сидел Элрик, и откровенно разглядывая его.— Ты храбр, если не таясь являешься сюда. Неужели ты думаешь, у народа Джаркора такая короткая память и они могут забыть, что именно ты заманил их короля в ловушку не далее как два года назад?

Элрик отхлебнул вина и сказал, не отрывая кубка от губ:

— Это только слова, граф Йолан. В чем твое послание?

Уверенность оставила Йолана. Он слабо возразил:

— Может быть, для тебя это одни слова, но что касается меня, то я в этом не сомневаюсь. Разве король Дхармит не был бы здесь сегодня, если бы ты не бежал с поля боя — того боя, который подорвал мощь морских владык и твоего собственного народа? Разве ты не воспользовался колдовством, чтобы спастись самому, вместо того чтобы помочь людям, которые считали тебя своим товарищем?

Элрик вздохнул.

— Я знаю, ты пришел сюда не для того, чтобы куражиться передо мной. Дхармит погиб на борту своего флагманского корабля во время начала атаки на Имррир в лабиринте, а не в последовавшем затем сражении.

— Ты насмехаешься над моими вопросами, а потом предлагаешь в ответ неубедительную ложь, чтобы прикрыть соб-

ственный трусливый поступок,— горько ответил Йолан.— Моя бы воля, я прямо здесь угостил бы тебя твоим дьявольским мечом. Я знаю, как все было.

Элрик медленно поднялся.

— Твои колкости утомили меня. Когда ты созреешь, чтобы передать мне свое послание, оставь его у хозяина гостиницы.

Он обошел столик и направился к лестнице, но остановился, когда Йолан ухватил его за рукав.

Смертельно бледное лицо повернулось к графу. Алые глаза альбиноса опасно сверкнули.

— Я не привык к такой фамильярности, молодой человек.

Йолан убрал руку.

— Прости меня. Я забылся. Не следовало мне давать волю эмоциям. Я пришел по деликатному делу — принес послание королевы Йишаны. Она ищет твоей помощи.

— Я в такой же мере не склонен помогать другим, в какой не привык объяснять свои поступки,— нетерпеливо сказал Элрик.— В прошлом моя помощь не всегда приносила благо тем, кто за ней обращался. В этом убедился и Дхармит, единокровный брат твоей королевы.

Йолан с мрачным видом сказал:

— Ты повторяешь те самые слова, которыми я предостерегал королеву. И тем не менее она желает встретиться с тобой лично... сегодня.— Он нахмурился и отвел взгляд в сторону.— Должен сообщить, что я могу арестовать тебя, если ты откажешься.

— Попробуй.— Элрик снова двинулся к ступеням.— Скажи Йишане, что эту ночь я проведу здесь, а утром тронусь в путь. Она может посетить меня здесь, если ей так уж нужно.— Он стал подниматься по лестнице, оставив Йолана с открытым ртом в пустой таверне.

Телеб К'аарна нахмурился. Невзирая на всю свою искушенность в черной магии, в любви он был полным профаном, и Йишана, возлежавшая на своем меховом ложе, знала об этом. Ей доставляло удовольствие иметь в своей власти человека, который мог уничтожить ее одним-единственным заклинанием, если бы не его слабинка в вопросах любви. Хотя Телеб К'аарна занимал высокое положение в иерархии Пан-Танга, она прекрасно понимала, что для нее чародей не представляет никакой опасности. Напротив, интуиция говорила ей, что этот человек, который любит повелевать другими, сам жаждет повиноваться. И она не без удовольствия удовлетворяла эту его потребность.

Телеб К'аарна продолжал хмуриться, глядя на нее.

— Как же тебе поможет этот никчемный заклинатель, если этого не могу сделать я? — пробормотал он, присаживаясь на ложе и поглаживая ее украшенную драгоценностями ногу.

Йишана была уже немолодой женщиной и к тому же далеко не красавицей. Однако ее высокая, пухлая фигура, густые черные волосы и все ее чувственное лицо обладали какой-то гипнотической притягательностью. Не многие мужчины, которых она выбирала для своего услаждения, могли противиться ее чарам.

Среди ее качеств не было ни добродушия, ни справедливости, ни мудрости или самопожертвования. Историки не сопроводят ее имя никаким благородным эпитетом. И тем не менее в ней была такая самодостаточность, нечто, отрицающее обычные стандарты, по которым можно судить о человеке, что все знавшие королеву восхищались ею, и подданные любили ее, любили так, как любят капризного ребенка, но при этом искренне и преданно.

Теперь она тихонько подсмеивалась над своим любовником-чародеем.

— Возможно, ты прав, Телеб К'аарна, но Элрик — это легенда. Это человек, о котором мир больше всего говорит и которого меньше всего знает. Сейчас у меня есть шанс узнать то, о чем другие могут только судачить,— его истинный характер.

Телеб К'аарна сделал раздраженный жест. Он провел пятерней по своим длинным черным волосам, встал и подошел к столику, на котором стояли вино и фрукты. Он налил вина им обоим.

— Если ты хочешь снова заставить меня ревновать, то тебе это, конечно же, удалось. Я знаю, что твое честолюбие не зна-

ет границ. Предки Элрика наполовину были демонами — его народ не принадлежит к роду человеческому, и судить их по нашим меркам нельзя. Мы обучаемся колдовству годами напряженного труда и самоограничений, а для Элрика и ему подобных колдовство — составная часть их природы. Ты за всю жизнь не узнаешь его тайн. Симорил, его возлюбленная кузина, умерла от его меча, а она была его нареченной невестой!

— Меня трогает твоя забота.— Она лениво приняла кубок из его рук.— Но я все же продолжу осуществление моего плана. Ведь в конечном счете тебе так и не удалось выяснить природу этой цитадели!

— Есть некоторые тонкости, в которые я еще не проник

— Так может, интуиция Элрика поможет найти ответ там, где твоих сил не хватает? — Йишана улыбнулась. Потом встала и выглянула в окно. Над шпилями Дхакоса в чистом небе висела полная луна.— Йолан задерживается. Если бы все прошло так, как я задумала, то он уже должен был бы привести Элрика.

— Ты совершила ошибку, послав Йолана. Не нужно было посылать такого близкого друга Дхармита. Он вполне мог бросить Элрику вызов и убить его!

Она опять не смогла скрыть смеха.

— Ты выдаешь желаемое за действительное. Ревность затмила твой разум. Я послала Йолана потому, что знала — он будет груб с альбиносом, что, возможно, ослабит его обычное безразличие и возбудит любопытство. Йолан был послан как наживка, которая доставит нам Элрика.

— Так может, Элрик почувствовал это?

— Я не такой уж мудрец, моя любовь, но мне кажется, мое чутье редко меня подводит. Скоро мы это узнаем.

Немного позднее раздался осторожный стук в дверь, и появилась горничная.

— Моя королева, вернулся граф Йолан.

— Один? — На лице Телеба К'аарны появилась улыбка. Скоро она исчезла — когда Йишана вышла из комнаты и оделась, чтобы идти на улицу.

— Как ты глупа! — прорычал Телеб К'аарна в закрывшуюся за ней дверь и швырнул на пол кубок. Он уже потерпел неудачу в этом деле с цитаделью, а если Элрик вытеснит его, то он, Телеб К'аарна, может потерять все. Он погрузился в размышления — глубокие и мучительные.

Глава третья

СОЗРЕВАНИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

Хотя Элрик и говорил, что не испытывает мук совести, его страдающие глаза опровергали это утверждение. Он сидел у окна, пил крепкое вино и предавался мыслям о прошлом. Со дня ограбления Имррира он скитался по свету, ища хоть какой-нибудь смысл в своей жизни, что-то, что оправдывало бы его существование.

Ему не удалось найти ответа в Книге Мертвых Богов. Он не смог полюбить Шаариллу, бескрылую женщину из Миирна. Он не смог забыть Симорил, которая все еще являлась ему в ночных кошмарах. Были и воспоминания о других снах — о судьбе, думать о которой он не отваживался.

Он считал, что не ищет ничего, кроме покоя. Но ему было отказано даже в покое смерти. В таком настроении он и пребывал, пока его воспоминания не были прерваны тихим стуком в дверь.

Выражение его лица тут же стало жестким. Во взгляде малиновых глаз появилась настороженность, плечи распрямились, и теперь от него исходила ледяная уверенность. Он поставил кружку на стол и безразлично сказал:

— Кто там — входи!

В комнату вошла женщина, закутанная в темно-красный плащ. Узнать, кто это, в темноте было невозможно. Она закрыла за собой дверь и застыла, не говоря ни слова.

Когда же наконец она заговорила, голос ее звучал не очень уверенно, хотя в нем слышалась и ирония.

— Ты сидишь в темноте, господин Элрик, а я думала, что ты спишь.

— Сон, госпожа,— это то занятие, которое более всего досаждает мне. Но я могу зажечь светильник, если темнота не привлекает тебя.

Элрик подошел к столу и снял крышку с небольшого сосуда, в котором оказался древесный уголь. Он взял тонкий длинный трут и, опустив один его конец в сосуд, легонько подул. Скоро уголь засветился, пламя перекинулось на трут, и Элрик поднес его к тростниковому факелу, висевшему на стене над столом.

Факел загорелся, по маленькой комнате заплясали тени Женщина отбросила назад капюшон, и Элрик в свете факела увидел черные волосы, обрамлявшие ее лицо с резкими, бросающимися в глаза чертами. Она являла собой полный контраст со стройным, красивым альбиносом, который с высоты своего роста безразлично поглядывал на нее.

Она не была привычна к столь безразличным взглядам, и новизна ощущений пришлась ей по вкусу.

— Ты послал за мной, Элрик, и, как видишь, я пришла — Она шутливо поклонилась.

— Королева Йишана.— Он слегка поклонился в ответ.

Теперь, стоя против него, она ощущала его силу — силу, которая притягивала к себе даже еще действеннее, чем ее собственная. Но он пока ничем не дал ей понять, что его влечет к ней. Она подумала, что ситуация, которая, по ее расчетам, могла стать интересной, может, по иронии судьбы, разочаровать ее. Но даже это забавляло ее.

Элрика же против его воли заинтриговала эта женщина Его приглушенные эмоции словно почувствовали, что Йишана сумеет их обострить. Это возбудило и встревожило его одновременно.

Он немного расслабился и пожал плечами.

— Я слышал о тебе, королева Йишана, в землях, далеких от Джаркора. Присядь, если хочешь.— Он указал ей на скамью, сам же уселся на край кровати.

— Ты вежливее, чем об этом можно было судить по тому приглашению, что я получила от тебя.— Она улыбнулась и села, скрестив ноги и сложив перед собой руки.— Это означает, что ты выслушаешь предложение, с которым я пришла?

Элрик улыбнулся ей в ответ. Он редко когда так улыбался — мрачной улыбкой, но без обычной горечи.

— Пожалуй. Ты необычная женщина, королева Йишана. Я бы мог даже заподозрить, что в тебе течет мелнибонийская кровь, если бы не знал, кто ты на самом деле.

— Не все твои «выскочки» из Молодых королевств так просты, как ты об этом думаешь, мой господин.

— Возможно.

— Теперь, разговаривая с тобой лицом к лицу, я не могу поверить во всю твою темную легенду... правда, с другой стороны,— она наклонила голову и откровенно посмотрела на него,— легенда вроде бы говорит о менее утонченном человеке, чем я вижу перед собой.

— Таковы все легенды.

— Ах, какую силу мы могли бы представлять, объединившись, ты и я.. — полушепотом сказала она.

— Предположения такого рода раздражают меня, королева Йишана. С какой целью ты пришла ко мне?

— Прекрасно. Я ведь даже не надеялась, что ты выслушаешь меня.

— Я выслушаю... но ничего другого не жди.

— Что ж, слушай. Я думаю, даже ты по достоинству оценишь эту историю.

Элрик слушал, и Йишане уже стало казаться, что ее история увлекла его...

Несколькими месяцами ранее, рассказала Йишана Элрику, среди земледельцев из джаркорской провинции Гхарав пошли разговоры о каких-то таинственных всадниках, которые увозят из деревень молодых мужчин и женщин.

Подозревая, что это дело рук разбойников, Йишана послала туда отряд своих Белых Леопардов — лучших джаркорских воинов,— чтобы они положили конец бесчинствам в провинции.

Ни один из Белых Леопардов не вернулся. Был послан второй отряд — он не нашел никаких следов первого, но в долине неподалеку от города Токора наткнулся на странную цитадель. Описания этой цитадели были довольно путаными. Подозревая, что Белые Леопарды предприняли атаку на цитадель,

но потерпели поражение, командир второго отряда проявил осторожность. Он оставил нескольких человек наблюдать за цитаделью и докладывать обо всем, что там происходит, а сам сразу же вернулся в Дхакос. Об одном можно было сказать со всей определенностью — несколькими месяцами ранее цитадели в долине не было.

Йишана и Телеб К'аарна привели в долину крупный отряд. Оставленные наблюдатели исчезли, а Телеб К'аарна, увидев цитадель, тут же предупредил Йишану, что атаковать ее нельзя.

— Вид был изумительный, господин Элрик,— продолжала Йишана.— Цитадель излучала все цвета радуги, которые постоянно изменялись, преображались. Все сооружение имело какой-то нереальный вид. То оно приобретало резкие очертания, то вдруг его контуры становились смутными, словно готовясь исчезнуть. Телеб К'аарна сказал, что цитадель эта имеет колдовскую природу, и это утверждение не вызывало у нас сомнений. Это что-то из царства Хаоса, сказал он и, вероятно, был абсолютно прав.— Она встала и вытянула руки.— Мы в наших краях не привыкли к таким крупномасштабным проявлениям колдовства. А Телеб К'аарна с колдовством знаком достаточно хорошо — он родом из города Кричащих Статуй, что на Пан-Танге, где такие вещи встречаются часто,— но даже его это поразило.

— И вы отправились обратно,— нетерпеливо подсказал ей Элрик.

— Мы собирались. Мы с Телебом К'аарной даже уже повернули назад во главе нашей армии, но тут раздалась музыка... Это была прекрасная, чудная, неземная, мучительная музыка, и Телеб К'аарна закричал, чтобы я как можно скорее ехала прочь. Я же медлила — музыка привлекала меня, но он хлестнул по крупу моей лошади, и мы поскакали со скоростью полета дракона. Тем, кто был рядом с нами, тоже удалось бежать, но мы увидели, как остальные повернули и, влекомые музыкой, поехали к цитадели. Две сотни воинов вернулись к ней... и исчезли.

— И что же ты сделала? — спросил Элрик у Йишаны, которая пересекла комнату и села рядом с ним. Он подвинулся, чтобы освободить ей место.

— Телеб К'аарна попытался выяснить природу цитадели — ее назначение, кто ею управляет. Но пока его гадания не сообщили ему ничего нового: царство Хаоса послало эту цитадель в царство Земли и теперь постепенно расширяет сферу своего влияния. Все большее число молодых мужчин и женщин похищается слугами Хаоса.

— И кто же эти слуги?

Йишана пересела поближе к Элрику, и на этот раз он не отодвинулся.

— Никто из тех, кто пытался их остановить, не добился успеха... в живых остались лишь немногие.

— И чего же ты хочешь от меня?

— Помощи.— Она заглянула ему в глаза и прикоснулась к нему рукой.— Ты обладаешь знанием как Хаоса, так и Закона — старым знанием, инстинктивным знанием, если прав Телеб К'аарна. Да и богами твоими являются Владыки Хаоса.

— Именно так, Йишана, а поскольку наши боги-покровители принадлежат Хаосу, то не в моих интересах бороться с кем-нибудь из них.

И теперь он сам придвинулся к ней и улыбнулся, заглянув в ее глаза.

Внезапно она оказалась в его объятиях.

— Может быть, ты окажешься достаточно сильной,— загадочно сказал он, перед тем как их губы встретились.— А что касается остального, то мы можем поговорить об этом позднее.

В сочной зелени темного зеркала Телеб К'аарна частично видел то, что происходило в комнате Элрика, но единственное, что он мог сделать,— это сердито наморщить лоб в полном бессилии.

Он дергал себя за бороду, а вызвавшая его негодование сцена в десятый раз пропадала в глубине зеркала. Никакие его заклинания не могли ее вернуть. Он сидел на своем стуле из змеиных черепов и строил планы возмездия. Его возмездие должно созреть постепенно, ведь если Элрик окажется полезным в деле с цитаделью, то пока уничтожать его не имеет смысла...

Глава четвертая

В ПОЛЬЗУ ВЛАДЫК ХАОСА

На следующее утро три всадника отбыли в направлении города Токора. Элрик и Йишана ехали бок о бок, но третий всадник, Телеб К'аарна, держался чуть поодаль и хмурил лоб Если Элрика хоть сколько-то и смущала эта демонстрация со стороны человека, которого он вытеснил из сердца Йишаны, то он никак не показывал этого.

Элрик, который против своей воли нашел Йишану более чем привлекательной, согласился по меньшей мере осмотреть цитадель и высказать свое мнение о том, что она собой представляет и как с ней можно бороться Перед отъездом он обменялся несколькими словами с Мунгламом.

Они ехали по прекрасным зеленым джаркорским полям, позолоченным жарким солнцем До Токоры было два дня езды, и Элрик решил провести их с удовольствием.

Чувствуя себя очень неплохо, он скакал рядом с Йишанои, смеялся с неи, радуясь ее радостям Но в самой глубине его сердца — глубже, чем обычно,— с их приближением к таинственной цитадели зрела тревога. Он время от времени отмечал, что Телеб К'аарна смотрит с явным удовлетворением на то, на что должен бы смотреть с неудовольствием

Иногда Элрик кричал ему·

— Эй, старый чародей, неужели ты не чувствуешь, насколько красоты природы лучше, чем интриги двора? У тебя вытянулось лицо, Телеб К'аарна, дыши полной грудью и радуйся вместе с нами!

На что Телеб К'аарна хмурился и бормотал что-то себе под нос, а Йишана смеялась над ним и весело поглядывала на Элрика.

Так они добрались до Токоры и обнаружили, что на месте города осталось только пожарище, от которого исходило зловоние, как от огромной мусорной кучи.

Элрик втянул носом воздух.

— Это работа Хаоса. Ты был прав, Телеб К'аарна Какой бы пламень ни уничтожил этот город, это был не естественный

пожар. Тот, кто сделал это, обретает все большую силу. Как тебе известно, между Владыками Закона и Хаоса обычно существует равновесие, причем никто из них не вмешивается непосредственно в дела нашего мира. Очевидно, что сейчас этот баланс нарушен, как это иногда случается, в пользу Владык Беспорядка, что позволило им проникнуть в наше царство. Обычно земной чародей на короткое время может получить помощь от Хаоса или Закона, но очень редко какая-либо из сторон закрепляется на Земле так сильно, как наш друг из цитадели. Но еще тревожнее другое: после завоевания таких прочных позиций их можно усиливать, а потому Владыки Хаоса, постепенно наращивая силы, смогут со временем подчинить себе всю Землю.

— Ужасная возможность,— пробормотал чародей, которого такая перспектива и в самом деле напугала. Даже если он иногда и обращался за помощью к Хаосу, ни один человек не был заинтересован оказаться под властью Хаоса

Элрик снова запрыгнул в седло

— Давайте-ка поскорее в долину,— сказал он.

— Ты уверен, что это благоразумно, после того что мы здесь увидели? — В голосе Телеба К'аарны слышалась тревога

Элрик рассмеялся.

— Что? И это я слышу от чародея из Пан-Танга — острова, чьи маги заявляют, что знают колдовство не хуже моих предков, Сияющих императоров? Нет-нет! И потом, я сегодня не склонен к осторожности!

— Я тоже,— воскликнула Йишана, обхватив ногами бока своего жеребца.— Едем, господа. . к цитадели Хаоса

Ко второй половине дня они перевалили через горный хребет, окружавший долину, и их взорам предстала таинственная цитадель.

Йишана описала ее хоть и точно, но не идеально Элрик до боли в глазах вглядывался в это сооружение, и ему казалось, что оно простирается за пределы царства Земли в другой мир, а может быть, и в несколько миров сразу.

Цитадель сверкала и сияла всеми известными земными цветами. Но Элрик узнал среди них и несколько неземных, при-

надлежащих иным плоскостям. Даже общие очертания цитадели виделись смутно. И напротив, окружающая долина представляла собой море темного пепла, который иногда, казалось, начинал вихриться, волноваться, посылать вверх фонтанчики праха, словно основные элементы природы тревожились и приходили в движение в присутствии потусторонней твердыни.

— Итак? — Телеб К'аарна пытался успокоить своего занервничавшего коня, который пятился от цитадели.— Ты видел что-либо подобное в этом мире прежде?

Элрик отрицательно покачал головой.

— В этом мире — нет. Но такое я уже видел. Во время моего окончательного посвящения в мелнибонийские искусства мой отец взял меня с собой в астральной форме в царство Хаоса, где мой покровитель Ариох, Повелитель Семи Бездн, дал мне аудиенцию.

Телеба К'аарну пробрала дрожь.

— Так ты бывал в измерении Хаоса? Значит, это цитадель Ариоха?

Элрик презрительно рассмеялся.

— Это? Нет, это лачуга в сравнении с дворцами Владык Хаоса.

Йишана нетерпеливо вмешалась в разговор:

— Тогда кто же здесь обитает?

— Насколько мне помнится, когда я в юности проходил сквозь царство Хаоса, в цитадели обитал не один из Владык Хаоса, а скорее их слуга.— Элрик нахмурился.— Даже не слуга...

— Ты говоришь загадками.— Телеб К'аарна повернул коня и начал спускаться по склону в сторону от цитадели.— Знаю я вас, мелнибонийцев! Вы и голодая, предпочтете парадокс пище!

Элрик и Йишана последовали за ним на некотором расстоянии, потом Элрик остановился и указал назад.

— Тот, кто там обитает, довольно-таки парадоксальный тип. Он что-то вроде Шута при дворе Хаоса. Владыки Хаоса уважают его, может, даже немного побаиваются, хотя он всего лишь их ублажает. Он развлекает их космическими загад-

ками, шуточными представлениями, якобы объясняющими природу Космической Руки, которая поддерживает равновесие между Хаосом и Законом, он жонглирует понятиями, как погремушками, высмеивает то, что дорого Хаосу, воспринимает всерьез то, над чем они издеваются...— Элрик замолчал и пожал плечами.— Так мне, по крайней мере, рассказывали.

— И что же ему здесь надо?

— А что ему надо в любом другом месте? Я могу высказать предположение относительно мотивов Хаоса и, возможно, попаду в точку. Но даже Владыки Высших Миров не могут понять мотивов Шута Бало. Говорят, что ему единственному позволено перемещаться между царствами Хаоса и Закона, хотя я никогда прежде не слышал, чтобы он посещал и плоскость Земли. Не слышал я и о том, чтобы он производил разрушения, подобные тем, что мы видели. Для меня это загадка, и ему, несомненно, польстит, если он узнает об этом.

— Тогда есть только один способ узнать о цели его посещения,— с едва заметной улыбкой сказал Телеб К'аарна.— Если бы кое-кто вошел в цитадель...

— Брось, чародей,— насмешливо сказал Элрик.— Я не очень ценю свою жизнь, но есть вещи, дорогие для меня. Моя душа, например!

Телеб К'аарна продолжил спуск по склону, но Элрик не двинулся с места, и Йишана осталась с ним.

— Мне кажется, тебя это взволновало в большей степени, чем оно того заслуживает,— сказала она.

— Но происходящее и в самом деле тревожно. Из случившегося напрашивается вывод, что если мы обследуем цитадель, то будем вовлечены в спор между Бало и его хозяевами, а может быть, даже и с Владыками Закона. А это легко может привести к нашей гибели, поскольку задействованные силы гораздо опаснее и мощнее, чем все, с чем мы сталкиваемся на Земле.

— Но мы ведь не можем безучастно смотреть, как этот Бало превращает наши города в руины, забирает наших близких, угрожает сам в скором времени властвовать в Джаркоре!

Элрик вздохнул, но не ответил.

— Ты не знаешь такого колдовства, чтобы можно было отправить Бало назад в Хаос, откуда он и пришел, и заделать брешь, которую он проделал в нашем царстве? — спросила Йишана у Элрика.

— Даже мелнибонийцы не могут сравниться в силе с Владыками Высших Миров, а мои предки были чародеями посильнее, чем я. Лучшие мои союзники не служат ни Хаосу, ни Закону. Это элементали — Повелители Огня, Земли, Воздуха и Воды, существа, родственные животным и растениям. Они хорошие союзники в сражении против земных сил, но против таких врагов, как Бало, они практически бессильны. Хотя если подумать... По крайней мере, если я брошу вызов Бало, это не обязательно разгневает моих покровителей. Во всяком случае, я так полагаю...

Склоны гор, как и поля внизу, были покрыты сочной зеленой травой, и солнце с чистых, безоблачных небес взирало на бесконечный травяной простор, простирающийся до самого горизонта. Над ними кружилась крупная хищная птица. Телеб К'аарна, повернувшийся в седле и кричавший им что-то слабым голосом — слов они так или иначе не слышали,— являл собой жалкое зрелище.

Все это, казалось, расстроило Йишану. Ее плечи поникли, и она, не глядя на Элрика, начала понукать коня, направляясь к чародею из Пан-Танга. Элрик последовал за ней, осознавая собственные колебания, но не очень переживая по этому поводу. Что ему, если даже...

И тут раздалась музыка. Поначалу слабая, она постепенно стала наполняться каким-то влекущим мучительным благозвучием, пробуждавшим ностальгические воспоминания, предлагавшим покой и придававшим жизни четкую осмысленность. Если эту музыку производили какие-то инструменты, то они были созданы не на Земле. Эта музыка породила в нем желание повернуться и отправиться на поиски ее источника, но он воспротивился этому порыву. Йишане же было труднее противиться зову этой музыки. Она развернула коня, лицо ее засветилось, губы задрожали, в глазах появились слезы.

Элрик в своих скитаниях по неземным царствам уже слышал подобную музыку раньше — в ней звучали отголоски многих симфоний прежнего Мелнибонэ, и она не влекла его так, как манила Йишану. Он сразу же понял, что королеве грозит опасность.

Йишана пришпорила коня и поскакала к цитадели. Элрик успел ухватить ее уздечку, но Йишана ударила по его руке хлыстом, и Элрик, выругавшись от неожиданной боли, отпустил ее коня. Она галопом проскакала мимо в направлении горного кряжа и через мгновение исчезла за ним.

— Йишана! — в отчаянии крикнул он, но его голос перекрыла музыка. Он оглянулся, надеясь, что Телеб К'аарна поможет ему, но чародей, нахлестывая коня, быстро скакал прочь. Услышав звуки музыки, он тотчас принял правильное решение.

Элрик пустился следом за Йишаной, криком пытаясь остановить ее. Его конь достиг вершины кряжа, и он увидел, что Йишана, приникнув к шее своего жеребца и подстегивая его хлыстом, скачет в направлении сверкающей цитадели.

— Йишана! Ты погубишь себя!

Она уже добралась до внешней границы цитадели, и копыта ее коня, казалось, высекли цветовые волны из нарушенной Хаосом земли, окружающей это место. Хотя и понимая, что ему уже ее не остановить, Элрик продолжал гнать коня следом за ней — может быть, все-таки ему удастся догнать ее, прежде чем она войдет в саму цитадель.

Но, оказавшись в этом круговороте всех цветов радуги, он увидел, словно в волшебном кристалле, как десяток Йишан входит в цитадель через десяток ворот. Странным образом отраженный свет создавал эту иллюзию, и сказать, какая из этого десятка настоящая Йишана, было невозможно.

Когда Йишана исчезла из виду, музыка прекратилась, и Элрику показалось, что он слышит слабый шелест смеха. К этому времени его конь начал волноваться и почти совсем перестал слушаться хозяина, и Элрик понял, что больше доверяться коню нельзя. Он спешился — его ноги погрузились в лучащийся туман — и отпустил коня. Тот с испуганным ржанием поскакал прочь.

Рука Элрика легла на рукоять меча, но извлечь его из ножен он не спешил. Оказавшись вне ножен, меч начнет требо-

вать душ и не захочет возвращаться обратно, пока не получит своего. Но меч был его единственным оружием. Элрик убрал руку, и клинок сердито завибрировал у него на боку

«Не спеши, Буревестник. Внутри могут оказаться силы, с которыми не справиться даже тебе».

Он, почти не встречая сопротивления, начал продвигаться по световым водоворотам. Его частично ослепили эти вибрирующие вокруг него цвета, которые иногда сверкали темно-синим, серебристым и красным оттенками, а иногда — золотистым, светло-зеленым и янтарным. Еще он испытывал обескураживающее чувство, порожденное отсутствием каких-либо ориентиров — расстояние, глубина, ширина теряли здесь всякий смысл. Такое он испытывал только в астральной форме — странное чувство пребывания вне времени и пространства, свойственное только Высшим Мирам.

Он перемещался, словно вплавь, в том направлении, в котором, как ему казалось, исчезла Йишана, потому что он потерял из виду ворота и все их зеркальные отражения.

Он понял, что если не хочет плавать здесь, пока не умрет с голоду, то должен извлечь из ножен Буревестник, потому что рунный меч может сопротивляться воздействию Хаоса

На этот раз, взявшись за рукоять меча, он почувствовал, словно какой-то заряд жизненных сил ринулся в его тело Элрик извлек меч из ножен. По огромному мечу, испещренному странными древними рунами, пробежали черные молнии, они встречались с мерцающими цветами Хаоса и поглощали их

И тогда Элрик издал древний боевой клич своего народа и ринулся в цитадель, нанося удары по смутным образам, возникающим по обеим сторонам. Ворота были впереди, и теперь Элрик в этом не сомневался, потому что его меч сообщал ему, где он имеет дело с отражениями, а где — нет.

Вход, когда Элрик приблизился к нему, оказался открыт Он помедлил мгновение, его губы двигались — он пытался вспомнить заклинания, которые могут понадобиться ему позднее. Ариох, Владыка Хаоса, демон и бог-покровитель его предков, являл собой нерадивую и капризную силу — на него Элрик не мог полагаться, если только...

По коридору, начинающемуся от входа, неторопливыми грациозными прыжками надвигалось на Элрика золотистого цвета животное с горящими красными глазами. Хотя глаза и горели ярко, но по виду были слепы, а огромная собачья пасть животного была закрыта. Однако направление движения животного могло привести его только к Элрику, и, приблизившись к нему, оно внезапно разинуло пасть, обнажив кораллового цвета клыки. Животное остановилось, не производя ни звука, его слепые глаза застыли на альбиносе.

А потом оно прыгнуло.

Элрик сделал шаг назад, выставив меч. Животное повергло его на землю своей массой. Элрик почувствовал, как звериное тело накрыло его. Оно было холодным, очень холодным, и животное не предпринимало никаких попыток растерзать его, Элрика, оно просто лежало на нем, и холод все глубже проникал в тело альбиноса.

Элрика начало трясти от холода, и он попытался стряхнуть с себя ледяное тело. Буревестник стонал и приборматывал в его руке, а потом вонзился в туловище зверя, и тогда жуткая ледяная сила начала наполнять альбиноса. Напитавшись жизненной энергией зверя, Элрик попытался подняться Зверь продолжал прижимать его к земле, хотя теперь издавал тонкий, едва слышимый звук. Элрик понял, что даже небольшая рана, нанесенная Буревестником, доставляет зверю немалую боль.

Элрик отчаянным движением нанес новый удар. Снова зверь издал тонкий писк, и снова Элрик испытал прилив ледяной энергии и попытался подняться. На этот раз ему удалось скинуть с себя зверя, который отполз к входу. Элрик вскочил на ноги, высоко поднял Буревестник и со всей силой опустил его на череп золотистого животного. Череп треснул, как ледяная глыба.

Элрик побежал вперед по проходу, и в его уши сразу же хлынули крики и визги, которые многократно усиливались, отражаясь от стен. Возникало впечатление, будто голос, которого не было у холодного зверя снаружи, теперь заходился в смертельной агонии.

Пол коридора поднимался, и вскоре Элрик уже бежал по восходящему спиральному пандусу. Бросив взгляд вниз, Элрик ужаснулся — он смотрел в бесконечную бездну таинственных и опасных цветовых оттенков, которые плавали в воздухе и обладали такой притягательной силой, что Элрик был не в силах оторвать от них глаз. Он даже почувствовал, как его тело подалось к краю пандуса, собираясь нырнуть вниз, но он сильнее ухватился за рукоять меча и заставил себя продолжить восхождение.

Он взглянул вверх — там было то же, что и внизу. Только пандус обладал неким постоянством, и теперь он казался тонким срезом драгоценного камня, в котором Элрику была видна бездна и ее отражение.

Преобладали здесь зеленые, синие и желтые тона, но были видны и следы красного, черного и оранжевого, а также многих других цветов, не принадлежащих к земному спектру

Элрик знал, что находится в одной из областей Высших Миров, и догадался — скоро пандус приведет его к новым опасностям.

Опасности не заставили себя ждать, когда он добрался до конца пандуса и шагнул на мостик, изготовленный из такого же материала; этот мостик вел над вибрирующей бездной к арке, от которой исходил устойчивый голубоватый свет.

Элрик осторожно пересек мост и с такой же осторожностью вошел под арку. Здесь все было пронизано голубоватым светом, даже сам Элрик приобрел голубоватую окраску. Он пошел вперед, и по мере его продвижения свет становился все насыщеннее.

Буревестник тихо забормотал. Элрик, предупрежденный то ли мечом, то ли каким-то шестым чувством, резко повернулся направо. Там появилась еще одна арка, которая излучала красный свет — такой же насыщенный, как и синий. Там, где встречались эти два света, образовывалось пурпурное сияние фантастической красоты. Элрик смотрел на эту световую игру, испытывая такое же гипнотическое притяжение, какое он чувствовал, находясь на пандусе. Но опять его разум оказался сильнее, и он заставил себя войти под красную арку. И сразу

же слева от него появилась новая арка, излучавшая зеленый свет, который сливался с красным. Еще одна арка слева посылала желтые лучи. А следующая — еще дальше — излучала розовато-лиловый свет. Элрику стало казаться, что он оказался в ловушке из этих взаимно пересекающихся лучей. Он ударил по ним Буревестником, и черное сияние на мгновение уменьшило силу лучей, но лишь на мгновение. Элрик продолжил движение.

Теперь за смешением цветов возникла какая-то фигура, и Элрику показалось, что это фигура человека.

По форме это был человек, но не по размерам. Когда фигура приблизилась, она оказалась вовсе не гигантской — высотой она была ниже Элрика. Тем не менее она производила впечатление чего-то огромного, словно и в самом деле имела гигантские пропорции, а Элрик увеличился до нее в размерах.

Она тяжелой поступью прошла *сквозь* Элрика. Произошло это не потому, что фигура была воздушна,— напротив, это Элрик превратился в призрака. Казалось, что тело этого существа имеет огромную плотность. Существо повернулось, вытянуло вперед огромные руки, на его лице появилась насмешливая гримаса. Элрик нанес по нему удар Буревестником и удивился — рунный меч обрушился на существо, но оно словно и не заметило удара.

Но когда существо попыталось схватить Элрика, его руки нащупали только пустоту. Элрик сделал шаг назад и вздохнул с облегчением. Потом он с ужасом увидел, что свет проникает сквозь него. Он не ошибся — он и в самом деле превратился в призрака.

Существо снова потянулось к нему, снова схватило его, но опять в его руках оказалась лишь пустота.

Элрик, понимая, что эта тварь не представляет для него физической опасности, но чувствуя, что находится на грани непоправимого безумия, повернулся и побежал.

Внезапно он оказался в зале, стены которого были образованы теми же неустойчивыми, колеблющимися цветами, что и все остальное сооружение. Но в центре зала, держа в руке какие-то крохотные фигурки, которые, казалось, бегают по

его ладони, сидело небольшого роста существо — оно подняло взгляд на Элрика и весело ухмыльнулось.

— Добро пожаловать, Элрик из Мелнибонэ. Как поживает последний правитель моего любимого земного народа?

Сидящий был одет в светящийся шутовской костюм. На голове корона в виде шутовского колпака — пародия на короны, какие носят сильные мира сего. Лицо угловатое, рот широкий.

— Приветствую тебя, господин Бало.— Элрик шутливо поклонился.— Странное гостеприимство ты предлагаешь.

— Ах вот оно что, тебе, значит, не понравилось? Людям угодить гораздо труднее, чем богам, ты так не считаешь, а?

— Удовольствия людей редко бывают такими изощренными. Где королева Йишана?

— Позволь уж мне предаваться моим удовольствиям, смертный. Она здесь, я думаю.— Бало пощекотал пальцем одну из крохотных фигурок у себя на ладони.

Элрик подошел поближе — и в самом деле увидел Йишану и многих из пропавших воинов.

Бало посмотрел на Элрика и подмигнул ему:

— Их гораздо легче держать в руках, когда они такого размера.

— Несомненно, хотя я сомневаюсь — они такие маленькие или это мы такие большие.

— Ты проницателен, смертный. Может быть, ты знаешь и как это произошло?

— Этот твой зверь у входа, твои бездны, множество цветов, арки — все это каким-то образом искажает... но *что* искажает?

— Массу, принц Элрик. Но тебе эта теория не по уму. Даже повелители Мелнибонэ, самые богоподобные и умные из смертных, научились с помощью ритуалов, заклинаний и чар всего лишь управлять элементалями. Но они никогда не понимали, чем управляют,— вот в этом и заключается преимущество Владык Высших Миров, в чем бы ни состояли различия.

— Но я дожил до сего дня без потребности в чарах. Я дожил до сего дня, дисциплинируя разум!

— Конечно, это немало, но ты забываешь о главном преимуществе — об этом самом мече, причиняющем столько бес-

покойства. Ты пользуешься им для решения ничтожных проблем, но никак не можешь понять — это все равно что использовать огромную боевую галеру для ловли кильки. Этот меч имеет силу в любых мирах, король Элрик!

— Возможно. Меня это не интересует. Зачем ты здесь, господин Бало?

Бало хохотнул — смех у него был низкий, музыкальный.

— Ай-ай, я впал в немилость. Я поссорился со своими хозяевами, которым не понравилась моя шутка об их мелочности и эгоизме, об их судьбе и гордыне. Они считают дурным вкусом все, что говорит об их неминуемом забвении, король Элрик. Моя шутка показалась им свидетельством дурного вкуса. Я бежал из Высших Миров на Землю, где Владыки Закона и Хаоса появляются редко, если только кто-то не вызовет их. Тебе, как и любому мелнибонийцу, понравятся мои намерения. Я собираюсь утвердить на Земле собственное царство — царство Парадокса. Немного от Закона, немного от Хаоса — царство противоположностей, редких вещиц и шуток.

— Мне кажется, мы и без того живем в таком мире, о котором ты говоришь, господин Бало, и тебе незачем трудиться создавать его!

— Серьезная ирония, король Элрик, для такого высокомерного мелнибонийца.

— Может быть. Меня утомили ситуации, подобные этой. Ты отпустишь Йишану и меня?

— Но мы с тобой гиганты — я придал тебе статус и внешность бога. Мы с тобой можем стать партнерами в затеянном мной предприятии.

— К сожалению, господин Бало, мне не нравится твой юмор, и я не гожусь для такой высокой роли. К тому же,— Элрик внезапно ухмыльнулся,— мне кажется, что Владыки Высших Миров не забудут твоих амбиций, поскольку они входят в противоречие с их собственными намерениями.

Бало рассмеялся, но ничего не сказал.

Элрик тоже улыбнулся, но то была всего лишь попытка скрыть смятение.

— И что же ты будешь делать, если я откажусь?

— Да нет, Элрик, ты не откажешься! Мне в голову приходит множество милых шуточек, которые я мог бы сыграть с тобой...

— Неужели? А как же Черный Меч?

— Ах да...

— Бало, ты в своей радости и одержимости не все продумал. Тебе стоило бы попытаться уничтожить меня прежде, чем я пришел сюда.

Теперь глаза Элрика пылали; он поднял меч с криком:

— Ариох! Господин! Я зову тебя, Владыка Хаоса!

Бало вздрогнул.

— Прекрати это, король Элрик!

— Ариох, здесь есть душа, которой ты можешь завладеть.

— Тихо, я сказал!

— Ариох! Услышь меня! — Голос Элрика звучал все громче и неистовее.

Бало уронил крохотные игрушки и, торопливо поднявшись, бросился на Элрика.

— Твоих заклинаний не слышат,— рассмеялся он, протягивая руки к альбиносу.

Но Буревестник застонал и завибрировал в руке Элрика, и Бало отпрянул назад. На его лице появилось мрачное выражение.

— Ариох, Повелитель Семи Бездн, твой слуга зовет тебя!

Стены из пламени задрожали и начали исчезать. Глаза Бало расширились, зрачки забегали из одной стороны в другую.

— О, Владыка Ариох, приди и забери блудную душу Бало!

— Ты не смеешь! — Бало бросился через комнату к тому месту, где пламя исчезло полностью, открыв зияющий за ним мрак.

— Как это ни печально для тебя, маленький шут, но он смеет...— Голос был прекрасен, но звучал издевательски.

Из темноты появилась высокая фигура, уже не бесформенное бормочущее существо, каким в последнее время являлся Ариох в царство Земли. И в то же время необыкновенная красота вновь прибывшего, исполненная сострадания, разбавленного гордыней, жестокостью и печалью, говорила о том, что он не принадлежит к роду человеческому. На нем был камзол из пульсирующего красного материала, штаны в обтяжку, постоянно меняющие свой оттенок, длинный золотой меч на боку. Его глаза были большими и чуть раскосыми, длинные волосы — такими же золотыми, как меч, губы были полными, а подбородок, как и уши, заострен.

— Ариох! — Бало попятился, увидев Владыку Хаоса.

— Это была твоя ошибка, Бало,— сказал Элрик за спиной шута.— Разве ты не знал, что только короли Мелнибонэ могут вызывать Ариоха в измерение Земли? Такова испокон веков была их привилегия.

— И они ею сильно злоупотребляли,— сказал Ариох, насмешливо глядя на униженного Бало.— Однако эта твоя услуга компенсирует прежние злоупотребления. Мне вовсе не понравилась история с Туманным великаном...

Даже Элрик испытывал трепет, ощущая присутствие этой неимоверной силы во всем облике Владыки Хаоса. А еще он испытал облегчение, потому что вовсе не был уверен, что Ариох откликнется на его зов.

Ариох протянул к Бало руку и поднял шута за воротник — тот повис в воздухе, дергая руками и ногами, его лицо исказила гримаса ужаса.

Ариох ухватил Бало за голову и сдавил ее. Элрик с удивлением увидел, что голова стала сминаться. Ариох теперь принялся за ноги Бало — он мял и сгибал Бало своими гибкими нечеловеческими руками, пока тот не превратился в маленький твердый шарик. И тогда Ариох забросил этот шарик себе в рот и проглотил.

— Я его не съел, Элрик,— сказал он, улыбаясь едва заметной улыбкой.— Это всего лишь простейший способ перенести его назад в тот мир, откуда он сбежал. Он перешел грань дозволенного и должен быть наказан. А это,— он очертил рукой цитадель,— чистое недоразумение и противоречит планам Хаоса относительно Земли. Планам, включающим тебя. Планам, согласно которым ты, наш слуга, обретешь могущество.

Элрик поклонился хозяину.

— Для меня это большая честь, владыка Ариох, хотя я и не ищу никаких благосклонностей.

Серебряный голос Ариоха частично утратил красоту, а лицо его на мгновение омрачилось.

— Ты, как и твои предки, обязан служить Хаосу, Элрик. Ты будешь служить Хаосу. Подходит время, когда Закон и Хаос будут сражаться за измерение Земли, и Хаос победит. Земля будет включена в наше царство, а ты присоединишься к иерархии Хаоса, станешь, как и мы, бессмертным!

— Бессмертие мало для меня значит, мой повелитель.

— Ах, Элрик, неужели народ Мелнибонэ выродился до уровня тех полуобезьян, которые теперь покоряют землю своими смешными «цивилизациями»? Неужели ты ничем не лучше, чем эти выскочки из Молодых королевств? Подумай о том, что мы тебе предлагаем!

— Я подумаю, мой господин, когда придет время, о котором ты говоришь,— сказал Элрик, все еще не поднимая головы.

— И тебе воистину придется подумать.— Ариох воздел руки.— Ну а теперь я доставлю этого шута туда, где он и должен быть, и улажу смуту, которую он затеял, чтобы до наших противников раньше времени не дошли ненужные слухи.

Голос Ариоха нарастал, словно миллион медных колоколов, и Элрик, вложив свой меч в ножны, прижал ладони к ушам, чтобы смягчить боль.

Потом Элрику показалось, что его тело распадается на части, растет и растягивается, и наконец оно стало как дым, плывущий в воздухе. Затем этот дым стал довольно быстро собираться в более плотное образование и уменьшаться в размерах. Вокруг Элрик видел крутящиеся полосы цвета, вспышки и неописуемые шумы.

Потом наступила безмерная чернота, и Элрик закрыл глаза, чтобы не видеть образов, которые словно бы отражались в этой черноте.

Открыв глаза, Элрик увидел себя в долине. Поющая цитадель исчезла. Рядом с ним стояли только Йишана и несколько удивленных воинов. Йишана подбежала к нему.

— Элрик, это ты спас нас?

— Эта заслуга может быть приписана мне лишь частично,— сказал он.

— Здесь не все мои люди,— сказала она, разглядывая воинов.— Где остальные? И где жители деревень, похищенные ранее?

— Если вкусы Бало не отличаются от вкусов его хозяев, то боюсь, что теперь они имеют честь быть частицей полубога. Владыки Хаоса, конечно, не плотоядны — они принадлежат к Высшим Мирам. Но в людях есть кое-что, доставляющее им удовольствие...

Йишана вздрогнула, словно от холода.

— Он был громаден... Я не могла поверить, что цитадель может вместить такого гиганта.

— Эта цитадель была не просто жилищем. Она меняла свои размеры, форму и еще то, что я не в силах описать. Владыка Хаоса Ариох перенес и цитадель, и Бало туда, где им и надлежит находиться.

— Ариох? Но ведь это один из Великой Шестерки! Как он попал на Землю?

— Благодаря его старому договору с моими предками. Вызывая его, они позволяли ему проводить короткое время в нашем мире, а он расплачивался с ними своей благосклонностью.

— Идем, Элрик.— Она взяла его за руку.— Мне хочется поскорей покинуть эту долину.

Элрик потратил немало сил, вызывая Ариоха, к тому же он сильно ослабел от всего пережитого в цитадели. Он с трудом передвигал ноги, и вскоре Йишане пришлось поддерживать его. Они двигались медленно, ошеломленные воины следовали за ними в направлении ближайшей деревни, где можно было отдохнуть и получить лошадей, чтобы добраться до Дхакоса.

Глава пятая

ВОСПОМИНАНИЯ РЕПТИЛИИ

Они с трудом доплелись до развалин Токоры, когда внезапно Йишана указала на небо.

— Что это?

Нечто огромных размеров приближалось к ним, размахивая крыльями. Оно было похоже на бабочку, но с такими колоссальными крыльями, что они затмевали солнце.

— Может быть, это какое-то существо, оставленное здесь Бало?

— Вряд ли,— ответил он.— Это скорее какая-то тварь, созданная земным чародеем.

— Телеб К'аарна!

— Он превзошел самое себя,— сухо сказал Элрик.— Я и не думал, что у него такие способности.

— Это его месть нам, Элрик!

— Похоже Но я ослабел, Йишана, а Буревестнику нужны души, чтобы пополнить мои силы.— Он смерил оценивающим взглядом идущих следом воинов, которые, раскрыв рты, смотрели на приближающееся существо.

Теперь было видно, что у него человеческое тело, поросшее перьями, раскрашенными на манер павлиньих.

Существо спускалось, и его крылья со свистом рассекали воздух; крылья имели размах в пятьдесят футов, и рядом с ними семифутовое тело казалось телом карлика. Из головы летающего существа росли два завивающихся рога, а на концах пальцев были видны длинные когти.

— Мы обречены, Элрик! — воскликнула Йишана

Она увидела, что воины разбегаются, и кричала им вслед, призывая вернуться. Элрик стоял, пассивно опустив руки, зная, что ему не победить эту летающую тварь

— Лучше беги вместе с ними, Йишана,— пробормотал он — Я думаю, оно удовольствуется мной.

— Нет!

Он не услышал ее слов и шагнул навстречу существу, которое приземлилось и заскользило по земле в его направлении Он извлек из ножен молчащий Буревестник, которыи тяжелым грузом оттягивал его руку Он ощутил малый приток сил — далеко не достаточный.

Единственную надежду он возлагал на хороший удар, нацеленный в жизненно важные органы этой твари,— это позволило бы ему получить ее энергию.

Летучая тварь визгливо вскрикнула, и ее странная, безумная физиономия исказилась при его приближении. Элрик понял, что имеет дело не с настоящим обитателем потустороннего мира, а с человеком, ставшим жертвой колдовства Телеба К'аарна. А это означало, что оно, по меньшей мере, смертно и могло полагаться только на физическую силу. Будь Элрик не в таком жалком состоянии, справиться с этой тварью для него не составило бы труда, но теперь...

Крылья били по воздуху, когтистые пальцы нацелились на Элрика. Он взял Буревестник в обе руки и нацелился им в шею летучей твари. Крылья быстро сложились, чтобы защитить шею, и Буревестник увяз в странном студенистом веществе. Коготь вцепился в руку Элрика, разорвав ее до кости. Он закричал от боли и вырвал меч из хватких крыльев.

Альбинос постарался не потерять равновесия, готовясь к следующему удару, но монстр ухватил его раненую руку и начал подтаскивать его к себе, к своей опущенной голове, к торчащим из нее вьющимся рогам

Элрик сопротивлялся, ударяя по рукам злобной твари, а страх смерти придал ему новые силы.

Потом он услышал крик у себя за спиной и краем глаза увидел фигуру, бежавшую к нему с двумя мечами в руках. Эти мечи обрушились на когти летучей твари, и та с воплями боли обратилась против спасителя Элрика.

Оказалось, что это Мунглам. Элрик упал на спину, наблюдая, как его маленький рыжеволосый друг сражается с монстром. Однако он понимал, что без помощи Мунглам долго не продержится.

Элрик напрягал память в поисках подходящего заклинания — однако он был слишком слаб и даже если бы смог припомнить что-нибудь, то вызвать потустороннюю подмогу у него все равно не хватило бы сил.

И тут его осенило. Йишана! Она не настолько устала, как он. Но удастся ли ей сделать это?

Он повернулся. Воздух вокруг стонал под ударами крыльев. Мунгламу едва удавалось сдерживать напор монстра, два его меча яростно мелькали.

— Йишана! — хриплым голосом крикнул альбинос.

Она подошла к нему и положила свою руку на его руку.

— Мы могли бы убежать, Элрик... спрятаться от этой твари.

— Нет. Я должен помочь Мунгламу. Послушай меня... Ты понимаешь, что мы находимся в отчаянном положении? Помни об этом, повторяя за мной руну. Может быть, вместе у нас получится. Ведь в этих краях много ящериц, правда?

— Да, много.

— Тогда именно это ты и должна говорить... И запомни, что если у тебя не получится, то все мы погибнем от рук твоего слуги Телеба К'аарны.

В полумирах, где обитали повелители всех созданий, отличных от человека, зашевелилось, услышав свое имя, некое существо. Звали это существо Хааашаастаак, и было оно чешуйчатым и холодным, оно не обладало интеллектом, свойственным богам и человеку, а было наделено лишь восприятием, которое служило ему ничуть не хуже, если не лучше. В этом измерении оно было братом таким существам, как Миирклар, повелитель кошек, Руфдрак, владыка собак, Нуру-ах, повелитель скота, и многим, многим другим. Это был Хааашаастаак, повелитель ящериц. На самом деле он не воспринимал слова в их истинном смысле, он лишь слышал ритмы, которые о многом говорили ему, хотя он и не знал почему. Ритмы повторялись снова и снова, но казались слишком слабыми, чтобы он уделил им внимание. Он шевелился, зевал, но не предпринимал ничего...

Хааашаастаак, князь ящериц,
Твои сыны — отцы людей,
Хааашаастаак, рептилий принц,
Приди на помощь внуку!

Хааашаастаак Чешуйчатый,
Холоднокровных тварей царь. .*

* Перевод Р Адрианова

Сцена эта была странной: Элрик и Йишана в отчаянии снова и снова распевали руну, а Мунглам сражался, постепенно теряя силы.

Хааашаастаак вздрогнул, любопытство проснулось в нем. Ритмы если не становились сильнее, то звучали настойчивее. Он решил отправиться в это место, где обитали те, за кем он присматривал. Он знал, что если ответит на этот ритм, то должен будет подчиниться его источнику. Он, конечно, не осознавал, что такой образ действий был внедрен в него в далекие века, во времена творения Земли, когда Владыки Закона и Хаоса, которые были тогда обитателями одного царства и знали друг друга по именам, наблюдали за образованием всего и вся и закладывали в них логику поведения, подчиненную голосу Космического Равновесия, голосу, который с тех времен больше ни разу не зазвучал.

Хааашаастаак неторопливо перенес себя на Землю.

Элрик и Йишана еще продолжали распевать охрипшими голосами руну, когда неожиданно появился Хааашаастаак. Он напоминал огромную игуану, глаза у него были многоцветные, как многогранные бриллианты, чешуя — из золота, серебра и других драгоценных металлов. Вокруг него был виден неясный ореол, словно бы он прихватил с собой часть атмосферы, в которой пребывал.

Йишана изумленно открыла рот, а Элрик глубоко вздохнул. Ребенком он изучал языки всех существ, и теперь ему предстояло вспомнить язык повелителей ящериц Хааашаастаака.

Отчаянная ситуация обострила его память, и слова внезапно вспыхнули в его мозгу.

— Хааашаастаак,— закричал он, указывая на бабочкообразное существо,— мокик анкких!

Повелитель ящериц обратил глаза-бриллианты на крылатое существо и внезапно выстрелил в него огромным языком, который обхватил монстра. Монстр задрожал от страха, когда владыка ящериц начал подтаскивать его к своей громадной пасти, принялся колотить руками и ногами при виде этого разверстого отверстия. Хааашаастаак сделал несколько глотков, и

творение Телеба К'аарны исчезло в чреве ящерицы. Потом он неуверенно повернул голову и через несколько мгновений исчез.

Боль пульсировала в разодранной руке Элрика, к которому, облегченно улыбаясь, направлялся Мунглам.

— Я следовал за вами на некотором расстоянии, как ты и просил,— сказал он.— Ведь ты подозревал Телеба К'аарну в измене. Но потом я увидел Телеба К'аарну и незаметно пошел за ним в пещеру вон в тех горах.— Он сделал движение рукой.— Но когда покойный,— Мунглам нервно рассмеялся,— появился из той пещеры, я решил, что лучше будет последовать за ним, потому что мне подумалось, он отправится туда, где пребываете вы.

— Я рад, что ты оказался столь проницателен,— сказал Элрик.

— На самом деле это твоя заслуга,— ответил Мунглам — Потому что если бы ты не предвидел измены Телеба К'аарны, то я бы не оказался здесь в нужный момент.

Мунглам внезапно опустился на траву, упал на спину, усмехнулся и потерял сознание.

Элрик и сам был в полуобморочном состоянии.

— Думаю, что пока нам можно не опасаться происков твоего чародея, Йишана,— сказал он.— Отдохнем здесь и придем в себя. Может, к тому времени твои трусливые воины вернутся, и мы пошлем их в деревню за лошадьми.

Они вытянулись на траве, обняв друг друга, и уснули.

Элрик очень удивился, проснувшись в мягкой кровати Он открыл глаза и увидел Йишану и Мунглама — они улыбались, глядя на него.

— И давно я здесь?

— Больше двух дней. Когда прибыли лошади, ты не проснулся, а потому воины соорудили носилки и несли тебя до Дхакоса. Ты в моем дворце.

Элрик осторожно шевельнул онемевшей, забинтованной рукой.

— А мои вещи все еще в гостинице?

— Возможно, если их еще не украли. А что?

— У меня там в сумке травы, которые быстро залечат эту рану, а также придадут сил.

— Пойду посмотрю, там ли твои вещи,— сказал Мунглам и вышел из комнаты.

Йишана погладила молочного цвета волосы Элрика.

— Я должна за многое тебя поблагодарить, Волк,— сказала она.— Ты спас мое королевство, а может, и все Молодые королевства. В моих глазах ты искупил смерть моего брата.

— Благодарю тебя, госпожа,— насмешливо сказал Элрик.

— Ты всегда остаешься мелнибонийцем,— рассмеялась она.

— Всегда.

— Странная, однако, смесь. Сострадательность и жестокость, ирония и преданность по отношению к этому твоему маленькому другу, Мунгламу. Я очень хочу узнать тебя поближе, мой господин.

— Я не уверен, что у тебя будет такая возможность.

Она посмотрела на него внимательным взглядом.

— Почему?

— Твое определение моего характера было неполным, королева Йишана. Тебе следовало бы добавить: «безразличие к миру и вместе с этим мстительность». Я исполнен желания отомстить твоему жалкому чародеишке.

— Но он того не стоит — ты же сам об этом говорил.

— Я, как ты это заметила, мелнибониец! Моя высокомерная кровь взывает к мести — этот выскочка должен получить свое!

— Забудь о Телебе К'аарне. Я напущу на него своих Белых Леопардов. Даже его колдовство бессильно против таких дикарей.

— Забыть о нем? Ну уж нет!

— Элрик, Элрик, я дам тебе мое королевство, провозглашу тебя правителем Джаркора, если ты позволишь мне стать твоей супругой.

Здоровой рукой он погладил ее запястье.

— Твой взгляд на ситуацию нереалистичен, королева. Сделав так, ты вызовешь восстание в королевстве. Для твоего народа я по-прежнему предатель из Имррира.

— Уже нет. Теперь ты — спаситель Джаркора.

— Это почему? Они не знали о грозившей им опасности, а потому не будут испытывать ко мне благодарности. Так что лучше всего мне свести счеты с твоим волшебником и продолжить путь. Город уже, наверное, полнится слухами о том, что ты положила к себе в постель убийцу своего брата. Твоя популярность в народе, наверное, упала низко как никогда, госпожа.

— Мне это безразлично.

— Тебе это перестанет быть безразлично, когда знать поднимет народ против тебя и твои же люди распнут тебя голой на центральной площади города.

— Тебе знакомы наши обычаи.

— Мы, мелнибонийцы, народ просвещенный, моя королева.

— И сведущий во всех искусствах.

— Во всех.

И опять он почувствовал, как бешено заструилась по жилам его кровь, когда она поднялась и закрыла дверь на засов В этот момент ему не нужны были его травы, за которыми отправился Мунглам.

Когда он осторожно, стараясь не шуметь, вышел в ту ночь из комнаты, оказалось, что Мунглам терпеливо ждет его в коридоре. Мунглам, подмигнув, протянул ему сумку с травами. Но Элрик пребывал в мрачном настроении. Он вытащил пучки трав и выбрал те, что ему требовались.

Мунглум скривился, наблюдая, как Элрик жует и глотает эти травы. Вдвоем они украдкой вышли из дворца.

Вооруженный Буревестником, Элрик ехал на конс чуть позади Мунглама, который направлялся к горам за Дхакосом

— Насколько я знаю пан-тангских чародеев,— пробормотал Элрик,— Телеб К'аарна сейчас должен пребывать в большем изнеможении, чем был я. Если повезет, то мы найдем его спящим.

— На этот случай я буду ждать у входа в пещеру,— сказал Мунглам, которому уже приходилось быть свидетелем мсти-

тельности Элрика, и картина медленной смерти Телеба К'аарны вовсе не доставила бы ему удовольствия.

Они доскакали быстрым галопом до гор, и Мунглам показал Элрику вход в пещеру.

Спешившись, альбинос неслышной поступью вошел в пещеру, держа наготове меч.

Мунглам нервно ждал первых визгов Телеба К'аарны, но ничего такого не услышал. Он ждал — рассвет известил о своем наступлении первыми лучами солнца, и тогда из пещеры появился Элрик с перекошенным от гнева лицом.

Он со свирепым видом ухватил поводья коня и запрыгнул в седло.

— Ты удовлетворен? — осторожно спросил Мунглам.

— Удовлетворен? Нет! Этот пес исчез!

— Исчез?.. Но...

— Он оказался хитрее, чем я думал. Тут несколько пещер, и я искал его во всех. В самой дальней я обнаружил следы колдовских рун на стенах и на полу. Он перенес себя куда-то, и я не смог понять куда, хотя и расшифровал большинство рун! Может быть, он отправился в Пан-Танг.

— А это значит, что наши поиски оказались тщетными Давай вернемся в Дакхос и попользуемся еще немного гостеприимством Йишаны.

— Нет! Мы отправимся в Пан-Танг.

— Но, Элрик, собратья Телеба К'аарны по колдовскому искусству там весьма сильны. А теократ Джагрин Лерн не допускает в страну посторонних!

— Это не имеет значения. Я должен закончить дела с Телебом К'аарной.

— Но ведь ты не уверен, что он там.

— *Это не имеет значения!*

И Элрик, дав шпоры коню, поскакал, как безумный или спасающийся от страшной опасности,— а может быть, он и был безумен и действительно бежал от опасности, или то и другое одновременно.

Мунглам не последовал за ним сразу же, он некоторое время смотрел вслед своему другу. Обычно не склонный к раз-

мышлениям, он спрашивал себя, не повлияла ли Йишана на альбиноса сильнее, чем ему того хотелось бы. Он не думал, что стремление отомстить Телебу К'аарне является основной причиной нежелания Элрика вернуться в Дхакос.

Потом он пожал плечами и, вонзив шпоры в бока жеребца, поскакал следом за Элриком. Рассвет разгорался все ярче, а Мунглам спрашивал себя — продолжат ли они путь на Пан-Танг, когда Дхакос останется далеко позади.

Но в голове Элрика не было никаких мыслей, им руководили только эмоции — эмоции, которые он не хотел анализировать. Его белые волосы вились за ним, его смертельно бледное красивое лицо было напряжено, тонкие руки крепко держали поводья. И только странные малиновые глаза отражали страдания и внутренние противоречия, не дававшие ему покоя.

В Дхакосе в тот вечер другие глаза были полны страдания, но продолжалось это недолго. Йишана была прагматичной королевой.

Содержание

Элрик из Мелнибонэ 11

Крепость Жемчужины 159

Скиталец по морям судьбы 387

Грезящий город 547

Когда боги смеются 585

Поющая цитадель 625

Майкл

МУРКОК

M. Moorcock

ISBN 978-5-699-24776-9

ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА